

Абхазские народные сказки

АБХАЗСКИЕ народные сказки

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. Д. И. ГУЛИА**

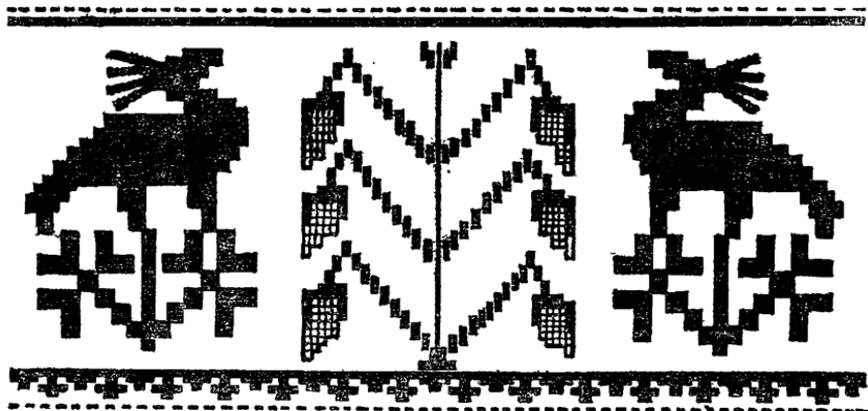
**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АБХАЗСКИЕ

народные сказки

Перевод с абхазского

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА 1975

С(Абх)

А17

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТинский,
С. Ю. НЕКЛЮДОВ (секретарь), Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),
Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, Б. Л. РИФТИН, С. А. ТОКАРЕВ, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Составитель и автор примечаний
К. С. ШАКРЫЛ

Предисловие
К. С. ШАКРЫЛА и Ш. Х. САЛАКАЯ

Авторы типологического анализа сюжетов
ИСИДОР ЛЕВИН и УКУ МАЗИНГ

Абхазские народные сказки. Пер. с абхазского. Составитель и автор примечаний К. С. Шакрыл. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

464 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Широкая публикация повествовательного фольклора абхазского народа. Сопровождается предисловием, примечаниями и типологическим анализом сюжетов.

Сборник рассчитан на взрослого читателя.

А $\frac{70303-35}{013(02)-75}$ 212-74

С(Абх)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Абхазы — один из древних народов мира. По происхождению абхазы тесно связаны с адыгами и убыхами и вместе с ними составляют абхазско-адыгскую группу коренных кавказских народов.

Единство происхождения абхазско-адыгских народов подтверждается как ближайшим родством их языков, так и множеством общих элементов в материальной и духовной культуре.

В современную абхазско-адыгскую группу входят абхазы, абазины, адыгейцы, кабардинцы, черкесы и ныне исчезнувшие на Кавказе убыхи.

Основная часть абхазов населяет сейчас Очамчирский и Гудаутский районы Абхазии, а также города — Сухуми, Гудаута, Очамчире, Ткварчели, Гагра.

Абхазский язык принадлежит к коренным кавказским языкам и входит в северо-западную (абхазско-адыгскую) группу кавказской языковой семьи. В настоящее время абхазский язык представлен в Абхазии двумя диалектами: бзыбским (Гудаутский район) и абжуйским (Очамчирский район).

До второй половины XIX в. абхазы не имели своей письменности. Ряд памятников материальной культуры Абхазии свидетельствует о том, что абхазы с древнейших времен пользовались письменностью других народов — греческой, римской, грузинской, арабской и т. д.

Собственную письменность абхазы получили с присоединением к России. Абхазский алфавит был разработан на основе русской графики русским кавказоведом П. Усларом в 1862 г.

* * *

Роль устного творчества в духовной жизни абхазского народа неизмеримо велика. Лишенный письменной культуры до недавнего прошлого, абхазский народ имел возможность проявить свои творческие способ-

ности лишь только в сфере фольклора. Правда, не все жанры фольклора получили здесь одинаковое развитие. Почти все исследователи, как до-революционные, так и советские, единодушно отмечают, что у абхазов наибольшей популярностью пользуются героические сюжеты. Эта особенность устного творчества абхазов легко объясняется историей самого народа, который в течение многих веков вел непримиримую борьбу со всякого рода иноземными поработителями и внутренними классовыми врагами. Героика борьбы, естественно, выдвинула на передний план героическую тематику, которой пронизаны не только жанры собственно героической поэзии, но в известной степени и все другие жанры устного творчества, включая сказку.

Сказка у абхазов, как и у других кавказских горцев,— любимый и популярный жанр народного творчества. В фольклоре абхазов довольно богато представлены все основные жанровые разновидности сказки.

Ядро повествовательного репертуара абхазов составляют волшебные сказки. В количественном отношении за ними следуют бытовые сказки. На последнем месте оказываются сказки о животных.

Волшебные сказки у абхазов, как и у других народов, обнаруживают ряд стилистических особенностей, резко отличающих их от других разновидностей сказочного жанра: и троекратность действия, и общие места, и традиционные зачины, концовки и т. д., которые очень ярко проявляются в условиях исполнения сказок, но, к сожалению, не всегда находят отражение в записях и публикациях. И это не потому, что собиратели и издатели были невнимательны к форме повествования, а чаще всего потому, что сами сказители в неестественных для них условиях, когда они видят перед собой не обычную аудиторию зачарованных слушателей, а собирателя с карандашом в руках, торопливо переносящего на бумагу каждое их слово, начинают волноваться, торопиться, сбиваться, заботясь уже не столько о красочном оформлении, сколько о передаче в сжатом виде сюжета сказки. Тем не менее многие записи все-таки не могут не восхищать нас богатством художественного оформления сюжета.

Наиболее типичная присказка, с которой обычно начиналось сказывание сказок в естественных условиях, представляет собой каламбурный стишок, который в подстрочном переводе звучит так:

Сказка, сказка,
Сказочная невеста,
Подброшенный стул,
Двенадцать раз подброшенный.
Сидя на одном коне,
Ведя под уздцы другого коня,
Я выскочил из ушка зайца.

Сказочные зачины у абхазов всегда лаконичны и конкретны: «Сказка, сказка, как я шел... Жил один старик со старухой», или просто: «Жили старик со старухой, у них был один-единственный сын», или: «Жил один крестьянин, у него было три сына» и т. д.

Сказочные же концовки могут быть и краткими, и более развернутыми. К кратким относятся такие, как: «И зажили они счастливо, богато», «И когда царь скончался, его (героя) назначили царем», «И так все богатство великанов досталось ему (герою)» и т. д. Развернутые же концовки обычно дают описание пира, где присутствует сам сказывающий сказку и откуда он с приключениями возвращается к себе домой.

Помимо зачинов и концовок в самой повествовательной части встречается немало традиционных словесных формул, которые неоднократно могут повторяться в одной и той же сказке, а также свободно кочевать из сказки в сказку.

Несколько особняком стоят авантюрно-приключенческие сказки о ловких ворах (сказки типа «Ашхамадж и Агамадж»).

* * *

История собирания, публикации и изучения абхазского устного творчества, в том числе и сказочного, начинается со второй половины XIX в. Чаще всего абхазские фольклорные материалы печатались в таких периодических изданиях, как «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), «Сборник сведений о кавказских горцах», «Записки Кавказского отделения Русского географического общества», «Сборник Акакия Церетели», газеты «Кавказ», «Иверия», «Апсны» и др., которые выходили на русском, грузинском и абхазском языках. Но ни один специальный сборник абхазских сказок (если не говорить о трех сказках в записи И. Гулиа, изданных отдельной брошюрой как извлечение из СМОМПК в Тифлисе в 1909 г. под названием «Абхазские сказки») до установления Советской власти в Абхазии (1921 г.) не был издан. Наиболее значительное явление в дореволюционной истории собирания фольклора — коллекция абхазских фольклорных материалов, собранных в 1910-х годах среди бзыбских и абжуйских абхазов под непосредственным руководством Н. Я. Марра. Коллекция, в которую входит около 150 сказок, а также образцы других жанров фольклора, долгое время считалась утерянной. Однако сравнительно недавно она была обнаружена в Ленинградском отделении Архива АН СССР, в фондах Н. Я. Марра старшим научным сотрудником Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГрузССР, кандидатом филологических наук С. Л. Зухба и издана в Сухуми в

1967 г.¹ В Марровской коллекции представлены образцы всех разновидностей сказки. Тексты были записаны, а впоследствии и опубликованы с соблюдением диалектных и индивидуальных стилистических особенностей языка сказителей.

Планомерная и систематическая работа по собиранию и изданию фольклорных материалов в Абхазии началась лишь в советские годы. В 20—30-е годы, и прежде всего после основания Абхазского научного общества (АБНО) (1925 г.), на базе которого был создан впоследствии Абхазский научно-исследовательский институт (1931 г.), неоднократно снаряжались специальные экспедиции в разные районы Абхазии для сбора произведений устного творчества. Работа эта приняла особенно широкий размах после обращения А. М. Горького к молодым писателям Абхазии, где он давал такой наказ: «Очень советую... займитесь изучением устной народной поэзии, собирайте и записывайте абхазские песни, сказки, легенды, описывайте древние обряды... И это может много дать не только Вам персонально, а и ознакомить многих людей с прошлым Абхазии»².

В результате интенсивной работы в архиве Абхазского института еще в довоенные годы накопился довольно богатый фольклорный материал, частично опубликованный в те же годы. Среди публикаций было и несколько сборников сказок³.

Собирательская и издательская работа в области фольклора была продолжена и в послевоенные годы, особенно с середины 50-х годов. В Сухуми, Тбилиси и Москве был издан ряд сборников, составленных Х. С. Бгажба, К. С. Шакрылом, С. Л. Зухба, М. Я. Чиковани и др.⁴

С 1930-х годов началось и научное исследование абхазских сказок. В предвоенные годы появилось несколько интересных статей, посвященных абхазской сказке. Прежде всего здесь следует назвать статью

¹ Материалы по абхазскому фольклору (из архива акад. Н. Я. Марра). Подготовка текста, предисловие и примечания С. Л. Зухба, Сухуми, 1967 (на абх. яз.).

² А. М. Горький, Собрание сочинений, т. 30, М., 1955, стр. 312—313.

³ Абхазские сказки. Составили В. Кукба и А. Хашба, Сухум, 1935 (этот же сборник вышел в 1936 г. на абхазском языке); К. Я. Ковач, Два Маджа, Сухум, 1935; Абхазские народные сказки. Перевод и обработка Н. Сапежко, Сухуми, 1939; Абхазские сказки, т. I. Составили К. С. Шакрыл и Х. С. Бгажба, Сухуми, 1940 (на абх. яз.).

⁴ Абхазские сказки. Составил и обработал Х. С. Бгажба, Тбилиси, 1956 (на груз. яз.); Сын Олена. Абхазские сказки. Составил и обработал Х. С. Бгажба, М., 1957; Абхазские сказки. Составил и обработал Х. С. Бгажба, Сухуми, 1959 (2-е изд., Сухуми, 1965); Абхазские сказки, т. II. Составил К. С. Шакрыл, Сухуми, 1968 (на абх. яз.); Абхазские сказки. Составил, предисловием и комментариями снабдил проф. М. Я. Чиковани, Тбилиси, 1969; и др.

проф. Н. П. Андреева «Абхазские сказки», предпосланную сборнику «Абхазские сказки» К. С. Шакрыла и Х. С. Бгажба. Представляют определенный интерес и статьи В. И. Кукба⁵, З. М. Мориной⁶ и др. Однако вплоть до самого последнего времени не было специальных обобщающих работ в области абхазского сказковедения. И этот пробел был восполнен работой С. Л. Зухба «Абхазская народная сказка»⁷. В исследовании освещаются история собирания и изучения данного жанра абхазского фольклора, поэтика и формы бытования сказки на современном этапе, прослежено взаимоотношение сказки с другими жанрами абхазского фольклора и т. д.

* * *

Предлагаемый читателю сборник абхазских сказок состоит из материалов, вошедших в сб. «Абхазские сказки», т. I, сост. К. С. Шакрыл и Х. С. Бгажба, Сухуми, 1940; т. II, сост. К. С. Шакрыл, Сухуми, 1968 (на абх. яз.). Оба эти тома были составлены и переведены на русский язык сотрудниками Абхазского института языка, литературы и истории еще в довоенные годы. Настоящий сборник является наиболее полной публикацией абхазского сказочного материала на русском языке.

К. С. Шакрыл
Ш. Х. Салакая

⁵ В. И. Кукба, Сказка как социальный фактор. Предисл. к сб. «Абхазские сказки», Сухуми, 1935.

⁶ З. Морина, Некоторые стилистические приемы и другие художественные особенности абхазских сказок,— «Труды АбНИИ, вып. XVI», Сухуми, 1939.

⁷ С. Л. Зухба, Абхазская народная сказка, Тбилиси, 1970.

Абхазские народные сказки

1. Козленок, ягненок и теленок

Однажды, когда пастух выгнал свое стадо на поле, от него отбились козленок, ягненок и теленок. К вечеру они собрались в одном месте, а неподалеку, оказывается, сидели медведь, волк и лиса.

Когда совсем стемнело, они послали к козленку, ягненку и теленку за мясом на ужин лису.

Она пришла и сказала:

— Меня прислали медведь и волк. Они голодны, требуют мяса!

Тогда козленок встал и ответил лисе так:

— Мы тоже голодны. Перед вечером я пошел искать для своих товарищей лучшего места. До моего прихода они разорвали и съели не то волка, не то лису. Я пришел и успел захватить только одну ножку, но этого и мне не хватило, и товарищи не наелись. Клянусь тобой, лиса, у нас не осталось ни кусочка мяса!

Когда козленок стал говорить, что тут были съедены не то лиса, не то волк, лиса начала потихоньку пятиться — она боялась, чтобы ее не поймали, — а когда он закончил, лиса была уже далеко: убежала в чащу, так и не показалась своим товарищам!

Медведь и волк ждали, ждали лису, но не дождались. Тогда пошел волк. Пришел к козленку, ягненку и теленку и говорит:

— Вы что, считаете себя большими людьми? К вам за мясом на ужин мы присылали лису. Почему вы сразу его не отдали?

Козленок встал и ответил:

— Мы тоже голодны. Вечером, когда я пошел искать лучшего места для своих товарищей, они в мое отсутствие разорвали и съели не то медведя, не то волка. Я пришел и успел захватить только одну ножку, но этого и мне не хватило, и то-

варищи не наелись. Клянусь тобой, волк, у нас не осталось ни кусочка мяса!

Услышал волк, что тут был кто-то съеден, и стал потихоньку пятиться. Когда же козленок кончил говорить, волк прыгнул в лес и убежал в чащу — так и не показался медведю!

Медведь ждал, ждал своих товарищей, но не дождался. Тогда он встал и сам пошел к козленку, ягненку и теленку. Пришел к ним медведь и говорит:

— Вы что, считаете себя большими людьми? Сегодня я к вам посылал за мясом на ужин. Почему вы мне его не послали?

Козленок встал и ответил:

— Мы тоже голодны. Вечером я пошел искать лучшего места для своих товарищей. В мое отсутствие они разорвали и съели не то волка, не то медведя. Когда я вернулся, то успел съесть только одну ножку. Но этого и мне не хватило, да и мои товарищи остались голодные. Клянусь тобой, медведь, у нас нет ни кусочка мяса!

Когда козленок стал говорить, что тут был съеден не то медведь, не то волк, медведь начал потихоньку пятиться — он боялся, чтобы его не поймали, — прыгнул в лес и убежал в чащу.

— Звери могут встретиться, — сказал козленок своим товарищам. — Они догадуются, что мы их обманули, придут сюда и съедят нас. Давайте уйдем в другое место.

Козленок, ягненок и теленок отправились в путь. По дороге они увидели кривое дерево и решили на него взобраться. Козленок и ягненок быстро залезли и втащили теленка, но он с трудом держался на дереве.

Тем временем медведь, волк и лиса встретились в чаще. Они догадались, что их обманули, втроем вернулись к тому месту, где сидели козленок, ягненок и теленок, но их уже не застали. Тогда звери пошли по следам и дошли до кривого дерева. В это время теленок, который не мог держаться на дереве, стал падать. Козленок увидел это и закричал:

— А ну, поймай самого большого, я справлюсь с меньшим, а последнего разорвет ягненок! — И с этими словами козленок стал спускаться вниз. Увидели это медведь, волк и лиса и решили, что перед ними — какие-то чудовища. Они повернулись и убежали в лес.

Козленок, ягненок и теленок остались под деревом. На следующий день их нашел пастух и привел домой.

Так умный козленок спас своих товарищей.

2. Куамачама *

Жили-были старик со старухой. Детей у них не было. Однажды старуха зарезала курицу. Куриный желудок она прятала на чердаке для дорогих гостей, а курицу они съели сами.

Спустя некоторое время заехал желанный гость. Старуха поднялась на чердак, чтобы взять куриный желудок. Но тут случилось несчастье: желудок мигом проглотил старушку.

Долго сидели старик и гость, терпеливо ожидая возвращения хозяйки. Вот старик поднялся на чердак, чтобы узнать, что случилось. Но и он не вернулся — желудок проглотил и его.

Не дождавшись хозяев, гость сам поднялся на чердак. И его также проглотил ненасытный желудок. Теперь он раздулся, грохнулся на пол и покатился из дому. По дороге встретился ему какой-то человек.

— Старика и старуху куамачама, гостя куамачама, тебя тоже куамачама! — сказал желудок, проглотил встречного и покатился дальше.

Навстречу шли двое прохожих. Желудок подкатился к ним и говорит:

— Старика и старуху куамачама, гостя куамачама, встречного куамачама и вас обоих куамачама!

Одним духом проглотил и этих двоих.

Покатился дальше разбухший желудок. Навстречу ему шагают три человека. Желудок приблизился к ним и заговорил:

— Старика и старуху куамачама, гостя куамачама, одного встречного куамачама, двух встречных куамачама и вас троих куамачама!

И их проглотил ненасытный.

Опять катится он по дороге и видит — навстречу идут десять молодцев. Подкатился он к ним и завел обычный разговор:

— Старика и старуху куамачама, гостя куамачама, одного встречного куамачама, двух встречных куамачама, трех встречных куамачама и десять встречных молодцев куамачама!

Без труда проглотил куриный желудок и этих.

Катится дальше, и встречаются ему двадцать всадников. Подкатился к ним желудок и проглотил их так же, как прежних встречных.

Раздулся жадный желудок, точно огромный бычий пузырь. Только и думает о новой встрече. Вот подкатил он к ограде большого поля, где мотыжили землю пятьдесят работников.

И тут желудок завел свою песенку:

— Старика и старуху куамачама, гостя куамачама, одного встречного куамачама, двух встречающих куамачама, трех встречающих куамачама, десять молодых куамачама, двадцать всадников куамачама и вас куамачама!

С разгону перепрыгнул он ограду и подкатил к работающим.

Но те не оробели, подняли мотыги и бросились колотить его. Не выдержал куриный желудок дружного натиска работников, лопнул, и выскочили на свободу все его жертвы.

Чтобы отблагодарить избавителей, каждый из спасенных схватил по мотыге и стал усердно работать. Быстро закончили работу, и все отправились по домам.

И старик со старухой, охая и удивляясь, тоже вернулись домой.

3. Химкураса и лиса

Жили старик со старухой. Детей у них не было. Днем и ночью они просили бога дать им ребенка.

И вот однажды, когда старика не было дома, старуха родила сына. Она сидела и радовалась.

Вскоре вернулся старик. Когда старик вошел во двор, старуха пустила ребенка, чтобы он встретил отца. Мальчик подбежал к отцу, схватился руками за его полы и стал звать:

— Отец! Отец!

Старик от удивления с места не мог сойти — стоял, смотрел и думал: «Меня некому звать отцом!» Потом он поднял мальчика и спросил жену:

— Чей это ребенок?

Старуха ответила:

— После твоего ухода я вдруг занемогла, и у меня родился вот этот мальчик.

Обрадовался старик, стал обнимать и целовать ребенка и ходить с ним по двору. Старик дал ему имя Химкураса.

Ребенка хорошо воспитали, но, когда он немного подрос, старик умер. Соседей у них не было, и старуха сама похоронила мужа.

Вскоре умерла и старуха.

Остался Химкураса один в старой пацхе без пищи и одежды. Некому было смотреть за ним, а пацха вот-вот развалится.

Как-то раз, когда Химкураса сидел дома и плакал, к порогу пацци прибежала лиса. Завидел ее Химкураса, испугался и пошел на чердак, но лисица вошла в пацху и крикнула мальчику:

— Не бойся меня, Химкураса! Я пришла помочь тебе, воспитать тебя, как воспитала меня твоя мать, да будет покой ее душе! Я тоже в детстве осталась без матери. Меня выкормила курами твоя матушка, как она кормила и тебя. Ежегодно она разводила много кур и каждый день давала мне по одной, а когда ее не было дома, я могла брать сама. Вот так я дожила, как видишь, до этого дня, теперь же я буду воспитывать тебя.

Тогда мальчик слез с чердака.

Лиса быстро развела огонь, сходила с мальчиком по воду, повесила над огнем котелок, а потом куда-то ушла.

Вскоре лиса вернулась. Она притащила огромного барана, сняла с него шкуру, завернула в нее Химкурасу, а мясо сварила и накормила мальчика. Потом лиса сказала:

— Сиди дома, ешь мясо и жди, пока я вернусь. Твоя пацха старая, вот-вот завалится, я пойду поищу тебе дом,— и отправилась искать дом.

Шла, шла лисица и вдруг наткнулась на семерых адауы. Они косили сено. Когда лиса потихоньку подошла к адауы, они завывали:

— Фу-фу-фу, слышен лисий дух! — и обернулись, чтобы посмотреть, где лиса. А она уже стояла около них и говорила:

— Тссс! Молчите, а то вас убьют!

— Что случилось?!

— Вас окружает войско! Прячьтесь скорее, а то погибнете! — сказала им лисица и сама спряталась.

Адауы так испугались, что даже бежать не смогли. Они бросили работу и стали метаться из стороны в сторону, раздумывая, куда бы спрятаться. Тогда лисица посоветовала:

— Спрячьтесь в стог сена!

Адауы так и сделали. Но только они забрались в стог, как лиса подбежала, подожгла сено, и все семеро адауы сгорели.

А лиса побежала за Химкурасой, привела в тот двор, где жили адауы, ввела в дом, сняла с мальчика баранью шкуру, одела в лучшие одежды адауы, а шкуру заперла в какой-то комнате.

Много добра имели адауы, много золота и серебра было у них, но беда в том, что поблизости никто не жил.

И вот однажды лиса пустилась в далекий путь: она хотела найти какого-нибудь князя и попросить у него немного людей

для Химкурасы. Но, оказывается, в том селе, куда пришла лисица, жили сто девяносто человек, а князя у них не было.

Узнала об этом лиса, вошла в село, собрала всех жителей и сказала им:

— Меня прислал к вам Химкураса — сын князя. Он зовет вас всех к себе на жительство. Каждому он даст столько земли, сколько тот захочет!

Услышал это народ и несказанно обрадовался:

— У нас будет владетель, чего же нам еще надо?!

Люди поселились вокруг дома Химкурасы. Конечно, ему не приходилось даже с балкона спускаться — весь народ работал на него.

Так лисица воспитала Химкурасу и сделала его князем. Теперь она решила женить его на какой-нибудь княжне и отправилась в далекую землю, где жил богатый, знатный князь.

И вот однажды, выйдя на балкон, этот князь увидел, что среди бела дня в его двор вошла грязная лиса и направилась прямо к дому.

— Не пускайте собак! — крикнул князь своим псарям. — К нам кто-то идет!

Псари придержали собак, лисица, спеша, поднялась на балкон и сказала:

— Здравствуй!

Увидел князь грязную лису и очень удивился.

— Здравствуй, добро пожаловать! — сказал ей князь и повел лису в дом. Там он спросил:

— Зачем ты пришла? Откуда ты и куда идешь?

— Да буду я твоей жертвой, князь! Я шла к тебе! — ответила лисица.

Князь понял, что лиса пришла неспроста. Да еще она говорила по-человечьи. Он позвал своих слуг и велел им выкупать пропылившуюся в дороге лису и уложить в постель.

Слуги исполнили приказание князя: выкупали лису, уложили в постель, и она сладко заснула.

Пока лисица спала, князь приготовил все, что надо для пира. Лиса проснулась, и устроили пир. Собрался народ. Все удивлялись, что лиса говорит по-человечьи. Когда же подали еду, все уселись за стол, а лису посадили среди гостей на самом почетном месте. Тогда князь перекрестился и сказал:

— Начинайте есть! — и сам хотел было приняться за еду, но в это время лиса встала со своего места и с достоинством заговорила:

— Да буду я твоей жертвой, князь! Пока я не узнаю о своем деле, я не могу есть. Я послана одним князем по делу. Он ждет меня дома.

Гости встали:

— Если так, мы просим тебя рассказать, зачем ты пришла.

Лиса ответила:

— Княжеский сын Химкураса, который меня воспитал, любил твою дочь, князь, и хочет на ней жениться. Он мог бы послать к тебе более почетных людей, каких у него много, но он решил по этому делу послать меня.

Тогда князь встал и сказал ответное слово:

— До сих пор я думал, что нет князя лучше меня, но, оказывается, есть один, и, если его сыну Химкуресе понравилась моя дочь, я не откажу. Садись, ешь спокойно!

Все это слышала княжна. Она сидела у себя в комнате. Когда кончился пир, княжна попросила лису зайти к себе, усадила ее на свою постель и стала расспрашивать, зачем она пришла к ним.

Лиса наговорила княжне всего, что было и чего не было:

— Меня прислал к вам один князь. Он владеет тысячами людей, у него множество золота и серебра, а его лошадей, мелкий и крупный скот никто не может сосчитать. Я его воспитанница. Князь пожелал разузнать о тебе и взять тебя в жены, вот он и послал меня к вам.

Услышала это дочь князя и дала свое согласие. Тогда лисица в знак сватовства обменялась подарками и, после того как был назначен срок свадьбы, отправилась домой.

Дома лиса стала готовиться к свадьбе, а когда настал этот день, снарядила за невестой сто пятьдесят верховых, тридцать человек оставила дома для порядка и службы, посадила Химкураса на коня адауы, дала ему еще одного оседланного коня для невесты, захватила арбу золота и арбу серебра (ведь оставалось еще много богатства!) и, став впереди всех, отправилась в путь.

Князь, отец невесты, уже был наготове: он устроил гостям пир, дал в приданое дочери богато оседланного прекрасного коня, две арбы золота, две арбы серебра да еще триста слуг в придачу.

И вот Химкураса со своей невестой в сопровождении ста пятидесяти своих слуг и трехсот слуг, полученных от князя, двинулся с княжеского двора к себе домой. По дороге пели песни, а дома опять устроили пир.

Так Химкураса женился.

Слуги, полученные в приданое, поселились вокруг дома Химкурасы, и он стал владельцем целого села. Все клялись только его именем *, а свекор очень любил и уважал своего зятя. Они часто гостили друг у друга.

Прошло много времени. Лиса постарела и стала противна Химкурасе. Она поняла это и решила поступить так: лечь у дверей спальни Химкурасы и притвориться мертвой.

И вот как-то ночью она так и сделала. Когда наутро Химкураса встал и хотел выйти, то не смог открыть дверь. Тогда он сильно толкнул дверь за ручку, открыл ее и увидел мертвую лису. Химкураса подумал, что она в самом деле издохла, схватил ее за хвост и выбросил в грязь.

Жена князя Химкурасы увидела брошенную в грязь лису, вскрикнула, подняла ее, взяла к себе, выкупала и уложила в свою постель.

В это время вошел Химкураса. Он увидел заботы жены и закричал:

— Что ты с ней возишься?! Она уже издохла! Выбрось ее вон!

Лиса услышала эти слова, мигом соскочила с постели, сбегала куда-то и принесла баранью шкуру.

В эту шкуру одевался Химкураса, когда был маленьким.

— Химкураса! — открыто перед всеми заговорила лисица. — Ты видишь это? В этой жалкой шкуре ты ходил, и я тебя воспитала. Я уничтожила семерых адауы и сделала тебя князем. Я привела тебе слуг, я женила тебя на дочери лучшего и знатного князя. Конечно, теперь я тебе больше не нужна! До свидания! Но ты вспомнишь еще обо мне! — И, уходя добавила: — Да не прожить тебе, Химкураса более ста дней, а ты, княгиня, живи много лет!

Через сто дней Химкураса умер, и все богатство осталось его жене.

4. Длинный бык

Жили три брата, и был у них бык. Этот бык пил воду только раз в году. Когда подошел срок, все три брата погнались быка поить. Старший сел быку на шею, средний — на спину, а младший — позади всех.

По дороге встретился всадник. Старший брат, что сидел впереди всех, сказал ему:

— Когда будешь проезжать, скажи моему меньшому брату — он сидит позади меня, — чтобы скорее погонял быка: к вечеру мы должны поспеть.

— Хорошо! — сказал всадник.

Он ехал-ехал и к полудню поравнялся, наконец, со средним братом.

— Старший брат просил передать, чтобы ты скорее гнал быка: к вечеру вы должны приехать!

Средний брат ответил:

— Скажи это и моему младшему брату, он сидит позади меня!

Верховой только к вечеру поравнялся с младшим братом, сидевшим на быке, и сказал:

— Старшие братья твои передали, чтобы ты скорее погонял быка, вы должны ехать быстрее.

Так братья доехали только под вечер. Бык с вечера стал пить воду и шел до следующего полудня.

На другой день, около полудня, братья сели на свои места и поехали обратно.

По дороге их увидел коршун, на лету схватил быка и поднял вверх вместе с братьями. Потом коршун прилетел к стаду, сел между рогами козла и стал есть быка.

В это время была плохая погода. Пастух, чтобы укрыться от дождя, стал под бородой этого козла. Немного погодя он подумал: «Надо посмотреть, не перестал ли дождь?» — и высунул голову. В этот миг коршун выронил из клюва лопатку быка. Она попала прямо в глаз пастуху. Пастух стал вынимать ее, но не смог и пошел домой. Дома сестра вынула лопатку и выбросила. Лопатка покрылась землей. На ней поселилась тысяча человек.

Как-то раз земля, на которой жила эта тысяча человек, затряслась. Народ не понимал, что случилось, и начал молиться богу, но ничего не помогало. Народ принялся горевать. Все думали: «Что ж это случилось?» Вдруг заметили лису. Она сидела у торчащей из-под земли кости и грызла ее. Вот отчего тряслась земля. Люди убили лисицу, с одного бока содрали шкуру, и вся тысяча человек сшила себе чупяки. А на другой бок лису не смогли перевернуть.

В это время шла одна женщина и на ходу пряла. Она увидела, что у лисы с одного бока шкура не снята, кончиком веретена подняла лису и сняла шкуру, подумав: «Это будет на один чупяк моему сыну». Но тот, которому она хотела сшить чупяк,

умер. Тысяча человек целый месяц рыла могилу, но все же похоронила так, что голова осталась снаружи.

Прошло немного времени.

Тысяча человек взяла по одной арбе и отправилась в город за солью. На обратном пути их застала плохая погода. Они подумали: «Соль может промокнуть» — поставили арбы под чепуху похороненного, а сами взяли буйволов и пошли домой.

Проходил какой-то человек, не заметил этих арб, споткнулся и упал.

— Обо что это я споткнулся? — подумал он и оглянулся. Смотрит — стоит тысяча арб с солью. Всю соль с тысячи арб он насыпал в карман, думая: «Дам козе», и пошел домой.

Дома его сестра готовила еду, но у нее не хватило соли. Когда она сказала, что пойдет к соседям за солью, брат ответил:

— У меня в кармане есть немного! — и высыпал.

— Этой мне мало. Разве столько хватит?! — сказала сестра и пошла к соседям.

Так и не дождался я ее и вот пришел сюда.

Как вы думаете, кто был сильнее всех:

бык длиною в один день ходьбы,

или коршун, который поднял и понес этого быка,

или козел, на котором сидел коршун с быком,

или пастух, засоривший глаз лопаткой быка,

или женщина, перевернувшая то, что не смогла

перевернуть тысяча человек,

или же человек, который насыпал в карман соль

с тысячи арб?

5. Блоха и вошь

Блоха и вошь пошли к родственникам жены с подарками и очутились на берегу бурной реки с крутыми берегами.

Блоха прыгнула и перескочила реку, а вошь прыгнула, но упала прямо посередине реки.

Стала вошь издыхать, и вот говорит она блохе:

— Эй, старая гниль, пойдешь к свинье, возьми у нее одну щетинку, тогда я выберусь отсюда!

Пошла блоха к свинье и говорит:

— Бог помочь! Вырви у себя одну щетинку и дай мне. Старая вошь упала в воду, я пойду ее спасать.

— Если так,— сказала старая свинья,— пойди к старому дубу, возьми у него горсть желудей и принеси мне!

Быстро пошла блоха к старому дубу и говорит:

— Старый дуб, если ты мне дашь горсть желудей, я отнесу их старой свинье, вырву у нее одну щетинку и вытащу вошь.

— Пойди к сойке и упроси ее, чтобы она не садилась на мою вершину,— ответил старый дуб.

Быстро отправилась блоха к сойке и говорит ей:

— Бог помочь, сойка! Если ты не будешь садиться на вершину старого дуба, я возьму у него горсть желудей и дам старой свинье, а у свиньи вырву одну щетинку и вытащу вошь.

Рассказала блоха все свое дело, а сойка ей и говорит:

— Иди к ястребу и сделай так, чтобы он меня не ловил, а потом приходи обратно — тогда я больше не буду садиться на вершину дуба.

Быстро отправилась блоха к ястребу, пришла и говорит ему:

— Бог помочь, ястреб! Если ты не будешь ловить сойку, она не станет садиться на вершину старого дуба, тогда я возьму у старого дуба горсть желудей и дам старой свинье, а за это я у старой свиньи вырву щетинку, возьму ее и вытащу старую вошь.

— Если так,— сказал ястреб,— пойди к женщине-водочерпю. У нее есть поздние цыплята. Возьми одного маленького цыпленка и принеси мне!

Собралась блоха и пошла к женщине-водочерпю, у которой были поздние цыплята, чтобы попросить одного позднего маленького цыпленка. Пришла туда и говорит:

— Бог помочь, женщина-водочерпий! Если ты дашь мне одного маленького позднего цыпленка, я отдам его ястребу и ястреб не станет ловить сойку, а сойка не будет садиться на вершину старого дуба. У старого дуба я возьму горсть желудей и дам свинье, а за это у свиньи вырву одну щетинку, отнесу туда, где вошь погибает в воде, и вытащу ее.

— Если так, пойди, блоха, к ацинахе, возьми у нее сноп проса, тогда я тебе дам цыпленка!

Быстро отправилась блоха к ацинахе, пришла к ней и говорит:

— Бог помочь, ацинаха! Если можно, дай мне сноп проса, я отдам его женщине-водочерпю, а за это возьму у нее малень-

кого позднего цыпленка и дам ястребу, ястреб тогда не станет ловить сойку, а сойка не будет садиться на вершину старого дуба. У старого дуба я возьму горсть желудей и дам старой свинье, а у старой свиньи вырву одну щетинку и вытащу из воды старую вошь.

— Если так,— сказала ацинаха,— пойди к мышке, пусть она не лазит в мой кукурузник.

Собралась блоха и пошла к мышке. Приходит и говорит:

— Если можно, не лазь в кукурузник ацинахи, тогда я возьму у нее сноп проса и отнесу женщине-водочерпию, у женщины-водочерпия я возьму маленького позднего цыпленка и дам ястребу. Ястреб не будет ловить сойку, а сойка не станет садиться на вершину старого дуба. У старого дуба я возьму за это горсть желудей и дам старой свинье, а у старой свиньи вырву одну щетинку и вытащу из воды старую вошь.

— Если так,— сказала мышь,— пойди к кошкё: пусть она меня не ловит. Тогда я не буду лазить в кукурузник ацинахи.

Отправилась блоха, пришла к кошке и говорит:

— Кошка, если можно, не лови мышь. Если ты ее не станешь ловить, она больше не будет лазить в кукурузник ацинахи. Тогда ацинаха даст мне сноп проса, я отдам его женщине-водочерпию, а у нее возьму маленького позднего цыпленка и дам ястребу, чтобы ястреб не ловил сойку, а сойка не садилась на вершину старого дуба. У старого дуба я возьму горсть желудей, отдам старой свинье, а у старой свиньи вырву одну щетинку и вытащу из воды старую вошь.

— Если так,— сказала кошка,— пойди к пестрой корове — она пасется по ту сторону старого леса,— возьми у нее плошку молока и принеси мне.

Собралась блоха, пришла к пестрой корове и говорит:

— Если можно, дай мне плошку молока, я отдам его кошке, кошка не станет ловить мышь, а мышь не будет лазить в кукурузник ацинахи. Тогда у ацинахи я возьму сноп проса и отдам женщине-водочерпию, у женщины-водочерпия возьму маленького позднего цыпленка и отдам его ястребу, чтобы ястреб не ловил сойку, а сойка не садилась на вершину старого дуба. У старого дуба я возьму горсть желудей, дам старой свинье, вырву у старой свиньи щетинку и вытащу из воды старую вошь.

— Здесь недалеко есть стог кукурузы. Возьми оттуда одну связку и принеси мне, тогда я дам молока.

Пошла блоха к стогу, взяла одну связку кукурузы, отнесла корове, а у коровы взяла плошку молока и дала кошке, чтобы

она не ловила мышку, а мышка не лазила в кукурузник аци-
нахи. У ацинахи блоха взяла сноп проса, отдала женщине-водо-
черпию, у нее взяла маленького позднего цыпленка, отдала яст-
ребу. Ястреб не стал ловить сойку, сойка не садилась на вер-
шину старого дуба. Старый дуб дал горсть желудей, блоха взяла
их и отнесла старой свинье, а у старой свиньи вырвала одну
щетинку и понесла старой вши.

Но когда блоха подошла к реке, она увидела: плывет по воде
дохлая разбухшая вошь.

Вот как мучилась блоха, чтобы вытащить вошь, но пока она
ходила, вошь издохла.

6. Лисица

Шла лисица и поймала птичку-пеструшку.

— Эй, лисица, да увидит твоя мать горе,— сказала пест-
рушка,— неужели ты съешь меня, не пропев песню Ажвейп-
шаа?

«И правда»,— подумала лисица. Но только она успела от-
крыть рот и произнести «Ка!», как пеструшка выпорхнула у
нее изо рта и села на ветку.

— Ты улетела, а я очень голодна,— сказала лисица,— найди
мне, где бы я могла поесть!

— Хорошо! Иди за мной и, если хочешь есть, наешься так,
что лопнешь.

И отправились. Птичка перелетала с ветки на ветку, а ли-
сица, виляя хвостом, шла за ней. Вскоре они увидели женщину
с мальчиком. На голове у женщины стояла деревянная миска.
В левой руке она держала медный кувшинчик, а в правой —
деревянный подойник. Женщина несла еду мужу — он работал
в поле.

— Теперь ты подожди здесь,— сказала пеструшка лисице,—
а я сделаю так, чтобы женщина поставила то, что несет, и по-
шла за мной. Ты же потом приходи и наполняй свой желудок
доверху!

Птичка быстро полетела и упала перед женщиной на землю,
как будто сломала крыло.

— Мама, лови! — закричал мальчик, увидев пеструшку.

Мать поставила свою ношу и пошла за птичкой, чтобы пой-
мать ее. Мальчик тоже побежал за ней. Но птичка перепрыгну-

вала с места на место, они шли за ней и так зашли очень далеко. Лисица пришла и наелась до отвала, а птичка улетела. Когда женщина с мальчиком, уставшие, вернулись и увидели, что случилось с их ношей, женщина побила сына и прогнала обратно. Он шел и плакал.

Пеструшка прилетела на то место, где ее ждала лисица, и сказала:

— Ну, лисица, наелась?

— Пусть я умру вместо тебя! — ответила лисица. — Ты меня хорошо накормила!

— А теперь еще чего-нибудь хочешь? — спросила пеструшка.

— Покажи мне что-нибудь такое, над чем бы я посмеялась. Пусть даже умру от смеха!

— Если так, идем! Ты со смеху лопнешь, — сказала птичка, и они отправились.

Шли-шли и вот увидели, что три брата дружно пропалывают свое поле.

— Ты, лиса, подожди здесь, у забора, — сказала пеструшка, — посмотри, что я натворю!

Птичка полетела и села на голову старшего брата.

— А-а, не шевелись! — крикнул средний брат. Он поднял тоху и, думая убить птичку, ударил брата так, что разбил ему голову. А пеструшка сразу пересела на голову среднего брата.

— А-а, не шевелись! — сказал младший брат, поднял тоху, ударил брата по голове и убил его.

Тогда пеструшка села на голову младшего брата.

У него был кинжал. Он схватил свой кинжал, размахнулся, ударил себя по голове и разрубил ее, как сырую тыкву.

Птичка вернулась к лисице и увидела, что она лежит, умирая со смеху.

— Насмеялась? — спросила пеструшка лисицу.

— О чем спрашиваешь? Чуть со смеху не умерла!

— Теперь еще чего-нибудь хочешь? — спросила пеструшка.

— Теперь бы мне хотелось набегаться вдоволь, и пусть я умру вместо тебя!

— Ну, если так, пойдём! — сказала птичка. — Ты вволю набегаешься, — и повела лисицу.

Потихоньку они зашли во двор, где сидели пастухи с собаками. Собаки заметили лисицу и погнались за ней. Измучившись, лисица залезла в дупло дерева. Собаки остались внизу.

Когда лисица спаслась, она спросила у своих ног:

— Чем вы мне помогли?
— Если бы не мы, кто бы донес тебя сюда? — сказали ноги.
— А вы, глаза?
— Если бы мы не заметили, что на тебя нападут собаки, они бы тебя там же разорвали!
— А что делал мой хвост? — спросила лисица.
— Навевал твой запах на собак, которые гнались за тобой!
Лисица обиделась на свой хвост и высунула его из дупла, чтобы отдать собакам. Собаки схватили хвост, вытащили лисицу, разорвали ее и бросили, а я снял с лисицы шкуру и взял домой, чтобы сделать чехол для ружья.

7. Ажвейпшаа и сова

Как-то раз жена Ажвейпшаа сказала своему мужу:

— У тебя столько зверей и птиц, что ты можешь построить дом из их костей. Сделал бы ты нам это!

Ажвейпшаа не соглашался, но жена продолжала и днем и ночью приставать к нему. Надоело это ему, и он согласился.

Созвал Ажвейпшаа всех зверей и птиц. Из птиц не явилась только сова.

Ждут ее сегодня, ждут завтра, но ее все нет.

Ажвейпшаа был очень опечален, что не было совы.

Долго ждали сову. Наконец она прилетела.

— Что ты наделала?! Почему не пришла, как только тебе дали знать о собрании? — спросил Ажвейпшаа сову.

— Не вини меня! Я считала мертвых и живых, поэтому задержалась, — ответила сова.

— Ну и что же, узнала, кого больше, живых или мертвых?

— Да, узнала!

Тогда Ажвейпшаа опять спросил:

— Кого же больше?

— Когда я сосчитала мертвых и живых, а затем к мертвым прибавила того, кто послушался своей жены, то мертвых оказалось на одного человека больше, — ответила сова.

Ажвейпшаа подумал и понял свою ошибку.

— Разойдитесь! — сказал он зверям и птицам и добавил: — Пусть каждый день одна из птиц идет на съедение сове; съеденная же птица попадет в рай.

Вот почему птички, когда увидят сову, окружают ее и кричат: «Съешь меня! Съешь меня!» — думая, что попадет в рай.

8. Рыбка

Жил один хороший крестьянин. Как-то раз пошел он с сыном на берег моря и наловил много рыбы — целую арбу. А под конец он поймал одну рыбку, совсем не похожую на остальных.

Отдал он эту рыбку сыну и говорит:

— Держи эту рыбку, пока я не вернусь! Не клади вместе с другими!

Сказал так и пошел за арбой.

А сын возьми да и скажи рыбке в шутку:

— Эх, бедная рыбка, отпустил бы я тебя, если бы ты выручила меня когда-нибудь!

— Выручу, когда пожелаешь, — ответила рыбка. — Возьми вот эту чешуйку, положи в карман и, когда я тебе понадобится, позови — я сейчас же появлюсь перед тобой!

Мальчик согласился и отпустил рыбку в море.

Приходит отец, а рыбки нет. Отец избил сына. Мальчик рассердился и убежал в лес. Три дня и три ночи он ходил по лесу. На четвертый день повстречалась ему лисица. Она бежала с курицей в зубах, а люди с собаками гнались за ней. Мальчик и говорит лисе:

— Лисица, я отведу погоню, если ты когда-нибудь поможешь мне!

— Умоляю тебя, спаси! Если спасешь меня, я всегда, когда ни пожелаешь, приду тебе на помощь!

Мальчик спрятал лису под бурку, а когда подбежали охотники, сказал им:

— Лисица вон туда побежала! — и показал в сторону. Так он отослал людей с собаками и спас лису. После этого мальчик пошел дальше. Смотрит — за оленем погоня. Олень, пробегая под ясенем, зацепился рогами за обрубленные нижние ветви — и ни с места. Но тут он увидел мальчика и стал просить о помощи. Мальчик ответил:

— Олень, я помогу тебе освободиться, если ты когда-нибудь поможешь мне.

— Если ты меня сейчас спасешь, то до самой смерти буду жить для тебя!

Тогда мальчик подошел к нему, убрал ветви, и олень умчался в лес, а людей с собаками мальчик направил совсем в другую сторону.

Мальчик пошел дальше. Шел, шел, не ел, не пил, все шел и шел. Наконец увидел большую гору. Мальчик решил взо-

браться на эту гору, но на полпути его застала ночь. Мальчик переночевал под большим дубом, а наутро, когда проснулся, стал совсем другим — красивым юношей с богатым оружием.

Юноша быстро пошел дальше и в полдень взобрался на гору. На той горе жила однозубая старуха. Юноша пришел к ней и попросил поесть. Но старуха сказала ему.

— Накормила б я тебя, да воды нет!

— Почему? — спросил юноша.

— Потому что у источника лежит, растянувшись, адауы и всех, кто туда приходит, пожирает, — ответила старуха.

Юноша решил убить адауы, но старуха вцепилась в него и не пускала: она боялась, что адауы сожрет и этого парня. Все же юноша не послушал старуху, взял золу и горящие угли и пошел к источнику, где лежал адауы. Пришел туда и видит: адауы лежит, растянувшись в воде. Юноша выхватил свою шашку, отрубил ему голову, посыпал горячей золой с углями, и адауы умер.

Обрадовалась старуха, принесла воды, наготовила всякой еды и накормила юношу.

После этого он спросил старуху:

— А что там, на самой вершине горы?

— На вершине горы стоит дворец. В нем живет одинокая девушка. Она сидит на третьем этаже дворца и держит в руках волшебное зеркало. Кто бы к ней ни шел — всех она видит в этом зеркале, куда бы от нее ни спрятались — везде она находит. Эта девушка выйдет замуж только за того человека, который сможет так спрятаться, что она его не найдет. А тому, кого она находит, снимает голову. Ее дворец обнесен железным забором, и все колья забора увешаны отрубленными головами. Кто бы туда ни ходил, никто еще живым не возвращался, — сказала старуха.

Юноша собрался пойти на вершину горы, но старуха не хотела пускать его; все же он не стал ее слушать и пошел. Трехдневный путь юноша прошел за полдня и, когда поднялся на гору и подошел к прекрасной вершине, услышал смех этой девушки.

— Для моего забора как раз не хватает одной головы. Ты пришел заполнить пустое место? — шутя спросила девушка.

Потом они условились так: девушка позволит ему три раза спрятаться. Если хоть раз она его не найдет, то выйдет за него замуж.

Тогда юноша вынул из кармана рыбку чешуйку и позвал

рыбку. Мгновенно перед ним появилась рыбка. Рыбка спрятала юношу под семью морями, но девушка и там увидела его.

Потом юноша вызвал оленя. Олень спрятал его за семью горами, в трещине ледника, в снегу, и сам сел сверху, но и там девушка разыскала его.

Накопец он позвал лисицу — последняя надежда была на нее.

Лисица мгновенно появилась. Она посадила юношу себе на спину и отошла от дворца версты на две. Там она принялась рыть ход под дворец девушки. Рыла, рыла и так устала, что больше сил не было. Но все же она прорыла ход под самый дворец и спрятала там юношу.

Девушка начала искать. Искала повсюду, но нигде не нашла. Тогда она сказала:

— Не нашла! Теперь я принадлежу тебе! — Она позвала юношу, юноша вышел.

Сыграли свадьбу. Много веселились. Хозяйство было богатое, всего было вдоволь, но юноша стал скучать по своей семье и решил вернуться домой.

Жена не хотела его отпускать, но он заупрямился. Видит жена, он твердо решил вернуться к себе. Запрягла в арбу буйволов, арбу нагрузила золотом, и пошли. Через три дня они пришли к однозубой старухе, дали ей много золота и серебра и опять пошли своей дорогой. Шли, шли, долго шли, наконец пришли к старому дому юноши.

Отец и мать его были в трауре — горевали по сыну. Они стали как нищие, еле-еле держались на ногах.

Жена юноши была колдунья. Чего бы она ни пожелала, все свершалось. Она пожелала, чтобы появился такой же дворец, какой у нее был на горе, — и дворец появился. Они с мужем поселились в нем.

После этого юноша пошел к своим родителям, но они его не узнали.

— Что у вас случилось? — спросил он у матери.

Старуха ответила, указав на мужа:

— Вот этот, у кого горькая старость, пошел с сыном на берег моря и так обидел мальчика, что он ушел в лес и больше не возвращался.

— А если ты увидишь своего сына, узнаешь его? — спросил юноша.

— Узнаю, — ответила мать. — Узнаю по родинке на спине, иначе как мне его узнать?

— Я твой сын! — сказал юноша, снял рубашку и показал родинку.

Отец и мать, увидев сына, так обрадовались, что смогли бы взлететь, как птицы. Больше им ничего в жизни не нужно было.

Юноша повел отца с матерью к жене. Там их вымыли и стали ухаживать за ними, так что вскоре они поправились и даже помолодели.

После этого они созвали весь народ и устроили большой пир. Я тоже был на пиру и только сегодня пришел сюда.

9. Голубь

В одном селе жил князь. В те времена в этом краю другого князя не было. Все его желания должны были выполняться.

У этого князя был единственный сын — прекрасный юноша лет двадцати, красивый и стройный. Княжеский сын имел ручного голубя. Он научил голубя говорить по-человечьи и очень его любил. Ни одной минуты не мог он пробыть без своего голубя. Голубь тоже любил княжеского сына и постоянно был с ним.

Вот князь решил, пока жив, женить своего сына и порадоваться на его счастье, но сын хотел жениться только на той девушке, которую выберет голубь.

Много княжеских дочерей мечтало иметь молодого князя своим мужем, но каждый раз, когда девушка нравилась княжескому сыну, она не нравилась голубю, и сын князя не мог на ней жениться.

Так он оставался холостым еще года три.

Княжеский сын никуда не отпускал своего голубя. В его комнате висела золотая клетка, где жил голубь. Но вот как-то раз голубю вздумалось прогуляться, и он улетел. Юноша ждет-ждет, а голубь все не возвращается. Настал вечер. Княжеский сын каждую минуту ждет: вот прилетит голубь — но нет, не видать голубя!

Стемнело. Княжеский сын затосковал — не ест, не пьет, всю ночь думает о своем голубе. На рассвете встал, оглянулся вокруг, стал разыскивать голубя — но нет, не видать его!

— Куда же идти, где его искать? — думает княжеский сын. — Наверное, его кто-нибудь подстрелил, иначе бы он ни одной минуты не задержался, — решил сын князя и остался дома.

Девять дней и девять ночей он тосковал, как будто у него умер близкий человек, но потом успокоился.

А между тем голубь не погиб: он летел, летел, пролетел над морем и очутился на другом берегу. Там он увидел большой красивый двор. Посреди двора стоял большой дом, а в доме ходили какие-то люди.

— Ну-ка посмотрю, что там делается,— сказал голубь и сел на ветку яблони, что росла возле дома.

Смотрит голубь и видит: какая-то девушка то спускается вниз, то поднимается вверх, неся кому-то кушанье. Остальные люди суетятся в доме: одни едят, другие им прислуживают.

— Пока я не увижу, кому носит яства девушка, не сойду с этого дерева,— и притаился на яблоне. Потом голубь запел, и подобной песни человек еще не слышал.

Оказывается, на верхнем этаже большого дома жила княжеская дочь. Вот ей-то и носила еду девушка-служанка. Кроме этой девушки, никто не смел входить к дочери князя. Княжеская дочь услышала песню голубя и поразилась.

— Что за прекрасная песня! — сказала она, вышла на балкон и видит: на ветке яблони сидит птичка и поет.

— Ах, какая красивая птичка! — воскликнула дочь князя. — Вот если бы взять ее в руки! — Она смотрела на голубя, голубь смотрел на нее, девушка понравилась голубю, и он подумал: «Надо женить на ней княжеского сына!»

Прошлой ночью, когда еще не прилетал голубь, дочь князя увидела во сне, будто встретила ее где-то на холме с хозяином голубя; они приветствовали друг друга, он понравился ей, она — ему, и княжеский сын взял ее в жены.

Утром девушка проснулась, смотрит: нет того, кого она любила во сне. Во сне она полюбила княжеского сына, наяву же и не видела его, и не слышала о нем.

Целый день она сидела и мечтала о княжеском сыне, не ела, не пила. И вот, когда она так сидела и мечтала, прилетел голубь, запел песню, и девушка услышала пение. Ей очень понравился голубь, она все стояла и смотрела на него, а потом приказала слугам:

— Поймайте его!

Но слуги тоже стоят и смотрят.

Дочь князя подумала: «Вот как сбылся мой давешний сон — я полюбила этого голубя!»

Вдруг голубь подлетел к девушке. Она обрадовалась и сказала:

— Я велела поймать голубя, а голубь сам дался мне в руки!

— Я дался тебе в руки, но твое счастье в моих руках,— ответил ей голубь.

Услыхала дочь князя, что голубь говорит человеческим голосом, поразились:

— Что же это такое, он говорить умеет!

Она отнесла голубя в свою комнату и посадила на стол. Голубь начал петь, спел несколько песен, потом и говорит девушке, чтобы узнать, что она ему ответит:

— Ну, теперь я улечу, отпусти меня!

— Нет, голубь,— ответила дочь князя.— Я тебя никуда не пушу, оставайся у меня!

— Да, остаться у тебя было бы неплохо,— сказал голубь,— но у меня есть хозяин не хуже тебя — княжеский сын. Он не может оставаться без меня ни одной минуты, а я улечу от него по делу.

— Кто же твой хозяин, тот княжеский сын? — спросила девушка и вдруг заволновалась: вспомнила свой сон.

— Княжеский сын, что меня воспитал,— очень хороший. Он женится только на той девушке, которая мне придется по душе. Его отец хочет женить юношу и подыскивает ему невесту среди княжеских дочерей, но сын князя берет меня с собой, когда идет на смотрины. Если девушка мне не нравится, он оставляет ее. Княжеский сын поклялся жениться только на той девушке, которая придется мне по нраву. А я девять дней и девять ночей летаю, ищу хорошую девушку, такую, чтобы пришлась мне по душе. И вот я встретил тебя. Ты мне очень понравилась, и, если тебе полюбится княжеский сын, я сделаю вас мужем и женой!

Услыхала все это дочь князя и поразились: сбился ее сон.

— Если так, то мне, наверное, понравится тот юноша, за которого ты меня хочешь выдать замуж. Но сперва погоди, я расскажу все отцу. Мой отец выдаст меня только за того, кого я сама полюблю. Если твой хозяин придется мне по душе, отец разрешит мне выйти за него.

Сказала так дочь князя и послала к отцу свою служанку. Служанка привела отца в комнату девушки, и голубь здесь же сидит. Отец спрашивает:

— Что хочешь, дочь?

— Отец,— сказала девушка,— ты обещал выдать меня замуж только за того человека, которого я полюблю. Во сне я уви-

дела одного юношу, и он мне понравился. Этот юноша прислал ко мне голубя — сватать меня. Он — княжеский сын и хороший человек.

— Хорошо, будь по-твоему, — ответил князь.

Тогда девушка сказала голубю:

— Лети и расскажи все княжескому сыну. Если он захочет жениться на мне, возвращайся обратно, и все уладим. А сейчас я дам тебе свой портрет. Отнеси и покажи сыну князя. Понравлюсь я ему, тогда принеси мне его портрет.

Голубю тоже хотелось так сделать. Он пообещал вернуться к сроку — через девять дней и девять ночей — и закончить сватовство. Портрет дочери князя он взял в клюв и принес своему хозяину.

Увидел княжеский сын голубя, обрадовался.

— Где ты был так долго? — спросил юноша. — Я думал, что ты погиб, и очень горевал о тебе, а теперь уж стал забывать тебя.

— Разве я погибну? Я искал твое счастье и нашел его, — ответил голубь.

Тут сын князя вспомнил свой сон. До того, как прилететь голубю, приснился ему такой сон: девица-красавица, высокая, стройная, с голубыми глазами, с золотистыми косами, а он с ней разговаривает на каком-то красивом холме, договаривается о сроке свадьбы. Девушка эта очень понравилась ему.

Долго думал сын князя о своем сне. Наконец, решил отыскать ту самую девушку, а если не найдет ее, не жениться ни на какой другой.

И тут прилетел голубь.

Княжеский сын стал расспрашивать его о той девушке, которую голубь отыскиал ему: кто она такая, какого роду-племени?

Голубь ответил:

— Не беспокойся, она так хороша, что об этом не стоит говорить. Она — дочь богатого князя, живет по ту сторону моря. Это прекрасная девушка. Здесь, в Апсны, подобной красавицы никто не видел. Она светится в темноте. Я был у нее и говорил о тебе. Она позвала своего отца и все ему рассказала. Отец ей ответил: «Кто тебе нравится, за того я тебя и выдам». Девушка видела тебя во сне, и ты ей понравился. Она дала клятву ни за кого не выходить замуж, пока не увидит тебя. Когда я стал говорить о тебе, она сразу догадалась, что ты тот самый, которого она видела во сне. Она передала тебе свой портрет и сказала: «Если я понравлюсь твоему князю, принеси мне его портрет».

Как только голубь сказал это, юноша посмотрел на портрет

и сразу узнал ту девушку, которую видел во сне. Сын князя поразился. Девушка ему очень понравилась, и в тот же день он велел голубю лететь к ней, отнести его маленький портрет и передать, что он видел ее во сне, что хотел искать ее, но прилетел голубь и рассказал о ней.

— Передай девушке, что она мне очень нравится и я хочу взять ее в жены. Если она согласна, пусть пришлет с тобой ответ и назначит срок, когда мне надо к ней приехать, срок не длинный — покорооче!

Голубь полетел.

А тем временем дочь князя ждет не дождется, когда прилетит голубь, думает-гадает, какие вести он ей принесет.

Голубь вернулся раньше срока. Завидела его девушка, сейчас же пригласила в свою комнату и спрашивает:

— Ну как, понравилась я юноше?

— Да,— ответил голубь.— Ты ему очень понравилась. Еще до того, как я прилетел домой, княжеский сын увидел тебя во сне и уже собрался искать тебя, но тут я прилетел к нему. Когда я рассказал о тебе и показал твой портрет, он очень обрадовался, узнав в тебе ту самую девушку, которую видел во сне. И сказал мне так: «Отнеси ей мой портрет. Если я придусь ей по душе и если она захочет стать моей женой, пусть назначит срок покорооче, когда мне приехать к ней». Вот портрет! — И с этими словами голубь положил на стол портрет княжеского сына.

Девушка взяла портрет со стола, взглянула и обрадовалась: это был тот самый княжеский сын, который привиделся ей во сне и которого она полюбила.

Тогда девушка послала к отцу человека. Он должен был рассказать князю, что его дочь полюбила княжеского сына и хочет стать его женой. Что на это скажет отец?

Отец выслушал и передал:

— Пусть она выходит замуж за того, кого полюбила, я не буду противиться.

Назначили короткий срок — через девять дней, к вечеру, должны были приехать гости.

Как только назначили срок, голубь полетел обратно к сыну князя.

А княжеский сын сидит и ждет, какую весть принесет ему голубь. Голубь прилетел и рассказывает:

— Срок назначили. Через девять дней, к вечеру, мы должны там быть!

Сын князя быстро собрался в путь и сообщил друзьям, которые должны были сопровождать его.

Князь рад, что сын женится. Он готовится к большой свадьбе, приглашает всех друзей и знакомых: женится едиипственный сын!

А отец девушки тоже готовится к пиру. Он рад и не рад. Но все же наготовил приданое, известил всех друзей и знакомых.

Среди княжеских слуг была одна девушка — ровесница его дочери. Дочь князя была прекрасна, но и служанка не уступала ей в красоте. Обе девушки — княжеская дочь и служанка — были одинаково красивы, одинаково стройны, так что их трудно было отличить друг от друга.

Эту девушку князь отдал в приданое своей дочери вместе с разным добром.

Девушка узнала, что ей придется ехать вместе с княжеской дочерью, и села шить себе платье, а у дочери князя и так всего было вдоволь.

Срок свадьбы приближался. Княжеский сын вместе с друзьями поехал за невестой. А невеста ждет не дождется, когда он приедет.

Вот наступил срок, и в тот же день, вечером, гости приехали в дом князя. Среди них был княжеский сын — высокий, стройный, белый, как молоко, мягкий, как шелк.

Увидел его князь, понравился он князю. Князь устроил гостям пир, и гости сидели за столом столько, сколько полагалось. Потом встали, чтобы ехать назад.

Князь дал в приданое своей дочери половину всего богатства и ту девушку-служанку, проводил гостей до парохода и вернулся домой.

Княжескую дочь и служанку поместили вместе, дали им еды и питья — всего, что было нужно, а сын князя со своими друзьями ехал отдельно; по обычаю он не мог оставаться вместе со своей невестой, пока не приедет домой. О невесте он и не беспокоится, думает: «Что с ней может случиться?»

А девушка-служанка, что ехала с дочерью князя, решила так: «Княжеский сын еще плохо знает свою невесту, дай-ка я выброшу ее в море, а сама наряжусь в ее платье; придет жених, подумает, что я его невеста, и возьмет меня в жены!»

Задумала так девушка и, выйдя наверх, упросила одного матроса достать ей большой ящик. Матрос достал ящик. Тогда служанка поведала ему обо всем и под конец сказала:

— Я тебе дам столько денег, что тебе на всю жизнь хватит!

Матрос согласился, взял деньги; после этого они вдвоем спустились к дочери князя, связали ее и посадили в ящик. Служанка выколола ей глаза и взяла их себе, а ящик они крепко-накрепко забили и бросили в море.

Светящиеся глаза невесты служанка спрятала в свой сундук. Потом она оделась в платье княжеской дочери и стала выдавать себя за невесту. Кто мог подумать, что она не дочь князя?

Вот княжеский сын вернулся на родину. Пароход причалил.

Их встречало много людей на машинах. Пришли к невесте, чтобы взять ее с парохода, смотрят — невеста сидит одна, спутницы ее нет.

— Где же твоя спутница? — спросили девушку.

— Она куда-то вышла. Я ждала ее все время: вот-вот придет, но ее все нет и нет; наверное, с ней случилось что-нибудь недоброе.

Спутницу невесты искали повсюду, но нигде не нашли. Тогда все вместе с невестой сошли с парохода и поехали в дом князя. Там князь устроил свадебный пир.

Вечером юноша вошел к жене и говорит про себя: «Неужели мои глаза меня обманули? Раньше она мне казалась гораздо лучше!»

Но делать нечего, он уже взял ее в свой дом. Из уважения к отцу своей жены он промолчал.

С тех пор зажили они вместе, но княжеский сын недолюбливал свою жену.

Шло время, а ящик с бедной дочерью князя все носился по волнам, пока не прибило его к берегам той земли, которой владел князь — отец жениха. Как раз в это время один пастух гнал своих коз по берегу моря. Он увидел на волнах ящик. Пастуху захотелось узнать, что в этом ящике. Он достал большой крюк и притянул ящик поближе. Тянул-тянул и вытащил его на берег. Пастух прыгал от радости, думая, что в ящике богатство, но вдруг, когда он бросил ящик на землю, оттуда раздался стон.

— Что такое! — воскликнул пастух.— Я мечтал, что найду здесь богатство, а вытащил что-то не то!

Тут из ящика послышался голос:

— Кто ты, старик ли, добрый ли молодец? Кто меня вытащил из моря?

Как услышал он голос, сейчас же взял свой топорик и снял с ящика крышку. Смотрит пастух, а в ящике лежит чудо-красавица, похожая на богиню, хотя и без глаз, но все же прекрасная; золотистые косы свернуты кольцами.

Увидел пастух красавицу, помог ей выйти из ящика, спрашивает:

— Что с тобой случилось, какое несчастье?

— Как видишь, у меня большое горе. Мои глаза не видят тебя, — ответила девушка. — Но если ты сын человека, сплети мне такой шалаш, чтобы никто туда не смог войти, и посели меня в нем, — стала просить дочь князя.

— Зачем тебе шалаш, когда у меня есть дом и я возьму тебя к себе? — ответил пастух.

— Если ты так думаешь сделать, то лучше брось меня снова в море! — ответила дочь князя.

— Ну, если так, идем пока ко мне, — сказал пастух. Он взял княжескую дочь к себе, и она провела ночь в доме пастуха. Сам же пастух ушел в лес, забрался в такую чащу, куда никто, кроме пастухов, что пасут коз, не мог проникнуть, и сплел там шалаш. В шалаше пастух сделал лавку, застелил ее, привел туда девушку и уложил. Пастух оставил ей пищу, но она не ела; дочь князя тосковала, горевала и хотела умереть. Умереть ей хотелось в таком месте, где бы не было слышно человеческого голоса. Вот почему она упросила пастуха сделать ей шалаш в дремучем лесу.

Пастух часто приходил к шалашу и заглядывал в щель — жива ли девушка?

А между тем голубь княжеского сына не давал юноше покоя — все твердил ему, что он женился не на той девушке. Княжеский сын делал вид, что не слышит слов голубя, и все чего-то ждал.

Однажды голубь князя полетел в лес. Он забрался в самую чащу леса, сел на ветку бука, посмотрел: внизу стоит шалаш.

— Кому надо было строить шалаш в лесу? — удивился голубь. Подлетел он к шалашу, заглянул внутрь и видит: какая-то красавица с длинными косами лежит на лавке, и больше никого в том шалаше не видеть.

Голубь быстро полетел домой, вызвал княжеского сына и говорит ему так:

— В дремучем лесу какая-то красавица выстроила себе шалаш и живет в нем. Такой красавицы я еще не видел!

И вот как-то вечером княжеский сын вместе с голубем отправились в дремучий лес, где стоял шалаш. Заглянул в щель юноша и видит: лежит в шалаше красавица с длинными, до пят косами. Полюбилась ему эта девушка, но как войти к ней, как поговорить? Думал-думал княжеский сын, наконец решил и

постучал в дверь. Девушка приподнялась с постели и спрашивает:

— Кто стучится в дверь, человек ли?

— Да, я человек, открой дверь, я хочу войти к тебе,— ответил княжеский сын.

Она встала и, шаря руками по стенке, подошла к двери и открыла. Вошел княжеский сын, смотрит — у девушки глаз нет. Меж тем она тихонько вернулась к своей постели и села.

Удивился княжеский сын, спрашивает ее:

— Кто ты такая, что с твоими глазами?

Девушка не сказала, кто она такая и что с ней случилось.

— Я живу здесь! — ответила она.

Тогда сын князя сказал ей так:

— Я тебя полюбил. Идем ко мне домой, я буду кормить тебя и ухаживать за тобой. Я княжеский сын и, хотя ты слепая, полюбил тебя.

Но девушка ответила:

— Куда я похожу, несчастная? Меня погубила одна женщина. Ах, скорей бы мне умереть, я только этого и жду!

— Не томи себя, не горюй ни о чем,— сказал княжеский сын.— Пока буду жив, у тебя всегда будет и еда и одежда. Я сделаю все, чтобы возратить тебе зрение.

Но девушка отказалась пойти в его дом.

С тех пор княжеский сын часто навещал девушку, и вскоре она поехала. Сын князя этому очень обрадовался и полюбил ее еще больше.

А жена его стала что-то подозревать. Она рассказала свекру и свекрови, что муж уходит от нее каждую ночь.

Отец с матерью позвали сына и спрашивают:

— Где ты бываешь? Жена твоя жалуется, что ночью ты уходишь из дому. Зачем ты это делаешь? Если вдруг приедет отец твоей жены и узнает все, ему это не понравится.

Но княжеский сын по-прежнему уходил из дому: он не любил свою жену, хотя не знал, что та, к кому он ходит в лес,— дочь князя, его невеста.

Вот однажды пришел княжеский сын в лес и видит: у его возлюбленной родился сын. Мальчик был большой, как годовалый ребенок, и играл у матери на коленях.

Обрадовался княжеский сын, взял мальчика, поцеловал его глаза, а сын закричал:

— Папа! — и повис у него на шее.

Молодому князю очень хотелось взять своего сына домой,

но он боялся отца с матерью. «Как тут быть?» — стал раздумывать княжеский сын. Потом говорит возлюбленной:

— Оставайся пока с ребенком здесь. Я опять приду этой ночью.

Тут мальчик как закричит:

— Возьми и меня домой!

— Я приду еще! — сказал отец, но мальчик заупрямился и не отпустил отца одного.

Что поделаешь? Княжеский сын взял ребенка на руки и пришел с ним домой.

— Где ты нашел ребенка? — спросили дома.

— Я нашел его на дороге, — ответил княжеский сын. — И если кто-нибудь посмеет обидеть мальчика, я того убью.

Не понравилось это жене. Она о чем-то догадывалась, подозревала, но говорить не смела. Правда, она не думала, что княжеская дочь, которую она бросила в море, осталась в живых. Жена лишь догадывалась, что тут что-то неладно.

А муж заказал мальчику платье, одел его в шелковые одежды.

Как-то раз жена открыла свой сундук и стала перебирать и рассматривать вещи. В это время к ней подошел мальчик. В сундуке лежала шкатулка. Как только мальчик увидел шкатулку, он схватил ее. Жена быстро отняла шкатулку у мальчика и спрятала. Мальчик стал кричать:

— Дай мне шкатулку! — но она не дала.

Ребенок плакал, не унимался. Отец услышал и крикнул:

— Почему он плачет?

— Так что-то расплакался, — ответила жена.

Ребенок не отходит от сундука, цепляется за него.

Тогда подошел отец и сказал жене:

— Отдай ему то, из-за чего он плачет, не то я убью тебя.

— Ну что ребенку здесь нужно? — сердито закричала жена и открыла сундук. Мальчик сейчас же схватил шкатулку, но она была заперта. Ребенок не мог ее открыть и еще сильнее расплакался. Княжеский сын закричал жене:

— Сейчас же открой шкатулку!

Жена разыскала ключ, отомкнула шкатулку. Мальчик быстро вынул оттуда глаза своей матери и стал плакать, просить отца, чтобы он отвел его к матери.

Отец взял мальчика и понес к матери в лес. Сын все держал свою шкатулку, не выпуская из рук. Пришли к матери, мальчик сел перед ее постелью, достал из шкатулки правый глаз,

вложил в правую глазницу матери, и глаз открылся. Потом то же сделал с левым глазом, и этот глаз открылся.

— Ах! — воскликнула женщина, взглянув на мир.— Если я теперь умру — в рай попаду!

Княжеский сын онемел от изумления.

А мать спросила своего сына:

— Сын мой, рожденный мне на радость, где ты нашел мои глаза? Где ты увидел ту подлую, которая вынула мои глаза?

Услыхал это княжеский сын и спросил ее:

— Скажи мне, кто ты такая?

И вот прозревшая дочь князя, сверкая глазами, начала говорить:

— Сейчас я расскажу тебе всю правду. Меня просватал сын князя и повез к себе домой на пароходе. Там я жила вместе с девушкой, которую дали мне в приданое. Эта девушка выколола мне глаза, посадила меня в ящик, ящик забила крышкой и бросила в море. Наверное, эта девушка вышла замуж за княжеского сына. А меня море носило, носило и выбросило на берег, заросший колючим кустарником. Какой-то пастух увидел ящик, в котором была я, вытащил его и взял меня к себе домой. Я попросила пастуха найти мне такое место, где бы мне никто не мешал. Тогда пастух привел меня сюда и оставил здесь. А потом ты нашел меня, а что было дальше, ты сам знаешь.

Обрадовался княжеский сын, обнял жену, поцеловал ее и говорит:

— Ведь это я тебя брал в жены, а та, которая хотела тебя погубить, живет в моем доме.

Потом он взял сына на руки, и все вместе вернулись домой.

Хитрая жена, что жила в его доме, увидела, что к пей идет дочь князя, но было уже поздно.

У князя был табун лошадей. Княжеский сын приказал поймать необъезженных коней, подозвал к себе хитрую жену и приказал слугам:

— Привяжите ее к лошадям. Пусть они, как волки, разорвут ее на куски!

Слуги так и сделали.

После этого молодой князь позвал мать и отца и все им рассказал. Отец с матерью очень обрадовались и снова устроили пир. А молодой князь, жена его и сын радовались, глядя друг на друга.

10. Птичка и яблоня

В одном селе жил князь. В саду у него росла яблоня. Каждый год на ней вырастало по семь яблок. Одно такое яблоко ценилось в тысячу рублей. Каждый год князь бережно собирал яблоки, продавал их и получал большие деньги.

У князя было три сына. Старшего звали Хадзгери, среднего — Джомлат, а младшего — Хаджарат.

Князь был очень богат и жил прекрасно. Каждую весну яблоня князя покрывалась белыми цветами, потом цветы опадали, и на яблоне оставалось семь яблок. Яблоки эти росли и в свое время созревали.

Но вот какая-то птичка заметила эти яблоки и в одну ночь унесла одно из них. На следующий день князь заметил, что на яблоне не хватает одного яблока. Он собрал всех своих слуг и спросил:

— Не видали вы, кто сорвал яблоко?

Слуги испугались. Со слезами на глазах они отвечали:

— Мы не рвали, и никто из нас не видел, кто сорвал яблоко.

Князь очень горевал о пропавшем яблоке.

А на другую ночь снова прилетела птичка и унесла еще одно яблоко. Утром глянул князь на яблоню и видит: еще одного яблока не хватает, осталось только пять яблок. Князь рассвирепел, стал ругаться, но делать было нечего. Ночью он приставил к яблоне сторожей и сказал им:

— Если этой ночью кто-нибудь унесет хоть одно яблоко, я снесу вам головы!

Всю ночь сторожа караулили, а под утро заметили, что какая-то птичка с пестрыми перышками подлетела к яблоне, сорвала одно яблоко и улетела. Сторожа начали стрелять, но птичка была не из тех, кого можно убить, и улетела.

Сторожа, зная, что это им даром не пройдет, разбежались куда глаза глядят, пока князь не встал с постели. Вот князь проснулся, поглядел на яблоню и видит: еще одного яблока не хватает. Он рассердился, стал браниться:

— Эх, разве это сторожа? Не сторожа, а падаль! Разве падаль могла убить вора? Этих сторожей самих стоит поубивать!

На следующую ночь князь приставил к яблоне других сторожей, но и у этих птичка стащила яблоко. Утром, как только князь заметил это, он еще больше рассвирепел, стал кричать и ругался до тех пор, пока не отрубили головы всем сторожам.

Так у князя осталось всего три яблока.

Снова наступила ночь. В эту ночь князь послал охранять яблоню своих трех сыновей и сказал им:

— Вы должны непременно узнать, кто ворует яблоки!

Всю ночь напролет братья, окружив яблоню, стояли возле нее. Когда же стало светать, старший и средний брат легли и заснули, а младший не спал: он сидел с берданкой в руках. Вдруг, когда он так сидел, прилетела пестрая птичка и села на ветку. Младший брат заметил птичку. Он смотрел и смотрел на нее — никак не мог наглядеться, а птичка тем временем сорвала яблоко и улетела.

Тут совсем рассвело, князь проснулся и пришел разузнать, что случилось за ночь. Поглядел князь на яблоню и видит: осталось только два яблока. Князь обругал своих сыновей:

— Эх вы, дурни безмозглые, не могли узнать, кто ворует мои яблоки!

Тут младший брат поведал отцу, кто ворует яблоки.

Тогда отец сказал:

— Если вы не разыщете ту птичку, где бы она ни была, не приходите домой, вам тут нет места!

Делать нечего. Братья собрались, оседлали крепких коней и уехали. Ехали, ехали, доехали до перекрестка семи дорог и, увидев там место для отдыха, остановились, слезли с коней, отдохнули и покурили. После этого младший брат, Хаджарат, сказал своим братьям:

— Братья, чем нам вместе ехать, давайте разъедемся по разным дорогам. Над нами нависла беда — где мы сможем найти летающую птичку?

— Очень хорошо! — ответили братья Хадзгери и Джомлат, согласившись с младшим братом.

Тогда Хаджарат сказал:

— Братья, перед тем как разъехаться, давайте припрячем здесь свои перочинные ножи, чтобы узнать, кто из нас первым вернется обратно.

— Хорошо, — ответили братья.

Все трое достали свои перочинные ножи и спрятали в таком месте, где никто бы их не нашел. Братья условились, что тот, кто вернется раньше других, возьмет свой нож, а остальные ножи оставит на месте.

И вот братья разъехались по разным дорогам. Старший брат, Хадзгери, поехал вверх, средний брат, Джомлат, — вниз, а младший, Хаджарат, поехал по боковой дороге.

Вот едет младший брат, едет, долго едет. Конь его измучился

и устал. Тогда Хаджарат слез с коня и взял его под уздцы. Так он шел, шел и наконец сам утомился. Хаджарат свернул с дороги, подошел к ольхе, снял с коня седло и повесил на ольху. Конь повалился на землю, а сам Хаджарат в глубоком раздумье отошел в сторону и сел на белый камень. Долго он так просидел, размышляя.

Но вот его стало клонить ко сну, он лег и заснул. Спал он тревожно, все время думал, что конь, его опора, подохнет от усталости и он останется один. Вдруг Хаджарат приподнялся, как будто вовсе не спал. Он протер глаза, оглянулся по сторонам и говорит:

— Где ж это я очутился? Не сон ли это?

Хаджарат подошел к коню, погладил его по шее, но конь уже подышал. Для Хаджарата это было большим горем, он заплакал, потом вынул платок, вытер слезы и стал ходить, чтобы успокоиться.

— Что меня ожидает, несчастного?! — воскликнул Хаджарат. — Отец наш, чтоб ему околеть, ненасытному, мучает нас из-за своих яблок! — Рассерженный, он подошел к дереву, снял седло, положил его на плечо и пошел дальше.

Шел, шел — далеко зашел. Наконец, устал, не смог больше идти и говорит:

— Почему бы мне не найти коня, которого суждено получить от бога?

И в тот же миг прекрасный конь с седлом и уздечкой выбежал из лесу и стал перед Хаджаратом.

Обрадовался Хаджарат, поблагодарил бога и вскочил на коня. Свое старое седло он бросил в лесу.

И вот, как только Хаджарат сел на доброго коня, он сам стал смелее. Поехал дальше. Ехал, ехал, далеко заехал и очутился в какой-то пещере. Хаджарат въехал в пещеру. Посмотрел, а перед ним посреди дороги сидит огромный агулшап.

— Куда я попал? — удивился Хаджарат. Он испугался, потому что этот агулшап охранял дорогу в глубь пещеры. Кто бы ни ступал на эту дорогу, всех агулшап пожирал. «Вот где мне суждено погибнуть, — подумал Хаджарат. — Этот агулшап меня сожрет!»

А меж тем агулшап спрашивает Хаджарата:

— Эй ты, всадник! Кого мне из вас съесть — тебя или твоего коня?

Услыхал Хаджарат эти слова, волосы дыбом у него встали.

— Ты что, не слыхал моих слов? — спросил опять агулшап.

— Если ты решил нас съесть, то пожирай обоих,— ответил Хаджарат.— Что мне делать без коня на такой дороге?

— Оставь это,— сказал агулшап.— Но если разрешишь мне съесть твоего коня, тогда я исполню то, ради чего ты пустился в путь.

Услыхав это, Хаджарат соскочил на землю, убил своего коня, разрезал его на куски и накормил агулшапа.

Тогда агулшап спросил:

— Спрос не беда: куда ты едешь и что ищешь?

— Я ищу одну птичку. Пока ее не найду, не могу вернуться домой.

— Если так, я доставлю тебя туда, где эта птичка. Она очень далеко!

— Мне обязательно надо увидеть ее. Помогите мне, добрый мой агулшап! — стал просить Хаджарат.

— Садись на меня верхом и три раза хлестни плетью, да покрепче!

Хаджарат так и сделал. Из всех сил он ударил агулшапа три раза, и тот полетел. Хаджарат крепко держался за него. Агулшап летел через скалы, через горы, залетел далеко и очутился вблизи того места, где находилась птичка.

Эта птичка принадлежала одному князю. У князя была единственная дочь, и птичка была ровесницей княжеской дочери. Они воспитывались вместе. Птичка умела говорить человеческим голосом и, чего бы ни пожелала, все могла сделать. Вот она-то и воровала яблоки князя, но не ела их, а приносила княжеской дочери.

Дочь князя была прекрасна, к тому же умела становиться невидимой и так быстро меняла облик, что никто не мог ее разглядеть. У дверей ее комнаты висела золотая клетка, в клетке сидела птичка.

Когда агулшап и Хаджарат прилетели к княжескому дворцу, агулшап сказал:

— Теперь ты пойдешь к князю и скажи ему так: «Продай мне свою птичку. За ценой я не постою, сделаю все, что ты захочешь».

Хаджарат так и сделал: оставил своего агулшапа у дворца и направился к князю. Открыл ворота, вошел во двор, поднялся на второй этаж и спросил княжеских слуг:

— Нельзя ли пройти к князю?

Слуги пошли и доложили князю:

— Князь, тебя хочет видеть какой-то человек. Впустить его?

— Хорошо, впустите! — ответил князь.

— Заходи! Князь разрешил тебе войти! — сказали слуги Хаджарату.

И вот Хаджарат, стройный, с тонкой талией, похожий на молодой красивый тонкий хмель, открыл дверь, вошел к князю с приветствием:

— Добрый день!

— Добро пожаловать! — ответил князь и пригласил его сесть. Потом он спросил юношу:

— Чего ты хочешь?

Хаджарат не посмел изложить князю свою просьбу.

— Не стыдись, расскажи, чего ты хочешь, — ободрил его князь.

Тогда Хаджарат сказал:

— Говорить о том, чего я хочу, очень трудно, но и не говорить нельзя. Я приехал из дальних стран, измучился в дороге, и все для того, чтобы купить птичку, заранее зная, что ты мне ее не продашь. Но все же я надеюсь на тебя, помня пословицу: «За человека человек отрежет кусок своего тела!» За ценой я не постою, требуй все, чего захочешь!

Князь задумался, но потом сказал:

— У меня и в мыслях не было продавать эту птичку. Но ты верно сказал: человек для человека может много сделать. Только цена будет большая — ты не согласишься!

— Нет, пусть будет какая угодно цена. Говори, что ты хочешь за нее, — я ни перед чем не остановлюсь! — ответил Хаджарат.

— Если так, то слушай: мне нужен араш. Араш этот принадлежит одному князю и стоит очень дорого. Но если ты мне достанешь этого араша, я отдам тебе мою птичку.

— Очень хорошо! — сказал Хаджарат. — Я достану тебе араша.

Хаджарат ушел, а князь подумал: «Он не сможет достать араша, и не видать ему птички. Это я ловко придумал!»

Между тем Хаджарат вернулся к агулшапу и рассказал, что князь отдаст ему свою птичку, если он достанет араша.

— Этот араш далеко отсюда, но ничего, полетим, — ответил агулшап.

Хаджарат вскочил на него, ударил три раза, и они полетели. Мчались, неслись, далеко залетели — агулшап знал, где живет тот князь, который владел арашем. Вот приблизились к тому княжеству, агулшап остановился и говорит:

— Я здесь останусь, а ты сходи к князю и попроси, чтобы он продал тебе своего араша. Он запросит огромную цену, но ты не отказывайся, а только скажи: «Я дам любую цену, но сперва должен испытать ход твоего араша». Князь разрешит тебе сесть верхом, а ты, как только сядешь, проведи рукой по шее коня, будто гладишь его, и вырви у него из гривы один волосок. Если ты сможешь это сделать, конь будет наш!

После этого Хаджарат пошел прямо в дом князя и говорит ему:

— Добрый день!

— Добро пожаловать, заходи! — стал приглашать князь.

Хаджарат вошел к князю.

— Садись, гость, — сказал князь и предложил ему скамью. Хаджарат сел. Тогда князь спросил его:

— Что хочешь, чего ищешь?

А Хаджарат в ответ:

— Говорить о том, чего я хочу, трудно, но и не говорить нельзя.

— Что же это такое, о чем тебе так трудно рассказать? А ну-ка говори, послушаем, что за диво! — сказал князь.

— Я приехал, князь, купить твоего араша! — ответил Хаджарат. — Я слышал, что ты продаешь его, а мне он очень нужен.

— Да, у меня есть араш. Многие приезжали, чтобы купить его, но никто не купил — цена большая.

— За ценой я не постою, — сказал Хаджарат. — Ты не смотри, что я молод, я дам столько, сколько ты захочешь.

— Вот цена моего араша. В одном селе живет князь, у него есть ручной голубь. Если бы ты достал мне этого голубя, получил бы взамен араша. Да только князь не отдаст тебе его.

— Если так, все в порядке, я достану тебе голубя! — ответил Хаджарат. — Но сперва я должен испробовать ход твоего араша. Может быть, это и не араш, а какая-нибудь ленивая, зангнанная кляча, тогда и голубя не стоит разыскивать!

— Хорошо, испробуй его ход! — ответил князь и послал своих слуг вывести араша.

Араша вывели во двор. Хаджарат сел верхом, проехался по двору, поджигитовал. Араш был превосходный. Он был так силен, что ничто не смогло бы его задержать. Он танцевал на месте.

Хаджарат сделал вид, что гладит араша по шее, а сам незаметно вырвал из его гривы один волосок и спрятал в карман.

— Араш мне очень понравился, покупаю! — сказал Хаджа-

рат и соскочил на землю. Он назначил срок и ушел, чтобы достать голубя. А князь после его ухода стал смеяться:

— Размялся мой араш, ему это полезно, а тот все равно голубя не достанет!

Меж тем Хаджарат пришел к агулшапу — своей гордости. Агулшап спросил его:

— Ну, что он тебе сказал, что ты сделал?

— Он мне сказал то-то и то-то, а я сделал так, как ты мне советовал, — ответил Хаджарат и показал агулшапу волосок из гривы араша.

— Хорошо, теперь он наш! — сказал агулшап. — Садись на меня, поехали.

Хаджарат сел, ударил агулшапа три раза плетью, и они полетели. Летели, летели, залетели очень далеко. Вот агулшап и говорит Хаджарату:

— Хаджарат, оглянись назад три раза и дерни меня за узду.

Хаджарат подумал: «Посмотрим, что из этого выйдет» — дернул агулшапа за узду и оглянулся. Смотрит, а из лесу выскочил араш князя, на котором он джигитовал, с седлом и уздечкой. Обрадованный Хаджарат подпустил коня поближе, поймал его, и они с агулшапом помчались дальше. Летели, летели через долины и скалы, наконец прилетели к тому князю, у которого была птичка. Агулшап остановился и говорит Хаджарату:

— Иди теперь к князю, отдай ему араша и возьми птичку, но только не давай уздечки араша. И вот что я тебе еще скажу: если ты сможешь подойти к дочери князя и взять что-нибудь, что ей принадлежит, хотя бы один волосок, тогда она будет наша!

Хаджарат так и сделал. Верхом на араше въехал он во двор князя. Князь удивился. Он думал посмеяться над Хаджаратом, а тот и вправду достал араша. Обрадовался князь: он давно хотел купить араша, но никак не мог этого сделать.

Князь устроил пир в честь Хаджарата. Хаджарат пробыл там целые сутки, потом собрался в путь. Тогда князь дал ему свою птичку вместе с золотой клеткой. Уходя, Хаджарат подошел к дочери князя и как будто в шутку вырвал у нее один волос и положил себе в карман. Волос, уздечку и птичку в клетке он принес туда, где его поджидал агулшап.

— Что ты принес? — спросил его агулшап.

— Я принес птичку, уздечку и волос из косы княжеской дочери.

— Хорошо! — сказал агулшап. — Садись на меня!

Он полетел. Летели, летели, далеко залетели. Хаджарат держал золотую клетку с птичкой, птичка пела, а Хаджарат радовался и думал: «Да, я, бедняга, много потрудился, а птичку все-таки достал. Но вдруг этот агулшап разгневется на меня?»

А между тем агулшап говорит ему:

— Хаджарат, достань свою уздечку, встряхни ее и оглянись назад.

Хаджарат встряхнул уздечку и оглянулся назад. Вдруг перед ним появился тот самый араш, которого он оставил у князя. Араш был оседлан — оставалось только сесть на него. Хаджарат очень обрадовался. Он вскочил на араша, но агулшап сказал ему:

— Не садись на него, пусть идет рядом, потом найдется, кого на него посадить.

Хаджарат слушался агулшапа во всем: он пересел с араша ему на спину, а конь побежал рядом.

Помчались дальше. Летели, летели, далеко залетели. Агулшап снова говорит:

— Встряхни-ка уздечку и оглянись назад!

Хаджарат сильно встряхнул уздечку и оглянулся.

И тут из лесу вышла дочь князя, закутанная в покрывало, и стала перед Хаджаратом. Хаджарат обрадовался, поднял ее, посадил на араша, и они помчались дальше.

Вот как повезло Хаджарату: он достал то, о чем никто и мечтать не мог: и араша, и жену, и птичку.

Так они летели, летели и прилетели к той пещере, где обитал агулшап. А Хаджарат то радуется, то черные мысли у него в голове: «Как бы этот самый агулшап, что сделал мне столько добра, не проглотил меня!»

А агулшап сказал Хаджарату так:

— Теперь возвращайся домой. Я достал все, что тебе надо.

Говоря это, агулшап похлопал Хаджарата по спине и отпустил.

Хаджарат вскочил на своего араша, и они поехали дальше.

Жена без солнца сияет, птичка в клетке поет, и едут они все дальше и дальше. Так приехали туда, где Хаджарат расстался со своими братьями. Хаджарат соскочил с араша и подошел к тому месту, где были спрятаны ножи: он хотел узнать, вернулся ли кто-нибудь из братьев домой. Посмотрел и видит: все ножи лежат на месте. Ему стало неприятно, но все же, ничего не сказав жене, он поехал к своему дому.

А дома отец с матерью не узнали своего сына. Когда Хад-

жарат уезжал, он был совсем молод, у него еще не росло ни усов, ни бороды, а теперь он возмужал и усы уже выросли. Заметил Хаджарат, что отец с матерью не узнают его, и напомнил им о себе. А родители уже и поминки справили по своим сыновьям, думая, что они погибли. И вот младший сын вернулся к ним.

В честь его родители устроили пир. Им было чему порадоваться: сын вернулся с невесткой, с арашем, с той самой птичкой, которая воровала яблоки. Теперь они счастливы, радуются. Другие сыновья где-то пропали, но младший заставил родителей забыть о них.

Между тем сам Хаджарат грустил о своих братьях.

— Эх я, герой! — думал он. — Неужели я, отыскав птичку, не смогу найти места, где погибли мои братья!

И вот однажды Хаджарат собрался в путь и сказал своей жене:

— Милая жена, я уезжаю. Ты оставайся у моих родителей — они тебя в обиду не дадут. А я, если мне не суждено умереть там, где погибли мои братья, вернусь.

Жена Хаджарата опечалилась.

— Куда ты уезжаешь, неужели не скажешь мне? — спросила она.

— Тебе-то я скажу, куда еду, — ответил Хаджарат. — Я должен разыскать то место, где погибли мои братья. Туда и еду.

— Ну, что поделаешь! Если и скажу тебе «Оставайся!» — все равно ты не останешься, — сказала ему жена.

Но отец с матерью сказали другое:

— Твои братья пропали, но ты вернулся домой цел и невредим. Мы тебя никуда не пустим!

Но Хаджарат не стал их слушать, вскочил на своего араша и уехал.

Ехал, ехал, далеко заехал. Ездил он и днем и ночью, всех расспрашивал, не видал ли кто таких-то людей, но нигде о своих братьях ничего не узнал.

Надоело Хаджарату ездить, сам себе он стал не мил. И вот как-то раз в одной долине Хаджарат увидел пастуха с большим стадом коз. «Пойду-ка я к нему, — подумал Хаджарат. — Пастухи всегда носят с собой крепкий табак. Попрошу я у него и покурю немного».

Подумал так Хаджарат и подъехал к пастуху. Они обменялись приветствиями.

Пастух был средних лет с длинными-предлинными усами.

— Пастух, не дашь ли мне покурить твоего крепкого табака? — говорит Хаджарат.

— Отчего не дать. Слезай с коня, отдохнешь в тени! — ответил ему пастух.

Хаджарат и вправду очень устал. Он соскочил с коня, привязал его к суку ольхового дерева, сам же уселся в холодке.

Тогда пастух достал табак и дал ему закурить. Хаджарат свернул самокрутку, сидел, курил и думал, и пастух подсел к нему. Так они просидели долго, покуривая и разговаривая.

Между тем пастух, слушая речь Хаджарата, стал о чем-то догадываться.

— Можно ли узнать, откуда ты родом? — спросил он.

— О, если я начну рассказывать, откуда родом и что пережил в своей жизни, я и за три месяца не кончу, — ответил пастуху Хаджарат. Потом он начал:

— У меня было два брата, оба старше меня. Все мы — сыновья князя. У нас росла одна яблоня. Каждый год на ней созревало по семь яблочек, каждое яблоко стоило тысячу рублей. Но вот однажды какая-то птичка приметила эти яблочки и начала таскать их с дерева. Все мы, три брата, пустились разыскивать эту птичку. Мы разъехались по разным дорогам. Тяжело мне пришлось в дороге, но все-таки я сыскал ту птичку, а кроме птички я еще, благодаря богу, кое-что нашел. Я вернулся домой, но мысль о братьях не давала мне покоя, и я поехал их разыскивать, но сколько ни спрашивал, ничего о них не узнал.

Услышав это, пастух с криком: «Брат мой, брат! Ты мой брат Хаджарат!» — вскочил на ноги. Радости его не было конца.

А Хаджарат глазам не верит:

— Что случилось, где я? Неужели ты мой брат Джомлат? Так ты жив, бедняга?

Тут братья, признав друг друга, расцеловались. Потом они сели вместе и начали говорить. Говорили обо всем, что они видели и что с ними случилось. Джомлат рассказал о себе:

— Я очень много ездил, но птички не нашел и решил не возвращаться домой: все равно отец убил бы меня. Я остался в этом краю, пришел к князю и нанялся к нему в пастухи — у него много скота. Вот уже тридцать пять лет, как я пасу его стада.

— Ну, а теперь ты вернешься вместе со мной домой? — спросил Хаджарат.

— Как же не вернуться, — ответил Джомлат, — если по

божьей милости нам пришлось с тобой встретиться. Разве я теперь здесь останусь?

Братья пошли к князю. Князь, узнав, что случилось, очень обрадовался.

— Бедняга,— сказал князь про Джомлата,— он все время тосковал о своих братьях, и я очень рад, что вы встретились.

Князь стал готовиться к пиру, велел побрить, вымыть Джомлата и одеть его в черкеску, а когда братья собрались уезжать, подарил ему хорошего коня с седлом да еще пятьсот рублей золотом в придачу. Младшего брата он тоже не забыл и с почестями проводил их домой.

Но братья не поехали прямо домой: они решили найти своего старшего брата или место, где он погиб.

Ехали братья, ехали, заехали очень далеко. Вдруг навстречу им скачет всадник. Братья решили: «Давай-ка спросим этого всадника, может, он что-нибудь знает о нашем брате!»

Они обратились к всаднику:

— Мы ищем пропавшего брата. Нет ли в вашем селе такого человека?

А всадник в ответ:

— Вот на этой поляне живет один князь. У него есть пастух, пасет индюков. Зайдите и спросите: может, этот пастух и есть тот самый человек, о ком вы спрашиваете.

Братья обрадовались и сказали всаднику:

— Ты добрый человек, принес нам хорошую весть. Будь настолько добр, покажи нам дом князя!

Тогда всадник поехал вперед, а братья за ним. Всадник показал им княжеские ворота и вернулся обратно.

Братья, нарядно одетые и обутые, въехали в княжеский двор. Смотрят и видят: какой-то человек, плохо одетый и пропахший индюшачьим пометом, держа в лапах кукурузу, зовет индеек, а потом загоняет их в угол.

Братья подумали: «Ох, несчастный, неужели это наш брат?» Но у пастуха были длинные-предлинные усы, и братья не признали в нем своего брата.

Братья сошли с коней. Княжеские слуги подбежали к ним. Одни привязали их лошадей, другие повели братьев в дом.

Князь ласково встретил их и усадил.

Прошло немного времени, и князь стал расспрашивать, зачем они приехали, что им нужно. Хаджарат встал и ответил:

— Мы ищем пропавшего брата. Мы слышали, что он живет у тебя. А сами мы много страдали, разыскивая брата.

— У меня много людей,— отвечал им князь.— Который из них ваш брат, я не знаю, но если он здесь, я вам скажу.

— Нашего брата зовут Хадзгери. Если он еще жив, то теперь в средних летах,— ответил князю Хаджарат.

— Если так, то ваш брат живет здесь, у меня, не беспокойтесь о нем,— сказал князь.— Вы молодцы: долго искали и все-таки нашли!

Братья очень обрадовались — они ведь не надеялись застать своего старшего брата в живых.

А князь тем временем послал человека за Хадзгери, и его привели.

Несчастный Хадзгери робко вошел в дом. Он был весь вымазан птичьим пометом, братья же были хорошо одетые, и он не узнал их.

Тогда князь спросил его:

— Хадзгери, смог бы ты узнать своих братьев, если бы их увидел?

— Бедные мои братья,— ответил Хадзгери.— Аллах ведает, где они теперь. Быть может, онц, подобно мне, где-нибудь прозябают.

А князь в ответ:

— Вот твои братья, они приехали за тобой!

Услыхал это Хадзгери и от радости потерял сознание. А потом, когда пришел в себя, он обнял своих братьев и братья обняли его.

Князь принял гостей с большим почетом. Накормил их, напоил, как полагалось, а старшего брата велел вымыть, побрить, одеть как следует, подарил ему оседланного коня и отпустил вместе с братьями.

И вот братья все вместе вернулись домой.

Отец и мать обрадовались их возвращению. Они давно уже справили поминки по своим старшим сыновьям, но Хаджарат нашел их. Устроили большой пир и зажили по-прежнему. А со своей женой Хаджарат тоже жил в ладу.

11. Пеструшка и мышь

Бежала по дороге мышь, увидела в кустах птичку-пеструшку и стала ей жаловаться:

— Не знаю куда деваться! Повсюду кошки преследуют меня, а люди ставят ловушки. Не дают мне житья!

— И моя жизнь такая,— ответила птичка-пеструшка.— Увидит кошка — съест готова, увидит белка — гонится за мной!

— Давай жить вместе,— предложила мышь.

— Давай,— согласилась пеструшка.

Вдвоем выбрали себе клочок земли и для начала решили очистить его от зарослей. Принялись за дело, но пеструшка не привыкла так работать.

— Да! Чуть не забыла... Брат мой женится! — соврала пеструшка.— Я должна поздравить его. Придется, мышка, тебя одну оставить!

— Иди, я поработаю,— ответила мышь.

Пеструшка взлетела и юркнула в лес. Там она порхала с ветки на ветку, издали наблюдая, как трудится мышь. Когда же пеструшка увидела, что мышь кончает работу, она выпорхнула из лесу.

— Почему так долго задержалась? Я здесь измучилась,— проговорила мышь, едва увидев пеструшку.

— Долго пир продолжался, и я не могла оставить гостей,— ответила пеструшка.

Расчищенную землю вспахали, засеяли кукурузой. Когда кукуруза взошла, принялись за прополку. Опять пеструшке работа показалась тяжелой.

— Умер мой отец,— сказала она печально,— я должна пойти проститься с ним.

— Эх, дад, с кем это не случается! Иди простись,— сочувственно согласилась мышь.

Снова улетела в лес пеструшка. Там она весело порхала с ветки на ветку, издали наблюдая за работой подруги.

Как мышь стала кончать прополку, пеструшка мигом прилетела на помощь.

— Я измучилась! Где ты до сих пор пропадала? — спросила бедовольная мышь.

— Похоронила отца, заболела мать. Вот и задержалась из-за нее! — привычно соврала пеструшка.

Урожай созрел, наломали кукурузу. Стали ее делить. Заспорили.

— Кто работал больше, тому и получать больше,— сказала мышь.

Пеструшка и слышать об этом не хотела. Она требовала половину. Спор перешел в драку.

В это время проезжали мимо всадники. Пеструшка и мышь

попросили рассудить их. Выслушали их всадники и сказали:
— Объявите войну друг другу, и победителю пусть достанется весь урожай.

Пеструшка созвала всех птиц, а мышь — всех четвероногих. Началась война. Победили четвероногие.

Вышло так: тот, кто не хотел работать, не получил ничего.

12. Лиса и дрозд

Однажды в яму-ловушку попали волк, медведь, лиса и заяц. Стали они думать, как помочь друг другу в беде, но ничего не могли придумать. Выбраться из ямы было невозможно. Долго просидели там опечаленные звери. Начал их мучить голод. Тогда хитрая лиса сказала:

— Давайте крикнем все вместе, и, у кого голос будет слабее, того мы съедем!

Заревел медведь изо всей силы, протяжно завыл серый волк, звонко залаяла лиса. Заглушили они слабый писк зайца. Голодные звери набросились на зайца, разорвали в клочья и мигом проглотили.

Однако ненадолго подкрепились они зайцем. Голод по-прежнему стал мучить зверей, и решили они вновь испытать, чей голос окажется слабее.

На этот раз проиграл волк. Бросились на него медведь и лиса, разорвали в клочья и принялись делить добычу между собой. Пока неповоротливый медведь старался выбрать для себя куски побольше, лиса незаметно спрятала часть волчьего мяса.

Наелся медведь до отвала и сладко задремал. А лиса, дождавшись, когда он уснул, тихонько достала спрятанное мясо и давай есть.

Вдруг медведь проснулся.

— Откуда у тебя мясо? — удивился он.

Хитро усмехнувшись, лиса отвечает:

— Глупый ты медведь! Неужели ты не знаешь, как раздобыть мясо?

— Научи меня, — попросил медведь.

— Это очень просто. Подними лапу, вцепись когтями в свое ребро и потяни что есть силы. Я всегда поступаю так в трудных случаях.

Поверил медведь, сделал так, как научила его лиса, и тут же издох.

Осталась лиса одна в яме и принялась за медвежатину. Когда все мясо было съедено, вновь лису стал мучить голод. Целыми днями лежала лиса в яме и пристально смотрела вверх.

Над ямой росло дерево. Однажды лиса увидела на этом дереве дрозда, который вил там себе гнездо. Долго следила за ним лиса разгоревшимися глазами. Наконец не выдержала и спросила:

— Дрозд, а дрозд, что ты делаешь?

— Не видишь разве, что я делаю? Вью себе гнездо.

— Для чего тебе гнездо?

— Для того, чтобы вывести детей.

— Не можешь ли ты услужить мне? — спросила лиса и стала жаловаться на свою горькую участь. Ни единым словом не обмолвилась она о зайце, медведе и волке. — Не дай мне погибнуть от голода, милый дрозд, постарайся вытащить меня из ямы, — закончила она со слезами.

Сильно опечалился дрозд, перелетел на другую ветку и задумался. Очень хотелось ему выручить лису. Вскоре он сообразил, как это сделать, и принялся за работу. Все что ни попадалось ему — камни, ветки, мусор — он стал бросать в яму.

Постепенно на дне ямы выросла горка. По ней-то лиса и выбралась на волю.

Когда беда миновала, решила лиса съесть дрозда.

— Давай погоняемся друг за другом, — предложила она сладким, медовым голосом, а то я совсем залежалась.

— Хорошо, — ответил дрозд, — я полечу, а ты беги за мной.

Он стал порхать с куста на куст, а лиса незаметно старалась схватить его. Понял дрозд уловку лисы и заманил ее к селу. Там он уселся на изгородь и крикнул хозяевам:

— Дайте мне кусок мяса!

Это услышали собаки, выскочили со двора, поймали лису и разорвали ее в клочья. А дрозд спокойно полетел к себе в гнездо.

13. Петух, свинья, коза и осел

В одном селе жила вдова. У нее были коза, свинья, осел и петух. На осле вдова возила дрова и кукурузу; коза приносила ей козлят и давала молоко; свинья плодила поросят, а петух стегал цыплят. Когда цыплята, козлята и поросята подрастали,

вдова их продавала или резала для себя. Она всегда ела мясо и яйца, пила молоко, а кроме того, выручала много денег.

Однажды осел, спасаясь от жары, зашел в дом. Там на полке он увидел кувшин с кислым молоком, и захотелось ему поесть кислого молока. Но только он засунул в молоко морду, как вернулась хозяйка, схватила палку, выгнала осла и жестоко его избила. Очень обиделся осел на хозяйку и сказал ей:

— Я все время служил тебе, ходил на мельницу, таскал дрова из лесу, а ты бьешь меня. За что? За то, что я выпил немного молока! Не хочу я после этого оставаться у тебя!

Повернулся осел и пошел со двора куда глаза глядят.

На другой день свинья, изголодавшись, стала рыть землю во дворе. Увидела это хозяйка и принялась швырять в свињу острыми камнями. До крови изранила она ее и прогнала прочь со двора. Обозленная свинья спросила:

— Сколько я принесла тебе поросят? Ты, наверное, уже забыла? Конечно, теперь, когда ты их продала, зачем я тебе нужна?! — И побежала она вслед за ослом, догнала его и спрашивает:

— Куда ты идешь?

— Иду куда глаза глядят, только бы уйти подальше от благодарной хозяйки, — ответил осел.

— Возьми меня с собой, — попросила свинья. — И я ненавижу эту женщину!

Согласился осел и вместе со свиньей отправился дальше.

Тем временем вдова заметила, что в огород забралась коза и ест фасоль.

— Ах, чтоб тебя волки съели! — закричала вдова, поспешив в огород. Там она вывернула один из кольев, подпиравших вьющиеся стебли фасоли, и что было силы ударила козу. Отбежала коза в сторону и говорит:

— Из-за такого пустяка ты больно ударила меня, а то добро, что я для тебя сделала, ты, конечно, забыла. Теперь не увидишь меня здесь!

Сказала так коза и ушла со двора. Быстро нагнала она осла и свињу и спрашивает их:

— Куда идете?

— Идем куда глаза глядят, — ответили ей друзья.

— Пойду и я с вами, — сказала коза.

К вдове пришел желанный гость. Решила она зарезать петуха. Но петух, увидев нож, испугался и полетел со двора прочь.

Летит он, летит и заметил вдали осла, козу и свинью. Подлетел к ним и говорит:

— Добрый день, друзья!

— И тебе добро увидеть! Куда летишь, петух? — спросили путники.

— Куда глаза глядят, — ответил петух.

— Тогда идем с нами, — приветливо сказали ему осел, свинья и коза.

Пошли дальше все вместе — осел, свинья, коза и петух. Когда стало темнеть, остановились они переночевать в лесу. Петух взлетел на самую верхушку дерева, коза вскарабкалась на нижние ветки, а свинья и осел расположились под деревом.

Ночью шакалы почуяли добычу. Они послали лисиц за мясом. Но петух вовремя увидел их, захлопал крыльями и начал громко кукарекать. Лисицы испугались и убежали обратно.

— Ну, что сделали? — спрашивают их шакалы.

— Еле-еле сами спаслись, — ответили перепуганные лисицы.

— Выходит, напрасно только бегали, — недовольно заворчали шакалы. — А ну, попытайтесь еще раз, авось добудете мясо!

Изо всех сил старались угодить шакалам лисицы, но опять постигла их неудача. Осел, заметив приближение врагов, заорал так громко, что лисицы с перепугу еле ноги унесли.

— Где же ваша добыча? — спросили их шакалы.

— Какая там добыча? — ответили лисицы. — Они все разом подняли такой ужасный крик, что мы пустились наутек.

Не поверили шакалы лисицам и послали с ними одного из своих храбрецов. Когда хищники приблизились к животным, стало уже светать. Свинья рыла землю, коза бродила между колючек, а осел и петух забрались в кусты.

— Наверное, они ищут нас, — подумали лисицы и со страху бросились бежать. А осел, едва только увидел шакала, упал на землю и притворилсядохлым. Подошел к нему шакал и собрался уже разинуть пасть, но тут свинья так ударила хищника рылом под брюхо, что тот замертво упал на землю. А коза подхватила шакала на рога, и он тут же нашел свою смерть.

Отдохнули друзья и снова двинулись в путь. Долго шли они и наконец вышли на большую поляну, посреди которой стоял дом. Душистая трава покрывала поляну, а вокруг с деревьев свисали крупные кисти винограда.

Проголодавшиеся путники с жадностью принялись за еду.

Осел и коза щипали траву, петух взлетел на дерево и стал клевать виноград, а свинья нашла в земле много кореньев.

Вдруг петух заметил адауы, возвращающегося из лесу домой. Друзья бросились в дом, чтобы спрятаться. Впныхах они все испачкали и перевернули, но не нашли такого места, где можно было бы спрятаться. Метались они туда-сюда и наконец забрались на чердак.

Вошел адауы в свой дом и ахнул: такого беспорядка никогда в доме не было. В гневе хозяин стал искать виновников. И, может быть, нашел бы их скоро, да под ослом проломилась доска, и он рухнул вниз прямо на адауы. Вслед за ним свалились свинья и коза, а напоследок слетел и петух. Испуганный адауы подумал, что его хотят съесть, со всех ног бросился бежать в лес и больше оттуда не вернулся.

Так петух, свинья, козел и осел спаслись от врагов и завладели богатством адауы.

14. Свинья

Жили старик со старухой. Была у них только одна свинья, да и ту кормить было нечем. Каждый день свинья ходила в лес, чтобы подкрепиться желудями.

Так однажды отправилась она добывать себе корм. Вдруг навстречу ей попался волк и спрашивает:

— Свинья, свинья! Куда ты идешь?

— Иду я в дубовый лес за желудями, — ответила свинья.

— Не возьмешь ли ты и меня с собой, дорогой друг? Я тоже хочу кое-что раздобыть там, — приветливо сказал волк.

Не верила свинья в его дружбу. Но что было ей делать? Решила она хитростью избавиться от опасного спутника и ответила:

— Идем. Мне веселее будет! Только предупреждаю: по дороге мы встретим глубокую яму. Сможешь ли ты перепрыгнуть? Засмеялся волк и сказал:

— Это мне легко сделать.

Через некоторое время приблизились они к яме, очень глубокой и широкой. Увидел волк яму и струсил.

— Прыгай ты первая! — предложил он свинье.

— Если я прыгну первая, то под моей тяжестью край ямы может обвалиться. Боюсь, что тогда ты вовсе не сумеешь перепрыгнуть.

Видит волк, что надо ему начинать, разбежался, прыгнул и свалился на самое дно ямы. А свинья обошла эту яму кругом, забралась в лес и досыта наелась желудей. Вечером она спокойно вернулась домой.

На следующий день свинья опять отправилась в лес. Шла она, шла и по дороге встретила огромного медведя. Увидел косилапый свинью и проворчал:

— Далеко ли путь держишь?

— Иду в лес, желудей поесть.

— Возьми и меня с собой, — попросил медведь. — Я очень хочу полакомиться желудями.

— С большим удовольствием, — ответила свинья, — но я боюсь, что ты не сумеешь перепрыгнуть через яму, которой нам не миновать.

— Не беспокойся за меня, — проворчал медведь.

Подошли они к яме. Расправил медведь неуклюжие лапы, разбежался, прыгнул и угодил в самую яму. А свинья обошла яму стороной — и прямо в лес. Наевшись там досыта, она вернулась к вечеру домой.

Между тем хозяева решили зарезать свинью, мясо продать и на вырученные деньги купить себе что-нибудь из одежды. Наутро старик взял нож, поймал свинью и хотел повалить ее на землю. Но свинья вырвалась из рук старика и побежала. Хозяева бросились догонять ее. Добежала свинья до той ямы, где сидели волк и медведь, и давай бегать вокруг. Увидел тогда старик неожиданную добычу, обрадовался и тут же убил зверей.

Шкуры и медвежье мясо старик продал. На вырученные деньги купил он одежду себе и старухе, а для свиньи — хорошего корма.

15. Три брата

Жил один хороший охотник. У него было три сына. И вот однажды, когда охотник собрался умирать, он позвал к себе всех трех сыновей и сказал им так:

— Сыновья мои, я умираю. А вы живите всегда так, как жил ваш отец, будьте добры и справедливы, чтобы вас все уважали, и сами уважайте других. Когда же будете охотиться и дойдете до перекрестка двух дорог, никогда не сворачивайте в левую сторону, в лес, всегда идите в правую сторону.

Сказал так отец и умер.

Как-то раз два старших брата, позабыв совет отца, свернули на перекрестке двух дорог в левую сторону. Долго они бродили по лесу, но не нашли ни одного зверя. Братьев стал уже мучить голод, когда они заметили в конце леса прекрасную поляну. Посреди поляны стоял накрытый стол, а на столе были всевозможные яства. Оглянулись братья кругом — нет никого. Они решили подзакусить и уже направились к столу, как вдруг перед ними появился старик с белой бородой и сказал:

— Добрый день! Пожалуйте сюда, подзакусите,— и подождал братьев к столу.

Братья не стали отказываться. Они сели за стол и хорошо поели. Но когда братья встали из-за стола, старик с белой бородой ударил их слегка хворостинкой, и они обратились в прекрасных быков с длинными — длиною в локоть — белыми рогами. Они стали перед стариком, и старик загнал их в огороженное место.

Много дней прождал младший брат своих старших братьев и наконец решил пойти на поиски. Долго искал младший брат, но никого не нашел, даже слуха о братьях не было. Но вот однажды младший брат зашел в тот самый лес и видит: на огромной поляне пасутся большие быки, еле-еле виднеются из-за высоких трав, а поодаль стоит стол со всевозможными яствами.

Оглянулся младший брат вокруг — нет никого. Удивился, сел и решил подождать, но никто не пришел. Так он ждал три дня. Младший брат умирал с голоду, но к столу не подходил. И вот, когда он, не видя ни души, уже собрался уходить, в ту самую минуту перед ним появился старик с белой бородой.

— Добро пожаловать! — сказал старик. — Ты сидишь тут три дня и ничего не ешь. Разве ты не голоден? Иди к столу, подзакуси немножко.

Но младший брат ни за что не хотел сесть за стол.

Тогда старик стал спрашивать:

— Какая беда приключилась с тобой, кого ты ищешь?

Пристал старик к младшему брату, и тот рассказал:

— У меня было два брата. Как-то раз они ушли на охоту и с тех пор не возвращались домой. Я давно их ищу, но нигде не могу найти и, пока я их не увижу, буду искать.

— Ну хорошо, иди сперва поешь, прежде чем снова пойдешь на поиски,— опять стал спрашивать старик, но младший брат снова отказался.

— Если так,— сказал тогда старик,— вот тебе пара быков,

могу одолжить на год. Ты не жалеяй их, используй для всякой работы, только не режь. Бери и иди. А братьев перестань разыскивать — это бесполезно!

Сказал так старик, отдал младшему брату быков и отпустил домой.

Правду говоря, младший брат, не щадя быков, целый год работал на них. Под конец он устроил поминки по своим братьям и, когда настал срок, пригнал быков в лес, обратно к хозяину. Шеи у быков были покрыты мозолями. Вот появился хозяин быков, и, так же как всегда, стоял накрытый стол. Старик опять принялся упрашивать младшего брата, чтобы тот поел чего-нибудь, но тот отказался.

— Ну, молодец! — сказал тогда старик, хлестнул быков своей хворостиной, и они снова стали людьми. Тут младший брат увидел перед собой своих старших братьев. Удивился же парень!

А старик обратился к старшим братьям и спрашивает:

— Скажите мне, чего бы вам хотелось больше всего на свете?

— Больше всего мы хотим получить огромное богатство, много-много денег! — сразу ответили старшие братья.

И вдруг у них появилось огромное богатство, бесчисленное множество золота и серебра.

— Ну, а ты чего больше всего хотел бы получить? — спросил старик младшего брата.

— Да буду я жертвой твоей головы, мне ничего не надо! — ответил он.

— Как, неужели ты живешь без всяких желаний? Скажи, чего тебе хочется? — стал упрашивать старик младшего брата, но младший брат ничего ему не ответил.

— Ах, чтоб тебе пусто было! — закричали на него старшие братья. — Скажи, что хочешь богатство!

А старик все спрашивает:

— Ну, говори же, чего ты хочешь больше всего?

— Раз ты так просишь меня, я скажу, чего мне хочется, — ответил младший брат. — Больше всего я хочу иметь жену, добрую и ласковую, которая не позорила бы меня.

Когда старшие братья услышали эти слова, они рассердились, взяли свои сокровища и ушли домой.

Старик же сказал:

— Ой, в какое положение ты меня ставишь! Я знаю только одну такую девушку, да и та уже просватана за богача и сего-

дня ночью выходит замуж. Но,— сказал он, подумав,— иди прямо к ее дому. Сейчас там справляют свадьбу. А ты, как только войдешь во двор, кричи: «Кто берет мою невесту?» Если тебя спросят: «Как, разве она твоя невеста?» — ты им отвечай: «Идемте к очагу. В то место, где очаг, я воткну сухую ветку яблони, а ваш зять пусть воткнет свежую ветку яблони. Чья ветка скорее превратится в яблоню и на чьей яблоне быстрее созреют и упадут яблоки, тот пусть и берет себе в жены невесту!»

Младший брат так и сделал: он направился к дому девушки, вошел во двор и, увидев народ, стал кричать: «Кто берет мою невесту? Кто берет мою невесту?».

— Ах ты несчастный, убирайся подальше с наших глаз! — закричали люди и принялись избивать младшего брата, но и лежа на земле он повторял: «Кто берет мою невесту?»

— Ах ты несчастный, да как она стала твоей невестой? — спросили младшего брата.

Тогда он сказал о ветке яблони. Все стали издеваться над ним:

— Несчастный, убогий! — а потом взяли свежую ветвь яблони и воткнули в золу, младший же брат взял откуда-то сухую ветку и тоже воткнул в очаг. Смотрят все и видят: сухая ветка вдруг сразу покрылась множеством цветов, цветы превратились в яблоки, они мгновенно созрели и начали падать.

Поразились люди и отдали девушку младшему брату. Он взял ее, пошел домой и решил устроить свадебный пир. Приходит к своим братьям-богачам (они жили в янтарных дворцах) и просит их подарить одного барана.

— Ах несчастный, ты же не захотел богатства, а вот теперь просишь! Иди подальше! — сказали старшие братья и прогнали его.

Тогда младший брат раздобыл где-то петуха и устроил маленькое угощение. После этого он сплел хижину и поселился в ней вместе со своей женой, да еще взял у кого-то корову исполу.

Прошел год. У жены младшего брата родился ребенок. На следующий день был праздник — пасха, и младший брат решил снова пойти к братьям — попросить, чтобы они ради пасхи подарили ему барана. Долго он просил старших братьев, наконец они дали ему барана, и он привел его домой.

Но в этот самый день умер его ребенок. И решили младший брат с женой, что никому не скажут о смерти ребенка, пока не пройдет праздник, чтобы не печалить других людей.

Настала пасха. Старший брат зарезал большого барана и, подвесив вниз головой, стал снимать с него шкуру. Тут он заметил, что в его двор въехал на муле какой-то человек с белой бородой.

Старший брат не бросил своей работы, лишь сказал жене:

— Отведи гостя в дом!

Сняв шкуру, он принес мясо домой и вымыл руки.

— Это ты зарезал для себя ради пасхи, а для гостя не будешь резать? — спросил гость шутя.

— Этого мяса хватит всем, не только гостю, но и нашим соседям вместе с их собаками! — ответил хозяин.

После этого человек с белой бородой приехал на своем муле к среднему брату. И средний поступил с гостем так же, как и старший брат.

Наконец человек на муле поехал к младшему брату. А младший брат в это самое время, зарезав своего барана, снимал с него шкуру. Как только жена младшего брата увидела гостя, она сказала мужу:

— Слушай, гость едет! Бросай работу, скорее мой руки, иди встречать! Скорее, скорее!

Младший брат сейчас же бросил работу, быстро вымыл руки и пошел навстречу гостю. Встретив его, младший брат поздоровался, придержал гостя стремя, пока тот спешился, а потом повел его в дом. Затем младший брат кончил снимать шкуру со своего барана и побежал к старшему брату просить еще одного барана для гостя. Но старший брат прогнал его. Тогда младший брат пошел к среднему, но и тот отказал ему.

— Я отдам тебе свою половину коровы, только дай мне барана! — стал упрашивать младший брат, и только тогда средний согласился, дал ему одного барана.

Младший брат привел его домой, зарезал, и, когда снимал шкуру, к нему подошел гость.

— Ты уже зарезал одного барана, а этот зачем? — спросил он младшего брата.

— Э, что ты! — ответил он. — Первый баран для нас, а для гостя у нас полагается целый, можно ли чего-то жалеть для гостя?

Вот, когда все наелись, гость заметил люльку и попросил хозяйку вынуть оттуда ребенка.

— Да буду я жертвой твоей головы, я его только сейчас убаюкала! — сказала женщина, скрыв, что ребенок мертв.

— Я тебя прошу, покажи мне ребенка и отдай ему вот это, —

сказал гость и, вынув из кармана красное яйцо, передал женщине.

Не понравилось это матери, но что она могла сделать? Распеленала она ребенка, и вдруг он ожил, стал смеяться и, подняв ручки, потянулся к красному яйцу.

Обрадовались муж с женой, но сидели как ни в чем не бывало, как будто ничего и не случилось. Немного погодя гость поднялся, чтобы ехать дальше, и сказал им так:

— Спасибо вам за хороший прием. Вы действительно знаете, что такое доброта и ласка. У твоих старших братьев нет этого, никакой доброты нет. Все, что они имеют, ничего не стоит. Так пусть же с этих пор твое хозяйство растет и богатеет, а у твоих братьев все уменьшается и уменьшается. Больше они от меня ничего не получают!

Сказал так гость, сел на мула и уехал.

С тех пор богатство младшего брата что ни день увеличивается, течет к нему рекой, а богатство старших братьев все уменьшается и уменьшается. В конце концов они стали беднее, чем был когда-то их младший брат, а он разбогател. Старшие братья попали под его власть и стали пить ту сыворотку, которую он выливал.

16. Сказка

о трех сыновьях князя

Жил один князь. У него было три сына.

Этот князь любил путешествовать. Бывал он в горах, бывал и у моря. Не было дороги, которой бы он не знал.

Князь часто говорил своим сыновьям:

— Не ходите по этой тропе! — и показывал им одну дорогу. — Пока я жив, не пущу вас по ней, а когда умру, вы тоже не ходите: вас эта дорога приведет к несчастью.

Пока отец был жив, никто из сыновей и не думал пойти по той дороге. Жили себе и жили. Но вдруг отец умер. Это было большим горем для сыновей. Погрустили, погоревали, потом устроили похороны.

Прошел год с тех пор, и отцу устроили поминки. Спустя много времени как-то раз старший брат оседлал коня, принарядился и куда-то уехал. Братья не спросили его: «Куда едешь?» Он уж не маленький, парень взрослый, сам знает, куда ему ехать.

Ехал-ехал старший брат, далеко заехал и очутился у той тропы, по которой отец запретил ездить. Заметил он эту дорогу, долго стоял возле нее, о чем-то думая, и вспомнил слова отца. «Отец нам не велел ходить этой дорогой, — подумал он, — но, что бы со мной ни случилось, я пойду и разузнаю, что там такое!» Решил так старший брат и поехал по запретной тропе. Ехал он и боялся увидеть что-нибудь страшное. Наконец доехал до длинного-предливанного поля: если станешь на одном конце этого поля, не увидишь другого конца. Вокруг поля стоял дремучий лес, все оно было покрыто высокой, по колено, травой, да не простой, а все клевером, а посредине росло такое большое ореховое дерево, что в его тени могли бы расположиться сто человек.

Старший брат подъехал прямо к этому дереву. Смотрит, а в тени под деревом стоит столик, на нем три кучки абысты, в каждую воткнут кусок копченого сыра, и все это еще горячее. Парень очень удивился. Он слез с коня, снял уздечку, ослабил подпругу и пустил коня в траву, а сам подошел к столу, посмотрел на горячую абысту и почувствовал голод.

— Поем, что бы со мной ни случилось! — решил старший брат и уселся за стол. Но не успел он съесть и двух ломтиков, как с неба стремглав спустилось что-то похожее на самолет, а в нем сидел человек. Старший брат старался понять, что это такое, и, пока он смотрел, вытаращив глаза, этот человек, пролетая над ним, убил его и улетел.

А младшие братья ждут его не дождутся. «Вот сегодня придет, вот завтра придет», — говорили они, но, сколько его ни ждали, брата не было.

Ждали-ждали, не дождались и решили искать старшего брата. Искали там и сям, но нигде не нашли: пропал старший брат! Надоело братьям разыскивать его, они и говорят:

— Все равно брата нет в живых, он где-то погиб! — и надели траур.

Прошел год, и старшему брату устроили поминки. Но братья не знали, кто убил их старшего брата, не знали, где он погиб. Тогда средний брат собрался в дорогу и сказал:

— Пока я не узнаю, где погиб наш брат, домой не вернусь!

Ехал он, ехал и так очутился около той тропы, по которой отец запрещал ходить. Вспомнил это средний брат и решил: «Пойду-ка я по этой дороге! Может быть, наш старший брат пошел по ней и погиб. Пусть и я тоже там погибну или узнаю, отчего умер старший брат».

Ехал он, ехал по этой тропе и наконец доехал до большого

поля. Красивое было поле: кругом — дремучий лес, трава в поле по колено, посредине — большое ореховое дерево. Кто бы ни увидел это поле, всякому бы оно полюбилось.

Средний брат подъехал прямо к ореховому дереву. Смотрит, а под деревом — труп старшего брата. Но тело было совсем не тронуто, как будто брат умер только сегодня. Неподалеку ходил в траве конь старшего брата. На нем еще держалось растрепанное, сгнившее седло, а сам конь разъялся и стал походить на араша. На столе по-прежнему лежали, поблескивая, три кучки абысты. В каждую был воткнут кусок сыра. Две были не тронуты, а из третьей кто-то взял две-три щепотки.

Посмотрел средний брат, поразился. Все это показалось ему похожим на сказку. Он слез с коня, снял уздечку, ослабил подпругу и пустил коня в траву. После этого подошел к брату и хотел его приподнять. Но как его приподнимешь? Лежит, вытянувшись, холодный труп.

— Ну хорошо, посмотрю, что дальше будет! — сказал средний брат. Он сильно проголодался, сел за стол, но не успел съесть и двух щепоток абысты, как с неба стремглав прилетело что-то похожее на самолет, ударило его, убило и улетело.

Остался младший брат совсем один. Ждет он среднего брата: «Вот сегодня приедет, вот завтра приедет!» Ждет, прислушивается, а брата все нет и нет.

Стал он разыскивать брата. Искал там и сям, но нигде не нашел. Долго искал, измучился и, когда наверняка решил, что брата уже нет в живых, устроил оплакивание и поминки, стал носить траур столько времени, сколько полагалось.

Загрустил младший брат: пропали его дорогие братья, а он не знает даже места, где они погибли, где умерли, не знает куда себя деть.

И вот однажды решил он так: «Все равно теперь моя жизнь ничего не стоит, незачем мне жить на свете. Надо мне тоже куда-нибудь деваться. Уж лучше уйду я из дому и не вернусь, пока не узнаю, где погибли мои старшие братья».

Решил так младший брат, оседлал коня и уехал.

Ехал-ехал и доехал до той самой тропы, по которой отец при жизни запрещал им ходить.

— Э, что бы со мной ни случилось, поеду по этой дороге! Может быть, мои братья пошли по ней и погибли здесь, — сказал младший брат и пустил своего коня по этой тропе.

Тропа вела через дремучий лес, младший брат ехал по ней и забрался в глубь леса. Вдруг перед ним открылось большое

поле, покрытое высокой, по колено, травой. Вокруг стоял дремучий лес, а посреди поля росло большое ореховое дерево.

Младший брат подъехал прямо к этому дереву и видит: оба его брата мертвые лежат под деревом. Их отъевшиеся кони ходят поблизости в высокой траве, на них еще держатся сгнившие седла, а братья выглядят так, как будто умерли только сегодня. Тут же стоит столик с абыстой, в каждой кучке абысты — по куску сыра. Две кучки начаты, а третья — нетронутая и горячая.

Увидел все это младший брат, поразился. Сначала он обрадовался, увидев братьев, потом заплакал: после стольких лет разлуки нашел их мертвыми.

— Теперь будь что будет! — сказал младший брат, соскочил с коня, привязал его, подошел к братьям и тронул их, но разве он мог сдвинуть их с места? Так и остались лежать холодные трупы. Долго стоял над ними младший брат в глубоком раздумье и понял, что здесь таится что-то невиданное, неслыханное. «Не уйду отсюда, пока не узнаю, что здесь случилось, хотя бы мне пришлось умереть, как моим братьям!» — решил младший брат. Потом он подошел к столу, где лежала абыста, и сел. Но не успел он взять второй щепотки абысты, как услышал какой-то страшный звук. Глянул наверх и увидел что-то летящее, как самолет.

— Что это такое? — воскликнул младший брат и стал приглядываться. А это «что-то» летело вниз, чтобы убить младшего брата, но не успело долететь до земли, как младший брат напрягся и поймал его. Оттуда вышла прекрасная девушка. Она вся светилась, а лицо ее было как кровь с молоком.

— Не убивай меня, не убивай — я человек! — сказала девушка. Она была удивительно прекрасна и освещала весь мир.

Но младший брат сказал ей:

— Сейчас же верни жизнь моим старшим братьям, которых ты убила, а не то я сам вот на этом месте убью тебя!

Что девушка могла поделать? Она вынула из кармана какой-то платок, подошла к мертвым и провела платком по их телам. И тут братья ожили и вскочили на ноги! Эти мертвецы, что лежали года два-три, вдруг стали ходить! Они заметили младшего брата и спрашивают:

— А, и ты здесь? Где ты был, как сюда попал, что тебя привело?

— Что меня приведет? Сам пришел! — ответил младший брат.

Тогда братья пошли ловить своих коней — они паслись в траве, — с трудом поймали их, потому что года три на этих конях никто не сидел и они стали как араши. Поймали их братья и привязали.

А девушка все стоит и светится как свеча. Наконец, она сказала:

— Я не простая девушка, я колдунья. Вы все трое — мое счастье. Я должна была выйти замуж за того, кто меня победит. Такова моя судьба. Теперь вы двое — мои шурины, а ты, их младший брат, — мой муж. Идемте, я живу поблизости! — сказала девушка и повела трех братьев к себе домой.

Устроили свадьбу. После свадьбы девушка оставила младшего брата у себя, а старших проводила домой, подарив им золота столько, сколько они могли унести. А затем она показала младшему брату, которого взяла себе в мужья, все комнаты и отдала ключ от сундука с золотом. Показала, где лежит ее одежда, только не показала, что хранится в одном маленьком ларце, и не отдала ключа от него. Младшего брата взяло любопытство, и он подумал: «Почему жена не открыла и не показала, что хранится в этом ларце?»

Жили они очень хорошо, но вот как-то раз ночью муж заметил, что ключ от ларца привязан к косам жены. Он взял потихоньку этот ключ, пошел и открыл ларец, но не успел открыть, как оттуда что-то вырвалось и улетело. Ларец остался пустым. Младший брат догадался, что это что-то колдовское, он опечалился, но что теперь поделаешь, как вернешь? Он закрыл ларец, как он был раньше закрыт, а ключ опять привязал к косам жены.

Жена каждое утро проверяла свой ларчик — в нем хранилась ее колдовская сила. Пошла она и в это утро. Посмотрела — а в ларце ничего нет. Жена поразилась. Она поняла, что это натворил ее муж, но что она могла поделать? Пошла к мужу и говорит:

— Ах ты гнилой! Зачем ты это сделал? В ларце была наша сила, а теперь нас всякий может победить!

Стыдно стало младшему брату, но что он мог ответить? Что сделано то сделано, назад не воротить.

И в это самое утро вдруг появился в воротах верхом на козле какой-то человек. Он въехал во двор. Этот человек был ростом в три вершка, а усы у него были в шесть вершков.

Колдунья только заметила его, так и замерла на месте. А человек, что приехал верхом на козле, привязал его, вошел в дом и

стал бороться с мужем красавицы. Но что младший брат мог поделать с этим акуртлагом? Акуртлаг убил его, а жену посадил на козла впереди себя и увез. .

Младший брат остался лежать мертвым. Двери — настезь, но кто туда войдет? Ни один человек не жил поблизости, и никто, кроме зверя, зайти туда не мог.

Так шло время. И вот в том краю какая-то женщина родила двойню. Она была не в силах выкормить двоих детей, а поэтому одного из них бросила в лесу. В том лесу водились олени. У одной оленихи погиб олененок, и вместо него она выкормила брошенного мальчика. Он вырос, стал юношей, но не умел есть, не умел говорить. Поглядишь на него: и руки, и ноги, как у всех людей, а ходит с оленями, и ржет, как лошадь.

Как-то раз он потерял свою мать-олениху и пошел на поиски. По пути он увидел дом, но не понял, что это такое: ведь он никогда не видел домов. Юноша заглянул в дверь и видит: лежит какой-то человек. Юноша испугался и убежал. При этом он ржал, как лошадь. Потом остановился, вернулся назад, опять заглянул в дверь. Смотрит и видит: лежит человек, с руками и ногами, как у него самого. Он опять испугался и с громким ржаньем бросился бежать. Прошло немного времени. Он снова вернулся, подошел потихоньку, смотрит — опять лежит тот человек. И как он похож на него самого! Юноша наконец решился, перешагнул через порог и вошел в дом. Приблизился к лежащему, но снова испугался и отпрыгнул назад, как олень. Понемногу он осмелел, подошел и снял лежащий на груди покойника белый платок.

Как только он снял платок, мертвец ожил и вскочил на ноги.

Этот платок положила на грудь младшему брату его жена, когда покидала дом. Платок был такой: если снимешь его с груди покойника — покойник оживет. Сын оленя испугался живого человека. Он убежал из дому, но потом вернулся. Младший брат догадался, что этот юноша дикий. Он обманул его, тихонько запер дверь, чтобы юноша не смог убежать, и сел рядом с ним. Потом взял апхярцу и ачамгур и начал играть. Постепенно младший брат научил юношу человеческому языку, одел его в такую же одежду, какую носят люди. Сын оленя стал человеком, научился говорить, но по-прежнему обладал силой оленя.

Так жили они вместе, и вот однажды младший брат рассказал юноше, что у него похитили жену.

— Если так, пойдем, я убью того, кто это сделал! — сказал юноша.

Вдвоем они собрались и пошли по следам козла. С собой они взяли апхярцу и ачамгур.

Шли, шли и наконец дошли до большой реки.

Какая-то старуха, сидя на хвосте собаки, переправляла людей через реку. Они дали ей деньги, и старуха перевезла их на тот берег. Пошли дальше по следам козла и так дошли до большого дома. Следы вели в дом. Младший брат и юноша уселись перед домом и стали играть на апхярце и ачамгуре. Так хорошо играли, что с ума можно сойти.

Как только жена младшего брата услышала музыку, она сразу догадалась, кто они такие, отворила дверь и видит: ее муж и какой-то чужой человек сидят у ворот и играют на апхярце и ачамгуре. Тогда она сказала:

— Там, за воротами, сидят какие-то люди, наверное музыканты. Позовите их в дом! (В это время акуртлага не было дома.)

— Хорошо, — ответили те люди, что сидели с ней, и вышли.

Они позвали музыкантов:

— Идите сюда!

Младший брат с юношей вошли во двор, им подали скамьи, они сели и заиграли: один — на апхярце, другой — на ачамгуре. Но как они играли! Даже соседний народ, карлики, у которых бороды доходили до земли, услышав музыку, собрались вокруг.

А младший брат, играя на апхярце, пел такую песню: «Если хочешь, мы заберем тебя отсюда, а если нет — оставайся здесь. Мы уйдем!»

Жена взяла у него апхярцу, заиграла и пропела в ответ:

«Тот, кто меня похитил, куда-то уехал, но он скоро вернется. Убить его очень трудно. Для того чтобы его убить, надо сделать так: снять ему голову и, пока она не упала на землю, вложить пашку в ножны, подхватить падающую голову и бросить ее в море. Кто сумеет так сделать, тот убьет акуртлага. Иначе он не умрет, если даже вы ему сто раз отрубите голову! Но если даже вы сможете убить акуртлага, то его брат подоспеет к нашему уходу. А если он придет, то заберет меня, да и вам сильно достанется от него: просто так он вас не отпустит. Между тем у нас дома на печке остались три бутылки. Если вы их принесете, мы сможем бежать и брат акуртлага нас не догонит».

— Очень хорошо, я сейчас же принесу бутылки! — сказал сын оленя и помчался домой. Через минуту он прибежал с бутылками.

А тем временем вернулся и хозяин. Увидел он музыкантов, обрадовался. Спрашивает:

— Откуда такие мастера играть на апхярце пришли к нам?

Пока акуртлаг разглядывал музыкантов, младший брат быстро выхватил шашку, снес ему голову, а юноша, который бежал лучше оленя, подхватил голову акуртлага, помчался к морю и бросил ее в воду. Только после этого акуртлаг упал, растянувшись на земле.

Младший брат с женой и юноша, держа свои бутылки, пошли домой. Дошли до реки, заплатили немного старухе, и она переправила их на тот берег. На плече у старухи висела красная косынка. Как только жена младшего брата увидела эту косынку, она ухватилась за нее и закричала:

— В этой косынке моя колдовская сила! Она улетела, когда ты открыл ларец. Кто, старуха, дал тебе мою косынку?

Старуха ответила:

— Я увидела, что косынка летит, и поймала ее.

— Я не знаю,— сказала жена младшего брата,— где ты поймала эту косынку, но в ней — моя колдовская сила. Возврати мне косынку, а не то убью тебя!

Старуха испугалась и вернула косынку.

Жена младшего брата взяла свою косынку, и они пошли дальше.

Шли, шли, оглянулись назад, смотрят — а за ними гонится верхом на кабане брат акуртлага. Клыки у кабана трехметровые. Как только жена младшего брата заметила его, она тотчас же вернулась назад, бросила одну бутылку, и в тот же миг вокруг того человека, что их преследовал, вырос колючий кустарник, и он остался в зарослях. Кабан своими клыками с трудом пробил дорогу через кустарник, и брат акуртлага, весь исцарапанный, выбрался из зарослей, но те, кого он преследовал, успели уже далеко уйти.

Идут, идут, оглянулись, а брат акуртлага опять догоняет их. Увидела женщина, что он уже близко, обернулась и бросила вторую бутылку. И сейчас же вокруг брата акуртлага появилась гора из камня-песчаника. Кабан опять стал пробиваться своими клыками, с трудом пробился через камни и вынес брата акуртлага, но в это время те, за которыми он гнался, опять далеко ушли.

Идут, идут, оглянулись назад — брат акуртлага снова гонится за ними. Когда он стал приближаться, колдунья бросила последнюю бутылку, что оставалась у них. От этого вспыхнул по-

жар. Брат акуртлага бросился в огонь. Он ехал в огне, но, когда добрался до середины пламени, упал с кабана и сгорел. Кабан его тоже сгорел, не успев выбраться из огня.

Когда младший брат с женой и юноша увидели, что брат акуртлага погиб, они очень обрадовались.

До их дома оставалось немного. Они благополучно вернулись домой и устроили большой пир, а юношу, что был с ними, усыновили.

С тех пор они зажили по-прежнему, а я пришел сюда.

17. Салусан, Псыдз-Салусан, Кулук-Салусан и Кайтамур

Жили четыре брата: Салусан, Псыдз-Салусан, Кулук-Салусан и Кайтамур.

Братья были храбрецами, часто ходили охотиться, совершали дальние набеги. Почти всегда они бывали вместе. Куда бы братья ни ходили, они всегда возвращались с богатой добычей.

Как-то раз Салусан вздумал пойти на охоту один, без братьев. Братья не хотели его пускать, но Салусан настоял, и его отпустили. Уходя, Салусан прикрепил к столбу у навеса маленькое зеркальце и сказал своим братьям:

— Каждое утро, когда умываетесь, смотрите в это зеркальце. Если зеркало будет цвета молока, не бойтесь за меня — значит, я жив, но если в зеркале будет отражаться кровь, значит, меня нет в живых, — тогда ищите меня.

Сказал так Салусан и ушел. Шел, шел, долго шел, наконец видит: из лесу выскочил огромный олень и направился к морю — попить морской воды. Салусан выстрелил, пуля попала в рог оленя, рог отлетел и повис над морем железным мостом; олень же закричал и убежал в лес.

— Как видно, мне суждено погибнуть на этом мосту! — сказал Салусан, снарядился как следует и пошел по мосту.

А братья его смотрели в зеркальце, видели цвет молока и были спокойны.

Между тем Салусан шел да шел по мосту. Вдруг, когда мост кончился, Салусан увидел большую крепость. В крепости стояли большие двухэтажные дома.

Подошел Салусан к крепости и спрашивает у караульного, сторожившего ворота:

— Можно зайти?

Караульный ответил:

— Здесь живут адауы. Сейчас они на охоте. Дома осталась лишь их сестра, без ее разрешения я никого не осмелюсь впустить.

Тогда Салусан сказал:

— Я странник. Зовут меня Салусан. Доложи обо мне сестре адауы, пусть впустит меня!

Караульный пошел и дал знать обо всем девушке.

Вскоре он вернулся с другими людьми и передал Салусану, что сестра адауы зовет его к себе.

Вечером девушка приготовила хороший ужин и, когда Салусан поел, сказала ему так:

— Ты утомился в дороге. Тебе пора отдохнуть, — и указала на хорошую постель.

Адауы проводили на охоте целые недели, и девушка сказала Салусану, что не отпустит его до тех пор, пока не вернутся ее братья. Тут Салусан понял, что сестра адауы полюбила его, и захотел взять ее в жены. Они так любили друг друга, что каждый перекладывал еду из своего рта в рот другого *.

Как-то раз они увидели, что какая-то старуха в стареньком челноке барахтается в море. Они отправили на лодках своих слуг, чтобы те привезли старуху.

Прошло немного времени, Салусан ушел на охоту. Тогда старуха начала расспрашивать сестру адауы:

— Кто этот человек, который гостит у тебя?

— Это странник, зовут его Салусан. За хороший нрав я люблю его, как своих братьев, — ответила девушка.

— Все это хорошо, я знаю, что ты его любишь, но рассказал ли он тебе обо всех своих тайнах? — спросила старуха.

— Как не рассказать, он ничего от меня не скрывает! — ответила сестра адауы.

— А сказал ли он тебе, где находится его душа? — опять спросила старуха.

— Душа его в нем самом — где же еще может паходиться его душа?! — удивилась девушка.

— Нет, милая, его душа не в нем спрятана! — ответила старуха.

Вечером старуха пошла к себе домой, и как раз к этому времени Салусан вернулся с охоты.

Заметил Салусан, что сестра адауы сердится на него, и спрашивает:

— Что с тобой? Почему сердиться?

— Как мне не сердиться на тебя,— сказала девушка.— Я люблю тебя всем сердцем, ничего от тебя не скрываю, а ты, оказывается, многое скрываешь от меня!

— Как! Ты думаешь, что я от тебя что-нибудь скрываю! — воскликнул Салусан.

— Как же не скрываешь? Ты не сказал мне, где находится твоя душа,— ответила девушка.

— Что ты болтаешь? Наверное, кто-нибудь обманул тебя. Разве моя душа может находиться в ком-нибудь другом, кроме меня самого? — сказал Салусан и так успокоил девушку.

На другой день, когда Салусан опять пошел на охоту, старуха снова пришла к сестре адауы и спросила:

— Ну как, рассказал он тебе, в чем его душа?

— Душа его в нем самом, нан,— смеясь, ответила девушка.

— Если так, значит, он любит тебя меньше, чем ты его,— сказала старуха.— Он не открыл тебе, где находится его душа.

Возвратился Салусан с охоты и видит: сестра адауы пуще прежнего сердится на него.

— Что случилось? — спросил ее Салусан.

А девушка в ответ:

— Я узнала, что ты не любишь меня так, как я тебя!

Тогда Салусан подошел к своему сундуку и открыл его.

Внутри этого сундука был другой, а в нем еще сундучок. В сундучке было яблоко. Салусан вынул его, поднес девушке и сказал:

— Моя душа — в этом яблоке.

— Если так, я его спрячу,— ответила она и положила яблоко себе за пазуху.

Прошло три дня. Салусан опять отправился на охоту, а старуха снова пришла к девушке. Не успела она войти, как сейчас же спросила:

— Сказал он тебе, в чем его душа?

— Как же, сказал: вот в чем его душа! — ответила девушка и показала старухе яблоко.

— А ну-ка, покажи, нан! — сказала старуха, вырвала яблоко из рук девушки и бросила в море. Потом она потащила девушку к морю, посадила в свой старый челнок и уплыла.

А лодка Салусана в тот самый миг, когда старуха бросила в море яблоко, перевернулась, и Салусан пошел ко дну.

Старуха же, похитив девушку, выдала ее за другого.

И вот как-то раз утром братья Салусана, умывшись, подошли

к зеркальцу, глянули в него и видят: зеркальце светится кровью.

Братья снарядились и двинулись в путь. Шли, шли, долго шли, наконец увидели тот мост, по которому прошел их брат.

— Наверное, этот мост приведет нас туда, где погиб наш брат! — сказали братья Салусана и пошли по мосту.

Шли они, шли, долго шли и вот увидели крепость с двухэтажными домами.

По пути братья стали расспрашивать о Салусане.

Так они узнали, что Салусан бывал здесь и просватал сестру адауы, но что однажды он не вернулся с охоты, а девушка тоже пропала. Братья догадались, что Салусан погиб в море.

Тогда один из братьев пошел по небу и прояснил его, второй брат высушил море, а третий стал осматривать всех рыб и наконец из какой-то рыбы вытащил то самое яблоко, в котором была душа Салусана.

Братья разыскали Салусана, взяли яблоко и положили ему на грудь, и в тот же миг Салусан вскочил на ноги, говоря:

— Как долго я спал!

После этого братья пошли разыскивать девушку — сестру адауы. Нашли ее и отняли у того, кому отдала ее старуха.

И как раз к этому времени адауы вернулись с охоты. Как только они узнали, что Салусан стал их зятем, адауы устроили большой пир и дали сестре хорошее приданое. А Салусан и его братья увезли девушку к себе домой.

18. Мужество Камсы

Жили старик со старухой. У них были сын Камса и дочь. Дочь была ведьмой. По почам она тайно отправлялась к сове, волку и змее — летела, сидя на горлышке большого кувшина.

Камса знал о всех проделках своей сестры. Как-то раз ночью Камса пошел и забрался в кувшин. Ровно в полночь пришла сестра, села на горлышко кувшина, сказала «Кшы» — и кувшин полетел. Сестра не знала, что Камса сидит в кувшине.

Вот она прилетела к сове. Как только сестра прилетела, сова и говорит ей:

— Я сегодня не смогу взять тебя с собой туда, куда тебе хочется. Когда я не поем человеческих глаз, у меня пропадает сила. Если ты принесешь мне глаза человека, я возьму тебя туда, куда ты хочешь.

А сестра в ответ:

— Если так, то я сделаю вот что: завтра мой брат зарежет барана и станет снимать с него шкуру. Когда же он будет держать в руках нож, к нему на щеку сядет муха. Мой брат захочет спугнуть муху и нечаянно попадет ножом себе в глаза. Глаза выпадут, и я принесу их тебе.

Все, что они говорили, слышал Камса — он ведь сидел в кувшине.

После этого сестра опять села на горлышко кувшина и вернулась домой. Как только они прилетели, Камса незаметно вышел из кувшина, пошел и лег в свою постель.

На другой день Камса зарезал барана и стал снимать с него шкуру, но старался пореже брать в руки свой нож: он помнил все, что говорилось накануне.

Сестра его стояла рядом и ждала, когда он выколет глаза, чтобы отнести их сове, но Камса знал об этом.

И вот в то время, когда они так стояли, прилетела муха и села на щеку Камсы. Камса сразу бросил нож и только после этого спугнул муху. Увидела это сестра, удивилась и говорит:

— Тебе что-то попало в глаз, дай-ка я выну! — и хотела было сама выколоть ему глаза, но Камса это знал. Он быстро схватил нож, чтобы убить сестру. Увидела сестра, что брат решил ее убить, и подняла крик: «Помогите!»

На крик прибежали отец с матерью. Они хотели было разнять сына и дочь, но тут прилетела сова, прибежал волк, приползла змея и убили отца с матерью. Они думали убить и Камсу, но Камса сам их всех перебил.

С тех пор Камса остался один. Он взял кинжал, шашку и пошел куда глаза глядят.

Шел, шел, исходил очень много, наконец зашел в один лес. Через лес вела тропинка. Камса пошел по этой тропинке. Смотрит — сидит там красивая девушка и плачет. Камса подошел к ней.

— Почему ты здесь? — спросил он. — Почему сидишь и плачешь? Откуда ты, кто ты такая?

А девушка в ответ:

— Я дочь князя. У меня были две сестры — старше меня, но каждый год к моему отцу прилетает агулшап, и отец каждый раз должен отдавать ему по одной дочери. Теперь настал мой черед: я сижу здесь и жду — скоро прилетит агулшап и сожрет меня.

Подумал Камса и говорит ей:

— Не бойся, я спасу тебя!

Девушка молчит, ничего не может сказать. А хочется ей сказать Камсе, что не справится он с чудовищем.

Заметил это Камса и успокоил ее:

— Не бойся, я справлюсь, но только мне надо выспаться. Я положу голову на твои колени и засну, но, как только ты услышишь, что агулшап приближается, возьми иглу, уколи меня в щеку и разбуди.

Сказал так Камса, положил голову на колени девушки и уснул.

Прошло немного времени. Вдруг девушка слышит — агулшап приближается. Но ей жаль стало будить Камсу, и она заплакала. Одна слезинка упала на щеку Камсы, он проснулся, вскочил на ноги, выхватил шашку и стал наготове.

Прилетел агулшап. Камса ему кричит:

— Драться будем или добром кончим?

— Будем драться! — отвечает агулшап.

— Тогда выходи! — сказал Камса и пошел навстречу агулшапу с блестящей шашкой в руках.

Это был семиголовый агулшап.

Он ударил Камсу своим хвостом так, что тот очутился по колени в земле. Тогда Камса отрубил своей шашкой две головы агулшапа.

Долго сражались они, пока наконец Камса не отрубил все головы у агулшапа.

Не успел Камса убить одно чудовище, оглянулся, смотрит — летит как стрела другой агулшап.

Это был старший брат первого агулшапа. Он имел двенадцать голов. Но и этого агулшапа, хотя и трудно было, Камса убил. Тогда прилетел агулшап о двадцати пяти головах. Стали биться. Камса собрал все свои силы и убил третье чудовище.

Видя все это, девушка поражалась.

— Ты совершил такой подвиг, какого никто не мог совершить! — воскликнула она.

Потом девушка повела Камсу к себе домой, а он упирался, не хотел идти. Пришли домой. Увидел князь, что Камса спас его дочь, и говорит:

— Теперь ты можешь взять ее в жены!

Князь подарил им половину своего имения, устроил свадьбу, и с тех пор молодые зажили отдельно от князя.

19. Джаным, Джаткяр и их сестра Куара

Жили два брата. Звали их Джаным и Джаткяр. О них шла громкая слава. Но Джаткяр был не таким храбрецом, как Джаным. Джаным — настоящий герой, неустрашимый и мужественный. А сестра их Куара была глуповатой. Никто бы не сказал, что она сестра Джаныма. Все ее считали недалекой.

Сестра и братья были уже в летах. Братья еще не женились, да и сестра их, Куара, пока еще не нашла жениха. Так жили они все вместе. Каждый из братьев имел коня и седло. Было у них много скота.

Вот как-то раз Джаным решил: «Сколько лет я живу холостым! Надо жениться на дочери какого-нибудь порядочного человека!»

Собрался Джаным и поехал искать себе невесту. Долго он ездил, долго искал подходящую девушку в дальних краях, но не нашел такой, которая бы ему пришлась по душе.

— Наверное, я не найду такой девушки, какую хочу! — решил Джаным и повернул домой.

Но вот на обратном пути он услышал о подходящей девушке. О ней говорили много хорошего, но свататься за нее было опасно: у девушки было семь братьев-адауы. Разве они выдали бы замуж свою сестру за простого человека?

Как только Джаным услышал об этой девушке, он решил взять ее в жены, посвататься к ней, но все же он боялся, как бы адауы не осрамили его. Ведь он, герой Джаным, никогда еще ни перед кем не осрамился!

— Что бы со мной ни случилось, я должен выполнить то, что решил, — сказал себе Джаным. — Пошлю к ним какого-нибудь человека для переговоров, пусть по-хорошему уладит дело, а если не выйдет, если оно повернется в плохую сторону, я буду бороться с адауы и в крайнем случае убью хотя бы троих из них.

Решил так Джаным и направился к адауы. Но по дороге он изменил решение и заехал к одному из их соседей — к Айлуа, сыну Айсы. Хозяин усадил гостя, и Джаным ему все рассказал, зачем и куда он едет.

— Я приехал издалека и узнал о сестре адауы. Эта девушка мне очень нравится, как раз такую я искал. Пойди и расскажи ей, что я хочу взять ее в жены. Если же девушка ответит, что надо спрашивать не ее, а братьев, тогда расскажи и братьям, ничего не скрывая.

Айлуа, сын Айсы, был настоящий мужчина. Не долго думая, он вскачил на коня и поехал сватом к братьям-адауы. Приезжает, смотрит: девушка дома одна. Айлуа сел рядом с ней и рассказал, зачем он приехал. Но девушка не стала его слушать.

— Скажи это братьям. Если мои братья согласятся, я выйду замуж!

Что тут делать? Ответ девушки очень не понравился Айлуа, ему стало обидно, что она отказала.

Стал он ждать, когда вернутся братья-адауы. Прошло немного времени, и братья вернулись домой. Айлуа усадил всех семерых и рассказал им, как из далеких краев приехал Джаным сватать их сестру. Братья сильно призадумались. Один из адауы уже решил убить Джаныма за то, что он осмелился сватать их сестру, по другие сказали:

— Подождем, посмотрим, на что он способен!

Тогда старший из братьев встал и ответил свату:

— У нас одна-единственная сестра, другой сестры у нас нет. Мы не можем выдать ее за любого человека. Мы не можем отдать ее только потому, что какой-то человек имеет лошадь с седлом и много скота, что у него большое и крепкое хозяйство, или за то, что он красив, или же за то, что умеет хорошо танцевать и петь. Мы хотим иметь своим зятем только такого человека, который сумеет выстроить дом из рыбьих костей. Этот человек, что приехал из дальних стран, наверное, сможет это выполнить и тогда пусть сватает и берет нашу сестру. Только сначала он должен выстроить семикомнатный дом из рыбьих костей. Тогда мы не побрезгуем им, кем бы он ни был.

Айлуа вернулся домой и все рассказал Джаныму, все, что услышал, не прибавляя лишнего слова. Джаным подумал: построить дом из рыбьих костей не под силу ни одному человеку. Он сел и долго думал, но, ничего не придумав, молча поехал домой.

Раньше Джаным был веселым человеком, любил шутить и рассказывать анекдоты. Но домой он приехал обиженным, сел у костра и задумался.

Вот заметили Джаткяр и Куара, что Джаным не в духе, и стали приставать к нему, чтобы он рассказал, что с ним случилось. Но Джаным молчал.

— Все равно, это такое дело, которое нельзя исполнить! Пусть же я так и состарюсь, думая о нем! — только и сказал им Джаным.

Но Куара во что бы то ни стало хотела узнать, что с ним случилось.

— Я не успокоюсь до тех пор, пока ты мне все не расскажешь, — приставала она, и Джаным наконец рассказал ей все.

— Мне уже много лет, и слава обо мне идет немалая. Я решил жениться и взять жену под стать себе. Так я решил и с таким намерением изездил много мест, но нигде не нашел такой девушки, какую искал. Я уже возвращался домой, как вдруг услышал, что в далеком краю живет хорошая девушка — сестра семи братьев-адауы. Я приехал туда, где она жила, и послал к братьям одного человека рассказать, что я хочу жениться на их сестре. Но братья-адауы передали мне ответ через свата: «Пускай, мол, он сначала выстроит дом из рыбьих костей, тогда мы выдадим за него свою сестру». Как же я могу сделать это? Но пока я жив, ни на ком не женюсь, кроме этой девушки! Вот почему я печален, — ответил Джаным.

Тогда Куара воскликнула:

— Пусть твоя сестра умрет за тебя, Джаным, стоит ли печалиться из-за такого дела? Я думала, что тебе предложили что-то такое, что человек не в силах сделать, ну а это легко исполнить! Запряги своих быков и поезжай на берег моря. Там, на берегу, лежит много красных мелких камешков. Нагрузи арбу доверху этими камнями и поезжай к адауы. По соседству с ними живут карлики. А напротив того места, где они живут, есть большое болото. Вот в него-то и высыпь те камешки, которые ты привезешь.

Потом она подала Джаныму горсть проса и сказала:

— Это семена проса. Их дала мне моя мать. Я не думала тратить эти семена, но хочу помочь твоему горю. Возьми это просо и брось его у ворот карликов, только раздели семена на семь частей. Красные камешки вытащат из болота кости рыб. Карлики хорошие плотники. Правда, они не понимают человеческого языка, но просо — это знак, который покажет им, что надо выстроить дом из семи комнат. Если сегодня к вечеру ты сможешь посыпать это просо, то завтра утром увидишь готовый дом, точно такой, какой ты хочешь.

Джаным удивился. Он никогда не думал, никогда не ожидал, что его сестра, которую он считал глупой, даст такой совет и справится с таким делом.

Через минуту Джаным уже запряг быков, взял с собой горсть проса и поехал. Он сделал все так, как сказала сестра: набрал камешков и бросил их в болото, просо разделил на семь частей

и рассыпал у ворот карликов. Ночь Джаным проспал, приходит утром, смотрит: стоит замечательный дом из рыбьих костей, а в доме — семь комнат. Обрадовался Джаным и пошел по селу собирать людей себе в помощь. Все разом люди подняли дом и перенесли его во двор адауы.

Тогда Джаным спросил братьев-адауы:

— Я принес и поставил дом, о котором вы говорили. Что вы мне теперь скажете?

— Что мы можем сказать? — ответили братья. — Пока тебе многого не хватает. За один этот дом мы не можем отдать нашу сестру. Но мы отдадим ее, если ты пойдешь в тот лес, который растет на востоке, откуда поднимается солнце. В том лесу водится огромный олень. Каждый волосок на его шкуре поет свою песню. Вот если ты, не убив оленя, снимешь с него шкуру и принесешь эту шкуру нам, тогда мы отдадим тебе сестру.

До тех пор Джаным никогда не слыхал о таком олене. Долго он думал, но не смог ничего придумать и вернулся домой ни с чем, напрасно затратив так много труда.

А братья-адауы нарочно придумывали трудные задачи, и, сколько бы Джаным ни трудился, они все равно не выдали бы за него свою сестру.

Джаным вернулся домой еще грустнее, чем в первый раз. Куара, сидя на своем месте, спросила:

— Что случилось? Или ты не смог выстроить дом из рыбьих костей?

— Дом из рыбьих костей уже готов, — ответил Джаным, — но братья-адауы задали мне другую задачу, с которой ни один человек не сможет справиться: там, на востоке, откуда встает солнце, растет большой лес, в том лесу водится огромный олень. Каждый волосок на шкуре этого оленя поет свою песню. Братья-адауы сказали мне: «Вот если ты, не убивая оленя, сдерешь с него шкуру и принесешь нам, тогда мы отдадим тебе нашу сестру». А я ведь даже не подозревал, что такой олень есть на свете, не говоря уже о том, чтобы принести его шкуру!

Тогда Куара, сидя на своем месте, засмеялась и сказала:

— Ох, брат, чтоб умереть твоей сестре! А я-то думала, что ты услышал от адауы такое, что людям не под силу. А твоя задача совсем легкая. Только мне придется потратить то, чего не хотелось тратить.

Куара пошла и достала перочинный нож и ножницы.

— Вот эти вещи остались после нашей матери. Ты их возьми, захвати свой топорик для хвороста и пойдешь в тот самый лес.

Как пойдешь по лесу, увидишь большой дуб. Этому дубу двести лет. Вершина его уже высохла, но зато внизу, на стволе, на сажень от земли, растет несколько веток с мелкими листьями. Ты полезай на дерево и начинай рубить ветви. Олень услышит стук и сам придет к тебе. Кроме листьев этого дуба, он ничего не ест. Когда же олень прибежит и станет под деревом, кидай в него свой нож. Если нож упадет и вонзится оленю прямо в лоб, олень остановится и какой-то миг не в силах будет двинуться с места. Тут и прыгай вниз, прямо ему на спину, и быстро приложи эти ножницы к его губам. Если сможешь так сделать, кожа сама слезет с оленя. Только так и можно решить эту задачу, — сказала Куара.

Джаным поверил ее словам, взял то, что она ему дала, и пошел в лес. Вошел, разыскал дуб, о котором ему рассказала сестра Куара, быстро взобрался на него и стал рубить ветви. Не успел он и двух веток срубить, как вдруг к нему издали донеслось пение. Такого пения еще ни одному человеку не приходилось слышать. Это были какие-то странные разные голоса. Звуки все приближались и приближались. Джаным не знал, что случилось. Но вот прибежал огромный олень и остановился под деревом. Каждый волосок на шкуре этого оленя пел свою песню. Сначала Джаным сильно перепугался, но потом пришел в себя и кинул свой нож. Нож попал прямо в лоб оленю, олень вздрогнул раза два-три, но не смог сойти с места. Тогда Джаным одним прыжком очутился на шее оленя, приложил ножницы к его губам, и с оленя в один миг слезла кожа и упала на землю. Олень остался совсем без шерсти, с одними рогами. Он засмеялся и, собираясь уходить, сказал Джаныму:

— На моей шкуре каждый волосок поет свою песню, а я, никогда не старея, живу на свете вот уже тысячу сто лет. Никто, кроме тебя, никто — ни живой ни мертвый — не смог бы снять с меня шкуру. Теперь, если на мне не вырастет новая шерсть, я заберусь в какую-нибудь пещеру и буду доживать там свой век. А тебя, который оставил мне только рога, похожие на белый валежник, я прокливаю: с тобой случится большое несчастье, и ты не достигнешь своей цели!

Так проклял олень Джаныма и пошел куда глаза глядят.

Оленья шкура весила пудов десять. Джаным повесил ее на топорик, взвалил на плечо и пошел. Всю дорогу шкура распевала разные песни.

Так Джаным пришел во двор братьев-адауы. Весь народ, услыша песни, собрался туда. А Джаным отнес шкуру в дом из

рыбьих костей. Оленья шкура была так велика, что покрывала сверху донизу все семь комнат этого дома.

Тогда Джаным спросил адауы:

— Вот, дад, я принес то, о чем вы мне говорили. Что теперь скажете мне в ответ?

— Что нам сказать? — ответили братья-адауы. — Теперь назначим срок свадьбы. — И они установили срок.

Джаным вернулся домой. Он договорился с друзьями, приготовился сам и стал ожидать назначенного срока.

Тем временем сестра адауы, сидя в доме из рыбьих костей на оленьей шкуре, каждый волосок которой пел свою песню, позвала братьев и сказала им так:

— Ах вы гнилые! Как же вы осрамитесь: из семерых не оказалось ни одного умного! Единственную свою сестру, которую вы ни за кого не выдавали замуж, теперь продаете за этот дом. Стыдно вам будет перед людьми, когда они услышат об этом!

Но братья воскликнули:

— Что ты говоришь, сестра! Да знаешь ли ты, что мы с ним сделаем? Мы сожжем его в нашем железном доме! А иначе зачем нам было тянуть и выдумывать сроки? Если бы мы хотели отдать тебя ему в жены, он бы не ушел отсюда с пустыми руками, мы выдали бы тебя замуж.

И братья-адауы как решили, так и подстроили. А Джаным откуда может знать, что они готовят? Он думает: «Вот поеду и привезу жену» — и ждет назначенного срока.

Накануне отъезда за невестой Куара увидела во сне, что Джаныма хотят запереть и сжечь в железном доме. Сестра вскочила и стала будить брата:

— Брат мой, Джаным, напрасно ты собираешься! Когда ты приедешь к адауы, они убьют тебя. Утром сбегай к ручью Химата, поднимись к дубу, что растет на левом берегу, и спроси лису, которая живет в дупле, как найти выход. Расскажи ей: «Вот какое дело случилось: если я поеду за невестой, меня убьют адауы». Лисица тебе скажет, как найти выход, а я больше ничем не могу тебе помочь.

Не теряя времени, Джаным поспешил к ручью Химата, перешел его и, подойдя к дубу, о котором говорила Куара, увидел лису. Он сел рядом с ней и рассказал обо всем.

И лисица ответила ему так:

— До сих пор у меня не было средства помочь твоему горю и потушить огонь, а вот недавно, когда меня поймали в курятнике и бросили в огонь, я всех обманула, спаслась из огня с по-

мощью резины. Эту резину я сама сделала, но сейчас отдала старшине муравьев. Пойдем к нему! — И они вдвоем пошли к старшине муравьев.

Пришли туда, лисица и говорит:

— Мы пришли за резиной. У Джаныма горе. Дай ему резину! Как только он вернется, принесет ее обратно.

Муравьи воскликнули:

— Как вам не дать!

Они притащили какую-то резину, Джаным поднял ее с земли и вместе с лисой пошел назад.

Пришли, а лисица и говорит:

— Приляг, Джаным, отдохни! Теперь ничего не бойся, мы победим адауы!

Джаным, успокоившись, лег и уснул. Тогда лисица потихоньку просунула резину в горло Джаныма, налила в нее воды, завязала ее сверху ниткой, а нитку привязала к зубу Джаныма. После этого лиса толкнула его и разбудила.

— Теперь не теряй даром времени, поезжай своей дорогой, — сказала она Джаныму, — только возьми с собой надежных товарищей, но не много: столько человек, сколько братьев у невесты. Когда вы туда приедете, тебя запрут в раскаленном доме, но ты не бойся, дерни за нитку, что привязана к твоему зубу, и тогда увидишь, что случится.

Джаным так и сделал: собрал семь товарищей, на которых он вполне надеялся, семь ровесников, и поехал. В их числе была и лисица.

Приезжают к адауы, а там уже стоят накрытые столы. Но братья-адауы говорят Джаныму:

— Пока не сели за стол, походи к невесте, поговори с ней, она там, в комнате! — и послали Джаныма в железный дом. Но как только он вошел, адауы развели под домом огонь, и железный дом раскалился. Тогда Джаным дернул за нитку, которая была привязана к его зубу, вода вылилась из резины, что находилась внутри Джаныма, и охладила дом.

А лисица еще до этого предупредила товарищей Джаныма:

— Наверное, братья-адауы подумают, что Джаным уже погиб, и возьмутся за нас. К этому времени вы держите паготове вот что: ты возьми мой коготь с передней лапы, — сказала она одному из товарищей Джаныма и подала ему свой коготь. — Когда к тебе подойдет адауы с протянутой рукой, чтобы поздороваться, ты, подавая свою руку, держи этот коготь между пальцев и вонзи ему в руку.

— А ты,— сказала лиса другому товарищу Джаныма,— возьми мой зуб.— И она отдала ему свой зуб.— Когда адауы приблизится к тебе — брось в него этот зуб!

Третьему товарищу лисица отдала кольцо и сказала:

— Когда к тебе подойдет какой-нибудь из братьев-адауы, ты не бойся, бросай ему в голову это кольцо!

Четвертому лисица отдала коготь со своей задней лапы:

— Когда подойдет к тебе адауы, брось ему под ноги этот коготь так, чтобы он на него наступил.

Пятому товарищу она дала гребень:

— Когда адауы приблизится к тебе, ты быстро подними этот гребень и приложи к его губам.

Последнему лиса подала точильный брус и говорит:

— Возьми этот точильный брус. Когда какой-нибудь адауы захочет тебя втянуть к себе в рот, чтобы проглотить, ты быстро положи этот брус ему на язык.

Как лиса сказала, так и случилось: самый младший из братьев-адауы решил, видно, что Джаным уже сгорел, и подошел к его спутникам. А первый товарищ был уже наготове, держа между пальцев коготь лисицы. Как только адауы взял его за руку, коготь вонзился ему в тело, и он упал замертво.

Тогда второй из адауы направился к товарищам Джаныма. В это время один из них бросил в адауы лисьим зубом. Зуб попал адауы прямо в сердце, и, опрокинувшись, он упал на землю.

После него пошел третий брат-адауы. Не успел он подойти к товарищам Джаныма, как тот, который держал кольцо, бросил его в голову адауы. Шея и голова адауы свернулись в сторону, и он умер.

После этого адауы пошел его старший брат. Тогда товарищ Джаныма, который держал в руках коготь с задней лапы лисицы, бросил его под ноги адауы, тот наступил на коготь, и коготь, пройдя через него, выскочил из головы. Так погиб четвертый брат невесты.

После него к товарищам направился пятый адауы, но не успел он приблизиться, как тот, который держал гребень, приложил его к губам адауы. Гребень вонзился в адауы и прошел насквозь.

Тогда шестой брат-адауы, решив уничтожить всех спутников Джаныма, пошел на них. Он надеялся, что вдохнет их и проглотит, и потянул в себя воздух, но в этот миг тот из товарищей Джаныма, который оказался возле адауы, быстро вытащил то-

чильный камень и положил на язык адауы. И тут же язык его окаменел, и адауы умер.

Все это огнем жгло сердце старшего из семерых братьев-адауы, и он двинулся на товарищей Джаныма, но как только пошел, лисица ударила его своим хвостом и рассекла на две половины. Уничтожив всех адауы, товарищи Джаныма кинулись к железному дому, где был заперт Джаным. Не успели они отомкнуть дверь, как Джаным вышел к ним навстречу и спросил:

— Товарищи, вы целы или нет?

Теперь эти люди, погубив всех адауы, решили взять их сестру. Бедная девушка, кто сейчас мог за нее заступиться? Вот уже ее вывели во двор. А Джаным решил про себя: «Привезу ее домой, устрою свадьбу, а потом мы вернемся сюда и заживем в доме из рыбьих костей». Но пока Джаным со своими товарищами и невестой возвращались домой, его брат Джаткяр вырыл в кухне у порога яму, чтобы столкнуть туда брата, а невесту, добытую им, взять себе в жены. Джаткяр завидовал геройству Джаныма и, как только тот приехал, вызвал его из дому:

— Хочу тебе что-то сказать, — промолвил завистливый Джаткяр. — Пойдем-ка на кухню, толькоходи первым!

Джаткяр остался снаружи, а Джаным, ступив за порог кухни, упал в яму. Тут Джаткяр начал быстро засыпать его землей, пока не зарыл совсем. Так сбылось проклятие оленя: Джаным, еще не назвав красавицу своей женой, умер. Олень ведь сказал: «Твои усилия не принесут тебе пользы!» Так и случилось: невесту Джаныма взял тот, который не приложил никаких усилий, а он сам пропал, как шея у свиньи.

20. Золотой кубок

Жили три брата. За всю свою жизнь они позора не знали, жили как хотели.

Как-то ночью братья отправились на грабеж. Приехали к одному глупцу, у которого было много добра, но, когда напали на глупца, он сказал им так:

— Зачем вы напали на меня? Это не принесет вам славы. А вы можете прославиться. Здесь поблизости живет один царь. Испытайте свою храбрость, устройте пабег на этого царя.

Братья оставили старика в покое и направились туда, куда он им указал. Приехали, напали — как им хотелось, так и по-

ступили. Много добра забрали. Поехали назад, но, когда они повернули назад, в старшего брата попала пуля. Братья из-за этого не стали бросать своего добра, но и мертвого не оставили.

То, что случилось, братья посчитали позором для себя. За ночь они сделали золотой гроб. В этот гроб вместе с телом убитого положили столько денег, сколько надо было его жене, чтобы прокормиться до конца жизни. Ночью привезли гроб домой, таись от людей, поставили его в доме и, опозоренные, ушли куда глаза глядят.

Утром, когда рассвело, жена открыла дверь, увидела блестящий гроб и закричала. Сбежались соседи, открыли крышку, смотрят, а там лежит ее убитый муж. Жена заметила то, что положили в гроб ее девери, чем она могла прокормиться до самой смерти, и догадалась, что они ушли, посчитав это убийство позором для себя.

Мертвого похоронили. Жена горевала больше о своих деверах, чем о муже, но где она их теперь найдет?

Она была беременной и вскоре родила сына. Когда мальчик вырос, ни мать, ни соседи не говорили ему, как погиб его отец и куда исчезли братья отца. Мать ему ничего не говорила, потому что боялась потерять сына: она знала, если сын услышит об этом, сделает с собой что-нибудь страшное.

Однажды мальчик смастерил лук и стрелу и забавлялся ими. В это время соседка, поставив кувшин на плечо, несла воду. Мальчик пустил стрелу в кувшин, и кувшин разбился. Женщина рассердилась и говорит:

— Если ты такой храбрец, лучше бы узнал, где погибли братья твоего отца!

От этих слов мальчик почернел, как котел. Обернулся к матери, подступил к ней. Глянула мать в лицо сына и увидела, как оно потемнело.

— А, нан, нан, что с тобой, что с тобой? — воскликнула мать.

— Ничего. Постели мне постель, — ответил сын.

Мать быстро пошла и постелила ему постель. Мальчик лег, три дня и три ночи пролежал. За это время он ничего не ел, а мать все к нему приставала:

— Ты должен поесть!

Наконец через три дня и три ночи мальчик ответил:

— Если испечешь на огне чурек и дашь мне, я съем.

Мать положила чурек, чурек испекся. Мать стала брать его с очага, но мальчик сказал:

— Мать моя, так не бери: подложи под чурек обе руки и спиши.

Как мальчик сказал, так мать и сделала: подложила под чурек обе руки. Но только хотела святить его, как сын прыгнул, стал на чурек ногами и прижал руки матери к горячему чуреку.

— А, нан, что ты со мной сделал? О чем болит твое сердце? — воскликнула мать.

А мальчик в ответ:

— Пока не расскажешь, как исчезли братья моего отца, не отпущу тебя!

И мать рассказала:

— Да будет их путь твоей дорогой. Братья вместе с твоим отцом отправились в набег, и там отец был убит. В ту же ночь братья сделали золотой гроб, принесли его, поставили в доме и, посчитав себя опозоренными, ушли, не знаю куда. А выглядели братья отца вот так-то и так, — рассказала мать.

Как только мальчик услышал это, вскочил и ушел из дому. Он поклялся:

— Не вернусь, пока их не разыщу!

Шел он шел, долго шел, наконец пришел на одно большое поле. Была сильная жара. Глянул мальчик вдаль и едва различил глазом посреди большого поля дерево. Мальчик направился к дереву и видит: под деревом сидят двое, а волосы на голове у них покрыты вшами.

Мальчик подумал: «Не это ли братья моего отца?» Братья тоже тут заподозрили, что этот мальчик — сын их старшего брата.

Тогда мальчик сказал:

— Меня одолела жажда, нет ли поблизости воды?

Братья отца считали себя большими героями. Но теперь, когда какой-то мальчишка разыскал их, они сочли себя опозоренными и решили погубить его.

Поблизости протекала река. Кто бы ни подходил к той реке, обратно не возвращался: все там погибали. И вот братья послали мальчика к реке с кувшином. Они думали: «Он там погибнет!»

Мальчик пошел к реке, зачерпнул полный кувшин воды и только приподнял голову, как неведомое страшилище набросилось на него. Мальчик быстро обернулся и стал с ним бороться. Сильно боролись, разгорячились оба, но все же мальчик повалил чудовище. Свалив, он вынул пашку и замахнулся, чтобы уда-

рить чудовище, но тут из кожи страшилища появилась прекрасная девушка и сказала:

— Не убивай меня, с этого дня я освобождаю реку!

Мальчик удивился и отпустил красавицу. Девушка поднялась, подала ему золотой кубок, сказала: «Будешь помнить меня!» — и вдруг исчезла неведомо куда. Тогда мальчик поднял кубок и вернулся к братьям своего отца. Завидя его, братья сразу приуныли. А мальчик напоил их водой и сам напился.

После этого все они вернулись домой. Дома мать собрала всех, кто был ей дорог, и устроила пир.

Неподалеку от них жил один царь. Как только царь узнал, что мальчик принес золотой кубок, он сказал ему:

— Если не принесешь мне дюжину таких золотых кубков — голову сниму!

И вот мальчик отправился в путь. Долго он ходил, наконец пришел к одной старухе. Эта старуха плакала, царапая себе щеки.

— Эй, мать моя, я вижу, ты горюешь, у тебя несчастье, но сперва дай мне поесть, голод одолел меня, а потом поведаем друг другу о нашем горе, — сказал ей мальчик.

— Нан, — ответила старуха, — разве я что-нибудь пожалею для тебя, раз ты голоден?

Все, что она имела, дала мальчику и накормила его. А после этого стала рассказывать:

— Нан, вот в чем мое горе. Рядом с нами живет царь. У него умер сын. Каждую ночь царь ставит к могиле сына пять караульных, но перед рассветом кто-то их убивает. В эту ночь охранять могилу должен мой единственный сын, Нан, он умрет там!

Но мальчик сказал:

— Не плачь! В эту ночь я пойду туда вместо твоего сына и стану караулить. Вот увидишь, что будет!

Старуха не хотела пустить его, но мальчик пошел. Пришел, вырыл яму, залез в нее, а сверху немного прикрылся. Луна, рассеивая свои лучи, освещала мир. В полночь мальчик высунул голову из ямы и видит: со стороны моря несется черная-пречерная туча. Кружась, она подлетела к могиле, где был похоронен царский сын. Как только туча очутилась над могилой, из нее, словно ящерица, выскользнула девушка.

Девушка подошла к могиле и стала над ней. В руке она держала плетень. Быстро подняв ее, девушка три раза стукнула по могиле. И вдруг, раздвинув землю, из могилы вышел сын царя.

Девушка бросила плеть и, играя, пошла с ним к лесу. Мальчик все это видел. Не успела девушка с царским сыном войти в лес, как он выскочил из своей ямы, схватил брошенную плеть и снова спрятался в яму.

Вскоре царский сын и девушка вернулись из лесу. Сын царя скрылся в своей могиле, а девушка начала искать плеть и, найдя ее, догадалась, что плеть кто-то взял. Тогда она обернулась и сказала:

— Ты, который это сделал! Если знаешь, как обращаться с моей плетью,— молодец, а если не знаешь — напрасно взял ее у меня.

После этого девушка прыгнула и, скрывшись в черной туче, улетела.

Когда она улетела, мальчик вышел из своей ямы, ударил плетью могилу, в которой был похоронен царский сын, и сын царя встал из могилы. После этого мальчик начал хлестать могилы всех умерших, оживляя их. А потом снова ударил их плетью, убил всех, отправил по местам и вернулся к старухе.

— Нан, нан, жив ли ты? — бросилась к нему старуха.— Спас ли ты нас от смерти?

Старуха стала обнимать мальчика, а мальчик сказал ей, чтобы она пошла к царю и передала ему:

— Собери всех подвластных тебе!

Старуха пошла к царю и сказала ему так:

— Нан, нан! Какой-то молодец пришел в наш дом. Этой ночью мой сын должен был охранять могилу, но тот молодец, что пришел к нам, отправился вместо него. Он спас моего сына от смерти и сам вернулся цел и невредим. Этот юноша прислал тебе сказать: «Собери народ!»

На другой же день царь созвал весь народ. Когда все собрались, пришла старуха с мальчиком. Мальчик сказал:

— Добрый день! С этих пор никто не станет умирать возле этой могилы! — И он на виду у всех подошел к могиле, где был похоронен царский сын, ударил плетью, и в тот же миг из могилы выскочил оживший сын царя.

Мальчик стал прикасаться плетью к могилам других умерших, оживил человек триста, и они, все в белом, стали посреди народа. Семьи и родичи оживших очень обрадовались.

Тогда царь сказал мальчику:

— Ты сделал нам столько добра! При всем народе говорю тебе: возьми мое царство и мою дочь!

Но мальчик не согласился и не остался у них:

— У меня впереди долгий путь, и я не стою таких почестей. Прощайте!

Шел, шел, долго шел и наконец пришел в большой город. Через город протекала огромная река. Те, кто поселились по эту сторону реки, жили богато, голода не знали, а по ту сторону народ погибал от засухи — она сжигала людей. Каждый день с этой стороны реки на тот берег посылали корабль, нагруженный пищей, но, когда корабль доходил до середины реки, из воды мгновенно высовывалась огромная бычья голова, вонзала свои зубы в корабль и задерживала его, не пуская к голодающим.

Увидел это мальчик и говорит народу:

— Посадите меня на корабль!

Корабль остановили, посадили мальчика, и корабль двинулся вперед, рассекая воду. Но как только он достиг середины реки, из воды мгновенно показалась бычья голова с оскаленными зубами и вонзила в корабль свои зубы. Тогда мальчик быстро протянул руку, выдернул зубы из корабля, поднял их вверх и с грохотом бросил на палубу. Корабль быстро пошел вперед и привез еду голодающим.

С тех пор корабль каждый день переплывал реку. В городе все были рады мальчику. Хотели оставить его жить, но он ушел, говоря:

— У меня дело есть!

Долго ходил мальчик и наконец увидел большой сверкающий дворец. Дворец был окружен железной стеной с железными воротами. Во дворе росла зеленая трава. Мальчик подошел к воротам, но они были заперты. Тогда он быстро подпрыгнул, стал на ворота крепости, спрыгнул во двор и направился ко дворцу. Кругом ни звука. Мальчик поднялся по лестнице во дворец. Наверху во дворце стояли три убранные постели. Мальчик долго осматривался, застыв на месте. Потом глянул в окно и видит: за оградой идут друг за другом три девушки. Вот подошли они к воротам, передняя девушка взмахнула платком, и железные ворота с грохотом растворились. Прошли девушки через ворота, задняя тоже взмахнула платком, и ворота опять сомкнулись. Тогда девушки, следуя друг за другом, направились ко дворцу. Тут мальчик завертелся по комнате: «Куда мне деваться?» — и спрятался под постель.

Все три сестры поднялись наверх и вошли в комнату. И в то же мгновение на круглом столе появились три стакана с вином. Тогда старшая взяла со стола стакан и сказала так:

— Боже, благослови того, который освободил меня от жад-

ной души, когда я сидела в большой реке и не давала брать из нее воду! — С этими словами девушка опорожнила стакан.

Средняя сестра взяла со стола стакан и тоже сказала:

— Боже, благослови того человека, который взял из моих рук плеть и освободил меня от греха.

Наконец, младшая сестра взяла стакан и сказала:

— Да благословит бог того человека, который освободил корабль и не дал мне совершить греха!

— Аминь. Это я! — сказал им в ответ мальчик и выскочил из-под постели. При этом младшая из трех сестер, застеснявшись, спряталась.

Мальчик спросил:

— Почему ваша младшая сестра спряталась?

— Наша младшая сестра просватана за тебя, — ответили сестры.

Потом старшая сказала:

— Средняя из нас — жена младшего брата твоего отца, а я жена старшего.

Тут мальчик сказал им:

— Завтра в полдень кончается мой срок: если я не достану для царя двенадцать золотых кубков, он снимет мне голову.

Но сестры успокоили его:

— Оставайся спокойно со своей женой. Завтра ты будешь там, откуда пришел, — и послали его в комнату к жене.

Наутро мальчик проснулся и видит: все они очутились дома. Он взял двенадцать золотых кубков и пошел к царю. Царь удивился и все свое царство передал мальчику. Девушки же стали женами братьев отца юноши, и все устроили большой пир.

21. Невеста трех братьев

Жили три брата. Они родились от одного отца и одной матери.

Все три брата были хорошие парни. Они пользовались хорошей славой и имели много добра. У каждого из них была своя лошадь, свое седло, и ни один из братьев не был хуже другого.

Братья ни в чем не нуждались, но они не были женаты. И вот в одно и то же время братья задумали жениться.

Они были настоящими мужчинами, днем и ночью совершали набеги, но всегда поодиночке.

Однажды вечером старший брат вернулся домой, просватав где-то девушку и назначив день свадьбы.

Своих братьев он дома не застал.

На другой день вернулся средний брат. Он тоже просватал девушку и назначил день свадьбы.

На третий день вернулся младший брат. Он весело джигитовал на своей серой лошади, у него на шапке сидела птичка *: он тоже нашел себе невесту и назначил день свадьбы.

Все три брата просватали невест, но ни один из них ничего не знал о сватовстве другого.

Когда все братья собрались, старший встал и сказал, что он нашел себе невесту и в четверг будет свадьба.

Средний брат не утаил своих дел от других братьев, он сказал, что срок его свадьбы — тоже четверг.

Долго сидел и думал младший брат. Наконец он сказал, что назначил свою свадьбу тоже на четверг.

Оказывается, все три брата просватали одну и ту же девушку, и она нарочно назначила им один и тот же день.

Старшему брату казалось, что срок свадьбы слишком длинный: уж очень ему хотелось посмотреть на свою невесту.

Средний тоже не мог ни стать, ни сесть: он все метался, тосковал, думал о своей красавице невесте, которая дала ему слово.

Младшему брату еще хуже: всю ночь он видел невесту во сне и весь день носил ее в своем сердце. Все время он поглядывал на солнце и луну, желая, чтобы поскорее настал срок свадьбы.

Все три брата в ожидании свадьбы очень страдали, но про страдания одного ничего не знали другие.

Три родных брата захотели жениться в один и тот же день и, конечно, должны были устроить большой пир. Они известили всех своих родственников и знакомых, приготовили все, что нужно для свадьбы: вино, скот на мясо, поставили навесы во дворе и стали подыскивать себе дружков и стариков предводителей, чтобы ехать за невестами.

Старший брат собрал своих сверстников, все они сели на лошадей и поехали.

Средний брат тоже собрал своих сверстников и поехал за старшим.

Собрались друзья и младшего брата — те, которых он позовал, — и гурьбой поехали за невестой.

И вот все три брата, не зная, куда идет другой, оказались

в одном и том же дворе. Что им оставалось делать? Только тут они узнали, что посватались к одной и той же девушке.

Братьям это не понравилось. Хотя они стеснялись своих родственников и друзей, что были с ними, но все же заспорили братья и целую неделю просидели у невесты. Ни один из них не хотел уступить другому, поэтому они решили пойти к невесте и спросить:

— Кого из нас ты хочешь?

Но все три брата были хороши, один не хуже другого, и невеста не могла выбрать никого из них.

Тогда она позвала всех трех братьев и сказала им так:

— Правда, я всем вам дала слово и люблю вас всех одинаково, но ни один из вас не хочет уступить меня другому. Поэтому идите по всему миру: кто найдет невиданно прекрасную вещь, подобной которой нет в мире, тот станет моим мужем.

Братья выслушали невесту, рассказали все это своим друзьям, повернулись и разъехались в разные стороны куда глаза глядят.

Ездили они месяца три, наконец встретились где-то в далекой земле. Каждый спросил другого, что он нашел.

Старший брат показал хороший ковер, средний показал хорошее зеркало, а младший, оказывается, достал маленькое красное яблочко и показал его последним.

И вот братья стали судить о том, что можно считать такой вещью, лучше которой в мире нет.

Старший брат сказал:

— Мой ковер — такой ковер: стоит только сесть на него и подумать, куда хочешь полететь, как сразу там очутишься, как бы далеко это ни было.

Средний брат сказал:

— Мое зеркало — такое зеркало: если захочешь кого-нибудь увидеть, стоит только пожелать этого, как сейчас же его увидишь, как бы далеко он ни был.

А младший сказал:

— Моя находка ценнее ваших. Если, имея это яблочко, встретишься со смертельно больным человеком, он сразу выздоровеет и встанет на ноги.

Правда, все эти три вещи были разные, но зато других таких в мире больше не было.

После того как братья рассказали о своих вещах, средний пожелал увидеть свою невесту, глянул в зеркало и вдруг вскрикнул.

— Что случилось? — спросили его братья.

Он ответил:

— Девушка, из-за которой мы страдаем, умирает!

Братья кинулись к зеркалу и тут увидели, что девушка в самом деле умирает, а вокруг нее стоят родственники и безнадежно смотрят на умирающую.

Братьям надо было ехать три месяца, чтобы доехать туда, где была их невеста, но они быстро сели на ковер старшего брата и в ту же минуту оказались у постели умирающей. Тогда младший брат очистил свое яблочко, выжал из него сок и влил ей в рот. В тот же миг девушка поднялась: она стала такой же здоровой, как была раньше.

И вот старший брат собрал своих друзей, чтобы привезти невесту к себе домой.

Средний брат тоже собрал своих друзей, чтобы взять невесту, — он считал, что девушка бесспорно должна принадлежать ему.

Младший брат тоже собрал своих друзей, чтобы взять невесту к себе. Он думал, что невеста должна принадлежать ему, потому что он спас ее от смерти.

Снова собрались братья со своими друзьями у невесты и опять начали спорить, но так ничего и не решили. Тогда они вызвали судью.

Судья сперва дал слово старшему брату.

Старший брат сказал:

— Я достал такой ковер, подобного которому на свете нет. Если бы не мой ковер, никто из нас не смог бы застать невесту в живых: нам надо было бы ехать три месяца, а мы прилетели за одну минуту. Вот и посуди сам, судья, кому должна принадлежать невеста — мне или другому?

Тогда встал средний брат и сказал:

— Правда, мы подросли к умирающей только благодаря твоему ковру, но, если б не мое зеркало, мы не смогли бы узнать о ее болезни и она бы умерла. Подумай сам, судья, кому она может принадлежать — мне или другому?

Наконец, встал младший брат и сказал:

— Да, ты быстро прилетел бы сюда на своем ковре, но что бы ты мог сделать без моего яблочка? И ты, брат, увидел невесту в своем зеркале и быстро прилетел на ковре, но как бы ты помог ей без моего яблочка?

Не успел он это сказать, как братья напали на него:

— Твоим яблоком невеста спасена, но как бы ты узнал, что

она больна и умирает? А если бы даже узнал, то как бы смог подоспеть к умирающей?

Долго думал судья, но ничего не мог придумать. Если бы он отдал девушку тому, кто имел зеркало, то против выступил бы тот, кто имел ковер, и он был бы прав. Если бы судья присудил невесту тому, кто имел ковер, то против выступил бы тот, кто имел яблочко, и тоже был бы прав. А если присудить тому, кто имел яблоко, — другие станут оспаривать и тоже будут правы. Никак судья не мог решить, кому должна принадлежать девушка, и сидел, обхватив голову обеими руками.

Наконец встал младший брат. Он сказал такие слова, на которые никто не мог обидеться:

— Простите меня, старшие братья, я виноват перед вами. Я уступаю вам девушку, а вы сами рассудите, кому из вас она должна принадлежать. Только извлеките мое яблоко из невесты и целым дайте мне: ведь то, что вы нашли, находится у вас в целости, вы ничего не потеряли, и вам не приходится жаловаться.

Но откуда братья могли взять то яблоко, которое уже было съедено? Даже если убить невесту — никак не достанешь яблока.

Поэтому судья присудил невесту младшему брату, и он устроил большую свадьбу.

22. Подлость монаха

Жили брат и сестра — Александр и Татьяна. Александр жил у отца, а Татьяну воспитывал один монах — он был ее крестным отцом. Этот монах отдал Татьяну в школу. В школе она училась лучше всех.

Но вот однажды монах сказал Татьяне, что она ему очень нравится, и предложил выйти за него замуж.

Бедная Татьяна чуть с ума не сошла.

— Что ты говоришь мне, собака! Уйди прочь! — крикнула она монаху.

У Татьяны были друзья. Она доверяла им и рассказала все, что говорил ей монах. Друзья приняли близко к сердцу ее обиду, поймали монаха и наложили на него клеймо.

Тогда монах сообщил брату Татьяны, что она позорит его, позорит свою семью и что он с ней ничего не в силах поделать.

Родители Татьяны никогда не думали, что дочь запятнает их, станет развратной. Напротив, они считали, что у нее нет никаких недостатков. А брат, когда узнал это, очень огорчился и сказал:

— Как могло случиться, что моя сестра стала развратной? Ведь я думал, что лучше ее никого нет. Она так хорошо училась, я очень доверял ей!

Брат перестал и есть и пить: слова монаха были для него хуже смерти. И вот он пошел к отцу и сел там, обхватив голову руками. Из его глаз потекли слезы.

— Дад Александр, что с тобой? Дад, почему ты грустишь? — спросил отец. — Уж не случилось ли с нами какого несчастья? Александру было тяжело рассказывать отцу всю правду.

— Бедный отец, как плохо жить тебе на старости лет! — ответил он.

— Скажи, дад, что же случилось? — опять спросил отец.

Тогда Александр сказал:

— Хорошо, пусть оно сгорит! Я расскажу тебе все... Отец, знаешь, что случилось? Татьяна, которую мы так старались воспитать, с ума сошла — опозорила нас, осрамила! Мне монах письмо прислал. Пишет, что Татьяну надо убрать из его дома или даже убить, потому что она запятнала его дом и опозорила самого монаха!

— Эх, дад Александр, что ты сказал?! — в глубоком раздумье воскликнул бедный старик. — Иди, дад, но не убивай ее. Эх, несчастный я! То, что ты сказал мне, дад, омрачило мою старость...

Александр вскочил:

— Да, отец мой, это так! А теперь я должен пойти туда!

— Ох, дад Александр, подожди, пожалей меня, не убивай дочь! Скажи ей, что отец заболел, а потом, сам знаешь, лучше завести ее в дремучий лес и бросить... Оставь ее там, а сам возвращайся домой.

Бедный старик, оставшись дома, метался из угла в угол — ведь он терял свою единственную дочь!

Тем временем Александр пришел к сестре и постучал в дверь, чтобы Татьяна открыла ему. Но бедная Татьяна уже сходила с ума, она не узнала голоса брата и спросила:

— Кто ты?

— Открой дверь, разве ты меня не узнаешь? — ответил брат, не называя себя.

— Откуда мне знать, кто ты такой?

— Как же ты не узнаешь меня. Ведь я тот, кто каждую ночь приходит к тебе!

— Клянусь богом, клянусь своим единственным братом Александром, я убью тебя, если ты не уйдешь! — крикнула в ответ Татьяна.

У бедного брата подкосились ноги, сжалось сердце. Ему стало стыдно, что он так говорил с бедной Татьяной. Он подумал немного и сказал:

— Татьяна, открой дверь, это я, твой брат!

— Если ты мой брат, назови имена наших отца и матери, только тогда я тебе поверю!

Александр назвал имена отца и матери и напомнил сестре все ее разговоры в то время, когда у них не было никаких печалей.

Татьяна сейчас же открыла дверь. Давно она не видела своего брата. Татьяна бросилась к нему, обняла и горько заплакала.

— Как ты со мной грешно разговариваешь, разве так говорят с сестрой? — сказала Татьяна.

— Да, сестра... — Александр хотел засмеяться, но у него полились слезы.

Татьяна удивленно отступила назад.

— Брат, что с тобой случилось? — спросила она. — Почему ты грустишь?

— Татьяна, наш отец болен, он при смерти. Если мы быстро не пойдем домой, то, может быть, не застанем его в живых, — сказал брат, продолжая плакать. Он плакал, потому что терял свою единственную сестру.

— Бедный мой отец, бедный! — воскликнула Татьяна и стала собираться.

— Бери все свои вещи, может быть, не скоро вернешься, — сказал ей брат.

Сестра быстро собрала вещи, заперла комнату на ключ и пошла за братом.

У бедного брата всю дорогу надрывалось сердце.

— Что с тобой, Александр? Наверное, ты знаешь, что наш отец непременно умрет или, может быть, он уже умер? Почему ты боишься мне сказать? Говори же! — настаивала Татьяна.

— Нет, отец еще не умер, — ответил брат.

Брат и сестра шли, шли и пришли к дремучему лесу. Татьяна удивилась: почему они идут дремучим лесом и куда идут?

Они устали и сели отдохнуть. Когда они отдыхали, брат спросил Татьяну:

— Что с тобой случилось, Татьяна? Наш монах сообщил о тебе кое-что... Как же это ты могла осрамить своего отца и брата?

— Что же он вам сообщил? — изумилась сестра.

— Он сообщил, что ты испортилась, осрамила его, что он не может остановить тебя и что надо тебя убрать из его дома.

Только теперь Татьяна все поняла, но, зная, что ее душа ни в чем не повинна, громко засмеялась и спросила:

— Правда? Так он вам сообщил? Если так, то здесь я тебе ничего не скажу, но дома расскажу всю правду, только дай мне клятву, что ты не станешь ему мстить!

Несчастный брат не задумался над этими словами. Он оставил сестру и ушел, а Татьяне сказал, что скоро вернется.

Татьяна ждала, ждала, но брат все не приходил. Тогда она поняла, что случилось.

— Эх, брат, пусть мои грехи на тебя лягут! Как ты плохо обо мне подумал! Зачем ты поверил монаху и бросил свою сестру?! Честь моя, не дай меня съест зверям! Боже, ты наверху и внизу, на земле! Был у меня единственный брат Александр, завел он меня сюда и бросил, а сам спасся. Вот я, обещанная, стою посреди тобой сотворенного огромного дремучего леса. Прошу, не дай зверям съест меня, не дай мне такой ужасной гибели!

Потом Татьяна пораздумала немного и сказала:

— Нет, боже, пожалей моего единственного брата, прости его!

Сказала так, подняла голову и стала оглядываться по сторонам. Вдруг Татьяна заметила крышу большого дома. Она быстро засыпала листьями свои вещи и пошла к этому дому.

Когда Татьяна вошла во двор, у нее глаза разбежались: так прекрасно были устроены и дом, и двор, и все хозяйство. У бедной Татьяны от страха дрогнуло сердце — она не знала, куда пришла. Во дворе валялось много костей крупной дичи. Призадумалась Татьяна, но никак не могла понять, почему здесь так много звериных костей — ей нигде не приходилось столько их видеть.

Татьяна собралась с духом, вошла во дворец, но хозяев там не было. Она стала прибираться, везде подмела, все вымыла и вычистила. После этого Татьяна вышла на балкон, присела нена-

долго, но потом встала, заперла дверь и пошла по той дороге, откуда пришла.

Так пришла она на то самое место, где лежали ее вещи, и промолвила:

— Наверху бог, а внизу земля. Пожалей меня, боже, не дай зверям съесть меня, не дай мне пропасть бесследно!

Не успела Татьяна сказать это, как на вершину дерева сел голубь.

— Не бойся, Татьяна! — сказал он ей. — Ты невинна в этом мире. Тебе помогут все деревья, все птицы. Если тебе что-нибудь надо, скажи нам!

Татьяна ответила так:

— Я не спала три дня и три ночи. Пожалейте меня, если я здесь усну, не забудьте обо мне, держите меня в своем сердце!

— Не бойся, засни! — сказал ей голубь. — Земля, на которую ты ляжешь, станет как вата, а мороз и холод превратятся в солнечное тепло!

И Татьяна спокойно уснула. Она легла в полдень и проснулась в следующий полдень. Татьяна не ела уже четыре дня, но голода и холода не чувствовала. Она проснулась веселой и подумала: «Святой я стала, что ли?»

Потом опять пошла ко дворцу. Войдя во дворец, она сделала так, как делала раньше: убрала все, вычистила и опять ушла.

Теперь скажем, кому принадлежал этот дворец. Оказывается, он принадлежал трем братьям-адауы: Базалбею, Таталбею и Хазалбею.

Увидели братья свой дворец чисто прибранным и очень удивились:

— Что мы видим? Кто это осмелился зайти в наш дом? Почему здесь слышится христианский дух?

На второй день адауы опять ушли, а Татьяна снова пришла, все убрала, вымыла, вычистила, а потом ушла в лес.

После ее ухода вернулись братья. Они опять удивились, слыша христианский дух, но не знали, что сказать.

Тогда старший брат спросил:

— Что делать с тем, кто осмелился так поступить? — И адауы решили оставить дома самого младшего брата, Хазалбея.

— Мы тебя оставляем, — сказали они Хазалбею, — а сами уйдем на работу. Ты пойдешь спрячься в кукурузнике. Если тот человек опять придет убирать, то крикни ему, когда он будет уходить, чтобы он не боялся, что ты ему не станешь мешать. Только смотри не съешь его!

Наутро братья встали, приказали младшему брату спрятаться в кукурузнике, а сами ушли.

Младший брат спрятался. Вот пришла Татьяна. Она опять поприбирала все, как раньше, но только собралась уходить, как из кукурузника вышел громадный адауы.

— Будь мне сестрой, а я стану твоим братом! — крикнул он.

Бедная Татьяна услышала этот крик и, не зная, что случилось, испугалась, но адауы сказал ей:

— Не бойся, я тоже человек! Оставайся здесь!

Татьяна подумала немного и решила остаться.

Обрадованный адауы сообщил об этом своим братьям. Братья в тот же день собрали весь свой народ и устроили пир, радуясь, что нашли себе сестру. Адауы с ума сходили от радости. Они стали перед Татьяной на колени, поклялись, что с этого дня она будет их сестрой, и просили рассказать, как она к ним попала. Татьяна рассказала о всех своих несчастьях.

С тех пор Татьяна стала сестрой адауы и поселилась на самом верху дворца. Ее кормили только костным мозгом. Адауы очень любили Татьяну и клялись только именем своей единственной сестры. Но Татьяна никак не могла забыть своего горя. Адауы замечали, что она глубоко вздыхает. Это очень их беспокоило. Услышав ее вздох, все три брата бросались к Татьяне и спрашивали, что с ней случилось. Они очень ее любили и выполняли все ее желания.

Однажды, когда Татьяна сидела на самом верху своего дворца, к ней вошла какая-то старуха. В руках она держала женское платье.

— Нан, Татьяна! — сказала старуха. — Надень это платье. У меня дочь с тебя ростом. Если оно тебе будет впору, то и ей подойдет!

— Хорошо, — сказала Татьяна. Она взяла платье и надела его, но не успела опомниться, как сразу окаменела.

В то время ее братьев-адауы не было дома. Когда же они вечером вернулись домой и увидели свою окаменевшую сестру, они так поразались, что чуть с ума не сошли. От страшного рева адауы затряслись горы и побережье.

— Что с нами случилось?! Что за горе! С кем было такое несчастье? Что с нами сделал аллах! — кричали адауы.

Адауы обошли всю землю, обыскали все небо, но ничего не нашлось, чем можно было бы оживить Татьяну. Тогда братья стали приносить жертвы. В крови этих жертв могли бы плавать карачевские лошади, но Татьяне ничего не помогало.

Прошло два года. Адауы успокоились. Но вот однажды они прослышали, что какой-то царевич ищет себе жену. Услыхала об этом и старуха. Она пошла к царскому сыну и сказала:

— Слушай, что я тебе скажу! Я узнала, что ты ищешь себе жену. И вот я говорю тебе: есть одна красавица, зовут ее Татьяной. Она была сестрой трех братьев-адауы. Когда она выходила на балкон, то как солнце горела и освещала всю нашу землю. Я же пришла к ней и превратила ее в камень. Теперь ты должен дать адауы побольше денег и взять себе этот камень, а я его оживлю.

Царский сын, открыв рот, смотрел на старуху и думал, что он с ней сделает, если она лжет. Но старуха так много говорила, что накопец он ей поверил, повернулся и пошел домой. Пришел царевич к отцу и сказал:

— Отец, найди мне побольше денег и дай людей, я привезу окаменевшую Татьяну.

Царь этому не удивился. Он отдал сыну столько денег, сколько тот мог взять, вызвал войско, приготовил все и отправил сына в дорогу.

Мать царевича стала браниться — ей не понравилась затея сына.

Тогда царь сказал ей:

— Успокойся! Зачем волноваться?

Царский сын со своим войском заехал за старухой, взял ее и направился к адауы. Когда царевич приблизился к дому трех братьев, он послал старуху и войско выпросить у них камень. Адауы это не понравилось, но камень они отдали, не спрашивая зачем, и отказались от денег: адауы падеялись, что найдется какое-нибудь средство, которое оживит Татьяну.

Так царевич Коция достал этот камень. Снова страшный рев адауы потряс и землю и небо. Их сердца огнем горели от горя. Но что им было делать? Адауы остались без сестры.

Когда Татьяну привезли к царю, старуха сказала:

— Принесите мне такое зеркало, которое еще не видело света, и золотой гребень — этим можно ее оживить.

Царский сын отправился на поиски. Он нашел зеркало и гребень. Татьяну отнесли в церковь, оставили там наедине со старухой. И вот не прошло и часу, как бедная Татьяна, которая до сих пор даже солнца не видела, ожила.

— Где я была? — спросила она, удивленно оглядываясь по сторонам.

В это время все вокруг церкви, в которой была Татьяна,

засияло, как от пылающего солнца. Около церкви стояло войско царевича. Сам царевич, открыв дверь, вошел в церковь. Он увидел необычайную красоту девушки и сразу полюбил ее.

Царевич отдал старухе все, что ей нужно было до конца жизни, а Татьяну повел в дом. Впереди себя царский сын Коция послал людей сказать, что он снял с неба солнце и везет его домой: пусть там сделают все, что возможно сделать.

Царь обрадовался, созвал весь свой народ до единого человека и стал готовиться к большой свадьбе.

Вечером, после захода солнца, привели сияющую без свечей Татьяну.

Все, кто любил и уважал Коцию, стали радоваться. Татьяна была достойна такой радости.

Пир продолжался непрерывно целый месяц.

За это время Татьяна сделалась хозяйкой, но она никак не могла забыть своего брата, который бросил ее в лесу.

Так прошел год.

И вот как-то раз Татьяна услышала, что ее брат берет себе жену из той же страны, где живет она сама. Татьяна стала просить мужа и родителей, чтобы они отпустили ее на свадьбу брата. Разве Татьяне могли в чем-нибудь отказать? Ей разрешили... Татьяна собрала свои вещи, надела мужское платье, повязала голову башлыком и поехала. До того стала хороша Татьяна, что не нашлось бы человека, кому бы она не понравилась.

Татьяна переименовала имя и назвалась именем своего брата-адауа Хазалбея. Приехала она в родной дом и сказала отцу:

— Князь, я пришел к тебе и прошу только об одном: сделай меня своим приказчиком!

— Но подобает ли тебе, такому прекрасному юноше, быть моим приказчиком? — удивился князь.

Татьяна стала рассказывать, будто она — сын бедного крестьянина и хочет пожить во дворце князя, чтобы чему-нибудь научиться. «А потом видно будет, что из меня выйдет!» — добавила она под конец.

Князь поговорил со своим сыном Александром, и Татьяну сделали приказчиком старой лавки.

До свадьбы Александра оставалось еще три дня и три ночи.

За эти три дня и три ночи Татьяна так понравилась отцу и брату, что они поговорили между собой и решили отправить ее за невестой вместе с другими посланцами, а потом решили усыновить и объявить это народу.

Александр был этому очень рад.

Настало время ехать за невестой. Посланцы сели на коней, Татьяна тоже заперла двери лавки и поехала с ними.

Когда же вернулись с невестой домой, отец Александра стал среди народа и сказал:

— Сперва обнимите моего старшего сына! — он указал на Татьяну. — С этого дня Хазалбей будет старшим братом Александра и станет владеть всем имуществом наравне с нами!

Сказал так отец и принялся всех рассказывать, а Татьяну посадил на самое почетное место. Татьяна пила и ела, даже раз танцевала. Напротив нее сидел подлый монах. Это ее мучило. Тогда Татьяна попросила себе ачамгур, стала играть и петь.

Все свои несчастья рассказала девушка в этой песне.

Пела она так: «Жил один князь, и было у него двое детей. Сына звали Александром, а дочь — Татьяной. Татьяну воспитывал монах. Бедная честная Татьяна кончила учение хорошо...»

Тут хитрый монах забеспокоился: он стал подозревать, что это сама Татьяна.

А девушка все пела и пела. В своей песне она рассказала о том, как однажды монах предложил Татьяне стать его женой, как она, доверяя друзьям, передала им это и попросила наложить клеймо на монаха, как хорошие друзья ей помогли и наложили клеймо.

Слушая эту песню, монах умирал от страха.

Под конец Татьяна спросила:

— Сможет ли теперь отец, увидев свою пропавшую дочь, узнать ее?

Когда она так спросила, все, кто слушал бедную Татьяну, чуть ума не лишились от удивления.

Тогда Татьяна обратилась к брату и спросила его:

— А ты, брат, сможешь ли теперь узнать сестру, брошенную тобой, если ее увидишь?

Сказала так Татьяна, вскочила, сбросила с себя мужское платье, положила его перед народом и, указав на монаха, сказала:

— Взгляните на этого монаха, у него на груди клеймо!

Не успела она это сказать, как люди повскакали, бросились на монаха и раздели его. И все увидели, что у монаха и вправду есть клеймо.

Тут Татьяна не могла больше вытерпеть — у нее душа кипела. Она выхватила из кармана оружие, попросила людей расступиться, прицелилась в монаха и выстрелила. Пуля попала монаху прямо в рот.

Вот как Татьяна покончила с монахом.

Из его рта пошла кровь, белая как молоко: так много грехов было у монаха. Народ не огорчился тем, что Татьяна его убила. Люди взяли и сожгли труп, а Татьяна стала упрекать отца и брата:

— Уничтожить бы ваш род! Когда у вас родятся дети, вы их отдаете на воспитание тому, кому можете доверять. Но как можно доверять монаху? Если уж непременно хотели отдать на воспитание, то почему не отдали какому-нибудь крестьянину, — он бы воспитал меня с любовью! И вот ты, отец, отдал меня на воспитание этому монаху, а твой родной сын чуть не погубил меня! Не стыдно ли тебе, брат, что бросил свою невинную сестру посреди дремучего леса на съедение волкам? Хорошо, что ей помогло все, что есть на свете, и привело обратно!

Бедный Александр сидел неподвижно: как поднял руку, так она и осталась, и глаза его были неподвижны. Бедный отец никак не мог понять, отчего все так случилось. Они оба молчали.

Весь народ дивился такому случаю.

Потом отец и брат Татьяны пригласили ее мужа, устроили большой пир и веселье, а когда Татьяна с мужем собрались уезжать, дали им провожатых.

23. Три героя

Жили три героя. Много они слышали друг о друге — у всех трех была большая слава, но один другого пока не встречал. Первый герой был родом из Дагестана, и звали его Осман, другой был черкес по имени Омар, а третий — абхаз, его имя было Кулымса.

Что ни день эти три героя слышали о подвигах друг друга.

Вот однажды Осман оседлал своего коня и отправился в путь. Так ехал он без отдыха с самого утра до полудня, наконец подъезжает к одному дубу с большой тенью и думает: «Здесь отдохну!»

Осман спешился, ослабил подпруги, привязал коня, потом развернул бурку и сел.

Прошло немного времени. К тому же дереву подъехал какой-то человек и сказал: «Добрый день!» — и тоже слез с лошади. Это был Омар.

— Рад тебя видеть! — ответил Осман и приподнялся навстречу.

Они поздоровались, усадили друг друга и, достав табак, закурили.

Еще через некоторое время подъехал третий всадник, слез с коня, сказал: «День добрый!» — и пожал им руки.

После этого они усадили друг друга и начали беседовать.

Вот когда наконец герои познакомились друг с другом.

Они сговорились в эту ночь показать один другому свое геройство. Условились, вскочили на коней и отправились в набег на какое-то село.

Ночью они втроем напали на то село, о котором говорили, захватили богатую добычу и пленных и вернулись туда, где повстречались днем. Стали делить добычу и пленных. Разделили все, только одну девушку-пленницу не смогли поделить.

Осман сказал:

— Я старше вас, дайте ее мне!

Но другие двое не согласились, и начался спор.

Из ближних сел собрался народ. Целый месяц люди просидели возле спорщиков, но никто из них не хотел уступать пленницу другому.

Не найдя выхода, три героя вырыли друг против друга окопы и приготовились к сражению.

Надоело это одному из крестьян, и он пошел домой. По дороге ему встретился пастух.

— Спрос не беда! — сказал пастух. — Скажи-ка, что делают те люди, которые собрались там? Вот уже месяц, как они сидят на одном месте.

— На что тебе знать? — ответил человек. — Лучше за скотом присматривай как следует! — и прошел мимо.

Но пастух остановил его:

— Ничего, о стаде не беспокойся! А все-таки нельзя ли мне узнать, что там происходит, может я помогу своим советом.

Тогда человек рассказал пастуху в чем дело, что там происходит.

Услышав это, пастух удивился:

— Неужто только из-за этого они сидят здесь столько времени? Такие герои, а не могут разделить одну девушку!

— Да вот не смогли же! — ответил прохожий.

— А нельзя ли тебе дать совет? Я думаю, он поможет разрешить их спор, — сказал пастух.

— Говори, говори! — ответил прохожий.

И пастух посоветовал, как можно уладить спор и разделить девушку:

— Вот что надо сделать: пусть каждый из трех героев по очереди расскажет о своих подвигах. Кто большее геройство совершил, тому и отдайте пленницу!

Крестьянину понравился совет пастуха, он вернулся туда, откуда ушел, стал среди собравшегося народа и крикнул:

— Хочу сказать о том, из-за чего мы сюда пришли и сидим до сих пор!

Тут весь народ застонал:

— Говори, говори!

Омар, Осман и Кулымса тоже отозвались со своих мест:

— Хорошо, говори!

Тогда крестьянин сказал свое слово:

— До сегодняшнего дня мы сидим здесь потому, что не можем поделить девушку между тремя героями. Мое сердце говорит мне, что надо сделать так: поставить всех трех героев, и пусть они расскажут по очереди о своих подвигах. Кто большее геройство совершил, тому и отдадим пленницу.

— Хорошо, — согласился народ, и все расселись. Наступила тишина. Первому дали слово Осману, как самому старшему, и Осман начал свой рассказ так:

«Я расскажу вам о том геройстве, которое совершил, когда приводил в свой дом жену. Я просватал девушку и назначил срок свадьбы через неделю. Прошла неделя, я собрал сто человек дружков и послал за невестой. Родственники моей невесты устроили им пиршество. Всю ночь они пировали, а на рассвете взяли невесту и поехали обратно. Невесту сопровождали еще двадцать пять человек. Семья моей невесты жила недалеко от моря, у самой дороги. Путники должны были целую версту проехать вдоль моря, другая дорога была хуже этой. Вот едут они по берегу, немного проехали, смотрят — в море, недалеко от берега, лежит большая голодная рыба. Вдруг эта рыба как потянет в себя воздух, так и проглотила всех сто двадцать пять человек! А мы у себя дома уже все приготовили к встрече невесты. Весь скот, который нужно было резать, зарезали. Вот уже и вечер наступает, а невесту все не везут и не везут.

Тут я не стерпел, вскочил на коня и поехал навстречу. Заехал в один дом, недалеко от дома тестя, и спрашиваю:

— Сегодня увозили девушку отсюда?

— Да-да, — ответили мне. — Этой ночью был пир, а утром сели на лошадей и увезли невесту.

Когда я это услышал, в меня как будто огонь вошел. Попрощавшись: „Ваш день да будет хорош!“ — я уехал.

Как ехал я по дороге, заметил следы коней. Поехал по этим следам. На пути мне попадались вытопанные поля, где спутники невесты занимались джигитовкой. Но вдруг, в то время как я так ехал верхом, что-то невидимое вдохнуло воздух и втянуло меня внутрь. Там, внутри, я оглянулся по сторонам, смотрю и вижу: кругом стоят рядом с лошадьми мои дружки. Они уже обессилели от голода.

Я воскликнул: „Ах вы гнилые!“ — выхватил шашку, ударил вниз, ударил вверх, все сделал, чтобы уничтожить рыбу. Я прорезал ее изнутри, вывел всех наружу, и мы поехали дальше. В ту ночь устроили свадьбу, и с тех пор я живу с моей женой. У нас есть уже трое детей». Так закончил свой рассказ Осман и сел на место. Народу рассказ очень понравился, и все стали бить в ладоши.

После Османа говорил Омар. Он так начал свой рассказ:

«В нашем селе я был самым лучшим охотником. Бывало, уйду на охоту и не возвращаюсь целую неделю. Вот однажды я взял свое ружье и пошел на охоту. Целый день я бродил, но до самого вечера не встречал ничего хорошего. Только вечером, идя по склону, я заметил дикого козла, вскинул ружье, прицелился, сказал: „Одна пуля, равная ста!“ — и выстрелил. Козел покатился вниз по склону, и, когда упал на равнину, я подбежал к нему. Там я вынул свой нож, сказал: „Да будет моя удача еще больше в следующий раз“, перерезал козлу шею, содрал с него шкуру, расчленил тушу, а мясо повесил на дерево. После этого я развел огонь и только приготовился жарить мясо, как вдруг услышал чей-то голос:

— Человек, сидящий там, не двигайся!

Но я быстро вскинул свое ружье, навел туда, откуда слышался голос, и спустил курок. После этого я больше не слышал никакого голоса.

Так я просидел до рассвета. А утром пошел в ту сторону, куда стрелял, и увидел кровавые следы. Я быстро пошел по этим следам, дошел до сложенных камней и там тоже заметил кровь. Я разобрал камни и пошел под землей в темноте. Возвращаться назад не хотелось — могли бы подумать, что я испугался, — и я шел и шел, пока не вышел из темноты в какой-то очень светлый двор.

Оказывается, я выстрелил в брата Ажвейпшаа. Раненый, он лежал под дубом, накрытый простыней. Вокруг сидела его семья, и все пели „Песню раненого“. Родственники оглянулись и сразу догадались, что это я его ранил. Тогда сестра раненого

с плетью в руке пошла ко мне навстречу. Я подумал, что она просто встречает меня, и подошел к ней, но девушка сказала:

— Пусть бог обратит тебя в собаку! Живи в нашем дворе, пока брат не поправится, а когда поправится, будешь ходить с ним на охоту! — и ударила меня плетью.

Как девушка сказала, так и случилось: я превратился в собаку и с лаем побежал по двору.

Прошло шесть месяцев. Раненый выздоровел. Он стал ходить на охоту и брал меня с собой. Я ловил зайцев и лисиц.

Как-то раз утром пошли мы с ним на охоту. В этот день мы сильно устали. По дороге я увидел зайца и погнался за ним, но не смог поймать. Когда мне все это надоело, я вернулся домой. Смотрю, а девушка, превратившая меня в собаку, спит в тени, подложив свою плеть под голову. Я был собакой, но разум во мне оставался человеческий. Потихоньку я вытащил зубами плеть у нее из-под головы и пожелал то, что подсказало мне сердце: „Пусть ты превратишься в кобылицу, а я опять стану человеком и вернусь верхом на тебе в свой дом. Аминь!“

Как только я пожелал это и хлестнул девушку плетью, она мгновенно превратилась в кобылицу и стала передо мной, а я снова стал человеком. После этого я отыскал уздечку, сел на лошадь и поехал по дороге. Выбравшись из темноты, я направился домой.

На другую ночь я слегка ударил кобылицу своей плетью и сказал при этом:

— Обратись в девушку, да не вздумай бежать домой! — И кобылица превратилась в девушку.

Дома, когда увидели меня, столько времени пропадавшего, окружили и стали обнимать. А я рассказал им все, что со мной случилось, сказал, что эта девушка — моя невеста. На другой день мы собрали всех родственников и устроили свадьбу. С тех пор та девушка стала моей женой, и у нас уже четверо детей», — закончил свое слово Омар.

После Омара слово дали Кулымсе. Он встал и начал:

«Нет таких пакостей и преступлений, каких бы я не совершил в своем селе. И вот однажды меня арестовали за налет и присудили к пяти годам ссылки в Россию. А в то время я уже засватал одну девушку. Меня выслали, и невеста все время писала мне письма, а я отвечал ей. Но какой-то человек, питавший ко мне зло, написал моей невесте, будто меня убили. Как только до нее дошла эта весть, она покончила с собой, но я об этом ничего не знал.

Так прошло три года. Я бежал из ссылки и вернулся в свое село. Вошел в село. Куда ни погляжу, во всех домах двери на запоре. Шел я, шел и пришел к одной старухе.

— Добрый день! — поздоровался я с ней и сел.

Потом спрашиваю ее:

— Что здесь случилось? Почему во всех домах двери закрыты, почему здесь никто не живет?

Старуха ответила:

— Здесь одна невеста, узнав, что ее жениха убили, наложила на себя руки.

Как услышал я такое слово, огонь по мне прошел. Я попрощался со старухой: „Твой день да будет хорош!“ — и ушел от нее.

По пути я зашел в одно место, где жили мои знакомые, и попросил их продать мне содержимое одного улья.

— Хорошо, — ответили мне и продали улей.

Тогда я отделил воск от меда и отдал его, чтобы мне сделали свечу. А когда настал вечер, я пошел на кладбище устраивать поминки по невесте.

Вот совсем стемнело, я зажег на могиле свечу и сел сторожить, чтобы никто не откопал мою невесту. Вдруг вижу: могила зашевелилась, и земля раздвинулась до самого дна. Гляжу, из могилы выползает черная змея. Я быстро ударил ее и убил.

Прошло немного времени. Смотрю, другая змея лезет из могилы, держа что-то во рту. Я схватил камень и быстро ударил змею по голове, но убить не смог: она уползла, выронив то, что держала во рту. Платком я поднял это с земли, но не успел рассмотреть, что это такое, как мгновенно уснул. То, что я держал, выпало у меня из рук прямо на лицо мертвой.

Как только это случилось, она встала на ноги и говорит:

— Как спокойно я спала!

Потом глянула девушка на меня, узнала сразу и воскликнула:

— Пусть все мои грехи падут на голову того, кто написал мне, что ты убит!

Невеста обняла меня, обошла вокруг, и мы пошли к ней в дом. А в это время вся семья девушки, плача и рыдая, сидела возле ее одежды, сложенной на постели *. Когда мы вошли, все люди испугались, но, догадавшись, что мы живы, мать моей невесты обошла вокруг нас ** и устроила нам пир.

На другой день дали нам провожатых, и я вместе со своей невестой приехал к себе домой. Дома устроили свадьбу. До сих

пор я живу с этой женщиной, и мы уже троих детей имеем» — так закончил свое слово Кулымса.

Народ стал судить, кто из героев совершил больший подвиг. Подвиги всех трех были необыкновенны, но все же подвиг Кулымсы не был похож на другие.

Если спросите почему, то вот почему: он вложил в мертвого душу, он оживил мертвеца. Народ присудил девушку Кулымсе, и после того все люди разошлись по домам, а я вернулся сюда.

24. Кякуа-Залашв

У одного крестьянина было три сына и три дочери. Умирая, отец позвал старшего сына и сказал:

— Я умираю, а вы живите согласно и дружно. Девушки уже просватаны: в воскресенье вечером возьмут старшую, в следующее воскресенье вечером возьмут среднюю, а в третье воскресенье — младшую. В те вечера, когда их будут брать, разразится гроза с громом и молнией. Ты только выводи сестер на балкон, а там уж их возьмут!

Сказал так отец и умер.

Как он сказал, в первое же воскресенье разразилась такая страшная гроза, что нельзя было выйти во двор. Но старший брат должен был сделать то, что ему велел отец. Он взял старшую из сестер и вывел ее на балкон. В тот же миг что-то, похожее на черную тучу, окутало девушку и унесло неизвестно куда.

В другое воскресенье гроза была еще сильнее. На этот раз старший брат вывел на балкон среднюю сестру. Ее тоже унесло что-то, похожее на черную тучу.

А в третье воскресенье гроза разразилась еще страшнее. Брат вывел младшую сестру и отдал ее кому-то, похожему на черную тучу.

Младшие братья ничего не знали и удивлялись: что сделал старший брат с их сестрами?

Прошло много времени, но они не видели тех, кто взял сестер, и не замечали, чтобы старший брат ходил к ним.

И вот однажды младшие братья сказали старшему брату так:

— наших сестер ты вывел на балкон и отдал грозе. Гроза их унесла. А теперь ты сам к ним не ходишь и нам не говоришь, где наши сестры.

Но старший брат сам не знал, кто их взял. Он думал, думал и наконец сказал:

— Да, вы правду сказали, но я сам не знаю, кто их взял. Я сделал только то, что мне перед смертью наказал отец. Надо будет найти сестер! Я попробую это сделать и поеду, а вы, братья, оставайтесь дома, но никуда не ходите и присматривайте за нашим скотом!

Сказал так старший брат, сел на отцовского араша и поехал искать сестер.

Ехал, ехал, заехал далеко и очутился в какой-то далекой земле. Он очень устал и решил отдохнуть; соскочил он с араша, привязал его к липе, что там росла, и сел отдыхать.

Прошло немного времени. Вдруг напротив него показалась серна, но у старшего брата не было никакого оружия. А серна подходила все ближе и ближе, наконец она подошла совсем близко. Он бросил камень, но серна не испугалась и продолжала пастись.

— Вот увидишь, я тебя живой поймаю! — сказал юноша, вскочил на араша и погнался за серной. Серна не стала бежать далеко: она кружила по поляне, а всадник в надежде, что вот-вот поймает ее, все гнал и гнал своего араша и так загнал его до смерти.

Что ему оставалось делать? Ведь пешком он не смог бы дальше идти! Сел юноша под липой и заплакал. Вдруг он заметил тропинку.

— Больше нечего делать! — сказал он. — Пойду туда, куда ведет эта тропа! — встал и пошел по этой тропинке.

Так он подошел к какому-то дворцу, огороженному каменной оградой. Он попробовал открыть ворота или перелезть через ограду, но, сколько ни метался, как ни старался, ничего не смог сделать. Он не знал, что теперь делать, сел у ворот и заплакал.

Оказывается, тот дворец, возле которого он сидел, принадлежал его старшей сестре. Хозяйка услышала плач, подбежала к воротам, смотрит, а там сидит старший брат и плачет. Она обрадовалась неожиданной встрече и повела брата в дом.

Но когда настал вечер, сестра начала плакать.

— Почему ты плачешь, сестра? Может быть, тебе неприятно, что я пришел?

Сестра ответила:

— Я плачу потому, что скоро должен вернуться мой муж. А когда он придет, то съест тебя. Куда же я тебя спрячу?

— Съедите вы меня или нет, я в ваших руках! — сказал брат.

Тогда сестра спрятала его в боковом ящичке сундука.

Вечером во двор вошел адауы, нагруженный убитой дичью. Не успел он войти во двор, как сейчас же закричал жене:

— Что случилось? Здесь слышен абхазский дух!

Но его жена вышла павстречу и стала уверять, что она ничего не слышит и что здесь никого нет.

Адауы поднялся с дичью на балкон, сложил там дичь и вошел в дом. В доме он еще сильнее почувал абхазский дух и бросился искать того, от кого он исходил.

Тогда к адауы кинулась его жена и стала просить:

— Поклянись, что ты его не съешь, тогда я скажу тебе, кто это!

«Уж не ее ли это брат?» — подумал адауы и поклялся:

— Клянусь, я не съем его!

Тогда жена адауы вывела своего брата и сказала, что он пришел навестить ее.

— Разве я съем своего шурина! — воскликнул адауы.

Адауы посадил юношу на ладонь, стал играть им, а затем созвал соседей и устроил в честь своего шурина большой пир.

Когда же дело дошло до подарков, которые адауы хотел сделать шурина, сестра сказала своему брату:

— Мой муж хочет дать тебе в подарок большое богатство, но ты ничего не бери и скажи ему, что ты человек бедный и что если он желает тебе что-нибудь подарить, то пусть даст свою шкатулку.

Как сестра сказала, так и было: адауы предложил своему шурина богатые подарки, но шурина отказался:

— Я ничего не возьму. Если же ты так настаиваешь, дай мне свою шкатулку. Я человек бедный, она мне зачем-нибудь да пригодится!

Эти слова очень огорчили адауы. Но он видел, что шурина ничего не хочет брать, и подарил ему шкатулку, а в придачу дал еще прекрасного араша и сказал:

— Я отдаю тебе шкатулку, в которой заключается вся моя жизнь. Только смотри, пока не придешь домой, не открывай ее, а то и себя погубишь, и меня. Открой шкатулку дома, при всем народе, иначе тебе будет трудно взять то, что там находится.

Шурина выслушал своего зятя и решил не открывать шкатулку. Он привязал ее к седлу, вскочил на подаренного араша и отправился в путь. Подъезжает к той поляне, где отдыхал в

первый раз, и видит: там опять пасется серна, из-за которой он до смерти загнал своего араша. Он положил шкатулку и снова погнался за серной. Гонял ее туда и сюда и думал, что вот-вот поймает, но так и не поймал, а своего араша загнал насмерть.

Что ему было делать? Опять пешком остался, как в первый раз. Возвращаться к зятю было стыдно. Он сел и задумался: «Что делать?» Вдруг видит: немного ниже первой тропинки, по которой он пошел в первый раз, идет другая тропа.

«Больше нечего делать! Куда бы она ни вела, пойду по этой тропинке!» — подумал юноша и пошел.

Шел, шел, наконец дошел до большого дворца. На его счастье, ворота были открыты. Он быстро вошел во двор, пошел к дворцу, взглянул на балкон и видит: сидит на балконе его средняя сестра. Сестра заметила его и закричала:

— Брат пришел!

Она спустилась по лестнице, бросилась к брату, обняла его и повела наверх.

Но потом сестра стала волноваться.

— Что мне делать?! — сказала она. — Придет мой муж и съест тебя!

— Съедите вы меня или не съедите, я в ваших руках! — ответил брат.

Тогда сестра заперла его в какой-то сундук.

Но вот пришел адауы. Он начал оглядываться по сторонам.

— Что такое? Я слышу абхазский дух! — сказал он жене, но она стала уверять мужа:

— Как могло случиться, чтобы здесь был абхазский дух?

Когда же адауы принялся искать по всему дому, жена бросилась к нему и начала просить:

— Пришел мой брат проведать нас. Я побоялась тебя и спрятала его. Прошу, если можно, не ешь моего брата!

— Что ты! Разве я съем своего шурина?! Приведи его сюда! — сказал адауы, но жена не поверила:

— Поклянись мне, что ты его не съешь!

— Клянусь, я не съем его! — поклялся адауы, и жена привела своего брата. Зять обнял его, поставил к себе на пальцы и долго играл им, потом устроил пир.

После пира сестра сказала своему брату:

— Мой муж предложит тебе в подарок много скота, но ты ничего не бери, кроме белого араша, который у него есть.

Как она сказала, так и было: адауы предложил шурину

много скота, но тот ничего не взял, а попросил дать ему только белого араша.

Адауы это очень не понравилось, но что было делать?

Он отдал.

Этот араш стоял в яме глубиной в сто саженей и ел сталь. Адауы подошел к яме, показал арашу уздечку, и араш легко выпрыгнул из ямы.

— Я отдаю тебе этого араша, но боюсь, как бы он тебя не убил! — сказал адауы. — Ты смотри сейчас на меня: я сяду на араша и покажу тебе, что он делает, когда на него садятся.

Адауы вскочил верхом, и араш так сильно оттолкнулся от земли, что ударился о небо, но адауы быстро сполз под брюхо араша. Потом араш ударился о землю, но адауы уже сидел на его спине. Араш прыгнул в сторону и ударился о восток — адауы уже держался за араша с другой стороны, а затем араш ударился о запад, но адауы очутился на другой стороне.

После этого адауы, джигитуя, въехал во двор и сказал:

— Если ты сможешь так делать, я отдам тебе араша, но боюсь, как бы он тебя не убил!

— Давай сюда! — ответил шурин, взял араша и вскочил верхом.

Араш ударился о небо, о землю, о восток и запад, но с шурином ничего не случилось.

Тогда шурин простился с хозяевами и уехал.

Подъезжает к липе и опять видит серну.

— Ну, уж теперь ты от меня не уйдешь! — сказал он и снова погнался за серной, надеясь, что вот-вот поймает ее. Так он загнал и этого араша до смерти.

— Как мне не везет! — сказал он, сел, обхватил голову руками и подумал: «Если бы мне везло, то этот араш остался бы жив!»

Стыдно ему было возвращаться к своим зятям, но вот он заметил, что пониже тех двух тропинок идет третья тропа.

— Пойду-ка по этой тропе. Если есть у меня какое-нибудь счастье, то эта тропа должна меня спасти! — сказал он и пошел по тропинке.

Шел, шел, вдруг видит: стоит огромный дворец.

— Зайду-ка в этот дворец. Может быть, там я увижу свою младшую сестру или услышу что-нибудь о ней, — сказал он и пошел, но войти во двор не осмелился: там сидели громадные охотничьи собаки. Он стал, не зная что делать.

В это время шла его сестра. Она несла воду. Сестра увидела

брата, обрадовалась, стала кружиться вокруг него *, потом поехала домой во дворец и спросила:

— Как ты сюда попал?

Он ей все рассказал: где побывал, как увидел сестер, и поведал все, что с ним случилось.

Сестра оставила его у себя дома, побежала к своему мужу-адау и стала просить, чтобы он не ел брата, который пришел ее проведать.

Когда адау поклялся и сказал, что не съест его, они вместе пришли к брату, адау обнял его и устроил большой пир.

Одну ночь брат переночевал у них, а утром собрался домой. Тогда адау решил пригнать много скота, чтобы одарить им своего шурина, но сестра предупредила брата:

— Мой муж пригонит много скота, чтобы подарить тебе, но ты ничего не бери! У мужа есть вороной конь, с которым он никак не может расстаться. Коня зовут Кякуа-Залашв. Если ты скажешь, что тебе, кроме этого Кякуа-Залашва, ничего не нужно, муж отдаст его. Смотри, он может показать тебе коня маленьким, как кошка. С него будет струиться гной, так, что тебе неприятно будет даже уздечку в руки взять, но ты не оставляй коня — потом все это пройдет!

Как она сказала, так и случилось: адау пригнал много скота, но брат ничего не захотел взять.

— Что же тебе нужно? — спросил адау. — Чего бы ты ни попросил, все тебе дам!

Адау не думал, что шурин знает про Кякуа-Залашва, но шурин сказал:

— Я хочу Кякуа-Залашва, если отдашь!

Адау это очень не понравилось, но что ему было делать? Он уже пообещал отдать все, чего бы шурин ни попросил.

Как сестра сказала, так и было: адау привел за уздечку маленького, как кошка, коня. С него стекал гной.

Брат даже в таком виде не побрезговал конем, взял его и ушел.

Шли, шли, но конь переступал очень медленно и с него непрерывно стекал гной. Наконец подошли к липе. Там опять паслась серна. Брат сел под липой и, держа коня за уздечку, стал плакать, приговаривая:

— Если бы я был счастлив, то все мои арапи, которые были один лучше другого, остались бы живы! Если бы сестры меня уважали, то Кякуа-Залашв, подаренный мне младшей сестрой, был бы прекрасным конем!

Так он плакал и причитал.

Все это слышал Кякуа-Залашв — он стоял тут же, весь в гное. Кякуа-Залашв умел говорить по-человечьи и сказал:

— Не печалься! Если ты можешь быть хорошим наездником, то я смогу стать хорошим конем!

Глянул брат, а перед ним стоит Кякуа-Залашв — огромного роста и такой прекрасный, что на него невозможно смотреть не мигая.

Потом Кякуа-Залашв сказал:

— В моем правом ухе лежит мое седло, а в левом — потник. Возьми их и оседлай меня!

Юноша обрадовался, достал седло и оседлал коня.

— Иди теперь, садись на меня. Я погоню за серной, которая загубила трех твоих арашей. Я догоню серну, но сможешь ли ты ее поймать? Ловить можно только за рога. Если ты тронешь ее в каком-нибудь другом месте, мы оба можем погибнуть.

— Хорошо, я поймаю за рога! — ответил юноша, вскочил на араша и погнался за серной. Кякуа-Залашв быстро догнал серпу, а всадник уже протянул руку, чтобы схватить ее за рога, но за рога не схватил, а коснулся спины. От этого вспыхнуло что-то белое, как жемчуг, и серна исчезла неизвестно куда. Но Кякуа-Залашв заметил, в какую сторону умчалась серна, и погнался за ней. Так он прискакал к реке. Трудно было ее перейти. Кякуа-Залашв стал над обрывом.

— Вот тут-то мы пропадем! — сказал Кякуа-Залашв. — Слезай с меня, переходи на другой берег и становись там. Я перепрыгну через реку, а когда буду около тебя, ты помоги мне немного, потяни вперед, иначе я пропаду!

Всадник так и сделал: перешел реку и стал на другом берегу, а когда Кякуа-Залашв прыгнул, он подтянул его вперед и помог выйти на берег.

Так они с большим трудом перешли реку и остались невредимы.

— Та, за которой мы гонимся, живет здесь, — сказал Кякуа-Залашв. — Но это не серна, а девушка. Она опять должна пойти к липе. Когда я подскочу, ты должен схватить ее и посадить в седло. Тогда мы ее возьмем. Больше ничего мы не сможем сделать.

Поговорили они так между собой и поднялись на бугорок, что был поблизости.

В это время девушка сидела на балконе, от испуга у нее колотилось сердце, и она кому-то рассказывала: «Пошла я в ого-

род своей матери клевер собирать. Вдруг какой-то человек заметил меня и хотел похитить, но не смог догнать. Для того чтобы догнать меня, он загнал трех арашей, а в последний раз он погнался за мной на Кякуа-Залашве. Чуть-чуть не поймал, по все же мне удалось убежать от него!»

Кончила девушка свое слово и встала, чтобы немного походить и передохнуть, а потом опять уйти в огород.

Но в этот миг Кякуа-Залашв перепрыгнул через ограду, подскочил к девушке, а всадник, не дав ей и шагу ступить, схватил девушку, и они поскакали со двора. По пути они заехали к липе, всадник взял там шкатулку, привязал ее к седлу, и они отправились дальше.

Дорогой всадник стал рассказывать девушке, будто он ее и раньше знал, хотел на ней жениться и даже арашей своих не жалел, чтобы взять ее в жены.

После этого девушка согласилась стать его женой.

Ехали они очень долго. Шкатулка, подаренная зятем, была тяжелая, везти ее было очень трудно, но всадник помнил, что зять советовал ему не открывать шкатулку, пока не придет домой. Он так и решил не открывать ее до приезда домой, но измученный Кякуа-Залашв, который вез всадника с невестой да еще тяжелую шкатулку, не мог идти дальше: у него была натерта спина.

Тогда всадник сказал:

— Все равно эту шкатулку не довести мне до дому. Лучше открою ее и посмотрю, что там лежит.

Но не успел он отомкнуть шкатулку, как из нее появилось множество людей, они стали строить фабрики, заводы, большие дома и выстроили все это очень быстро. На этом месте мгновенно вырос огромный город, по городу бежали машины.

И все это случилось не в родном селе юноши, а в какой-то далекой земле. Юношу сделали царем, а его жену — царицей.

Проходил день, другой, прошло много времени, а царь все оставался на том же месте.

Но вот как-то раз он собрал свой народ и спросил:

— Можно мне куда-нибудь уехать?

— О наш царь! Зачем ты спрашиваешь? Делай как хочешь! — ответил народ.

Тогда царь оставил царствовать вместо себя свою жену, сел на Кякуа-Залашва и поехал к тому зятю, который подарил ему шкатулку.

Как только он въехал во двор, зять сейчас же догадался, что с ним случилось, и крикнул:

— Что ты паделал?! Ты убил меня!

Шурин ответил зятю так:

— Младшая сестра подарила мне Кякуа-Залашва, я поймал серну, которая загубила моих арашей. Эта серна оказалась девушкой. Кякуа-Залашв помог мне взять ее в жены, и я поехал домой, но мой конь на самом неудобном месте стал, не смог идти дальше. Я решил, что дальше ехать не смогу, и открыл шкатулку. Что мне теперь делать? Я остался тут, в далекой земле, мои братья молоды, они не смогут меня найти, а я не хочу лишиться своего народа!

— Хорошо, все это я снова положу тебе в шкатулку, но, когда ты ее опять откроешь, всего будет меньше, чем в первый раз.

И вот адауы вместе с шурином пришли на то место, где вырос город. Адауы перебил половину жителей, а всех остальных загнал обратно в шкатулку. Потом он отдал шкатулку шурину и отправил его в путь. Затем он вернулся домой.

И вот юноша вместе с женой вернулся в свой дом. Привез и шкатулку и, как только приехал, сейчас же открыл ее.

Опять, как в первый раз, мгновенно поднялись заводы, фабрики, монетные дворы — одним словом, все, что нужно для большого города. Там, где был поселок, появилась царская столица, а кругом нее — народ, подвластный этому царю.

25. Три волоса

Трем родным братьям отец оставил в наследство три конских волоса — один черный, другой белый и третий волос — от гнедого коня.

Если достать черный волос и сказать: «Ты мне нужен сейчас!» — перед тобой появится, гарцуя, уже оседланный вороной конь, появятся шашка, пистолет, кивжал и одежда — все под стать коню, черное как вороново перо.

И другие два волоса были подобны этому: только скажешь — перед тобой появятся кони в полной готовности. Тогда уже ни о чем не думай — только садись верхом.

Черный конь был для войны, белый — для игр, джигитовки, а гнедой — для езды: ни днем ни ночью он не знал усталости.

Вот какое наследство имели три брата, но владели им только старший и средний.

Они были хорошие, смелые парни, без конца устраивали набеги, нападали на села, грабили людей и так наживали добро.

А младший брат был простак: когда на него ни взглянешь, всегда он сидит у очага, всунув ноги в золу. Он не одевался, не носил обуви; дашь ему поест, не дашь — все молчит.

Старшие братья не уважали его:

— Почему этот несчастный родился от нашего отца? Ты — позор для нас!

Братья гнали его от себя, а когда к ним приходили гости, выгоняли из дому.

Как-то раз братья снарядились в набег. Они отправились в отдаленные земли, откуда не могли скоро вернуться.

Младший брат остался дома. Он решил, что братья отъехали уже далеко, бросился к невесткам и избил их. С тех пор, как только братья отлучались из дому, стал он избивать своих невесток.

Невестки принялись ласкать деверя. Они думали: «Не сегодня, так завтра он перестанет!» — и снова ласкали его, но ничего не помогало — он не давал им покоя, делался все хуже и хуже.

— Сколько бы ни терпели, мы не сможем перенести эту тяжелую долю. Как только вернутся наши мужья, мы должны им все рассказать! — решили жены.

Как решили, так и сделали.

Когда братья услышали это, им стало очень неприятно.

«Наверное, наши жены ненавидят младшего брата и хотят от него избавиться. А может быть, они правду говорят?» — думали братья и стали судить-рядить.

И решили старшие братья никому не верить, пока не увидят все своими глазами.

Однажды они дали наставления своему несчастному брату, дали наставления женам, сказали, что уходят, и ушли, но потом незаметно вернулись, чтобы посмотреть и узнать, правда ли, что младший брат избивает их жен.

В тот же день младший брат избил жен старших братьев.

Братья узнали, что слова их жен — суцая правда, поговорили между собой и решили завести младшего брата в далекую землю, завести и бросить там, чтобы он не мог вернуться обратно.

И вот средний брат взял своего младшего брата и пошел с

ним как будто по делу. Когда они отошли далеко, средний брат вынул из газыря гнедой волос и сказал: «Вот теперь ты мне нужен!» Проговорил он это, и вдруг перед ним, гарцуя, появился гнедой конь. Появились седло, одежда, оружие — все под цвет гнедого коня.

Средний брат быстро вскочил верхом, посадил сзади себя своего младшего брата, крикнул «Чу!», и конь помчался. Горы, леса, дома — никакие преграды не могли его остановить, так он мчался.

Долго они ехали лесом, заехали очень далеко. Средний брат подумал, что отсюда младший не сможет вернуться домой, стащил его с коня и бросил, а сам повернул назад.

Но как только средний брат отъехал немного, младший тоже пошел назад, и, хотя гнедой конь был гнедым копом, младший брат вернулся быстрее его, открыл дверь, вошел в конюшню, лег в стойло, а сверху засыпал себя кукурузными стеблями.

Так он лежал и выглядывал оттуда.

А средний брат, что бросил его в лесу, вернулся домой, вошел в конюшню, вынул газырь с конскими волосками, вложил туда гнедой волос, газырь положил в дыру — там, где скрещивались балки, потом вышел и дверь закрыл.

Тогда младший брат быстро выскочил из стойла, достал газырь с конскими волосками из дыры между балками, где он был спрятан, прихватил его с собой и вышел.

Прошел немного, подумал: «Уже время!» — вынул из газыря белый волос, сказал ему: «Вот теперь ты мне нужен!» — и вызвал так белого коня. Перед ним появился стройный высокий белый араш. Седло, одежда, оружие — все, что появилось с ним, все было белое-белое.

Младший брат быстро вскочил в седло, ударил своей плетью, и конь пустился скакать через горы и широкие реки.

Далеко заехал младший брат, вдруг слышит: откуда-то доносятся гул большой толпы и звуки выстрелов.

Как только это донеслось до его ушей, он быстро помчался на шум, крикнул «Чу!», джигитуя и кружась, избородил весь двор, где собралась толпа, как стрела вылетел в ворота и исчез.

Огромная толпа, что собралась там, как рой пчел, удивилась. Всем показалось странным, что этот человек так быстро появился и так быстро исчез, и никто не мог узнать, кто он такой.

А младший брат как только отъехал подальше, достал свой газырь, вынул белый волос, заговорил его: «Теперь ты спрячь-

ся!» — и стал таким, каким был раньше, — босым, оборванным. Он опять превратился в несчастного, сложил на груди руки и тихо пошел. Так подошел он к пастушке — она пасла гусей владетельного князя.

Удивилась пастушка, что к ней пришел гость.

— Нан! — сказала она. — Как ты мог прийти ко мне?! Ведь я бедная пастушка, пасу княжеских гусей.

Когда она так сказала, младший брат ответил:

— Чем же я лучше тебя? Как видишь, я бедный, проклятый нищий. Не прогоняй меня! Я буду стеречь твоих гусей.

Обрадовалась пастушка, быстро вынула свою грудь, дала младшему брату прикоснуться к ней губами и так усыновила его*.

В тот же вечер он спросил:

— Сан! Что за сход был сегодня, почему оттуда слышались выстрелы?

— Нан, пусть я буду твоей жертвой, этот сход был вот почему: князь, гусей которого я пасу, выдает замуж своих трех дочерей. Они стоят на верху дворца, и каждая держит в руке по яблоку. Девушки смотрят на собравшийся народ и бросают яблоко тому, кто им понравится. Сегодня старшая сестра кому-то бросила яблоко, завтра бросит средняя, а послезавтра — младшая.

На следующий день пастушка сказала:

— Нан, пойдем на сход! — и пыталась его повести, но он ответил:

— Нет, сан, я не гожусь для такого большого схода. Вдруг кто-нибудь раздавит меня копытами своей лошади! Ты иди, а я остапусь стеречь гусей.

Так сказал он и остался, а мать послал на сход.

Вечером он пригнал гусей к дому и, посвистывая, то стоял, то ходил возле них, пока не пришла мать.

— Ну что, средняя дочь князя бросила сегодня яблоко? — спросил он мать.

— Бросила, нан! Бросила одному знатному человеку. А завтра очередь младшей бросить яблоко. Пойди и ты, нан! — сказала она и стала ласкать сына, но сын не захотел:

— Не мое дело ходить на такие большие сходы, еще затопчет кто-нибудь копытами своей лошади! Иди ты, а я буду стеречь гусей.

Так и на следующий день он послал свою мать на сход.

Вечером сын пригнал гусей к дому и, посвистывая, то стоял,

то похаживал возле них. В это время вернулась мать. Он спросил:

— Ну что, младшая дочь князя бросила сегодня яблоко?

— Нет, нан! Младшая дочь князя не бросила сегодня яблока. Завтра опять будет сход, пойди и ты, а я буду пасти гусей.

Сказала так пастушка и начала ласкать сына, но юноша повторил то, что говорил раньше.

На другой день вечером, когда старушка вернулась домой, он спросил:

— Бросила младшая дочь князя свое яблоко?

— Нет, нан, и сегодня младшая дочь князя не бросила яблока. Завтра снова будет сход, пойди, нан, а я стану пасти гусей,— сказала мать. Она принялась ласкать сына, но сын не пошел — не отказался от своих слов.

И в этот день младшая дочь князя не бросила своего яблока. Она целую неделю, а то и десять дней не бросала яблоко, по младший брат все не шел на сход.

Наконец мать ему сказала:

— Нан, если ты сегодня не пойдешь со мной, я больше тебе не мать, а ты мне не сын! — И она дала клятву.

Что он мог поделаться?

На следующий день рано утром они выгнали гусей в поле, а потом пошли во двор князя. Мать шла впереди, сын — за ней.

Огромная толпа народа наполнила двор, а на верху дворца стояла младшая дочь князя. Это была лучшая из его дочерей, она светилась подобно солнцу и луне.

Сын пастушки, сгорбившись, незаметно пробрался через толпу и, как пень, стал у подножия дворца.

За это время (прошла неделя или десять дней) люди устали, измучились. Начали догадываться, что младшая дочь князя кого-то ждала, но тут все были в сборе, у князя больше не осталось народу, и никто не знал, кого же младшая дочь могла поджидать.

Вот наступил вечер. Народ должен был разойтись. У всех сердца kloкотали от злобы — младшая дочь князя опять не бросила свое яблоко.

Младший брат тоже хотел было уйти, но в это время княжна заметила его, быстро бросила яблоко, попала прямо в голову нашему несчастному, и яблоко звонко стукнулось о макушку.

Все заволновались в княжеском дворе: «Это ошибка, как она могла бросить яблоко этому несчастному?!» Поднялся переполох.

дох, и приближенные князя нарушили его клятву: ведь князь поклялся выдать дочь за того, кому она бросит яблоко.

На второй день пастушка опять стала уговаривать своего сына:

— Пойдем туда!

— Ну да! Чтоб я на сход пошел! Еле-еле спас свою душу!

Сказал так сын и остался пасти гусей, а мать послал на сход.

Вечером пригнал гусей домой и, похвастывая, то стоял, то похаживал возле них, пока не вернулась старушка мать.

— Сан,— спросил он ее,— в кого сегодня бросила яблоко младшая дочь князя?

— Ни в кого, нан, сегодня младшая дочь князя яблока не бросила!

То же самое было и на следующий день. А на третий пастушка, что стерегла гусей князя, стала упрашивать, уговаривать сына, но сын говорил: «Нет, нет!» — и упорно отказывался. Тогда мать не стала слушать его, схватила и насильно повела во двор князя.

Не успели они войти в княжеский двор, как сын сторбился, прошел через толпу, стал на старое место и сделал все так, как в первый раз.

До вечера простоял он, плотно прижавшись к дворцу, сложив на груди руки и боясь, как бы кто-нибудь с ним не заговорил.

Солнце уже близилось к закату. Двор был переполнен народом, и люди уже стали расходиться.

«Сейчас и я пойду!» — подумал наш несчастный и завернулся в свою старую бурку. Но только он отошел от стены, как дочь князя быстро бросила свое яблоко, и оно со звоном стукнулось о его макушку.

Что князь и приближенные могли поделать? Пришлось отдать младшую дочь этому несчастному.

Все опечалились и говорили: «Младшая дочь умерла!» Ее одежду положили на постель и оплакивали девушку, как покойницу.

А княжеская дочь жила со своим мужем у пастушки гусей.

Он после женитьбы стал еще хуже. Он даже гусей не выгонял со двора — сидел, распахнув рубашку на груди, и грел у костра ноги.

Пастушка кормила сына и его жену. Так продолжалось год, два, три года, а муж никак не исправлялся. Старая его одежда

совсем изнашивалась, он ходил полуголый, много лежал, когда же вставал — ничего не делал. И вот жена стала его упрекать.

— Хоть бы раз ты показал себя моим глазам! — говорила она ему, а муж только смеялся.

— Как, разве можно меня не видеть? Или ты думаешь, что я что-нибудь из себя представляю? Я всегда был таким, как сейчас, — говорил он ей.

Младший брат знал, что, когда он в первый раз проджигитовал на белом коне во дворе князя и выезжал из ворот, младшая дочь заметила его. Вот почему он остался у пастушки, но никому не говорил об этом.

Постепенно сердце жены стало остывать. Она думала: «Неужели я обманулась?»

Но вот как-то раз старая княгиня внезапно заболела. Смотрели ее все врачи, но никто ничем не смог помочь. Наконец, больная сама заговорила:

— Есть для меня одно средство. Только оно сможет мне помочь, но кто его достанет? Если влить мне в рот это лекарство, я сразу поправлюсь. Вот что это за лекарство: надо поймать живую олениху, выдоить у нее бутылку молока и этим теплым молоком напоить меня. Тогда я сразу поправлюсь, а больше ничего мне не сможет помочь.

Собрались все люди князя и стали говорить между собой, кто сможет принести княгине молока, кто это сделает?

Дикие олени паслись на горах. Поймать олениху, надоить молока и еще теплым принести княгине было очень трудно. Кто сумеет это сделать?

Народ решил, что с этим справятся только два человека — старшие зятья князя; младшего считали умершим.

Народ поручил достать молоко двум старшим зятьям. Они отправились в горы, ходили месяц, ходили два, но, сколько ни старались, не смогли поймать живую олениху и принести ее молока, как просила княгиня.

Однажды в ненастный день они совсем выбились из сил, устали и, дрожа от холода, сели отдохнуть на вершине горы.

В это время началась гроза. От грома, молнии, ветра содрогались и небо и земля, все слилось, смешалось.

Испугались зятья непогоды, стало им страшно. «Что с нами будет?» — думали они. Зятья стояли, прижавшись друг к другу, сердца их трепетали от страха. И в это время они вдруг заметили, что вдали кто-то показался и приближается к ним.

Какой-то человек сидел на гнедом араше. Из ноздрей араша валил огонь — это пламя могло всякого сбить с ног. Седло, оружие и одежда всадника — все было под цвет коню.

Араш скакал через вершины гор, всадник подъезжал все ближе и ближе.

Зятья подумали: «Это такой человек, от которого нам не спастись, настал наш конец!» — и совсем пали духом.

А всадник подъехал к ним, соскочил с коня и сказал:

— Добрый день!

— Бог помочь! — ответили ему. — Добро пожаловать, садись, пожалуйста.

И зятья постелили свои бурки, но всадник даже не подумал сесть.

— Где вы были? Что вас заставило в такую непогоду зайти сюда? Какое у вас горе? — спросил он.

Зятья удивились, когда всадник заговорил с ними по-абхазски, и стали рассказывать:

— Вот уже два месяца, как мы ходим по горам, но никак не можем достать молока дикой оленихи.

Рассказали все, как было, а всадник им в ответ:

— Если так, это легко сделать! Я поймаю живую олениху и надою для вас молока, если исполните то, что я вам скажу.

Обрадовались зятья:

— Если ты это для нас сделаешь, чего мы для тебя не исполним? Все исполним, только душу из нас не вынимай!

— Если так, — сказал всадник, — я принесу вам олепье молока, а потом поставлю клеймо на ваших лопатках.

Зятья согласились. Всадник быстро вскочил на своего коня и пустился скакать по горам. Ничто не могло остановить его.

Ехал, ехал и очутился посреди стада оленей — они там паслись.

Всадник выстрелил. Пуля попала в заднюю ногу одной матки. Нога повисла, болтаясь. Тогда он быстро поймал олениху, поставил бутылку и сейчас же наполнил ее молоком. Потом вернулся назад.

Как только всадник вернулся к зятьям, он развел костер, положил в него огниво, раскалил докрасна, а потом оголил зятьям лопатки, ударил по ним раскаленным огнивом и так заклеил их.

После этого дал им бутылку тепло-претеплого молока, а сам куда-то исчез.

Подивились зятья мужеству этого человека — ведь он им сде-

лал столько добра! Не знали они, кто он такой, ни начала его, ни конца не знали.

И вот зятя с молоком и с клеймом на спинах изо всех сил поспешили домой.

Вернулись два княжеских зятя домой и сказали, что принесли молоко.

Князь устроил пир-веселье.

А княгиня, как только ей влили в рот оленьё молоко, сейчас же поправилась и встала на ноги.

Все случилось так, как она говорила.

Младшая дочь князя — жена несчастного — очень надеялась, что ее муж добудет оленьё молоко, но ей показалось, что он даже не шевельнулся.

Младшая дочь завидовала своим сестрам — ради их мужей князь устроил пир. Она много плакала и с горя сама превратилась в хилую, несчастную женщину. Жена перестала надоедать мужу, как надоедала раньше: «Покажи, мол, мне себя!» Она упала духом, ее заели думы, и она стала похожа на своего несчастного мужа.

Только одно утешало ее: жалостливые сердцем воспитатели князя приходили туда, где она жила, к пастушке гусей, навещали младшую дочь и приносили ей объедки с княжеского стола, которые брали тайком от всех.

Как-то раз князь отправился отомстить кровникам*. Он надеялся на тех зятьев, которые достали молоко оленихи. Князь решил уничтожить братьев-адау — они убили его отца.

Снарядился князь, взял с собой около пятисот воинов и отправился в путь.

Три брата-адау жили по ту сторону реки Кубани.

Князь дошел до Кубани и расположился с войском по эту сторону.

Все адау были ужасны, но ужасней всех был младший брат.

Князь решил, как только наступит рассвет, вместе с войском переправиться через реку. Войско было уже наготове, но погода испортилась, подул такой сильный ветер, что нельзя было устоять на ногах. Сверкала молния, гремел гром — нельзя было оставаться на черкесской равнине.

Князь страшно испугался: он думал, что все это совершили адау.

Княжеское войско перемешалось. И люди и лошади натыкались друг на друга.

Но вот в это самое время на равнине появился незнакомый всадник. Под ним был вороной конь; седло, одежда, оружие — все на нем было блестящее, черного цвета.

— Добрый день! — сказал всадник и остановился посреди княжеского войска — оно в беспорядке кружилось на месте.

Тогда войны выстроились и отдали честь.

Всадник спрыгнул с коня, а князь разостлал бурку и говорит:

— Да буду я твоей жертвой, садись!

Но всадник не хотел садиться:

— Не я, а ты садись!

Князь долго отказывался, но всадник насильно его усадил, а сам стал перед князем и спросил:

— Куда вы идете? Какое у вас горе?

Не знает князь, кто его спрашивает: враг или друг? Очень неприятно ему было отвечать на такой вопрос, но потом он решил: «Если этот человек думает сделать что-нибудь плохое, и так сделает!» — встал и подробно рассказал, куда он идет и что думает сделать.

— Уничтожить трех адауы очень легко! — сказал всадник, которого все боялись. — Ты об этом не более душой!

Незнакомец приготовился к битве, а другим сказал:

— Пока вы не услышите обо мне, оставайтесь на своем месте, не двигайтесь отсюда, что бы ни случилось. И вы увидите, что я сделаю! Гром, молния, буря станут еще страшнее, ветер будет вас с ног сбивать, но вы ничего не бойтесь, с вами ничего не случится.

Сказал так всадник и направился к своему кошу. Ему хотели помочь, но не успели взяться за стремяна, как он был уже верхом.

Прошло темного времени. Как незнакомец сказал, так и случилось: гром, молния, ветер стали еще сильнее, войны князя не могли стоять на ногах: их поднимало и уносило ветром.

А всадник — мститель князя, как только прискакал туда, где были адауы, сейчас же выхватил шашку и снес голову старшему брату, потом среднему, а с младшим братом-адауы пришлось долго сражаться. Пуля его не брала, и всадник стал думать: «Если не убью младшего брата шашкой, не смогу с ним справиться».

Долго они бились. Разгорячился мститель князя и думает: «Неужели он меня победит?»

Под конец он напруг последние силы, взмахнул шашкой и

снес голову младшему адауы, как будто ее никогда и не было.

Уничтожил мститель князя всех адауы и вернулся, а князь не знал, кто этот человек, который сделал ему столько добра, не знал, откуда он родом, ни конца, ни начала его не знал.

И говорит ему князь:

— За все то добро, что ты мне сделал, я никогда не смогу тебе отплатить, но я ничего не пожалею для тебя, возьми все, чем я владею. Прошу тебя, возьми, что ты хочешь. Чего бы ты ни попросил, я все сделаю.

— Нет, я не потому сделал тебе добро, чтобы просить награды. Я ничего не хочу у тебя брать! — ответил всадник, попрощался и поехал, но в это время князь заметил: у человека, который мстил за него, ранен мизинец, в него вонзилась пуля, и из пальца сочится кровь.

Тогда князь вынул свой шелковый платок — на нем была княжеская метка — и перевязал ему палец.

После этого незнакомец ловко вскочил на коня и помчался во весь дух.

Князь и его войско со славой вернулись домой. Княжеские зятья прославились еще больше. Народ говорил: «Раньше они принесли оленьё молоко, а теперь отомстили за князя!» Люди прямо на руках их носили.

Князь тоже прославлял своих зятьев. В честь их он устроил большой пир.

Но вот однажды утром младшую дочь князя решили навесить две ее молочные сестры — княжна воспитывалась в их семье с детства. Они взяли остатки еды, что попались под руку, и пришли к пастушке, чтобы узнать, как живет младшая дочь князя.

В это время несчастный зять спал на кровати с раскрытой грудью. От злости молочные сестры даже не глядели на него — такой он был несчастный.

Но все-таки одна из девушек посмотрела и видит: одну руку зять подложил под голову, а палец на этой руке завязан платком князя с княжеской меткой.

Глаз девушки приметил это. Она рассказала все своей сестре, девушки удивились и решили, что этот платок зять где-нибудь нашел. Иначе кто бы дал этому несчастному княжеский платок?

Девушки засмеялись, побежали к князю и рассказали: «Этот несчастный завязал палец платком с твоей меткой!»

Поразился князь и говорит девушкам:

— Замолчите! Кто этому несчастному мог дать мой платок? Вы, наверное, ошиблись. Вон отсюда!

Князю стало неприятно. Он подумал:

— А вдруг это правда? Но как мой платок мог попасть к нему?

Он никак не мог сравнить своего несчастного зятя с тем человеком, которому сам перевязал палец, но все-таки подумал:

— Все возможно, надо это хорошо разузнать!

Князь отправил к зятю одного воспитателя, которому доверял больше всех, узнать, правда ли то, о чем рассказали девушки.

Пошел воспитатель, узнал, что у зятя княжеский платок, вернулся и говорит:

— Так и есть, все это правда! На самом деле это твой платок!

Князь стал догадываться, что случилось. Он долго думал, но не мог придумать, что делать. Наконец князь решил позвать к себе несчастного, приготовил для него смену хорошей чистой одежды, послал за ним того воспитателя, которого посылал раньше, и сказал:

— Приведи его сюда, ко мне!

Но когда тот пришел с одеждой, зять закричал:

— Разве я нуждаюсь в одежде князя? — Он не взял ее и отослал обратно.

Обиделся князь, но что было делать?

Эти разговоры о платке дошли до жены несчастного. Она стала болеть душой, она умоляла мужа: «Хоть раз покажись мне!»

А он повторял все одно и то же и от всего отказывался. Но жена не отставала. Тогда он пожалел ее, быстро вскочил на ноги, вышел, достал свой газырь, сказал: «Вот теперь ты мне нужен!» — и вызвал белого коня.

Гарцуя, перед ним во всей готовности появился белый конь; седло, оружие — все было под масть коня, белое-белое, и он сам стал не таким, каким был раньше — несчастным нищим, а под стать коню: сиял как сын божий, подобно солнцу и луне.

Муж быстро вскочил на коня, крикнул «Чу!» и стал джигитовать по двору.

Потом он показал жене гнедого коня, показал все свое мужество.

А жена только этого и хотела! «Наконец-то!» — вздохнула она, и сердце ее успокоилось.

И так, верхом на вороном коне, не останавливаясь, он отправился к князю — своему тестю и въехал во двор. Из позрейд его коня валило пламя, так что никто вблизи не мог устоять, даже вершины деревьев сгибались! Стоило младшему брату въехать во двор — и князь сразу узнал того храбреца, который мстил за него адауы: его палец был перевязан княжеским платком.

Князь сказал:

— Ты тот человек, который спас мою душу. Разве я ожидал, что увижу тебя в своем доме? Это бог привел тебя ко мне!

Обрадовался князь, но все же ему стало неприятно: к нему в дом приехал человек, который отомстил за него. Теперь, когда приехал сам мститель, всем станет ясно, что князь неправильно воздавал славу и почести своим зятям.

Князь собрал весь свой народ и стал готовиться к пиру.

Но в это время гость заговорил и сказал вот что:

— Я тот, кто отомстил за тебя, я твой несчастный зять, которого усыновила пастушка гусей.

Тут он развязал свой палец и показал князю его платок, чтобы князь разобрался, где правда, где неправда, а потом сказал:

— Тащи сюда твоих хороших зятьев!

Когда зятья пришли, он набросился на них, раздел до пояса и сказал:

— Вот твои хорошие зятья, которые достали оленье молоко, посмотри на их лопатки!

Посмотрели все, а на лопатках зятьев выжжено клеймо. Теперь все поняли, что хорошие зятья получили славу и почести только благодаря младшему зятю.

Хорошие зятья князя умирали от стыда, да ведь и князь-то не отомстил сам за себя!

«Это сделал муж младшей дочери, вот этот несчастный!» — говорил народ, и слава о нем разнеслась повсюду.

И в этот же день князь отказался от своего княжества: свои владения он передал младшему зятю.

Тогда пастушка бросила пасти гусей и стала рядом со своим сыном и его женой.

26. Храбрость Смуглого Хаджаджа

В какой-то стране жил один человек. Старые люди называли его владетелем: он был князем своего уезда. Этот князь отличался храбростью и бесстрашием и в плохом и в хорошем деле. Он

был уже не молод и имел трех сыновей. Все три сына были одинаково красивы, прямы как стрелы и с хорошим нравом. Старшему было двадцать пять лет, среднему — двадцать два года, а младшему — восемнадцать лет.

Однажды утром старший брат поднялся с постели, вышел на балкон, сел там и задумался.

Князь это заметил. Он понял, что у сына есть какое-то горе, и опечалился, но не стал сам расспрашивать, боясь, что сын не скажет, а послал к нему одного из своих ахтырпар узнать, что за горе у его сына.

Сыну стыдно было говорить отцу о своем горе, но потом он решил признаться в этом человеку, который должен был все передать князю, и рассказал ему:

— Этой почью я видел сон. Привиделась мне такая страна, которой даже во сне не приходилось видеть: снилась мне деревня, куда, как говорят старые люди, был сослан Таташ*. И вот будто бы я приехал в ту деревню, а посреди ее увидел двор, огороженный забором, и забор тот был сделан из людских голов. А за оградой во дворе стоял большой семиэтажный дворец. Седьмой этаж был весь из стекла. В нем жила девушка божественной красоты. Ее лицо сияло. Оно было так прекрасно, как будто его сделали, смешав кровь с молоком. Стоило коснуться пальцем тела девушки, как на том месте оставался след, — рассказал сон юноша и добавил: — Если сказать тебе правду, я сразу подумал, что эта девушка, которую я видел во сне, очень подходит к дому моего отца, и если мой отец согласится, я бы хотел, чтобы она стала его невесткой. Пусть будет что будет, но я должен на ней жениться!

Так ответил юноша и попросил того человека узнать, что скажет отец. Человек пошел и рассказал отцу о намерении сына. Князь долго думал, наконец согласился, в тот же день собрал всех людей, подвластных ему по закону того времени, чтобы найти пужного человека в товарищи сыну. Сын князя оглядел всех и выбрал Смуглого Хаджаджа, сына Хамшакуа.

Потом княжеский сын хорошо вооружился, забрал на дорогу побольше еды и вместе со своим товарищем Хаджаджа поехал в то село, что видел во сне: он хотел все это увидеть наяву.

За один день они проехали двухдневный путь, а вечером остановились на отдых. Лошадей пустили пастись на поляну, Смуглый Хаджаджа развел костер, и они стали греться. Обогрелся княжеский сын и сказал своему товарищу:

— Я схожу кое-куда, ты же сиди здесь и ожидай меня. Я быстро вернусь!

Но он не возвращался до самого рассвета.

Смуглый Хаджаджа сидел у костра, поджидал товарища. Княжеский сын вернулся, когда стало светать, и застал Хаджаджа на том же месте. У того все уже было готово: и абыста сварена, и мясо изжарено.

Смуглый Хаджаджа приготовил еду и усадил княжеского сына, а сам быстро оседлал лошадей, потом наспех поел. Затем он помог товарищу сесть верхом, сам вскочил на лошадь, и они поехали дальше еще быстрее, чем вчера.

Пять дней и пять ночей пробыли они в пути. Ехали по очень крутым дорогам и проехали много опасных и трудных мест.

Наконец на пятую ночь они подъехали к одному селу. Посередине села стоял огромный каменный дворец.

Оба товарища бесстрашно вошли во дворец. Там они не заметили ни души, но по всему было видно, что во дворце кто-то живет.

Княжеский сын очень устал. Он прилег и заснул, а Смуглый Хаджаджа пустил лошадей пастись, приготовил горячую еду, потом разбудил княжеского сына, дал ему умыться, усадил, и они вместе поели. После еды княжеский сын снова лег спать, а Смуглый Хаджаджа убрал все и вышел во двор посмотреть лошадей.

Потом он стал у ворот и начал стеречь.

Вот наступила полночь. Вдруг Смуглый Хаджаджа услышал шум: к воротам подъезжал адауы, о котором так много говорилось в старое время, но Хаджаджа не испугался, а стал еще бодрее.

Адауы оглушительно хлопал плетью, под копытами его араша ломались деревья и дрожала земля, но через ворота, где стоял Хаджаджа, араш не посмел пройти. Тогда адауы закричал:

— Кто тебя мог испугать, мой араш? Может быть, тебя напугал Смуглый Хаджаджа? Но он еще не родился, а если родился, еще не созрел, а если созрел, то как этот ничтожный мог добраться сюда?!

Все это слышал Смуглый Хаджаджа.

— Я уже и родился, и созрел, и добрался сюда! — крикнул Хаджаджа и стал перед адауы.

— Ну, если ты пришел сюда, то пришел и твой конец! — закричал адауы, но не успел он договорить своих слов, как

Смуглый Хаджаджа выстрелил, и адауы замертво свалился с араша на землю.

Тогда Смуглый Хаджаджа выхватил нож, подбежал к адауы, отрезал ему одно ухо и положил в карман, а самого адауы запратал в такое место, где его никто не смог бы найти.

К тому времени уже рассвело.

Княжеский сын и Хаджаджа оседлали коней, вскочили верхом и поехали дальше, не слишком спеша. Так они подъехали к селу, но остановились не в том дворце, куда они ехали, а в каком-то другом ближнем доме и спросили:

— Есть ли здесь дворец о семи этажах с оградой из людских голов?

Оказалось, что в том селе действительно был такой дворец. Жители показали, где он стоял, но предупредили, что к нему нельзя подойти:

— Девяносто девять человек уже приходили, чтобы увидеть девушку, которая живет в этом дворце, но ее отец — такой негодяй! — со всех, кто ему не понравится, снимает головы и делает из них забор. До сотни не хватает только одного человека, и, наверное, этим человеком будешь ты! — говорили жители сыну князя.

Княжескому сыну это не понравилось, но с ним был Смуглый Хаджаджа, а разве Хаджаджа мог испугаться? Он никогда не бежал от опасных мест. И сейчас разве он мог согласиться ехать обратно? При этом все уже знали, зачем они ехали, ни для кого это не было тайной: ведь девушка приходилась дочерью такому человеку, который в своих руках держал всю страну, к тому же он был не молод. И вот, когда люди сообщили князю, что из дальней страны приехал какой-то княжеский сын, который, увидя во сне его дочь, так полюбил ее, что решил жениться, отец согласился на это и очень обрадовался. Князь все приготовил, что нужно для большой свадьбы, собрал всех своих соседей и сообщил им, что выдает свою дочь за человека, который увидел ее во сне.

Когда же настал день свадьбы, княжеский сын вместе со своим товарищем Смуглым Хаджаджа явился во дворец.

Здесь им показали девушку, а девушка, как только глянула на сына князя, сейчас же его полюбила.

Устроили свадьбу. Начался пир, но это был необыкновенный пир: он длился не день, а несколько дней и каждый день начинался сначала.

На третий день после свадьбы княжеский сын и Смуглый

Хаджаджа двинулись в обратный путь. Князь дал дочери много подарков и сто человек провожатых.

Княжеский сын и Смуглый Хаджаджа были довольны своей удачей. Они спешили вернуться домой.

Ехали долго и вот наконец снова увидели дворец адауы. Стало темнеть. Они решили эту ночь провести во дворце.

Смуглый Хаджаджа быстро приготовил горячую еду, усадил всех и накормил. Он так быстро и ловко все делал, как будто это был не один человек, а сто.

После еды все улеглись спать, а Смуглый Хаджаджа расседлал лошадей и стал у ворот караулить — он не думал о сне, позабыл о нем.

Ночь кончалась, наступал рассвет, кричали петухи, когда на ворота, у которых был Смуглый Хаджаджа, сели три ангела. Они решали, кто, где и как должен будет умереть. Хаджаджа увидел ангелов, прижался к воротам, затаил дыхание и стал слушать.

Один ангел сказал:

— У этого княжеского сына, который женился на княжне, еще не ясное будущее. Мы должны определить его судьбу!

— Хорошо, — согласились другие ангелы. — Завтра он вместе с женой будет переезжать реку. Когда они очутятся посередине реки, подует сильный ветер, сорвет с жены шляпу и княжеский сын бросится за ней. Тогда его лошадь должна споткнуться, а княжеский сын свалится в воду и так погибнет.

— Но если он не погибнет в реке, — сказал другой ангел, — пусть он погибнет на широкой поляне, где ему захочется джигитовать. Он должен упасть с коня и убиться насмерть.

— Но если он и там останется жив?

— Если он и там останется жив, — сказал третий ангел, — пусть он погибнет, когда вернется домой. На радостях все станут стрелять, и княжеский сын должен выстрелить, но дьяволы пусть повернут его пулю вспять, она должна попасть ему прямо в голову, и он умрет.

Потом ангелы сказали:

— А тот, кто, услышав эти слова, передаст их другим, пусть превратится в камень!

После этого ангелы улетели. Все то, что они сказали, слышал Хаджаджа.

В это время начало светать, когда же наступило утро, княжеский сын и Хаджаджа оседлали лошадей и поехали домой. Жена была с ними.

Смуглый Хаджаджа все время ехал рядом с княжеским сыном. Вот они подъехали к большой реке, и, когда, переправляясь, очутились на середине реки, подул сильный ветер и сорвал с девушки шляпу. Княжеский сын хотел было броситься за шляпой, но смуглый Хаджаджа тайком шепнул ему на ухо:

— Что с тобой сегодня случилось? Ведь ты никогда не поступал так. Неужели тебе не стыдно бросаться в воду за шляпой своей жены? Что скажут люди, если увидят!

Княжеский сын послушал товарища и не исполнил своего намерения.

Это было первое место, где княжеского сына ожидала гибель, но он остался жив.

Поехали дальше и вскоре доехали до широкой поляны. Княжескому сыну очень захотелось поджигитовать на той поляне, но Хаджаджа пристыдил его.

Это было второе место, где княжеского сына ожидала гибель, но он остался жив.

Все время Смуглый Хаджаджа ни на шаг не отставал от княжеского сына, и так они возвратились домой.

На радостях весь народ поднял стрельбу. Княжескому сыну тоже захотелось пострелять, но Смуглый Хаджаджа тайком шепнул ему на ухо:

— Не срами ты себя, княжеский сын! Неужели ты стапешь стрелять перед отцом и этим показывать, что ты жеңилса?

Сын князя согласился с товарищем.

Это было третье место, где княжеского сына ожидала гибель, но он остался жив.

Князь был рад, что сын вернулся цел и невредим вместе с женой и Хаджаджа. Он устроил большой пир. Все удивлялись, как это княжеский сын смог найти ту девушку, что видел во сне, и взять ее в жены.

Пир был в разгаре, когда сын князя как-то печаянно сказал обидное слово о Смуглом Хаджаджа. Не стерпел этого Смуглый Хаджаджа, быстро собрал в круг всех гостей, сам стал посередине и принялся рассказывать, сколько он сделал добра для княжеского сына: как спас его жизнь и убил адауы (тут Смуглый Хаджаджа вынул из кармана ухо адауы и показал народу), как он подслушал трех ангелов и узнал, где княжеского сына поджидала гибель, и как он уберег его от гибели.

— Я никому не должен был говорить об этом, но я все рассказал вам и теперь превращусь в камень! — закончил Смуг-

лый Хаджаджа и тут же посреди княжеского двора окаменел.

Народ пришел в ужас. Княжеский сын хотел было застрелиться, но люди удержали его.

После этого все разошлись по домам, а княжеский сын сказал своим родителям, что не может у них оставаться, что он уходит из дому навсегда — пойдет куда глаза глядят, — и ушел.

День и ночь княжеский сын проводил в лесах. Так прошло несколько лет, но он никогда не думал о том, чтобы вернуться домой. Он стал почти лесным человеком. Княжеский сын хотел умереть, но не умер.

Как-то ночью, когда он заснул в лесу, ему привиделся сон, будто к нему пришел какой-то человек и сказал:

— Я знаю, что за это время случилось в твоём доме: у тебя родился сын. Если хочешь оживить Смуглого Хаджаджа, свари своего сына в котле и опрокинь котел на камень, что лежит посреди двора. Тогда Смуглый Хаджаджа оживет и встанет.

Княжеский сын, который долгое время бродил по лесам, вздрогнул и проснулся. Он быстро пошел домой. Дома все удивились — сколько времени его не было, и вот он вернулся! Действительно, дома княжеский сын увидел мальчика, который родился после его ухода.

Когда настал вечер, он сказал своим домашним:

— Повесьте над огнем котел с водой, я хочу вымыться.

Котел повесили над огнем. Сын князя стал играть со своим ребенком, а другим сказал:

— Теперь вы идите ложитесь спать. Сын останется со мной — я хочу насмотреться на него, а потом приведу его к вам.

Семья княжеского сына пошла спать.

Сын князя играл с ребенком, пока в котле не закипела вода.

Когда же вода закипела, княжеский сын бросил ребенка в кипяток. Долго варил он мальчика, потом снял котел, подошел к окаменевшему Хаджаджа и опрокинул котел ему на голову. После этого княжеский сын вернулся домой и лег спать. Но разве он мог уснуть?!

Княжеский сын всю ночь промучился, когда же утром он встал и вышел во двор, то увидел, что Смуглый Хаджаджа сладко играет на апхярце, а вокруг него танцует оживший мальчик.

Услышал об этом князь и снова устроил большой пир. Он собрал весь свой народ, показал ожившего Хаджаджа и внука и рассказал все, что случилось. Потом князь усыновил Смуг-

лого Хаджаджа. С этих пор княжеский сын и Смуглый Хаджаджа навеки стали братьями.

После этого народ разошелся. Каждый держал в памяти все, что случилось с княжеским сыном и Смуглым Хаджаджа.

И я был на этом пиру, только что оттуда вернулся. А тебе, кто слушал меня, желаю, чтобы ты не умер, пока я весь мир не обнесу забором из толстых иглолок — вместо кольев — и не заплету их тонкими иглами.

27. Сказка об Алыкса — слуге князя

Жил один князь. У него был слуга Алыкса.

Однажды в праздничный день Алыкса пошел на охоту. В лесу он заметил старый дом.

— Пойду к этому старому дому! — сказал Алыкса. Подошел и увидел в доме девушку. Своей красотой она освещала все вокруг. Алыкса поговорил с ней и взял ее в жены.

Когда Алыкса привел девушку домой, князь сказал:

— Дай ее мне!

Для Алыкса слова князя были так неприятны, как будто его поймали и убили. Ему стало очень тяжело.

— Не отдам тебе девушку! — сказал Алыкса.

Видит князь, что слуга по-хорошему не отдаст девушку, и говорит ему так:

— Если хочешь, чтобы она осталась твоей, походи к моему отцу, узнай, где он спрятал золотое кольцо и золотой котел, и вернись обратно.

Отец князя давно умер.

Не понравилось это Алыкса. Опечаленный, скрестив на груди руки, он пришел к своей жене.

— Что с тобой случилось? — спросила она.

Алыкса рассказал о своем горе, а жена рассмеялась:

— Не бойся! Это все легко сделать!

Она встала, открыла свой сундучок, вынула оттуда две катушки ниток и сказала:

— Вот эти нитки я привяжу к большим пальцам твоих ног. Катушки покатытся, ты пойдешь за ними и придешь туда, куда тебе нужно!

Покатились катушки по дороге. Долго шел за ними Алыкса. Так дошел он до берега моря. В одном месте через море был переброшен широкий мост, а в другом — два волоска.

Широкий мост был для тех, кто шел в рай, а волоски — для тех, кто шел в ад.

Место старого князя было в аду. Он там и был.

Катушки покатались по волоскам, и Алыкса, думая, что вот-вот упадет, пошел за ними. Так он перешел на другой берег моря. Не останавливаясь, катушки покатались дальше и привели Алыкса в ад. В аду были люди. Здесь Алыкса увидел отца князя. На спине он нес большой мешок с песком, а сзади его подгоняли черти. Когда он не в силах был тащить свою ношу, черти били его палками.

Отец князя увидел слугу своего сына и спросил:

— Как ты сюда попал? Чего хочешь?

Алыкса ответил:

— Твой сын просил меня узнать, где спрятаны твоё кольцо и твой котел.

— Кольцо мое в комнате, где я спал, — ответил князь. — Там есть столб, а в столбе сучок. Этот сучок выпал. Туда я спрятал мое кольцо, там оно и лежит; а котел стоит в подвале, в углу.

Как только старый князь кончил свою речь, катушки покатались обратно и привели Алыкса к волоскам. Алыкса шел за ними, перешел через море, возвратился к жене, оставил ей катушки и пошел к князю.

Увидел князь Алыкса, усмехнулся и спросил:

— Ну что, видел кого-нибудь там, где ты был?

— Пойдем-ка! — сказал Алыкса, повел князя и показал, где были кольцо и котел.

Князю стало неприятно.

— Это было легкое дело, — сказал князь, — оно не считается! Если хочешь, чтобы жена осталась у тебя, принеси мне то, чего никто в мире еще не видел.

Услышал это Алыкса и пошел к жене сильно опечаленный.

Она спросила:

— Что с тобой случилось?

Алыкса передал ей слова князя.

— Не падай духом! Это не трудное дело! — Жена опять привязала катушки к его ногам, они покатались, и Алыкса пошел за ними.

Долго он шел. И вот как-то вечером катушки вкатились в чей-то двор. Алыкса вошел в дом, что стоял в этом дворе, и увидел свою старшую сестру.

— Откуда ты? Как сюда попал? — обрадовалась она, но потом заплакала:

— Если придет мой муж, он тебя убьет!

Это была одна из сестер, которых забрали адауы, когда Алыкса был мальчиком.

Алыкса рассказал, что он ищет.

Сестра боялась своего мужа, она спрятала Алыкса в сундук.

Немного погодя пришел ее муж — адауы.

— Фу, фу! Я слышу абхазский дух,— сказал он.— У тебя кто-то спрятан. Ты должна показать его мне!

— Ведь я же абхазка! — отвечала жена.— Это, наверное, мой дух!

Адауы не поверил и стал приставать к жене. Тогда она сказала:

— Я прошу тебя: если у тебя есть совесть, не ешь его — это мой брат!

— Как я съем твоего брата?!

Женщина поверила адауы и вывела Алыкса.

Муж обрадовался, спросил у Алыкса, где он был, посидел с ним, а потом устроил пир.

Алыкса рассказал, зачем он пришел и что ищет.

Тогда адауы успокоил Алыкса:

— Может быть, это знают мои младшие братья. Я спрошу их! — и уложил Алыкса спать.

На следующее утро, когда рассвело, адауы вместе с Алыкса пошли к среднему брату. Жена этого адауы тоже была сестрой Алыкса. Она очень обрадовалась. Адауы, зять его, принял Алыкса с почетом, но того, что искал Алыкса, он тоже не знал.

— Не знаю того, что ты ищешь. Может быть, это знает мой младший брат,— сказал он.

На другой день адауы вместе с Алыкса пошли к третьему брату. Женой этого адауы была младшая сестра Алыкса.

Когда Алыкса рассказал, зачем он пришел, адауы задумался, но не сумел ответить. Тогда адауы собрал свой народ и спросил:

— Кто знает, что есть в мире лучше всего — такое, чего никто не видел?

Все молчали. Наконец один человек из народа сказал:

— Я знаю, где это находится. Тот, кто ищет, пусть пойдет со мной, я покажу ему это.

Он переправил Алыкса через море, оставил его там, а сам вернулся обратно.

Оглядываясь, Алыкса шел по дороге и увидел дворец. Туда все время входили люди, а другие выходили оттуда. Алыкса

тоже вошел во дворец. Каждый, кто поднимался во дворец, стучал по столу и говорил: «Мишка, накорми меня!» — и какое бы кушанье ни назвал, оно появлялось на столе, но кто приносил его, не было видно.

Когда Алыкса сел и сказал: «Мишка, накорми меня!» — на столе появились всякие яства, но кто их подал, он не видел.

Алыкса поел, выпил стакана два вина и сказал:

— Мишка, если можно, выпей и ты стакан!

Мишка выпил и сказал:

— Большое спасибо, что ты вспомнил обо мне. Сюда приходило много людей, все ели и уходили, но никто не говорил мне того, что сказал ты. С этих пор я буду жить только для тебя!

После этого Мишка и Алыкса стали хорошими друзьями.

Они пошли по той дороге, по которой пришел Алыкса, и увидели крестьянина. Он нес на плече топориче.

Мишка сказал:

— Ты пройди мимо, а я незаметно отберу у него топориче.

Мишка вырвал у крестьянина топориче. Видит крестьянин, что топориче само уходит от него, испугался и побежал домой.

Алыкса и Мишка пришли к морю. Здесь Мишка бросил топориче на воду и сказал Алыкса:

— Иди по нему, не бойся!

Сам же Мишка тоже стал на топориче, и они переправились через море. На другом берегу им встретилось голодное войско. Алыкса сказал:

— Мишка, накорми войско!

Мишка рассадил всех и хорошо накормил.

Тогда предводители войска попросили Алыкса обменять Мишку на коробочку. Эта коробочка могла сделать все что пожелаешь, разве только не кормила, и даже, если нужно, могла превратиться в пушку и стрелять.

Алыкса подумал: «Если князь заупрямится, то я из пушки разобью его дворец» — и отдал Мишку.

Алыкса со своей коробочкой отправился в путь. По дороге он проголодался и сказал:

— Бедный Мишка, если бы ты был со мной, то накормил бы меня.

— Если ты голоден, то я накормлю тебя! — вдруг сказал невидимый Мишка и накормил его.

Потом они вместе пошли домой к Алыкса.

Когда Алыкса пришел домой, он вынул коробочку и сказал:

— Да выстроится у меня дворец лучше, чем у князя!

Как только он это сказал, появился сверкающий дворец.

Утром один из слуг князя увидел во дворе Алыкса дворец и доложил об этом князю. Князь рассердился и обругал слугу. Тогда вошел другой слуга. Он сказал то же самое. Князь прогнал и этого слугу. Потом он выглянул в окно и увидел во дворе Алыкса большой дворец, лучше, чем у него самого.

— Пойди посмотри, что там, во дворце! — сказал князь одному из своих слуг.

Когда Мишка увидел, что идет слуга князя, он взял большую палку и сел на самой верхней ступеньке дворца. Как только слуга поднялся на лестницу, Мишка ударил его палкой по голове. Слуга закружился от боли, потом побежал к князю и сказал:

— Как только я поднялся на лестницу, меня ударила палка!

— Что он говорит! С ума сошел?! — закричал князь и приказал убить слугу. Его убили.

После этого князь послал другого слугу. С ним случилось то же, что и с первым. Князь и этого слугу приказал убить.

А потом князь сам пошел во дворец. Когда он поднимался по лестнице, Мишка неожиданно ударил его палкой по голове. Князь рассердился, вызвал войско и приказал стрелять всем сразу, по команде.

Узнал Мишка, что князь собирается стрелять, взял коробочку Алыкса, подошел, сел у дворца князя и сказал:

— Ну-ка, превратись в пушку! — И она превратилась в пушку.

Стал Мишка стрелять по дворцу и войску князя, а запас пороха и ядер у него не кончился.

Увидел это князь и закричал:

— Нет, с нами воюет какая-то высшая сила! Мы против нее не устоим!

Князь переселился далеко в другое место, а дворец и все его богатство остались Алыкса, его жене и Мишке, которого Алыкса сделал своим братом.

28. СЫНОВЬЯ ВДОВЫ

Жила вдова. У нее был единственный сын. Как-то раз он пошел нарубить хворосту. В лесу он увидел змею, но не тронул ее.

Вдруг примчался всадник, соскочил с лошади и хотел кнутом убить змею, но юноша подбежал и остановил его.

Когда наступил вечер, змея стала просить юношу: «Пойдем ко мне домой!»

Отправились они в путь.

По дороге змея сказала:

— Сейчас мы будем дома. Отец и мать набросятся на тебя, но ты не бойся. Я уговорю их, они тебя не тронут. Когда ты будешь уходить, они привесут тебе в награду всякое добро. Ты скажи им, что тебе ничего не надо, но, если они все же захотят одарить тебя, пусть дадут тот кисет, который еще не открывали. Вот так и скажи им.

— Хорошо, — ответил юноша.

Когда они пришли, змеи набросились на сына вдовы.

— Не троньте, не троньте его! Это я позвала его сюда! — успокоила их змея.

Родные змеи вошли в дом и спросили ее:

— Кто это с тобой и где вы встретились?

Змея ответила:

— Не будь его, вы не увидели бы моих костей!

— Что же с тобой случилось?

— А вот что. Я лежала, свернувшись, в лесу. Наш гость пришел рубить хворост. Он меня не тронул. Вдруг примчался всадник, соскочил с лошади и хотел кнутом убить меня. Но этот юноша остановил его и спас мне жизнь.

Услышав рассказ змеи, ее родные начали кружиться вокруг гостя*. Целую неделю юноша оставался у змей. Когда же он наконец собрался домой, змеи стали предлагать ему всякие подарки. Он отказывался и говорил, что ему ничего не надо. Но змеи стояли на своем. Тогда сын вдовы сказал:

— Если так, то дайте мне тот кисет, который еще не открывали. Я слышал, что такой у вас есть!

Просьба юноши пришлась змеям не по душе, но кисет они ему дали.

И вот отправился юноша в путь. Захотелось ему узнать, что лежит в кисете, и он открыл кисет. В тот же миг из кисета вырвалось пламя и вокруг юноши вырос город с дворцами и лавками.

Удивился юноша, а потом задумался. Ему хотелось идти дальше, но он не знал, что делать с городом, и боялся его оставить.

В то время как сын вдовы раздумывал, к нему подъехал

всадник. С виду это был простой человек, но на самом деле черт.

— Я вижу, тебе надо спрятать этот город обратно в кисет,— сказал черт.— Я сделаю это, но, когда ты приедешь домой и тебя встретит парень с криком: «Брат мой, брат!», ты скажи, что он тебе не брат. Если он будет настаивать, ты вернись обратно и иди по моим следам.— Сказав так, черт спрятал город в кисет и отдал сыну вдовы.

Взял юноша кисет и пошел домой. Вдруг навстречу ему бежал парень:

— Брат мой, брат! — крикнул парень, но сын вдовы сказал, что у него нет брата.

Парень рассердился:

— Я не останусь с тем, кто меня не считает братом,— и ушел куда глаза глядят.

Шел, шел и пришел к месту, где купались три девушки. Девушки увидели парня, закричали, схватили одежду и бросились бежать. Парень погнался за ними и поймал самую младшую. Тогда она сказала:

— Теперь я твоя. Идем ко мне домой. Мой отец — черт. Оставайся неделю у нас слугой, а потом уйдем, куда ты захочешь. На все, что скажет мой отец, ты должен отвечать: «Хорошо, сделаю», а потом приходи ко мне, я тебе помогу.

— Хорошо,— ответил парень, и они пошли в дом к девушке.

Так парень стал слугой черта.

Однажды хозяин сказал ему:

— Сегодня до вечера ты должен разрушить большую гору и вместо нее разбить фруктовый сад.

— Хорошо! — ответил слуга, взял лопату и мотыгу, пошел к девушке и все ей рассказал.

— Это легко! — сказала девушка.

К вечеру она сделала всю работу, пришла к парню и сказала:

— Теперь возвращайся домой, брось лопату с мотыгой на землю, скажи: «Ох, устал!» — и сядь. Придет отец и спросит: «Все ли ты сделал?» Ты ответь: «Сделал, но не знаю, понравится ли тебе?» Тогда он пойдет с тобой посмотреть, что сделано.

Сказала это девушка, отдала парню лопату с мотыгой и пошла в свою комнату.

Парень поступил так, как сказала девушка.

Пришел хозяин и спросил, что он сделал.

Парень встал.

— Все сделал, — ответил он, — но не знаю, понравится ли тебе?

Пошли они туда, где раньше была гора. Когда вернулись, хозяин дал юноше другое дело:

— Завтра до вечера ты должен построить мост через море.

— Хорошо! — ответил слуга, взял топор, пошел к девушке и все ей рассказал.

— Это легко! — сказала девушка, взяла у него топор и ушла.

Вечером она вернулась, отдала топор парню, а сама пошла в свою комнату.

Парень пришел во двор хозяина, бросил топор на землю и, сказав: «Ох, устал!» — сел. Хозяин спросил:

— Все ли ты сделал?

— Сделал! — ответил парень, — но не знаю, понравится ли тебе?

Пошли они к берегу моря. Увидел мост хозяин, удивился: он думал, что нет такого человека, который бы смог это сделать.

Когда пришли домой, хозяин сказал слуге:

— Есть у меня необъезженный конь. Сможешь ли ты укротить его?

— Смогу! — ответил слуга, весело пошел к девушке и все ей рассказал.

Девушка ответила:

— Сейчас решится твоя судьба. Конь, которого тебе дадут, будет сам черт, мой отец. Но ты не бойся, возьми молоток и вскочи на коня. Отец предложит тебе взять кнут, но ты ответь, что у вас лошадей объезжают с молотком в руках. Тогда конь подскочит до неба, чтобы убить тебя, ударив о небо, но ты ударь его молотком между ушей. Он пойдет боком — ты ударь его молотком по виску. Он пойдет другим боком — ты ударь его по другому виску. Когда он остановится как вкопанный, ты соскочи на землю и крикни: «Укротил!»

Сказала так девушка и ушла в свою комнату, а парень взял молоток и пошел к хозяину.

Хозяин подвел к нему коня.

— Укроти его! — сказал он.

Слуга с молотком в руках хотел сесть верхом, но хозяин крикнул:

— Возьми кнут!

Парень ответил, что у них лошадей объезжают с молотком

в руках. Не успел он вскочить верхом, как конь подскочил к небу, чтобы убить его. Тогда парень изо всех сил ударил коня между ушей. Конь не стерпел и пошел боком. Парень ударил его по виску. Конь пошел другим боком. Парень ударил коня по другому виску. Конь остановился как вкопанный. Парень соскочил и сказал:

— Укротил!

Хозяин покачал головой и ушел в дом.

Вечером девушка и парень тайком бежали из дому: они боялись, что отец убьет их.

Ночью черт пришел в комнату дочери, но их уже не было.

Тогда он собрал войско и приказал догнать беглецов.

Когда девушка заметила погоню, она сказала:

— Нас догоняют, мы должны сделать так, чтобы они нас не узнали. Я стану лавкой, а ты возьми аршин, как будто торгуешь.

— Хорошо, — ответил парень.

Девушка превратилась в лавку, а парень взял аршин и стал там.

Посланные подошли и спросили:

— Не видели тут девушку с парнем?

Парень ответил:

— Они пошли вон туда! Я просил их: «Заходите!», но они не зашли.

Войско направилось в ту сторону, куда указал парень, но там никого не было.

Посланные вернулись домой и сказали, что, кроме торговца в лавке, никого не видели.

Услышал это хозяин и закричал:

— Ах вы гнилые! Лавкой была моя дочь, а торговцем — мой слуга! Идите схватите их!

Но когда войско вернулось на то место, где стояла лавка, ее уже не было.

Снова погнались за девушкой и парнем. Увидела девушка, что их догоняют, и сказала:

— Я притворюсь мертвецом и лягу в гроб, а ты притворись попом и сядь надо мной. Тогда нас не узнают.

Так они и сделали.

Подошли к ним посланные и спросили:

— Не видели тут девушку с парнем?

— Вон туда пошли! — сказал парень, а потом стал просить: — Помогите мне, у меня покойник.

Но посланные не остановились, а пошли в ту сторону, куда показал пареньь.

Никого не пашли посланные, вернулись домой и сказали:

— Кроме мертвеца и попа, мы никого не видели!

Хозяин закричал:

— Мертвецом в гробу лежала моя дочь, а попом был мой слуга! Теперь я сам поеду, а то вы их никогда не найдете!

Он вскочил на коня и помчался.

Когда девушка увидела, что их догоняет отец, она сказала:

— Кем бы мы ни обернулись, он все равно нас узнает. Ударься о скалу, войди в нее, спутай за собой дороги и затеряйся там, а я поступлю так же. Тогда отец не найдет нас.

Сказала так девушка, ударилась о скалу и вошла в нее.

Подошел к скале отец, смотрит — дороги очень запутаны. Думал он, думал, накопец решил, что ничего не сможет сделать, и сказал:

— Сегодня я вас не смог победить, поэтому я больше не буду гнаться за вами. Живите как хотите!

Сказав так, черт ушел. А парень женился на девушке, и они стали хорошо жить.

29. Как Мазлоу и Жакур стали сыновьями Каурбея

В одном селе жили два брата. Они разделили наследство отца и стали жить порознь. Младший брат был холостой, а старший — женат.

Старший брат был до того глуп, что, если ему говорили: «Река течет вверх», он этому верил. А младший был большой проныра, хитрый и заносчивый. При людях братья говорили между собой, но на самом деле друг друга недолюбливали.

Как-то раз старший брат услышал, что у кого-то в селе есть такая курица, что если поест ее мяса, то раз в три дня изо рта будет сыпаться золото.

Старший брат выменял хорошую бурку на курицу, припес домой и сказал жене:

— Зажарь эту курицу и спрячь для меня, да смотри никому не давай пробовать!

Женщина зарезала курицу и стала жарить на вертеле. Вдруг куриный желудок соскользнул с вертела и упал в золу. Женщина подняла его, разделила пополам и дала съесть двум сво-

им детям. Потом она зарезала одну из своих кур, поджарила ее, а желудок из нее положила к курице мужа. Свою же курицу она съела вместе с детьми.

В это время пришел муж. Он сам съел всю курицу, что выменял на бурку. Всю ночь он не мог заснуть: он ждал, что из его рта посыплется золото. Утром пошарил в постели, но ничего не нашел. «Кто знает, может быть, хозяйка дала попробовать курицу детям», — подумал он и подошел к их постели. Смотрит — дети сидят в золоте. Рассердился он и стал упрекать жену.

В это время в дом вошел младший брат. Увидел он, что у детей старшего брата изо рта сыплется золото, притворился огорченным и сказал:

— В нашей семье произошло что-то небывалое. Этих детей нельзя держать в доме, им надо найти другое место!

Глупый брат поверил его словам. Они вдвоем сплели большую корзину, посадили туда детей, отнесли далеко за село, поставили на полянке большого леса и вернулись обратно.

Когда детей уносили, мать плакала и кричала, но кто же ее послушает?

В том лесу, где братья оставили детей, часто бывал охотник из другого села — Каурбей, сын Хапара. Каурбей был тверд и бесстрашен. В лесу он оставался два, три дня.

Однажды вечером Каурбей, вооруженный как всегда, пришел в лес со своими собаками. Он оставил пищу в шалаше, взял собак и пошел за белками. Вернулся Каурбей поздно ночью и принес пойманных белок. На другое утро он поел, покормил собак, взял ружье и пошел по крутым склонам к северу от шалаша. Собаки погнались за дикой козой. Каурбей убил ее, перевязал ей ноги полоской кожи и спустился к шалашу. Там он разделал козу, поел сам и дал собакам. Немного погодя Каурбей услышал вой.

«Где это слыхано, чтобы собаки так выли?» — подумал Каурбей и опять стал прислушиваться. До него донесся плач. Каурбей подбежал к тому месту, откуда раздавался этот плач, и видит: стоит корзина, полная золота, а в золоте — два плачущих ребенка. Они были еле живы. Каурбей забрал мальчиков в шалаш, усадил на разостланной бурке и накормил. Потом вместе с детьми, золотом и дичью вернулся домой.

Когда он рассказал о случившемся, все очень удивились.

Каурбей и его жена усыновили этих детей. Старшего назвали Мазлоу, а младшего — Жакур.

Шли дни, шли ночи, дети росли и росли. Они уже научились разбираться, что хорошо и что плохо.

Каурбей охотился, как и раньше, приучая к этому и своих детей. Одних сыновей он никогда не пускал на охоту, а если и пускал, то недалеко.

Однажды Мазлоу и Жакур попросили родителей отпустить их поохотиться на три дня. Родители не отказали. Отец приготовил им оружие, а мать еду на дорогу.

Когда все было готово, братья пошли на охоту. Шли, шли, спустились в ущелье и увидели двух зайцев. Они сидели рядом.

— Убьем по одному,— решили братья и только навели ружья, как зайцы закричали:

— Не убивайте нас, мы всю жизнь служить вам будем!

Братья пожалели зайцев и вместе с ними пошли дальше.

Вдруг видят: сидят рядом две лисицы.

«Убьем по одной»,— подумали братья и только навели свои ружья, как лисицы закричали:

— Не убивайте нас, пока мы живы будем — от вас не уйдем!

Не тронули братья и лисиц. Идут дальше вместе с зайцами и лисицами и видят: под большим буюком сидят рядом два медведя.

«Убьем по одному»,— подумали братья и только навели на них свои ружья, как медведи закричали:

— Не убивайте нас, пока мы живы — будем жить для вас!

Братья не тронули и медведей.

Так с зайцами, лисицами и медведями братья подошли к тому месту, где скрещивались две дороги. Отсюда Мазлоу и Жакур решили идти порознь.

На перекрестке рос граб. Братья воткнули в него нож. По этому ножу каждый из них мог узнать о несчастье другого: лезвие, обращенное в сторону того брата, с которым случилось несчастье, ржавело.

Старший брат, Мазлоу, взял зайца, лису и медведя и пошел по одной дороге. Младший брат, Жакур, тоже взял зайца, лису и медведя и пошел по другой дороге.

Жакур шел, шел и пришел в какую-то деревню. В этой деревне люди жили далеко друг от друга. Жакур увидел хижину. Под навесом валялось немало человеческих костей. Там жила старуха — жена адауы. Жакур не доверился старухе, прошел мимо и спустился в какую-то лощину. Там он увидел много камней и какую-то старуху с кнутом. Кого она ударит этим кнутом,

тот сейчас же превращается в камень. Вот почему в той лощине было так много камней. Старуха ударила Жакура, его зайца, лису и медведя и всех превратила в камни.

В то же время Мазлоу шел по своей дороге и нашел красиво оправленную шашку. Он поднял ее и повесил через плечо. Так пришел в какое-то село. В этом селе все были в трауре.

— Что случилось? — спрашивал Мазлоу каждого встречного.

— Вот что случилось, — ответил один из них. — В этом селе есть большая церковь, а в ней живет агулшап. Ежедневно ему приводят по одной девушке из нашего села. Сегодня очередь княжеской дочери. Вот почему все в трауре.

Мазлоу поблагодарил и пошел в церковь, где жил агулшап. Агулшап заметил его, но не тронул, ведь он ел только девушек.

Мазлоу остался в церкви. Заяц, лиса и медведь расселись вокруг него.

Вечером люди с плачем и рыданием привели дочь князя, втокнули в церковь, а сами ушли. Она сразу заметила Мазлоу и бросилась к нему. Когда же агулшап кинулся на девушку, Мазлоу выхватил шашку, одним ударом снес ему голову и разрубил на куски.

— Ты спас мою душу, — благодарила дочь князя своего избавителя, кружась вокруг него. — Теперь я буду жить только для тебя! — Она сняла свое кольцо и надела на палец Мазлоу.

— Я очень устал, — сказал Мазлоу, — и хочу спать. Мне нужно немного отдохнуть. — Он лег на скамью и тут же в церкви заснул.

Все это видел княжеский конюх — он сидел на дереве около церкви. Когда Мазлоу заснул, он слез с дерева, вошел в церковь, взял шашку Мазлоу и отрубил ему голову, а дочери князя приказал, чтобы она сказала отцу: «Агулшапа убил твой конюх».

Девушка металась и плакала, но что ей оставалось делать!

Услышал народ, что княжеский конюх убил агулшапа и спас княжну, очень обрадовался. А князь назначил день свадьбы конюха со своей дочерью.

В то время, когда конюх напал на Мазлоу, заяц, лиса и медведь были во дворе. Вошли они в церковь и видят: лежит мертвый Мазлоу.

Заплакали звери, а потом начали думать, как оживить Мазлоу. Медведь сказал:

— Я могу приставить ему голову.

— Если ты приставишь голову, я оближу шею и приращу ее,— сказала лиса.

— Все это трудно сделать,— сказал заяц,— но если вы сделаете, то я дуну в рот Мазлоу и оживлю его.

Они сделали то, что сказали, и Мазлоу ожил.

— Ох, и сладко же я спал! — сказал он и вскочил на ноги. Но тут он заметил окровавленную шашку и понял, что был кем-то убит. Мазлоу взял свое оружие и вместе с зайцем, лисой и медведем пришел во двор князя. Как только княжна увидела его, она вскрикнула, бросилась к нему и повисла на шее.

— Кто это? Что это значит? — спрашивал народ.

— Этот человек спас мне жизнь! А конюх убил его сонного, напугал меня и заставил сказать, что это он убил агулшапа.

Услышал это князь, повесил конюха, а свою дочь выдал за Мозлоу — он ведь спас ее от смерти. Свадьба была богатая.

Когда Мазлоу сказал князю, что он очень спешит, князь не стал его задерживать, дал дочери большое приданое и отпустил их.

Шли они, шли и дошли до того перекрестка, где Мазлоу расстался с братом Жакуром. Тут Мазлоу увидел, что лезвие ножа, обращенное в сторону брата, заржавело. Мазлоу рассказал, что это значит, оставил жену и провожатых, а сам с зайцем, лисой и медведем пустился в дорогу.

Так он подошел к хижине старухи — жены адауы. Старуха спала с раскрытой грудью. Мазлоу прикоснулся к ее груди *. Старуха проснулась и была очень огорчена.

— Ты знаешь силу молочного родства,— сказал Мазлоу.— Ради него скажи, где погиб мой брат— он, должно быть, проходил здесь.

— Да,— сказала старуха,— здесь проходил кто-то, похожий на тебя, с зайцем, лисой и медведем. Если этот человек погиб, его, наверное, погубила моя старшая сестра: кого она ударит своим кнутом, тот превращается в камень. Если ты сумеешь взять у нее этот кнут, то ударом его всех оживишь.

Мазлоу, заяц, лиса и медведь стали советоваться, как отнять у старухи кнут. Медведь сказал:

— Я сверху обойду то место, где сидит старуха, и не дам ей покоя, кидая в нее камни и бревна.

— А я,— сказала лиса,— воем изведу ее.

— Тогда я сумею взять у нее кнут и передам Мазлоу,— сказал заяц.

Каждый из них сделал так, как сказал. Мазлоу получил

кнул и начал бить им по камням. Один за другим камни превращались в людей и вскакивали, но среди них не было брата. Тогда Мазлоу спросил старуху:

— Скажи, где мой брат?

Видит старуха, что он не отстанет, и говорит ему так:

— Пойди в ту сторону. Там лежат камни. Посмотри, может быть, твой брат среди тех камней.

Как только Мазлоу ударил кнутом по этим камням, Жакур с зайцем, лисой и медведем ожили и поднялись.

Все они в один голос сказали:

— Пусть теперь старуха станет камнем!

Мазлоу ударил старуху кнутом, и она окаменела.

Тогда все, кого оживил Мазлоу, стали спрашивать его:

— Как нам отблагодарить тебя?

— Я даже не знал, что с вами случилось, и не искал вас, — ответил Мазлоу. — Я искал брата и нашел. Ваше счастье вам помогло, и я от вас ничего не хочу.

После этого братья пошли туда, где поджидала жена Мазлоу, и все вместе вернулись домой.

Отец и мать были уверены, что их дети погибли, и очень горевали. Когда же сыновья вернулись домой, они очень обрадовались и устроили большой пир.

30. Пыча и Куча

Жил князь, и был у него мельник.

Жена князя была бездетна, не было детей и у жены мельника.

Однажды зимой княгиня вышла в сад и увидела на одной яблоне два яблока. Она бросила палку и сбила их, но одно яблоко упало в речку, и та унесла его, а другое княгиня подняла. Половину яблока она съела сама, другую отдала мужу.

Яблоко, что упало в воду, увидела жена мельника — оно кружилось под мельничным жерновом — и подобрала его.

— Видишь, — сказала она мужу, — мельничная вода в середине зимы принесла нам яблоко!

Половину она съела сама, а другую отдала съесть мельнику.

Вскоре княгиня и мельничиха понесли. Обе женщины родили мальчиков.

Обрадовался князь, обрадовался и мельник, что у них родились сыновья.

Но сын князя непрерывно плакал и кричал. Надоел он князю, и князь приказал своим ахтырпар:

— Возьмите мальчика, бросьте в каком-нибудь лесу, где никто не живет.

Те взяли мальчика и пошли. По дороге им встретился мельник. Он спросил.

— Куда вы идете?

— Так и так,— сказали ему,— идем бросить в лесу княжеского сына.

— Возьмите, пожалуйста, бросьте в лесу и моего сына, он мне тоже надоел,— попросил мельник, принес ребенка и отдал им.

Как только дети, которых хотели бросить, увидели друг друга, они стали играть. Об этом сказали князю. Услышал это князь, быстро пришел и видит — дети играют. Он удивился, обрадовался и попросил мельника отдать ему своего сына.

— Возьми, пожалуйста, кому он нужен? — сказал мельник и отдал сына.

Дети все время играли. На рассвете они начинали бороться и боролись до сумерек. Чем больше боролись, тем больше у них прибавлялось сил. Так они росли.

И вот однажды они сказали своему отцу:

— Сделай нам два мяча по шестидесяти пудов каждый. Мы бросим их в небо, и только через трое суток они упадут обратно. Мы подставим под них колени, и, если мячи при ударе лопнут, тебе будет плохо.

Как они просили, так князь и поступил: сделал им мячи.

Мальчики бросили их в небо. Через трое суток они стали падать обратно. Братья подставили колени, но мячи, как только ударились о них, сейчас же лопнули.

Тогда мальчики сказали князю так:

— Сделай нам золотые мячи по сто пудов каждый. Мы бросим их в небо, и лишь на девятые сутки они упадут. Мы подставим колени, и, если мячи, ударившись о них, не разобьются, с тобой тоже ничего не случится.

Князь сделал так, как они просили.

Бросили мячи в небо. Прошло девять суток, и они стали падать обратно. Братья подставили колени, мячи о них ударились, но только погнулись.

Тогда братья сказали отцу:

— До свидания, теперь мы уходим. Не бойся за нас!

А князь подумал: «Уйдут они — мне будет спокойнее».

Мысли князя прочел младший брат, но отцу он ничего не сказал.

Братья вскочили на коней, взяли своих собак и пустились в путь.

Доехали до перекрестка двух дорог, спешились и сели отдохнуть.

Тогда младший, Пыча, сказал старшему, Куче:

— Левая дорога не так опасна. Ты поезжай по ней, а я поеду по правой дороге — она опаснее.

— А как мы узнаем, если с одним из нас что-нибудь случится? — спросил старший.

Младший ответил:

— В тот день, когда меня не станет, на конце твоей шашки покажется кровь.

А старший сказал:

— Когда твоя шашка на ладонь высунется наружу и покроется кровью, знай, что меня не стало.

После этого братья обнялись, попрощались и отправились каждый своей дорогой.

Младший, Пыча, ехал, ехал и попал в какой-то город. Огляделся — никого нет. Только в одной пекарне он заметил старуху — она пряталась в печи.

— Добрый день! — сказал ей Пыча.

— Здравствуй, нан! Куда идешь? — спросила старуха.

— Я путешествую. Но что с вами случилось? — спросил Пыча.

— Нами правил адауы. Он всех съел, кроме меня. Если он почует твой запах, то и тебя съест. Беги обратно изо всех сил!

Как старуха сказала, так и случилось: адауы почуял запах и пришел.

— Я думал, что здесь уже никого не осталось, кого бы я мог съесть, но бог послал мне тебя, — сказал адауы.

Они с Пычей схватились и стали бороться. Адауы поднял Пычу и всадил в землю по колени. Пыча собрался с силами и всадил адауы по грудь. Адауы выскочил из земли и всадил Пычу до пояса, но Пыча быстро выскочил, всадил адауы по горло и спес ему голову. У адауы сейчас же выросли две головы. Пыча опять срубил их. У адауы появились три головы. Пыча крикнул старухе, чтобы она принесла горячей золы, срубил все три головы адауы и посыпал горячей золой. Так адауы и умер.

Пыча поехал и приехал к тому месту, где была сестра адауы;

она светилась без солнца и луны. Он поднялся к ней и сказал:

— Добрый день!

— Здравствуй, добро пожаловать, — ответила сестра адауы. — Слезай, отдохнешь!

— Я пришел сказать тебе слово. Твой брат уничтожил всех людей в этом городе, и я убил его. Будь готова, на обратном пути я за тобой заеду и возьму в жены. До свидания! — Сказав так, Пыча уехал.

Приехал он к тому месту, где была сестра семи братьев адауы.

— Добрый день! — сказал ей Пыча.

— Добро пожаловать! — ответила сестра адауы. Она сияла как солнце и луна. Ее братья дали клятву, что выдадут сестру замуж лишь за того человека, который войдет в дом и не побойтся встретиться с ними.

Девушка сказала Пыче:

— Мои братья злы. Они тебя погубят. Я должна тебя спрятать. Когда они возвращаются домой, то бывает так: идет старший брат — земля трясется; идет второй брат — поднимается такой ветер, что можно подумать, не останется ни одного растения; идет третий брат — земля рушится, деревья валятся; идет самый младший — земля загорается. Пока все братья не сойдутся, они в дом не поднимутся.

Вот собрались все братья, стали спрашивать друг друга:

— Что такое? Чей это дух?

Наконец спросили сестру.

— Никого здесь нет! — ответила сестра.

— Как нет?! — закричал Пыча. — Я и вправду здесь!

Пыча подошел к адауы и сказал:

— Добрый день!

— Здравствуй! Добро пожаловать, добро пожаловать, хороший человек, который не побоялся стать среди нас! — сказали семеро адауы.

— Как вы хотите: будем бороться или вы сдадитесь и сложите оружие? — спросил Пыча.

— Нет, мы так просто оружия не складываем! — ответили адауы.

— Тогда будем бороться. Выходите все семеро!

Но адауы не согласились и выступали поодиночке. Пыча всех победил и заставил сдаться.

Тогда выступили все семеро сразу, но Пыча победил их в двадцать четыре минуты и заставил сдаться.

— Теперь мы померились силами, и я ухожу. Ваша сестра будет моей женой. Но если в мое отсутствие с ней что-нибудь случится, вы будете отвечать! — сказал Пыча.

Потом он спросил:

— Не знаете ли вы место, где можно хорошо поохотиться?

Адауы пошли с ним и привели на одну поляну. Кругом был лес. Один адауы потряс землю, другой — деревья, и все звери выскочили из лесу на поляну. Пыча хорошо поохотился и взял мяса столько, сколько надо было в дорогу, а остальное отдал адауы, чтобы они отнесли домой. Но он предупредил их, что, если пропадет хоть кусочек кишки, им будет плохо.

Пыча забрал мясо и поехал своей дорогой, адауы же взяли мясо, которое он им дал, и пошли домой.

Пыча ехал, ехал и остановился на ночлег под одним деревом. Оно стояло на красивом лугу.

Когда Пыча развел огонь и стал жарить мясо, послышался голос какой-то старухи:

— Мне холодно! Пусти погреться!

— Иди, грейся! — ответил Пыча.

— Пришла бы, но мешают твоя собака и твой конь. Если хочешь, чтобы я погрелась, привяжи их! — попросила старуха.

Пыча привязал коня и собаку, как просила старуха. Когда же она пришла, то сразу проглотила и коня, и собаку, и самого Пычу.

В это время Куча заметил, что на конце его шапки оказалась кровь, и сейчас же отправился по следам коня Пычи.

Так он приехал к сестре адауы, которого убил брат.

— Пыча, это ты? — спросила сестра адауы — она думала, что это Пыча.

— Да, я пришел, но опять ухожу. Будь готова к моему возвращению, — ответил Куча и поскакал дальше по следам коня своего брата.

Так он приехал к сестре семи адауы.

Она тоже спросила:

— Пыча, ты приехал?

— Приехал, но опять уезжаю. Приготовься к моему возвращению!

Куча взял всех семерых братьев девушки и пошел туда, где охотился Пыча. Как и брат, он убил много зверей, потом взял себе мяса столько, сколько надо было в дорогу, а остальное приказал адауы отнести домой.

Наконец, Куча приехал к тому месту, где его брат разводил

огонь. Он тоже развел огонь и стал жарить мясо. Вдруг старуха закричала:

— Куча, мне холодно! Можно прийти погреться?

— Почему же нет? Иди грейся! — ответил Куча.

— Если ты хочешь, чтобы я пришла, привяжи коня и собаку, я их боюсь!

— Привяжу, иди, не бойся! — сказал Куча, но не привязал.

Как только старуха подошла, на нее набросились конь и собака и стали тянуть в разные стороны.

Тогда Куча сказал:

— Если ты сейчас же не сделаешь моего брата, его коня и собаку такими, какими они были, я тебя убью!

Как только старуха сделала их такими, какими они были в тот день, когда она их проглотила, Куча сразу отрубил ей голову.

Братья обнялись.

Потом Пыча сказал:

— В ту ночь, когда я пришел сюда, мне послышался какой-то голос, но я не успел его разобрать — меня проглотила старуха. Давай здесь останемся, а завтра утром все узнаем.

Куча согласился, и они расположились на ночь. Вдруг с востока послышался ужасный голос.

— Надо узнать, чей это голос, — сказал Пыча.

Голос, который слышался с востока на запад, принадлежал девушке, но братья этого не знали.

— Пойдем узнаем! — сказал Пыча. — Но если ты боишься, что по дороге с нами что-нибудь случится, лучше оставайся. Я сам все узнаю и вернусь.

Но Куча поехал с ним.

Долго они ехали. Наконец Куча устал, а младший, Пыча, поехал дальше.

По дороге он увидел старика.

— Добрый день! — сказал Пыча.

— Добрый день, — ответил старик. — Куда ты направился?

— Я еду узнать, что за голос слышится с востока.

— Голос, что слышится с востока, — это голос девушки. Но ты с ней не сможешь справиться, лучше вернись! — сказал старик.

— Пока я не узнаю, не могу вернуться, — ответил Пыча.

Тогда старик сказал ему так:

— Во дворе этой девушки к столбу железных ворот цепью прикован хромой арап. Если он тебя увидит, то станет ругаться, но ты не отвечай ни когда приедешь, ни на обратном пути.

И правда, когда Пыча въехал во двор девушки, арап начал ругаться, но Пыча ему ничего не ответил. Он подъехал к девушке и сказал:

— Добрый день!

— Добрый день! — ответила девушка. — Добро пожаловать! Слезай с коня, отдохнешь!

— Пока я не узнаю того, из-за чего приехал, не уеду отсюда! — сказал Пыча. Тут он заметил красоту девушки и уже не знал, что делает, и не слышал, что говорит.

У девушки и Пычи было по две шашки — одна с ядом, другая без яда. Начали они сражаться. Шестьдесят четыре года бились, наконец Пыча слегка поцарапал девушке палец.

— Ура! — закричали люди, подхватили Пычу и признали его победителем. Но девушка не соглашалась. «Это не в счет!» — сказала она и снова стала сражаться. Вдруг девушка переломила шашку Пычи, но шашка сразу стала вдвое длиннее. Пыча рассердился и разрубил пополам шашку девушки.

— Достань шашку с ядом, и я тоже достану, — сказала девушка.

— Нет, я этого не сделаю! — ответил Пыча. — Ты дерись чем хочешь, но я свою ядовитую шашку не возьму.

Снова стали биться, и Пыча в двадцать четыре минуты заставил девушку сдаться.

— Теперь пойдем! — сказала девушка. — Возьми вот это кольцо, больше нам ничего не надо, и не отвечай этому арапу, а то мы не сможем уйти — он тебя убьет.

Они отправились в путь.

Арап начал ругаться, браниться, но Пыча ему ничего не отвечал. Арап же не унимался, и тогда Пыча не вытерпел — ответил ему.

Тут же арап порвал цепь и стал бороться с Пычей. Пыча заметил, что арап его побеждает. Тогда он стал просить бога: «Ты, давший мне столько силы, поддержи меня и сейчас!» И вот от бога прилетела птичка и сказала человеческим голосом.

— Не падай духом! Крепись! Одной рукой борись, а другой, если сможешь, вырви из земли железные ворота. В них заключена птица, в ней — бумага, а в этой бумаге — душа арапа. Если ты сможешь порвать ее, то победишь!

Пыча вырвал из земли ворота и порвал бумагу, как ему сказала птичка. Так он покончил с арапом и отправился в свой радостный путь.

Накопец Пыча и девушка приехали к тому месту, где остался брат Куча. Братья обнялись и вместе поехали дальше. Приехали к сестре семи адауы, взяли девушку и отправились в путь. По дороге взяли и сестру того адауы, который уничтожил всех жителей города. Так все вместе приехали домой.

Увидел отец сыновей, обрадовался, но Пыча сказал ему:

— Когда мы уходили, ты подумал: «Слава богу, что они ушли!» Смотри, другой раз так плохо не думай!

Князь собрал весь свой народ и устроил большой пир. Пыча встал и сказал своему старшему брату:

— Выбери самую лучшую из всех девушек и возьми себе!

Куча выбрал сестру семи братьев, но Пыча обиделся, потому что брат оставил ему лучшую девушку.

— Пусть твое счастье тебе остается, — сказал старший брат. — У меня она будет несчастной.

После этого жена Пычи сказала ему:

— У меня есть шестилетний брат. Если можно, покажи ему свадьбу.

Пыча поехал за маленьким шурином и привел его к себе домой. Тогда мальчик сказал своему зятю:

— Ты, наверное, храбрый мужчина, если победил мою сестру. Но пока я сам не испробую твою силу, я не отдам тебе сестру!

Начали бороться. Когда Пыча увидел, что мальчик его одолевает, он сказал:

— Ты еще маленький. Я не хочу тебя губить. Лучше перестань!

— Скажи это себе подобным! — ответил мальчик. — Если на себя надеешься, продолжай борьбу.

— Значит, ты решил отдать свою сестру тому, кто тебя победит, — сказал Пыча. — Но если ты отдашь свою сестру победителю, какой же будет тебе почет?

— Что же ты раньше не сказал такого слова?! Не мучился бы столько. Бери мою сестру! — ответил мальчик. Потом он добавил:

— Зять, я тоже иду жениться, пойдем со мной! — И они пошли.

Но по дороге Пыча не смог перенести жару и остановился. Это была не жара, а настоящий огонь.

Шурии пошел дальше один. Там было три брата. Сто лет он воевал с ними, но в конце концов заставил сдаться и взял их младшую сестру.

Вместе с ней он вернулся обратно. По дороге он взял Пычу, и они вернулись домой.

Десять дней и десять ночей длилась свадьба. Толумбашем там был Джгуанат Дгебия.

Кто, слушая эту сказку, повернется направо — да загребет себе столько богатства, сколько хочет, повернется налево — да будет ему денег столько, сколько он хочет!

31. Пророк Муса

Жил один пророк по имени Муса. У него была маленькая палочка. Эта палочка могла делать все, что ни пожелает Муса: захочет Муса есть — и палочка готовит еду, захочет отправиться в путь — и палочка доставит его туда, куда он хочет. Одним словом, что ни захочет, что ни скажет пророк — все палочка исполнит.

Пророк Муса всегда странствовал. У Мусы был сосед. Этот сосед часто просил Мусу взять его с собой в странствие, но Муса никогда его не брал.

— Что случится, если ты и меня возьмешь? — говорил сосед. — Видно, ты меня презираешь, — обижался он, приставая к пророку.

Надоел сосед Мусе, и он сказал:

— Хорошо, я возьму тебя, только приготовь что следует в дорогу.

Сосед Мусы приготовил три хлеба, и они отправились в путь. Пророк, кроме своей палочки, ничего не взял.

Шли, шли, прошли большой путь, устали и решили отдохнуть у какого-то родника. Отдохнули, принялись за еду. Каждый взял по одному хлебу, а третий хлеб Муса отложил в сторону. Наевшись, Муса спустился к роднику напиться. В это время его спутник съел третий хлеб. Муса пришел и спрашивает:

— Куда девался тот хлеб, который здесь лежал?

— Я не знаю! — отвечает его товарищ.

Муса именем бога заклинал его сказать правду, но тот так и не сказал. Тогда пророк больше ничего не сказал, и они опять пустились в дорогу.

Так проделали они большой путь и пришли на одну возвышенность. Смотрят — вдали бежит дикая коза с козлятами. Пророк Муса махнул своей палочкой в ту сторону, и коза оста-

новилась. Путники подошли к ней, взяли одного козленка, зарезали, мясо сварили и поели. После еды пророк опять спросил своего товарища:

— Где же паш третий хлеб, скажи мне, ради бога!

Но спутник снова поклялся богом, что не знает, куда делся хлеб.

Тогда Муса, больше не сказав ни слова, собрал кости съеденного козленка, завернул в кожу, прикоснулся к ней палочкой, и в тот же миг козленок ожил, вскочил и побежал вприпрыжку за своей матерью. Спутник Мусы поразился.

После этого они встали и пошли своей дорогой. Шли они много дней и ночей, пока не подошли к реке. Река была очень большая, переправляться через нее было нелегко. Но как только пророк Муса поднял свою палочку, через реку перекинулся мост. Они перешли по этому мосту на другой берег. На том берегу было много песка. Путники сели отдохнуть. Отдыхая, товарищ Мусы заснул. Пока он спал, пророк своей палочкой сгреб песок в большую кучу, а потом взмахнул палочкой — и весь песок превратился в золото. Вот проснулся товарищ Мусы, увидел золото и поразился. Радостный, он вскочил на ноги и закричал, что надо разделить золото, но пророк ответил ему:

— Раздели ты, а я возьму ту часть, которая мне больше понравится!

Спутник не согласился и сказал:

— Ты раздели, а я возьму то, что мне понравится!

Пророк Муса разделил все золото на три равные части. Поразился спутник и спрашивает:

— Ведь нас только двое, почему же ты разделил золото на три части? Одну часть ты возьмешь себе, другую — дашь мне, а третью — кому?

А пророк в ответ:

— Одна часть — твоя, другая — моя, а третья часть принадлежит тому, кто взял наш хлеб.

Тогда товарищ Мусы вскочил и говорит:

— Если так, эта часть золота тоже моя: я съел третий хлеб!

Тогда пророк сгреб все золото в одну кучу и сказал:

— Пусть все золото будет твоим, но с этого дня ты мне не товарищ — не дай бог остаться с тобой!

Сказал так Муса, бросил своего спутника и ушел.

Прошло много дней, а спутник Мусы все сидит и сидит над своим золотом. Его мучил голод, но поблизости никто не жил, даже никто не проходил мимо того места.

Но вот однажды товарищ пророка пригляделся и видит: вдвое проезжают двое верховых. Он стал кричать, махать руками и кое-как подозвал их к себе. Всадники подъехали, увидели золото и очень удивились. Но у них тоже не было никакой еды, они сами были голодны. Тогда спутник пророка сказал им:

— Вот это золото, которое вы видите, будет ваше, если вы сможете достать какую-нибудь еду. Если вы мне не доверяете, то пусть один из вас останется здесь, вместе со мной, а другой поедет и где-нибудь раздобудет нам пищу.

Так они и сделали. Один остался, а другой поехал в село.

Те двое, которые остались у золота, решили так:

— Нам сейчас не хватает только еды. И когда наш товарищ привезет нам поесть, мы убьем его, а золото разделим пополам.

А тем временем их товарищ, который поехал за едой, тоже решил:

— Сейчас мне не хватает только еды. Но когда я ее достану, положу в нее яд и привезу им. Они отравятся, и тогда все золото достанется мне!

Так и сделал: приехал в деревню, наелся, а ту еду, которую вез своим товарищам, отравил. Но когда он приехал, товарищи набросились на него и убили. Потом они положили перед собой еду, но не успели съесть и кусочка, как отравились и умерли. А золото так и осталось лежать на том же самом месте.

32. Сказка о человеке, чья молодость была плохой, а старость — хорошей

Жил один богатый крестьянин. Семья у него была маленькая — жена да единственный сын. Крестьянин отдал сына в школу, и, когда мальчик немного подучился, отец и мать сказали ему так:

— Дад, сын наш! Ты уже достаточно выучился. Теперь сиди дома. Здесь есть все, что душе угодно, до самой смерти тебе хватит. Ты можешь совсем не работать!

— Хорошо, отец и мать, — ответил мальчик. — Ваше слово — закон. Я останусь дома.

Мальчика звали Талбей.

Пришло время, и Талбей женился. Жил он в своем доме прекрасно, у него уже было двое сыновей.

Как-то раз Талбей взял ружье и пошел на охоту. Смотрит — на ветке сидит птичка.

— Убью-ка эту птичку! — подумал Талбей и только прицелился, как птичка сказала:

— Эй, не убивай меня! Меня нельзя убивать, не стреляй! Выслушай, что я тебе скажу.

— Что скажешь? — спросил Талбей, опустив ружье.

А птичка ему в ответ:

— Скажу тебе я вот что: подумай и дай мне ответ, чего ты хочешь: чтобы старость твоя была счастливой или молодость?

Поразился Талбей. Домой он пришел в глубоком раздумье и рассказал жене, как увидел в лесу птичку, как поднял ружье, чтобы убить ее, и как птичка велела ему подумать о счастливой старости или молодости.

Долго муж с женой сидели и думали, что ответить птичке, и наконец жена сказала:

— Что же делать! Пусть молодость будет какая-нибудь. Прости счастливой старости!

— Ну хорошо! — сказал Талбей, взял ружье и снова пошел на охоту. Опять он увидел птичку, но не узнал ее и, сняв ружье с плеча, готовился выстрелить, как вдруг птичка сказала ему:

— Эй, ты что, опять вздумал стрелять в меня? А на мой вопрос что ты скажешь, что ответишь?

— Ох! Я не узнал тебя, — ответил Талбей. — Для меня все равно, какая будет молодость, лишь бы старость была счастливой, если это возможно.

— Хорошо! — ответила птичка, вспорхнула и улетела.

Талбей опустил голову и задумался: «Что это значит?»

Так он пошел домой. Пришел домой, а жена и спрашивает:

— Ну, что ты попросил?

— Пришлось попросить счастья на старости лет, — ответил Талбей.

Так и случилось. Молодость у Талбея была плохой: умерли отец с матерью, на скот напала болезнь и скосила его, двор, дом, все вещи Талбея сгорели во время пожара. Талбей не знал, что ему делать, куда деться. Наконец он решил идти на поиски работы, чтобы заработать кусок хлеба и прокормить свою семью. Взял он жену, детей и пошел искать работы.

Ходил, искал, много исходил и вот встретил по дороге каких-то людей, всех одного возраста. Эти сверстники решили:

— Разве он годится для такой жены? — отняли ее у Талбея и ушли. Жена Талбея была красавица.

Что он мог поделывать? После того как у него отняли жену, Талбей с детьми пошел дальше. Так дошли они до большой реки. Талбей разыскал брод, одного ребенка оставил на берегу, другого взял на руки и перенес через реку на другую сторону. Потом снова перешел реку, взял другого ребенка, и, когда дошел до середины, к ребенку, что стоял на другом берегу, подскочил волк, схватил его и унес.

— Ах ты гнилой! — воскликнул Талбей и пустился бежать что есть силы, но тут ребенок выскользнул у него из рук и упал прямо в воду. Талбей стал метаться от одного ребенка к другому, пока одного не утащил волк, а другого не унесла река.

Что ему оставалось делать? Схватившись за голову, Талбей бросился на землю, потом взял камень и стал бить себя по голове. В это время мимо проезжал верхом на лошади добрый человек. Увидев Талбея, он сперва испугался, но потом воскликнул:

— Да он убьет себя! Что он делает?

Всадник быстро соскочил с коня, подбежал к Талбею, отнял у него камень, схватил его за руки и спросил:

— Что с тобой? Что случилось?

Талбей был весь в крови, он чуть было совсем не разбил себе голову. Он ответил:

— Вот что случилось, дад: у меня была хорошая семья, но вскоре отец и мать умерли. Потом сгорело все: и двор, и дом — ничего не осталось. Потом пришла болезнь и унесла мой скот. Я потерял голову. Наконец, я взял жену и детей и ушел. По дороге нам встретились какие-то люди, все одного возраста. Эти люди сказали: «Он недостоин такой жены!» — и отобрали у меня жену. Вместе с детьми я пошел дальше. Дошел до реки. Одного сына я перенес через реку и вернулся обратно, чтобы взять другого. Я уже был на середине реки, когда откуда ни возьмись подскочил волк и унес моего ребенка, что стоял на берегу. Увидев это, я выронил из рук другого ребенка. И пока я метался, не зная, что делать, мои дети погибли, и я остался один здесь на берегу.

— Эх ты, — воскликнул верховой. — Стоит ли из-за этого разбивать себе голову! С мужчиной всякое бывает. Ну что ж из того, что так случилось, что поделаешь. Нельзя падать духом! Ты еще получишь, что суждено тебе от бога.

Так всадник ободрил Талбея. После этого он вскочил на коня и уехал. Тогда Талбей встал и, опустив голову, тоже пошел по дороге.

Наконец он пришел в город и встретил там богатого купца. Купец панял Талбея убирать лавку. Талбей был грамотен, но не сказал об этом — у него был тихий нрав.

Как-то раз продавец, что работал в лавке у купца, в чем-то ошибся. Талбей заметил это, пошел и сказал хозяину. Купец проверил и сам убедился, что продавец ошибся. Купец ошибку исправил, но продавца прогнал, а на его место поставил Талбея.

Прошло некоторое время. Купец стал проверять доход в своих лавках. В других лавках был убыток, а в той, где торговал Талбей, была большая прибыль.

— Он хорошо торгует! — сказал купец и повысил Талбея. И когда снова купец стал считать прибыли и убытки, у Талбея опять была большая прибыль.

Постепенно Талбей стал торговать в самой большой лавке купца.

У этого купца не было детей. Талбей пришелся ему по душе, и купец усыновил его. Талбей сделался хозяином половины всего богатства. Но это его не утешило — о пережитом горе не заставит забыть никакое богатство, пусть даже человек купается в деньгах.

Как раз в то время умер царь той местности. А перед смертью царь созвал всех друзей и завещал им свою последнюю волю:

— Я умираю. После моей смерти соберите весь народ и выпустите трех моих ручных голубей. Они будут летать над толпой и выберут того, кто сможет царствовать после меня. Голуби сами знают, кого выбирать. Выберут и сядут — один на голову тому человеку, другие — на плечи. Он и будет царем. Только он справится с царством. — Сказал так царь и умер.

После смерти царя его друзья оповестили народ, что скоро будет большой сход для выбора нового царя. В назначенное время все люди собрались па сход.

Но Талбей не пошел.

— Не мое это дело — ходить на сходы! — сказал он.

Вот собрался народ, и друзья умершего царя выпустили трех царских голубей. Голуби полетали, стали кружиться над толпой, летали долго-долго, но не нашли такого человека, который смог бы царствовать. Полетели обратно и сели на свое место.

Люди разошлись по домам. А перед тем как уйти, назначили новый срок для схода.

В назначенный день снова собрался народ, но Талбей опять

не пришел. Снова выпустили царских голубей, они полетали-полетали над толпой и опять, как в тот раз, вернулись на свое место.

Тогда друзья умершего царя сказали народу:

— Пусть к назначенному сроку теперь соберутся все до единого, чтобы дома не остался ни один человек, который в силах ударить собаку!

После этого народ разошелся.

К назначенному сроку опять собрались все люди. Купец решил: «Без своего приемного сына я на сход не пойду!» — пришел к Талбею и говорит:

— Дад, Талбей, пойдем сегодня на сход. До сих пор не выбрали человека на царство. Царя будут выбирать так: выпускают трех голубей, и они, сами зная, кто сможет царствовать, садут на голову и на плечи того человека.

А Талбей в ответ:

— Что мне делать на сходе, кто мне даст царство?!

Но купец настоял на своем, и Талбей пошел с ним на сход.

Когда все собрались, выпустили трех голубей. Они полетали, покружились над толпой, потом один голубь сел на голову Талбея, а два других — на плечи. Люди закричали: «Ура!» — и подняли Талбея на руки. Его благословили на царство, и с тех пор Талбей стал царем. По этому случаю устроили большой пир.

Оказывается, в том городе жила одна женщина. Эта женщина всегда грустила, плакала и причитала. Наконец ее родственники пошли к царю и рассказали ему об этом. Царь приказал:

— Приведите эту женщину!

Родственники пришли и говорят ей:

— Пойдем, царь зовет! — Но женщина не захотела идти.

Тогда они вернулись к царю и сказали, что женщина не хочет идти. Царь на этот раз послал за женщиной отряд своих воинов, чтобы они пригрозили ей и привели к нему. Воины пришли, но женщина не захотела идти. Тогда решили ее схватить и силой отвести к царю, но женщину окружили соседки и сказали воинам:

— Эта женщина очень несчастна, она перенесла много горя. О своих несчастьях она и причитает. Если вы ее сейчас схватите, у нее разорвется сердце!

Тогда один воин сказал:

— Я прошу, чтобы эта женщина рассказала о своих несчастьях.

Женщина рассказала о себе, и, когда кончила, два воина подошли к ней, громко рыдая, и стали ее обнимать. Увидел муж, что его жену обнимают воины, и пошел к царю с жалобой.

— Посланные тобой воины обнимают мою жену!

Рассердился царь и послал другой отряд, чтобы эту женщину привели силой. Воины привели женщину. Когда привели ее к царю, царь спросил:

— Что с тобой случилось? Мне передали, что ты каждый день плачешь.

А женщина в ответ:

— Я очень много горя и страданий перенесла!

— Хорошо, но почему же тебя обняли эти два воина?

— Это мои сыновья!

— Откуда ты знаешь, что они твои сыновья?

Когда царь так спросил, женщина рассказала:

— Мой первый муж был богатый, ученый человек. Однажды он пошел в лес на охоту, потом вернулся и говорит мне: «В лесу я увидел птичку. Хотел ее убить, но, когда прицелился, она сказала: „Не убивай меня! Меня нельзя убивать. Мы еще встретимся в другой раз, и ты скажешь, чего просишь — счастья в молодости или в старости“». Мы порешили с мужем так: пусть молодость будет плохой, лишь бы старость была хорошей. И вот в другой раз, когда муж опять пошел на охоту, он увидел ту птичку. Птичка спросила: «Ну, что скажешь, что ответишь?» «Пусть молодость будет плохой, лишь бы в старости было хорошо!» — ответил муж, и птичка улетела, а он вернулся домой. Вскоре отец и мать моего мужа умерли, скот пал, дом сгорел. Когда же нам стало нечем жить, мы решили искать работы, чтобы прокормить детей. Пошли искать работу. Вдруг по дороге на нас напали какие-то люди и, несмотря на плач мужа и детей, несмотря на сопротивление, схватили меня и увезли с собой. С тех пор мы не виделись. Наконец среди твоих воинов я узнала сыновей. Они-то и обнимали меня.

— Хорошо! — сказал на это царь. Потом он вызвал одного из двух воинов и стал его расспрашивать.

Юноша рассказал:

— Однажды я, мой младший брат, мать и отец шли по дороге. На нас напали какие-то люди и похитили мать. Мы с плачем и рыданием пошли дальше. Так дошли до большой реки. Отец перенес меня на другой берег и пошел за младшим. Когда он с братом на руках дошел до середины реки, ко мне подскочил волк, схватил меня и убежал. Когда отец увидел это,

он выронил младшего брата, и тот упал в воду. Меня тащил волк. Какой-то пастух выстрелил в него, волк бросил меня и убежал. Я рос у пастухов. Когда вырос, меня взяли в солдаты, и вот сейчас я встретился с матерью, узнал ее и обнял. А это вот мой брат. — И он указал на брата.

Тогда выступил другой брат и рассказал:

— Как старший брат уже говорил, отец уронил меня в реку, и вода понесла меня к мельнице. Мельник заметил меня, вытащил из реки и воспитал. Когда я вырос, меня взяли в солдаты, и я попал сюда. Здесь я увидел мать и узнал ее, узнал и старшего брата.

Тогда царь заплакал и, обратясь к народу, сказал:

— Дад, народ! Вы слышали рассказ этих юношей. Зачем мне пересказывать! А потом вот что было: когда одного из них утащил волк, а другого унесла река, я схватил камень и, сидя на берегу, стал бить себя по голове. В это время мимо проезжал всадник. Он сказал: «Зачем ты отчаиваешься?! С мужчиной всякое может случиться».

Всадник ободрил меня, вскочил на лошадь и уехал, а я побрел дальше. Шел, шел, попал в один город и нанялся к купцу убирать лавку. Я понравился хозяину, он постепенно повышал меня и, наконец, сделал своим приемным сыном и дал половину своего богатства. А сейчас, как видите, я сижу на троне. Вот эти юноши — мои дети, а эта женщина — мать моих детей. Вот, друзья, видите, где мы встретились?! Исполнилось пророчество птички: молодость была плохой, а старость сами видите какая!

Тут царь стал обнимать жену и сыновей, потом устроил пир — большое веселье и радость там были.

С тех пор царь зажил вместе со своей семьей.

33. Как три брата женились

Жили три брата. Их отец и мать были еще живы. Братья были крестьянами. Жили они хорошо, но не были женаты.

И вот однажды все трое приделись, взяли оружие и поехали искать себе жен.

Долго братья искали, но не нашли подходящих невест и повернули обратно.

Недалеко от дома они выбрали цель — дерево и решили пострелять — все равно вернулись без жен!

Братья сказали старшему:

— Стреляй первым — ты старший!

Старший брат выстрелил и попал в дерево. Вдруг из дерева вышла прекрасная девушка. Она стала рядом со старшим братом.

Потом выстрелил средний брат. Из дерева вышла другая девушка и стала рядом со средним братом.

Наконец выстрелил младший брат, но вместо девушки из дерева выпрыгнула лягушка и остановилась около младшего брата.

Все удивились, но что было делать?

Старшие братья взяли своих жен и направились домой. Младший поехал за ними, а лягушку оставил.

Но разве лягушка хотела остаться? Она подпрыгнула и села на коня рядом с младшим братом. Он раз и другой сбрасывал ее на землю, но она снова прыгала на коня. Видит младший брат, что ему никак не отвязаться от лягушки, и решил взять ее с собой.

Все три брата въехали во двор своего дома.

Старшие братья со своими женами вошли в дом, а младший, которому ничего не досталось, кроме лягушки, остался во дворе.

Когда братья вошли в дом, они стали рассказывать отцу и матери:

— Так и так, к нам из дерева вышли жены, а к младшему брату — лягушка.

Тогда родители послали ему топор и сказали:

— Пусть не показывается нам на глаза и идет со своей лягушкой куда хочет!

Младший брат ушел и стал жить отдельно.

Однажды младший брат вместе с лягушкой пошел в лес нарубить прутьев, чтобы сплести себе дом.

Он нарубил охапку прутьев и пошел к соседу покурить. Когда же парень вернулся, то увидел: на земле лежит много нарубленных прутьев — как раз столько, сколько надо для постройки.

Парень очень удивился.

Настала ночь. Парень не знал, куда ему идти. Домой его не пускали, и он пошел к соседям. Лягушка не отставала от него. Парень лег спать, она села у очага. Парень долго не мог заснуть — все думал, куда девать лягушку, которая его позорила.

Утром он пошел строить дом, а лягушка — следом. Поработал немного, потом вернулся к соседу покурить. Когда парень, покуривая, пришел обратно, видит — дом уже готов.

В эту ночь парень вместе с лягушкой поселились в новом доме. Лягушка села у очага.

По утрам парень уходил из дома, а лягушка оставалась там сидеть. Но вечером, когда парень возвращался, дом был чисто прибран и еда приготовлена.

Так продолжалось десять дней. А на десятую ночь парень вдруг проснулся, посмотрел на лягушку и подумал: «Ах, если бы я знал, кто эта лягушка?»

Не успел он так подумать, как лягушка сбросила кожу и превратилась в прекрасную девушку.

Парень быстро схватил ее кожу и хотел было бросить в огонь, но девушка сказала:

— Подожди, пожалуйста, мне до срока осталось еще три дня, повремени! — Но парень бросил кожу в огонь, и она сгорела.

Эта девушка была лучше и красивее жен старших братьев. Те стали ей завидовать, а братья горевали, что их жены хуже этой девушки. Тогда один из братьев решил погубить младшего брата. Он поехал к князю и доложил ему:

— Мой младший брат сказал, что, если ты позволишь, он приведет из лесу дикого кабана. Этот кабан украсит твой двор.

Князь вызвал к себе младшего брата и сказал:

— В таком-то лесу водится дикий кабан. Если ты приведешь его, то получишь столько золота, сколько поднимут семь мулов!

Младший брат ответил:

— Хорошо, может быть, сумею привести.

Пошел он домой, печально сел у очага и задумался. Жена, видя его печаль, стала расспрашивать. Парень ответил:

— Печалит меня вот что. Князь сказал мне, что в одном лесу есть дикий кабан. Если я приведу его князю, он даст мне столько золота, сколько поднимут семь мулов.

— Так вот что тебя печалит?! В этом я могу помочь! — подбодрила его жена.

На другой день утром она достала три ореха, отдала их мужу, потом назвала одно болото и сказала:

— Когда придешь к болоту, сядь на берегу и тряхни орехами. В это время покажется дикий кабан. Один орех отдай ему, а остальными приманивай и так возвращайся обратно. Кабан

пойдет за тобой. Ты приведи его к князю и запри там, где князь укажет.

Муж так и поступил: пошел к болоту, разыскал кабана, заманил во двор князя и загнал туда, куда он сказал.

Что князю оставалось делать? Он должен был отдать столько золота, сколько поднимут семь мулов. Князь отдал парню все это золото и еще прибавил семь слуг, но юноша их не принял. Он взял золото и пошел домой.

С тех пор он зажил еще богаче.

Старшие братья еще больше разозлились, но что им было делать? Они снова пошли к князю и доложили ему, что в таком-то месте, в горах, есть огромный олень. Если князь прикажет, то их младший брат может его поймать и живым привести князю.

Услышал это князь, позвал к себе младшего брата и, когда тот пришел, сказал ему:

— В таком-то месте есть большой олень. Сможешь ли ты живым привести его ко мне?

За это князь обещал дать золота столько, сколько поднимут десять мулов, и еще десять слуг в придачу.

Младший брат в печали вернулся домой и, понуриив голову, сел у очага.

— Что с тобой, чем ты недоволен? — опять спросила его жена.

— Так и так, — ответил муж и все ей рассказал.

— Зачем ты так грустишь? Я тебе как-нибудь помогу!

Жена дала ему кукурузный початок, указала одно место и сказала:

— Пойди в то место и ожидай. Когда придет олень, ты брось ему початок. Он нагнет голову, и тогда ты быстро сядь ему на рога. Потом увидишь, что будет.

Сказала так жена и отправила мужа в дорогу.

Он пошел и дошел до того места, сел там и стал поджидать оленя. Как жена сказала, так и случилось: пришел олень, парень отдал ему початок и, когда олень нагнул голову, сел ему на рога.

Олень сам пошел к князю.

По дороге олень страшно кричал. Так, перескакивая через заборы, он стал приближаться к князю. Князь и его жена услышали крик, вышли из дому и стали прислушиваться. В это время олень разнес княжеские ворота и подбежал к князю, а парень соскочил с оленя и стал на балконе.

Князь очень удивился. Он отдал парню обещанную награду, тот взял ее и вернулся домой.

Когда старшие братья узнали об этом, у них сердце разорвалось.

— Мы не смогли его погубить, но теперь мы его не оставим в живых,— сказали братья и опять пошли к князю.

— Наш младший брат говорит: «Князь мне ничего не сказал, а то бы я сделал золотой мост через море!»

Услышал это князь и вызвал к себе младшего брата.

— Можешь ли ты построить мост через море? — спросил князь. — Если построишь, я откажусь от своего княжества и передам его тебе. Ты мне веришь?

— Верю! — сказал парень.

Князь дал парню пятнадцать дней сроку и велел за это время выстроить мост через море.

Парень, надеясь на жену, пошел домой. Понуривав голову, он опять сел у очага. Жена стала спрашивать:

— Что с тобой случилось?

— Вот так и так,— рассказал он ей. — Что мне делать?

— О-хо-хо! Ведь я тебя просила не жечь мою лягушечью кожу! — сказала жена.

Мать этой девушки была очень ученой. Она научила дочь всему, что знала сама, но потом они поссорились. Мать прокляла дочь, и она должна была тринадцать дней носить лягушечью кожу. Вот почему девушка была в лягушечьей коже.

Потом жена сказала парню:

— Пойди к тому дереву, откуда я вышла, и постучи, тогда моя мать откроет тебе дверь. Ты ей скажи: «Я твой зять, я женат на твоей младшей дочери!»

Парень подошел к дереву и постучал. Дверь открылась. У двери стояла мать.

— Я твой зять, муж твоей младшей дочери,— назвал себя парень.

— Заходи, дорогой! — сказала теща. Она повела зятя в дом и тут заметила, что он печален. Когда же она спросила, почему он грустит, зять ответил:

— Вот так и так,— и рассказал ей, что его мучило.

— Что-нибудь сделаем, дорогой! — пообещала ему теща. Потом она отошла в угол, достала там три кольца, подала их зятю и сказала:

— Возьми эти кольца и пойди к морю. Когда придешь, взмахни рукой. Тогда через море перекинется часть моста.

Ты пойди по нему и в конце брось кольцо. Потом опять взмахни рукой — мост перекинется дальше. Ты дойди до того места, где кончится мост, и брось второе кольцо. Потом еще раз взмахни рукой. Когда мост будет готов, брось третье кольцо. Тогда он весь станет золотым.

Парень пошел к морю и сделал так, как сказала теща. Через море перекинулся золотой мост.

Когда князь увидел, что через все море переброшен золотой мост, он позвал парня и сказал ему так:

— Не я достоин быть князем, а ты!

Но младший брат ответил:

— Я не хочу быть князем. Все это я сделал назло своим старшим братьям!

34. Сказка о купеческом сыне

В одном царстве жил богатый купец. У него был единственный сын. Когда сын подрос, он по примеру отца тоже хотел сделаться купцом, но отец не пожелал, чтобы его единственный сын занялся торговлей. Поэтому он дал сыну огромное богатство и отправил за море, чтобы он там по своему желанию избрал какое-нибудь ремесло.

Поехал сын в чужую сторону и скоро обзавелся хорошим хозяйством. Все в этом царстве удивлялись доброму нраву, хорошему хозяйству и богатству сына купца. Всюду его приглашали — на большие сходы, свадьбы и поминки.

Первый раз он попал в дом, где был покойник. Когда сын купца входил, мертвеца выносили из дому хоронить. Смотрит купеческий сын и видит: несколько человек, накинув веревку на шею покойника, волочат его по земле, а другие идут следом и бьют его прутьями.

— Что за похороны, что это значит? — спросил сын купца.

Ему ответили:

— Мертвеца волочат по земле и бьют за то, что он умер, а долгов не заплатил. Он был весь в долгах, но у него ничего не осталось, чем можно было бы их уплатить. Он заслужил такие похороны!

Тогда сын купца кинулся, остановил людей, которые волокли и били покойника, тут же уплатил все его долги и похоронил с почетом.

После этого прошло много времени.

Царь этой страны устроил большой пир и пригласил на него купеческого сына. Купеческий сын сел верхом и поскакал на пир. По дороге он встретил какого-то человека с топориком в руке. Незнакомец сказал:

— Я не пушу тебя туда, куда ты едешь! — поднял топорик и стал на дороге.

Купеческий сын посчитал позором вернуться с полпути и сказал ему:

— Не позорь меня, не мешай ехать на царский пир, а за это я тебе дам столько золота и серебра, сколько ты хочешь!

Но человек с топориком не соглашался, задерживал его и не пускал дальше. Наконец после долгих споров незнакомец сказал:

— Я тебя пропущу, если ты дашь мне половину того, что сам получишь на пиру.

Сын купца не надеялся что-нибудь получить там, куда ехал, и подумал: «А если даже и получу, то это не будет таким подарком, который я пожалел бы отдать другому». Поэтому он поклялся незнакомцу, что отдаст ему половину того, что сам получит, и они вместе пошли на пир.

Там, на пиру, царевне очень понравился сын купца. Царь сказал гостю, что хочет выдать за него свою дочь.

Царевна была прекрасна, и купеческий сын с радостью согласился.

Настал вечер. Зятя и царевну послали спать в одну комнату, но человек с топориком не отставал от сына купца, забрался в ту же комнату и спрятался в углу.

Новобрачные уснули. Прошло немного времени. Вдруг изо рта царевны выползла огромная змея и хотела ужалить ее мужа, но в тот же миг человек с топориком подскочил и отрубил ей голову. Через некоторое время изо рта царевны выползла другая змея, чтобы ужалить ее мужа. Незнакомец своим топориком отрубил голову и этой змее. Потом изо рта царевны показалась третья змея, но заметила в углу человека с топориком и спряталась обратно.

Так он сторожил до утра.

Когда рассвело, все удивились, что зять остался жив и невредим.

Купеческий сын был уже десятым мужем царевны, но все девять мужей умерли в первую же ночь от укуса змеи.

На другой день царь устроил большую свадьбу, благословил дочь и зятя и отправил в путь. Человек с топориком последовал за ними.

И вот подъехали к тому месту, где купеческий сын встретил незнакомца. Тогда человек с топориком остановился и сказал:

— Теперь, если не хочешь нарушить клятву, отдай мне то, что обещал — половину полученного от царя!

— От царя я получил жену, — ответил купеческий сын, — как же мы ее разделим?

Человек с топориком не отставал. Тогда царский зять сказал:

— Хорошо, пусть одна половина жены будет твоей!

Только успел он это сказать, как человек замахнулся топориком, чтобы разрубить жену пополам. Она закричала, и в тот же миг у нее изо рта выскочила змея и упала на землю. Человек с топориком быстро отрубил змее голову. Потом он достал головы других змей, показал и промолвил:

— Теперь живите счастливо, я ничего не хочу от твоей жены!

Человек с топориком хотел уйти, но царский зять стал просить:

— Не уходи! Ты мне сделал много добра. Я хочу знать, кто ты такой?

— Я тот мертвец, которого волочили по земле и били прутьями и чьи долги ты уплатил.

Сказал это человек с топориком и бесследно исчез, а сын купца и его жена отправились домой.

Дома они устроили богатый пир и зажили так хорошо, что любившие их радовались, а не любившие — завидовали.

35. Кузнец Согум — красивая девушка

Жил один кузнец. Звали его Согум. Было ему пятьдесят, и жене его столько же. Детей у них не было.

Согум славился как хороший кузнец, и односельчане уважали его.

Как-то раз, ранним утром, Согум пошел в лес выжигать уголь — у него уголь кончился. Недалеко от того места, где Согум жег уголь, протекал родник. Этот родник назывался Хо-

лодным родником князя, потому что князь и все его соседи брали воду из этого родника.

Кончил Согум выжигать уголь и очень устал. Ему захотелось напиться и вымыть лицо и руки. Подумав немного, он подошел к роднику князя, положил мешок с углем на землю, напился, обмыл лицо и вдруг превратился в девушку-красавицу.

— Ох, что со мной случилось? — изумился кузнец, застыв на месте. И в это же самое время к роднику подошел сын того князя, чье имя носил родник. Княжеский сын хотел напиться, но, заметив красивую девушку, тут же решил взять ее в жены. Так и сделал: привел в свой дом и устроил свадьбу.

Прошло много времени, у жены княжеского сына родились три сына, и она их вырастила. Как-то раз, утром, она взяла кувшин и пошла к роднику набрать воды на то самое место, где из кузнеца превратилась в девушку. Пришла, набрала полный кувшин воды и умылась. И как только умылась — стала прекрасной кобылицей. Эту кобылицу увидел княжеский сын, тот, который женился на ней, когда она была девушкой.

— Хороша кобыла! — сказал он. — Пусть походит в моем табуне! — и пустил в свой табун. Кобыла принесла трех хороших жеребят и выкормила их. После этого она опять пошла к роднику, где из женщины превратилась в кобылицу, и напилась родниковой воды. Как только выпила родниковой воды — сейчас же стала хорошей собакой. Княжеский сын заметил собаку.

— Какая хорошая собака! — сказал он и привел собаку домой. Собака принесла трех щенят. Она их выкормила и однажды вместе с щенятами пошла к роднику, напилась воды и вдруг снова стала кузнецом Согумом. Щенки, увидев, что их мать превратилась в человека, испугались и побежали назад. Что было делать Согуму. Подивился всему, что с ним приключилось, взял приготовленный уголь — он там и лежал — и пошел домой.

Когда Согум уходил из дому, его жена вешала котел с водой, чтобы варить абысту, теперь же абыста была готова, и жена поджидала мужа, чтобы начать обед. Согум пришел домой, увидел абысту, которую жена ставила варить, когда он уходил, и удивился, что абыста так долго не испортилась.

А жена была в обиде на мужа.

— Чего ты так долго пропадал? — стала она ворчать, но Согум ничего ей не ответил, ничего не рассказал о том, что с ним случилось, только спустя немного времени проговорил:

— Снимай абысту, я есть хочу!

Жена сняла котел с абыстой, и они поели.

После того, что случилось, прошло три года. Как-то раз Согум прослышал, что одиц князь, у которого была прекрасная дочь, пообещал:

— Я выдам свою дочь замуж за того человека, который сможет своим словом вскипятить молоко в этом котле! — Князь налил большой котел молока и поставил его посреди двора.

Когда об этом прослышали юноши, они собрались к князю и начали говорить, но, сколько они ни говорили, молоко не закипало.

Согум тоже услышал об этом. Кузнец решил: «Пойду посмотрю, что будет. Закипит ли молоко, если расскажу все, что со мной случилось?»

Он собрался в путь и пошел, расспрашивая встречных, как дойти до того места, где живет князь. Вброд через реку нельзя было переправиться, поэтому Согум стал поджидать, чтобы какой-нибудь верховой перевез его на другой берег. Сидит и видит: подъезжают к реке три всадника — три юноши, которых он родил и вскормил, когда был женщиной, на трех лошадях, которых он родил и вскормил, когда был кобылицей, с тремя собаками, которых он родил и вскормил, когда сам превратился в собаку. Когда верховые подъехали ближе, Согум обрадовался, что встретил своих сыновей, — он думал, что сыновья помогут ему перебраться через реку, но юноши не узнали его. Согум приподнялся с земли и сказал:

— Добрый день!

Всадники ответили на его приветствие.

Тогда Согум попросил их:

— Переправьте меня через реку!

Но старший и средний сын ответили:

— Мы спешим, нам некогда с тобой возиться! — и проехали мимо. Тогда младший сын пожалел старика и, подъехав к нему, посадил на коня позади себя. Так они переправились через реку, а потом младший брат догнал своих братьев, и они поехали все вместе. Согум пошел следом. Но разве он мог догнать всадников? И все же он дошел до того места, куда приехали верховые — во двор князя.

Когда Согум пришел туда, все стали над ним смеяться:

— Зачем было этому старику плестись сюда? О чем он думает?

Вокруг котла с молоком стояло много народу, каждый по очереди что-то говорил, рассказывал, но молоко не кипело.

Согуму долго не давали слова. Только под вечер ему разрешили наконец говорить:

— Послушаем, что станет болтать выживший из ума старик!

Когда Согуму разрешили говорить, он начал рассказывать о том, что с ним случилось, обо всех своих превращениях. Но не успел он рассказать и половины всего, что пережил, как вдруг молоко в котле стало кипеть. Все вокруг поразилось. Народ думал, что князь теперь откажется от своих слов, но князь, увидев, что молоко закипело, сказал, обращаясь к народу:

— Я хозяин своего слова, и я сдержу его во что бы то ни стало. Как человек, плюнув, не поднимает своего плевка, так и я не откажусь от своего слова! Я рад счастьем дочери. Завтра будет свадьба, и я прошу вас всех остаться, чтобы сыграть свадьбу как следует.

После этого Согум попросил у князя разрешить ему сказать ответное слово. Князь разрешил. Тогда Согум, обратясь к народу, попросил выслушать себя и сказал:

— Князь — честный человек, он сдержал свое слово, но я, как видите, старик. Поэтому я хочу, чтобы княжеская дочь была мне не женой, а невесткой, если князь не будет против.

Согум подозвал к себе трех сыновей, указал на младшего и пожелал, чтобы князь выдал за него свою дочь. Князь согласился. Народу это очень понравилось, все стали кричать «Ура!». Потом помолились, и князь устроил большой пир.

Так сыновья Согума узнали, что их родил старик. Они очень обрадовались и устроили дома пир в честь Согума. После этого Согуму жилось превосходно.

36. Сказка о Тачкуме

Жил старик по имени Тачкум. Был он очень стар и к тому же большой трус. Он один, без своей старухи, не выходил из дому даже по нужде — старуха выводила его за руку.

Однажды, суровой зимой, в очень морозную ночь, когда снег лежал по колено, когда, как говорится, своей дохлой кошки не выбросишь на поле, старуха взяла старика за руку и вывела во двор по нужде.

Старик взглянул на небо, увидел сияющие звезды и сказал:

— Эх, в такую ночь быть бы в Ахалыцесе*! Сколько там проходит воров и грабителей — у них можно было бы отнять награбленное богатство!

Старуха услышала эти слова своего трусливого старика, ввела его в дом, одела потеплее, приготовила съестного на дорогу: положила в сумку небольшой кружок свежего сыра, насыпала немного муки, положила на всякий случай шило, потом повесила сумку через плечо, взяла его за руку, вывела за ворота, довела до большой дороги и крикнула:

— Иди куда хочешь и не показывайся больше! Ты мне надоед, надоели твои хвастливые слова. Сидишь в навозе и ничего не можешь делать! — Потом она захлопнула ворота и вернулась домой.

Испугался старик, мурашки побежали по телу, по что он мог поделать? Старик знал, что, если он вернется домой, старуха все равно не пустит в дом. Махнул рукой и пошел себе по большой дороге.

Шел, шел и наконец подошел к большой реке. Посмотрел и видит: на другом берегу реки стоит адауы. Несчастный старик совсем испугался, но что ему было делать?

Адауы закричал:

— Ничтожный старик, иди скорее, перенеси меня на свою сторону!

— Что тебе надо, адауы? Я сам хочу переправиться через реку. Иди сюда, перенеси меня на ту сторону, на что ты еще способен, старый адауы?! — неуверенно закричал старик. Голос его дрожал.

Тут адауы поднял с берега камень и так сжал, что из него потекла вода.

— Вот так же я из тебя выжму воду, ничтожный старик! — закричал адауы.

Тачкум тоже сделал вид, что поднял что-то с земли, а сам незаметно выпул из своей сумки кружок сыру и выжал из него воду.

— Вот и из тебя, старый адауы, я так выжму воду, если ты сейчас же не перенесешь меня через реку! — закричал старик.

Адауы снова схватил большой камень, сжал его в руке и превратил в песок.

— Вот так же я и тебя превращу в песок, несчастный старик, если ты меня не перенесешь на тот берег! — закричал адауы.

Старик быстро выхватил из своей сумки горсть муки, сделал вид, что поднял камень, сжал в руке муку и рассыпал ее по земле.

— Эй, старый адауы! Переходи скорей реку и перенеси меня на ту сторону, не то я так же и тебя перетру! — свирепо закричал Тачкум.

Адауы испугался, перешел реку, посадил старика на спину и понес. На середине реки адауы удивленно сказал:

— Какой ты легкий, бедный старик!

Тачкум ответил:

— Ты не замечаешь, что я держусь за небо, а то, пожалуй, ты был бы не в силах перенести меня!

Тогда адауы попросил:

— Отпусти-ка немного небо!

Старик выхватил из сумки свое шило и до отказа вонзил в спину адауы.

— Держись за небо, держись за небо! — заревел адауы.

Тачкум вытащил шило из спины, положил в сумку, и адауы успокоился.

Он перенес старика через реку, а потом сказал:

— Иди в лес, пригони ко мне всю дичь. Я поймаю, мы приготовим пищу и вместе закусим.

Для старика это было тяжелым делом, ему трудно было это исполнить, он очень боялся, но все же пошел в лес. Несколько животных испугались старика, бросились из лесу и побежали в сторону адауы. Адауы поймал их, содрал шкуры, а мясо развесил на дереве.

Немного погодя вернулся старик.

Адауы спросил его:

— Почему ты пригнал так мало зверей? Разве нам этого хватит?

Увидел Тачкум туши убитых животных, удивился, но не растерялся и ответил:

— В лесу больше не было зверей, я всех пригнал!

Адауы вскочил.

— Ты подожди меня здесь, — сказал он старику, — я пойду в лес и выгоню оттуда всю дичь, а ты ее лови.

Сказал так адауы, пошел в лес, выдернул из земли огромный дуб и начал бегать по лесу, размахивая дубом. От страшного шума все звери выскочили из лесу и побежали к тому месту, где был старик. Увидел старик, что на него бегут звери, а впереди всех — дикий кабан, испугался, ухватился за ветку и полез

па дерево — еле-еле успел спастись. Кабан разогнался, но вместо Тачкума с размаху всадил клыки в дерево и повис. А старик, сидя на дереве, заметил в дупле птичку-королька, поймал ее и спустился вниз.

Адауы вернулся из лесу, подошел к Тачкуму и спросил:

— А где же та дичь, которую я гнал из лесу в твою сторону?

— Вот все, что ты выгнал из лесу: кабана и птичку. Больше я ничего не заметил. Кабан вот на дереве висит, а птичка у меня в руке. — И старик показал птичку.

Адауы разгневался:

— Для чего ты поймал эту несчастную птичку? Она на тебя похожа! Для чего она нужна, куда же она годится?!

Но Тачкум выпустил из рук птичку и прикрикнул на адауы:

— Если ты сейчас же не поймаешь эту птичку, то сам будешь похож на нее!

Адауы постыдился старика, побежал за птичкой, но не смог ее поймать.

Тогда они взяли всю дичь и пошли в дом адауы.

Адауы занялся дичью: содрал шкуры и стал разделять туши, а старику дал большой топор и послал в лес за дровами. Старик еле-еле нес топор, да и страшно ему было в лесу. Рубить деревья он не мог, поэтому срубил несколько виноградных лоз, связал их в длину, взялся за один конец и стал связывать все ближайшие деревья. Долго он так возился.

Адауы ждал, ждал, но старик все не приходил.

Тогда адауы сам пошел в лес.

— Тачкум, что ты делаешь? Сколько времени я должен тебя ожидать? — спросил адауы.

— Я связал много деревьев и хочу все сразу перетащить домой, — ответил Тачкум.

— Буду я ждать, пока ты все деревья перетащишь! — крикнул адауы, вырвал с корнем целое дерево и пошел домой.

Там он развел большой костер, положил на огонь мясо и зажарил.

Подошло время еды. Старик сказал:

— Давай есть во дворе! — и сел тут же, у оврага.

Адауы положил перед стариком целого оленя.

— Ешь сколько хочешь! — сказал ему адауы.

Старик отрезал кусочки и ел, но всего мяса он, конечно, не мог съесть. Тогда все остальное он сбросил в овраг незаметно для адауы. Адауы же было не до старика: он увлекся своей до-

лей и с жадностью пожирал огромные куски мяса, а когда заметил, что у старика ничего не осталось, снова взял большой кусок мяса и положил перед Тачкумом. Старик и этот кусок незаметно сбросил в овраг.

После еды они сели отдохнуть в тени под деревом.

Адауы никак не мог понять: действительно ли старик так силен, или он только хитрый человек. Но все же адауы решил убить старика.

Он стал бормотать:

— Как только старик заснет, обварю его кипятком!

Старик это услышал и решил не спать. Ночью он взял бревно, завернул в бурку, положил на то место, где перед этим лежал, а сам спрятался подальше за дерево и стал подсматривать, что будет делать адауы.

Адауы принес огромный котел кипятку, облил бревно и, думая, что обварил старика, успокоился, пошел к себе и заснул.

Утром Тачкум пошел туда, где лежал адауы.

— В эту ночь мне было что-то очень жарко,— сказал старик.— Я всю ночь потел и видел плохие сны.

Адауы удивился, но ничего не ответил. Он решил погубить старика в следующую ночь: накалить вертел и вонзить в него.

И вторую ночь старик провел сидя без сна — он ожидал, что адауы снова что-нибудь сделает.

Ночью адауы вонзил в бревно, опять приняв его за старика, раскаленный вертел. Адауы решил, что старик уже мертв, пошел к себе домой и уснул.

Утром Тачкум пришел к адауы.

— Ночью на меня напали блохи,— сказал он,— кусали и не дали мне спать!

Адауы испугался: «Что это за человек? — подумал он.— Когда я обварил его кипятком, он сказал, что всю ночь потел, а когда вонзил в него раскаленный вертел, говорит, что кусали блохи!»

Вздыхнул адауы и снова стал думать, как бы все-таки уничтожить старика. А старик от этого вздоха полетел вверх, ударился о балку, схватился за нее и повис.

— Что ты там делаешь? — удивился адауы.— Зачем висишь?

— Умираю от голода. Ведь я сегодня еще ничего не ел! Вот поточу здесь свои зубы и съем тебя! — ответил Тачкум.

— Что ты? С ума сошел? Сейчас будем есть,— сказал адауы, уговорил старика и снял его с балки.

Сели есть. Старик взял кусок мяса от целого оленя, что лежал перед ним, и с трудом его съел. В доме, конечно, не было оврага, куда бы можно было сбросить остальное мясо, поэтому оно осталось лежать перед стариком.

— Что с тобой? Почему ничего не ешь? — спросил адауы.

— Надоело мне мясо дичи! — ответил старик. — Хочется попробовать мяса какого-нибудь адауы!

Услышал эти слова адауы, испугался и бросился в дремучий лес. Адауы исчез, а все его богатство и дом остались старику.

Тачкум не торопясь собрал все добро адауы, погрузил на лошадей и погнал вместе с огромным стадом к себе домой.

Удивились все такому событию, и пошла молва по всему селу, что Тачкум большой мудрец, хитрый человек. В то время в том селе говорили только о Тачкуме.

С тех пор разбогатевшие старик со старухой жили счастливо до конца своей жизни.

37. Царь и его везир

Жил один царь. У него был очень умный везир. Он прожил у царя до глубокой старости и был его правой рукой. Но когда везир состарился, он попросил царя освободить его и отпустить домой.

Царь согласился и сказал везиру, чтобы он нашел вместо себя такого же умного человека, каким был сам.

Везир согласился. Он приехал домой и подготовил старшего сына, чтобы послать его к царю.

— Не осрами меня, — сказал он сыну. — Где надо быть храбрым — будь храбр, где нужно знание — и там не отставай. Будь смелым и мужественным!

После такого наставления везир посадил сына на араша, благословил его и отправил в путь.

Сам везир вывел другого араша, сел на него, поехал напрямик по плохой дороге, перегнал сына, спрятался за камнем и устроил засаду. Он хотел испытать своего сына и увериться в его смелости.

И вот, когда сын поравнялся с камнем, везир переменял голос, чтобы его нельзя было узнать, и громко крикнул:

— Стой! Бросай оружие! Вернись обратно! — С этими словами он несколько раз выстрелил в воздух.

Парень не уступал, долго сопротивлялся, но не смог устоять: Тогда он попросил не отбирать его оружие.

— Хорошо, только перевесь свое ружье с левой стороны на правую и поезжай обратно! — закричал ему отец.

Парень перевесил ружье на правую сторону и повернул обратно.

Отец парня вернулся домой раньше его и стал ждать. Сын приехал грустный, никою ничего не сказал, пошел и сел у костра.

Все догадались, что он не смог проехать. Его брат и сестра посчитали это позором. Они решили поехать сами.

На другой день младший брат получил разрешение отца, приготовил оружие и отправился в путь.

Но отец подстерег его на дороге, поступил так же, как со старшим братом, и юноша вернулся домой.

Братьям было очень стыдно. Они сидели, опустив головы.

Сестра спрашивала их: «Что такое, что с вами случилось?» — но они ей ничего не говорили.

Тогда сестра пошла к отцу и попросила послать ее вместо братьев: она хотела узнать, что с ними случилось.

Отец разрешил ей поехать.

Сестра оделась как мужчина и отправилась в путь.

Отец поступил с ней так же, как с сыновьями: подстерег ее, закричал громким голосом и стал стрелять, но девушка не испугалась, выхватила ружье и, стреляя, погналась за ним.

Убежал отец, спрятался за камень — еле-еле успел спастись — и тогда крикнул дочери:

— Не убивай меня, я твой отец!

Он вышел из-за камня, благословил ее, показал дорогу к царю и отправил в путь.

Девушка поехала. По дороге она увидела ворота трех адауы. Девушка хлестнула плетью своего араша, он разнес ворота и въехал во двор.

Оказывается, эти ворота могли открывать только три адауы вместе. Когда сестры адауы увидели такое чудо, они очень удивились и испугались — им еще не приходилось видеть такого сильного человека.

Вернулись с охоты адауы, увидели сломанные ворота и тоже удивились. Они тайком пошли к сестрам и спросили у них:

— Что за гость приехал к нам? — Но сестры ничего не знали.

Тогда адауы пошли к гостю и спросили:

— Откуда ты и как смог открыть ворота, которые мы открываем только втроем?

Но гость не рассказал им, кто он был на самом деле.

Посоветовались адауы и сказали гостю, что хотят сделать его своим зятем. Предложили ему выбрать одну из трех сестер. Гость сделал вид, что согласился. Ночью его послали в амхару вместе со старшей сестрой.

Вошел туда гость и говорит девушке:

— Я должен ехать к одному царю. Пока не вернусь, не могу жениться, поэтому ляжем отдельно.— И они легли порознь.

На другой день старшая сестра адауы рассказала своим братьям, как с ней поступил тот, кому отдали ее в жены.

Адауы это очень опечалило.

— Может быть, старшая сестра ему не понравилась? — сказали они и на следующую ночь послали гостя в амхару со второй сестрой.

Гость поступил с ней так же, как со старшей.

На третью ночь его послали в амхару с младшей сестрой. Гость сказал ей то же, что говорил другим сестрам.

Младшая сестра адауы была вещей. Об этом даже братья не знали — она от всех скрывала.

Младшая сестра сказала тому, кому отдали ее в жены:

— Парень, я знаю, что ты не мужчина, а женщина. Но ты скоро превратишься в мужчину. Как это случится, я не знаю, только скажу тебе вот что: когда ты будешь уезжать, мои братья предложат тебе взять из табуна одного араша. Ты выбери того, который будет идти позади всех. Он самый плохой, но только он тебе поможет.

Как сказала сестра адауы, так девушка и сделала: она выбрала самого плохого араша, оседлала его и вскочила верхом. Когда она немного проехала, араш заговорил человеческим голосом.

— Держи крепче узду,— сказал он девушке,— вонзи шпоры в мой бока так, чтобы казалось, будто они сойдутся, и крикни на меня погромче!

Девушка сделала, как он сказал, араш прыгнул, взвился в небо, перевернулся брюхом вверх и так спустился вниз, на землю, но девушка осталась цела и невредима.

— Это я сделал для того, чтобы испытать тебя,— сказал араш и добавил: — Теперь отправляйся в путь!

Девушка поехала к царю.

Царь принял ее очень хорошо, но сперва решил проверить и поручил несколько трудных дел.

— За семью горами, на седьмой поляне, в одном из семи болот есть большой дикий кабан. Найди его, вынь сердце и печень и принеси мне, — велел царь девушке.

Девушка пошла к арашу и спросила его:

— Так и так, вот что мне сказал царь. Как поступить?

Араш ответил:

— Пусть царь даст тебе нож с черной ручкой, острый, как старая шашка.

Девушка попросила царя. Он дал ей этот нож, и она отправилась в путь. По дороге она совсем измучилась, но все же доехала до того места, куда хотела доехать, — на седьмой поляне из седьмого болота вылез огромный черный кабан. Он лег па поляне и заснул на три дня и три ночи. Девушка присела около него и стала разрезать ему брюхо. На третий день, перед тем как кабан должен был проснуться, девушка с трудом добралась до печепи и сердца.

Вынула девушка сердце и печень, вскочила на араша, но тут дикий кабан проснулся и погнался за ними.

Но кабан не смог догнать араша, упал на дороге и издох.

Сердце и печень черного кабана девушка привезла царю. Царь сказал ей:

— За семью морями, за семью горами есть олениха. Выдои у нее три стакана молока и принеси мне!

Девушка с трудом села на своего араша и отправилась в путь. Миновала семь морей, доехала до семи гор. Когда она добралась до последней горы, посмотрела и видит: горы сходятся и расходятся, а когда расходятся — между ними пробегает пламя. Так продолжалось без конца.

Девушка подумала, что дальше ей не пройти. Она спросила своего араша:

— Как поступить?

— Здесь опасно, но кто знает, может, мы сумеем миновать эту опасность. Не падай духом! Как только горы разойдутся, ты потяни сильнее узду, вонзи покрепче шпоры, так, чтобы казалось, будто они сойдутся, сильнее ударь плетью под брюхо, погромче крикни на меня и направь туда, — сказал араш.

Девушка сделала все так, как он сказал. Но не успела проскочить горы, как они сомкнулись и придавили задние ноги араша. Девушка не удержалась, вылетела из седла и упала на поляну.

Пошла девушка по полю и увидела какой-то город. В этом городе все окаменело. Все люди превратились в белые камни. Одни сидели, другие стояли, третьи застыли на ходу.

— Добрый день! — сказала девушка и стала посреди них.

— Добро пожаловать! — ответил один из окаменевших людей.

— Что случилось? Почему здесь все люди превратились в камни? — спросила девушка.

— Наша царица, — ответил он, — очень зла. Что она ни скажет, все сбудется. Царица разобиделась на мужа и всех людей превратила в камни. Ты сильный мужчина. Если ты напугаешь ее своим оружием, то освободишь нас. Но смотри, не давай ей говорить больше трех слов. Если она скажет больше трех слов, то мы все погибли. Не дай ей сказать четвертого слова — отруби голову!

Девушка пошла к царице и после приветствия сказала:

— Сейчас же освободи всех окаменевших людей, не то сне-су твою голову! — С этими словами девушка выхватила пашку и подскочила к царице. Испугалась царица и сказала свое первое слово:

— Пусть все оживут!

Потом она сказала второе слово:

— Пусть все женщины превратятся в мужчин!

Затем царица сказала третье слово:

— Пусть все мужчины превратятся в женщин!

Не успела царица сказать четвертого слова, как девушка снесла ей голову, и голова покатилась.

Весь народ ожил. Женщины превратились в мужчин, и эта девушка, сделавшая столько больших дел, тоже стала мужчиной, а все мужчины стали женщинами.

Превратилась девушка в парня и пошла к тому месту, где лежал ее мертвый араш. Араш уже ожил и с жадностью поедал траву. Тут же около леса стояла олениха. Парень подоил ее и с молоком вернулся обратно.

Увидел царь, какие дела сделал этот парень, признал его за очень храброго, очень умного человека, дал большую награду и сказал:

— Если хочешь, поезжай домой, но, когда ты мне понадобишься, возвращайся обратно.

Парень поехал домой. По дороге он заехал к адауы. Там он взял в жены ту, которая узнала, что он станет мужчиной; взял и двух других сестер адауы, чтобы женить своих братьев.

Когда же парень с такой славой вернулся домой, отец и братья очень обрадовались. Сыграли свадьбу. С тех пор все стали жить порознь.

38. Санта Сааджа и Сафа Сааджа

В одном государстве жил великий царь. Он был богат, но не имел детей. Царь очень горевал, что у него нет потомства. И скот, который был у царя, тоже не давал приплода.

Так царь прожил больше половины жизни. Он постоянно грустил и, когда думал о своем несчастье, не видел, что ел, не видел, что пил,— очень страдал и мучился.

Можно было сказать, что теперь царю долго не прожить на свете.

Однажды царь сидел на балконе и грустил. Вдруг видит: едет к нему какой-то человек. Царь встал навстречу, а гость, соскочив с коня, пошел к царю и говорит:

— Добрый день, хозяин!

Царь неохотно поздоровался с гостем, они уселись, но долго молчали. Тогда гость сказал царю:

— Я вижу, хозяин, или тебе мой приезд не по сердцу, или у тебя большое горе.

— Нет, как можно? — ответил царь.— Почему «не по сердцу?» Да и горя у меня никакого нет, напрасно ты сказал это слово.

Но гость не давал царю покоя:

— Расскажи! Ты должен рассказать о своем горе.

Наконец царь ответил:

— Раз ты настаиваешь, я расскажу тебе, но разве ты сможешь мне помочь?

— Помогу, не помогу — все равно, но я прошу тебя, расскажи!

— Хорошо! — согласился царь и начал:

— Я царь в этом государстве. Ты видишь, сколько у меня богатства. Я никому не завидую. Но только есть у меня одно горе и, раз пришлось говорить, расскажу тебе о нем. Моя жизнь клонится к смерти, я стою на краю могилы, но у меня нет потомства. «Когда умру, кому достанется все мое богатство?» — спрашиваю я себя постоянно и плачу. А кроме

того, мой скот никогда не дает приплода. Вот какой я несчастный!

Тогда гость спросил царя:

— Если я сделаю так, что у тебя появятся дети и твой скот станет давать приплод, как ты поступишь, что ты мне дашь?

— Чего я тебе ни дам! Полцарства отдам! — ответил царь.

— Нет, на что мне твое несчастное царство! Я прошу тебя вот о чем: когда у тебя родятся три сына и когда они вырастут, ты позови их к себе и спроси по очереди, кто из них захочет пойти ко мне. Вот о чем я тебя хотел просить.

Потом гость вынул из кармана яблоко и сказал:

— После того как я уеду, ты очисти это яблоко, разрежь его пополам и съешь вместе со своей женой, а кожицу от яблока дай попробовать скоту, который никогда не давал приплода.

Услыхав это, царь осыпал гостя невиданными почестями и, когда тот собрался уезжать, сказал ему так:

— Твои слова меня очень обрадовали. Когда мои сыновья вырастут, один из них пойдет к тебе, но как ему найти дорогу?

Гость тогда ответил:

— Знай же, что я живу по ту сторону моря. Там, где я проезжаю, остаются глубокие следы. Прощай!

Сказал так гость и уехал.

Царь сделал все, что велел ему гость: очистил яблоко, половину съел сам, другую съела его жена, а кожицу дали скоту.

Прошло немного времени, и скот стал давать приплод. Прошел год, и царица родила сына. Го́да через три-четыре у царя было уже три сына.

Раньше царь знал только одно горе, а теперь в его доме ничего, кроме радости, ты не увидел бы.

С тех пор прошло много времени. Сыновья царя выросли. Однажды царь позвал их к себе, усадил и все рассказал: как у него долгое время не было детей и кто осчастливил его. После этого царь подозвал к себе старшего сына и сказал ему:

— Так и так. Тот человек, благодаря которому вы родились, сказал мне: «Кто из твоих сыновей захочет, пусть придет ко мне!»

Но старший сын ответил царю:

— Что ты говоришь, отец, куда я уйду?! Кто он такой, тот человек, о котором ты рассказал? — и отказался идти.

Тогда царь позвал среднего сына, но и второй сын отказался.

Наконец царь позвал младшего из трех сыновей. Младший сын сказал:

— Хорошо, я поеду, но только ты снаряди меня как следует. Дай мне лошадь, седло, оружие, одежду, еду на дорогу, тогда я поеду.

Разве царю трудно было это исполнить? Он быстро снарядил сына, дал ему коня, который родился в одну ночь с юношей, созвал народ и устроил пир.

После пира царь благословил сына и отправил в путь.

Едет юноша по дороге, смотрит на выбитые следы. Дорога не кончается, а юноша не устает. Так он много времени был в пути. Наконец подъехал к морю. Дорога вела прямо в море. Юноша ударил плетью коня, конь вошел в воду, но стал тонуть. Тогда юноша повернул к берегу и слез с коня. Он не знал, что теперь делать. Ведь вернуться домой нельзя!

Так он сидел на берегу и думал. Прошло много времени, как вдруг юноша увидел, что к нему подъезжает какой-то человек верхом на муле. Поравнялся он с юношей, сказал ему:

«Добрый день!» — и, не дождавшись ответа, поехал дальше по морю, как по полю.

Юноша остолбенел, но потом пришел в себя и крикнул незнакомцу:

— Эй, всадник, выслушай меня, если можешь!

— Что тебе нужно? — отозвался тот.

— Я тоже хотел бы переехать через море, но не могу этого сделать. Посади меня перед собой и перевези!

— Хорошо! — ответил всадник. — Ты еще молод, поэтому я исполню твою просьбу.

Он вернулся на берег, посадил юношу на коня перед собой и быстро поехал по морю. Долго они ехали, но наконец переправились через море. После этого всадник свернул в сторону, а юноша пошел своей дорогой. По пути он проголодался и, увидя старую пацху, свернул к ней. В той пацхе жила одинокая старуха. Завидела она юношу и спрашивает:

— Нан, лучезарный, что тебя привело ко мне?

— Мать моя, — ответил юноша, — я пришел из-за моря и направляюсь к такому человеку, к которому пельзя не пойти.

— Сынок, не хди туда! — воскликнула старуха. — Тот, к которому ты идешь, — злой человек, он съест тебя, не оставшись в живых!

— Нет, мать моя, — сказал юноша. — Пусть живым я от

него не вернусь, но раз я решил пойти, значит, должен идти, другого выхода нет!

Потом он попросил старуху:

— Я не хотел бы тебя утруждать, но голод одолел меня, придется тебе приготовить что-нибудь подзакусить.

— Хорошо, сынок, — ответила старуха. Она вышла в сени, где стоял осел, и ударила его по спине. Осел стал мочиться. Старуха подставила котел, наполнила его доверху, принесла и повесила над огнем.

— Мать моя, что это ты делаешь? — изумился юноша. — Здесь, поблизости от твоего дома, протекает река. Если ты не можешь принести воды, я сам принесу!

А старуха в ответ:

— Я еще могу носить воду, но где ее достать, нан, если в реке живет агулшап и всех, кто приходит брать воду, пожирает?! Когда-то у меня была большая семья, но всех поел этот агулшап. Да разве только мою семью он сожрал? Всех, кто жил здесь поблизости, он уничтожил!

Тогда юноша сказал ей:

— Нан, ну-ка подай мне кувшин! — взял кувшин и пошел к реке.

Старуха кричала ему: «Не ходи!», но юноша не послушал ее, пошел, набрал полный кувшин воды и только что собрался уходить, как вдруг появился агулшап, раскрыл пасть и зарычал:

— Я проглочу тебя сейчас!

Но младший брат быстро вскинул ружье, выстрелил и убил агулшапа. Чудовище упало в воду, и вода окрасилась его кровью.

Тут собрался народ.

— Кто этот юноша, наш благодетель? — спрашивали все. Люди устроили ему большой пир. Два дня и две ночи продолжалось веселье.

После этого юноша сказал:

— Пора вам расходиться, я хочу моей матери что-то сказать.

Когда он так сказал, все разошлись, а юноша говорит старухе, у которой остановился:

— Ты уже знаешь, куда я иду, — это очень опасное место. А потому, если можешь, скажи, как лучше мне туда пройти.

— Что я знаю, несчастная, — ответила старуха. — Могу сказать тебе только одно: по дороге ты увидишь старую паццу.

Там у очага сидит безобразная старуха. Ты незаметно пророй под ней ход, выскочи впереди нее из-под земли дотронься до ее груди со словами: «С этого дня я твой сын, я в твоих руках, делай со мной что хочешь!» * Эта старуха направит тебя на верный путь.

— Благодарю тебя, старая мать моя, за то, что ты мне сказала,— ответил юноша и быстро пошел по дороге.

И вот, когда младший брат прошел такой путь, который можно пройти за неделю, он увидел старую пацху. Он тихонько подкрался и заглянул в щель. У очага сидела безобразная старуха.

Юноша по совету первой старухи стал рыть землю. Рыл, рыл, подкопался под старуху, выскочил впереди нее и, сказав нужное слово, дотронулся до ее груди, но в этот миг старуха вздохнула и вместе с воздухом наполовину проглотила юношу.

— Да падет мое горе на твою голову! — воскликнула она. — Какого куска ты меня лишил! — Старуха вытащила юношу изо рта, он отошел и сел с другой стороны очага.

Тогда старуха спросила его:

— Какое у тебя начало, какой копец, кто ты такой, зачем и куда ты идешь?

И тут младший брат рассказал ей все: как у его отца не было детей, как благодаря какому-то человеку родились дети, и еще добавил, что идет к тому человеку.

Старуха ответила:

— Не надо бы ходить тебе к этому человеку, но раз пошел, не стоит возвращаться. Всех, кто ко мне приходил, я живыми не отпускала. Но что бы со мной ни случилось, ты мне пришелся по душе. Так почему бы мне не рассказать о том человеке, о котором ты спрашиваешь?

Этот человек адауы. Вот таких людей, как ты, он заманивает к себе, а когда они ему не угодят, адауы их пожирает. У него есть семь дочерей, но нет ни одного сына. Теперь ты иди и, когда дойдешь до реки, спрячься в лесу. Туда прилетят шесть дочек адауы, превращенных в голубок. Они с шумом опустятся на землю, сбросят голубиное оперение и войдут в воду. Позже всех прилетит их старшая сестра — она никогда не бывает вместе с младшими. Старшую тебе придется ждать очень долго, смотри не усни! Старшая сестра прилетит в оперении орла. Когда она превратится в девушку, снимет свою одежду и войдет в воду, ты должен незаметно закинуть крюк и притянуть к себе ее платье. Если сумеешь украсть одежду,

тогда, может быть, с тобой впоследствии ничего не случится. Девушка выкупается, выйдет на берег и станет искать: «Где моя одежда?!» Но ты смотри, не давай ей платья — только тогда ты сумешь ее поймать. Лишь когда она скажет: «Клянусь небом и землей, я все исполню, что ты мне прикажешь, только возврати мою одежду!» — можешь отдать ей платье. После этого девушка сама направит тебя на верный путь, скажет, что надо делать. А я ничего больше не могу тебе сказать. — закончила старуха, благословила юношу и отправила в путь.

Как старуха сказала, так он и сделал: пришел к реке, вырубил большой крюк и спрятался в зарослях, где его никто не мог заметить.

Вот уже день стал клониться к вечеру. Посмотрел юноша и видит — шесть голубей прилетели на берег. Голуби превратились в девушек, девушки разделись и вошли в воду. Их красота сразила юношу. Он не знал, кто из них прекраснее, кого выбрать. Но девушки долго не оставались в воде — выкупались, надели оперение и улетели.

Теперь он стал ждать старшую сестру. Ждет, ждет, нет старшей сестры! Надоело ему ждать, он и уснул. Поспал немного, проснулся, смотрит — летит орел. Орел сел на берег, сбросил перья и превратился в девушку. Когда девушка разделась и вошла в воду, юноша своим крючком незаметно утащил ее одежду. Вот девушка искупалась, вышла на берег, мечется туда-сюда, а платья не находит. Что делать? Начала она просить:

— Кто взял мою одежду? Отдай обратно!

Но юноша, конечно, не отдал одежду, раз она попала ему в руки.

Тогда девушка поклялась:

— Клянусь небом и землей, сделаю все, что ты прикажешь, если вернешь мне мое платье!

Как только она это сказала, юноша отдал ей платье. Девушка оделась и крикнула ему:

— Что ты делаешь там, в лесу? Выходи сюда!

Юноша вышел.

— Куда идешь? — спросила тогда девушка.

Юноша рассказал ей все по порядку с начала до конца.

Тогда девушка заметила:

— Видно, ты побывал у старухи. Наверное, это она научила тебя, как поступить. Наверное, ты — настоящий герой и чего-нибудь да стоишь, иначе бы не ушел от нее цел и невредим —

ни один человек не уходил от нее живым. Теперь ты идешь к моему отцу. Девушки, что здесь купались, — мои сестры. Сегодня, пока совсем не стемнеет, ты к нам не приходи. А когда наступит ночь, ты смотри: первыми погасят свои свечи управляющие отца, потом потухнут свечи у отца и матери, затем — по одной — у моих сестер. Ты пересчитай их. Последней будет гореть свеча в моей комнате. Приходи, постучи, я открою тебе дверь, тогда мы хорошенько поговорим, а иначе мой отец погубит тебя — у него плохой нрав.

Сказала так девушка, надела орлиные перья и улетела.

Как она сказала, так юноша и сделал: пока совсем не стемнело, не пошел к ним в дом. Наступила ночь. Он подошел к дому и стал смотреть. Как девушка сказала, так и случилось: по одной стали гаснуть свечи. Юноша считал их по порядку. Наконец осталась одна свеча.

— Вот где она! — решил юноша, пришел, постучал в дверь и вошел. Когда он пришел, девушка обрадовалась и сказала:

— Завтра утром ты гостем войдешь в наш дом. Как только придешь, сейчас же мой отец велит управляющим зарезать самого большого быка. Управляющие зарежут быка, прибавят еще много всякой еды, и ты должен будешь все это съесть.

— Как я съем целого быка? Я осилю не больше одной ноги! — воскликнул юноша.

Но девушка успокоила его:

— Это не трудно. Возьми только вот этот платок и каждый раз, когда ты уже насытишься, проводи им по губам. Тогда увидишь, что с тобой будет! А ночью снова приходи ко мне, как сегодня пришел. Только нынче тебе надо будет встать еще до свету и уйти. А теперь иди туда и ложись! — и девушка уложила его в той же комнате, где спала сама.

Как она сказала, так юноша и сделал: еще не кончилась ночь, а он встал и ушел.

Утром он пришел к адауы, как будто в первый раз вошел в его дом. Хозяин позвал управляющих и говорит:

— К нам пришел гость. Он, наверное, проголодался. Приготовьте ему завтрак, да поживее!

Управляющие выбрали самого большого быка, повалили на землю и зарезали. Потом наготовили много всякой еды, заставили юношу вымыть руки и усадили за стол.

Юноша ел, ел, пока не наелся, но когда провел платком по губам, опять стал голодным: как будто он ничего и не ел. И так он делал каждый раз: когда насытится, проведет платком по

губам — и снова голоден. Юноша съел все, что положили перед ним, — ничего не оставил, все проглотил — и встал из-за стола.

Все дивились на него, а больше всех управляющие: они с ужасом глядели на гостя и говорили между собой:

— Если ему целого быка не хватает, придет время, он и нас съест! Что нам делать?

Управляющие стали горевать. Потом они пришли к адауы и сказали:

— Царь паш! В твоей стране нет ни единого дерева. Прикажи своему гостю, пусть вырастит посреди твоего двора огромное дерево. Лето придет, ты будешь отдыхать в его тени.

Адауы согласился, позвал своего гостя и сказал ему так, как советовали управляющие.

Гость ответил:

— Сделаю!

Что он мог еще сказать?

Загрустил юноша. Сел, понунив голову, и стал думать.

Стемнело. Приближалась ночь. Одна за другой стали гаснуть свечи. Когда осталась гореть только одна свеча в комнате старшей дочери адауы, которая ждала юношу, он пошел к ней. Пришел, схватился за голову и сел.

— Что с тобой случилось? Какое у тебя горе? — спросила его девушка.

— Твой отец приказал мне посреди двора вырастить большое дерево, — сказал юноша.

— Не горюй, это легко сделать!

— Разве я горевал бы, если бы мог это сделать? Не легко это! — возразил он ей.

А девушка в ответ:

— Возьми вот эту палку и завтра утром, как только встанешь, пойди и воткни ее в землю, где приказал тебе отец, а потом полей тремя кувшинами воды. Когда ты станешь поливать, придет мой отец и скажет тебе: «Да спорится твоя работа!» — но ты не отвечай, пока все три кувшина не выльешь под палку. Когда же ты окончишь поливку, ответь на приветствие. Отец рассердится, но ты скажи ему так:

— Если бы я ответил тебе, когда еще не кончил работу, твое желание не исполнилось бы.

Как девушка сказала, так юноша и сделал: встал пораньше, пошел туда, где ему приказали вырастить дерево, и воткнул палку. Но не успел юноша вылить и одного кувшина воды, как туда пришел адауы.

— Да спорится твоя работа! — сказал он.

Юноша не ответил ему. Адауы рассердился и стал ворчать, но юноша не обращал внимания. И только тогда, когда вылил еще два кувшина воды, юноша ответил:

— Рад видеть тебя!

Адауы закричал:

— Ты так загордился, что отвечать не хочешь? Считаешь для себя унижением?

Юноша возразил:

— Если бы я ответил тебе, твое желание не исполнилось бы! — и указал рукой на палку.

Но где же палка? Вместо нее стояло дерево — радость для глаз. Оно росло все выше и выше.

Увидел адауы дерево и ничего не смог сказать. Семья его и все управляющие дивились, глядя на юношу. Управляющие не знали, что теперь делать. Наконец они решили погубить юношу совсем, пришли к адауы и говорят ему так:

— Во всем твоем царстве нет ни одной церкви. Правду говоря, тебе следовало бы иметь здесь поблизости свою церковь с колокольным звоном, с попом и дьяконом!

— Но кто же это может сделать? — спросил адауы.

— Если твой гость, что живет у тебя, не сделает, больше никто не сможет сделать! — ответили управляющие.

Адауы позвал к себе гостя, сказал так, как говорили ему управляющие, и указал место для церкви.

Юноша ответил:

— Посмотрим, если смогу сделать — сделаю, но не обещаю.

Призадумался юноша, сильно призадумался.

Вечером, когда потухли все свечи, он, печальный, пришел к старшей дочери адауы.

— Что случилось, почему твой лоб нахмурен? — спросила его девушка.

— Как же мне не хмуриться, — ответил юноша, — если твой отец повелел выстроить церковь с колокольным звоном, с попом и дьяконом. Бедный я, что мне теперь делать? Смерть моя пришла!

— Не горюй! — сказала ему девушка. — Возьми эти три палки. Воткни их в землю на том месте, где отец приказал тебе выстроить церковь, и каждую палку полей тремя кувшинами воды. В это время подойдет к тебе мой отец и скажет: «Да спорится твоя работа!» — но ты не отвечай ему, пока не кончишь свою работу. Если отец спросит: «Почему ты мне не отве-

чаешь?» — ты скажи ему так: «Если бы я ответил, твое желание не исполнилось бы!» Теперь иди к себе, а завтра вечером опять приходи сюда.

На другое утро юноша поднялся на рассвете, пришел туда, где надо было строить церковь, воткнул палки, стал кувшином носить воду и поливать.

Когда он наполовину закончил поливку, адауы проснулся, пришел туда, где работал юноша, и сказал ему:

— Да спорится твоя работа,— но гость ничего не отвечал, быстро делая свое дело. Наконец он кончил и говорит хозяину:

— Рад видеть тебя!

— Ты опять не ответил мне сразу! — рассердился адауы.— Ты, видно, совсем загордился, да и в первый раз ты так со мной поступил! Э, брат, почему ты так делаешь?

А юноша говорит:

— Если бы я ответил, твое желание не исполнилось бы! — и указал рукой назад.

Оглянувшись юноша, смотрит — перед ним церковь с колоколами, а в нее входят поп, читая свою книгу, и дьякон, подпевая попу.

Как увидел это адауы, ничего не мог сказать.

Все дивились, глядя на юношу, а управляющие не знали, что бы еще придумать.

Вот настал вечер, стемнело, потухли все свечи одна за другой, кроме свечи старшей дочери адауы, которая ждала его к себе.

Юноша пришел к ней, а девушка и говорит:

— Слушай внимательно, что я тебе скажу. А скажу я тебе вот что: ты хорошо знаешь, что все, о чем ты меня просил, я исполняла. Разве было так, чтобы я хоть одно дело не выполнила? Всегда, о чем бы ты меня ни просил, я помогала тебе.

— Да, так оно и есть, только благодаря тебе я живу на свете,— ответил юноша.

Тогда девушка и говорит ему:

— Я полюбила тебя, возьми меня в жены, и уйдем отсюда!

— Разве я могу сказать «нет», если такая девушка, как ты, предложила мне свое сердце? Но ведь твой отец повесит меня!

— Об этом не печалься,— сказала девушка.— Спустись вниз, выведи из конюшни моего араша. К моему арашу привязан другой араш, ты оседлай его для себя, и мы двинемся в путь.

— Хорошо,— ответил юноша, оседлал своего араша и дал

знать девушке, что все готово. Тогда они вскочили верхом и помчались к дому юноши. Их араши делали в час по пятьсот верст.

А девушка, перед тем как двинуться в путь, взяла на дорогу проса, пшена и золы.

В эту ночь ее мать увидала во сне, что в доме случилось несчастье. Она проснулась, разбудила мужа и говорит ему:

— Этой ночью у нас, кажется, случилось несчастье. Иди посмотри, дома ли старшая дочь?

Адауы встал, разбудил своих управляющих и послал в комнату старшей дочери. Управляющие колотили-колотили в дверь, но в ответ им — ни звука. Они вернулись назад и доложили:

— Мы стучали в дверь, но в ответ не слышали ни звука.

Тогда жена адауы приказала им:

— Идите и сейчас же все разузнайте, хотя бы для этого пришлось взломать дверь!

Пришли управляющие, стали снова колотить в дверь, но никто им не открыл. Взломали дверь, но где же девушка? Управляющие вернулись и доложили, что девушки в комнате нет.

Услыхала жена адауы эти слова и закричала на мужа:

— Ах ты старый мусор! Не об этом ли я говорила тебе? Сейчас же поезжай в погоню и привези мою дочь, иначе я тебя выгоню из дому!

Адауы приказал:

— Приведите моего араша!

Ему привели сседланного коня, адауы вскочил верхом и пустился в погоню. Его араш делал по тысяче верст в час.

Молодые мчались изо всех сил, но, когда посмотрели назад, увидели, что адауы преследует их.

— Это мой отец гонится за нами! — сказала дочь адауы.

Адауы подъезжал все ближе и ближе. Тогда молодые слезли с коней, и девушка сделала так: своего араша обратила в церковь, а коня юноши — в церковную ограду; сама она стала попом, а юношу обратила в дьякона, и, читая книгу, они вошли в церковь.

Вот подъехал адауы к ограде, слез с араша и вошел в церковь.

Адауы простоял там, крестясь до тех пор, пока они не кончили читать и петь, а потом, когда кончили, спросил их:

— Не заметили вы, не проезжал ли мимо вас мужчина с женщиной?

— Как не заметить, заметили. Они ехали как раз тогда, когда

мы еще изучали азбуку. С тех пор мы не видели ни одного прохожего.

— Если так, разве я смогу их догнать?! — воскликнул адауы и повернул назад.

Но как только он уехал, девушка вернула прежний облик себе, юноше и арашам, потом девушка с юношей пустились в дорогу.

Меж тем адауы вернулся домой. Жена его спрашивает:

— Ну, что сделал, где был?

— Что я мог сделать? — ответил адауы. — Там, где я был, увидел церковь с оградой — точь-в-точь как у нас. Услыхал я, как поп и дьякон читают молитвы, и подумал: «Наверное, они знают все новости». Я пришел и спросил их, они же ответили: «Тут проезжали мужчина и женщина еще в те времена, когда мы учили азбуку, а с тех пор никто здесь не проезжал». Я подумал: «Если так, мне теперь их не догнать!» — и вернулся обратно.

Тогда жена адауы воскликнула:

— Ох и бестолковый ты! Ведь это же были они сами! Подайте скорее моего араша, я сейчас сама поеду в погоню!

Жене адауы привели коня, она вскочила на него и пустилась вслед за молодыми. Ее араш делал в час по полторы тысячи верст.

Между тем прошло немало времени. Юноша и девушка успели далеко уехать. Но все-таки жена адауы стала их наступать.

Оглянулась девушка и видит: ее мать догоняет их. Увидела ее девушка, рассыпала пшено — и позади молодых выросли неприступные горы. Пока мать пробиралась через них, молодые опять уехали далеко вперед. Все же мать снова стала их наступать. Когда молодые увидели, что она совсем близко, девушка рассыпала просо. И снова вся местность позади их стала гористой.

Пока мать перебиралась через эти горы, они успели далеко уехать, но все же мать снова стала их догонять. Когда она совсем приблизилась, девушка высыпала золу, и опять вся местность позади них покрылась неприступными горами. Пока мать перебиралась через них, молодые успели далеко уехать. Но все же мать и на этот раз стала их наступать. Когда она подъехала совсем близко, девушка сделала так: арашей превратила в бурную реку, а себя и юношу — в двух птичек, и они стали кружиться над водой.

Вот ее мать подъехала к реке и приказала своему арашу:
— Сейчас же выпей до дна всю реку, полети и поймай этих птиц!

Араш выпил всю воду, раздулся и, когда взлетел, чтобы поймать птиц, лопнул. Мать и араш полетели вниз. Мать, умирая, прокляла свою дочь такими словами:

— Обратись в лягушку и живи в воде три года!

Больше она ничего не успела сказать — умерла.

Девушка воскликнула:

— Ах ты гнилая! Если мать прокляла меня, это проклятие непременно сбудется. Но если ты настоящий мужчина, жди меня три года!

Не успела девушка сказать это, как в тот же миг превратилась в лягушку.

Юноша очень горевал, но что поделаешь? Пошел домой — дом уже был недалеко.

Когда он вернулся домой, все очень обрадовались. На радостях царь созвал свой народ и устроил пир.

Так жил младший брат день за днем, но вот, когда до срока оставалось всего три дня, он сделал ошибку — привел в свой дом жену.

Через три дня, когда исполнилось ровно три года, девушка сбросила свою лягушечью кожу и засветилась, заблестала. Но где же юноша? Нет его! Она узнала все, что случилось, и сильно горевала. Ради него девушка изменила матери и убила ее, но не печалилась об этом. А юноша не смог выждать трех лет. Это ее очень опечалило, но что она могла сделать? Что должно было случиться, то и случилось.

Девушка опять надела свою лягушечью кожу и пошла к старухе, которая жила недалеко от царского дворца. Старуха сидела у очага, когда вошла лягушка. Увидев лягушку, старуха закричала:

— Что ей здесь надо?

Она схватила ее, вынесла за дверь и выбросила, но лягушка опять появилась. Старуха снова выбросила ее, но лягушка в третий раз пришла. Пришла и села у очага. Из рта лягушки выскочило золото и упало на землю. Обрадовалась старуха, подошла и подняла золото.

— Золото или не золото, надо хорошенько разобраться! — сказала старуха и побежала в лавку. Там она накупила всего, чего хотела, и с радостью вернулась домой. Дома старуха приготовила лягушке самое хорошее место, какое только у нее нашлось.

Прошло немного времени, и старуха, которая кормилась крохами с царского стола, так поправилась, что все соседи стали ей завидовать.

Но вот однажды юноша узнал, что у старухи живет его невеста в своей лягушечьей коже. Что теперь делать? Он горел как в огне, готов был руки на себя наложить, но мог ли он что-нибудь сделать?!

Один раз, когда старуха была дома, девушка сбросила с себя лягушечью кожу, блистая, сияя, подошла к старухе и рассказала ей все, что с ней случилось.

А под конец говорит:

— Из-за этого юноши я изменила родным, а он не мог подождать трех дней, женился на другой. С тех пор как я пришла в твой дом, ты стала поправляться и будешь еще лучше жить, если пойдешь к царю и скажешь ему так: «Я ради тебя устраиваю пир. Приходи со всем семейством!» Скажи так и ни о чем не заботься — и еду и питье я беру на себя.

Старуха поверила девушке, пошла к царю и говорит ему:

— Если можно, я буду просить, чтобы ты со всем семейством пришел в мой дом. Я устрою небольшое угощение.

Царь и его семья ответили:

— Если ты стала такой, что можешь угостить человека, мы не постесняемся, придем, — и они все вместе пришли к старухе.

Пришли, а у старухи стол был так накрыт, как никогда не накрывался в доме царя. Все сели за стол и начали есть, но юноша не мог дотронуться до своей доли.

После еды гости встали и ушли, а девушка послала старуху поймать двух дроздов.

Когда старуха принесла дроздов, девушка обучила их делать все, что она хотела.

А юноша от горя света невзвидел. Целые дни он проводил, лежа под деревом.

И вот один раз девушка сказала своим дроздам:

— Летите в царский двор, сядьте на дерево, что там растет, и, когда юноша будет лежать под тем деревом, затейте драку. Подеритесь, и побежденный пусть скажет: «Как Санта Сааджа не простила измену Сафы Сааджа, так и я не прощу тебе!»

Дрозды прилетели на дерево, когда под ним лежал юноша, сели на ветку и стали драться. Один дрозд победил другого и, расправляя перышки, смотрел на него. Тогда побежденный, сидя на своем месте, сказал ему так:

— Как Санта Сааджа не простила измену Сафы Сааджа, так и я не прощу твою измену!

Дочь адауы звали Сантой Сааджа, а ее жениха, сына царя, звали Сафой Сааджа.

Юноша услышал, что сказал дрозд. Как только он услышал эти слова, он решил убить себя.

Между тем его жена тоже узнала, что у старухи живет невеста ее мужа, обращенная в лягушку, и что поэтому муж ее так печален. Жена притворилась больной и слегла.

Царь спросил, что ей поможет, и невестка ответила ему:

— У нашей соседки-старухи есть лягушка. Если вы эту лягушку не принесете, не бросите в огонь и не сожжете — я умру!

Царь приказал своим людям сбегать за лягушкой, люди сбегали и сразу вернулись с лягушкой в руках, бросили ее в огонь и сожгли, но одна косточка выскочила из огня и упала на пол. Когда подметали пол, эту косточку вместе с сором вымели за порог. Пошел дождь, косточка попала в воду и, когда очутилась в реке, обратилась в рыбку.

Юноша узнал об этом и целыми днями с утра до вечера сидел над рекой и глядел на рыбку.

Но вот жена его опять узнала, что девушка, превратившись в рыбку, плавает в реке. Она снова притворилась больной и слегла в постель.

— Что ей поможет? — спросил царь.

Невестка опять передала царю:

— Если не поймут ту рыбку, что плавает в реке, не принесут и не съедят всю, до последней косточки, — я умру!

Царь послал к реке рыбаков, те поймали рыбку и припесли. Но разве можно было съесть все косточки? Одна незаметно упала на пол, и, когда подметали, ее вымели во двор, и вдруг там, куда эту косточку бросили вместе с сором, выросло большое красивое дерево.

Царская невестка опять узнала об этом.

— Я заболела! — сказала она и слегла в постель.

Царь спросил ее:

— Что тебе поможет?

— Если не срубите то красивое дерево, которое здесь недавно выросло, и не сожжете — я умру! — ответила невестка.

Дерево срубили и сожгли, но, когда его рубили, одна щепка отлетела и упала очень далеко. Как раз в то время мимо проходила старуха, увидела хорошую щепку и принесла домой. Не прошло много времени, как щепка опять обратилась в де-

вухку. Кружась, она стала танцевать в доме. Старуха очень обрадовалась.

А жена юноши опять узнала об этом и притворилась больной, но царь не стал больше обращать на нее внимания — он очень горевал о сыне, который был всегда печален.

До сих пор царь несколько раз посылал к сыну людей, чтобы юноша через них передал, что его мучает, но сын ничего не говорил.

И царь решил:

— Я должен узнать, какое горе у моего сына!

Он сам пошел к сыну и стал его расспрашивать. Сын долго молчал, но в конце концов рассказал все, ничего не утаив:

— Помнишь, мой отец, ты послал меня к тому человеку. Мои дела были плохи, но старшая дочь адауы всегда выручала меня. — И он рассказал все, как было. — После этого мы бежали. Ее отец пустился в погоню, но ничего не смог поделать. Тогда за нами погналась ее мать, но по дороге она разбилась и, умирая, проклала дочь: «Пусть она на три года обратится в лягушку!» И девушка стала лягушкой, успев только сказать мне: «Жди меня!» Я ждал, но, как видишь, за три дня до срока я женился. Теперь прошло три года, девушка сбросила лягушечью кожу и жила у старухи. Лягушка, которую сожгли, рыбка, которую съели, дерево, которое срубили, — все это была она.

— Прекрасно! — вскричал тогда царь, выгнал невестку, а девушку, которая жила у старухи, привел в свой дом.

Потом собрал весь подвластный ему народ, рассказал все, что случилось, и устроил большой пир.

39. Хайт

Жили старик со старухой. У них был единственный сын. Когда он подрос, родители решили обучить его какому-нибудь ремеслу. Однажды старик взял сына и пошел с ним куда глаза глядят.

Так они пришли на берег моря. Мальчик, устав от длинного пути, споткнулся и упал.

— Хайт! * Какой ты бестолковый, нашел где падать — едва не свалился в море, — упрекнул его отец.

В этот миг море разверзлось, оттуда вышел человек сурового обличья и крикнул:

— Кто меня звал? Кто смел произнести мое имя?

— Тебя никто не звал, и твоего имени никто даже не знает,— ответил старик.

— Как же ты не знаешь моего имени? Не ты ли сейчас сказал «Хайт»?

— Я сказал «Хайт» от досады, что упал мой сын, а тебя я не звал,— ответил старик.

— Меня зовут Хайт,— сказал незнакомец.— А ты куда идешь, куда ведешь этого мальчика?

— Я веду сына к тому, кто бы научил его ремеслу, которым он смог бы жить,— ответил старик.

— Я знаю все науки, все ремесла,— сказал Хайт.— Оставь мне своего сына, а когда пройдет год, приходи на это место и крикни «Хайт!» Тогда ты убедишься, что твой сын постиг все премудрости.

Сказав это, он взял мальчика за руку. Море расступилось, и оба исчезли в сомкнувшихся волнах.

Старик вернулся домой, рассказал обо всем старухе.

Стали они терпеливо ждать, пока кончится год.

Пришел срок, старик отправился опять на берег моря и тут крикнул:

— Хайт!

Море расступилось. Хайт вышел на берег. Старик сказал ему:

— Прошел год с тех пор, как мой сын у тебя. Если этого времени хватило, чтобы обучить мальчика, я возьму его домой.

— Хорошо,— сказал Хайт,— а пока что пойдем ко мне!

Он повел старика на дно моря. Там они попали в роскошный дворец, какой и во сне старику не снился и ни в одной сказке не описан. Во дворе стояли в ряд двенадцать мальчиков, все сыты, мыты, в шелка разодеты. Они были так похожи друг на друга, что казались близнецами.

Старик даже не подумал, что один из мальчиков — его сын, и, полюбовавшись ими, прошел дальше.

Но вот ночью, когда старик лег спать, сын превратился в муху, залетел в открытое окно и сказал отцу:

— Завтра Хайт соберет всех нас, мальчиков, и скажет тебе: «Если узнаешь своего сына, возьми его!» Но ты не сможешь узнать меня — так мы все похожи из-за его колдовства. Знай же, что тот мальчик, кому на щеку сядет муха, буду я — твой сын.

На другой день Хайт поставил всех двенадцать мальчиков в ряд и сказал старику:

— Если ты узнаешь, который из них твой сын, я его тебе

верну, а если не узнаешь, он будет моим! Всех этих мальчиков не узнали их отцы, и они остались у меня.

Бедный старик дрожал, боясь, что не узнает своего сына. Но тут он заметил, что на щеке одного мальчика сидит муха. Старик ободрился и смело сказал:

— Вот мой сын!

Хайт догадался, что мальчик какой-то хитростью дал о себе знать отцу, но не смог раскрыть этой хитрости. Хайт понял, что мальчик усвоил чудесную науку не хуже его самого, и ему ничего не оставалось другого, как вернуть сына отцу.

Старик и мальчик вышли из моря на берег и вместе пошли домой.

Бедность изводила стариков, но мальчик стал их утешать:

— Не горюйте, я не зря пробыл целый год у Хайта! Он научил меня всему, что знал сам, да я еще о многом догадался. Поэтому он зол и готов извести меня, но если вы будете делать так, как я вам скажу, то ничего он со мной не сделает и мы будем жить спокойно, в достатке. Я превращусь в хорошую лошадь, а ты, отец, надень на меня недоуздок, поведи в город и продай, но не забудь снять недоуздок и принеси его домой. Если продашь меня с недоуздкой, мы навсегда потеряем друг друга — я не смогу вернуться к вам. Если же возьмешь его с собой, у тебя останутся деньги, а я в ту же ночь, превратившись в человека, вернусь домой. Когда ты пойдешь в город, на полдороге тебя встретит рыжий человек в красной одежде на гнедом коне. В руках у него будет красная плеть. Это Хайт. Он пристанет к тебе: «Продай мне свою лошадь, я дам тебе хорошую цену!» — но ты не отдавай, а то он меня погубит.

На другой день мальчик превратился в прекрасную гнедую лошадь, отец надел на нее недоуздок и повел в город.

По дороге его встретил рыжий всадник в красной одежде на гнедом коне. В руках он держал красную плеть.

Всадник сказал старику:

— Добрый день, да! Куда ведешь лошадь? Продай ее мне, я дам тебе столько, что тебе хватит на всю жизнь.

Но старик вспомнил слова сына и отказался продать лошадь.

В городе люди увидели прекрасную лошадь и стали предлагать за нее хорошую цену. Старик продал ее тому, кто дал больше всех, снял недоуздок и отправился восвояси.

Владелец лошади, держа ее за гриву, повел домой и поставил в конюшню. Ночью мальчик из лошади превратился в птицу и полетел к своим родителям.

Денег, что выручил отец за лошадь, хватило надолго, но когда они стали кончаться, мальчик сказал ему:

— Я превращусь в хорошую белую корову. Отведи меня в город и продай там, но, если не хочешь, чтобы мы навсегда потеряли друг друга, сними с моей шеи веревку и отнеси домой. По дороге в город ты, наверное, встретишь человека в белой одежде на буланой лошади. В руках у него будет белая плеть. Это Хайт. Но смотри, ни за что не продавай меня ему, пусть даже он сулит тебе всякие сокровища.

На другой день мальчик превратился в хорошую белую корову. Старик надел ей на шею веревку и повел в город. По дороге они встретили человека в белой одежде на буланой лошади с белой плетью в руках.

Всадник стал просить старика:

— Продай мне корову, за ценой я не постою!

Но старик не отдал коровы, а пошел в город и там продал ее и получил много денег. Вережку, что была на шее коровы, он снял и вернулся домой.

Ночью мальчик из коровы превратился в птицу и прилетел домой.

Денег, вырученных за корову, хватило надолго, но, когда они стали подходить к концу, сын сказал:

— Я превращусь в буйвола, и ты продай меня, но не забудь снять с шеи поводок. По дороге ты, наверное, встретишь черного человека в черной одежде на вороном коне. В руках он будет держать черную плеть. Это Хайт. Смотри, какую бы цену он ни давал, не продавай меня.

На другой день мальчик превратился в огромного буйвола. Старик повел его в город. По дороге они встретили черного человека в черной одежде на вороном коне. В руках у него была черная плеть.

Черный человек пристал к старику:

— Продай мне буйвола, я дам за него любую цену!

Старик отказывался, но, когда Хайт посулил ему мешок золота, он уступил буйвола да еще забыл снять поводок. Наездник подхватил поводок, дернул за него буйвола и вмиг исчез.

Хайт погнал буйвола к морю, привязал его на солнцепеке, а сам скрылся в пучине.

Буйвол мучился от зноя и жажды. Тут Хайт вернулся и стал издеваться над превращенным мальчиком:

— Ну как, хорошо тебе? Ты ведь больше меня знаешь, почему же не оборвешь поводка и не уйдешь?

Мальчик с трудом ответил:

— Дай мне напиться, а потом делай со мной что хочешь. Я должен быть наказан, потому что вздумал тягаться с тобой.

— То-то! — сказал Хайт и снял с него поводок. Но буйвол кинулся в море и превратился в рыбу. Хайт сейчас же стал бакланом и погнался за ней. Но мальчик, превратившись из рыбы в голубя, взвился ввысь. Хайт стал ястребом и погнался за ним. Голубь превратился в красное яблоко и упал на колени княжеской дочери — она сидела на балконе и вышивала. Тогда Хайт превратился в нож и упал рядом с яблоком.

Княжна не знала, что делать. Сперва она хотела спрятать яблоко, потом заметила нож и решила: «Это какой-то добрый дух прислал мне яблоко и нож, наверное, для того, чтобы я разрежала его и съела». Но едва девушка собралась разрезать яблоко, как оно превратилось в пшено и рассыпалось у ее ног. А нож превратился в курицу и стал клевать пшено. Когда же осталось только одно зернышко, оно превратилось в иглу. Курица стала ниткой и вделась в ушко иглы. Тогда игла бросилась в огонь, и нитка сгорела. Так погиб Хайт.

Потом иголка выскочила из огня и стала прекрасным юношей. Это очень удивило княжескую дочь.

Юноша рассказал ей все, что с ним случилось. Княжна вскоре полюбила юношу и вышла за него замуж.

Родители девушки устроили свадьбу. Юноша остался у князя. Мать и отца он взял к себе, и они счастливо жили до самой смерти. Все у них было, только птичьего молока не хватало.

40. Старик и птичка

Лаку, лаку, шел я — жили старик со старухой. Было им лет восемьдесят или девяносто. Детей у них не было, и они жили одни в своем старом доме. Когда-то у них было немного земли, но и ту князья и дворяне отняли у них — остались старики совсем без земли.

Неподалеку от них был большой лес. Старик решил выкорчевать часть леса, чтобы засеять пашню — другого выхода не было.

И вот однажды старик наточил свой топор и пошел рубить лес.

В полдень старуха жена принесла пшеничный чурек. Старик поел, запил водой и снова принялся за работу. Целый день работал старик, даже не присел ни разу, а освободил от леса столько места, сколько займет одна лежащая корова.

Вечером, когда совсем стемнело, старик вернулся домой. Там он бросил топор на землю и сказал: «Ох, устал!» Потом он пошел и сел.

— Много ли вырубил? — спросила его старуха. Она сидела у огня и готовила фасоль.

— Что я в силах сделать? — ответил старик. — Едва-едва очистил такое место, которое займет лежащая корова! — И несчастный старик, согнувшись, прилег на скамью.

— Ты устал, — сказала старуха. — Съешь немного горячей фасоли, это освежит твое сердце! — Она подала ему полную миску. Старик поел фасоли и лег, с горечью думая о своей завтрашней работе.

Когда же наступил рассвет, старик поднялся и пошел на работу. Пришел, смотрит — а там, где он расчистил столько места, сколько займет одна лежащая корова, расчищена вся земля. Увидел это старик, обрадовался и вернулся к своей старухе.

— Старуха! — сказал он ей. — Видно, бог заметил нашу бедность. Пошел я туда, гляжу — вся земля уже расчищена! Неси наши семена — пойдем сеять!

Старуха обрадовалась, принесла семена, старик взял свой деревянный крюк *, и они пошли сеять. Целый день проработали старики, даже не присели ни разу, а засеяли такой клочок, какой займет одна лежащая корова.

Вечером, радостные, они вернулись домой, поставили на огонь свою фасоль, подогрели, потом съели ее и легли спать, чтобы завтра рано утром опять пойти сеять хлеб.

На другой день они встали пораньше и пошли на пашню. Пришли, смотрят — вся их земля уже засеяна. Очень обрадовались старики и сказали:

— Пусть мы будем жертвой золотой ступни его! Видно, бог смилостивился над нами, заметив нашу бедность!

Обрадованные старики вернулись домой, но каждый второй день ходили смотреть свои посевы.

Так подошло время хлебной жатвы. Как-то утром старики взяли свои ножи и пошли на поле, но когда они туда пришли, то увидели, что все поле, кроме небольшого места, на котором может лечь одна корова, было сжато и убрано.

— Что же нам делать? — заплакали старики. Они побрели

по полю. Когда старик шел так и плакал, он споткнулся о маленький гнилой пень, упал вниз лицом и вдруг почувствовал, что ему под руку попалась маленькая птичка. Старик поймал ее. Что ему оставалось делать? Он принес птичку домой, накиннул ей на шейку веревку, сел на точильный камень и принялся точить свой нож.

Птичка стала рваться, но разве она могла уйти? Она была привязана. Почуяла птичка, что ей не уйти, и спросила старика:

— Зачем ты точишь свой нож? Что ты будешь им делать?

Старик ответил:

— Этот нож я точу для тебя. Ты съела и забрала себе весь мой хлеб, я должен тебя убить!

— Ах ты гнилой! — воскликнула птичка. — Не убивай меня! Если ты меня отпустишь, я дам тебе то, что прокормит тебя всю твою жизнь. Иди за мной!

— Пойду, что бы со мной ни случилось! — сказал старик, отвязал птичку и пошел за ней.

Птичка перелетала с места на место, наконец села на камень, встряхнулась и обратилась в человека. Человек пожал руку старику и сказал ему: «Добро пожаловать!» Потом он приподнял камень. Под камнем был спуск. Старик полез вниз, человек — за ним. Они пошли и пришли к одному дому. Из дома вышло много народу — это были братья и сестры, отец и мать того человека.

— Добро пожаловать! — сказали они старику.

— Этот старик избавил меня от смерти! — говорил человек, знакомя его с родными.

Все обрадовались, устроили пиршество, а на прощание подарили старику маленькую худую лошаденку.

Старик взял подаренную лошадь и пошел домой.

Лошадь была так худа и слаба, что ехать на ней было невозможно — старик вел ее на поводу. Долгое время простояла эта кляча во дворе старика, не издыхая и не поправляясь.

Видит старик, что от нее нечего ждать пользы, и порешил опять пойти к своим знакомым, которые подарили ему лошадь. Пришел старик к знакомым, они очень обрадовались и устроили в честь его пир, а на прощание опять дали подарок — старое ведро, даже без дна.

Старик принес его домой, бросил в угол, там оно и валялось. Кому такое ведро нужно?

Удивился старик, почему такие никудышные вещи дарили ему так торжественно, и решил снова пойти к своим знакомым.

Когда он пришел к ним, знакомые опять устроили пир, а на прощание сказали абхазское слово * и подарили ему сырую ольховую палку. Старик взял ее, как и другие подарки, и направился домой. До камня его проводил тот человек, который был птичкой. (Он породнился со стариком.) Старик шел задумчиво. Заметил провожатый эту задумчивость и спросил:

— Что с тобой случилось? Почему ты грустный? О чем задумался?

Старик ответил:

— Я бедный крестьянин. Кто-то собрал мой хлеб и взял себе. Когда я искал вора — поймал тебя. Ты пообещал мне дать то, что сможет всю жизнь прокормить меня, но ничего мне не дал, да и хлеба своего я не получил. Правда, раза два-три ты устраивал ради меня пиршества, дарил подарки, но я не вижу в них пользы. Первый раз ты дал мне худую клячу — она до сих пор стоит на моем дворе, не издыхая и не поправляясь. Потом ты дал старое ведро — оно тоже валяется в углу. А теперь подарил сырую ольховую палку. Да у меня самого таких палок сколько угодно! Я не знаю, на что мне нужны все эти вещи. Вот об этом и думаю.

— Если так, то мне легко тебе ответить. Ничего бесполезного я тебе не давал. Пригодится и худая лошадь. Если ты ее возьмешь за гриву и станешь трясти — она навалит серебра и золота. Если же возьмешь старое ведро, о котором ты говорил, и, держа за ручку, встряхнешь его — накроется стол. За этим столом смогут насытиться столько человек, сколько ты захочешь. А сырая ольховая палка пригодится тебе вот на что: если на тебя нападут сто человек и станут избивать, ты скажи: «А ну-ка, моя сырая ольховая палка, сейчас ты будешь мне нужна!» — и, как только это скажешь, она избьет всех до полусмерти.

Услышал это старик, обрадовался, поспешил домой, схватил в углу ведро и приготовил стол — старика больше всего мучил голод.

Уселись муж и жена за стол и вдоволь наелись. Потом старик вскочил, вышел во двор к своей худой кляче, схватил за гриву и потряс, и лошадь навалила так много золота и серебра, что оно покрыло всю траву.

С тех пор стало у старика всего вдоволь. Он завел большое хозяйство, купил скот, сделался богатым человеком.

Прошло много времени. Какой-то князь услышал об этом старике и велел ему явиться, но для чего — не сказал.

Старик, конечно, не пошел.

— Если я ему нужен, пусть сам ко мне придет! — ответил он посланцу князя.

Князь очень рассердился, посчитал себя оскорбленным и вот однажды с сотней своих людей явился к старику.

— А, добро пожаловать! — сказал старик, повел гостей и усадил в тени. Потом он встряхнул старым ведром и приготовил стол на сто человек. Вина и водки было сколько угодно. Старик усадил всех за стол. Когда князь и его товарищи наелись, князь спросил:

— Откуда у тебя такое богатство?

Вместо ответа старик взял стоящую рядом с ним старую клячу, повернул ее задом к князю и стал трясти. Лошадь засыпала князя золотом и серебром.

— Бейте его! — закричал оскорбленный князь. Он приказал своим товарищам поймать старика и убить. Старика поймали, повалили, но только собрались убивать, как он закричал:

— А ну-ка, моя сырая ольховая палка, сейчас ты мне будешь нужна! — В тот же миг ольховая палка очутилась среди нападавших и принялась избивать их до полусмерти, а бедный старик, придя в себя, побежал в дом.

С тех пор ни один князь не осмеливался и близко подойти к старику — уж очень все его боялись!

Так на старости лет старик нашел счастливую жизнь, и такой жизнью он прожил до самой смерти.

41. Два брата

У одного князя было два сына. После смерти отца сыновья долго жили вместе, но потом решили разделиться. Они разделили все имущество, кроме жернова и ковра. Когда дошли до них, братья поспорили, потому что, если жернов покрутить вправо, он давал всевозможные яства, а если влево — давал золота столько, сколько хочешь. А ковер, если скажешь ему: «Ковер, готовься!» — поднимался и нес куда захочешь.

В то время, когда братья спорили из-за жернова и ковра, мимо проходил умный человек.

— О чем спорите? — спросил он.

— Спорим из-за жернова и ковра.

— Почему же вы их не поделите?

— Не можем поделить, потому что, если жернов покрутить вправо, он дает всевозможные яства, а если влево — золота столько, сколько хочешь. Ковер же понесет туда, куда скажешь.

— Я вас примирю, — сказал прохожий, — только идите и станьте подальше, но так, чтобы слышали мой голос.

— Хорошо, — сказали братья, отошли подальше и стали.

Тогда прохожий поднял жернов, положил его на ковер, стал сам туда же и сказал: «Ковер, готовься!» Ковер полетел.

Пролетая мимо братьев, прохожий крикнул:

— Прощайте! Я взял ваш ковер и жернов. Теперь вам не о чем спорить!

42. Хянчук, сын Лагу

Жил на свете прославленный герой, крестьянин Лагу.

В грабеже и воровстве никто не мог с ним сравниться; нрав у него был очень жестокий. Нигде никакой силач не мог его превзойти. Если раздавался клич «Хай!», никто скорее Лагу не откликался, он всегда был впереди. Слава о его геройстве разнеслась повсюду — не было поселка, где бы его не знали.

У этого Лагу было три сына: Мака, Мажв и Хянчук. Мака и Мажв были героями, любили странствовать, а Хянчук был пастухом и только и делал, что пас коров, — больше ничему его не учили.

Так жили они все вместе, но вот отец их, Лагу, заболел, и не было надежды, что он поправится. Перед смертью Лагу позвал своих трех сыновей и сказал им так:

— Сыновья мои, я умираю. Но вы после моей смерти смотрите не оплошайте, не уроните чести своего отца. В первую же ночь после того, как похороните меня, ты, Мака, как самый старший, охраняй мою могилу, на вторую ночь ты, Мажв, покарауль меня, а на третью ночь ты, Хянчук. Вы все трое получите там свое счастье.

Сказал так Лагу и умер.

Сыновья назначили день для похорон, разослали всадников к родным и знакомым, чтобы те могли проводить покойника, и похоронили его.

В первую ночь должен был сторожить могилу отца Мака, но разве он пойдет?

Видит Хянчкут, что старший брат не собирается идти на могилу, подошел к нему и спрашивает:

— Ты куда собрался? Разве ты позабыл, что сказал наш отец? Разве не пойдешь охранять его могилу?

А Мака ему в ответ:

— Ты, Хянчкут, только и можешь что пасти своих коров. Оказывается, кроме этого, ты ничего не смыслишь: умирая, человек был в жару и что-то там сказал, неужели из-за этого я должен промучиться целую ночь?

— Хорошо, не ходи! — сказал Хянчкут. Но как только Мака сел на коня и уехал со двора, Хянчкут зарезал каплуна, изжарил его, наготовил всякой еды и пошел на могилу отца. Там он накрыл стол и устроил поминки.

Около могилы с северной стороны рос большой дуб. Хянчкут повесил на этом дубе аркан из толстой веревки, а сам спрятался поблизости.

Вот настала полночь. Ровно в полночь к подножию дуба спустилась черная туча, и из нее вышел араш вороной масти. Когда он пошел к могиле, то попал головой в аркан. Бился, бился араш, но разве он мог освободиться? Так и остался. Когда же Хянчкут подошел к нему, араш взмолился:

— Отпусти меня на этот раз, а потом, когда захочешь, я буду готов служить тебе!

Хянчкут ничего не ответил коню — молча подошел и отвязал его.

— Спасибо, Хянчкут! — сказал тогда араш. — За это я в другой раз сделаю тебе добро. Если будет у тебя в чем-нибудь нужда, приходи к шелковице. Как придешь, крикни: «Вороной араш!» — и ударь три раза плетью по стволу дерева — тогда я предстану перед тобой.

Сказал так араш и пропал неизвестно куда.

К этому времени стало светать, когда же совсем развиднелось, Хянчкут пришел домой и выгнал коров в лес, на пастбище. А к вечеру, в то время, когда обычно распрягают быков, он пригнал стадо обратно домой.

Этой ночью охранять могилу должен был средний брат, Мажв, но Мажв не пошел, говоря:

— Отец наш был в жару и что-то там сказал. Не пойду! — и ушел куда-то в другое место.

В тот вечер Хянчкут опять зарезал каплуна, наготовил еды, взял все это и пошел на могилу отца устраивать поминки. На дубе он снова повесил аркан.

В полночь к подножию дуба спустилась туча, красная, как искра. Из тучи вышел араш такой же огненной масти и пошел к могиле, но на пути попал головой в аркан. Как ни старался араш, не смог освободиться. Когда же к нему подошел Хянчкунт, араш взмолился:

— Если ты создан богом, отпусти меня этой ночью. А в другой раз, когда ни захочешь, я всегда буду наготове. Если случится с тобой какая-нибудь беда, приходи к шелковице, ударь три раза плетью и крикни: «Гнедой араш!» — и я предстану перед тобой.

Хянчкунт поверил арашу, снял с него аркан и отпустил, а сам вернулся домой.

На следующую ночь настала очередь Хянчкута охранять могилу.

Хянчкунт, ничего никому не сказав, зарезал каплуна, набрал еды и пошел на могилу отца устраивать поминки. Там он повесил свой аркан и притаился.

Вот наступила полночь, но Хянчкунт ничего не увидел и сидел по-прежнему. Вдруг, когда стало светать, белая туча спустилась к подножию дуба, на глазах Хянчкута из нее вышел белый большой араш и направился к могиле, но на пути попал головой в аркан, приготовленный Хянчкунтом, и стал. Как ни бился араш, не смог разорвать аркана. Тут Хянчкунт вскочил на ноги и подошел к коню.

Араш сказал:

— Хай, этой ночью я ничем не могу тебе помочь, отпусти меня! Но в другой раз я буду наготове, и, если у тебя появится нужда в чем-нибудь, приходи к шелковице, стукни по ней три раза своей плетью, крикни: «Белый араш!» — и я тут же предстану перед тобой.

Хянчкунт не перечил, снял с араша аркан и отпустил его, а сам вернулся домой.

Хянчкунт был пастухом, пас коров. Все считали его глупцом, и никто, даже братья, не знали о его геройстве.

Вот жили они так, как вдруг повсюду разнеслась весть, что один царь отдаст свою дочь в жены тому, кто, проджигитовав, подпрыгнет до большого каменного дворца, на верху которого сидит царевна, и вручит ей свадебные подарки.

Все, кто услышал об этом и мог ехать, поехали к царю, даже тыпха-лпа дома не остались. В царском дворе собралось множество народа, все джигитовали, скакали, но никто не смог подскочить до верха дворца.

Там же были Мака и Мажв: они тоже скакали, но ничего не могли поделывать — напрасно только ездили каждый день.

Такие сборища продолжались непрерывно целый месяц, но никто не смог достать до царской дочери.

Хянчук тоже знал, по рассказам людей, что там делается, но все-таки нарочно спросил своих братьев:

— Куда это вы каждый день вот уже целый месяц ездите и почему возвращаетесь домой печальными?

А братья в ответ:

— Не твое дело, ты лучше смотри, чтобы волк не задрал твоих коров!

Хянчук ничего не ответил, но на следующий день, когда братья сели на коней и уехали, он взял свою плетку и пошел к шелковице. Пришел, размахнулся плетью, крикнул: «Вороной араш, вот сегодня ты мне нужен!» — и ударил три раза своей плетью по шелковице. И тут же перед ним появился араш.

— Хай! Что тебе надо, какая у тебя нужда? — спросил конь.

— Что надо? А вот что: царская дочка сидит на вершине дворца, и, говорят, кто сможет до нее подскочить, тот и получит ее в жены! — ответил Хянчук.

— Если так, полезай в мое левое ухо и выходи через правое, — сказал ему араш.

Хянчук так и сделал: полез в левое ухо коня и, когда вышел из правого уха, весь, с ног до головы, оказался одетым в черное. Черная черкеска и архалук так шли ему, что никто не смог бы его узнать, но всякий, кто увидел бы Хянчукута, пожелал бы стать его другом.

— Теперь садись на меня верхом! — сказал араш, и, когда он так сказал, Хянчук вскочил на него. «Чоу!» — воскликнул он, араш взлетел вверх и понес Хянчукута. Снизу араш казался маленькой вороной.

Летели, летели, пока не поравнялись с братьями. Араш проскочил между братьями Хянчукута так, что они чуть было не слетели с седел, и влетел в царский двор. Весь народ, что собрался там, с удивлением глядел на Хянчукута. А он, раздвинув людей, принялся джигитовать так, что следы его коня стали видны повсюду. Наконец араш спросил Хянчукута:

— Ну, а теперь что я должен сделать?

Хянчук ответил:

— Теперь подскочи к царевне так, чтобы до нее осталась только сажень, после этого спустись вниз, затапчуй и выскочи со двора. Пусть весь народ удивится.

Сказано — сделано: араш подскочил вверх, так что до деревьев осталась только сажень, потом спустился вниз и, разогнав народ, затанцевал и выскочил со двора.

После Хянчкута в тот день никто не стал джигитовать, и народ разошелся. А Хянчкут вернулся к шелковице, влез в правое ухо своего коня, вылез через левое, опять оказался в пастушеской одежде и вернулся домой.

Ночью приехали братья. Печальные, они вошли в дом и сели.

— Где вы были, почему такие печальные? — опять спросил их Хянчкут.

— Не можешь ли ты заткнуть свою глотку? Какое тебе дело?! — закричали братья и принялись ругать Хянчкута.

На следующий день Мака и Мажв снова уехали, а Хянчкут взял свою плетть и пошел к шелковице. Пришел, размахнулся плетью, крикнул: «Гнедой араш!» — ударил по шелковице три раза, и в тот же миг перед ним появился гнедой араш:

— Хай, какая у тебя нужда? — спросил он Хянчкута.

Хянчкут рассказал все.

— Если так, полезай в мое левое ухо и выходи через правое! — ответил араш.

Хянчкут так и сделал: влез в левое ухо и вышел через правое, весь с ног до головы, одетый под масть коня. Все на нем — и черкеска, и архалук, и кинжал — было красным.

— Теперь садись на меня верхом! — сказал араш.

Хянчкут вскочил на араша и помчался по большому полю. Конь и всадник походили на пламя.

По дороге Хянчкут догнал своих братьев, как стрела проскочил между ними и в полдень очутился в царском дворе.

Во дворе царя было столько народу, сколько травы в поле. Люди стояли, не зная, что произошло, не зная куда деться, а Хянчкут начал джигитовать. Следы от копыт его араша были такой глубины, как русло реки. Три раза он объехал двор, и наконец араш спросил его:

— Ну, а теперь что мне делать?

— Теперь подскочи к девушке так, чтобы до нее оставался только аршин. Наверное, царевна наклонится, но ты не дай ей коснуться меня, спускайся вниз. Потом проджигитуй и сразу скачи со двора! — ответил Хянчкут.

Как только араш услышал эти слова, он подпрыгнул туда, где сидела царская дочь на шелковой подстилке. Царевне очень поправился всадник, и она быстро наклонилась, чтобы коснуться его, но не смогла этого сделать — араш спустился вниз, по-

вернулся раза два-три, прошелся взад-вперед и как молния выскочил со двора.

Народ поразился. Все с удивлением глядели ему вслед. В тот день уже никто не стал джигитовать — все, удивленные, разошлись по домам.

Между тем Хянчкут подъехал к дубу, оделся снова в свою пастушескую одежду, пришел домой и сел.

Вскоре вернулись братья. Они не знали, что им делать.

А на следующий день Мака и Мажв опять уехали. Хянчкут поел, выгнал свое стадо на пастбище, когда же солнышко поднялось выше, взял плетень и пошел к дубу. Там он сказал: «Вот сейчас ты мне будешь нужен, белый араш!» — взмахнул плетью, ударил три раза по шелковице, и в тот же миг перед ним предстал белый араш:

— Хай, какая у тебя нужда, я готов! — сказал он.

Хянчкут ответил:

— Вот уже два месяца, как во двор царя собирается народ, но еще никто не смог вручить царевне свадебные подарки. Сегодня я должен быть там.

А белый араш ему в ответ:

— Ничего не бойся. Влезай в мое левое ухо и выходи через правое.

Хянчкут так и сделал. Когда же он вышел через правое ухо, то весь, с ног до головы, был одет в белое.

— Теперь иди садись на меня! — сказал араш.

Хянчкут, белый, как сыр, вскочил на араша, крикнул «Чоу!», прищипорил коня и полетел стрелой. Конь и всадник сияли, как цветок.

Вот Хянчкут догнал своих братьев, стрелой пролетел между ними и примчался в царский двор. Облик Хянчкута был чудесный. Весь народ стал молиться на него. Сам царь испугался, не зная, что делать. Он взмолился: «Боже, смилуйся надо мной!» Потом сказал:

— За эти три дня приезжали трое не похожих друг на друга всадников. Наверное, их бог послал.

И царь, помолясь, поцеловал землю.

А Хянчкут снова джигитовал, теперь уже на белом араше. Белый араш был лучше вороного и гнедого, а Хянчкут стал удивительно прекрасным.

Араш проскакал взад-вперед, потом остановился и спрашивает:

— Что мне теперь делать?

— Теперь, если можешь, подпрыгни и подвези меня прямо к царевне, — ответил Хянчкун.

Поговорили они так между собой, Хянчкун крикнул громким голосом и пустил коня. Араш подпрыгнул и сразу очутился на верху дворца, где сидела царевна, подскочил к ней, а Хянчкун быстро подал девушке свадебные подарки, взял у нее кольцо, снова крикнул коню, и араш, спрыгнув вниз, проджигитовал и, сияя как жемчуг, умчался со двора.

После этого все, кто там собрался, скучные, разошлось по домам.

А Хянчкун снова подъехал к шелковице, снова оделся в пастушескую одежду и так пошел домой.

После этого все люди успокоились — царскую дочь уже просватали.

Но вот прошел месяц, а жених не приезжал за царевной. Царь не знал, что делать, как найти своего зятя. Тогда он послал к дочери человека, чтобы тот расспросил: «Что сказал жених насчет срока?»

Дочь ответила:

— Он мне ничего о сроке свадьбы не говорил, но, если я его увижу, сразу узнаю. Собери свой народ!

Царь так и сделал: разослал своих слуг собрать весь народ. Всех, кто считался порядочным человеком, царь поставил в один ряд и послал свою дочь отыскивать того, кто ее просватал, но царская дочь не нашла жениха.

На другой день царь снова разослал слуг собирать народ, чтобы пришли все, до единого человека. На этот раз собрались все подвластные царю, и Хянчкун тоже пришел, одетый в пастушескую одежду, в своей старой порыжевшей бурке. Пришел и стал позади всех.

Вот царская дочь стала ходить среди людей, разыскивать жениха. Так подошла она к Хянчкуну, увидела свое блестящее кольцо, взяла Хянчкута за руку, вывела в той самой порыжевшей бурке и говорит отцу:

— Вот, царь, тот человек, который просватал меня, вот твой зять!

Не понравилось это царю — стыдно было перед своим народом, но что он мог поделать? Каким бы ни был жених, царь теперь должен был отдать ему свою дочь.

Царь так и сделал: выдал дочь замуж за Хянчкута и поселил их под кукурузником, крытым папоротником, а вместо кровати дал им плетенку из хвороста.

С тех пор царь считал свою дочь как бы мертвой и никогда не виделся с ней. Ее старшие сестры тоже были замужем — царь признавал зятьями только их мужей.

Жили они так, жили, и вдруг царь заболел: его стала мучить страшная головная боль. Днем и ночью зятя ездили, искали такое лекарство, чтобы успокоить боль, но не могли найти.

Между тем Хянчкун никогда не ложился спать на плетенку — он спал на земле, перед очагом. И вот как-то раз он сказал:

— Я тоже поеду разыскивать лекарство для царя! — и послал к нему человека, чтобы царь дал лошадь. Человек пришел и доложил царю, но царь воскликнул:

— Отдайте ему самую скверную клячу! Ведь я из-за него хвораю! Может, он где-нибудь там погибнет!

Так и сделали: нашли самую паршивую лошаденку, совсем худую клячу, оседлали самым плохим седлом и посадили Хянчкунта.

Сел Хянчкун на клячу — смешным сделался. Стал он ездить по двору взад-вперед в своей рыжей бурке, а народ над ним хочет, свистит, кричит.

Наконец Хянчкун уехал. По дороге он завернул к одному знакомому человеку, оставил ему свою худую клячу и сказал:

— До моего возвращения так корми эту лошадь, чтобы она стала жирной!

Потом Хянчкун вызвал вороного араша и говорит ему:

— У моего тестя страшно болит голова, потому-то я тебя и вызвал.

— Не бойся, Хянчкун, — ответил араш, — этому горю легко помочь. Посреди моря лежит агулшап. Его спина торчит над водой. Вот в этом агулшапе и заключено лекарство от головной боли. Я отвезу тебя в то место, и, когда приедем, ты ударь меня по правому боку так, чтобы с него слезла кожа, а я тогда так ударю агулшапа, что он распадется на две половины. Ты же скорее хватай свою шашку и руби всех живых и неживых, кто выскочит из агулшапа, а то, что упадет в воду, хватай скорее.

Как только араш сказал это, Хянчкун вскочил на него и помчался к берегу моря. Прискакав к морю, Хянчкун хлестнул араша плетью так, что с него слезла кожа. Тогда араш полетел как пуля, подскочил к агулшапу и одним ударом разорвал его на две части. В этот миг из агулшапа выскочила косуля. Хянчкун быстро ударил ее по спине своей шашкой и разрубил пополам. Когда разрубил, из живота косули выскочил заяц. Хянчкун

взмахнул пашкой и разрубил этого зайца. Из зайца выпал маленький ларчик и стал падать в море. Хянчкут сразу подхватил этот ларчик и направился к берегу.

Тогда вороной араш сказал ему:

— В этом ларце сидит воробей. Его мозг и есть лекарство от головной боли.

Хянчкут отрезал воробью голову, вынул оттуда мозг, положил его себе в газырь черкески и поехал домой. Проезжая через большой лес, он увидел место для отдыха. Хянчкут соскочил с араша, привязал его и сел отдохнуть. Вдруг посмотрел и видит: идут два царских зятя. Зятя не узнали Хянчкута. Не решаясь подойти к нему, они прошли мимо. Но в это время Хянчкут позвал их:

— Идите сюда!

Зятя подошли, робея. «Что он нам скажет?» — думали они.

А Хянчкут спрашивает:

— Где вы были, что ищете?

— У нашего тестя болит голова, — ответили царские зятя. — Мы ищем лекарство от боли, но вот уже прошло полтора месяца, а мы не нашли ничего, чем можно было бы помочь царю.

— А, вот как! — проговорил Хянчкут. — Ну, а если кто-нибудь достанет такое лекарство, что вы сможете ему дать за это?

— Чего мы не дадим такому человеку? Все отдадим, — ответили зятя.

Тогда Хянчкут сказал:

— Я вам дам лекарство, но взамен вы оба отрежьте свои указательные пальцы и дайте мне.

— Хай, как же нам не дать своих пальцев! — воскликнули зятя, быстро отрезали указательные пальцы и отдали Хянчкуту.

После этого Хянчкут сказал:

— Возьмите! — и, вынув из своего газыря воробьиный мозг, отдал им.

Зятя взяли мозг, вернулись к царю, смазали ему голову этим лекарством, и боль сразу прошла.

А Хянчкут на другой день отпустил араша, надел пастушескую одежду и пришел туда, где оставил свою клячу. Она уже поправилась, стала жирной. Хянчкут сел верхом и приехал в царский двор. Увидя его, одни закричали:

— Хянчкут живым вернулся!

Другие сказали:

— Хячкут приехал, и лошадь его поправилась!

Дали знать царю, но царь был недозолон:

— Хай, что ему делается! Конечно, придет!

А Хячкут, отпустив лошадь, пришел и сел у очага.

Прошло немного времени. Царь опять заболел — у него так разболелась спина, что царь не мог подняться с постели. Зятя снова поехали разыскивать лекарство, но нигде не смогли достать. Вот уже целый месяц прошел, а они все ищут и ищут.

Тогда Хячкут снова посылает к царю человека:

— Если можно, пусть царь даст мне коня, я тоже хочу потрудиться, достать ему лекарство.

Когда царю передали эту просьбу, он рассердился:

— Чтоб ему сгореть! Я заболел из-за этого осла, а он, видите, опять пристаёт! Дайте ему какую-нибудь дохлую клячу и пошлите — может быть, он больше не вернется!

Как царь сказал, так и сделали: посадили Хячкута на худую клячу и со смехом и свистом выгнали со двора.

Хячкут оставил свою клячу где-то по дороге, сам вызвал гнедого араша и поведаль ему обо всем.

— Не бойся, — ответил ему араш, — этому горю легко помочь. За семью горами в ущелье лежит большой медведь, которому уже пятьсот лет. Спинной мозг этого медведя как раз и есть лекарство для спины твоего тестя. Я отведу тебя туда, но, когда я вбегу в ущелье, ты так ударь меня плетью, чтобы у меня во всю длину плети снялась кожа, — тогда все сойдет удачно. Я разрежу медведю спину, а ты хватай мозг.

Сказал так араш, Хячкут вскочил на него, и они помчались, сияя как пламя.

Вот араш вскочил в ущелье, Хячкут немедля ударил его изо всех сил плетью так, что во всю длину плети у араша слезла кожа. Араш пустился стрелой, на лету ударил медведя и разрезал его пополам. Хячкут ловко выхватил спинной мозг и повернул обратно.

По дороге он снова остановился там, где в прошлый раз встретил царских зятьев, спешил и сел отдохнуть.

Вдруг видит — опять идут царские зятья. Хячкут заметил их, и они увидели его, сияющего как пламя. Зятья, боясь, чтобы он их не приметил, хотели обойти Хячкута, но он их позвал:

— Идите сюда, не бойтесь! — и зятья, робея, подошли к нему.

Тогда Хячкут спросил:

— Что вы ищете, куда идете?

— Мы оба — царские зятья, — ответили они. — У нашего тестя-царя разболелась спина, и мы ищем для него лекарство, которое вылечило бы царя.

А Хянчкун в ответ:

— Вам, царские зятья, поручено большое дело. Но что вы дадите тому, кто найдет вам такое лекарство?

— Ничего не пожалею для того, кто даст нам это лекарство, — сказали зятья. — Даже если понадобятся наши кони — и тех отдадим.

А Хянчкун опять спрашивает:

— Ну, а если я дам вам такое лекарство, что все-таки вы дадите мне взамен?

— Все дадим, что потребуешь! — ответили зятья.

— У меня есть это лекарство! — сказал Хянчкун. — Но за него я не хочу ни денег, ни скота. Отрежьте свои большие пальцы и дайте мне, я больше ничего не потребую от вас.

— Хай! — воскликнули зятья. — Кто же пожалеет свои пальцы за такое дело!

Они отрезали у себя по большому пальцу и отдали Хянчкуну.

Тогда Хянчкун вынул из газыря спинной мозг медведя и отдал им. Зятья взяли его и ушли.

Вернулись они домой, смазали спину тестя, и царь сразу выздоровел.

А Хянчкун вскочил на араша, приехал к своей шелковице и, отпустив коня, снова переоделся в пастушескую одежду.

За это время его кляча поправилась. Хянчкун сел на нее и вернулся в царский двор. Как только люди его заметили, сейчас же побежали к царю сказать, что и Хянчкун вернулся цел-невредим.

— Ай, конечно, вернулся, что ему сделается?! — ответил недовольно царь.

Хянчкун пришел в свое жилище — под кукурузник — и сел у очага.

Жена Хянчкута знала, что царь ненавидит мужа, но догадывалась о чудесной силе Хянчкута.

Прошло немного времени. Царь опять заболел — у него разболелся живот. Снова зятья вскочили на коней и уехали искать лекарство. Но где им было достать его? Вот уже месяц прошел, царь был при смерти.

Услыхал об этом Хянчкун и решил сам разыскать лекарство. Послал к царю человека передать, что он, мол, тоже поедет искать для царя лекарство, пусть даст лошадь.

— Что этот несчастный хочет от меня? — спросил царь. — Почему не оставит меня в покое? Из-за него я всегда болею. Не давайте ему коня, пусть едет на чем хочет!

Как узнал Хячкут ответ своего тестя, надел старую бурку и пошел пешком босой. Люди, что были во дворе, стали свистеть и кричать:

— Хячкут! Хячкут идет!

А Хячкут пришел к шелковице, вызвал белого араша, и араш мгновенно стал перед ним.

— Какая у тебя нужда, чего ты хочешь? — спросил араш.

— Вот такая нужда! — ответил Хячкут и все рассказал коню.

— Хай, это легко сделать, только нужно быть ловким, — ответил араш. — За двенадцатью горами есть олень. Кроме молока этого оленя, никакое средство не излечит царя. Переоденься, садись на меня верхом, и поедем. Но когда я буду переходить двенадцатую гору, ты ударь изо всех сил плетью так, чтобы во всю длину плети у меня слезла кожа, а то мы ничево не сможем сделать. Если же ты так сделаешь, я на ходу ударю и повалю оленя, а ты сумей быстро надоить молока из его вымени.

Хячкут влез в правое ухо араша и, когда вышел через левое, был уже одет в белую одежду. Он вскочил на коня, и они оба, белые, как жемчуг, помчались. Вот доехали до двенадцатой горы. Хячкут ударил араша так, что во всю длину плети у него слезла кожа. Тогда араш налетел на оленя, и тот упал, задрал ноги, а Хячкут тем временем быстро вынул из газыря своей черкески акалам, подставил под вымя и начал доить. Наполнив акалам доверху оленьим молоком, он отправился в обратный путь.

По дороге Хячкут опять остановился на старом месте, где всегда отдыхал, слез с коня и присел. А в это самое время зятя тоже пошли туда, где обычно получали лекарство для царя. Глянули: сидит совсем не тот человек, которого они видели раньше, — сидит человек весь белый как жемчуг. Зятя не знали, что делать, не решились подойти к нему. Тогда Хячкут подзвал их:

— Идите сюда!

Они подошли.

— Что вы ищете? — спросил Хячкут.

— Мы оба царские зятя. Наш тесть заболел, у него так разболелся живот, что он умирает, и вот мы ищем средство, чтобы исцелить царя.

— Ну, а что вы дадите тому, кто достанет вам такое средство? — спросил Хянчкут.

— Чего мы для него пожалеем? Все дадим! — ответили зятья.

— Если так, спустите штаны! — сказал Хянчкут и заставил их снять штаны. Потом он сказал арашу:

— Ну-ка, иди сюда, белый араш, ударь своей подковой их по задку!

Араш подошел и так ударил царских зятьев по задку, что у них на теле осталось клеймо. После этого Хянчкут отдал им оленье молоко и сказал:

— Как только принесете его домой, дайте выпить царю, тогда он сразу поправится.

Зятья взяли молоко и вернулись домой. Как только они дали царю выпить молока, он сразу выздоровел.

А Хянчкут оставил своего араша там, где всегда оставлял, и пришел домой. Вернулся он таким, каким уходил.

Доложили царю, что Хянчкут пришел, а царь и говорит:

— Лишь бы хороший человек не умер, а плохой никогда не умрет!

С тех пор царь перестал болеть. Но все же как-то раз он вызвал к себе старших зятьев и спрашивает:

— Сможете ли вы пожертвовать собой, если моя жизнь будет в опасности?

— А как же, царь! — ответили ему зятья. — За кого же, кроме тебя, мы сможем пожертвовать своей жизнью? Видишь, у нас отрезаны пальцы. Это из-за тебя мы перенесли такие мучения, но мы не жалеем себя!

Царю стало неприятно, что его зятья из-за него покалечили себя.

Жили они так, жили, и Хянчкут тоже жил себе на старом месте под кукурузником. Но вот царь получил известие, что другой царь собрался идти на него войной. Тогда царь собрал свое войско и пошел воевать. После двух месяцев войны у царя погибло все войско.

Как только Хянчкут узнал об этом, он быстро вскочил на ноги и вызвал своего вороного араша.

— Какое у тебя горе? — спросил араш.

Хянчкут ответил:

— Мой тесть ведет войну вот уже второй месяц. Я должен поехать и помочь ему.

— Хорошо, одевайся! — сказал араш и впустил Хянчкута

себе в ухо. Хячкут вышел из другого уха прекрасно одетым, вскочил на араша, и они помчались. Когда приехали туда, где шла война, Хячкут кинулся в сражение с врагами. Поубивал больше половины врагов, потом обернулся к царю и говорит:

— Возвращайся к своему народу, собери людей и через три дня приезжай сюда, а до тех пор я сам с ними справлюсь!

Царь так и сделал — поехал в свое царство, а через три дня вернулся с новым войском. До тех пор Хячкут один воевал с врагами. За это время его араш устал. Тогда Хячкут вернулся обратно, подъехал к шелковице, отпустил вороного араша, вызвал гнедого, вскочил на него и снова поехал воевать. Похожий на пламя, Хячкут прискакал туда, где шла война. Был полдень. Смотрит Хячкут, а царь один сражается с врагами. Хячкут снова послал царя собирать войско и трое суток воевал с врагами. Вот царь вернулся с новым войском. Видит Хячкут, что его гнедой араш устал, и поехал обратно. Там он отпустил гнедого араша, сел на белого и снова поскакал на войну. По дороге Хячкут встретил царя — его гнало вражеское войско. Зятя куда-то попрятались, а войско все полегло. Тогда Хячкут обнажил свою шашку, бросился на врагов и прогнал их войско до самой границы, даже еще дальше. Отодвинул границу, повесил там флаг и сказал:

— Вот здесь будет граница. Вы дальше не переходите, и ты, царь, не переходи на ту сторону.

Призадумался царь, но никак не мог отгадать, кто это ему помогает.

А Хячкут, кладя шашку в ножны, поранил руку.

— Хай! — воскликнул царь. — Почему я не умер, как ты свою руку порезал?! — Он вынул носовой платок и перевязал рану.

После этого царь вернулся домой, а Хячкут отпустил своего белого араша и тоже отправился домой. Там он пошел в кукурузник, но лег не возле очага, а на плетенку. А чтобы жена не заметила его раненую руку, Хячкут подложил ее под себя.

Вот царь вернулся домой, собрал весь подвластный ему народ и спрашивает:

— Кто пришел мне на помощь во время войны?

— О царь, мы не знаем! — закричал народ.

— Когда мой спаситель разгромил вражеское войско, оп, кладя свою шашку в ножны, поранил руку, и я перевязал ее своим шелковым носовым платком, — сказал царь.

Все, кто там был, подняли свои руки и показали царю.

А Хянчук в то время, утомившись от битвы, крепко спал, подложив под себя раненую руку. Но все же он лежал так, что руку можно было видеть.

Дочь царя сидела под кукурузником у очага. Она услышала то, что сказал царь о платке, и воскликнула:

— Хай! Дай-ка я посмотрю на руки своего мужа, может быть, это он!

Посмотрела и видит — рука ее мужа перевязана царским платком. Она сейчас же послала к отцу человека. Тот пришел и говорит царю:

— Царь! Твоим платком перевязана рука твоего нелюбимого зятя!

Как услышал это царь — сейчас же пошел под кукурузник, где жили его дочь и зять. Посмотрел царь и видит: платок завязан точно так, как он это сделал.

— Хай, я пропал! — воскликнул тогда царь. — Уж лучше бы мне умереть!

Царю стало очень стыдно. Он и говорит:

— Сейчас же переходите во дворец!

Царь приготовил для них самую лучшую комнату в своем дворце, поставил прекрасную постель и, не разбудив зятя, перенес его и уложил на эту постель. Жену Хянчука тоже раздели и послали в ту комнату, а сам царь ожидал пробуждения зятя, стоя возле него и отдавая честь.

Прошло немного времени, и зять проснулся. Он думал, что спит под кукурузником, а тут смотрит — перед ним стоит царь, отдавая честь. Хянчук, как был в своей пастушеской одежде, приподнялся и сел. Глядит — перед ним стоит стол, заваленный красивой одеждой. И вся эта одежда — для него.

— О царь, кто меня, безобразного, перенес сюда? Разве я достоин лежать здесь? Что случилось? — спросил он.

— Ах, дорогой, я только сегодвя узнал, какой ты человек! Если бы не ты, я бы проиграл войну. А тебя я узнал по тому платку, которым перевязал твою руку.

— А-а, так вот как! Тогда, царь, позови сюда двух сыновей Лагу — Мака и Мажва, — они живут в твоих владениях, — сказал Хянчук.

Царь быстро послал людей за сыновьями Лагу, и их привели.

— О царь, если ты так мало знаешь, то как ты стал владеть таким большим народом? Если бы не этот платок, ты меня так бы и не узнал? — спросил Хянчук. Потом он стал спрашивать царя:

— Когда ты, царь, посадил свою дочь на верху дворца и объявил, кому ее отдашь, я приехал на вороном коне в черной одежде. Помнишь это?

— Да, помню! — ответил царь.

— Когда ты воевал, это я приехал к тебе на помощь на вороном коне тогда, в первый раз. А потом, во второй раз, кто приезжал сватать твою дочь на гнедом араше? Видел ли ты этого араша на войне? После этого, в третий раз, кто приезжал сватать твою дочь, кто вскочил к ней на верх дворца, какой масти у него был араш?

— Белый конь, — ответил царь.

— А на войне ты видел того человека?

— Да-а, это был тот, последний, который одержал победу.

— Если так, если ты уже один раз его видел, почему не узнал, когда увидел во второй раз? — спросил Хянчук.

— Ошибся, дорогой! — ответил царь.

А Хянчук все спрашивает:

— Ты, кажется, болел? Что случилось с тобой в первый раз?

— Голова болела, — ответил царь.

— А кто излечил тебя?

— Зятя принесли мне средство! — ответил царь.

— Где же твои зятья?

Позвали зятьев, тогда Хянчук спросил их:

— Откуда вы принесли лекарство?

— Ты нам дал, ты сидел на вороном араше, — ответили они.

— А что я у вас взял за это лекарство? — спросил Хянчук.

— Указательные пальцы, — ответили зятья.

— Ну а ты, царь, кажется, и во второй раз захворал?

— Да, я еще раз был болен, — ответил царь.

— Откуда вы принесли лекарство от этой болезни? — спросил Хянчук царских зятьев.

— Это лекарство тоже ты нам дал, — ответили они. — Ты тогда сидел на гнедом араше.

— А что я у вас взял?

— Ты взял у нас большие пальцы.

— Ну, а когда царь в третий раз заболел, где вы взяли средство для него?

— Опять ты нам дал. Ты тогда сидел на белом араше.

— А что я у вас взял за это?

— Ничего не взял, — ответили царские зятья.

Когда они так ответили, Хянчук вызвал вороного араша, и тот сразу прискакал и остановился перед ним.

— Этого вы видели? — спросил Хянчкут.

— Да-а! — ответили все вместе.

Потом Хянчкут вызвал гнедого араша. Тот в миг прискакал.

— А этого вы видели после вороного?

— Да-а! — ответили Хянчкуну.

После этого Хянчкут вызвал белого араша. Тот мгновенно прискакал и стал между двумя другими.

— А этого видели под конец? — спросил Хянчкут.

— Да-а! — ответили все, согласившись с Хянчкутом.

Тогда Хянчкут сказал царским зятям:

— Теперь покажите, что я вам дал, когда был на белом араше.

Зятья сняли штаны и показали клеймо на заду.

— Иди-ка, белый араш, — сказал Хянчкут, — иди и как поставил им это клеймо, так и сними его с них.

— Возьмите заодно и свои пальцы, — сказал Хянчкут, вынул их из кармана и отдал зятям.

Тогда царь воскликнул:

— А-ай, дад, я не узнал тебя, младшего зятя, ошибся! Потому я тебя так нехорошо принял, прости меня! Тебе надо стать царем. Если пожелаешь, отдам тебе свое царство.

А Хянчкут в ответ:

— Позови сюда моих братьев!

Царь кликнул братьев, те пришли и стали перед Хянчкутом. Хянчкут сказал им:

— Вот теперь вы видите, как я, которого вы считали глупцом, исполнил завещание отца? Вот этот вороной араш был твоим счастьем, Мака, этот гнедой араш был твоим счастьем, Мажв, а белый араш был моим счастьем. Но вы не поверили завещанию отца, поэтому ваше счастье досталось мне. Теперь я младший из вас, пастух, стал царем, а вы теперь — мои слуги. Слушайте меня, я над вами старший! — сказал так Хянчкут и отпустил братьев.

После этого Хянчкут стал царем, и весь народ любил его.

43. Хасан

Жил один сильный мужчина, по имени Апсны-Хасан, а за перевалом жил другой храбрец, по имени Кубан-Хасан.

Оба они любили походить, поездить и много слышали друг

о друге. Им очень хотелось повидаться, но они еще не встречались.

Когда Апсны-Хасан ходил на охоту, он всю свою добычу оставлял на месте.

Как-то раз, в одну из пятниц, Апсны-Хасан пошел на охоту. Долго он бродил и наконец увидел зайца.

Апсны-Хасан убил зайца, но, когда подошел к нему, заяц вскочил и бросился бежать.

— Хайт! — удивленно воскликнул Хасан. — Со мной случилось чудо! Как это я не вспомнил, что сегодня пятница!

Когда Хасан начал удивляться, заяц сказал:

— Это не с тобой чудо случилось. Чудо случилось с Кубан-Хасаном.

Апсны-Хасан еще больше удивился. Он вернулся домой, но там не остался, а сразу пошел к Кубан-Хасану. Апсны-Хасан хотел разузнать, что с ним случилось.

Шел он, шел, наконец пришел в то село, где жил Кубан-Хасан.

Апсны-Хасан спросил кого-то, где живет Кубан-Хасан, и ему показали. Пошел Апсны-Хасан, смотрит — а на току Кубан-Хасан молотит зерно, погоняя двух запряженных ослов.

— Добрый день! — сказал Апсны-Хасан.

— Добро пожаловать! — ответил Кубан-Хасан.

Тогда Апсны-Хасан сказал так:

— Я Апсны-Хасан. Мне давно хотелось повидать тебя, но я до сих пор не смог прийти к тебе. Я хочу рассказать, что со мной случилось. А случилось со мной вот что: в одну из пятниц я пошел на охоту и убил зайца, но, когда я подошел к нему, он вскочил и бросился бежать. Я воскликнул: «Что такое?! Со мной случилось чудо!» — а заяц ответил: «Это не с тобой, а с Кубан-Хасаном случилось чудо». Я давно хотел повидать тебя, но после того, что услышал от зайца, решил сейчас же идти к тебе и узнать, что с тобой случилось. Вот я и пришел.

— Мне тоже очень хотелось повидать тебя! — ответил Кубан-Хасан, — но я не смог прийти к тебе и поэтому очень рад, что вижу тебя здесь. Теперь послушай, я расскажу, что случилось со мной.

И Кубан-Хасан рассказал о том, что с ним случилось: «Я был лучшим парнем в нашей деревне. Вот однажды собралась вся деревня, и люди начали говорить: „Хасан хороший парень. Надо его женить на такой же хорошей, достойной девушке“.

Женили меня на хорошей девушке, устроили большую свадьбу, когда же стемнело, меня отвели в амхару. Там с закрытым лицом стояла девушка. Я разделся и лег, но не успел я лечь, как открылась дверь, вошел какой-то человек и ударил меня палкой. В тот же миг я превратился в большую собаку. Этот человек взял мою жену и ушел. Я все понимал, мое сердце оставалось таким же, но что я мог сделать? Я превратился в собаку.

Когда этот человек и жена ушли, меня разыскали собаки. Собаки напали на меня, но я стал задом к забору, отбился от них и убежал.

После этого я долго думал, куда мне деваться, не нашел другого выхода и решил уйти в горы, где меня не видели бы люди. И пошел я в горы.

Когда я шел так по горам, увидел пастуха. Я завилял хвостом и подбежал к нему.

Оказывается, каждую ночь медведь или волк приходил к стаду этого пастуха и утаскивал то одного, то двух козлов. Как только пастух завидел меня, он отогнал своих собак и сказал:

— Пойдем ко мне. Если ты окажешься хорошей собакой, то я совсем оставлю тебя здесь и буду ухаживать за тобой лучше, чем за своими собаками.

Я очень обрадовался и подумал: «Вот посмотришь, что я сделаю!»

Пастух привел меня на стоянку. Там он сказал подпаску:

— Накорми эту собаку! Она голодная.

Подпасок собрал объедки в ту посуду, из которой ели собаки, но я не стал есть. Тогда пастух сказал подпаску:

— Возьми котел, свари в нем абысту и дай этой собаке — посмотрим, что будет.

Подпасок сварил абысту, поджарил мясо и, когда оно было готово, положил все это на стол, за которым ели сами пастухи. Я съел абысту, и меня стали уважать еще больше.

Вскоре наступили сумерки. Скот вернулся на стоянку. Я всю ночь вертелся вокруг животных и не подпустил к ним ни медведя, ни волка.

Наутро пастух глянул на свое стадо и видит — стадо цело, с ним ничего не случилось. Пастуху это очень понравилось. Он набросился на своих собак, избил их, а меня стал кормить еще лучше и подстилку сделал для меня еще лучше.

С тех пор моя слава стала расти, все прослышали обо мне.

В этой же стране, куда я пришел, жил один князь, Маршан. У него рождались только мальчики, но, когда им исполнялось

шесть месяцев, их кто-то душил. Наконец князь Маршан вышел из терпения, созвал весь свой народ и спросил, кто душил его детей и как сделать, чтобы их больше не душили. Маршан потребовал, чтобы люди узнали это.

Все стали говорить кто что знал, но ни один человек не придумал, чем можно помочь князю.

В это время какой-то старик, сидя на земле, сказал:

— Этому горю может помочь только хорошая собака, больше никто не поможет!

— Как это? — спросил князь.

Старик ответил:

— Если ты на ночьпустишь такую собаку туда, где находится ребенок, она не заснет и станет его караулить. А если кто-нибудь придет, чтобы задушить ребенка, собака поймает его и убьет.

Тогда все стали спрашивать друг друга:

— У кого же есть такая хорошая собака?

Многие слышали обо мне как о прекрасной собаке, но сказали князю, что меня не отпустит хозяин.

Князь собрал сто человек и поехал к моему хозяину, чтобы получить хорошую собаку. Когда же он в сопровождении ста человек приехал к пастуху, пастух очень обрадовался, что к нему начали ездить хорошие люди, и устроил большой пир.

Пастуху передали, что князь приехал к нему о чем-то просить. Пастух обрадовался еще больше.

— Уж если ко мне приехал сам князь, то я для него ничего не пожалею — будь это скот или что-нибудь другое!

Но пастуху ответили, что нужен не скот, а его собака, и рассказали все, что случилось с князем.

Услышал это пастух и подумал: «Лучше бы я умер, чем это слышать!» Но что ему было делать? Он пробовал было отказать князю, но его пристыдили, и князь взял меня у пастуха.

Я очень обрадовался — я знал, что у князя мне будет лучше, подбежал к Маршану и стал ласкаться, он погладил меня, а потом достал из кармана платок и принялся со мной играть.

После этого все сели на коней. Меня взяли с собой. Так прибыли мы в дом князя. Меня посадили на княжескую кровать и кормили костным мозгом. Если я выходил погулять во двор, меня сопровождал особый человек, который следил за мной.

Все остальное время днем и ночью я был настороже, чтобы увидеть того, кто душил детей князя.

Так прошло много времени, но я никого не замечал.

Но вот как-то раз, поздней ночью, я увидел, что в окно вскочила огромная кошка. Это была та самая кошка, которая убивала княжеских сыновей. Я набросился на нее и начал душиить. Тогда кошка заговорила человеческим голосом:

— Если можно, не убивай меня! Я сделаю все, что ты пожелаешь!

Но я выскочил через окно во двор и тут едва совсем не придушил кошку. Тогда она взмолилась:

— Отпусти меня! Я принесу тебе ту палку, которой тебя превратили в собаку, и больше не стану душиить сыновей князя!

Кошка дала мне клятву, я отпустил ее, а сам пошел за ней следом, но так, чтобы она меня не заметила. Под утро кошка подошла к какому-то маленькому домику и вошла в него, а я вернулся домой и лег спать на своем обычном месте. В это время в доме еще не просыпались.

Прошло три дня, но кошка не вернулась к обещанному сроку. Я решил, что она меня обманула, и начал беспокоиться. После этого прошло еще много времени. Наконец, однажды ночью кошка пришла с той палкой, которой меня превратили в собаку.

— Стань человеком! — сказала кошка, ударила меня этой палкой, и я снова стал человеком. Тогда я быстро схватил палку и пошел к себе домой. Смотрю, а в моем доме с моей женой спит тот самый человек, который превратил меня в собаку. Тогда я закричал:

— Станьте ослиами! — и ударил их палкой. Они превратились в ослов — жена моя стала ослицей, а тот человек ослом.

— Вот они, эти самые ослы, которых ты видишь здесь и на которых я работаю. Если они кому-нибудь понадобятся, я не отказываю, да и сам не даю им покоя!» — закончил Кубан-Хасан.

Апсны-Хасан стоял, смотрел и удивленно молчал. Он не знал, что ему сказать.

44. Кудапш-пха

Лаку, лаку, шел я — жил один князь. У него был единственный сын.

Однажды во время охоты сын князя вошел в какой-то лес.

Там он увидел девушку-арапку, черную как смоль, с толстыми, обвислыми губами. Юноша созвал своих ахтырпар и велел им поймать арапку. Ее поймали и пытались с ней говорить, но девушка молчала. Тогда взяли убитую дичь, девушку-арапку и пошли домой. Дома сын князя сказал своим ахтырпар:

— Вычистите какую-нибудь конюшню и поселите там девушку-арапку. Пусть она там живет!

Как он сказал, так и сделали: вычистили конюшню и поселили там девушку-арапку. Кормили ее тоже в конюшне. Все над ней смеялись.

Однажды арапка спросила у ахтырхса:

— Нет ли где-нибудь поблизости речки?

Ей показали ближайшую реку.

Арапка выбрала такое время, когда ее никто не мог увидеть, и тайком пошла к той реке. Заметил это княжеский сын и подумал: «Уж не собралась ли она бежать?» Крадучись, он пошел за девушкой, чтобы посмотреть, что она станет делать.

Девушка подошла к реке и долго стояла, оглядываясь по сторонам. Уверившись, что поблизости никого нет, она встряхнулась, арапская кожа упала, и из нее вышла такая красавица, что соперничала с солнечным светом, освещая все вокруг. Ее коса, извиваясь, доходила до пят, а сама она была высокая, стройная и светилась без солнца и луны. На каждом ее пальце было по два золотых кольца. Девушка сломала веточку, сняла с пальцев все кольца и нанизала их на веточку.

Потом девушка разделась, легко прыгнула в воду и поплыла. Вода, обмыв тело девушки, стекала с нее серебром и золотом.

Увидел это княжеский сын, очень удивился. Он потихоньку подполз к кольцам девушки, снял с веточки одно кольцо и пошел домой.

Девушка накупалась вдоволь, вышла из воды, оделась и стала надевать на пальцы свои кольца, но тут заметила, что одного не хватает. Она сразу узнала, кто его взял. Девушка очень огорчилась, но что ей было делать? Она надела свою арапскую кожу, вернулась в конюшню и села на свое место.

А княжеский сын пришел домой и слег, перестал есть и разговаривать. Увидели князь и княгиня, что сын не ест и молчит, и стали горевать. Они пообещали сыну выполнить любое его желание, в чем бы оно ни заключалось.

И вот, когда отец и мать дали слово, сын сказал, что он хочет жениться на арапке.

Князь сильно огорчился. Он долго думал над словами своего сына, но что ему было делать? Он уже дал слово.

Князь отвел молодым одну из своих конюшен, они почистили ее и поселились в ней.

По ночам, когда арапка ложилась спать, она снимала свою арапскую кожу и клала на пол. Сняв кожу, она сияла словно солнце, но этого долго никто не замечал — арапка ложилась, когда в княжеском дворе все засыпали.

Как-то ночью князь вышел на балкон и вдруг видит: весь двор освещен ярким светом. Свет шел от конюшни. Князь подумал, что она горит. Он спустился во двор и тут увидел, что это не пожар: свет шел изнутри конюшни. Тогда князь прильнул к щели и увидел, что это светится его невестка. Он испугался, побежал домой, привел жену и показал. Целую ночь они молились и просили бога о прощении. На рассвете князь отдал сыну лучший свой дворец, чтобы он там поселился, но сын не захотел, остался на прежнем месте.

Однажды, когда арапка сняла свою кожу, легла и заснула, ее муж встал, взял кожу и сжег ее в огне.

Наутро жена проснулась, пошарила рукой в том месте, где всегда лежала ее арапская кожа и, не найдя ее, воскликнула: — Зачем ты убил меня? Чтоб все мои грехи перешли на тебя! Это я в наказание должна была носить арапскую кожу и не имела права ее снимать, а ты меня погубил!

Жена очень огорчилась, но что было делать?

Когда рассвело, князь поселил молодых в лучшем дворце и устроил им невиданный пир.

Сын князя захотел узнать, из какой фамилии его жена. Он пристал к ней:

— Из какой ты фамилии?

— Я Кудапш-пха *,— ответила она.

Сверстники княжеского сына стали смеяться над ним и упрекать за то, что он муж Кудапш-пха. Он тоже посчитал это позором и опечалился.

Арапка узнала об этом. Она посоветовала мужу найти другую, подходящую жену и пообещала дать столько серебра и золота, сколько нужно для постройки дома. Он согласился, завел большое хозяйство, построил огромные дворцы, один лучше другого, убрал их серебром и золотом и женился на дочери какого-то князя. Арапка сама устроила им пир.

Прошло три дня. Вторая жена княжеского сына послала своих девушек навестить первую жену своего мужа. Девушки по-

шли во дворец, где жила первая жена, и постучали в дверь. Им открыли служанки. Они увидели девушек и сказали:

— Княгиня купается, но ничего, заходите! — пригласили их в дом.

Когда девушки вошли, они увидели: посреди дома стоит большой котел, полный кипящего молока, но отчего оно кипит, не было видно. Рядом в одной нижней рубашке стояла княгиня. Она поздоровалась с пришедшими, усадила их, а сама прыгнула в кипящее молоко и стала купаться. Выкупалась и вышла.

Пришедшие удивились. Вернулись к своей княгине и стали рассказывать все сразу, перебивая друг друга.

Тогда княгиня спросила:

— Видели ее, какая она?

— Ты прекрасна, — сказали девушки, — но мы видели — она лучше тебя! — И девушки подробно рассказали о первой жене князя.

— Ах, какие вы дуры! Это очень легко! Вы думаете, я не смогу так сделать? — сказала княгиня.

Пришел муж, и княгиня стала приставать к нему:

— Достань медный котел полный молока, поставь его посреди дома и сделай так, чтобы молоко кипело, но отчего — не было видно. Если ты этого не сделаешь, я покончу с собой!

Что было делать княжескому сыну? Он созвал всех ахтырпар и ахтырхса, приказал им достать большой медный котел, поставить его посреди дома и вскипятить молоко, но так, чтобы не было видно, отчего оно кипит.

Что им оставалось делать? Если они этого не сделают, то лишатся своих голов! Ахтырпар достали котел с молоком, поставили посреди дома, а под ним сделали дыру и устроили все так, что молоко кипело, а отчего — не было заметно.

После этого прошло три дня.

Первая жена княжеского сына сказала своим служанкам:

— Пойдите проведайте новую невестку!

Девушки пошли ко второй жене, постучали в дверь. Дверь открыли служанки.

— Наша княгиня собралась купаться, но ничего, заходите! — кричали они.

Девушки вошли в дом и увидели: посреди комнаты стоит котел, полный кипящего молока, а рядом — невестка в одной нижней рубашке. Она поздоровалась с пришедшими, усадила их, а сама прыгнула в кипящее молоко, но сейчас же сварилась, и зубы ее оскалились.

Поднялся крик. Сбежались люди и увидели, что случилось.

А девушки, которые посетили вторую жену, с негодованием вернулись к своей княгине. Когда она их спросила, что они там видели, девушки, перебивая друг друга, стали рассказывать.

— Ты показала ей чудо, а она, подражая тебе, погубила себя!

Во дворе княжеского сына собралось много народу. Устроили подходящие проводы и похоронили покойницу.

Прошло около года. Княжеский сын опять женился на дочери какого-то князя. Устроили пир.

После этого прошло три дня. Новая невестка послала своих служанок навестить первую жену. Девушки пошли к первой жене, постучали в дверь. Им открыли служанки и повели в дом. Вошли девушки в дом и видят: княгиня сидит на золотом, вбитом в стену гвозде и прядет золотым веретеном. Она заметила девушек, быстро спрыгнула с гвоздя, поздоровалась с ними, усидила, а потом опять вскочила на свое место и стала пряхть.

Девушки долго сидели, удивляясь виденному, потом встали и пошли к своей княгине. Когда княгиня стала расспрашивать, что они там видели, девушки рассказали ей о чуде.

— Глупые! Разве это чудо? Это очень легко сделать! — сказала княгиня.

Она тоже, как и та жена, пристала к мужу, когда ночью осталась с ним вдвоем:

— Закажи мне золотое веретено и золотой гвоздь — они мне нужны!

Княжескому сыну нечего было искать золота. Он сделал все, что просила жена.

Княгиня взяла гвоздь, вбила в стенку и положила на него подушку.

Прошло три дня. Первая жена княжеского сына послала своих девушек проведать новую невестку. Они подошли к амбаре, постучали в дверь. Дверь открылась, и девушек ввели в дом. Вошли девушки, смотрят — стоит невестка с веретеном в руке. Невестка положила веретено, поздоровалась с девушками, потом опять взяла веретено с пряжей и прыгнула на гвоздь, чтобы сесть на подушку, но гвоздь вонзился в нее, и она тут же умерла. Невестку с трудом сняли с гвоздя и уложили.

Поднялся крик, шум, собрался народ, все увидели, что случилось. Девушки, посланные арапкой, вернулись домой.

Покойницу похоронили. Народ разошелся.

Когда все кончилось, сын князя сел на коня и уехал. Он

покаялся не возвращаться домой до тех пор, пока не узнает, из какой фамилии его первая жена.

Княжеский сын страствовал три года и вот однажды подъехал к какому-то курятнику. В курятнике сидела одна старуха.

— А-а, нан! Не растопчи меня копытами! — закричала старуха. — Я знаю, чего ты хочешь, и я тебе скажу. Ты хочешь узнать, из какой фамилии твоя жена. Это очень трудно. Но ты вернись домой, отдохни, а потом скажи, что пойдешь на охоту. Возьми своих абраа и ахтырпар и отправляйся. На охоте вымажь кровью убитой дичи лица и одежды своих абраа, сделай носилки и ложись на них, как будто ты умер. Пусть на твою грудь положат хорошо отточенную пашку и поставят носилки у дверей твоей первой жены. Когда она спросит, что случилось, пусть назовут твое имя и скажут: «Он умер. Мы принесли его». В это время небо раздвинется и оттуда на золотой цепи спустится золотая колесница, чтобы взять твою жену на небо. Она стаплет садиться в колесницу. И тогда, если ты не вскочишь, не перерубишь цепь своей пашкой и не сможешь удержать жену, она уйдет от тебя, а если сможешь перерубить цепь, она останется и ты узнаешь ее фамилию. Но смотри, пашку надо хорошо отточить! — сказала старуха.

— Хорошо! — ответил княжеский сын и поехал обратно.

Еще три года он пробыл в дороге. В конце третьего года, совсем усталый, приехал он домой. Отдохнул три дня, потом пригласил абраа, созвал ахтырпар и сказал им:

— Приготовьтесь, мы пойдем на охоту!

Все приготовились и пошли на охоту. Поохотились ночь, а потом княжеский сын подговорил всех так, как сказала старуха: абраа вымазались кровью убитой дичи, сделали носилки, на них положили княжеского сына, завернутого в бурку, с острой пашкой на груди, и понесли. За носилками шли окровавленные абраа, ударяя себя по голове. Их удерживали за руки. Так пришли во двор жены и поставили носилки у ее дверей.

— Хай, что случилось? — спросила она.

— Вот что: твой муж умер, и мы его принесли!

Услышала то жена и воскликнула:

— Тот, кому мелкие звезды были служанками, а крупные слугами, кому солнце было отцом, а луна матерью, услышь меня! Довольно тех мучений, что ты заставил меня перенести, жалься теперь надо мной!

Не успела она этого сказать, как небеса разверзлись, отту-

да на золотой цепи спустилась золотая колесница и стала перед ней. Но только она собралась сесть, как сын князя вскочил, схватил шашку, ударил по цепи, разрубил ее и схватил жену. Золотая колесница осталась на земле.

— Хай! Чтоб мои грехи пали на тебя! Почему ты не оставишь меня в покое? — закричала она, но ей пришлось остаться.

Так княжеский сын узнал происхождение своей жены. Он устроил большой пир, и с тех пор муж и жена зажили очень счастливо.

45. Старик и старуха

Лаку, лаку, шел я — жили старик со старухой. У них была одна-единственная дочь. Все их жилище была одна хижина, весь скот — один осел.

Старик был очень слаб, старуха — очень стара и оба — к труду не способны.

Единственной их надеждой была дочь, но она была слишком молода. Что такая дочь могла сделать? В маленьком огороде она сажала фасоль и кукурузу.

Как-то раз старик взял своего осла и пошел за дровами. Место, откуда он возил дрова, было не близко. Старик нагрузил осла хворостом и собрался было домой, но вдруг услышал страшный грохот, как будто, разрушая землю, шел какой-то великан,

Старик от страха не знал, что делать, куда деться, и стоял рядом со своим ослом. В этот миг перед ним появился старый адауы.

— Эй, старик! — закричал он. — Это ты таскаешь мои дрова?! Тебя следует сейчас же убить, но ты этого не стоишь! Когда придешь опять за дровами, приведи свою дочь, иначе я тебя убью! А теперь вези дрова домой.

— Не убивай меня, несчастного! — сказал старик. — У меня нет больше места, где бы я мог брать дрова. Я весь в твоих руках! В другой раз приведу свою дочь.

Старик поклонился и ушел домой. Пришел туда и стал рассказывать, как встретился со старым адауы и как тот велел ему привести дочь, когда опять надо будет идти за дровами, — иначе пригрозил убить его.

Услышала это мать и стала плакать.

За ночь сожгли дрова, привезенные стариком. Пришлось

ему на следующий день снова идти за дровами. С плачем и рыданием старик и старуха стали снаряжать свою дочь.

И вот старик привел ее на то место, где всегда брал дрова, но никого там не нашел. Он торопливо нагрузил осла хворостом, повернул обратно и успел было немного пройти, как вдруг встретил адауы.

— Что, старик, опять пришел? — спросил он.

— Да, пришел и дочь свою привел, — отвечал старик, указывая рукой на девушку.

— Отвези дрова домой и возвращайся сюда. Потом иди по моим следам — попадешь прямо к моему дому. Тогда увидишь, что я с тобой сделаю! — сказал адауы и увел дочь старика.

Приехал старик домой, сбросил хворост, сел на своего осла и поехал к адауы, который взял его дочь.

Когда он доехал до того места, где брал дрова, то напал на след адауы и поехал по этому следу. Так старик приехал ко двору адауы. Там стоял стеклянный позолоченный двухэтажный дом. На балконе этого дома сидела его дочь. Увидела она старика, побежала к нему навстречу и радостно закричала:

— Отец пришел!

Подошел и адауы. Он привязал осла и повел старика в дом.

Два дня пробыл старик у адауы, когда же собрался домой, ему взамен осла дали лошадь, подарили гусыню и сказали:

— Когда привезешь эту гусыню домой, посади ее и скажи: «Снеси то, что ты обычно несешь!» — и она станет нестись. А когда она снесет столько, сколько тебе нужно, то скажи: «Перестань!» — и она перестанет.

Сказали так и отправили старика домой.

Обрадовался старик, связал гусыню и вернулся домой. У очага сидела его старуха, обсыпанная пеплом*.

— Хай, старуха! — сказал старик. — Не бойся! Наш зять дал нам то, чем можно прокормиться!

Старик посадил гусыню посреди дома и крикнул:

— Ну-ка, гусыня, снеси то, что ты обычно несешь!

Гусыня стала со звоном нести золото и серебро. Старик не мешал ей, пока она не снесла мешка два-три, а потом удовлетворился этим и крикнул: «Перестань!», и гусыня перестала.

Тогда старик сломал свою хижину, построил большой двухэтажный дом, купил скот и зажил, как князь.

Наступило лето. Старик сказал своей старухе:

— Поедем-ка лечиться на теплые воды!

— Хорошо, поедем! — ответила старуха.

Они захватили свою гусыню и поехали к теплым источникам.

Там старик отдал свою гусыню на хранение сторожу вод, но предупредил его:

— Не говори этой гусыне: «Снеси то, что обычно несешь!»

Сторож догадался, в чем дело, отнес гусыню к себе домой и крикнул ей:

— Снеси то, что ты обычно несешь!

Гусыня стала нестись. Увидел сторож, что она такая, оставил ее у себя, а старику отдал другую гусыню.

Старик подумал, что это его гусыня, повез ее домой и, когда приехал, сейчас же крикнул:

— Ну-ка, снеси то, что ты обычно несешь! — Но ведь это была другая гусыня — она не могла нестись.

Тогда старик взял гусыню, отнес ее адауы и сказал ему:

— Гусыня перестала нестись!

Адауы сразу догадался, что гусыню старика кто-то подменил, но делать было нечего.

Он дал старику аршин.

— Смотри, никому не отдавай этот аршин! — сказал адауы. — Когда же придешь домой, скажи ему: «Отмерь то, что ты обычно отмеряешь!» — и он начнет отмерять.

Сказал так адауы и отправил старика домой.

Старик пришел домой, бросил свой аршин и крикнул:

— Отмерь то, что ты обычно отмеряешь!

Аршин стал отмерять атлас, шелк и другие ткани — отмерял и складывал.

Когда же появилось множество тканей, старик крикнул: «Аршин, довольно!» — и он перестал.

Старик продавал ткани, получал за них золото и серебро и зажил еще лучше. Он держал столько слуг, сколько ему хотелось.

Настало лето. Старик со старухой опять поехали на теплые воды.

Приехал туда несчастный старик, отдал аршин сторожу и предупредил его:

— Не сломай мой аршин и не говори ему: «Отмерь то, что ты обычно отмеряешь!»

По этим словам сторож догадался, что аршин не простой, понес его к себе домой и крикнул:

— Отмерь то, что ты обычно отмеряешь!

Аршин стал отмерять, что он обычно отмерял,— одну ткаць лучше другой.

Сторож оставил аршин себе, а старику дал другой, похожий на первый.

Возвратился старик домой и сказал этому аршину:

— Отмерь то, что ты обычно отмеряешь!

Но аршин ничего не мерил.

Тогда старик отнес аршин зятю и спросил:

— Почему он перестал отмерять ткани?

Адауы догадался, что кто-то подменил аршин старика, но ничего ему не сказал.

Когда же старик возвращался домой, зять дал ему цеп.

— Отнеси цеп домой и скажи ему: «Делай то, что ты обычно делаешь!»

Старик подумал, что этот подарок его озолотит, принес цеп домой, бросил и крикнул:

— Делай то, что ты обычно делаешь! — Вдруг цеп подпрыгнул и давай колотить старика по голове! Он продолжал колотить и тогда, когда старик упал на землю.

Увидел старик, что цеп его совсем убьет, и завопил:

— Перестань!

Цеп сейчас же перестал.

— Зачем зять хотел убить меня? — подумал старик. Он долго думал и наконец догадался, почему зять так поступил.

Снова настало лето. Старик и старуха захватили цеп и поехали на теплые воды. Сторож вод радостно встретил старика: он думал, что старик опять привез что-нибудь полезное. А старик отдал ему на хранение цеп и предупредил:

— Смотри не говори ему: «Делай то, что ты обычно делаешь!»

Сторож обрадовался, взял цеп и попес его домой. Дома он сказал:

— Цеп, делай то, что ты обычно делаешь!

Тут цеп подпрыгнул и давай колотить сторожа по голове! Сторож не понимал, что случилось. Он стал кричать (ведь сторож не знал, что нужно сказать «Перестань!»).

На крики сторожа прибежал старик.

А жена сторожа, стоя около мужа, кричала: «Убил его, убил!»

Тогда старик сказал:

— Если вы не вернете мне гусыню и аршин, которые вы украли, цеп совсем его убьет! — и стал у дверей.

Жена сторожа сейчас же отдала старику гусыню и аршин, и старик крикнул:

— Цеп, довольно его колотить!

Сторож поднялся весь в крови, а старик забрал гусыню, аршин и цеп и вернулся к себе домой.

С тех пор старик и его жена до конца жизни прожили очень хорошо: гусыня несла им золото и серебро, аршин отмерял им столько тканей, сколько было надо, а цеп защищал их.

Вот как хорошо бедный старик зажил на старости лет.

И мне тоже приходилось бывать у старика.

Однажды, когда я пришел к старику, у него был пир: оказывается, он пригласил своего зятя.

Возвращаясь домой, я взял котел мясного отвара и бедро какого-то животного, что зарезал старик. По дороге мне встретился некто Озбак. При встрече лошадь моя испугалась, вздрогнула, отвар вылился и обварил Озбаку голову. Голова Озбака облысела.

— Что ты со мной сделал! — злобно закричал Озбак и бросился на меня.

Я схватил бедро, кинул в Озбака и попал ему в ногу. С тех пор Озбак на всю жизнь остался плешивым и хромым.

46. Шасоу Аапста и князь Навей

Жил безродный крестьянин по имени Шасоу Аапста. Был и один князь, звали его Навей.

И Шасоу и князь Навей бывали у одной девушки и присматривались к ней. Каждый хотел взять ее в жены.

Как-то раз князь Навей пошел к той девушке. Сидит у нее, разговаривает. Вдруг туда же приходит и Шасоу Аапста, но князь и не подумал приветствовать из уважения к нему, девушка же приняла Шасоу приветливо, встала и сказала:

— Добро пожаловать!

Не понравилось это князю Навею.

— Как ты смела, — сказал он девушке, — так внимательно и приветливо принять простого человека. Ведь ты сидела со мной!

Но девушка ответила:

— Всякий человек, кто бы ни зашел, заслуживает внимания — надо приподняться ему навстречу. Шасоу тоже человек!

Потом она встала и сказала:

— Вы оба любите меня, но я выйду замуж за того, кто покажет больше мужества.

У Шасоу не было коня. Поэтому князь Навей сказал ему:

— Приходи ко мне и выбери одного из моих коней!

Шасоу Аапста пришел к князю Навею и, когда князь предложил Шасоу выбрать себе одного из коней, того, что ему больше понравится, Шасоу выбрал жеребенка-сосунка — он еще сосал молоко своей матери.

После этого князь Навей и Шасоу назначили срок отъезда.

Пока не пришел срок, Шасоу обучил своего коня так, как ему нужно было. Кончился срок, и они поехали к девушке.

А девушка оповестила всех родственников и друзей, чтобы они были у нее к этому времени.

Устроила девушка большой пир, приготовила путникам хорошие припасы и по одной паре белья, положила все это в их хурджины, а хурджины привязала к седлам и с почетом отправила их в путь.

Ехали они ночью, ехали днем и вот подъехали к одному селу.

Остановился там князь Навей и говорит:

— Давай ограбим это село!

— Стыдно здесь грабить! — ответил Шасоу Аапста. — Здесь пасли телят отца моего и дядей моих! — И Шасоу Аапста отказался грабить то село.

Сам Шасоу был сыном разоренных родителей. Родителей разорили адауы и присвоили себе их усадьбу. В то время, когда адауы грабили отца Шасоу, он сам был еще в утробе матери.

Шасоу Аапста ненавидел адауы. Он мечтал когда-нибудь отомстить им. Теперь он мог сделать это и непременно хотел поехать к адауы. Но князь Навей уже устал и не мог ехать дальше. Тогда Шасоу Аапста привязал князя веревкой к своему седлу и так притащил к тому месту, откуда адауы выгнали его отца.

— Здесь живут адауы, — сказал Шасоу. — Они сожрали моего отца. Долго я искал этих адауы. Их семеро, начиная с одноголового и кончая семиголовым. Я должен отомстить им за отца, но тебе я не предлагаю мстить за моего отца. Поэтому оставайся здесь, пока я не вернусь. Ты услышишь страшный рев, загремит гром, засверкает молния, но ты не бойся и никуда не уходи.

Шасоу оставил Навея и направился туда, где раньше жил его отец. Смотрит, а там пасется много скота, и большой табун

лошадей. Шасоу отогнал табун, взмахнул плетью и вдруг загремел гром, засверкала молния и раздался страшный рев.

Услышал князь Навей все это, испугался и спрятался в дупло какого-то дерева, а его конь побежал к табуну.

Вернулся Шасоу Аапста, а князя нет. Смотрит, конь Навея пасется с табунном. Вдруг конь пустился бежать, и Шасоу подумал: «Если конь уйдет, то адауы узнает о случившемся и придет сюда».

Шасоу с трудом поймал жеребца, после долгих окриков нашел князя Навея, отдал ему коня и сказал:

— Не отпускай его! Если он уйдет — приведет сюда адауы! После этого он пошел за тем добром, что было у адауы.

Князь Навей не смог удержать коня, он вырвался от него и умчался.

Прошло немного времени. Шасоу вернулся. Смотрит — к ним на жеребце князя с шумом и грохотом едет одноголовый адауы.

Подъехал адауы и говорит:

— Хайт! Кто это осмелился грабить нас? Мы ведь думали, что уже покончили со своими грабителями! Шасоу Аапста тогда был еще в утробе матери. Он, наверное, и не родился, а если родился — еще не созрел, а если созрел — не посмел бы нас ограбить.

Сказал так адауы и направился прямо к Шасоу.

Тогда Шасоу сказал:

— Я — тот самый, кого зовут Шасоу Аапста. Я уже и родился, и созрел, и ограбил вас. Если ты мужчина, адауы, стреляй в меня!

— Эх, несчастный Шасоу, стреляй сам! — ответил адауы.

Шасоу Аапста не дал адауы договорить своих слов, выстрелил в него и убил наповал. Потом он поймал жеребца, подвел его к князю Навею, отдал и сказал:

— Не пускай его! Если он вырвется, приведет сюда другого адауы!

Шасоу отвязал свою кубышку, поднес к струе крови, что била из тела адауы, наполнил ее, отпил немного и повесил кубышку на место*.

Но разве князь Навей смог удержать коня? Жеребец отбросил его в сторону и умчался.

Прошло немного времени. Смотрят они и видят: гремя землею и небом, подъезжает двухголовый адауы. Едет и говорит:

— Хайт, кто осмелился нас грабить?! Мы уже всех уничтожили. Был, правда, Шасоу Аапста, но ведь он находился в ут-

робе матери. Наверное, он еще не родился, а если родился — еще не созрел, а если созрел, то не решился бы грабить нас!

Тогда Шасоу крикнул в ответ:

— Я тот самый, кого зовут Шасоу Аапста. Я уже родился, и созрел, и осмелился вас ограбить. Стреляй в меня, адауы!

— Как я выстрелю первым?! Стреляй ты, несчастный Шасоу!

Не успел адауы закончить своих слов, как Шасоу Аапста выстрелил и убил его наповал.

Потом Шасоу поймал жеребца и велел князю Навею придержать его, но конь опять вырвался, и на нем примчался еще один адауы.

Так Шасоу, стреляя первым, убил шестерых адауы. Смотрят — а на жеребце князя едет к ним семиголовый адауы. Едет и кричит:

— Хайт! Кто осмелился нас грабить? Кто убил моих младших братьев? Мы ведь думали, что с грабителями уже покончили! Это ты, несчастный Шасоу? Так стреляй же в меня!

— Нет, адауы, теперь мне не следует стрелять раньше тебя. Если ты мужчина — стреляй в меня! — сказал Шасоу.

Адауы пустил стрелу. Стрела прошла через оба бедра Шасоу, но не умертвила его. Тогда Шасоу Аапста выстрелил в семиголового адауы, убил его наповал, подставил кубышку к струе крови, что била из тела адауы, наполнил ее, напился крови и повесил кубышку на место.

Потом он поймал жеребца, привязал его так, чтобы он не смог убежать, крепко-накрепко перевязал свои бедра полотенцем и пошел туда, где жили адауы.

Князь Навей остался на месте.

Шасоу взял отцовских коров, быков и весь скот, забрал все золото и вернулся к князю Навею.

Они взяли все богатство и хотели было отправиться домой, но князь Навей не мог ехать. Видит Шасоу Аапста, что князь Навей не может ехать, привязал его к спине одной кобылы и с трудом доставил его вместе со всем богатством в село, что было по соседству с их селом.

Вот стали подъезжать к этому селу. Шасоу Аапста подошел к князю Навею и говорит:

— Ты князь. У тебя есть слава. Когда мы с таким богатством приедем домой, все скажут, что это твоя заслуга, князь Навей. Никто не подумает, что я могу проявить столько мужества, да ведь и ты не считал меня за человека, даже с места не привстал

ради меня. Я же хотел отомстить за смерть моего отца, и, как видишь, я это сделал.

— Когда мы вернемся домой — соберется народ. И раз мы приедем с таким богатством, то должны будем устроить пир. Да и подарки кое-кому надо будет дать.

— Все это сделаешь ты. Пусть и слава достанется тебе, и девушка станет твоей, и все богатство останется тебе, только оставь мне этих четырех арашей. Золото и все наследство моего отца пусть будет моим, а все остальное — в твоём распоряжении: как хочешь, так и поступай. Но помни, что, раз люди будут думать, что ты проявил такое мужество, тебе предложат станцевать. А ты, когда станцуешь, не предлагай мне танцевать.

Сказал так Шасоу Аапста, и они поехали к девушке.

Прослышал народ, что князь Навей и Шасоу Аапста приехали обратно. Собрались все. Каждого князь Навей одарил, а на другой день устроил пир и танцы. Под конец пира народ упрости князя Навея, как совершившего такое геройство, станцевать, и он станцевал.

Князь Навей выпил много вина. Он позабыл предупреждение Шасоу Аапста и предложил ему станцевать после себя.

Что было делать Шасоу Аапста? Он стал танцевать и танцевал отлично.

Но ведь Шасоу был ранен! И вот, как только он начал танцевать, из его раны заструилась кровь.

Когда люди поняли, что Шасоу ранен, и увидели, что в его бедра вонзилась стрела, все поняли, что он отомстил за своего отца.

Люди пробовали вытащить стрелу: потянул один — не смог вытащить, потянули двое — не смогли вытащить. Тогда сразу восемь человек стали вытаскивать стрелу. Шасоу стонал от боли.

В это время подъехал маленький старик на маленькой лошадке.

— Эх ты, гнилой! — сказал старичок. — Тебя колючка уколола, а ты орешь, да еще заставил народ вытаскивать ее! Как я вижу — ты не мужчина!

Сказал так старичок, протолкнул стрелу, стрела насквозь прошла тело и выскочила из раны. А старичок сел на свою лошадку и ускакал.

Тогда Шасоу Аапста сказал князю Навею:

— Собери до моего возвращения все богатство, что мы за-

хватили; если же ты что-нибудь подарил — и это бери. А я, пока не узнаю, кто этот человек, не вернусь.

Шасоу вскочил на араша и погнался за стариком. Он ехал по его следам, и тот путь, который старичок проскакал за один день, Шасоу Аапста одолел за трое суток.

Трое суток ехал Шасоу, пока на какой-то возвышенности не увидел полянку. На этой полянке стояла хижина.

Шасоу Аапста захотел узнать, кто живет в этом акауацв, подошел, заглянул в щель и видит: сидят в хижине старичок и две женщины. Одна женщина ищет блох в голове старичка, другая — на его спине.

Тогда Шасоу Аапста подумал: «Подожди, несчастный старикашка, я покажу тебе, как смеяться надо мной!»

Шасоу прицелился в голову старичка, выстрелил, но пуля прилипла к голове. Старик провел рукой, схватил пулю и сказал женщине:

— Ты что, слепая, что ли? Не видишь, что меня кусает!

Сказал так старичок и выбросил пулю.

Удивился Шасоу Аапста, задумался: почему пуля не пробилась в голову старичка? «Ну уж если пуля не пробилась в голову, то телото она пробьет!» — подумал Шасоу и выстрелил в спину старика. Пуля прилипла к спине, старик пошарил рукой, взял пулю и закричал на женщин:

— Чтоб вы ослепли! Исцарапали всего, а не видите, что меня кусает!

Сказал так старичок, посмотрел, что у него в руке, и увидел пулю.

— Кто стреляет в меня со двора? Уж ни Шасоу ли Аапста, о котором все говорят? Да его самого что-то не видно?! Заходи ко мне! — позвал старик.

Вошел Шасоу Аапста и принялся рассказывать старику, как он расправился с адауы.

А потом Шасоу Аапста сказал:

— У меня в бедрах была стрела. Ее тянули восемь человек и не смогли вытащить, ты же эту стрелу принял за колючку, вытолкнул из раны и уехал. Я решил узнать, кто ты такой, и поехал по следам твоей лошадки.

— Ой, дад! — сказал тогда старик. — Я все знаю, что было с тобой, знаю и о твоём геройстве, но, когда я вспомнил, что было со мной, я посчитал твою стрелу за колючку.

— Вот об этом-то я и хочу узнать! Расскажи мне, если можно! — попросил старика Шасоу Аапста.

— Хорошо, дад, слушай, что со мной приключилось! — промолвил старик и принялся рассказывать: «Было нас семеро охотников. Однажды мы пошли на охоту и попали в какую-то пещеру. Мы думали, что охотимся в пещере, но, оказывается, мы находились в лошадином черепе. Вдруг подошла собака какого-то пастуха, схватила череп и понесла вместе с нами. Увидел пастух, что собака припесла череп, воткнул в него палку и вместе с нами забросил в море. Там череп проглотила рыба. Внутри этой рыбы жило много людей. С одним из жителей я подрался.

Как-то раз тот человек, что подрался со мной, накопил сена и понес его. Я подкрался к нему сзади и спичкой поджег сено. От этого во всем селе вспыхнул пожар. Рыба накалилась и лопнула, а меня, мою лошадь и этих двух женщин море выбросило на берег. На своей лошадке я часто ездил на разбой. Однажды ехал я по дороге и увидел семиголового адауы. Он спал около привязанной лошади. Как только лошадь заметила меня, она разбудила адауы. Адауы проснулся, взмахнул рукой, поймал меня, потом взял вертел, насадил меня на этот вертел, а его зажал между колен так, что я оказался против огня. Подо мной адауы поставил лоханку и опять уснул.

Я таял на вертеле, с меня стекал жир прямо в лоханку, я крутился и чуть было не соскочил с вертела, как вдруг лошадь разбудила адауы.

Он проснулся, поднял лоханку, выпил мой растопленный жир, а меня самого насадил поглубже на вертел, лег и опять уснул.

Мой жир снова наполнил лоханку, и я чуть было не соскочил с вертела, но лошадь опять разбудила адауы.

Он выпил жир, насадил меня поглубже на вертел и снова заснул.

В третий раз из меня уже не вытапливался жир и я чуть было не соскочил с вертела, как вдруг лошадь адауы разбудила его.

Адауы не нашел больше жира, рассердился на свою лошадь и ударил ее, а меня насадил поглубже и снова уснул.

Я крутился на вертеле и докрутился до того, что мог уже соскочить.

Лошадь была в обиде на своего хозяина и сказала мне:

— Спрыгни! Я его больше не разбужу. И если ты сумеешь поднять вон ту шашку — она принадлежит адауы — и бросить в адауы, шашка рассечет его пополам, а ты уйдешь.

Я с трудом соскочил с вертела, с большим трудом поднял шапку адауы и бросил в него. Шашка рассекла адауы пополам, а я пришел сюда, к себе домой. Вот что я пережил!» — закончил старик свой рассказ.

После этого он сказал:

— Конечно, когда ты придешь в свое село, ты расскажешь, у кого был, и люди спросят: «Что он тебе дал?» Вот золото, скот, выбери любого коня — словом, подумай, что взять, что выбрать.

Оказывается, жены старика хотели, чтобы он всегда сидел дома, а старик не мог оставаться дома, пока с ним была его лошадь.

Поэтому женщины уговорили Шасоу Аапста, чтобы он выпросил у старика эту лошадь.

Шасоу Аапста собрался ехать домой. И вот, когда он готовился уезжать, старик спросил:

— Чего ты хочешь, что тебе подарить?

— Ничего мне не нужно! — сказал Шасоу Аапста, но старик пристал к нему:

— Если ты чего-нибудь не возьмешь, не отпущу тебя домой!

Видит Шасоу Аапста, что старик не отстанет, и говорит ему:

— Если обязательно хочешь подарить мне что-нибудь, то подари свою лошадку — больше мне ничего не надо.

Не понравился старику выбор Шасоу Аапста. Он ему снова и снова стал показывать и золото, и скот, но, видя, что Шасоу от всего отказывается, старик подарил ему лошадку.

Шасоу Аапста взял ее и поехал домой.

Как только Шасоу Аапста вернулся домой, он вызвал к себе князя Навея и дал ему долю из богатства, захваченного у семи братьев адауы.

А потом Шасоу Аапста женился на той девушке, которая пообещала ему и князю Навею выйти за того, кто окажется более мужественным. Он сыграл большую свадьбу, спокойно зажил у себя дома и жил припеваючи.

Я сегодня ходил к ним и вот пришел обратно.

47. Глупость и ум

Жила одна женщина-вдова. У нее были сын и дочь.

Как-то раз сын вдовы ушел в лес за дровами. Пока его не было, мать и сестра соскучились, легли вместе и заснули.

В это время один человек, живший по соседству, от нечего делать выстрелил. Пуля упала позади дочери.

Увидела мать, что пуля упала позади дочери, и стала исто-тово кричать.

— Нан, что случилось, почему ты кричишь? — спросила дочь.

Мать ответила:

— Нан, вот почему я кричу: если бы ты была замужем и имела много детей, они лежали бы позади тебя и погибли бы от этой пули.

— Это правда! — воскликнула дочь и стала горько плакать.

На их крик сбегались соседи и, хотя соседи не знали, что случилось, тоже стали плакать вместе с ними.

В это время сын вдовы возвращался из лесу, услышал крик и прибежал домой.

Вошел во двор и спросил у плачущих соседей:

— Что такое? Что с вами случилось?

— Мы сами не знаем, что случилось: увидели, что твоя мать и сестра плачут, и сами стали плакать! — ответили соседи.

Когда сын узнал, что случилось, он сказал всем собравшимся:

— Я уйду и не вернусь до тех пор, пока не встречу ко-нибудь глупее моей матери и сестры!

Сказал свое слово и отправился в путь.

Шел парень по дороге, прислушивался и вдруг слышит го-лоса. Кто-то кричал: «Уах-сах!» Парень решил узнать, что слу-чилось, пошел на голоса, посмотрел и видит: какие-то люди поднимают скот на чердак.

— Что вы делаете? — спросил парень. Ему ответили:

— Наш скот умирает — так хочет соли, а соль на чердаке, вот мы и поднимаем скот на чердак!

— Зачем же скот поднимать на чердак, когда можно взять соль с чердака и покормить скот во дворе!

— Верно! — сказали люди и удивились: «Как много он знает!»

Путник тоже удивился тому, что увидел, но ушел от них, чтобы повидать что-нибудь еще более странное.

Много времени провел путник в дороге, но шел все дальше. Как-то раз он услышал плач. Юноша пошел туда, откуда слы-шался плач, подошел к плачущим и спросил одного из встреч-ных:

— Кто это умер?

— У одного хорошего человека была дочь. Рука дочери застряла в кувшине для воды, мы считаем девушку погибшей и думаем хоронить ее вместе с кувшином,— ответили ему.

Юноша путник разыскал отца девушки и спросил:

— Что с вами случилось, почему вы плачете?

— Рука моей дочери застряла в кувшине, мы не смогли ее вытащить оттуда и потому хороним дочь живой вместе с кувшином,— сказал отец девушки.

— А если я вам помогу, что вы мне дадите? — спросил путник.

— Получишь половину моего богатства,— ответил отец.

Юноша подошел, разбил кувшин и освободил руку девушки. Тогда отец отдал ему половину своего богатства.

Вот какие случаи бывали с глупыми, несообразительными людьми.

48. Спор судьбы с умом

Жил один богатый человек по имени Хаджибей. Он держал триста писарей.

Как-то раз ум и судьба заспорили, кто из них лучше, кто из них могущественнее. Ум говорит:

— Я лучше!

А судьба говорит:

— Нет, я лучше!

— Так посмотрим, испробуем на Хаджибее,— решили они.

И вот из Хаджибея выскочил ум, осталась у него только счастливая судьба. Стал Хаджибей глуповат, и все добро его постепенно уплыло. Триста писарей, которых он держал, разбежались поодиночке, а сам Хаджибей обеднел. Когда его окликали: «Эй, Хаджибей!» — он только и мог ответить будто спросонья: «Блх!» — и больше ничего не говорил.

Вот однажды брел Хаджибей по дороге. Шел-шел, устал, лег под ольхой и уснул. По той же дороге, прикрываясь тьмой, ехал один купец. Вдруг смотрит купец — сразу рассвело. Он подумал: «Ведь только что стемнело, почему же так быстро настал рассвет?» Подъехал купец к тому месту, где спал Хаджибей, смотрит — а у Хаджибея в руках огромная жемчужина. Эта жемчужина своим блеском освещала все вокруг, и поэтому было светло как днем.

Это судьба решила: «Ум победит меня!» — и дала Хаджибею такую жемчужину.

Увидев это, купец соскочил с коня.

— Хаджибей, Хаджибей! — стал он звать его.

Но Хаджибей только откликнулся «ых!», промычал «а-а» — и больше ни слова.

— Что у тебя в руке? С тем, что ты держишь, можно взять в жены прекрасную дочь царя! Пойдем, я стану сватать ее за тебя, — сказал купец.

Когда купец сказал так, Хаджибей поднялся, и они направились к царю. Не успели въехать в царский двор, как все вокруг осветилось.

Царь удивился и послал своих людей узнать, что это так светится. Люди царя вышли во двор и, увидя двух пришельцев, поднялись вместе с ними к царю, а купец и говорит:

— Этот парень — Хаджибей — принес тебе в подарок огромный жемчуг. Он просит руки твоей дочери, хочет стать твоим зятем.

Царь ответил:

— Разве я могу отказать в родстве человеку, который принес мне такое богатство? Пусть берет мою дочь! Пойдите к ней, пусть они поглядят друг на друга, и дайте ей знать, что оп — ее муж.

Сказал так царь и послал их к своей дочери.

Купец с Хаджибеем поднялся на верх дворца, где жила девушка, сказал ей, что Хаджибей пришел ее сватать, потом вышел и оставил их вдвоем. А Хаджибей стоит и стоит — долго он простоял как вкопанный. Наконец девушке это надоело, она и говорит ему:

— Садись!

Хаджибей стоял возле раскрытого окна. Когда девушка заговорила, он решил: «Выпрыгну!» — и бросился к окну.

Тут судьба не смогла его удержать и закричала:

— Эй, ум, ум! Где ты?! Я потеряю кости и кожу этого человека!

Тогда ум быстро-быстро возвратился в голову Хаджибея. Хаджибей сразу пришел в себя. Он уже наполовину было высунулся из окна, но быстро отпрянул назад и, улыбаясь, взглянул на девушку.

— Хай, какой-то голубь пролетел мимо, я хотел поймать его и подарить тебе, — сказал он девушке, когда ум возвратился к нему.

И девушка поверила этому.

Так Хаджибей взял в жены царскую дочь.

Вот как ум победил судьбу. Говорят: «У судьбы глаза закрыты, а у ума — открыты». Глаза судьбы — это ум.

49. Сказка о крестьянине Мате

Жил один крестьянин по имени Мата. Он был беден, очень беден. Была у него жена, была и дочь. Жена и дочь работали у богатого князя — прями шерсть. За это они получали столько хлеба, сколько надо было, чтобы прокормить двоих.

Сам крестьянин Мата тоже где-то работал за кусок хлеба. Так они с трудом доставали пищу, но одеться им было не во что, ходили полуголые.

И вот однажды Мата решил: «Пойду куда-нибудь наймусь, заработаю немного денег и тогда приодену свою семью»

Решил так Мата и говорит жене с дочерью:

— Я уйду на заработки. Наймусь к какому-нибудь богачу в работники, заработаю деньги и приду назад. А вы до тех пор протяните как-нибудь.

Что жена и дочь могли ему сказать?

— Хорошо, иди! — ответили они Мата.

Вот пошел Мата. Шел, шел, приходит к одному очень богатому князю. Оказывается, князь был такой: стоит ему раз взглянуть на человека, как он узнает, что с этим человеком случится через три года.

Пришел Мата к этому князю и спрашивает:

— Есть ли у тебя работа?

— Работы сколько хочешь, — ответил князь.

— Я хочу наняться в работники на один год, если найдется человек, который даст мне работу, — сказал Мата. — Если пожелаешь, найми меня!

— Хорошо, оставайся, — ответил князь, и они сговорились, что Мата за год работы получит сто рублей денег.

Когда они так сговорились, князь сказал:

— Кончится год, я отсчитаю сто рублей и положу их перед тобой. А потом можешь выбирать — или деньги, или хороший совет. Если возьмешь сто рублей — не получишь совета, если захочешь получить совет — оставишь мне деньги.

Но Мата ответил князю:

— Хорошо, тогда об этом и поговорим. Дай бог прожить до тех пор! — и принялся за работу.

Работал Мата целый год очень хорошо, и вот уже стал приближаться срок, когда он мог вернуться домой.

Мата подумал: «Ну вот, кончился год, теперь я могу идти домой с заработанными деньгами».

Пришел Мата к князю и говорит ему так:

— Дад князь! Год кончился, заплати мне, я ухожу.

Князь ответил:

— Хорошо.

Он отсчитал сто рублей — да не бумажками, а золотом — и положил перед Мата на скамью.

Мата обрадовался: «Вот какой я счастливый, получу сто рублей! Что мне еще надо!»

Но князь сказал ему так:

— Помнишь, дад Мата, как мы с тобой договаривались, когда я нанимал тебя? Я тогда сказал: «Если хочешь — заплачу тебе деньгами, а если пожелаешь — вместо денег дам один совет. Что ты захочешь, то и выбирай». Вот сто рублей. Если хочешь — бери деньги, а если предпочитаешь получить обещанный мною совет — тогда пусть деньги останутся и я скажу тебе то, что обещал.

Призадумался Мата: и деньги взять хочется, и совет он не прочь получить. Что тут делать? В конце концов Мата решил:

— Будь что будет! Лучше узнаю, что он скажет, что за совет мне даст! Наверное, это очень хороший совет, если сто рублей стоит!

Решил так Мата, сердце у него забилося, и говорит он князю:

— Пусть деньги у тебя остаются, лучше дай мне хороший совет.

— Хорошо! — ответил князь, спрятал деньги обратно и написал условие, по которому Мата не должен был требовать от него денег.

После этого князь встал и сказал:

— Дад Мата! Когда тебя спросят о чем-нибудь, ты хорошенько обдумай и скажи тому человеку такое слово, которое ему придется по душе, — все равно, будет то правда или ложь, — лишь бы ему понравилось, лишь бы его обрадовало! Вот какой совет я хотел тебе дать, — закончил князь.

Мата так и обмер. После этого ему и жить больше не хоте-

лось: «Эх, задаром я потерял свои сто рублей! — подумал он. — Но что теперь делать? Все кончено!»

Делать было нечего, Мата остался работать еще на один год за сто рублей.

Проработал он целый год. Прошел год, наступил срок получать плату. Мата и говорит князю:

— Срок пришел!

Князь опять отсчитал сто рублей золотом, положил перед Мата и говорит:

— Дад Мата! Если хочешь — забери эти деньги, а если захочешь — деньги оставь, а взамен я тебе дам один совет. Пусть он тебе будет вместо платы.

Задумался Мата. Думал, думал, не знает, что делать.

Сперва он так решил: «Будь что будет! Этот человек умный, наверное, он мне очень хороший совет даст — не возьму я денег!» Но после думает: «Нет, лучше возьму свои деньги, а то, как и в первый раз, даром пропадут!»

И все же под конец Мата сказал:

— Не хочу денег, лучше дай мне хороший совет!

— Хорошо! — ответил князь, написал бумагу, что Мата не будет требовать своих денег, сделал все, как в первый раз, а потом они сели и князь сказал:

— Дад Мата! Никогда в своей жизни не спорь о том, чего не сможешь сделать, все равно ничего не получишь, если ты на самом деле этого не сделаешь. Вот что я хотел тебе сказать. Не забудь мои слова!

— Эх, зачем я не умер? — воскликнул Мата. — Что со мной сделали? Теперь бы я имел уже двести рублей! Зачем я не умер? — вопил Мата, ударяя себя кулаком в грудь. Но что было делать?

Снова Мата остался работать на год. Договорились с князем, как раньше они договаривались, и Мата принялся за работу. Так он жил у князя, пока не кончился год. Когда же настало время, Мата сказал князю.

— Срок пришел!

— Хорошо, — ответил князь, достал сто рублей и опять говорит: — А-а, дад Мата! Если хочешь, бери свои деньги, а если пожелаешь — получи еще один совет, а деньги пусть останутся.

Мата решил: «Что со мной может случиться? Ничего не случится, чего бы раньше не случилось! Узнаю и этот совет!» — и говорит князю:

— Хорошо, скажи, что за совет.

Тогда князь приподнялся со своего места и сказал так:

— Дад Мата, не верь тому, чего своими глазами не видел. Вот такой совет я хотел тебе дать.

Итак, крестьянин Мата работал три года, но вместо трехсот рублей получил три совета. Первый совет: если тебя о чем-нибудь спросят, отвечай так, чтобы твой ответ понравился; второй совет: не спорь о том, чего ты не сможешь сделать; третий совет: не верь тому, чего не увидишь своими глазами.

Мата рассердился на самого себя: «Что я наделал, что со мной случилось? Лучше бы я деньги свои забрал!» Но что поделаешь? Все уже было кончено.

А вдобавок князь прогнал его:

— Уходи! У меня больше нет работы!

Опечалился Мата: «Лучше б мне умереть!»

Сказал так и пошел по дороге. Шел Мата, ударяя себя в грудь, и вспоминал о жене и дочери, оставленных дома. «Как они живут? — думал он и сетовал: — Какой убыток я потерпел!»

Шел, шел Мата, видит — перед ним огромный дворец.

Вокруг дворца — железная изгородь, на каждом столбе изгороди — человеческая голова, а тела на земле валяются.

Не успел Мата подойти ко дворцу, как солдаты окружили его, крикнули: «Стоять!» — и схватили.

Схватили солдаты крестьянина и повели к царю, который жил в этом дворце. Ввели в одну из палат, а там стоит серебряный стол, на серебряном столе — золотая тарелка, а в золотой тарелке — большая зеленая лягушка. Сидит она, сверкая глазами, оглядывается по сторонам и часто мочится в золотую тарелку. Оказывается, эта лягушка была женой царя. По ночам она из лягушки превращалась в красавицу, и это была такая красавица, какой больше во всем свете не сыщешь. Но днем царица снова превращалась в лягушку, и это должно было продолжаться до тех пор, пока какой-нибудь человек не скажет царю: «Какая прекрасная лягушка сидит в тарелке!» Всякий, кто проходил мимо дворца, попадался солдатам, солдаты ловили его и приводили к лягушке, которая сидела в золотой тарелке, а царь спрашивал:

— Достойна ли эта лягушка сидеть в золотой тарелке или не достойна?

Что ответить царю? Каждый, кого царь спрашивал так, конечно, отвечал: «Не достойна эта старая лягушка сидеть в золотой тарелке! Что ей делать в такой тарелке?» И вправду,

если подумать — как старая, вопючая лягушка может быть достойна золотой тарелки?! Но если бы хоть один человек ответил: «Как не достойна лягушка такой тарелки?! Ей еще лучшую тарелку надо бы!» — тогда жена царя сразу бы превратилась в красавицу и оставалась бы такой и днем и ночью. Но об этом никто не знал, и никто так не говорил.

И вот красавица по-прежнему днем была лягушкой, а царь всем людям, которые говорили, что она не достойна золотой тарелки, рубил головы.

Наконец привели крестьянина Мата туда, где на золотой тарелке сидела лягушка. В палату вошел царь и спрашивает Мата:

— Дад Мата, я задам тебе один вопрос, а ты мне отвечай всю правду, как ты думаешь.

«Что он спросит?» — подумал Мата и говорит царю, весь дрожа от страха:

— О царь, о чем вы хотите спросить меня?

А царь ему в ответ:

— Дад Мата, как видишь, я царь, у меня стоит серебряный стол, на столе — золотая тарелка, а в тарелке сидит, выпучив глаза, лягушка. Как ты думаешь, разве этой старой лягушке место в золотой тарелке?

«Эх, чтоб твоя мать увидела горе! Я вижу, что ей здесь не место, но как мне лучше ответить?» — подумал Мата. Думал он, думал и вдруг вспомнил сторублевый совет князя: «Когда тебя о чем-нибудь спросят, отвечай так, чтобы твой ответ пришелся по душе тому человеку, который тебя спрашивает, будь то правда или ложь». Вспомнил тот совет Мата и думает: «Правда, если бы царю не нравилась лягушка, разве он посадил бы ее в золотую тарелку?»

Подумал так крестьянин Мата и говорит царю:

— Царь, пусть я умру вместо тебя! Что бы я мог сказать такого, что ты сам не знал раньше меня, но все равно я скажу: это прекрасная лягушка! Она достойна сидеть в золотой тарелке на серебряном столе. Может, кто-нибудь посмотрит и скажет, что ей здесь не место, не знаю, но я сам думаю так: и вправду, лягушка сидит в красивой золотой тарелке, но тарелка стоит на серебряном столе, а стол этот тоже должен быть золотым!

Не успел Мата кончить своих слов, как лягушка закричала, прыгнула с тарелки и превратилась в удивительную красавицу. Косы ее доходили до пят, и вся она была так стройна и

прекрасна, что Мата поразился. Он не мог понять, что случилось, как лягушка стала красавицей. Мата не смог бы даже описать ее — так она была прекрасна!

Тогда заговорил царь.

— Дад Мата, — сказал он. — Я женат на этой красавице уже давно, но бог ее так сотворил, что днем она превращалась в лягушку, а ночью была человеком. И это случилось с тех самых пор, как я на ней женился. Но вот один раз я увидел такой сон, что непременно должен всех, кого встречу, спрашивать: «Достойна эта лягушка золотой тарелки или нет?» До тех пор пока не найдется человек, который скажет: «Достойна», жена днем будет превращаться в лягушку, но, как только найдется такой человек, она больше не станет превращаться в лягушку. С тех пор я не пропускал ни одного прохожего, всех спрашивал, но каждый мне отвечал: «Не достойна эта старая лягушка сидеть на золотой тарелке». Разгневанный, я велел рубить головы и выбрасывать тела за ограду. Наконец пришел ты. Ты пришел и сказал, что лягушка достойна золотой тарелки, и превратил мою жену в человека. Оказывается, ты счастливец. Чего теперь хочешь от меня за это?

Что крестьянин Мата мог ответить царю?

— Если ты что-нибудь мне подаришь — спасибо скажу, а нет, так отпусти меня, и я пойду к себе домой, — сказал Мата царю.

Тогда царь сделал его князем того села, в котором до сих пор жил Мата, дал ему слуг, подарил множество скота и огромное богатство, золота — не счесть!

Вот какое дело сделал сторублевый совет князя, у которого Мата работал!

Мата со своими слугами, войском, со всем богатством — деньгами, скотом — словом, со всем, чем наградил его царь, направился домой. По дороге все устали и решили отдохнуть под раскидистым деревом. Там же устроился на отдых один купец. Он расположился поодаль. Этот купец был еще богаче, чем Мата, но стал ему завидовать. Купец решил во что бы то ни стало отобрать у Мата все его богатство и принялся думать, как это устроить.

Но вот в то время как все расположились в тени дерева, туда прилетел голубь и сел на ветку. Купец подумал: «Я предложу этому богачу спорить, что смогу залезть на дерево, незаметно подкрасться и поймать голубя, а он не сможет».

Купец обратился к Мата и говорит ему так:

— Мата, мы с тобой богачи. А когда богачи встречаются, они делают что-нибудь такое, чтобы о них все говорили. Давай и мы что-нибудь придумаем, пусть о нас тоже все заговорят!

— Что же, дад? — спросил Мата.

— Давай поспорим, кто из нас сумеет поймать этого голубя, — ответил купец.

— На что же мы станем спорить? — опять спросил его Мата.

— А вот на что: если ты сможешь тайком подобраться к голубю и поймать его — забирай все мое добро, а если спугнешь голубя и он улетит — тогда отдашь мне все свое богатство.

Мата решил: «Ну, разве я не сумею поймать голубя? Подберусь тайком, спрячусь в листьях и поймаю!» Но тут он вспомнил второй сторублевый совет князя, у которого жил когда-то: «Не спорь о том, чего не сможешь сделать!» Вспомнил Мата этот совет и говорит купцу:

— Нет, я не смогу поймать голубя!

— Если так, я сам поймаю и принесу его тебе! — сказал купец.

Мата поразмыслил и решил, что купец не сможет этого сделать. Вот он и говорит купцу:

— Если так, я согласен, полезай на дерево. Принесешь голубя — забирай все мое богатство, не поймаешь — отдавай мне все свое добро!

Сговорились так, купец согласился и полез на дерево.

Крадется тихонько, вот-вот схватит голубя, а голубь вспорхнул и сел на другую ветку. Испугался купец, что голубь улетит, опять подбирается к нему. Совсем близко купец от голубя, вот сейчас схватит его за хвост — а голубь опять возьми и улетит! Сел голубь на самую верхушку. Еще больше испугался купец — страшно потерять ему голубя. Лезет он, лезет, добрался до самой верхушки, вот-вот схватит голубя за хвост — а голубь вспорхнул и улетел совсем.

Купец готов был руки на себя наложить, но все же не умер. Богатство свое он отдал Мата. Мата к своему добру прибавил богатство купца и отправился домой, а купец, скрестив на груди руки, в печали пошел своей дорогой.

Вот Мата уже совсем близко от своего села. Смотрит — на встречу ему идет старик сосед с топориком под мышкой.

«Хай! — подумал Мата. — Когда я еще до дому доберусь! Дай-ка сейчас узнаю, жива ли моя семья» — и окликнул соседа:

— Исо!

Исо ответил:

— Хай?!

— Исо, иди сюда, иди! — закричал Мата.

Исо подошел. Тогда Мата спросил его:

— Узнаешь меня?

— Нет, не узнаю! — ответил сосед: ведь уже четыре года прошло с тех пор, как он в последний раз видел Мата.

— Это я, Мата, — сказал Мата соседу. — Что у нас нового? Все ли живы? Как моя семья?

Исо пораздумал и решил так: «Если Мата с таким богатством и с множеством скота поселится в нашем селе, он всех нас сделает своими пастухами! Лучше я скажу ему что-нибудь такое, чтобы он вернулся назад и ушел отсюда подальше».

И сосед сказал Мата:

— Твоя семья? Жена и дочь умерли, а на том месте, где ты жил, теперь болото. Там, где стояла твоя пацха, живут лягушки. Чем все это видеть своими глазами, лучше не ходить туда и не смотреть.

Мата тоже решил: «Если так, напрасно туда ходить, смотреть и горевать, лучше вернусь и буду жить где-нибудь в другом месте».

Решил так и пошел обратно. Но тут он вспомнил третий сто-рублевый совет князя: «Не верь тому, чего не видел своими глазами!» Вспомнил Мата совет и решил: «Все, что советовал князь, я исполнял. Исполню и этот совет: пока не увижу своими глазами, не поверю». — И Мата пошел в свое село.

Приходит прямо к своему дому. Смотрит — дом как стоял, так и стоит, а жена и дочь его сидят в золе у потухшего очага. Они не узнали Мата и подумали:

— Зачем этот князь пришел в наш дом, похожий на могилу? Кто этот человек?

Жена и дочь не виделись с Мата уже четыре года и давно считали, что он умер или погиб где-нибудь.

Тогда Мата сказал им:

— Не пугайтесь! Я — Мата.

Жена и дочь так обрадовались, что упали без чувств.

Вскоре Мата выстроил большие дворцы и зажил в них вместе со своей семьей.

Он завел большое хозяйство и стал князем своего села. Тогда он позвал Исо, который обманул его, и сделал его за этот обман пастухом на десять лет.

И я там был прошлой ночью, как тот человек, который там

не был. Пировали мы, как люди, ничего для пира не имевшие. Такая была выпивка, как в том месте, где ее не было. Опьянели мы, как люди, ничего не пившие. На рассвете мы встали из-за стола, как те, кто и не садился за стол. Всю дорогу я шел, падая и оступаясь, как человек, никуда не идущий. Сейчас я пришел оттуда и нахожусь здесь. Рассказал вам новость, подобную лжи. Если спросите меня: «Это правда или ложь?» — я отвечу: «Если сказка — правда, это тоже правда».

50. Как паршивый сделался царем

Жил один человек, и был он весь в парше. Этот паршивый имел брата и сестру. Все они жили очень бедно.

Вот однажды паршивый посоветовался с братом, и они решили идти на заработки. Пришли в город. Приближалась ночь, и братья зашли переночевать к одному доброму человеку. Хозяин принял их, накормил и уложил спать. В полночь паршивый встал, оделся, разбудил брата и говорит ему:

— Вставай, одевайся! Я хочу украсть звонок с дверей этого дома!

— Что ты, в уме ли? Что говоришь? Ложись, спи, — сказал брат, но паршивый его не послушался, пошел и начал отрывать звонок от двери. Что тут делать? Брат тоже встал и оделся. Но паршивому было легче снять дверь, чем оторвать звонок. Он так и сделал: снял дверь вместе со звонком, взвалил ее на себя, привязал веревкой и пошел. А брат — следом. На рассвете они подошли к одному большому дубу. Брат и говорит паршивому:

— Давай спрячем нашу дверь и пойдем домой. А ночью ты придешь за ней. Иначе хозяин кинется по нашим следам, поймает и убьет!

Но паршивый не согласился.

— Как я брошу эту дверь, раз мне ее бог дал?

Дуб, у которого остановились братья, рос посреди поля. Больше на том поле не было ни одного дерева. Паршивый как был с дверью за плечами, так и полез на дуб. А брату что делать? Не мог же он бросить родного брата и уйти? Он тоже влез на дерево, забрался на самую верхушку и спрятался в листве, чтобы ни одна душа не могла его увидеть. А паршивый с дверью на спине уселся на другой ветке.

Вот брат и говорит паршивому:

— Сними с плеч эту дверь и пристрой ее как-нибудь, чтобы она не свалилась с дерева.

Но паршивый опять не послушался и, как был с дверью на спине, остался сидеть на ветке.

Сидели они так, сидели, глядь — по полю едет сотня верховых. Братья решили: «Это хозяин со своими людьми преследует нас!» На самом же деле это ехали паломники из Мекки. Они ездили туда, чтобы перед ними раскрылись врата Каабы *. Теперь они стали хаджи ** и возвращались обратно. В старое время мусульмане ездили в Мекку, чтобы сделаться хаджи. Для тех, кого ожидало счастье в загробной жизни, там открывались священные врата Каабы. (И теперь еще турки поговаривают о Каабе.)

Эти паломники везли с собой много всякого добра. Не назовешь ни одной хорошей вещи, которой бы у них не было. Так доехали они до дерева, стоявшего посреди поля, слезли с коней, сложили свою поклажу и сели отдыхать в тени. Тут паршивый и говорит брату:

— Устал я, а снять дверь нет никакой возможности!

— Хайт, да ты рехнулся, что ли? Чтоб твой ум помешался! Это, наверное, паши преследователи. Если они услышат твой голос — убьют нас! — прошептал брат, но в это время паршивый уронил дверь и закричал:

— А-а, упала, упала!

Дверь со звоном и грохотом свалилась с дуба. Что ей делается? Рухнула на перепуганных хаджи.

Паломники, не понимая, что случилось, в испуге вскочили на коней и рассыпались в разные стороны, бросив все свое добро.

А паршивый сидит на дереве, смотрит и удивляется.

Видят братья, что все хаджи, проскакав поле, исчезли, и говорят:

— Теперь надо слезать, поделим их вещи!

Слезли с дерева, но паршивый даже не дотронулся до ценных вещей, а взял полный мешок ладана. Брат его забрал самое дорогое, взвалил на плечи и, собираясь домой, сказал паршивому:

— Нам все равно погибать из-за тебя! Ты лучше брось в сторону свой ладан и выбери что-нибудь полезное!

Но паршивый не обратил на него никакого внимания, поднял мешок с ладаном и пошел своей дорогой.

Что брату оставалось делать? Набрал вещей, сколько смог поднять, и направился домой.

Тем временем напуганные паломники съехались вместе и со страхом в душе стали говорить:

— Мы радостные возвращались домой — ведь перед нами раскрылись врата Каабы. Почему же такое несчастье постигло нас у дерева, когда мы по дороге не согрешили? Это для грешных людей врата Каабы не открывались, и они остались там прислужниками. Но с нами ничего такого не случилось, так почему же, когда мы сели под деревом, бог разгневался и сбросил на нас что-то ужасное? — Говоря так, хаджи сильно горевали.

А между тем паршивый с мешком ладана поднялся на высокую гору. На этой горе росла буковая роща. На вершине горы паршивый собрал бревна, ветви — все, что под руку попало, свалил в одну кучу и развел огромный костер. Потом паршивый поднял свой мешок, перевернул и высыпал в огонь весь ладан, приговаривая:

— Эти попы и муллы — народ жадный, когда кладут ладан, бросают понемножку. Но если у этого ладана есть какая-нибудь душеспасительная сила, пусть его запах услышат и бог и люди!

И вправду: дым от ладана стал расстилаться по земле, и запах был такой, что человек не мог устоять на ногах.

Прошло немного времени. Вот дошел до бога запах ладана, он и присылает к паршивому спросить:

— Ты, сделавший такой душеспасительный поступок, что хочешь от Аллаха?

Паршивый думал, думал и говорит в ответ:

— Я ничего не намерен был просить у Аллаха, но раз он сам так беспокоится обо мне, пусть пришлет такую апхярцу, чтобы все, кто услышит ее звуки, когда я буду играть, пускались бы в пляс!

— И больше ничего? — спросил посланец бога. — Попроси еще что-нибудь хорошее, бог все тебе пошлет!

Но паршивый ответил:

— Нет я больше ничего не хочу.

Вскоре бог прислал паршивому апхярцу. Когда паршивый сел и заиграл на ней, все, кто услышал музыку, даже камни, пустились в пляс.

Теперь паршивый решил стать пастухом. Нанялся он к попу пасти стадо и уговорился: если поп или его жена первыми рассердятся на пастуха, то он забирает их сундук, наполненный

золотом, если же он сам первый рассердится — его прогонят, ничего не уплатив за работу.

Утром паршивый погнал коз на большое, широкое поле, крикнул «Хайт» и созвал всех коз в одно место. Когда козы столпились вокруг, он достал свою апхярцу и начал играть. Все, что услышало музыку, — и козы, и деревья, и камни — все пустились в пляс. Весь день до вечера козы не ели и не пили, только плясали.

Вечером паршивый пригнал скот домой, а на другой день опять сделал то же самое. Ночью козы, умирая от голода, принялись грызть деревянные стены хлева. На третий день поп, глядя на свой скот, огорчился и решил проследить за пастухом. Когда паршивый погнал скот со двора, поп тайком последовал за ним.

А пастух все сделал так, как всегда: созвал свое стадо и принялся играть на апхярце. Поп сидел поблизости и, как только музыка дошла до его ушей, тоже пустился в пляс. Так весь день поп и козы провели в пляске. Только вечером поп пришел домой и рассказал жене, что с ним случилось. Но жена ему не поверила, даже слушать не захотела:

— Ты что, с ума сошел? Чтоб твой ум помешался, что ты говоришь?

Видит поп, что жена ему не верит, и попросил пастуха снова сыграть на апхярце. Пастух согласился. И вот, когда поп с женой стали выносить из дому стол, чтобы поесть во дворе, паршивый достал свою апхярцу и заиграл. Поп с женой не успели поставить стол на землю и так, держа его в руках, пустились в пляс. Вместе с людьми заплясало, закружилось все — и дом и козы. Пастух еще не кончил играть, когда жена попа, устав, рассердилась на паршивого. Когда же бог дал ему увидеть гнев одного из хозяев, он сказал:

— Помните наш уговор? Вы проиграли!

Взял паршивый сундук с золотом и пошел к себе домой. Дома отдал золото сестре и велел спрятать.

Как-то раз после этого паршивый пошел на базар. Смотрит, какой-то богато одетый человек, напугав крестьян, отбирает у них гусей по цене цыплят, покупает индюшек по цене уток. Паршивый начал спрашивать об этом человеке и вскоре все о нем разузнал: оказывается, это был генеральский сын, который просватал дочь царя и готовился к свадебному пиру. Припугнув крестьян, он по дешевке скупал у них птицу.

Паршивый быстро вернулся домой, взял у сестры несколько

гусей и пошел с ними на базар. Тут он опять увидел генеральского сына. Подошел генеральский сын к паршивому и спрашивает:

— За сколько продаешь своих уток?

А паршивый в ответ:

— Да разве это утки? Это гуси.

Но все же генеральский сын пригрозил ему и купил гусей по цене уток.

Вечером генеральский сын пошел с базара домой. Паршивый тайком последовал за ним. Так он узнал срок, когда должен был начаться свадебный пир, узнал, где живет невеста, — одним словом, обо всем разузнал. Потом он оделся в женское платье, чтобы его приняли за служанку царской дочери — невесты, и стал ей прислуживать. Когда же до свадьбы осталось только два дня, паршивый сказал дочери царя:

— Тот, за которого ты собираешься идти замуж, — не мужчина. Не выходи за него!

Откуда царская дочь могла догадаться, кто такая ее служанка? Думая, что это девушка, она спросила:

— А как же ты узнала, мужчина он или нет?

Служанка ответила:

— Я раньше была его женой, но, как только узнала, что он не мужчина, ушла от него.

— Что же мне делать? — воскликнула царская дочь. — Как найти выход?

Тогда служанка сказала ей:

— Если хочешь, я спрячу тебя в своем доме, а сама оденусь в твое платье и пойду со сватами, когда они придут от жениха.

Царевна согласилась. Она поменялась платьями со своей служанкой, та отвела ее к себе домой и оставила. С этих пор царская дочь поселилась в доме паршивого, а паршивый под видом невесты сидел в царском дворце.

У царя же два дня и две ночи тянется пир: он выдает дочь по всем правилам. Кончился пир, паршивого посадили на лошадь и отвезли в дом генеральского сына.

Там «невеста» переоделась, пошла на кухню и смешалась с поварами. Как раз в это время повара решали, какое кушанье раньше подавать, какое позже. Паршивый у себя дома подготавливал людей и, пока пир еще не начался, отослал туда все кушанья. А потом пошел и опять стал в том углу, где полагалось стоять невесте.

Вот поварам приказали:

— Подавайте кушанья!

Но какие кушанья они могли подать? Все уже было отослано в дом паршивого, но кто это знал?

Повара ответили:

— Мы уже послали все кушанья!

Что тут делать? Пир нарушился. Поваров избили и заставили снова готовить еду. Снова начался пир. После пира народ разошелся по домам, а генеральский сын пошел к своей жене. Но молодая не захотела даже взглянуть на своего хозяина, сердито надулась и села в углу. Муж к ней и так и сяк, а жена все молчит. Тогда генеральский сын сказал ей.

— Может, ты думаешь, что пиры нас разорили? Не думай так, пойдем, я покажу тебе все наше добро, все, что у нас есть.

И он показал ей все, что имел, отомкнул дверцы всех касс, переполненных золотом, и, наконец, говорит:

— Хай, чуть не забыл — и вода наша близко, пойдем покажу!

Он повел жену туда, где перед домом был колодец, выложенный золотом. И вот, в то время как генеральский сын стоял над колодцем, беседуя со своей женой — паршивым, паршивый, сжав кулак, ударил его по голове и сбросил в колодец. Там генеральский сын и умер. Обрадовался паршивый, взял из касс все, что в них лежало, забрал невестино приданое, подарки и вернулся домой. Дома он женился на дочери царя, которую спрятал у себя.

Услыхал обо всем этом царь и очень огорчился, но что он мог поделать?

Так прошло много времени.

И вот однажды другой царь прислал этому царю-тестю паршивого быка, чтобы царь справился с такой задачей: не убивая бугая, отрезать у него хороший кусок мяса, а потом и мясо, и живого быка прислать назад. Если же тот не справится с этой задачей, царь пригрозил, что пойдет на него войной.

Созвал царь всех подвластных ему людей и рассказал, что с ним случилось, но никто ничем не смог ему помочь.

— Если у быка вырезать кусок мяса, он издохнет, — сказали все и больше ничего не смогли придумать.

Услыхал об этом паршивый — зять царя и послал к царю людей, чтобы они передали:

— Если соизволишь, я избавлю тебя от этой заботы!

Царь, правда, не думал свидеться со своим зятем-паршивым, но все же ответил:

— Хорошо!

Пришел паршивый, повалил быка и выхолостил его. Отрезанный кусок мяса и живого бугая отослал другому царю.

Прошло немного времени. Другой царь снова прислал к этому царю трех человек, всех на одно лицо, в одинаковой одежде, и приказал узнать, кто из них князь, кто — дворянин и кто — крестьянин.

— Узнай и пришли обратно, — передал он этому царю, — не то нападу на тебя и ограблю!

Тесть паршивого снова собрал весь народ и приказал не расходиться до тех пор, пока не узнают, кто из присланных царем князь, кто — дворянин и кто — крестьянин. Но никто не смог этого узнать. Народ уже истомился, когда паршивый передал своему тестю, царю:

— Я избавлю тебя от этой заботы, если признаешь меня своим зятем.

Царь согласился.

Когда паршивый пришел, трое посланных спали. Один лежал, закинув руки за голову. Паршивый указал на него царю:

— Это князь!

Другой положил под голову одну руку. Паршивый решил:

— Это дворянин!

Третий спал, держа руки между колен.

— Это крестьянин! — сказал паршивый.

Так он спас царя от гибели. Тогда тесть его, царь, устроил большой пир и передал свое царство зятю-паршивому.

Тот, кто рассказал мне все это, был на том пиру толумбашем. И я был там. Когда же возвращался обратно, захватил с собой мясной отвар и ляжку быка. По дороге мне встретился Хабжкут, я вылил ему на голову отвар, и голова его облысела. Потом встретил я Шахуара, бросил в него ляжку, попал в колено, и колено разбилось вдребезги.

51. Царь

Жил один великий царь. Царство свое он получил по наследству. Так он и прожил до средних лет.

Но вот однажды царь подумал: «С тех пор как я помню

себя, я — царь. У меня большая слава. Что ни день, я прихожу и сажусь на свой трон, а потом ухожу с опаской. Да разве это жизнь?! Как бы мне узнать, что творится на свете?»

Переоделся царь в простую одежду, спустился вниз и пошел. Идет-идет и подошел к одному крестьянину, который заседал поле. Этот крестьянин пахал и сеял, а кукурузные семена разбрасывал и впереди и позади себя.

Удивился царь, увидев это, и спрашивает:

— Почему ты рассыпаешь кукурузу где следует и где не следует?

— Как «где не следует»? — изумился крестьянин.

— Да почему сзади рассыпаешь столько же, сколько спереди?

— А-а, вот ты о чем! То, что я рассыпаю впереди себя, — это для живых, а то, что сзади, — это для мертвых. Скоро и я буду одним из них, скоро и я туда пойду, — добавил сеятель.

— Если ты это знаешь, то не скажешь ли, когда я умру? — пристал царь к крестьянину.

— Хорошо, я скажу, когда ты умрешь, — ответил он царю, — но ты пока пойди и посиди в тени, а я тем временем вспашу этот кусок.

Царь пошел и сел в тени, озабоченно думая: «Что он мне скажет?»

А крестьянин, окончив пахать, подошел к царю. Он не знал, что этот человек царь.

— Итак, что ты мне скажешь? — спросил его царь.

— Скажу я тебе вот что: я сам заболел за две недели до пасхи, умру за неделю до пасхи, а ты умрешь утром в день пасхи.

Как услышал это царь, опечалился. Долго он сидел, задумавшись, но потом спросил крестьянина:

— А ничем нельзя спасти себя?

— Ты сможешь спасти себя, если постарайся, — ответил крестьянин.

— Так скажи, что мне делать! — воскликнул царь. — А за это все, что пожелаешь, я тебе дам.

И царь вынул тысячу рублей и отдал крестьянину.

Тогда крестьянин сказал:

— Тебя может спасти только воровство. Если начнешь воровать, то останешься в живых.

Но царь и не воруя мог получить все, чего бы он ни пожелал.

— Едва ли это меня спасет,— сказал царь. Печальный, он вернулся домой.

Все приходившие к нему и уходившие от него удивлялись:

— Что с царем случилось?

И вот за две недели до пасхи царь пошел к тому крестьянину, которого встретил в поле. Смотрит — крестьянин и вправду умирает.

Царь пришел домой, а сам думает: «Ай, оказывается, я на самом деле умру!» Царь упал духом, но все же еще не совсем поверил крестьянину.

За неделю до пасхи царь снова пришел к крестьянину, думая: «Если он жив, то и я останусь жить!» Приходит, смотрит — а над крестьянином с воплями столпились плакальщицы.

Тогда царь воскликнул:

— Хайт, он сказал сущую правду!

Царь вернулся, передал все свои дела одному человеку, сказав: «Я должен уехать», и ушел домой. Дома царь переоделся в простую одежду, а ночью отправился воровать. Но откуда царю знать, как это делается? Идет себе прямо. Если встречный спрашивал его:

— Куда идешь?

Царь отвечал:

— Иду воровать! — и проходил мимо, продолжая свой путь.

Прошло четыре дня и четыре ночи, а царю все не случилось украсть, он даже не знал, как это сделать. Но вот ему повстречался храбрый мужчина — отчаянный вор.

— Куда идешь? — спросил он царя.

— Иду воровать, — ответил царь.

— Если так, идем вместе, я тоже иду воровать, — сказал ему отчаянный вор.

— Что же мы украдем? — спросил его царь.

А вору откуда знать, что перед ним царь? Он и говорит царю:

— Пойдем, сегодня царя не будет на месте — ведь завтра пасха! Доберемся до его казны, взломаем ее и возьмем деньги.

Разве царь мог отказаться? Он не находил себе места, думая: «Все равно я завтра умру!» — и сказал вору:

— Хорошо!

Царь и вор пошли во дворец. Пришли в полночь и стали слушать. В это время рядом с комнатой, где находился царь, один из его слуг говорил с хранителем казны:

— Завтра, в день пасхи, когда царь придет и сядет на свое

место, я, как всегда, поднесу ему с поздравлением вино, по в вине будет яд. Ты — хранитель казны, тебе здесь все доверяют, и, пока будут выбирать нового царя, мы возьмем из казны все деньги.

Так они сговорились и ушли.

Все это слышали царь и его товарищ.

Царю уже не хотелось грабить казну, но он не смел об этом сказать.

Сломав дверь, они открыли царскую казну, набрали полный мешок золота, взяли еще маленькую шкатулку с деньгами, которая там была, и ушли.

Отошли немного, вор и говорит царю:

— Давай поделим деньги.

Они остановились. Но зачем царю деньги? Сколько бы они ни пожелал — всегда мог достать.

Царь и говорит:

— Пусть у тебя все останется, мне не надо ни одной копейки! — и пошел.

Тогда вор стал кричать:

— Ну да, ты не взял ничего, все мне отдал, а теперь пойдешь и выдашь меня!

Он набросился на царя и стал избивать его.

Тогда царь взмолился:

— Ой, если тебя бог создал, не убивай меня! Я возьму эту шкатулку! — и, взяв шкатулку, вернулся домой.

Вскоре рассвело, наступил день пасхи. Рано утром царь пошел к своему трону, захватил и шкатулку. Пришел, вызвал казачков и расставил их вокруг своего трона.

В это время слуга и хранитель казны с блюдом, на котором стоял бокал с вином, вышли к царю. Царь взял бокал, поставил его перед собой, а потом велел казакам схватить слугу и хранителя. После этого царь поднял бокал и говорит:

— А теперь вы должны выпить это вино пополам.

Слуга и хранитель казны и так и этак отнекивались, но выхода не было: один выпил половину вина и передал другому. Пока другой допивал, первый уже умер. Потом и этот свалился рядом. Их унесли.

Тогда царь рассказал все, что с ним случилось. После этого он послал за тем человеком, с которым он воровал. Вора привели. Царь его спрашивает:

— Ты помнишь, когда мы с тобой вместе воровали?

Но вор стал отнекиваться:

— Я никогда в жизни не воровал!

— Как не воровал? — воскликнул царь. — Вот здесь у этого трона мы ограбили казну и взяли деньги, а потом, когда я не захотел денег, ты избил меня. Забыл, что ли? Испугавшись, что ты убьешь меня, я взял эту самую шкатулку. Вот эти деньги, — сказал царь и вытащил шкатулку.

Когда царь сказал так, вор задрожал от страха, но царь успокоил его:

— Не бойся, я тебе за это ничего не сделаю. Если бы не ты, я умер бы в первый день пасхи.

И царь рассказал вору все, с начала до конца.

После этого царь дал вору службу, приблизил его к себе, и с тех пор о воре пошла такая же слава, как о самом царе.

52. Мельник Кьяса

Лаку, лаку, шел я — жил один мельник Кьяса. Кто бы к нему на мельницу ни приносил молоть кукурузу — никогда не получал муки. Кьяса молот кукурузу, а потом из муки делал чурек. Когда же наступал назначенный срок и приходили владельцы кукурузы, мельник говорил им так:

— Вот все, что получилось из вашей кукурузы, — один чурек. Если сможете меня переспорить — тогда берите его, а если не сможете, ничего не получите!

Но кто же мог переспорить Кьяса? Он сам поедал весь чурек! Постепенно люди перестали носить зерно на его мельницу.

Как-то раз одна вдова обмолотила кукурузу и отдала своему сыну:

— Неси на мельницу!

— Хорошо, — ответил сын, взвалил мешок на плечо и пошел. Мать остановила его и говорит:

— Смотри не ходи на мельницу Кьяса, а то и муки не получишь, и кукурузы не вернешь!

Но разве сын послушался? Он пошел прямо на мельницу Кьяса.

А мельнику делать было нечего. Он остановил свою мельницу и сидел голодный.

Когда же пришел этот парень, Кьяса быстро пустил воду и всыпал кукурузу. Мельница замолоча. Кьяса начал готовить

чурек. Когда вся кукуруза смололась, мельник приготовил чурек, подошел к печи и положил его туда.

А парень все молчит и даже не смотрит на Кьяса.

Вот Кьяса снял свой чурек с печи и сказал то, что всегда говорил в таких случаях:

— Когда я немного подрос, у моего отца была пара быков, но не было земли — он сильно нуждался в ней. Всю землю богатеи держали в своих руках. Однажды мой отец пахал огород и натер быкам шею. Чтобы смягчить кожу, отец намазал стертые места ореховым маслом. Капли масла упали с шеи и вдруг превратились в маленькое ореховое деревце. У этого деревца было две ветви. Оказывается, между ветвями на ствол орехового дерева попал маленький комочек земли. Деревце стало расти, и комочек тоже рос. Выросло большое ореховое дерево, и комочек вырос в десятину земли. И мой отец, пока был жив, жил на этом месте и обрабатывал эту землю. Какой урожай давала земля! — закончил Кьяса.

— А-а-й, Кьяса! — сказал парень. — У тебя все очень интересно получилось, но тот, кто это услышит, не поверит, спросит тебя: «Сколько здесь правды?» А вот моя мать в этом году посадила в огороде тыкву. Отростки перекинулись на тот берег моря. Пошел я туда, и на том берегу моря увидел одну-единственную тыкву — больше не выросло. Осенью, когда стали убирать урожай, мы с отцом запрягли арбу и по этому отростку тыквы переехали через море. На том берегу мы увидели такую тыкву, какой я сроду не видывал — вот с твою мельницу! Мы взвалили тыкву на арбу и поехали по отросткам обратно. Быки с трудом тащили тыкву. Приехали домой, взяли топор и разрубили тыкву. Когда разрубили ее, оттуда выскочил заяц. Отец схватил топор, бросил в зайца и убил его. Потом разрезал зайца и вытащил из него Коран.

— Что же было написано в Коране? — спросил Кьяса.

— А вот что, — ответил парень. — Там было написано: «Кьяса, слушай: чурек принадлежит парню».

Что Кьяса мог поделать? Что хитрее этого он мог придумать?

— Победил! — сказал он тогда парню и отдал ему чурек.

Парень разрезал чурек на куски, сложил в мешок и пошел домой.

После этого Кьяса, когда ему приносили кукурузу, старательно молот ее и отдавал хозяевам.

53. Бабанья и Бабасья

«Жили два человека — Бабанья и Бабасья. Они решили убить царя, но не знали, как это сделать. В конце концов они придумали, как убить царя: Бабанья отрезал свое ухо, Бабасья выколол свой глаз, и они разошлись в разные стороны.

Шел, шел Бабанья и встретил стервятника. Стервятник спросил:

— Что с тобой случилось, Бабанья?

— Видишь ли, что случилось, — ответил Бабанья, — Бабасья выколол свой глаз, а я отрезал себе ухо.

Когда стервятник услышал это, он стал бить себя по голове, груди и выщипывать себе перья. Потом он полетел и прилетел к воронам. Вороны спросили:

— Что с тобой случилось, стервятник?

Стервятник ответил:

— Бабанья отрезал себе ухо, Бабасья выколол свой глаз, а я растрепал себя.

Когда вороны услышали это, они стали ссориться, драться, поубивали друг друга — остался только один ворон.

Этот единственный ворон, сохранивший свою душу, полетел и сел на старый дуб. Старый дуб спросил ворона:

— Что с тобой случилось, ворон? Кто тебя так потрепал?

— Видишь ли, что со мной случилось, — ответил ворон, — Бабанья отрезал свое ухо, Бабасья выколол свой глаз, тогда стервятник выщипал себе перья, а мы, вороны, перессорились и перебили друг друга, только я один и остался.

Когда старый дуб услышал это, он вырвал свои корни из земли и упал в лесную чащу. Чаща спросила его:

— Что с тобой случилось, старый дуб, кто тебя повалил?

— Видишь ли, что со мной случилось, — ответил старый дуб, — Бабанья отрезал себе ухо, Бабасья выколол свой глаз, тогда стервятник выщипал себе перья, вороны уничтожили друг друга, а я вырвал свои корни из земли и упал.

Когда чаща услышала это, она стала гореть. Загорелась и горела все дальше и дальше, пока огонь не дошел до того места, где сидела лиса.

Лиса спросила:

— Что с тобой случилось, чаща, кто тебя поджег?

— Видишь ли, что со мной случилось, — ответила лесная чаща, — Бабанья отрезал себе ухо, Бабасья выколол себе

глаз, тогда стервятник выщипал себе перья, вороны перебили друг друга, старый дуб вырвал корни из земли и упал в чащу, а я загорелась.

Когда лисица услышала это, она оторвала себе хвост и побежала. Бежит, бежит, а навстречу ей дочь того царя, которого хотели убить Бабанькя и Бабасыкя. Девушка несла золотые кувшины. Она спросила лисицу:

— Что с тобой случилось, лиса?

— Видишь ли, что со мной случилось, — ответила лисица, — Бабанькя отрезал себе ухо, Бабасыкя выколол свой глаз, тогда стервятник выщипал себе перья, вороны уничтожили друг друга, старый дуб вырвал корни из земли и упал в лесную чащу, чаща зажгла себя, а я оторвала себе хвост.

Когда царская дочь услышала это, она ударила один о другой золотые кувшины, в которых носила воду, и разбила их вдребезги.

Девушка пришла домой. Дома ее спросили:

— Что случилось? Что с тобой?

— Видите ли, что со мной случилось, — ответила царская дочь, — Бабанькя отрезал себе ухо, Бабасыкя выколол себе глаз, тогда стервятник выщипал себе перья, вороны уничтожили друг друга, старый дуб упал в лесную чащу, чаща загорелась, лисица оторвала себе хвост, а я разбила вдребезги свои золотые кувшины.

Когда мать девушки услышала это, она разорвала шелковое одеяло, которое шила, сидя в тени, и бросила его в огонь.

Все подняли крик. В то время царя не было дома, но когда он подошел, то стал расспрашивать:

— Что с вами, что случилось?

— Видишь ли, что случилось, — ответила ему жена, — Бабанькя отрезал себе ухо, Бабасыкя выколол себе глаз, тогда стервятник выщипал себе перья, вороны уничтожили друг друга, старый дуб свалился в лесную чащу, чаща загорелась, лисица оторвала себе хвост, царевна вдребезги разбила золотые кувшины, ударив их друг о друга, а я порвала свое шелковое одеяло, которое шила, и бросила в огонь.

Когда царь услышал это, он выхватил большой нож, распорол себе живот и мертвый упал на землю.

Так Бабанькя и Бабасыкя, сговорившись, заставили царя покончить с собой, хотя сами его не убили». — Так закончил свою сказку старик Багуа.

Тогда все, сидящие там, сказали:

— Пока мы туда не пойдем и назад не вернемся, да не убьет тебя бог!

Потом еще один сказал:

— Пока я всю землю не огорожу иголками и не заплету нитками, да не убьет тебя бог!

54. Трое глухих

Жил один глухой пастух. Однажды случилось так, что козы незаметно ушли от него. «Может, я их где-нибудь найду?» — подумал пастух и пустился бежать. Случайно он попал на какой-то луг. Пастух подошел к косарю и, размахивая руками, спросил:

— Не видал ли ты моих коз?

Оказывается, косарь тоже был глухой. Он подумал, что его спросили: «До каких пор твой сенокос?» — и, протянув руку, показал границу:

— Вон до тех пор мой сенокос!

А пастуху показалось, что ему ответили: «Туда пошли, там ищи своих коз!» — и он побежал к лесу, куда указал косарь.

Удивился косарь, смотрит и думает: «Зачем этот человек пришел и ушел?»

Не успел пастух войти в лес, как к нему навстречу бросились козы.

«Что случилось?» — подумал пастух. Посмотрел он и видит — за козами гонится большой волк. Он-то, наверное, и напугал стадо. Завидя пастуха, волк прыгнул в сторону и убежал в лес.

— Если бы не косарь, всех бы моих коз волк задрал! — воскликнул пастух и, выбрав из стада лучшего козла, притащил за рога к косарю.

У этого козла один рог был сломан. Наверное, когда он был еще козленком, кто-нибудь нечаянно поломал.

— Если бы не ты, — сказал пастух, — я бы всех своих коз потерял — волк бы их задрал. Я принес тебе вот этого козла, прими! — предложил пастух косарю.

Но косарь, глядя то на пастуха, то на козла, вдруг поднял свою косу и приготовился к драке.

Удивился пастух, не понимает — что же случилось?

Между тем косарь, держа свою косу наготове, стал кричать:

— Рог у этого козла не сейчас сломан, он давно отломан, я не ломал!

А пастух все тащил своего козла и предлагал косарю.

В то же самое время мимо проезжал верхом на муле какой-то поп. Когда он поравнялся со спорщиками, они оба подбежали к нему и, схватив мула под уздцы, остановили.

Поп не понимает, что случилось.

Тут пастух стал ему жаловаться:

— Я даю этому косарю своего козла, а он не берет, хочет косою меня убить. Помири нас!

А косарь тоже попу жалуется:

— Этот пастух ссорится со мной — говорит, что я сломал рог у его козла. Посмотри, теперь ли рог сломан?

Но, оказывается, поп тоже был глухой. Он не понял, что от него хотели, посмотрел на обоих и думает: «Наверное, я попал к недобрым людям, видно, отберут они моего мула». Он прищиприл мула, и тот побежал, отбрыкиваясь, а поп закрычал.

— С тех пор как я купил мула, два года прошло. Купил я его в Одиши *, и свидетельство дома есть. Что вы за сумасшедшие, мула отнять хотите!

Пастух и косарь не поняли, что случилось. Опешив, они застыли на месте. В это время козел вдруг вырвался из рук пастуха и побежал к стаду. Пастух погнался за ним.

Пользуясь случаем, косарь бросился в лес и тем спас свою душу.

Вернулся пастух и видит: все разошлись. Тогда он погнал своих коз домой.

Так трое глухих по-геройски вышли из опасного положения и спасли себя.

55. Сборщик податей и глупец

В одном селе жили два брата. Один был глупый, а другой — умный, полезный народу человек. Он многое знал, был большим костоправом, лечил вывихи и переломы костей.

Однажды в поселке Гырла молодые парни играли в мяч.

Во время игры двое столкнулись, и один парень сломал руку, а другой — вывихнул ногу. В таких случаях всегда приглашали умного брата. Пригласили его и сейчас. Пока он ходил туда, где случилось несчастье, к братьям в дом пришел сборщик податей.

Пришел и говорит глупцу:

— Вы еще не уплатили царского налога. Плати сейчас же! Глупец удивился:

— Мы только вчера заплатили налог, а ты опять пришел! — И они стали ссориться.

Началась драка, глупец схватил палку и изо всех сил ударил сборщика податей по голове, так что голова раскололась, как деревянная чашка для фасоли.

Тогда глупец взял тело сборщика, отнес к большой реке и бросил в воду.

Умный брат вернулся домой, и глупец рассказал ему, что он наделал. Умный пошел к реке, достал труп сборщика и зарыл в землю, а в реку бросил козла. Потом пришел домой и начал давать наставления брату, чтобы он никому ничего не рассказывал. Но разве глупец мог стерпеть?

Царю очень не понравилось, что сборщик пропал. Созвал он сход всех больших и малых людей и начал спрашивать, кто видел сборщика.

Глупец и говорит со своего места:

— Если ты спрашиваешь о сборщике налогов, то я убил его и бросил в реку. Хотите, я покажу то место? Идемте!

Когда он так сказал, царь разгневался. Все пошли к реке. Пришли туда, но никто не хотел лезть в воду.

— Я полезу! — сказал глупец.

Принесли веревку, глупец взял ее в руки, а люди держали другой конец. Так он спустился на дно реки и начал искать сборщика, но вместо него ему в руки попались козлиные рога. Глупец закричал:

— Когда сборщик уходил из правления, у него были рога? У этого человека рога есть!

Потом опять пошарил и опять закричал:

— У сборщика много было волос? У этого человека очень много!

Пока они так переговаривались, пришел умный брат.

— Что случилось? Почему вы здесь собрались? — спросил он людей.

— Твой глупый брат сказал, что он убил сборщика податей и бросил в реку. Он полез за сборщиком, и, когда мы спустили его на веревке, твой брат стал говорить так-то и так-то, — рассказали ему.

Умный брат выслушал и сказал в ответ:

— Моего брата назвали глупцом не потому, что не нашли другого прозвища, а потому, что он и вправду глуп, а вы ему

верите и собрались тут на берегу, как будто сборщик действительно лежит в воде.

— Да, глупец солгал! — решил народ.

Глупца вытащили на берег, а сборщик податей так и пропал без вести.

Вот что случилось между глупцом и сборщиком податей, когда они поссорились из-за царского налога.

56. Глупому сопутствуют несчастья

В одном селе жили два брата. Младший был немного глуповат. Старшему его глупость не нравилась. И вот поэтому, когда братья женились, они разделились. Младший стал жить отдельно в старой хижине.

Вскоре у младшего брата родились дети, а у старшего детей не было.

У старшего брата была корова, предназначенная для жертвы. Как-то раз в воскресный день старший брат решил зарезать корову и принести ее в жертву, чтобы испросить у бога потомства. Он привел жреца, а потом позвал своего младшего брата:

— Эй ты, глупец! Иди сюда! Зарежь эту корову, сними шкуру и приготовь все как следует!

Так он сказал и заставил брата взяться за работу.

Что младший брат мог поделывать? Он зарезал корову, снял шкуру, мясо положил в котел, когда же оно сварилось, вытащил. Наконец все было готово, и старший брат сказал младшему:

— Ну, теперь ступай домой!

Младший брат много потрудился, готовя мясо. Поэтому бросить все и уйти так, с пустыми руками, он не захотел — пошел туда, где лежало мясо, выбрал сердце и печень и взял себе.

Дома семья уже приготовила абысту. Когда он пришел, абысту разложили, семья села, и все наелись.

Между тем старший брат, который зарезал корову, стал искать сердце и печень, чтобы принести их в жертву, но не нашел. И как он мог найти? Младший брат, которого он прогнал, взял сердце и печень и уже съел их.

Как можно совершить жертвоприношение без сердца и печени? Молебствия так и не устроили.

Старший брат позвал младшего и говорит ему:

— Ты взял сердце и печень моей коровы?

— Откуда мне знать, было ли то сердце или печень? — ответил младший брат. — Когда ты меня стал гнать, я взял то, что под руку попало. Потом отнес домой, и мы съели.

Когда старший брат услышал это, его как огнем обожгло. Но что он мог поделывать? Сердце и печень были уже съедены.

— Я за это в суд на тебя подам! — сказал старший брат. Он взял младшего, и они пошли к судье.

Шли-шли и вот по дороге увидели одного человека — погонщика осла. Осел был нагружен ситами. Он завяз в грязи и не мог сдвинуться с места.

Когда братья подошли поближе, погонщик подозвал их и говорит:

— Хай! Помогите-ка вытащить моего осла из грязи!

Старший брат подошел и взял осла спереди, а младший зашел сзади, схватил осла за хвост, потянул и оторвал хвост.

Погонщик рассердился:

— Ты у моего осла хвост оторвал, я тоже пойду на тебя жаловаться! — сказал он и вместе с ними пошел к судье.

Шли-шли по дороге, пока не наступил вечер. Тогда они сказали младшему брату:

— Оставайся здесь, сядь где-нибудь, а мы пойдем у кого-нибудь переночуем. Завтра утром вернемся — чтобы ты был уже здесь!

Сказали так, оставили того, на которого хотели жаловаться, и ушли.

Когда они ушли, младший брат заметил, что вблизи того места, где он сидел, жили люди. Он решил пойти к ним, зашел во двор, но во дворе никого не нашел. Позвать кого-нибудь или самому зайти в дом он не осмелился и потому сел под арбой, нагруженной дровами, и решил: «Если кто-нибудь выйдет, окликну его и с ним войду в дом».

И вот когда он сидел под арбой, из дому вышла за дровами беременная женщина. На ногах у нее были деревянные ходульки, и она еле-еле переступала. Младший брат встал ей навстречу и хотел попросить ночлега, но, когда он так неожиданно появился перед женщиной, она перепугалась, бросилась бежать, упала и выкинула ребенка. Из дому вышла хозяйка и видит: женщина лежит, растянувшись на земле, а тот, который ее напугал, стоит рядом.

— Хай, что ты наделал! — воскликнула она. — Откуда ты?

А младший брат в ответ:

— Со мной вот что случилось,— и рассказал все, что с ним было:

— Два человека вели меня в суд, хотели жаловаться. Когда стемнело, они куда-то ушли, а я решил зайти сюда, к вам, но видите, что случилось.

— Если так, мы тоже пойдем жаловаться на тебя! — сказали младшему брату и не отпустили его.

На другой день, когда пришли те двое, муж этой женщины сказал им:

— Я тоже буду жаловаться! — И они пошли все вместе.

Теперь уже трое хотят жаловаться на младшего брата. Пошли в суд. Шли-шли и, когда устали, сели отдохнуть в каком-то месте. Пока отдыхали, те, кто шел жаловаться, уснули, а младший брат разве мог уснуть? Оглядываясь по сторонам, он заметил скалу.

— Хай! Если все они пожалуются на меня, я пропал! Лучше я заберусь на скалу и прыгну оттуда! — Сказал так младший брат, пошел, взобрался на вершину скалы и спрыгнул вниз. А под скалой, оказывается, стоял пастух. Младший брат свалился прямо на пастуха и сломал ему шею.

Пастух умер, а младший брат остался жив-здоров.

Пришел брат пастуха, видит: пастух лежит со сломанной шеей, а какой-то человек стоит над ним.

— Хай, что случилось? — спросил брат пастуха.

Младший брат ответил:

— Три человека вели меня в суд — хотели жаловаться. Сели отдыхать. Пока отдыхали, они уснули, а я решил, что мне лучше не жить на свете. Хотел покончить с собой и прыгнул с вершины вот этой скалы. А здесь внизу стоял пастух, и я свалился прямо на него.

— Если так, я тоже пойду на тебя жаловаться! — решил брат пастуха и пошел туда, где были все остальные. Они никак не могли понять, куда делся младший брат, и стояли, оглядываясь по сторонам. Увидели его и спросили:

— Что случилось?

— Брата убил! — ответил за него брат пастуха.— Я тоже пойду жаловаться вместе с вами! — И они пошли все вместе.

Теперь на младшего брата решили жаловаться четверо.

Так пришли они к судье. Судья вызвал их и спросил:

— Что случилось?

И все четверо рассказали, что младший из братьев им сделал.

Судья разобрав дело и решил так: старший брат, у которого

младший взял сердце и печень коровы, пусть отдаст ему и все остальное мясо, а когда младший брат заведет свою корову, пусть отдаст ее старшему. Погонщик, ослу которого младший брат оторвал хвост, пусть отдаст младшему брату осла, а когда у того будет свой осел, пусть отдаст погонщику взамен этого. Муж, у которого жена выкинула ребенка, пусть поменяется женой с младшим братом. А под конец, когда младший брат все это проделает, пусть он станет у скалы, а брат пастуха, которому он сломал шею, пусть спрыгнет на него сверху и убьет.

Вот так решил судья и отправил их в путь. На обратном пути жалобщики разговорились. Старший брат сказал:

— Нет! Если я отдам ему все остальное мясо, я останусь ни с чем, а у него никогда не будет такой коровы,— и решил оставить в покое младшего брата.

Погонщик, ослу которого младший брат оторвал хвост, тоже сказал:

— Если я отдам ему своего осла, он все равно никогда не будет иметь другого, и я останусь ни с чем.

Муж, у которого жена выкинула ребенка, сказал:

— Нет, я не могу свою жену отдать глупцу!

А брат пастуха решил:

— Если я брошусь со скалы на него, а он в это время отскочит, я разобьюсь,— и тоже решил оставить в покое младшего брата.

Так все четверо отступились от младшего брата, и он пошел домой. Все это время семья его беспокоилась, но, когда он вернулся, все обрадовались и закричали:

— Наконец-то он пришел!

57. «Избави нас, боже, от черта-мужчины!»

Жил один мулла. Он всегда повторял: «Избави нас, боже, от черта-мужчины».

Жена муллы обиделась, что он женщин за людей не считает, и пригрозила мужу: «Вот подожди, покажу тебе, какая бывает женщина-черт!»

Каждый день мулла ходил пахать поле. Как-то раз жена муллы пошла на поле раньше его и отнесла туда три рыбы. Одну рыбу она зарыла на краю поля, где муж должен был за-

прячь быков и начать пахать, другую рыбу зарыла посреди поля, а третью — в конце. Положила рыб так, чтобы плуг их вырыл, и пошла домой.

Вот муж дал жене разные наставления и ушел пахать. В поле он запряг быков в плуг, начал пахать, смотрит — плуг его откопал рыбу. Удивился мулла, остановил быков и молится богу: «Избави нас, боже, от черта-мужчины!» Потом сказал: «Дай бог счастья» — очистил рыбу от земли и положил под дерево. Пошел дальше. В середине поля мулла нашел такую же рыбу и в конце — тоже. Всех рыб он сложил в одном месте, повторяя: «Избави нас, боже, от черта-мужчины!»

Потом принялся искать: «Может быть, еще найду?» Но откуда ей там было взяться?

Вот пришла жена, принесла обед. Мулла с радостью рассказал ей о находке и попросил, чтобы она приготовила эту рыбу на ужин как можно лучше.

— Ни один человек не находил в земле такого! — сказал мулла и отдал жене рыбу.

Муж пообедал, жена взяла рыбу и ушла домой.

Дома она сварила рыбу и съела до прихода мужа.

Настал вечер. Мулла вернулся домой, сотворил намаз, повторяя: «Избави нас, боже, от черта-мужчины!» — и сел ужинать. Смотрит — нет на столе рыбы, которую он нашел в земле. Ждет, ждет: вот-вот жена подаст рыбу на стол, а жена все не приносит. Тогда он спрашивает жену:

— Куда дела рыбу?

— Какую рыбу? Откуда ты ее взял, с ума сошел, что ли?!

— Как же, разве ты забыла? Я тебе дал рыбу, ту, что нашел в земле, когда ты сегодня принесла обед.

Когда муж так сказал, жена стала над ним насмехаться:

— Кто же это видел, чтобы рыбу зарывали в землю?

Мулла разозлился и поколотил жену. На крик сбежался народ, приехало начальство.

— Что случилось, из-за чего ссора? — спросили муллу. Когда его спросили так, мулла рассказал, как поступила с ним жена.

А жена муллы жалуется начальству:

— Этот человек с ума спятил! Кто же видел, чтобы рыбу из земли выкапывали?! Не видите, что ли, — он помешался! Уберите его, если можно!

Люди решили: «Он сошел с ума» — связали муллу и посадили в сумасшедший дом.

С тех пор прошло много времени. Как-то раз жена муллы написала письмо и послала человека отнести его мужу, чтобы узнать, как мулла поживает. В письме она написала: «Кто в тебя вселился — черт-мужчина или черт-женщина?»

Когда мулла прочитал это письмо, он все вспомнил, обо всем догадался — за что жена его так наказала, и написал в ответ: «Прости меня! Я виноват во всем. До сих пор я вас, женщин, не считал за людей, но теперь я понял, что женщины — тоже люди. Если возможно, не дай мне умереть среди помешанных, возьми меня домой!»

Тогда жена стала хлопотать, чтобы взять муллу домой, но разве ей так дали бы его обратно? Пришлось написать в бумагах, за что она наказала мужа, и только тогда она выручила муллу.

С тех пор мулла зажил со своей женой в ладу, перестал твердить о черте-мужчине и начал уважать жену.

58. Как познакомились Софьдж и Батыршах

И Софьдж и Батыршах были большие мастера воровать. Но Софьдж жил по эту сторону хребта, а Батыршах — по ту, на Северном Кавказе. В тех местах, где они жили, не было человека, который бы о них не знал и не говорил, но сами они знали друг о друге понаслышке, а видеться — никогда не виделись. Им очень хотелось узнать, кто из них ловчее ворует, но Софьдж не мог отправиться за хребет, а Батыршах не мог приехать сюда. И так долгое время они не могли встретиться. Но в конце концов Батыршах не вытерпел и собрался к Софьджу, чтобы познакомиться с ним и узнать, кто из них хитрее. Взял Батыршах с собой товарища и, расспрашивая по пути встречных, как-то в полдень добрался до дома Софьджа. Видит Батыршах, что Софьджа нет дома, и спрашивает его жену Хиж:

— Так Софьджа нет? Куда он ушел?

— Да, его нет дома, — ответила Хиж. — Не знаю, куда пошел, но он скоро вернется. Входите, нан, садитесь, — стала приглашать гостей жена Софьджа.

Но Батыршах схитрил:

— Нет, нет, мы не сядем, я только хотел повидать Софьджа и что-то ему сказать.

Так Батыршах разговаривал с Хиж, стоя посреди кухни в

доме Софыджа. А Хиж не знала, с кем говорит,— она никогда не видела Батыршаха. Долго уговаривала Хиж своих гостей посидеть и отдохнуть, но Батыршах никак не соглашался, все время твердил: «Я спешу».

Наконец он обратился к Хиже и сказал:

— Мне ничего не надо, дай только воды напиться!

— Сейчас,— ответила Хиж и принесла большой стакан воды.

Тут Батыршах воскликнул:

— Клянусь богом и людьми, я не стану пить из стакана!

Прошу тебя именем бога, дай мне воду в кубышке!

Когда он стал так просить, Хиж подала ему воду в кубышке. Батыршах начал пить, а сам все время разглядывал чердак *, чтобы найти там что-нибудь такое, что можно украсть. Смотрит Батыршах и видит: на чердаке висит солонина. Обводя чердак глазами, гость решил этой ночью украсть мясо. Он нарочно попросил воды в кубышке, чтобы поднять голову вверх и хорошенько разглядеть чердак.

После этого Батыршах и его товарищ ушли. Батыршаху не терпелось обокрасть Софыджа, ему очень хотелось, чтобы скорее стемнело, он весь горел как в огне.

Так просидел он в лесу со своим товарищем, ожидая, когда стемнеет.

Вот настал вечер, и Софыдж вернулся домой. Он спросил жену:

— В полдень какие-то люди искали меня. Не приходили ли они к нам?

А Хиж в ответ:

— Да, какие-то люди искали тебя, пришли к нам и спрашивали о тебе, но они очень спешили и поэтому, даже не присев, ушли.— Хиж еще сказала, что никогда этих людей она не видела.

Тут Софыдж сразу догадался, что эти люди зашли неспроста, а приходили с каким-то злым умыслом. Он стал расспрашивать Хиж:

— Больше ничего они тебе не сказали? Что они делали? Покажи, где они стояли?

Хиж стала так, как стоял Батыршах, на том же самом месте, и сказала мужу, что гость попросил напиться из кубышки.

Софыдж тоже пошел и стал на то самое место.

— Принеси мне кубышку, из которой пил гость! — приказал он жене.

Хиж принесла кубышку, и Софыдж стал пить воду, но, как

только он начал пить, сразу увидел солонину, висевшую на чердаке. «Если они придут этой ночью, то непременно украдут мясо,— а они обязательно придут!» — подумал Софьидж и сказал жене:

— Как только стемнеет, сними с чердака солонину.

Как он сказал, так Хиж и сделала: сняла с чердака мясо, положила его в ящик, а ящик задвинула под кровать, на которой они спали. Потом муж и жена легли и спокойно заснули.

Тем временем Батыршах, беспокоясь, целый день просидел в лесу, в зарослях. Наконец он решил, что хозяева уже заснули, и пошел вместе с товарищем к дому Софьиджа. Товарища он оставил во дворе, а сам вошел в дом и полез на чердак, чтобы стащить оттуда прекрасную солонину. Смотрит туда-сюда, ищет вещь — нет на чердаке солонины!

От этого шума проснулась жена Софьиджа.

— Хайт, проклятая кошка! — закричала она. — Брысь отсюда, чтоб тебе никогда не есть мяса, как ты не съешь его сегодня! Солонину я сняла с чердака и положила в ящик, а ящик стоит у меня в ногах под кроватью!

Хиж думала, что это ее пестрая кошка лазает по чердаку, в самом же деле там сидел большой кот — Батыршах.

Как только Батыршах услышал слова Хиж, он слез с чердака, схватил ящик, выскочил из дому и побежал. Но в это самое время испуганный Софьидж проснулся и спросил свою жену:

— Ты что тарахтишь тут в полночь?

— Так, ничего, — ответила жена. — Это наша кошка залезла на чердак — видно, думала, что найдет там мясо, а я выругала ее и сказала, что спрятала солонину в ящик.

— Хайт, чтоб твоя мать увидела горе, чтоб ты онемела! — воскликнул тогда Софьидж. — Ты убила нас! Наверное, те люди, которые приходили днем, забрали мясо.

С этими словами он встал, посмотрел под кровать. Но где же ящик с солониной? Нет его — он уже у Батыршаха. Не теряя времени, Софьидж быстро оделся и пошел следом. Ночь была темная. Софьидж вскоре догнал воров — они не успели далеко уйти. Но разве он просто так остановил бы их? Нет! Софьидж решил украсть у воров свой ящик с мясом.

Воры шли так: один впереди, неся ящик, другой позади, оглядываясь по сторонам, не идет ли кто? Софьидж заметил это. Он искал удобного случая выкрасть мясо, наконец стал между передним и задним так, чтобы его не заметили, подошел к переднему и говорит:

— Ты уже устал, дай мне!

Он взял ящик с мясом, поставил на плечо и пошел вперед. Пройдя немного, Софьидж зашел в лес, а потом вернулся домой. Воры его не узнали. Они прошли уже большой путь, когда задний подумал: «Наверное, мой товарищ устал, дай-ка я возьму у него мясо». Он догнал переднего, но где же ящик?! Воры догадались, что их обманули, но было уже поздно.

— Хайт! — воскликнул Батыршах. — Он убил нас!

Батыршах сильно опечалился, но все же решил вернуться назад, чтобы снова выкрасть солонину, и сказал своему товарищу:

— Ты пойди напугай кур, чтобы они раскудахтались, а я, как только хозяин выйдет к курам, зайду в дом и украду мясо.

Как они сговорились, так и сделали: пошли, переполошили кур, забрали ящик и ушли. Но Софьидж снова погнался за ними. Смотрит, как идут воры. Они шли вместе. Что теперь Софьидж мог поделать? Идет сзади печальный, а воры идут впереди своей дорогой.

Так шли они, шли, пока не дошли до того места, откуда воры должны были разойтись по домам. Здесь они остановились и решили разделить мясо поровну, но где достать света? А Софьидж притаился поблизости и ждет, что будет дальше. Наконец Батыршах решил послать товарища домой за свечкой, чтобы поровну разделить мясо. Тот ушел. Прошло немного времени Софьидж подошел к Батыршаху и говорит:

— У нас дома нет ни свечи, ни керосина. Пойди-ка ты к себе домой и что-нибудь принеси.

Батыршах подумал, что это его товарищ, оставил Софьиджа около его же мяса, а сам ушел. А Софьиджу только того и надо! Он забрал свое мясо и к утру вернулся домой.

Вот оба вора приходят со свечами, чтобы разделить мясо, но где же оно? Софьидж опять обманул их и украл мясо!

Тогда Батыршах с товарищем снова направились к Софьиджу. Подошли они к его двору утром, на восходе солнца, и зашли в дом. Софьидж тоже был дома. Он и Батыршах всю ночь гонялись друг за другом, воруя один у другого, но еще не видели друг друга.

Зашли воры в дом Софьиджа, сели. Батыршах, как посмотрел на чердак, так и расхохотался, а его товарищ глядит в землю и чуть не плачет.

Софьидж смотрит на них, смотрит и думает:

— Что эти люди, сумасшедшие, что ли?

Наконец он спросил своих гостей:

— Почему вы смеетесь?

Тогда Батыршах прямо, без утайки, рассказал, что это он украл солонину, как они с Софыджем целую ночь воровали друг у друга и много потрудились, но Софыдж своей хитростью победил его.

Вот как Софыдж и Батыршах познакомились друг с другом.

59. Абхазский и турецкий воры

Жил в Апсны абхазский вор — храбрый мужчина, а в Турции жил турецкий вор — тоже герой. Оба они слышали друг о друге, но никогда не виделись.

Как-то раз они решили встретиться: турецкий вор пошел в Апсны, абхазский вор двинулся в Турцию. В пути они повстречались и познакомились.

— Что ты умеешь? — спросил абхазский вор турецкого вора.

А турецкий вор ему в ответ:

— Если на одном дереве сидят две птички, я могу, не спугнув их, незаметно выдернуть перышко у одной и воткнуть в другую.

Тут глянули они и видят: на большом дубе, что рос поблизости, сидят дрозд и сойка. Турецкий вор подкрался к птицам, выдернул перышко у сойки и воткнул дрозду.

— Ну, а ты что умеешь? — спросил тогда турецкий вор абхазского вора.

— Увидишь, что умею, — ответил абхазский вор, — только будь наготове! — и незаметно снял с турка всю его одежду.

Так испытав друг друга, они решили ходить вместе, вместе воровать и грабить.

Поблизости жил один князь. У него было много золота, поэтому воры, сговорившись, решили его обокрасть.

Помещение, в котором лежало золото, охранялось караульными. Караульные близко никого не подпускали. И вот два вора решили отойти подальше и сделать подкоп под это помещение. Так они прорыли до того места, где лежало княжеское золото, и начали таскать его полными мешками.

Прошло несколько времени. Князь пошел туда, где хранилось его золото, и видит: середина золотой груды опустилась. «Что такое?» — подумал князь, присмотрелся хорошенько и тут заметил, что кто-то крадет его золото.

Князь задумался: «Как поймать тех, кто ворует золото?» Решил он поставить полную бочку смолы как раз на пути к золоту, чтобы вор, не заметив ее, упал в смолу. Так и сделал: сварила полную бочку смолы, принес и поставил у того места, откуда лазили вору.

Вскоре турецкий и абхазский вору опять направились сюда, чтобы украсть золото. Впереди шел турецкий вор. Вот они спустились в свой лаз, и, когда уже входили туда, где лежало золото, турецкий вор, который был впереди, не заметив, угодила в бочку со смолой. Абхазский вор начал было вытаскивать его, но не смог вытащить.

Тогда турецкий вор сказал ему так:

— Я все равно погиб. А если ты хочешь, чтобы меня не узнали, отрежь мне голову и унеси отсюда.

Абхазский вор так и сделал: отрезал голову турка и отнес к нему домой. Жена, увидев голову, сказала абхазскому вору:

— Делай что хочешь, только дай мне возможность оплакать тело своего мужа!

А князь тем временем вытащил из бочки обезглавленное тело турецкого вора и приказал повесить его посреди города, чтобы как-нибудь найти родственников. Вокруг повешенного стояла стража. Абхазскому вору очень хотелось, чтобы жена турецкого вора оплакала тело своего мужа, но он не знал, как это устроить. Наконец он решил сделать так: закупить полную арбу легкой бьющейся посуды, посадить сверху жену турка и поехать к телу повешенного, а подъехав туда, опрокинуть арбу и перебить вдребезги все тарелки и стаканы. Тогда жена турка сможет оплакать тело своего мужа, а люди подумают, что она плачет над разбитой посудой.

Сказано — сделано. Абхазский вор закупил полную арбу посуды и пошел впереди, а сзади на арбе ехала жена турецкого вора. Как только они поравнялись с повешенным, абхазский вор зашел сзади, приподнял арбу и опрокинул ее. Арба упала, и все тарелки и стаканы разбились вдребезги. Жена турка подняла плач.

Стражники подумали, что женщина оплакивает покойника: «Наверное, он ее муж!»

Они подбежали к арбе, но абхазский вор закричал им:

— Вы что, с ума сошли?! Она плачет от горя, что все наше добро вдребезги перебилось, а вы о чем говорите?

Стражники поверили этому, повернулись и ушли, а женщина, глядя на повешенного мужа, плакала, сколько хотела. Опла-

кав мужа, она с абхазским вором вернулась домой. Дома жена турка стала упрашивать абхазского вора:

— Сними тело моего мужа, отнеси куда-нибудь и предай земле!

Абхазский вор отправился на поиски. Долго искал, наконец нашел белую лошадь и купил ее. Один бок он оставил таким, как он был, а другой намазал черной краской. Потом быстро оседлал своего коня, сел верхом и с гиканьем поскакал.

Так он подъехал к тому месту, где висел турецкий вор, снял его с петли и быстро умчался. Стражники не успели ничего сделать — так и стояли с открытыми ртами. А вор отвез тело товарища и похоронил.

Князь стал расспрашивать свою стражу:

— Каков на вид был тот человек, который увез повешенного?

Одни отвечали ему, что похитивший был в белой одежде и сидел на белом коне, другие, напротив, говорили, что он был одет в черное и сидел на вороном коне.

Князь не знал, кому верить. Тогда он созвал весь народ и потребовал:

— Кто знает, где поблизости недавно похоронен покойник, должен сообщить.

Люди сперва не хотели говорить, но потом сказали:

— Там-то и там-то похоронен один мертвец. Не знаем, тот ли, о котором ты спрашиваешь?

Услышав это, князь приказал своей страже:

— Вырыйте покойника и носите его по селу. Если родственники увидят, непременно заплачут, и так мы их узнаем.

Как князь сказал, так стража и сделала: откопала труп турецкого вора и стала носить по дворам. Наконец они вошли во двор, где жила одна женщина. Увидев труп, она стала плакать. Это была жена турецкого вора.

Стражники подумали: «Что нам делать? Наверное, это родственница покойного, надо заметить ее дом, чтобы после не ошибиться» — и, сделав на двери зарубку, понесли мертвеца к князю.

Пришли к князю и говорят: «Так и так».

А князь в ответ:

— Наверное, она жена вора. Идите и приведите ее сюда.

Но, пока стража возвращалась обратно, оказывается, к жене турка приходил абхазский вор. Женщина рассказала ему: «Так и так».

— Хайт! — воскликнул тогда абхазский вор.— Наверное, они сделали где-нибудь заметку,— и пошел осматривать дом со всех сторон. Смотрел, смотрел, вдруг видит: на двери стража оставила свежую зарубку. Тогда абхазский вор сделал такие же зарубки на дверях всех соседей вдовы.

Вот приходят посланцы князя. Смотрят — на всех домах в той местности сделаны зарубки. Так они и не узнали дома вдовы и вернулись обратно.

После этого князь решил сделать так: дать своей дочери больше золота и посадить у большой дороги. Если увидит ее тот, кто привык воровать,— обязательно придет, чтобы украсть золото, и тогда княжеская дочь тайком отрежет у вора один ус. А потом уже его легко будет найти и поймать.

Так и сделали: дочь князя взяла много золота и села у дороги. Как только абхазский вор услышал об этом, он пришел, чтобы украсть золото. И вот в то время, когда он воровал золото у дочери князя, девушка незаметно отрезала ему один ус. Все же абхазский вор украл то, зачем пришел, и унес все золото. Приходит домой, смотрит — у него отрезан один ус.

— Хайт! — воскликнул абхазский вор.— По этой примете меня узнают.

Ночью, когда все уснули, он пошел и поотрезал по одному усу у всех соседей.

На другое утро князь созвал весь народ, чтобы посмотреть — у кого же это отрезан один ус? Но что тут делать? У половины мужчин отрезано по одному усу. Как теперь князь узнает вора?

Тогда абхазский вор вышел из толпы, стал перед князем и рассказал ему о своих проделках все без утайки.

Князь выслушал его, а потом и говорит:

— Все сделанное тобой сделано хорошо. Но сможешь ли ты доставить ко мне царя, не давая ему знать об этом?

— Это легко,— ответил абхазский вор.— Это я могу.

Абхазский вор пошел в лес, поймал там такого зверя, которого ни один человек еще не видел, отнес этого зверя ко двору царя и, окутав шелком, пустил во двор. Как только царская стража увидела невиданного зверя, все кинулись за ним, схватив палки и все, что под руку попало, а царь, завидя такого необыкновенного зверя, перепугался и, не зная, что делать, спрятался во дворце.

В это самое время во дворец вошел абхазский вор и говорит царю:

— Это смерть твоя пришла за тобой, спрячься!

Царь испугался еще больше, подбежал к сундуку, открыл его и спрятался. Тогда абхазский вор взвалил сундук на спину и пошел по дороге. Идет, а сам приговаривает:

— Смерть пришла и уносит тебя, но кто знает, куда несет — в ад или в рай?

Услыхал это царь, совсем перетрусил: сидит, притаившись на дне сундука.

Так абхазский вор притащил в дом князя сундук с царем, открыл крышку и выпустил царя оттуда.

Тогда царь сказал абхазскому вору:

— Ты, абхазский вор, сильнее меня!

Он выдал свою дочь замуж за абхазского вора, передал ему все свое царство и устроил такой пир, которого до тех пор еще не видел ни один человек.

На том пиру абхазский вор заставил царя и князя танцевать, и они танцевали.

Вот так поступил в старину абхазский вор.

60. Поступок крестьянина

Жил один крестьянин. У него был воспитанник-князь. Как-то раз в праздничный день крестьянин решил пойти к воспитаннику с приношением. Для этого он взял петуха, привязал его веревкой за ногу и двинулся в путь. В руках он держал большую дубину.

Все люди, что встречались ему по дороге, смеялись над ним — они думали, что крестьянин сошел с ума, но он не обращал на них внимания.

И так, держа петуха за веревку, крестьянин вошел во двор своего воспитанника. Дворовые заметили его, сильно удивились и доложили князю:

— Так и так. Какой-то крестьянин держит петуха на веревке и идет к тебе. Он уже вошел во двор.

Князь расхохотался и говорит:

— Пойдите к нему навстречу, возьмите петуха и заприте в курятник, а крестьянин пусть поднимется ко мне.

Разве они могли перечить князю? Они выбежали навстречу крестьянину, взяли у него петуха и пустили в курятник, а его самого повели к князю.

Как только крестьянин вошел к князю, он сказал:

— С праздником! Желаю тебе счастья!

Крестьянина усадили за стол. Еды, питья там было вдоволь.

Крестьянин не стал стесняться. Он был украшением стола. Пил за здоровье тех, кого следовало.

И так целый день с утра до вечера крестьянин просидел за княжеским столом, ел и пил. А к вечеру, когда он встал из-за стола, у него подкашивались ноги.

Тем временем князь сказал своим дворовым:

— Вечером, когда крестьянин соберется идти, дайте ему коня — скажите, князь, мол, подарил!

Настал вечер. Крестьянин собрался уходить. В это время дворовые вывели из конюшни большого вороного коня, надели на него недоуздок и подвели к крестьянину со словами:

— Дад, тот человек, которого ты сегодня навестил, — твой воспитанник. Желаем вам — тебе и твоему воспитаннику — жить вечно и любить друг друга. Пусть ваша связь будет крепкой. А для того чтобы ты не забывал своего воспитанника, он дарит тебе коня.

— Благодарю! — ответил крестьянин. — Пусть мы с воспитанником будем неразлучны, пусть наши связи будут крепки и мы никогда не утратим друг друга! А вы, дад, будьте счастливы, пусть радость не минует вас!

Сказал так крестьянин, потом подумал, подумал и, обратясь к одному из княжеских слуг, попросил его:

— Дад, мне нужен топор. Пойди принеси!

Слуга, не сказав ни слова, быстро пошел и принес топор.

Крестьянин взял его, вошел в лес, срубил сучковатый ольховый шест, принес и бросил на землю. Потом поднял этот шест, приставил его как лестницу к спине коня и стал взбираться, чтобы сесть верхом.

Слуги смотрели и удивлялись. Один из них поднялся к князю и рассказал о проделках крестьянина. Князь рассмеялся:

— Это он делает потому, что лошадь без седла, — видно, он человек умный, накажи его Аллах! — сказал князь. Потом добавил: — Пойдите-ка побыстрее снимите мое седло и оседлайте ему коня!

Слуги схватили седло, быстро оседлали коня и, когда убрали шест, крестьянин взлетел в седло, потом выбрал такое место, где его видел бы князь, молодецки проджигитовал и уехал. Все другие крестьяне, которые пригнали к князю ради праздника быков и коров, ушли с пустыми руками, а хитрый крестьянин взамен одного петуха получил коня и седло и уехал домой.

Целый день стояла сильная жара. Крестьянин, возвращаясь домой, заехал в какой-то двор. Хозяева этого дома в тот день устраивали жертвоприношение и никого из чужих той едой не угощали. Все кушанья уже были готовы: на столе стояли большие миски с жареными курами в подливе, вкусный чурек был уже испечен, над огнем висел котел, полный абысты, все было наготове. Но когда крестьянин гарцуя, подъехал к дому, хозяева все попрытали: годовалого козленка, у которого наполовину шкура была снята, занесли в кладовку, чурек задвинули подальше, миски с курами в подливе спрятали на полку, котел с абыстой подняли повыше над огнем. Потом хозяева вышли навстречу гостю, помогли ему сойти с коня, пригласили в дом и усадили. Прошло некоторое время, а крестьянина и не думают угощать, хозяева ни о еде, ни о питье не говорят — сидят молча возле гостя.

Видит крестьянин — время уходит. Он и говорит хозяевам:

— Знаете, я сегодня чудо видел.

— Какое чудо? — спросили его.

— А вот какое: ехал я сегодня по одной возвышенности, смотрю и вижу: в маленьком болотце — вот в таком, как ваша миска с подливой, — сидит лягушка как раз как ваша курица, которая лежит в подливе. Неподалеку от болотца был камень — как раз такой, как тот чурек, который у вас на полке. Я поднял этот камень и бросил в лягушку, сидевшую в болотце. Тогда она вытаращила глаза — как раз такие, как ваш котел с абыстой. Если то, что я сказал, — неправда, пусть с меня сдерут наполовину кожу, как вот с этого козленка, — закончил хитрый крестьянин.

Хозяевам стало стыдно. Они переглянулись и сказали крестьянину:

— Если у тебя есть совесть, никому о нас не рассказывай, не говори людям об этом, не закапывай нас в могилу заживо. Мы не угостили тебя потому, что в этот день устраиваем жертвоприношение, и чужого человека, кто бы ни был, не должны кормить. Так заведено с древних времен отцами наших отцов. Но ты, гость, обо всем догадался, все разузнал и убил нас. Теперь, если мы даже погибнем от этого, все же угостим тебя!

Сказали так хозяева и начали накрывать на стол.

Крестьянин не соглашался и хотел было уйти, но хозяева его не пустили.

Они приготовили угощение, сели вместе со своим гостем и выпили много вина. С хозяевами после такого нарушения дедов-

ских обычаев ничего не случилось, и с тех пор они во время жертвоприношения угощали всех, кто бы к ним ни зашел, а жили по-прежнему — хорошо, благополучно, как и раньше.

Вот как поступил хитрый крестьянин.

61. Крестьянин и князь

Жил князь. Однажды он вызвал к себе крестьянина и, когда крестьянин пришел, сказал ему так:

— Завтра ко мне приедут гости, ты должен дать вина. Я хорошо знаю, что у тебя есть вино, и обязательно пришлю за ним своего человека.

— Хорошо, присылай своего человека, я дам ему столько вина, сколько он сможет поднять, — ответил крестьянин и пошел домой.

А князь выбрал из своих слуг одного силача, дал ему большой бурдюк и послал к крестьянину. Силач пришел и говорит:

— Меня прислал князь. Ты ведь знаешь, что он прислал к тебе за вином. Ты должен дать мне столько вина, сколько я смогу поднять.

Тогда хозяин взял у него бурдюк, подставил его под один маленький бочонок и перелил все вино. Но разве бурдюк наполнился? Даже трети не набралось! Хозяин подставил бурдюк под другой бочонок, но и этого вина не хватило, чтобы его наполнить. Поставил под третий бочонок — и этого не хватило. Что крестьянин мог поделать? Он не смел отказываться от своего обещания. Хозяин хотел поднять бурдюк, чтобы поставить под следующий бочонок, но не смог. Тогда силач поднял бурдюк и подставлял его под бочки до тех пор, пока он не наполнился. Потом силач взвалил бурдюк на плечи и понес к князю. По дороге с ним поравнялся всадник. Всадник предложил ему подвезти бурдюк, а взамен хотел получить один глоток того, что было в бурдюке. Силач охотно согласился, всадник взял у него бурдюк, положил его впереди себя на коня и поехал дальше, а силач шел рядом, разговаривая. Так дошли они туда, где верховому надо было повернуть в свою сторону. По условию силач должен был дать ему глоток вина. Он так и сделал: открыл бурдюк и подставил ко рту всадника. Всадник одним глотком выпил все вино, а бурдюк бросил силачу. Рассердился силач и говорит:

— Или сейчас же отправляйся со мной к князю, или отдай столько же вина, сколько ты выпил!

А всадник ему в ответ:

— Как тебе не стыдно от своих слов отказываться? Ведь мы с тобой договорились о глотке вина! Если ты теперь отказываешься от своих слов, иди куда хочешь, жалуйся кому угодно: по закону я прав, и ты со мной ничего не сделаешь — ведь мы же договорились! Я не виноват, что после моего глотка твой бурдюк опустел!

Они заспорили, поссорились, а в это время с ними поравнялся какой-то прохожий. Он думал было примирить спорщиков:

— Помиритесь! Ведь ничего особенного не случилось, сами договаривались!

Но силач и слышать не хотел о том, чтобы помириться с верховым.

Видит прохожий, что их никак не помирить, схватил всадника вместе с его конем левой рукой и положил в левый карман, а силача взял правой рукой и положил в правый карман и пошел своей дорогой.

Под вечер он пришел домой. Жена дала ему поесть, потом раздела и уложила в постель. И тут муж вспомнил о тех, кого положил в свои карманы. Тогда он обратился к жене и говорит:

— Ну-ка, жена! Посмотри в моих карманах — я туда бросил каких-то людей!

Жена сунула руку в один карман — и вытащила оттуда всадника вместе с конем, сунула в другой карман — и вытащила какого-то бородатого человека.

— Кто они такие? — спросила жена. — Они могли бы оторвать твои карманы!

А муж в ответ:

— Я же тебе говорил, что такого силача, как твой муж, ни у кого нет, кроме тебя. Вот эти люди — хорошее доказательство. Я их встретил по дороге, когда они затеяли драку, и стал их просить не ссориться, помириться, но, сколько ни упрасивал, они меня не слушали. Тогда я взял их и положил по карманам.

Жена больше удивилась тому, что он сказал, чем тому, что он сделал, и говорит ему в ответ:

— Ты не думай, что сделал что-то необыкновенное, и не особенно гордись тем, что ты сделал. Ты просто еще не встретился с таким человеком, который бы смог тебя победить, иначе не сказал бы того, что ты сказал. Экая важность — двоих победил! Я сама их не заметила, когда вешала твою одежду.

Тогда муж рассердился на жену и закричал:

— Как, ты мой поступок не считаешь за геройство! Как ты

осмелилась говорить, что есть человек, который сможет победить меня!

— Не кричи на меня! И особенно на свою силу не надейся — я правду говорю! — сказала жена. — Есть много людей, которые смогут тебя победить!

Услыхав такие слова, муж совсем рассердился. Всю ночь он не мог заснуть, а наутро собрал всех своих соседей и рассказал о споре с женой. А соседи ему в ответ:

— Не удивляйся тому, что сказала твоя жена. Если ты побеждаешь одних, то, наверное, найдутся другие, которые победят тебя.

Но муж не согласился с ними и сказал:

— Я уйду и не вернусь до тех пор, пока не найду такого человека, который сможет победить меня. Но если я не найду такого человека, приду домой и повешу свою жену. — И он поклялся при всех, что так сделает.

Жена обиделась на такие слова и говорит мужу:

— Я принимаю твое условие, но должна послать с тобой доверенного человека.

После этого муж уехал вместе с доверенным.

Долго они ездили и наконец очутились на берегу большой реки. Они решили переправиться через реку, нашли брод в том месте, где течение было тихое-тихое, и уже дошли было до середины реки, как вдруг вода поднялась и потащила их вместе с лошадьми.

Вскоре они заметили какого-то человека: одной ногой он стоял на одном берегу реки, другой — на другом и, черпая воду деревянным совком, орошал свое поле. Путники вместе с лошадьми попали как раз на совок, и он выбросил их на свое поле.

Пришла жена этого человека, принесла ему обед и поставила в тени, под деревом, что росло на поле. Потом она подошла к мужу, а муж и говорит ей:

— Перед твоим приходом мне показалось, что совок стал что-то тяжелей. Посмотри на поле — может быть, я туда выбросил рыбину? Если найдешь — отнеси туда, где поставила еду!

Жена глянула на поле и видит: на распаханной земле валяются два всадника, мокрые с ног до головы, озябшие. Удивилась женщина, но промолчала, пришла к мужу и говорит:

— Там не рыба, а люди.

— Откуда они взялись, несчастные? Ну-ка позови их сюда! — сказал муж.

Когда жена позвала их, путники с трудом поднялись и, держа лошадей под уздцы, подошли к этому человеку.

Тогда он их спросил:

— Где вы были, чего вы ищете?

— Вот чего мы искали и вот что с нами случилось,— ответили путники и рассказали ему обо всем.

Этот человек выслушал их и сказал так:

— Наверное, на свете есть немало людей, которые в силах тебя победить,— пожалуй, таких людей много найдется. Вот видите, и я, даже не заметив, выбросил вас на берег своим совком. А теперь идите с моей хозяйкой, обогрейтесь и поешьте.

Путники так и сделали — они двинулись за женщиной. Женщина шла впереди, а они ехали верхом позади нее, но, хотя она на каждом шагу останавливалась и поджидала их, всадники не поспевали за ней. Надоело это женщине, она схватила всадников, сперва одного, потом другого, вместе с их лошадьми, бросила в деревянную чашку, что несла на голове, и пошла дальше. Пришла домой, вынула их из чашки и посадила возле огня, лошадей тоже вынула и поставила, а сама вышла со двора. Вдруг смотрят путники, к женщине подошел какой-то смуглый адауы. Он стал говорить с женщиной, и от его слов у путников волосы встали дыбом. Они тихонько вышли во двор через заднюю дверь, сели на своих коней и пустили их вскачь что было сил. Всадники мчались по дороге и все время оглядывались назад — они боялись, что не успеют спрятаться и смуглый адауы догонит их и убьет.

Скачут они по дороге и видят: какой-то человек сеет кукурузу. Они подъехали к нему и попросили, дрожа от страха:

— Спрячь нас куда-нибудь, за нами гонится адауы, не дай ему убить нас!

Но сеятель не замечал их, шел дальше и разбрасывал кукурузу. Одну горсть он бросал на свое поле, другую клал в рот и глотал. Наконец он заметил их:

— Ну-ка подойдите ко мне! — сказал он, потом поднял обоих вместе с их лошадьми и положил в свою сумку с кукурузой, которая висела у него через плечо. Сеятель шел, разбрасывая кукурузу, и, работая, позабыл, что в его сумке есть люди. Не заметив, он положил себе в рот горсть кукурузы вместе с путниками. Вечером сеятель вспомнил о них, заглянул в сумку, смотрит — нет никого!

— Хайт, стыд и срам, если я их проглотил! — сказал он, не зная что делать. Но вдруг в его переднем зубе, где была тре-

щина, начался зуд. Сеятель провел по трещине пальцем и вытащил обоих всадников вместе с их лошадьми. Тогда он сказал:

— Хорошо, что я вас не проглотил. Ну, рассказывайте, где вы были, чего ищете!

Путники рассказали ему всю правду, зачем они ездят и что с ними случилось.

Тогда сеятель сказал им так:

— В мире нет такого человека, который бы всех победил. Есть и такие люди, которые осияют не только вас, но и таких, как я и как тот человек, который вас вытащил из реки. У меня три брата. Четвертый я сам. У нас много мелкого рогатого скота. Скот помещался в огромной пещере. Снизу эту пещеру омывало море, а сверху сидели мы и никого не подпускали. У наших отцов и дедов были кровники*. Как-то раз один из кровников пронюхал, где мы скрываемся, переправился через море и, крадучись, пробрался в нашу пещеру. Как только он вступил в пещеру, пещера вся задрожала под его ногами, и мы сразу догадались, что к нам идет злой человек, которого мы не сможем победить. Тогда мы выгнали свой скот из пещеры и пошли пастолько быстро, насколько хватало сил. Так шли мы целую неделю. Тогда я подумал: «Кто это был такой, от которого затряслась вся наша огромная пещера?» Я оглянулся назад и вижу: возле пещеры стоит какой-то человек и, оглядываясь по сторонам, наверное, думает: «Куда эти люди ушли из пещеры?» Вот он посмотрел в нашу сторону и, заметив нас, поднял камень и бросил нам вдогонку. Этот камень попал мне в зуб, и от удара, как видишь, образовалась в нем трещина. Если бы не было ее, я бы вас проглотил. Видите? — И он показал трещину в зубе.

Потом сеятель сказал:

— Никогда не говорите, что не найдется человек, который не сможет вас победить! — и отпустил их домой.

Путники кое-как добрались до дому. Пришли, а жена собрала всех соседей, при которых муж дал свою клятву, и сообщила им, что она победила мужа в споре.

62. Как Ум и Судьба поспорили

Ум и Судьба поспорили:

— Кто из нас этого пастуха выведет в люди? — говорили они о пастухе, который жил в лесу.

— Сначала я буду выводить его в люди, а ты смотри — увидишь, что я смогу! — сказала Судьба.

— Поглядим! — согласился Ум.

И Судьба начала свое дело: отыскала в земле на пастбище огромный жемчуг в три пуда и показала пастуху. Этот жемчуг освещал весь лес. Когда пастух нашел его, то решил отнести на стоянку, чтобы там стало светло. Принес, бросил жемчуг на землю и потом обошел его со всех сторон, прикинул и так и сяк, но не смог понять, для чего пригодился бы ему этот камень. Потом, не зная, что с ним делать, пастух отнес жемчуг в большой темный хлев, куда он на ночь загонял свой скот. По ночам в хлеву стало светло от жемчуга, и пастух при его свете выносил навоз.

Теперь Судьба направилась к великому царю. Под властью этого царя находился один храбрый человек. Судьба заставила этого человека совершить преступление. Царь разгневался на преступника, и когда тот увидел, что его ждет ссылка, ушел в разбойники. Царь послал народ ловить его. Разбойник многих поубивал, но все же и его поймали. Когда ему уже надевали кандалы, он улучил минутку и бежал.

Шел, шел разбойник, долго шел и наконец очутился у пастуха, который имел жемчуг. Разбойник и говорит ему:

— Человек я измученный. Я пришел к тебе, чтобы ты спрятал меня.

— Хорошо, дад,— ответил пастух.— И мне не так будет скучно, и скот пасти поможешь.

После этого прошло дня два или три. Заглянул разбойник в хлев, увидел там жемчуг и спрашивает:

— Это что такое?

— Так, камень какой-то,— говорит ему пастух.— Нашел, принес и вот теперь при его свете чищу хлев от навоза.

Разбойник был ученый, он сразу понял, что это за камень.

— Я сделаю так, что этот камень будет кормить тебя всю жизнь и ты станешь богачом! — воскликнул разбойник.— Бери его, идем, куда я тебя поведу!

Пастух вначале заупрямился: «Разве какой-то камень сможет сделать меня богатым?» — но в конце концов согласился.

Тогда разбойник повел его туда, откуда сам пришел. Вот пришли они в ту страну, разбойника поймали и привели к царю. Царь спросил разбойника:

— Где ты скрывался, зачем бежал, на что надеялся?

А разбойник в ответ:

— Я нашел в одном месте большую ценность и решил про себя: «Пойду к царю, скажу ему, и он меня помилует». Это огромный жемчуг. Я подумал, что только этого жемчуга не хватает твоей казне.

— Сколько же в нем фунтов? — спросил царь, услышав о жемчуге.

— Какой фунтов — пуда три есть! — ответил разбойник.

Поразился царь, а потом и спрашивает:

— А как же мне его получить?

— Если избавишь меня от наказания, скажу, как тебе получить этот жемчуг, — ответил разбойник.

— Избавлю! — сказал царь и освободил разбойника. Потом снова спрашивает:

— Ну как же, каким способом мы отберем этот жемчуг у его владельца?

— Способ такой: надо породниться с тем человеком, иначе ни за какие деньги он не продаст свой жемчуг.

У царя была прекрасная дочь. Она жила на самом верху дворца.

— Если дать ему дочку, он женится на ней? — спросил царь.

— Если я постараюсь, — заставлю жениться, — ответил разбойник.

И они сговорились, что, когда разбойник приведет владельца жемчуга, царь посадит напротив него свою дочь.

А потом разбойник сказал:

— Этот человек из чужой стороны. Там надевают другую одежду. Если он придет в своей одежде, боюсь — не понравится твоей дочери. Дай мне наше платье, я одену этого человека по-нашему и тогда приведу к тебе!

Царь дал ему одежду, и разбойник ушел. Придя к пастуху, он снял с него лохмотья, нарядил в новое платье, и они, взяв жемчуг, отправились к царю.

Когда принесли жемчуг в царский дворец, весь двор осветился.

Царь созвал свой народ, устроил пир и выдал свою дочь замуж за пастуха.

Но пастух ведь был дикий, неученый — разве он понимал что-нибудь?

Перед тем как идти к дочери царя, товарищ научил пастуха, как себя вести.

Вот пастух лег спать с царской дочерью, но в полночь стал ворочаться с боку на бок.

— Что с тобой, почему ты ворочаешься? — спросила дочь царя.

Пастух ответил:

— Когда я пас свое стадо в лесу, то спал прямо на земле, подстелив бурку, и мне было прохладно. А здесь я не могу терпеть жары — я привык к своей стоянке.

— Хай, отец мой! Ты воспитал меня, и ты же погубил меня! — воскликнула дочь царя, услышав это, и позвала стражу.

Стража быстро явилась, и дочь царя приказала:

— Хватайте его, затащите на самый верх дворца и выбросьте в окно!

Слуги схватили пастуха, избили и потащили наверх, чтобы сбросить на землю. Но как только они пошли, Ум вскочил и стал перед Судьбой:

— Теперь чем ты поможешь пастуху, чем спасешь? Он погиб!

А Судьба в ответ:

— Никуда я не гожусь, умерла!

— Если ты оказалась ни на что не годной, уступи мне пастуха! — попросил Ум.

— Пожалуйста, если ты сможешь ему помочь, а я умерла! — ответила Судьба.

И тут пастух сразу стал умным, ему кое-что пришло в голову, он и говорит страже:

— Хочу сказать жене три слова, прошу — дайте мне возможность сделать это, сообщите ей!

Когда жене дали знать об этом, она ответила:

— Хорошо, ведите его сюда.

Пастуха ввели, а он смеется!

— Ха-ха-ха!

— Почему ты смеешься? — спросила его царская дочь.

— Хайт ты, несчастная! — сказал пастух. — Сейчас, пока я хорош и ты хороша, пока мы молодые, я решил испытать тебя. Может статься я первый заболел, так что всякий человек будет брезговать мной, и тогда ты тоже не станешь сердечно ухаживать за мной своими сладкими руками. Вот что я узнал этой ночью.

— Как же ты это узнал? — спросила жена.

И пастух ей ответил:

— Да разве когда-нибудь мой отец или я сам могли быть пастухами? Но я понял, что ты не станешь ухаживать за мной, когда я стану немощным, и, чтобы окончательно увериться в

этом, я сказал тебе, что был пастухом. Как я вижу, ты не достойна быть моей женой, но все-таки ты дочь великого царя, и вот только ради твоего отца я, так и быть, тебя не брошу.

Тут царская дочь взмолилась:

— Ой, виновата я! Поторопилась! У женщин, как говорится, волос долог, ум короток. Таковы мы все. Не гневайся на меня, сгруппила я!

Царская дочь отослала стражу обратно, и с тех пор муж и жена зажили в мире и согласии.

63. Самыртал

Жил один богатый человек по имени Самыртал*.

Он пользовался всеобщим доверием. Чего бы Самыртал ни попросил, ему все давали.

Но вот спустя некоторое время Самыртал обеднел. Тогда он позвал к себе одного попа. Поп пришел. Самыртал отобрал у него деньги, убил попа и спрятал в подвале своего дома, чтобы бросить его куда-нибудь, если это убийство сойдет благополучно.

После этого Самыртал вызвал к себе другого попа. Пришел и другой поп. Самыртал отобрал у него деньги, убил и этого попа и положил рядом с первым.

Попы стали исчезать. Люди об этом только и говорили. Все попы очень испугались, а один, перетрусив больше других, спросил своих односельчан:

— Куда мне деться? Где спрятать свою голову?

Люди думали-думали и посоветовали ему спрятаться у Самыртала.

— Правда, — согласился поп, — Самыртал — человек справедливый. Лучшего места мне и не найти! Пойду спрячусь у Самыртала! — и пошел.

В это время Самыртал вызвал к себе одного человека, которому он доверял. Они сговорились, что этот человек похоронит попа за десять рублей.

— Но если он встанет и придет обратно, ты не получишь своих десяти рублей! — предупредил Самыртал.

— Как мертвец может встать?! Нет, он у меня не встанет! — сказал нанятый Самырталом и в ту же ночь отнес попа в дремучий лес и закопал его там, а сверху навалил большие камни.

Вернулся к Самырталу и сказал:

— Похоронил!

— Какой там похоронил! Убежал от тебя поп! — ответил ему Самыртал.

— Как это? — удивился человек, похоронивший мертвеца.

— Да так! Иди покажу, — сказал Самыртал и повел его туда, где лежал второй убитый им поп. Увидел человек попа, удивился — он не знал, что это другой поп, да и никто этого не знал. Самыртал же хотел заставить его за десять рублей похоронить двух попов.

Тогда нанятый Самырталом воскликнул:

— Хай, поп! Я тебе покажу! Сейчас же идем обратно! — Он поднял попа и отнес его в другое место. Там он снова вырыл могилу, поставил в нее попа, взял большой кол и так ударил мертвеца по голове, что размозжил ее вдребезги.

Потом толкнул попа в могилу, завалил камнями, а сверху засыпал землей и пошел обратно.

Рассвело. И вот, когда этот человек шел к Самырталу за своими десятью рублями, впереди себя он увидел попа. Это был тот самый поп, который шел к Самырталу, чтобы спрятаться у него. «Хайт! Мой поп опять встал, вот идет впереди меня!» — подумал человек и, быстро выдернув из забора кол, догнал попа и — бац! — ударил его по голове, да так, что голова разлетелась вдребезги. Потом он похоронил и этого попа и пошел к Самырталу, чтобы взять у него свои десять рублей.

64. Злостный неплательщик и назойливый заимодавец

Злостный неплательщик Кадыр был должен одну копейку назойливому заимодавцу Мачагва.

Каждую неделю Мачагва приходил к Кадыру за своей копеечкой, но тот всегда отказывал и говорил, что у него нет денег. Так прошел год. С этих пор Мачагва стал приходить ежедневно.

Так прошло пять лет.

Однажды Мачагва сказал:

— Завтра я опять приду, но, если ты не заплатишь долга, между нами, кроме плохого, ничего не будет! — Сказал это и ушел.

На другой день должник научил свою жену, как обмануть заимодавца, и скрылся.

Займодавец, конечно, не пропустил дня, пришел к должнику за своей копейкой.

Жена неплательщика встретила его радостной улыбкой.

— Пожалуйста, ты пришел как раз вовремя! — сказала она. — Мы утомили тебя немножко, но теперь можешь считать долг полученным: сегодня рано утром мой хозяин пошел по одному делу. Если он сделает его, то заплатит тебе долг.

— Если так, я подожду, пока он вернется, — сказал займодавец, поставил палку и сел.

— Нет, пожалуйста, не жди его сегодня! Он ушел в соседнее село. Говорят, там у одной вдовы есть хорошие семена льна, он думает их взять. Если он найдет эту вдову, если у нее действительно есть хорошие семена льна, если они с моим хозяином сойдутся в цене, то он наверняка их купит и принесет. Затем тут недалеко у одного человека есть подходящая земля. Если он сумеет взять эту землю и если ему что-нибудь не помешает, то в будущем году он там посеет лен. А если в том году будет хорошая погода и лен уродится, мы его станем трепать, соткем полотно, и если через год продадим его за хорошую цену, то и сами заработаем, и тебе долг заплатим!

Выслушал все это займодавец и рассмеялся, а хозяйка проворчала: «Почему тебе не смеяться, когда ты свое получил!»

— Я слышал, что ты сказала, но завтра обязательно приду за своим долгом, а если не получу — дело кончится смертью! — Сказал так, встал и ушел.

Все это хозяйка рассказала мужу. Муж ее сказал жене так:

— Мой займодавец наверняка завтра придет. Я притворюсь умершим, а ты, как только его заметишь, начни меня оплакивать. Он очень хитрый, но, может быть, мы сможем его обмануть и выпроводить, и если он совсем и не откажется, то на некоторое время перестанет сюда ходить.

— Хорошо, — ответила жена. — Как ты сказал, так и сделаю!

На другой день должник увидел, что займодавец подходит к его воротам. Должник тут же лег на тахту, вытянулся и притворился мертвым. Его жена стала неистово кричать, плакать, биться головой об стену и рвать на себе волосы.

Займодавец быстро вошел в дом, увидел, что его должник мертвый лежит на тахте, поставил палку в сторону, повесил башлык и, ударя себя по голове, то приближаясь, то отходя от «мертвеца», стал его оплакивать.

Потом, немного успокоившись, займодавец спросил у хозяйки:

— Когда он умер и как умер?

— Сегодня утром он заболел, и не прошло и часу, как испустил дух.

— Мы были с ним в ссоре из-за копейки, но все-таки я его очень жалею и, если ты не возражаешь, хотел бы обмыть своими руками и уложить в гроб, — сказал замодавец хозяйке.

Хозяйка согласилась.

Мачагва обмыл «покойника», уложил в гроб, приготовил к похоронам и сказал:

— До свидания! Теперь вы хороните сами, а мне пора домой — уже вечерет. Да не придет к вам больше горе! — и пошел домой.

Но, отойдя немного, он вернулся, спрятался в лесу, недалеко от места похорон, и стал смотреть — будут хоронить Кадыра или нет? Мачагва боялся, как бы его не перехитрили.

Лежавший в гробу должник позвал жену и сказал:

— Наш замодавец хитрый, он может вернуться обратно. Поэтому накорми меня и похорони, но только так, чтобы я не задохнулся.

Жена быстро накормила его, похоронила так, чтобы он не задохнулся, и пошла домой.

Замодавец тайком подошел к могиле и стал караулить покойника.

В полночь какие-то грабители с мешком золота и сверкающей пашкой остановились у могилы и стали говорить между собой:

— Когда мы проходили здесь вчера после полудня, никто тут не был похоронен. Кого же потом похоронили?

Говоря так между собой, они положили мешок и сели.

«Раз сели, разделим деньги!» — решили они и стали делить золото. В то время один из них крикнул:

— Оставьте пока деньги, давайте сначала отдадим пашку тому из нас, кто ее заслужил!

Грабители согласились и решили отдать пашку тому, кто во время грабежа отличился мужеством.

Но, рассматривая пашку, они заспорили: стоит она чего-нибудь или нет. Одни говорили: «Эта пашка из каленой стали — видите, как она гнется!» А другие считали, что она из простого железа и ничего не стоит.

Тогда один из грабителей сказал:

— Если эта пашка разрубит человека одним ударом, то она из каленой стали.

Все с этим согласились, но кого же можно было разрубить?

— Давайте выкопаем мертвеца, что похоронен сегодня, — он еще похож на живого — разрубим его и так испытаем пашку, — решили они.

Все это слышал «мертвец», но что ему было делать? Он молчал, боясь заимодавца.

Грабители быстро взялись за могилу, выкопали «покойника» и поставили на ноги. Но, как только один из грабителей взял пашку и, размахнувшись, хотел ударить «мертвеца», тот испугался, что его убьют, и громко закричал.

Грабители перепугались, бросили свою пашку и бесследно исчезли.

В это время заимодавец подбежал к Кадыру и закричал:

— Долго ты меня обманывал, притворяясь то живым, то мертвым! Отдай сейчас же мою копейку и половину этого богатства!

Неплательщик не соглашался. Они вцепились друг в друга и начали драться. По их лицам текла кровь. Заимодавец был силен, но и неплательщик не уступал ему. Они так избили друг друга, что не могли подняться с места.

Пока они дрались, убежавшие грабители сидели где-то далеко, затаив дыхание.

Наконец они выбрали самого храброго и послали его узнать, что это за покойник, который кричал, и что случилось с их богатством.

Когда посланный подкрался и увидел, что два «мертвеца» дерутся из-за денег, он перепугался, закричал, перескочил через ограду, прибежал к товарищам и все им рассказал.

Услыхали это грабители и воскликнули:

— Конец света настал! — и бросились по домам.

«Мертвецы» услышали крик испуганного грабителя, перестали драться и начали делить деньги. Все разделили, но неплательщик не отдал копейку, а заимодавец, конечно, не забыл о ней и сказал:

— Приготовь долг, я на днях приду за ним, — и ушел, избитый кулаками Кадыра. Он с трудом перелез через ограду, а потом нагнулся и что-то поднял. Неплательщик заметил это, быстро догнал его и спросил:

— Что ты поднял?

Это была шапка, упавшая с одного грабителя, когда он, убегая, перескакивал через ограду.

Кадыр и Мачагва опять поссорились из-за шапки и намяли друг другу бока.

Наконец заимодавец согласился и отдал неплательщику половину стоимости шапки. Заимодавец взял шапку, напомнил, что он все же придет за копеейкой, и пошел своей дорогой.

Шел, думал, что дальше будет с его копеейкой, и, пока не отошел далеко, все поглядывал исподлобья на неплательщика. Идя так по дороге, он остановился на краю поля и что-то поднял.

Это заметил неплательщик и подумал: «Наверное, он что-то нашел!» — и с криком бросился догонять Мачагва.

Когда тот заметил, что за ним гонится Кадыр, он закричал:

— Чтоб твоя мать увидела горе, отстань! То, что я поднял, тебя не касается! Это кремень!

— Все равно, пусть будет кремень, но, если ты мне не отдашь половину, больше не приходи за своей копеейкой! — крикнул Кадыр.

— В расчете, в расчете! — с трудом закричал избитый заимодавец.

65. Хороший товарищ лучше любого богатства

Один старик нашел у себя во дворе несколько зерен пшеницы и сказал жене:

— Собери, старуха, эти зерна, поджарь их на огне, смели на мельнице и сделай полную тарелку киселя. Я возьму этот кисель и пойду к князю с этим подарком.

Старуха сделала все так, как сказал старик, он взял кисель и пошел к князю.

Видит князь, что к нему с подарком пришел бедный старик. Дал ему мешочек, полный золота, и сказал:

— Пока ты жив, живи этим.

Обрадовался старик и пошел домой. По дороге он сел в тени отдохнуть. К нему подъехал верхом на лошади какой-то парень, поздоровался и спросил:

— Дад, откуда и куда ты идешь?

Старик рассказал все: как он с подарком пошел к князю, как князь пожалел его и дал мешочек, полный золота.

— Сума с золотом для тебя слишком тяжела, — сказал всадник, — ты устанешь! Лучше будет, если это золото ты отдашь мне, а я взамен дам тебе свою лошадь, и ты быстро доедешь домой.

Старик подумал: «Всадник сказал правду» — отдал ему золото, взял лошадь, сел на нее и поехал. Но лошадь понеслась рысью, он не удержался в седле и упал. Старик заохал, застонал. В это время к нему подошел какой-то пастух:

— Что с тобой, дад? — спросил он.

Старик обо всем подробно рассказал.

— Лучше дай мне лошадь, — сказал пастух, — она может тебя погубить, а взамен возьми одну из моих коров.

Старик согласился, взял корову и повел ее домой. По дороге встретился ему человек. Он погонял овцу.

Хозяин овцы спросил:

— Откуда, дад, идешь?

Старик рассказал, что с ним случилось. Тогда хозяин овцы предложил:

— Что ты мучаешься с коровой, все равно не доведешь ее до дому! Моя овца смиренная, отдам ее тебе, а ты дай свою корову.

Старик и с этим согласился, взял овцу и пошел.

По дороге он встретил женщину. Она под мышкой несла гуся.

— Дад, где ты был со своей овцой? — спросила женщина. — Куда гонишь?

Старик рассказал ей все: куда он ходил и что с ним случилось по дороге.

Тогда женщина сказала:

— Что ты мучаешься с этой овцой, все равно не доведешь ее до дому — ведь ты старик! Лучше обменяй овцу на гуся.

Старик и на этот раз не сказал «нет», взял гуся и пошел дальше.

Потом старик встретил девушку с курицей.

— Что ты будешь носить с гусем, — сказала девушка, — ты ведь старик! Тебе легче будет нести курицу.

Старик и с этим согласился, забрал курицу и пошел дальше.

По дороге он встретил человека с новыми чувяками под мышкой.

— Для чего тебе, старик, курица, когда ты босой! Поменяй лучше курицу на чувяки, — сказал тот.

Старик согласился и на это, забрал чувяки и пошел.

Потом он сел в тени и стал надевать чувяки, но они не наделились.

В это время к нему подошел продавец мелочей и спросил:
— Что с тобой? Где ты был?

Старик рассказал все: где он был и что с ним случилось.

— Ты видишь, чувяки тебе не годятся. Лучше дай их мне, а взамен бери иголку — твоя старуха поблагодарит тебя, — сказал продавец мелочей.

«Правда», — подумал старик, обменял чувяки на иголку, воткнул ее в свою старую черкеску и пошел домой. По дороге он сел отдохнуть в тени. Отдохнул старик, потом встал и хотел было уже идти, как вдруг заметил, что потерял иголку. Он принялся торопливо искать, но в это время к нему подошел какой-то князь.

— Что ты ищешь, дад? — спросил он старика.

Старик рассказал князю все, что с ним случилось.

— Хай! — воскликнул князь. — Как глупо ты потерял мешочек золота. Ведь старуха за это не пустит тебя домой!

— Старуха ничего мне не скажет, хотя, правда, мы с ней потеряли богатство, — ответил старик.

— Как ничего не скажет? Ведь ты потерял целое состояние!

— Нет, ничего не скажет! — снова сказал старик.

— Давай спорить, — предложил князь. — Если твоя старуха на тебя не рассердится, я дам тебе сто тысяч рублей.

— Хорошо, — сказал старик и вместе с князем вернулся домой.

Когда они пришли, старик пошел к старухе, а князь спрятался за угол дома и стал подслушивать.

Вошел старик и спрашивает жену:

— Жива ли ты еще?

— Я-то жива, — ответила старуха. — А ты как? Что тебе дали там, куда ты ходил?

Старик рассказал ей, как получил от князя мешочек, полный золота, как по дороге обменивал его и как наконец взял иголку и потерял ее.

— Если бы ты принес золото, оно кормило бы нас до самой смерти, но раз ничего не вышло, хорошо, что хоть сам вернулся живым, — сказала старуха.

Когда князь услышал это, он удивился, пришел к старику и дал ему сто тысяч рублей.

Эти сто тысяч прокормили старика и старуху до самой смерти.

66. Три брата

Жили три брата, и был у этих братьев отец.

Однажды, когда все три брата сидели вместе, отец рассказал им, что у них когда-то давно пропала корова.

Как только отец окончил свое слово, старший сын вскочил и сказал:

— Тот, кто взял нашу корову, — низкого роста.

Не успел он кончить, как встал средний брат и тоже сказал:

— Если он низкого роста, то рыжий.

Как только он кончил, встал младший брат и добавил:

— Если низкого роста и рыжий, то у него голубые глаза.

Тогда отец сказал своим сыновьям:

— Дад, сыновья мои, если вы оправдаете свои догадки, то против вас никто не устоит! Дад, отправляйтесь в путь! — и дал им еды на дорогу и отправил в путь.

Братья шли, шли и наконец неподалеку в лесу увидели крестьянина. Он рубил дрова. Это был как раз такой человек, как они говорили.

— Вот кто украл нашу корову! Держите его! — закричал старший брат.

Братья схватили крестьянина. Он спросил:

— Что вам нужно?

— У нас пропала корова. Ты украл ее! Верни, а то мы тебя убьем! — ответили братья.

Увидел крестьянин, что братья могут его убить, и стал уговаривать пойти к сельскому судье.

Пришли к судье, рассказали, но судья ничего не решил, а тайком взял апельсин, спрятал его под миску, потом подозвал братьев и сказал им:

— Я не могу решить вашего дела, пока вы не отгадаете, что лежит под этой миской. Если угадаете, то вы действительно узнали того, кто взял вашу корову, и получите в придачу еще одну корову, а если не угадаете, то я с вас возьму одну корову.

А братья того и хотели. Окружили стол и старший сказал:

— То, что лежит там, под миской, — круглое.

— Если круглое, то желтое, — добавил средний.

— Если круглое да еще желтое, то это апельсин, — сказал младший.

Судье это не очень понравилось, но что было делать? Он отдал братьям корову и еще одну, как обещал. И братья с двумя коровами отправились домой.

67. Князь и дочь бедняка

Жил холостой князь. Он был уже не молод. Родные, сверстники и друзья говорили, что ему пора жениться.

Однажды, когда князю очень надоели, он сказал своим воспитателям:

— Я дал обет жениться на такой девушке, которая сможет шить ноговицы и чуваки из кусков стали и железа.

Это услышали два молочных брата. Взяли они куски стали и железа и отправились искать ту, которая смогла бы из них шить князю ноговицы и чуваки. Но к кому бы ни обращались молочные братья, везде их принимали с удивлением и насмешками.

Долго ходили молочные братья, но так и не смогли найти ту, которая сумела бы шить из кусков стали и железа ноговицы и чуваки. Наконец, выбившись из сил, усталые и изнуренные, братья заметили хижину, из которой тянулся дым.

— Если мы туда пойдем, то сможем отдохнуть и что-нибудь поесть, — решили братья и пошли в хижину. Оттуда вышла девушка, стала во дворе и сказала:

— Добро пожаловать!

— Хозяина нет? — спросили гости.

— Хозяин тоже придет, пожалуйста!

Братья вошли и сказали, что они голодны. Девушка быстро приготовила им кушанье. Перед едой один из братьев попросил стакана два-три вина. На это девушка ответила:

— Выйди во двор, привяжи свою лошадь к виноградной лозе, после этого я напою вас вином.

Гость вышел во двор и стал искать виноградную лозу. Долго искал, но не нашел ни одной и вернулся обратно.

— В чем дело? — сказал он, войдя в хижину. — Я не нашел у вас ни одной виноградной лозы!

— Дорогой мой, если у нас нет виноградной лозы, то откуда же у нас будет вино? — сказала девушка.

Гости поняли, что девушка говорит загадками. Тогда один брат спросил:

— Где твой отец?

— Отец, дорогие мои, сеет у дороги то, что потом вызовет ссору, — ответила девушка.

— А где твоя мать? — спросил ее другой брат.

— Моя мать ушла одолжить кому-то слезы.

— Что означают твои слова? — спросили гости у девушки.

— Вот что: у проезжей дороги отец сеет пшеницу и не делает никакой ограды, это потом вызовет ссору, а моя мать — на оплакивании, вот почему я сказала, что она пошла одолжить слезы: когда мы умрем, то соседи тоже придут и будут нас оплакивать.

Тогда гости сказали девушке:

— Судя по твоим словам, ты, может быть, знаешь, как из стали и железа сплечь ноговицы и чуваки? — и братья рассказали, зачем они везде разъезжают.

— Это очень легко! — ответила им девушка. — Но сперва попросите вашего князя, пусть сделает из песка шелковый шпигат. Принесите его мне, я все сошью и отдам вам.

Братья пришли и обо всем рассказали князю. Ему стало неприятно, что девушка разгадала его слова. Князь сказал:

— Отведи этой девушке барана. Пусть она, не зарезав его, приготовит еду на двоих, а из шерсти сделает мне бурку. А там посмотрим!

Братья сейчас же взяли барана и отправились к девушке.

— Это очень легко сделать! — сказала она, взяла барана, положила его на пол, выхлостила, а из шкуры приготовила два разных блюда — котлеты и жареное мясо. Потом постригла барана, из шерсти сделала бурку, башлык и пару верхней одежды. Все это она послала князю.

Князь же прислал девушке золотые вещи, алмазы и другие подарки. Она приняла с благодарностью и сказала:

— Передайте князю, что мелкие звезды оказались редкими, а крупные — еще реже. Пусть два орла не лишатся друг друга и два брата не услышат обидных слов.

Братья, стараясь не забыть, что сказала девушка, вернулись к князю и все ему передали.

Князь понял и сказал братьям, что они взяли кое-что из подарков. Им стало неприятно.

Вскоре князь созвал свой народ и сказал:

— Я обручен, и на днях будет свадьба. А вас прошу из этого камня, — он указал на большую скалу, — сделать мне мясо и абысту.

После этого люди каждый день собирались, били по камню, но ничего не могли сделать. Все устали, а из скалы ничего не получалось.

Однажды, проклиная все на свете, отец обрученной девушки вернулся домой злой и ворчливый.

— Отец мой, отчего ты такой сердитый? — спросила дочь.

— Как же мне не сердиться! — ответил старик. — Каждый день мы собираемся, бьем по камню, устали так, что сил нет, и не знаем, когда мы из этого камня сделаем абысту и мясо.

— Это легко! — сказала девушка. — Завтра перед уходом наточи нож и возьми с собой. Соберется народ, но ты никому не давай прикасаться к этому камню. Ждите князя. Когда он придет и спросит, почему вы не работаете, вы скажите: «Дад, сначала ты своей рукой перережь камню горло, а дальше мы сами сделаем что надо». После этого вы легко все сделаете.

Когда отец обрученной девушки сказал это, князь узнал, что его загадку опять разгадала девушка. Он назначил свадьбу на этот же день, собрал свой народ, привез девушку и устроил пир.

68. Судья

Однажды к судье с каким-то делом пришли бедняк и два богача, но судья сказал им:

— Сегодня я вашего дела решать не стану. Я назначу вам срок и, когда вы придете, решу дело в пользу того, кто отгадает такие загадки: «Что быстрее всего? Что жирнее всего? Что слаще всего?» — и принесет мне это.

Все трое в раздумье пошли домой.

Пришел к себе бедняк и стал думать, что ему делать, как, не имея ни гроша, добыть судье самое быстрое, самое жирное и самое сладкое.

— Дело это легкое, — сказала ему дочь. — Тебе не надо тратить ни гроша.

И вот, когда пришло время идти к судье, она сказала:

— Самое быстрое — это мысль, самое жирное — это земля, самое сладкое — это сон.

Богачи привезли судье скакунов, пригнали жирных овец и принесли мед.

Увидел все это судья и сказал бедняку:

— Они пришли с богатством. Что же ты принес?

— Я принес слово, — ответил бедняк. — Я отгадал: быстрее всего — мысль, жирнее всего — земля, слаще всего — сон.

— Хай! Откуда ты это узнал? — спросил судья. — Ведь первый раз ты ушел молча и ничего не сказал!

— Откуда узнал? Дочь научила! — ответил бедняк.

Тогда судья вырвал стебелек льна, отдал бедняку и сказал:
— Если так, пусть твоя дочь из этого стебелька соткет полотно, сошьет мне рубашку и штаны, выгладит их и пришлет.

Бедняк взял стебелек и в раздумье вернулся домой.

— Ай, дад! Мы погибли! — сказал он дочери. — Судья хочет, чтобы из этого стебелька льна ты соткала полотно, сшила рубашку и штаны и принесла к нему. Что теперь делать? Ведь этого стебелька не хватит! — говорил несчастный бедняк.

— Это легкое дело! — ничему не удивляясь, ответила дочь. — Стебелька хватит, еще и тебе останется! — Она взяла стебелек у старика и бросила в огонь. Стебелек сгорел.

Потом дочь отломилла щепку от горящих в очаге дров, положила ее в руку отца и сказала:

— Вот это передай судье. Я умею только пряхсть, ткать, шить и гладить, поэтому скажи судье, что я прошу, чтобы из этой щепки он сделал ткацкий станок. Только тогда я смогу сделать ему рубаху и штаны.

Когда бедняк, взяв то, что получил от дочери, пришел к судье и передал ему слова девушки, судья удивился. Он долго думал и наконец сказал старику:

— Пойди к своей дочери и приведи ее сюда. Скажи, что судья зовет!

Бедняк вернулся домой и привел свою дочь к судье.

Посмотрел на нее судья — хороша, красива. Понравилась девушка судье, он взял ее в жены, но предупредил:

— Если ты в мое отсутствие станешь решать дела, между нами ничего хорошего не будет — ты мне больше не жена!

И вот однажды судья отправился в путь.

А в это время какой-то крестьянин ехал на арбе, но его в дороге застала ночь. Тогда он остановился, развел костер и сел у огня. Это заметил проезжавший мимо верховой. Он тоже остановился у костра и решил там переночевать.

Ночью лошадь всадника ожеребилась. Наутро аробщик увидел жеребенка, взял его от лошади и пустил к своей буйволице.

Владелец лошади это заметил. Он сказал, что жеребенок принадлежит ему, и они поспорили.

Когда дело стало спорным, пришлось идти к судье, но судья не было.

— Куда он пошел? — спросили спорщики.

— Его нет, — ответила жена судьи. — А зачем он вам нужен?

Спорщики рассказали ей о своем споре.

Тогда жена судьи сказала:

— В горах загорелся лед. Вот мой муж взял вату и вместе с народом пошел его тушить.

— Да ну?! — удивились пришедшие. — Это чудо! Если вата загорится, то ее тушат льдом, но чтобы ватой тушили лед — кто-то слышал? Мы услышали о чуде!

— Это не чудо! — ответила жена судьи. — Вы сами рассказывали мне о чуде. Кто же слышал, чтобы буйволица родила жеребенка? От буйвола рождается буйвол, от лошади — лошадь, но видел ли кто-нибудь, чтобы от буйвола родился жеребенок?!

— Хай, как это верно! — согласились спорщики.

Так жена судьи разрешила их спор, и они ушли.

Когда же судья вернулся в свое село и услышал эту новость — о ней говорили всюду, — он рассердился на жену, пришел домой и сказал ей:

— Я говорил тебе: «Не решай моих дел!» — но ты не послушалась и рассудила спорщиков. Теперь по нашему уговору мы должны разойтись. Здесь много вложено твоего труда, поэтому выбери что-нибудь одно, что тебе больше нравится, и уезжай.

— Хорошо, — ответила женщина, — только перед моим отъездом собери людей, чтобы это все видели.

— Хорошо, — сказал судья. Он устроил пир. Ночью, на пиру, женщина подслала к мужу тех, кто умел много пить, посадила их рядом с ним, и они напоили судью допьяна. Затем она вывела из конюшни хороших лошадей, запрягла в повозку, положила на нее мужа и поехала. Она ехала до тех пор, пока он не протрезвился.

Когда же судья проснулся трезвым и спросил жену: «Куда мы едем?» — она ответила:

— А вот куда мы едем. Когда ты сказал, что мы должны разойтись и предложил мне взять что-нибудь одно, что я больше всего ценю, я взяла тебя, потому что ты мне дороже всего, а другие пусть берут все что им угодно!

— Нет! Лучше давай вернемся домой. Ты победила меня! — сказал судья и вернулся обратно вместе со своей женой.

69. Пастух

Жил один богатый человек. У него было много скота. Богач держал пастуха, который пас его стадо. Но вот настал срок, когда хозяин должен был отпустить пастуха. Хозяин был очень

скуп. Он не хотел расплачиваться с пастухом, а потому решил убить его или отослать куда-нибудь подальше.

Этот богач знал птичий язык. Как-то раз он собрал всех птиц и спросил:

— Кто из вас сможет взять моего пастуха и отнести куда-нибудь подальше?

Долго просидели птицы, совещааясь между собой. Наконец один огромный стервятник сказал:

— Я возьму пастуха. Я отнесу его очень далеко: до того места три тысячи триста шестьдесят три версты. На дорогу мне нужна еда — пятнадцать быков. Мясо этих быков положите в корзину и повесьте ее на меня, а пастуха посадите мне на спину и привяжите веревкой. Тогда я его отпесу.

Как только стервятник сказал это, богач позвал своего пастуха и говорит:

— Вот этот большой стервятник знает место, где можно достать много золота и серебра. Я пошлю тебя туда, и ты разбогатеешь.

Богач усадил пастуха на спину стервятника и повесил на шею птице большую корзину с мясом пятнадцати быков. Стервятник взлетел и поднялся в небо. Каждый раз, когда стервятник кричал: «Кыйт!» — пастух давал ему мясо. Так он поднялся очень высоко.

Наконец, когда мясо уже кончилось, стервятник долетел до какой-то маленькой земли, которая находилась между небом и нашей землей.

Долго просидел стервятник, отдыхая на этой земле. Пастух тоже сидел рядом, разглядывая ее. Всей земли было столько, сколько можно вспахать за один день. Пастух удивлялся, осматривая землю со всех сторон. Вдруг в то время, когда он осматривался, стервятник бросился вниз и улетел. Пастух вскочил на ноги, но что он мог поделать? Стервятник улетел, оставив пастуха одного.

Пастух опустился на землю. Долго он просидел, оглядываясь по сторонам. На том поле, где сидел пастух, росла прекрасная трава. Она колыхалась на ветру. Сидит пастух, оглядывается и вдруг слышит собачий лай.

Пастух подумал: «Что это такое?» Присмотрелся, видит — бежит большая собака. Собака пробежала мимо пастуха, стала и оглянулась. Посмотрела, посмотрела и опять побежала. Пастух пошел следом. Шел, шел и очутился на дороге между двух ущелий. Дорога спускалась вниз. Эта дорога привела пастуха к ма-

ленькой хижине. Хижина эта принадлежала князю Ажвейпшаа, владельцу всех зверей.

Пастух стал у порога и задумался: «Чья это хижина?» Пока он так раздумывал, кто-то позвал его из дому:

— Иди сюда!

Вошел пастух и видит: сидит в постели прекрасный седовласый старик.

— Добро пожаловать! — сказал старик пастуху приятным голосом.

Наверху висело деревянное ведро, а возле лежала золотая ложка. Старик сказал:

— Ты, видно, проголодался. Сними ведро и поешь!

Пастух снял ведро и увидел застывшую простоквашу. Пастух принялся есть золотой ложкой, но не съел и трех ложек, как уже наелся. Тогда он встал, повесил ведро туда, где оно висело, и снова сел. Потом глянул через дверь и увидел трех серн. Они прыгали, играя друг с другом. Загляделся на них пастух, а старик и спрашивает:

— Что ты смотришь, что увидел?

— Серны на чистой полянке играют, — ответил ему пастух.

— Это не серны, это мои дочери, — сказал старик. — Их одежды лежат там, внизу. Крайним лежит платье младшей дочери. Старшие уже повыходили замуж, а младшая еще девушка. Пойди туда! Если сумеешь подойти незаметно и тайком взять ее одежду — увидишь, что случится.

Старик отослал пастуха, и тот пошел. Крадучись, он подошел к одежде младшей дочери и схватил ее. Тут все серны мгновенно превратились в девушек. Старшие надели свою одежду, а младшая, прикрываясь руками, осталась стоять на месте. В это время старшие сестры закричали:

— Наш зять, наш зять! — и окружили пастуха.

Тогда младшая взяла у него свою одежду, и они вернулись домой. А у хижины уже оказалась красивая пристройка, и пастух поселился в ней вместе со своей женой.

Так прошло три года. Каждый год пастух замечал, что жена тяжела, но никогда не видел, кого она рожала. А жена и в самом деле рожала каждый год. Первый раз она родила девочку и отдала ее на воспитание русалке, второй раз — мальчика и отдала его воспитывать оленю, а в третий раз она родила сына и отдала на воспитание косуле. Там дети и жили.

Вот как-то раз захотелось пастуху вернуться в Апсны *, и сказал он об этом своей жене. Жена посоветовала обратиться

к тестю. Когда же пастух рассказал все ее отцу, Ажвейпшаа, старик спросил:

— Знаешь ли ты красивую поляну, на которой обычно устраивают стоянки для стад?

— Знаю,— ответил пастух.

— Ты вернешься в Апсны и будешь жить на той поляне, но смотри, не оскорби свою жену, а то тебе будет плохо.

— Что ты, как это может случиться! — воскликнул пастух.

— Если так, ложись этой ночью и спи спокойно, а когда проснешься, увидишь, где очутишься,— сказал Ажвейпшаа и отослал пастуха.

Вечером пастух лег спать, а наутро проснулся вместе с женой в Апсны, на той самой красивой поляне, в одной из верхних комнат прекрасного дворца.

Увидели люди, что на знакомой поляне в одну ночь появился прекрасный дворец. А через окно дворца струился свет, который излучала жена пастуха. Очень удивились люди и не решались приблизиться ко дворцу.

— Выйди к народу, поздоровайся и скажи: «Я ваш князь»,— посоветовала пастуху жена.

Пастух вышел к народу.

На следующий день пастух созвал всех людей и устроил пир. Три дня и три ночи длился этот пир. Жена нового князя тоже спустилась к пирующим, слепя глаза своим светом.

После пира все разошлись по домам. Люди радовались и удивлялись всему случившемуся.

Но вот однажды один из подданных вздумал жениться и пригласил нового князя к себе на свадьбу. Уходя, князь предупредил жену, а жена ему в ответ:

— Поезжай, но не напивайся допьяна!

Князь уехал вместе с теми, кого за ним прислали, а на следующую ночь вернулся совсем пьяный, когда его жена уже крепко спала. Князь еле поднялся во дворец и стал стучать в дверь. Кругом было темно, потому что жена спала. Когда она не спала, то и ночью освещала все вокруг. Муж стучал, но княгиня не слышала. Пьяный вдребезги, он пришел в ярость и стал кричать:

— Открой дверь, сучья дочь! Ты сожрала моих детей!

От этих слов жена сразу проснулась. Она открыла дверь, вычистила, вымыла мужа и уложила в пуховую постель, ни слова не говоря. А он сразу заснул, захрапел. Тогда жена привела дочку, что воспитывалась у русалки, усадила ее и дала в руки

ачамгур, привела старшего сына, который был у оленя, и дала ему апхярцу, наконец, вызвала младшего сына, который воспитывался у косули, и сказала так:

— Вы, мальчики, танцуйте, когда сестра будет играть на ачамгуре, потом пусть играет старший на апхярце, а ты, дочка, танцуй с младшим братом! Оставайтесь возле отца до тех пор, пока он не проснется. А если он, проснувшись, спросит: «Где ваша мать?» — вы скажите ему: «Отец! После того как ты оскорбил ее, она ушла к своей старшей сестре Хуны-Хуны Кадлабад».

Сказала так мать и в тот же миг исчезла.

Как она сказала, так они и сделали: играя на ачамгуре и апхярце и танцуя, оставались возле отца. Утром он проснулся, увидел детей, удивился и спрашивает:

— Где ваша мать?

— Отец! — сказали дети. — Когда ты ее оскорбил, она ушла к своей старшей сестре Хуны-Хуны Кадлабад.

Отец опечалился и, схватившись за голову, сел. Потом он решил полететь к князю Ажвейпшаа. Он созвал всех птиц и спрашивает:

— Кто из вас может поднять меня к князю Ажвейпшаа?

Но все птицы, кроме стервятника, поклялись:

— Клянемся, мы не знаем, где он находится!

Тогда стервятник, превратив князя в блоху, посадил его на себя и полетел.

Вот они прилетели к Ажвейпшаа, но тот не впустил зятя в дом, прогнал его, говоря:

— Уходи отсюда, уходи отсюда!

Целую неделю зять простоял во дворе у стены дома, пока его не пожалели и не позвали:

— Иди сюда!

Ажвейпшаа привел зятя в дом, созвал всех птиц и спросил:

— Кто из вас знает Хуны-Хуны Кадлабад?

Все, кроме вороны, поклялись:

— Клянемся, мы не знаем!

Только ворона ответила:

— Я знаю Хуны-Хуны Кадлабад и возьму твоего зятя туда, но только это очень далеко. Я прилетела оттуда вместе со своей матерью. Когда мы вылетали, мать была молодой, а я — совсем птенцом, но за дорогу, пока мы долетели сюда, моя мать постарела, а я вот взрослой стала. Преврати зятя в блоху, посади на меня, и я его возьму с собой!

Князя превратили в блоху, посадили на ворону, и ворона полетела. Пока она долетела — вся побелела от седин.

Старшая сестра жены, Хуны-Хуны Кадлабад, целый месяц уговаривала свою сестру, чтобы она приняла мужа и помирилась с ним. Накопец жена приняла его, и они помирились.

Муж и жена спустились вниз, где были их дети, собрали весь народ и устроили пир.

С тех пор они прекрасно зажили, а богач, у которого зять Ажвейпшаа был когда-то пастухом, разорился, весь его скот подох от болезни живота, да и сам он вскоре умер.

Это случилось в том году, когда Хуата Ашуба * в Хьите сделался козленком и ходил вместе с козами.

70. Женская решительность

Жил один царь. Его жена долго не рожала, но наконец родила сына.

По соседству с царем жил раб, столетний старик. Услыхал он, что у царя родился сын, и стал просить, чтобы ему показали царского сына: старик хотел его благословить.

В этой просьбе ему не отказали — показали царского сына.

Когда старик посмотрел на царского сына, он сказал так: — Живи, младенец, столько же лет, сколько прожил я, и свои дела, маленький царь, верши с решительностью женщины!

Слуги царя подумали, что старик проклял ребенка, пошли к царю и сказали ему об этом. Царь вызвал к себе старика и спросил:

— Почему ты проклял моего сына? Я радуюсь, что после меня он станет царем, но куда же мой сын годится, если у него будет решительности не больше, чем у женщины?

— Если так, — ответил старик — я тебе докажу, что у женщины и мужчины не одинаковая решительность! Завтра собери свой народ и объяви: «Кто сегодня ночью отрубит своей жене голову, а завтра утром принесет и положит на мой балкон, тому я отдам все, что у меня есть!» Тогда увидишь, какая у них решительность!

Царь согласился. Он собрал свой народ и объявил так, как сказал ему старик, но никто из мужчин не решился на это.

На другой день утром царь дал знать старику, что никто не осмелился отрубить голову своей жене.

Тогда старик посоветовал царю сказать то же самое женам этих мужчин: чтобы они отрубили своим мужьям головы и утром принесли ему.

Царь собрал всех женщин и объявил так, как сказал ему старик.

На другое утро царь, прогуливаясь по балкону, увидел, что в его двор шумно идут женщины с отрубленными головами своих мужей. Когда царь закричал на них: «Хайт! Как вы сме- ли?!» — они побросали головы, которые несли в руках, и ушли.

Царь увидел решительность женщины и сказал старику, ко- торый шел к его дверям:

— Да проклянет тебя бог, старик! Ты меня заставил уни- чужить свой народ, но теперь я знаю, что такое женская ре- шительность.

71. Как украли детей Багдажва

Жил когда-то один крестьянин. Он любил походить, поез- дить. Звали его Багдажв. У Багдажва было трое братьев. Все братья были крестьянами, занимались хозяйством. Они почти нигде не ездили.

Багдажв отделился от братьев и жил отдельно, но не стал работать дома, а пустился странствовать.

Однажды Багдажв проходил по большой дороге через лес. Вдруг он услышал, что кто-то играет на авымаа и причитает по мертвому.

Багдажв пошел на поиски, и вот в глубоком овраге он нашел трех девушек. Они сидели там, играли на авымаа и печально подпевали. Багдажв тихонько спустился в овраг, подошел к тому месту, где сидели девушки, и сказал:

— Добрый день!

— Добрый день, добро пожаловать! — ответили девушки.

Они поднялись и усадили его с собой.

— Кто вы такие и что тут делаете? — спросил Багдажв.

Тогда старшая из девушек сказала:

— Все наши братья и сестры погибли. Погиб и отец с ма- терью. Во всем свете у нас никого не осталось, нам некуда деть- ся, поэтому мы пришли сюда и вот сидим здесь.

Багдажву стало жаль девушек. Он взял их с собой и оста- вил у одного знакомого человека, а сам продолжал свой путь.

В пути он провел пятнадцать дней, потом вернулся обратно туда, где оставил девушек. И стал Багдажв их расспрашивать — сперва старшую, потом среднюю и, наконец, младшую:

— Как тут за вами смотрели? Какой был уход?

Все три девушки, как одна, ответили:

— Смотрели здесь за нами очень хорошо!

И Багдажв опять отправился в путь.

Долго он странствовал. Прошло дней пятнадцать. Багдажв снова вернулся туда, где оставил девушек.

На этот раз он позвал старшую девушку и спросил:

— Если ты выйдешь замуж, как будешь помогать мужу, что ты в силах для него сделать?

Девушка ответила:

— Что же особенного я могу сделать? Вот если у мужа окажется шерсть с одного барана, то я из нее сделаю одежду на всю семью мужа, пусть она будет из десяти человек, да так, что этой одежды хватит надолго!

Багдажв отпустил девушку и позвал среднюю сестру.

— Если ты выйдешь замуж, — спросил он опять, — как будешь помогать мужу, что ты в силах для него сделать?

Средняя сестра ответила:

— Если у мужа окажется бутылка водки и булка, то я накормлю и напою сытно гостей, да еще нам с мужем останется!

После этого Багдажв позвал младшую девушку. Он спросил то же, что спрашивал старших сестер, и девушка ответила:

— Что же я могу сделать для мужа? Вот если я выйду замуж, то рожу двух близнецов — одного золотого, другого серебряного.

Тогда Багдажв старшую и среднюю сестру выдал замуж за близких людей, а на младшей женился сам.

Но в то время, когда жена понесла, Багдажва призвали в армию. Перед отъездом Багдажв созвал всех соседей и наказал им:

— Когда моя жена станет рожать, не подпускайте женщин, пусть за ней ухаживает мужчина. А потом дайте мне знать, что за новорожденный будет у нее!

Вот настало время ехать в армию, и Багдажв уехал.

Старшие сестры подозревали, что жена Багдажва родит прекрасного ребенка. Они боялись этого, они думали, что, если младшая сестра родит прекрасного ребенка, мужья бросят их.

И задумали старшие сестры сделать так, чтобы народ не увидел ребенка Багдажва. И вот они подговорили старуху из

своего села, чтобы она непременно бросила ребенка сестры в воду, не показав его никому из людей, а народу бы показала щенков — вот, мол, кого родила жена Багдажва!

И вот, как только старшие сестры услышали, что жена Багдажва начала рожать, они взяли с собой старуху и пошли к ней. Пришли, смотрят, а сестре помогают не женщины, а мужчины.

— Хай, чтоб вы пропали! — закричала старуха. — Что я вижу?! Где же это видано, чтобы во время родов помогали мужчины!

Старуха притворилась, что желает добра жене Багдажва, вошла в дом, прогнала всех мужчин, позвала сестер и начала суетиться у постели роженицы. К этому времени подоспели те люди, которых старуха подговорила заранее, и принесли щенят. Они стояли позади дома. Пришли и те люди, что должны были бросить ребенка в большую реку.

Через некоторое время жена Багдажва родила двух близнецов — одного золотого, другого серебряного. Старуха схватила детей, посадила в винный кувшин и приказала бросить в реку. Потом взяла двух щенков, вышла из дому и, показывая их народу, сказала:

— Вот кого родила ваша распрекрасная невестка!

Народ удивился этому. Все говорили:

— Как это у человека могли родиться щенята?

Все люди, что были там, сообщили Багдажву, что его жена родила щенят. На эту весть Багдажв ответил письмом. Он писал своим родным: «За то, что моя жена обманула меня, отведите ее на перекресток семи дорог, свяжите и бросьте там».

Родственники Багдажва исполнили его просьбу.

Между тем детей Багдажва, которых посадили в кувшин для вина и бросили в большую реку, понесла вода. Их выбросило на берег.

Неподалеку от этого берега жил один старик. Кроме старухи, у него никого не было. Старик и старуха держали дойную козу. Коза старика нашла детей, выброшенных на берег, и стала кормить их своим молоком.

Как-то раз старик заметил, что кто-то высасывает молоко у его козы. Он страшно рассердился, но так и не узнал, куда девается молоко.

И вот однажды, когда коза пошла пастись, старик тайком последовал за ней. Вдруг видит — из лесу выбежали двое детей и стали сосать молоко у козы. Но когда дети заметили старика,

они очень испугались и бегом бросились в лес. Куда бы они ни пошли — старик за ними: он хотел поймать их. Дети это заметили и остановились. Старик привел детей к себе в дом и вместе со своей старухой воспитал их.

Из детей вышли хорошие люди. В своем селе они во всем отличались от других людей.

Весть о них дошла до старухи и старших сестер жены Багдажва. Прослышали они о детях и страшно испугались. Тогда старуха взяла свою палку и направилась в то место, где жили дети. Пришла туда, смотрит — перед ней красивый стройный парень и прекрасная девушка.

Стала старуха приставать к парню: «Ты непременно должен жениться на дочери одного князя. Я много о ней слышала!»

Парень взял плеть, вскочил на своего араша и поехал к князю.

На кого бы этот князь ни глянул — все превращались в камень, и если бы князь увидел парня, что подъезжал к нему, то юноша окаменел бы. Но этот парень приехал незамеченным и уже поднялся на лестницу. Только тогда князь увидел его.

— Стой! — закричал князь, поднес юноше винный кувшин и, отдавая его, сказал: — Ты пришел ко мне в гости. Я два раза окликну тебя, но если ты ко второму разу не успеешь наполнить этот кувшин слезами, то окаменеешь!

И князь два раза окликнул юношу. Не успел он этого сделать, как кувшин наполнился слезами. Тогда князь женил парня на своей дочери, парень увез ее к себе домой и там устроил свадьбу.

Вскоре после этого Багдажв возвратился из армии. Он взял себе другую жену и зажил богато. К этому же времени дочь Багдажва, сестра юноши, вышла замуж и родила ребенка.

Княжеская дочь, жена сына Багдажва, знала все, что случилось раньше и что еще должно было случиться.

Как-то раз она сказала своему мужу:

— Пойди на перекресток семи дорог, развяжи ту женщину, что лежит там связанная, и приведи ко мне!

Тогда парень вскочил на своего араша и поскакал на перекресток семи дорог. Там он нашел связанную женщину, развязал ее, посадил впереди себя на араша и так привез ее домой.

Вскоре после этого Багдажву дали знать, что к нему едут сын, дочь, невестка и зять.

Багдажв стал готовиться к большому пиру, созвал людей, они зарезали много животных, приготовили для абысты боль-

ние котлы и пошли разводить огонь. К этому времени подоспели гости — и вдруг все костры потухли. Что люди ни делали, не могли развести огня.

Тогда сын Багдажва сказал так:

— Мы, гости, приехавшие сюда сегодня, не станем есть мяса и абысты, сваренных на огне. Мы едим только такое мясо, которое сварено словом, и такую абысту, которую тоже сварил бы слово.

Весь народ встал лицом к котлам, в которых должны были вариться мясо и абыста, и принялся говорить, но ничего не сварилось.

Тогда сын Багдажва стал среди народа и принялся говорить (жена рассказала ему о его прошлом, и он знал все очень хорошо). Сын Багдажва рассказал все по порядку, одно за другим:

— Когда я был еще в утробе матери, отца взяли в армию. А когда я родился вместе с моей сестрой, старуха соседка бросила нас в воду. Мы с сестрой родились вместе, вместе же нас воспитали добрые люди. Вот наша мать. Ты, отец, поверил словам старухи и приказал бросить нашу мать на перекрестке семи дорог. — Этими словами юноша закончил свой рассказ, и сейчас же и мясо и абыста в котлах — все сварилось.

Тогда народ схватил старуху и старших сестер жены Багдажва, бросил в костер, и они сгорели живьем.

После этого все долго пировали, потом сын и дочь зажили вместе со своим отцом и матерью.

72. Самкяныкя

У какого-то князя жил один бедный человек по имени Самкяныкя. У князя был нож. Самкяныкя давно хотелось заполучить хоть какой-нибудь нож, вот он и стал выпрашивать его у князя, но князь все отказывал.

Как-то раз Самкяныкя пристал к князю, чтобы он обязательно подарил ему свой нож, и наконец выпросил.

Князь дал ему нож, Самкяныкя взял его, пошел куда-то далеко, к большому дубу, и там потерял свой нож. Искал, искал, но так и не нашел.

А князь, когда давал нож Самкяныкя, предупредил его:

— Если потеряешь — голову сниму!

Вспомнил Самкяныкя угрозу князя, созвал детей, привел к большому дубу и заставил рвать траву. Дети рвали, рвали

траву — всю траву вырвали и наконец нашли нож. Но в это время зашло солнце, наступила почва. Что им было делать? Поблизости никто не жил, и они должны были отправиться далеко, в путь-дорогу. Дети устали, проголодались.

Вот шли они, шли и пришли туда, где жила одинокая старуха людоедка. Увидела старуха людоедка детей, обрадовалась — она задумала их съесть. Старуха накормила детей и уложила спать. Самкяныкя она тоже уложила, но в другом месте, подальше от детей. Старуха подумала: «Когда он заснет, я съем детей!» Потом она притворилась, что завялась каким-то делом.

Дети очень устали. Они сразу заснули, но Самкяныкя никак не мог уснуть. Долго ждала старуха, пока он заснет. Наконец подошла к нему и спрашивает:

— Что с тобой? Почему ты не спишь?

— Эй, старуха, — ответил Самкяныкя, — вот почему я не могу заснуть: я вспомнил, как за мной ухаживала мать, когда я вот так уставал и приходил домой. Разве она так ухаживала за мной, как ты?! Вот что не дает мне спать, — и Самкяныкя глубоко вздохнул.

— Нав, если ты мне расскажешь, как мать ухаживала за тобой, я тоже стану так ухаживать, — сказала старуха (она не очень-то беспокоилась о Самкяныкя, но ей хотелось, чтобы он скорее заснул).

— Знаешь, как мать за мной ухаживала? — спросил Самкяныкя. — Когда я возвращался таким усталым, она брала решето, шла по воду, приносила в решете воду, готовила еду и кормила меня. Если б ты знала, как это вкусно!

— Если только это, — сказала старуха, — я тоже могу так сделать! — Она взяла решето и пошла за водой.

Самкяныкя сказал так потому, что решил протянуть время — скоро ли старуха принесет воду в решете! «Пока старуха будет возиться, дети немного поспят. Потом я их разбудю, и мы уйдем!» — думал он.

У старухи решето разбухло в воде, она кое-как припесла домой немного воды, сварила на ней немного абысты и пошла к Самкяныкя, но его уже не было.

Пока старуха ходила по воду, Самкяныкя разбудил детей и дал им все, что они могли забрать из старухиных вещей. Потом он проводил их немного, указал дорогу, сказал: «Я скоро вас догоню!» — а сам вернулся обратно и спрятался в доме старухи.

Когда старуха не нашла Самкяныкя, она решила, что он ее обманул. Тут старуха заметила, что вещи тоже пропали, стала их разыскивать и нашла Самкяныкя. Она схватила его, посадила в мешок, мешок завязала и бросила на пол.

— Теперь я пойду принесу железную палку, убью тебя и съем! — сказала старуха и пошла за своей железной палкой.

А в это время Самкяныкя вылез из мешка, посадил в него большую рыжую старухину собаку, завязал и бросил, а сам полез на чердак и спрятался там.

Вернулась старуха со своей палкой и принялась изо всех сил колотить по мешку, что лежал на земле. При каждом ударе собака визжала, а старуха приговаривала: «Визжи, как моя рыжая собака!» — она ведь думала, что это Самкяныкя.

Так старуха убила свою собаку.

— Ну, теперь-то, наверное, ты уже умер! — сказала она, развязала мешок, встряхнула его, и оттуда вывалилась дохлая рыжая собака.

— Хайт, как он меня обманул! Он заставил меня убить мою собаку! — рассердилась старуха. Но что она могла сделать? Она снова принялась ходить по комнате — разыскивать свои пропавшие вещи, наконец залезла на чердак и вдруг заметила Самкяныкя — он там сидел.

— Теперь-то я тебе покажу! — закричала старуха, схватила его, сунула в мешок, мешок завязала и бросила, а сама пошла за своей железной палкой.

Но стоило ей уйти, как Самкяныкя вылез из мешка, поймал рыжего петуха старухи, завязал в мешок и бросил, а сам из оставшихся старухиных вещей выбрал то, что мог унести, и отправился домой.

Вернулась старуха и принялась колотить по завязанному мешку — он там валялся. Из мешка раздался петушиный крик.

— Да, кричи, как мой петух! — приговаривала старуха и колотила мешок, пока не размозжила петуху голову. Потом она развязала мешок — смотрит, а перед ней издохший рыжий петух.

— Хай, как он меня обманул! — вскричала старуха и бросилась вдогонку за Самкяныкя.

В это время Самкяныкя шел по дороге и увидел пастуха, слепого на один глаз. Он пас баранту. Самкяныкя остановился и спросил:

— Что с твоим глазом?

— Как видишь, ослеп, — ответил пастух.

— Если ты зарежешь одного барана, я вылечу твой глаз, — сказал пастуху Самкяныкя.

— Если ты вылечишь мой глаз, я не одного, а сотню баранов зарежу! — ответил пастух и зарезал барана.

Самкяныкя завел пастуха в какое-то место, посадил его там, взял то, что было в бараньих кишках, помазал ему слепой глаз, на голову ему надел баранью шкуру и сказал:

— Смотри не шевелись до захода солнца, а то ослепнешь и на другой глаз. А если не будешь шевелиться — твой глаз поправится!

Сказал так Самкяныкя, взял свою ношу и отправился в путь, а впереди себя погнал баранту пастуха.

Солнце уже заходило, когда к пастуху подошла старуха людоедка.

— Что ты здесь делаешь, почему так сидишь? — спросила старуха и притронулась к пастуху.

— А-а! Не тормози меня! — закричал пастух. — А то и на другой глаз ослепну!

— Что такое? — удивилась старуха.

— Мне так лечат глаз, — ответил пастух и все ей рассказал.

— Хай, это тот самый человек, что меня разорил! И тебя он обманул! Где твоё стадо? Посмотри-ка сюда: он угнал его. Так же он и со мной поступил.

Когда старуха сказала так, пастух глянул — а баранты нет.

Тогда он вместе со старухой пошел догонять Самкяныкя.

А Самкяныкя тем временем нес свою ношу, гнал впереди себя баранту и так подошел к одному человеку. Этот человек молотил просо десятью быками.

— Бог помочь! — сказал Самкяныкя.

Как раз в это время жена того, кто молотил просо, приготовила поесть и стала звать:

— Иди пообедай!

Человек, который молотил просо, позвал с собой Самкяныкя, но тот сказал:

— Я недавно поел, иди сам! — и не пошел.

Тот, кто молотил просо, пошел обедать. Тогда Самкяныкя привязал бычьи хвосты к палкам и вогнал их глубоко в землю, так что быки присели, затем он поднял крик. Прибежали хозяин с женой посмотреть, что случилось.

— Хай! Земля перевернулась и поймала быков, я сам еле уцелел! Идите к соседям за лопатами, принесите скорей, мо-

жет быть, что-нибудь сделаем! — крикнул Самкянкя и отправил их.

Пока они ходили, он развязал быков, смешал их с барантой, взял свою ношу и отправился в путь.

Между тем люди с лопатами вернулись обратно. Смотрят — ни быков, ни Самкянкя нет.

— Хай, наверное, земля совсем перевернулась и поглотила его вместе с быками. Но может быть, нам удастся что-нибудь сделать! — сказали они и принялись копать.

В это время к ним подошла старуха с пастухом. Старуха спросила:

— Что вы тут делаете?

Хозяин и хозяйка рассказали все, что с ними случилось.

— О-о! Это тот самый Самкянкя, что нас обманул, взял ваших быков! А с нами он вот что проделал! — И они рассказали все, что с ними сделал Самкянкя.

— Если так — надо его догнать! — решил хозяин, и все вместе погнались за Самкянкя.

А Самкянкя тем временем шел по дороге и у какой-то пещеры заметил семерых всадников. Тогда он подошел к скале, уперся в нее спиной и стал кричать.

— Что случилось? — спросили его всадники.

— Разве не видите, что случилось? Эта пещера — наследство моего отца. Она обваливается, и мне ее очень жаль. Если бы принести семь кольев, пока она еще совсем не обвалилась, я бы сумел ее подпереть. Если можно, поддержите своими плечами, пока я схожу за кольями, — стал просить Самкянкя.

— Хорошо! — согласились всадники и уперлись в скалу.

Тогда Самкянкя попросил у них лошадей:

— Если можно, дайте мне ваших лошадей! На каждой лошади я привезу по одному колу и быстро вернусь.

— Хорошо! — опять согласились всадники и отдали ему своих лошадей.

А Самкянкя, получив лошадей, погнав их к стаду, взвалил свою ношу на одну лошадь, взял своих баранов, быков и отправился домой.

В это время те, кто гнались за Самкянкя, увидели людей, подпиравших скалу.

— Пойдемте посмотрим, что с ними случилось? — сказали они.

Подходят, спрашивают. Те, кто поддерживал скалу, все рассказали.

— Хайт! Ведь это тот самый Самкяныкя! Он вас обманул, взял ваших лошадей, и седла с ними пропали! Пойдемте вместе догонять его!

И они все вместе погнались за Самкяныкя.

Самкяныкя направился к тому князю, от которого ушел. Пришел и говорит:

— Вот что случилось. Теперь поступай с этим стадом как знаешь. Придут хозяева — говори им что хочешь!

Сказал так Самкяныкя и ушел, а то стадо, что пригнал, смеялся с княжеским стадом.

Думал князь, думал, но так и не придумал, что ему делать.

— Нет! — сказал князь. — Тот, кто пригнал стадо, тот и должен знать, как отвечать хозяевам, когда они придут. Позовите его сюда!

Привели Самкяныкя. Пришел он, а князь ему и говорит:

— Ты пригнал стадо — так сумей же сам ответить хозяевам, когда они придут!

Сказал так князь, а Самкяныкя ему в ответ:

— В ту ночь, когда придут хозяева, ты отправь по селу глашатаев. Пусть они кричат: «О-о! Если у кого этой почью есть гости — не выпускайте их во двор. Кто выйдет, тому князь голову снимет!»

Князь согласился.

Вечером десять человек, что гнались за Самкяныкя, пришли прямо к князю.

Пришли они, а князь сейчас же разослал по селу глашатаев. Они кричали:

— Если у кого есть гость, пусть не выходит во двор за нуждой. Кто выйдет, тому князь голову снимет!

А князь зарезал своим гостям барана, приготовил хорошую еду. Гости очень устали, они вдоволь наелись и сразу заснули.

Когда гости уснули, Самкяныкя пошел, взял толстую кишку зарезанного барана, напачкал около гостей тем, что было в кишке, а кишку положил рядом со старухой.

Ночью одному из гостей захотелось выйти, но когда он встал, то попал прямо на содержимое толстой кишки.

— Хайт, что я наделал! Я, наверное, лопнул. Теперь князь снимет мне голову! — Он встал и тайком ушел из княжеского дома.

Прошло немного времени. Проснулся еще один гость. С ним случилось то же самое, что с первым. Проснулись и его това-

рищи. Они были в таком же отчаянии. Накопец проснулась старуха. Увидела она, что рядом лежит кишка, и закричала:

— Хайт, я совсем пропала: моя кишка вылезла наружу. Я, наверное, много сожрала и лопнула!

Поднялась старуха. Другие тоже встали, помогли друг другу подняться, и все тайком ушли, а богатство, что достал Самкяныкя, осталось у князя.

В том же селе, где жил князь, был адауы. Оп поедал и людей и животных.

Однажды собралось все село и попросило князя, чтобы Самкяныкя уничтожил этого адауы.

Люди думали, что Самкяныкя с ним не справится, и так хотели погубить Самкяныкя.

Тогда князь вызвал к себе Самкяныкя и все ему рассказал.

— Если так, дайте мне тачанку, выкрашенную в черпый цвет, с двух сторон подвесьте к ней по шестидесяти пудов и замкните на замок. А меня тоже оденьте во все черное,— сказал Самкяныкя.

Князь созвал народ и приказал:

— Сделайте такую тачанку, какая нужна Самкяныкя!

Народ принялся за работу и сделал такую тачанку, как сказал Самкяныкя. Запрягли в черную тачанку вороных коней, подвесили с обоих концов по шестидесяти пудов и Самкяныкя одели во все черное. Он сел в тачанку, подъехал к тому месту, где жил адауы, и закричал страшным голосом.

Увидел адауы черного Самкяныкя с его черной тачанкой и вороным конем, испугался.

А Самкяныкя как закричит ему:

— Сейчас же иди сюда, полезай в тачанку!

Испугался бедный адауы, подбежал, влез в тачанку. Самкяныкя быстро закрыл дверцу и повез его к князю.

Догадался адауы, что его поймал Самкяныкя, стал биться, по не смог выйти из тачанки. Привез Самкяныкя людоеда к князю. Собрался народ. Все были очень удивлены. Тогда Самкяныкя оставил тачанку, а сам сказал народу:

— Когда адауы выйдет, ни за кем, кроме меня, не погонится. Так не выпускайте же его, пока я не влезу вот на эту скалу! — и пошел к скале, что была неподалеку.

Не успел Самкяныкя взобраться на скалу, как адауы выпустили.

Посмотрел адауы и видит: Самкяныкя взбирается на скалу.

— Хай, несчастный, я тебя прикончу! — закричал адауы, погнался за Самкяныкя и стал быстро его догонять.

Видит Самкяныкя, что адауы вот-вот догонит, подбежал к обрыву, сказал про себя: «Прыгну, что бы со мной ни случилось!» — и прыгнул. Но с ним ничего не случилось — он остался жив и невредим.

Адауы тоже подбежал к обрыву. Смотрит — а внизу стоит Самкяныкя.

Рассердился адауы:

— Хай, неужели я не смогу проделать то, что сделал этот несчастный?! — сказал так, бросился со скалы и разбился.

После этого и князь и народ стали уважать Самкяныкя, а сам он зажил припеваючи.

73. Чиз-Икуатла — сын старика

Жил когда-то хороший охотник Чиз-Икуатла — сын старика. Бедный, несчастный, он ничего не имел, кроме одного строения — старой пацхи. Семья Чиз-Икуатла была небольшая — только мать и сестра.

Каждый день Чиз-Икуатла ходил на охоту и приносил дичь. Этой дичью он кормил свою семью.

Чиз-Икуатла был бесстрашным человеком и ничего не боялся.

Как-то раз Чиз-Икуатла пошел на охоту в далекую землю. На обратном пути он подошел к одному двору. В том дворе стоял семизэтажный дом, а посреди двора росло дерево. Под деревом стояла застланная железная кровать.

Чиз-Икуатла — сын старика очень устал. Ему хотелось отдохнуть на этой кровати. Он открыл ворота, вошел во двор, сбросил свой груз и лег на кровать. Не успел он лечь, как слышался чей-то громкий голос:

— Кто разлегся на этой кровати? Сейчас же вставай и уходи!

Чиз-Икуатла не обратил внимания. Тот человек еще раза два кричал, но Чиз-Икуатла даже с места не сдвинулся и остался лежать.

Оказывается, в том доме жили адауы, семеро братьев, а кричал на Чиз-Икуатла их младший брат. Увидел младший брат, что Чиз-Икуатла не встает, подошел к нему и опять закричал:

— Сейчас же вставай и убирайся отсюда!

Но Чиз-Икуатла даже не шевельнулся.

Понял адауы, что Чиз-Икуатла не хочет вставать, и стал с ним бороться. Чиз-Икуатла — сын старика схватил адауы, смял его, сжал, выжал все соки и бросил его за ограду.

Увидели адауы, что их младшего брата погубил Чиз-Икуатла, и решили убить его, но Чиз-Икуатла — сын старика выхватил свою кудую пашку и уничтожил всех адауы. Затем он взвалил на себя свою ношу и так вернулся домой.

На следующий день Чиз-Икуатла снова пошел на охоту. На обратном пути он опять зашел в тот двор, где убил адауы, и лег на кровать, подумав: «Если здесь остался еще кто-нибудь, он выйдет ко мне». Но к нему никто не вышел, и он вернулся домой.

На третий день, возвращаясь с охоты, Чиз-Икуатла снова зашел во двор адауы. Обыскал весь дом, но никого не нашел.

Тогда он вернулся домой и рассказал матери и сестре, что нашел хороший дом.

— Надо бросить старую пацху и переселиться туда, — сказал он.

— Нет, сын мой, плох ли наш дом, хорош ли — будем жить здесь! — ответила мать.

Но сын настоял на своем, и они все вместе переселились в семиэтажный дворец адауы.

Чиз-Икуатла — сын старика отвел сестру на седьмой этаж и сказал ей:

— Оставайся здесь. Утром и вечером я своими руками буду приносить тебе еду. До сих пор ты много трудилась, теперь же я дам тебе пожить хорошо. Но знай, сестра, что, если ты хоть раз в сутки меня не увидишь, значит, меня уже нет в живых!

Затем он спустился к матери и сказал ей:

— Нан, мы с тобой будем жить здесь, внизу. Теперь мы богаты, но я по-прежнему буду ходить на охоту и кормить тебя дичью.

— Хорошо, нан, как хочешь! — сказала мать.

Каждый день Чиз-Икуатла ходил на охоту и приносил дичь. Утром и вечером он поднимался к сестре и относил ей ее долю.

Но вот однажды, вернувшись с охоты домой, Чиз-Икуатла почувал дух адауы.

— Мать моя, что случилось? Я слышу запах адауы! — сказал он.

Мать ответила:

— Как ты думаешь, чей это дух, пап? Должно быть, это запах тех адауы, которых ты уничтожил. Он еще не улетучился из дому!

Чиз-Икуатла поверил матери.

На следующий день он, как всегда, пошел на охоту, но, вернувшись домой, снова почувал какой-то запах.

— Должно быть, это дух убитых тобой адауы! — сказала мать.

Но, оказывается, младший из семи братьев адауы, которого Чиз-Икуатла перебросил через ограду, ожил. Он пришел в свой дом, обласкал мать Чиз-Икуатла, и она спрятала его от сына.

Мать Чиз-Икуатла и адауы ухаживали друг за другом. Мать решила выйти за него замуж.

Когда на другой день Чиз-Икуатла ушел на охоту, мать с адауы стали думать, как бы его погубить. Они знали, что силой с ним ничего не сделаешь — он сильнее всех.

Наконец адауы сказал:

— Как только ты заметишь, что твой сын возвращается с охоты, сейчас же ложись, притворись больной. Когда же он станет спрашивать, что с тобой случилось и чем он может тебе помочь, ты скажи, что в таком-то месте есть коршун и что, если он убьет и принесет тебе сердце и печень этого коршуна, ты выздоровеешь, иначе — умрешь! А если он туда пойдет, коршун съест его, и мы станем жить, как нашим душам угодно!

— Хорошо! — согласилась мать.

Прошло немного времени. Увидела мать, что Чиз-Икуатла возвращается домой, торопливо бросилась на постель и легла. Когда сын вошел, мать уже лежала, стона и охая.

— Что с тобой, сан, что болит? Чем я могу тебе помочь? Я готов продать свою голову, только бы тебе стало лучше! — говорил ей сын.

— Заболела, мой свет, — ответила мать. — Мне может помочь лишь одно: в таком-то месте есть коршун. Если ты не убьешь его и не принесешь мне сердца и печени этого коршуна, я непременно умру!

— Это легко сделать, мать моя, только б тебе помогло! — ответил сын.

Потом Чиз-Икуатла захватил копьё и ушел. Придя в ту местность, где был коршун, Чиз-Икуатла хотел было бросить копьё, чтобы убить коршуна, но коршун заметил его и сказал:

— Эй, Чиз-Икуатла — сын старика! Не убивай меня — я тебе еще пригожусь!

Коршун выдернул у себя перо и бросил охотнику, тот поднял и спрятал в газырь.

— А вместо меня,— продолжал коршун,— ты убей другого коршуна. Он сидит позади. У нас с ним сердце и печень совсем одинаковы!

Чиз-Икуатла так и сделал. Он убил другого коршуна, вынул сердце и печень, вернулся к матери и отдал ей.

Поела мать и встала с постели.

— Я уже выздоровела! — сказала она.

Тогда Чиз-Икуатла снова пошел на охоту. Как только он ушел, адауы вылез из камина. Мать и адауы стали советоваться.

— Что мы с ним сделаем, если даже коршун не смог его погубить? — спросила мать.

Адауы ответил:

— В таком-то месте есть бык. Кто бы ни подошел к этому быку, он всех убивает своими рогами. Если бык не уничтожит твоего сына, то ничто другое не сможет его погубить! Ты же опять сделай так, как делала раньше: ложись, притворись больной, а когда сын придет, скажи ему, что, если он не принесет сердца и печени того быка, ты умрешь.

Сказал так адауы и спрятался. А мать, увидев, что сын идет домой, снова легла в постель.

Сын вошел в дом.

— Нац, что с тобой? — спросил он.— Что тебе может помочь?

— Заболела! — ответила мать.— Но в таком-то месте есть бык. Если ты не убьешь его и не принесешь мне сердца и печени, я умру!

— Хорошо! — сказал сын.— Если моих сил хватит, я принесу! — и ушел.

Чиз-Икуатла пришел в ту землю, где находился бык, но не успел он прицелиться, как бык закричал:

— Чиз-Икуатла — сын старика! Не убивай меня — я тебе еще пригожусь!

Он выдернул у себя волосок и бросил охотнику.

— А вместо меня,— сказал бык,— ты лучше убей другого быка. Он стоит дальше меня. Сердце и печень у нас совсем одинаковы!

Чиз-Икуатла убил другого быка, отнес матери сердце и печень и дал ей поесть. После этого мать встала с постели.

— Я уже выздоровела! — сказала она.

Чиз-Икуатла очень обрадовался и целых два дня не ходил

на охоту. Но разве он мог долго не охотиться? Чиз-Икуатла собрался и ушел на охоту.

Когда он ушел, адауы с матерью Чиз-Икуатла уселись вместе и снова стали думать, как им быть дальше.

Адауы сказал:

— В таком-то месте есть кабан. Кто бы к этому кабану ни подошел, всех он убивает! Ты должна снова лечь и притвориться больной. Когда же твой сын вернется, ты скажи ему: «В таком-то месте есть кабан. Если ты не принесешь мне его сердце и печень, я умру!»

Сказал это адауы и спрятался в том месте, где прятался всегда, а мать, как только заметила, что сын идет с охоты, опять легла, притворясь больной.

— Мать моя, ты опять заболела? — спросил ее сын. — Что эти болезни начали тебя мучить?! Чем тебе можно помочь?

Мать ответила:

— В таком-то месте есть кабан. Если ты принесешь мне его сердце и печень, тогда, возможно, я не умру!

Сын отправился в то место, где находился кабан, нашел его, приготовил копые, но не успел еще прицелиться, как этот кабан закричал:

— Хай, Чиз-Икуатла — сын старика! Не убивай меня, я тебе еще пригожусь! — и, выдернув одну щетинку, отдал ему.

Чиз-Икуатла взял волосок и спрятал в газырь.

— А вместо меня, — продолжал кабан, — ты убей того кабана, который находится там, позади: его сердце и печень такие же, как и мои!

Чиз-Икуатла так и сделал: он убил другого кабана, отнес матери его сердце и печень, накормил ее, и она встала.

Снова Чиз-Икуатла — сын старика пошел на охоту. Когда он ушел, мать с адауы задумались — что же им делать, как поступить? — но ничего не придумали. Наконец адауы сказал:

— У меня и у моих братьев был огромный котел. Он сохранился и теперь. Давай наполним его воском, растопим этот воск и поставим котел на чердак. Когда твой сын вернется, ты скажи, что хочешь его искупать. Он будет стыдиться, но ты непременно уговори, а когда станешь купать, поставь корыто как раз под тем местом, где на чердаке будет котел. Как только твой сын разденется, я опрокину котел и вылью растопленный воск. Так мы его сожжем, другого выхода нет!

Так и сделали. До прихода сына растопили в котле воск и поставили его на чердак. Адауы сидел у котла.

Вот пришел Чиз-Икуатла — сын старика, и мать сказала ему:

— Сынок, давно я тебя не купала, с самого детства! Хочу теперь искупать тебя!

— Что ты, мать моя! — сказал сын. — Как ты будешь купать меня, обросшего волосами, разве это можно, разве это не стыдно?

Но мать настояла на своем. Она поставила корыто в том месте, где было нужно, и Чиз-Икуатла, стыдясь матери, разделся. Она стала лить воду, но потом под предлогом, что ей что-то нужно, отошла в сторону. В это время адауы опрокинул котел с растопленным воском. Так и сожгли Чиз-Икуатла.

Потом адауы заколотил корыто досками, отнес и бросил его в море. Хотя до моря было далеко, адауы не пожалел своих ног, чтобы уничтожить опасного человека.

Так мать Чиз-Икуатла погубила своего сына, чтобы выйти замуж за адауы.

Между тем сестра, не видя Чиз-Икуатла целые сутки, поняла, что с ним что-то случилось. Она спустилась вниз, узнала все, что произошло, и своими глазами увидела, что там творилось. Тайком от матери и адауы она взяла одежду брата, переделалась мужчиной, вскочила на молодого гнедого коня Чиз-Икуатла и поехала разыскивать брата.

Долго искала она, но не могла узнать, где пропал Чиз-Икуатла — сын старика.

Проезжая как-то через одно село, сестра заметила, что там живет какой-то князь. Девушка попросила князя сделать ее своим слугой и оставить у себя. Князь согласился. Сестра была в мужской одежде, и все думали, что это юноша.

У князя была дочь. Он растил ее взаперти, не показывая миру. Дочь князя была прекрасной. Она светилась, как солнце и луна, и, когда высовывала в окно свою руку, освещала весь мир.

Сестра Чиз-Икуатла каждое утро и каждый вечер по-геройски джигитовала перед окнами дома княжны, так что огонь летел. Она понравилась княжеской дочери. Княжна велела позвать к себе сестру Чиз-Икуатла и сделала ее своим слугой.

Прошло немного времени. Позвала княжна своего отца и сказала ему так:

— Отец! Никогда в жизни я тебя ни о чем не просила, но теперь хочу просить об одном. Если же ты откажешь мне или погубишь его, я покончу с собой! Я полюбила юношу, которого

ты недавно взял в услужение. Если я не выйду за него замуж, я погибну!

Отцу совсем не понравились эти слова, но, видя, что дочь готова покончить с собой, он ничего не мог возразить, ничего не мог поделать. Пришлось просватать ее за слугу.

Слуга же сказал дочери князя:

— У меня сейчас есть одно дело. Пока его не окончу, я не могу жениться.

Сказал так и уехал.

Хорошую девушку просватал слуга, да вся беда в том, что он сам был девушкой.

Горюя, сестра Чиз-Икуатла отправилась в путь и так подъехала к морю. Села на берег отдохнуть и принялась осматривать газыри в одежде брата. Случайно девушка вытащила одну щетинку. Вдруг перед ней появился кабан и сказал:

— Что тебе нужно, Чиз-Икуатла — сын старика, что тебя мучает? Я готов тебе помочь!

— Я не Чиз-Икуатла — сын старика, — ответила девушка. — Я его сестра. Он где-то погиб, и я хочу его найти!

Тут девушка вытащила другой волосок — и перед ней очутился бык.

— Что тебе нужно, Чиз-Икуатла — сын старика, что тебя мучает? Я готов тебе помочь!

— Я не Чиз-Икуатла — сын старика! — ответила девушка. — Я его сестра, ищу то место, где он погиб.

Потом вытащила из газыря перышко. В этот миг перед девушкой предстал коршун.

— Что тебе нужно, Чиз-Икуатла — сын старика, что тебя мучает? Я готов тебе помочь! — сказал коршун.

— Я не Чиз-Икуатла — сын старика, — ответила девушка. — Я его сестра. Он сам где-то погиб, и вот я ищу это место!

Кабан, бык и коршун загрузили о гибели Чиз-Икуатла. Они стали расспрашивать девушку:

— Что с ним случилось? Как он погиб?

И сестра рассказала все, что знала о нем, с начала до конца. Тогда коршун воскликнул:

— Если он где-нибудь на небе, то я его разыщу!

Кабан сказал:

— Если он зарыт в земле, то я его вырою!

А бык сказал:

— Если он где-нибудь в море, то я вытанцу его своими рогами.

После этого коршун взвился в небо, кабан начал рыть землю, а бык вошел в море и стал искать в воде. Вскоре его рога зацепились за что-то, и бык вытащил из моря забитое корыто. Открыли корыто, смотрят — а там, согнувшись, лежит Чиз-Икуатла — сын старика. Тогда сестра Чиз-Икуатла сказала коршу-ну, кабану и быку:

— Мне надо поехать в одно место. Пока я не вернусь, посидите около брата!

Сестра Чиз-Икуатла поехала туда, где сосватала невесту.

Когда она вернулась к князю, он устроил пир, сам проводил свою дочь как подобало, да еще дал провожатых.

Двинулись в путь. Когда же стали подъезжать к тому месту, где лежал Чиз-Икуатла — сын старика, его сестра сказала:

— Я поеду быстрее, а вы поезжайте за мной не спеша! — и быстро поскакала к тому месту, где лежал ее брат.

Коршун, бык и кабан сторожили его. Когда же девушка вернулась, они ушли.

Девушка сбросила с себя мужскую одежду, одела в нее брата, подвязала ему челюсть, а сама спряталась.

Как раз в это время невеста со своими провожатыми поравнялась с лежащим на дороге Чиз-Икуатла — сыном старика. Увидев, что произошло, все были поражены.

Но никто не знал и даже не догадывался, что княжескую дочь сосватала сестра Чиз-Икуатла, что сестра, а не он сам, везла с собой невесту.

Но вот невеста приказала провожатым помочь ей сойти с коня, подошла к Чиз-Икуатла — сыну старика, вынула из своего кармана платок и стала обтирать его.

Вдруг Чиз-Икуатла — сын старика поднялся и сказал:

— Хай, как же я долго спал! — Тут он увидел людей, что окружили его, и сразу догадался, что случилось.

— Что же, едем домой, чего здесь ждать! — сказал Чиз-Икуатла и повел за собой всех, кто стоял вокруг. По дороге их догнала сестра. Чиз-Икуатла — сын старика очень обрадовался. Он попросил невесту и провожатых выслушать его и сказал так:

— Сейчас мы приедем ко мне домой. Там живет моя мать, а вместе с ней ее муж — адауы. Вы, как гости, заезжайте к ним, а мы с сестрой обрядимся нищими и будем среди вас.

— Хорошо! — сказали провожатые.

Скоро все въехали во двор Чиз-Икуатла — сына старика.

Навстречу вышел адауы.

— Добро пожаловать! — пригласил он гостей.

Адауы зарезал барана и устроил пир. Среди гостей сидел Чиз-Икуатла — сын старика. Он притворялся нищим. И вот в разгар пира адауы сказал своим гостям:

— Гости! У меня есть копые. Кто сможет поднять его?

Это копые принадлежало Чиз-Икуатла — сыну старика. Сам адауы не мог его поднять.

Среди гостей нашлись сильные люди. Они подходили поодиночке и пробовали поднять копые, но никто его даже с места сдвинуть не смог.

Наконец Чиз-Икуатла — сын старика, который все время притворялся нищим, встал и сказал:

— Если вы разрешите, я подниму это копые!

— Ты ведь нищий! Разве ты сможешь его поднять? Но раз ты просишь — иди попробуй! — сказал адауы, развалясь на своем месте.

Тогда Чиз-Икуатла — сын старика встряхнулся, схватил копые, мгновенно поднял, направил его на адауы и сказал:

— Теперь ты узнал, кто я?

Мать Чиз-Икуатла, сидящая там же, застыла от страха, даже слова сказать не могла.

А Чиз-Икуатла — сын старика крикнул: «Получай по заслугам!» — метнул копые в адауы и раздробил его на части.

Потом он заставил слушать свою мать и сказал ей:

— Если я когда-нибудь в жизни мешал тебе, приносил тебе вред или обидел тебя, пусть в этот миг пламя пожара охватит меня и я сгорю! Но если ты поступила плохо со мной, который всегда любил тебя всей душой, всем сердцем, пусть в этот же миг пламя пожара охватит тебя и ты сгоршишь на глазах всех людей!

Не успел Чиз-Икуатла сказать свое слово, как вдруг пламя охватило его мать и она сгорела дотла.

Тогда Чиз-Икуатла — сын старика стал среди гостей и рассказал, что княжескую дочь сосватал не он, а его сестра, рассказал все, что с ним случилось.

Потом он устроил богатую свадьбу, принял с почетом провозжатых невесты, хорошо угостил их и проводил их как подбазю.

После этого Чиз-Икуатла — сын старика вместе с женой и сестрой счастливо зажили в своем доме.

74. Как умный человек женил своего сына

Жил один хороший человек. У него был единственный сын. Вот вздумалось этому человеку женить своего сына на такой девушке, которая сумела бы угодить тестю, и пошел он разыскивать хорошую девушку. В пути он повстречался с одним глупцом. Пошли вместе. Проходили мимо пшеничного поля. Пшеница уродилась хорошая, стоит — не шелохнется, не шумит!

Посмотрел на нее хороший человек и говорит:

— Хай, какая хорошая пшеница, жаль только, ее уже съели!

Глупец удивился:

— Как съели? Пшеница целая, прекрасная, стоит не колыхается!

Пошли дальше. Смотрят — какие-то люди несут покойника. Умный и говорит глупцу:

— Пойди-ка ты да и спроси их: тот, которого они несут, умер совсем или не совсем?

А глупец ему в ответ:

— Вот глупый! Не видишь, что ли: покойника хоронят, а ты еще посылаешь спрашивать, умер он совсем или не совсем! Не стал больше с ним разговаривать хороший человек.

Пошли дальше. Шли, шли и подошли к одной горе.

— Или ты меня подними на эту гору, или я тебя подниму! — сказал хороший человек.

— Что ты сказал? — удивился глупец. — Как же я тебя, взрослого человека, посажу на спину и подниму на гору? Разве тебе не будет стыдно, если кто-нибудь увидит? Да и ты как сможешь посадить меня на свою спину?

Умный не стал спорить. С большим трудом они взобрались на гору. Подошли к одному дому. Как только они вошли в дом, хозяйка, услышав шаги, опрокинула стулья, столы и попрыгались. Осталась только одна девушка. Она подняла стулья, поставила их по местам и ласково сказала:

— Добро пожаловать! Садитесь!

Немного погодя глупец привился рассказывать девушке, что говорил его спутник и как он удивлялся: «Шли мы по дороге и проходили мимо хорошего пшеничного поля. А он и говорит: „Хай, какая хорошая пшеница, если бы только не была съеденной!“ А пшеница не тронута, нигде нет потрав! Идем дальше.

Смотрим, несут покойника. А спутник мне и говорит: „Догони их и разузнай: тот, которого они несут, умер совсем или не совсем?“ А что тут непонятного? Сам видит — мертвого несут. Опять пошли. Шли, шли по дороге и подошли к одной горе. Он снова говорит мне: „Или ты меня подними, или я тебя подниму!“ Что же он, ребенок, что ли? Как бы я его посадил и поднял на гору, или он меня разве смог бы поднять?

Девушка сразу же поняла, в чем глупец не смог разобраться, и говорит:

— Вот что это значит. Слова «какая хорошая пшеница, жаль только, что съедена» означают, что у ее хозяина долги и пшеница ему не достанется. Слова «умер покойник совсем или не совсем» означают: остались у него родственники или никого не осталось. А слова «подними на гору» означают, что ты должен был что-нибудь рассказать. Если бы один из вас начал рассказывать, то вы без труда взобрались бы на гору.

Все это слышал умный человек. Ему понравились ответы девушки и она сама, и он женил своего сына на этой девушке. И невестка действительно умела угодить своему тестю.

75. Завещание отца Багузы

У одного человека был сын. Звали его Багуза. С самого дня рождения отец воспитывал Багузу очень хорошо. У отца не было другого сына, поэтому ему хотелось, чтобы Багуза был счастлив, нашел себе хорошую жену с хорошим нравом, чтобы сына его любили все родственники и сверстники и он хорошо уживался бы с ними.

И сам Багуза во всем слушался своего отца. Если он собирался куда-нибудь ехать и отец говорил ему: «Вернись в такое-то время», Багуза возвращался к сроку. Как отец скажет, так он и делает.

Но вот однажды заболел отец Багузы. Он уже был при смерти. Багуза доставал всякие лекарства. «Неужели ничто не поможет отцу?» — думал он. Но чем ему поможет? Отец умирал от старости.

Однажды больной пришел в сознание и позвал к себе сына своего Багузу. Багуза пришел с болью в сердце и стал над отцом.

— Дад, сын мой,— сказал тогда умирающий,— кроме тебя,

детей у меня не было. Но теперь никто не посчитает тебя маленьким. Кто знает, может быть, в дальнейшем из тебя выйдет толк. Но пока ты еще мальчик. Мне хотелось бы до своей смерти видеть твое счастье, женить тебя, но я не дотяну до тех пор — стар уж стал. Ты же будь исправным и поступай так, чтобы люди не смеялись над тобой. А теперь я тебе скажу, чего ты должен остерегаться: первое — не открывай своей тайны жене; второе — не надейся на приемыша, воспитанного тобой; и третье — не занимай денег у бедняка, недавно разбогатевшего.

Сказал так отец, откинулся назад и умер.

С тех пор Багуза остался совсем один. Вскоре он решил: «Из меня не выйдет настоящего человека, если я не проверю слов отца, его завещания». Решил так Багуза, привел в свой дом жену, взял на воспитание подкидыша и занял десять рублей у недавно разбогатевшего бедняка.

После этого прошло много времени. И вот однажды Багуза взял свое абхазское ружье и пошел на охоту. Ему повезло — он убил козулю. Засунул он ее в мешок, мешок взвалил на плечо и тайком, шаг за шагом прокрался в свой двор. Но когда он поднимался в дом по задней лестнице, его заметила жена и спросила:

— Что ты тащишь на себе?

— Ах ты гнилая! — воскликнул Багуза. — Никому не говори! Я убил одного человека, хочу спрятать его!

Багуза положил мешок в комнату и запер ее, а ключ спрятал в карман.

Жена ответила:

— Разве я скажу кому-нибудь? — повернулась и ушла.

А ночью Багуза нарочно поспорил с женой из-за какого-то слова и поколотил ее. Жена подняла крик. На ее крик сбегался народ. Тогда она рассказала соседям, что ее муж убил человека, принес домой и спрятал в комнате. Как только это слово выскочило изо рта жены, Багуза схватил свое ружье и скрылся в лесу.

Вызвали начальство. Доложили, что в этом доме спрятан труп убитого человека. Жена показала замкнутую комнату, но никто не смог открыть дверь.

Начальство пустилось в погоню за преступником, но как его поймать? Не смогли поймать. Наконец уговорились с приемышем Багузы: «Если поймаешь его — дадим тебе денег!»

Воспитанник согласился. Тогда ему сказали: «Убийца там, пойдй к нему» — и подослали приемыша к Багузе. Воспита-

ник пошел в ту сторону и вправду нашел там Багуазу. Но в то время как Багуаза доверчиво разговаривал с приемышем, думая: «Это мой сын, я его воспитал», приемыш набросился на Багуазу и схватил его. Тут подоспели остальные преследователи, повалили Багуазу, связали его и потащили в село. Идут по дороге, а навстречу им — тот человек, у которого Багуаза занял десять рублей. Как только он увидел связанного должника, стал поперек дороги, поднял топор и закричал:

— Должник мой связан, его куда-то ведут! Кто теперь возвратит мне мой долг?!

Это был бедняк, недавно разбогатевший.

Он преградил дорогу, но на него закричали и отогнали в сторону. И все-таки он пошел следом за Багуазой.

Вот привели «убийцу» к начальнику. Начальник и спрашивает:

— Говорят, что ты убил человека и прячешь его в своем доме. Кто этот человек? Откуда он, за что ты его убил?

Багуаза ответил:

— Начальник, ты меня знаешь с малолетства. Я никогда не был преступником. Но я хотел проверить слова моего отца. Отец, умирая, завещал мне: не доверяй свою тайну жене; не бери на воспитание подкидыша; не занимай денег у бедняка, недавно разбогатевшего. Все это я испытал на себе и узнал, что жена — доносчица, что воспитанник продаст тебя за рубль, что бедняк, недавно разбогатевший, станет требовать у тебя долг как раз тогда, когда ты больше всего нуждаешься. Теперь идемте. Я дам свой ключ, а вы откройте мою комнату. Если там не косуля, убитая мной, — повесьте меня!

Сказал так Багуаза и отдал свой ключ.

Начальник послал людей в дом Багуазы. Те пришли, смотрят — в комнате заперта убитая косуля. Люди вышли и вернулись к начальнику. Тут все поняли, что Багуаза ни в чем не повинен. Ему возвратили охотничье ружье и отпустили домой.

С тех пор Багуаза уверился, что отец сказал правду.

76. Как похитили жену Кул Ахмата

Жил на свете Кул Ахмат. Он был богат, имел большое хозяйство. Жил он на берегу моря и все время проводил в набегах, воровал и грабил, так что почти никогда не сидел дома.

Кул Ахмат взял хорошую жену, но сам редко оставался с ней. Поэтому ее сердце не лежало к мужу.

Вот однажды Кул Ахмат со своими друзьями отправился в набег. Он долго не возвращался. А в то время, когда Кул Ахмат еще не вернулся, его жена вышла на берег моря отдохнуть и освежиться. Тут как раз к берегу пристал корабль турецкого султана, и сам султан вышел на берег прогуляться. Глянул он и видит прекрасную женщину, какой не бывало с сотворения мира. Султан сразу влюбился в нее и решил во что бы то ни стало взять ее в жены. Вот он и говорит жене Кул Ахмата:

— Выходи за меня замуж, дам тебе полпуда золота!

Красавица согласилась, и турецкий султан увез ее в город Стамбул. Там у султана был дворец. Султан поселился в нем вместе с женой Кул Ахмата. Он дал ей в услужение двух людей, чтобы они отвечали за все плохое и хорошее, что с ней случится.

Вот так турок похитил жену Кул Ахмата.

Вскоре после этого Кул Ахмат возвратился домой. За время своих набегов он взял в плен жителей семи селений и погнал их, заткнув рты кусками от бурки. Восемь сел Кул Ахмат совсем уничтожил, и только три селения из всех, что были в той местности, он пощадил.

Но не успел Кул Ахмат добраться до дому, как узнал обо всем, что там произошло.

Вот наконец Кул Ахмат приехал домой, переменял белье и разузил, как все случилось. Тогда он решил по следам жены отправиться в Турцию. Ехал, ехал, вот уже и Турция. Но как ему узнать, где его жена?

Кул Ахмат ночевал в гостинице. Прошло много времени, а Кул Ахмат все не знает, что в том дворце, который стоит рядом с гостиницей, живет султан, похитивший его жену.

Однажды Кул Ахмат познакомился с красивым юношей. Они были схожи характером, и Ахмат побратался с этим юношей. С тех пор они стали доверять один другому все свои тайны и очень полюбили друг друга.

Один раз вечером Кул Ахмат пригласил юношу к себе, но, когда они разговаривали, сон свалил Ахмата и он уснул. Юноша тоже стал раздеваться, чтобы лечь спать, как вдруг из груди Кул Ахмата вырвался тяжелый вздох.

Юноша разгневался:

— Хайт, Ахмат! — сказал он ему. — Когда мы побратались, я думал, что и вправду ты стал мне братом, но у тебя, оказы-

вается, большое горе, а ты мне ничего о нем не сказал! Я уже ложился спать, как услышал твой вздох.

Тогда Ахмат ответил ему:

— погоди немного, раздевайся и ложись — потом я расскажу, что за горе у меня на сердце.

Юноша постелил постель у ног Ахмата, разделся и лег.

Ахмат начал рассказывать названному брату, а тот, лежа в ногах Ахмата, слушал, не проронив ни слова. И так Ахмат рассказал ему все по порядку о похищении жены, которую он разыскивает.

Кончил Ахмат, а юноша и говорит ему:

— Если так, ее легко найти. Я знаю, где твоя жена. Она живет здесь, я приведу ее сюда вместе с ее новым мужем.

При этих словах Ахмат так обрадовался, как будто он уже отнял жену у похитителя. Даже сердце в нем дрогнуло.

— Эх, встретиться бы нам друг с другом! Хотя бы где-нибудь мне увидеть его, мы бы с ним поговорили! Пока он жив и живет в том дворце, я не отойду от его дверей! — говорил Ахмат.

Наутро Ахмат и его названный брат наняли корабль, чтобы вернуться домой. Потом они вдвоем поднялись во дворец султана, убили часовых, убили султана, схватили жену Ахмата и вернулись с ней на корабль.

Но когда они доплыли до Батуми, юноша, которого Ахмат сделал своим братом, сказал ему:

— Я возвращаюсь. Женщина принадлежит нам обом, дай мне половину своей жены.

Когда названный брат так сказал, Ахмат вынул шашку, размахнулся, ударил жену и рассек пополам. После этого они соединили две половины тела и, сделав гроб, положили его туда. Приехав домой, Ахмат похоронил жену. А перед тем как расстаться с Ахматом, названный брат сказал ему:

— Я знаю, где находится девушка, достойная тебя, — она живет по ту сторону моря. — И юноша назначил срок:

— Приезжай в такое-то время в такое-то место. Там мы встретимся, и я сосватаю тебе девушку.

Но Ахмат забыл о сроке — у него было много дел.

Прошло немного времени. Срок давно кончился, но все же Ахмат отправился туда, где юноша обещал ему просватать невесту.

Ехал, ехал, большой путь сделал, но где ему найти своего товарища?

Едет Ахмат и вот подъезжает к большому высокому дому.

Весь двор устлан коврами, в дом ведет серебряная лестница, а к той лестнице подъезжают золотые фаэтоны.

Ахмат остановился у ворот, соскочил с коня, привязал его, а сам сел в золотой фаэтон и так подъехал к серебряной лестнице. Поднявшись на балкон, он сказал:

— Добрый день!

Но там не было ни одной живой души.

Долго просидел Кул Ахмат на балконе. Наконец пришла какая-то девушка и сказала ему:

— Добро пожаловать, Ахмат!

— Рад видеть тебя, добрый вечер, — ответил ей Кул Ахмат, и девушка опять ушла.

Семь дней просидел Ахмат на балконе. Каждый день к нему приходила неизвестная девушка, здоровалась и уходила.

Когда же прошло семь дней, они разговорились. И девушка — это была единственная сестра семи братьев — пригласила Ахмата в свою спальню и говорит:

— Я тебя задержу на время. Будешь жить со мной как муж. Но годишься ли ты в мужа или нет, я потом разберу.

Сказала так красавица, подвела Кул Ахмата к своей постели и уложила спать. Поздней ночью она решила: «Если заснул, так уж спит крепко» — и встала с постели. Красавица выехала со двора отчего дома, собрала войско в сто человек и отправилась с ним в набег. А Ахмат, как только девушка ушла, тайком поднялся с постели, оседлал своего коня, быстро поехал вслед за красавицей и сражался вместе с ней.

Ночью красавица возвратилась домой. Кул Ахмат вернулся раньше нее, приехал и лег в постель. Когда она вошла, Ахмат уже лежал в постели, а красавица и говорит:

— Это первый раз.

А на вторую ночь случилось то же самое.

А на третью ночь, когда красавица отправилась в набег, враги победили ее войско. Ахмат сражался рядом с девушкой, но она не узнавала его. И вот, в то время когда он стоял, как всегда, рядом с красавицей, чья-то пуля попала Ахмату в руку. Тогда девушка вынула свой платок и перевязала ему рану. Ей захотелось узнать, кто он, но она не узнала Ахмата. А когда вернулась домой, он уже лежал в своей постели.

Посмотрела девушка и видит — вся постель в крови. Тут она заметила повязку и сразу догадалась, что все три ночи Ахмат сражался рядом с ней.

Тогда красавица дала знать своим братьям, что у них есть

зять. Братья устроили большой пир и отдали Ахмату много добра. Потом дали ему девушку и отправили домой.

Оказывается, эта девушка, переодевшись юношей, вместе с Ахматом похищала в Стамбуле его жену. С ней Ахмат тогда побратался, ей отдал половину своей жены, и она же обещала Ахмату найти невесту, а теперь стала его женой.

77. Как князь выпрашивал рассказы

Два слова о старине: как тогда почитали странников и героев.

Жил в старину один князь. В той стране другого князя не было. Однажды этому князю захотелось послушать хорошие старинные предания, чтобы разогнать скуку. Тогда все желания князя непременно должны были исполняться. И этот князь тоже созвал всех малых и больших людей, собрал весь подвластный ему народ и говорит:

— Кто расскажет мне хорошее предание о героях, о странствиях по горам и морям, тому я дам хороший подарок.

После того как князь сказал это, все люди приумолкли и стояли переглядываясь. Тогда вперед вышел один старик и говорит:

— Да буду я твоей жертвой, князь! Если разрешишь, я расскажу тебе о своем странствии по горам, расскажу, что со мной случилось.

— Рассказывай! — согласился князь, и старик начал:

«Я был пастухом, пас стадо. Как-то раз, весной, я вышел со своим стадом в горы, но не утруждал себя особенно, присматривая за скотом, а больше проводил время на охоте.

Однажды я встал перед рассветом, взял свое охотничье ружье, пули и пороха полную пороховницу и пошел на охоту, опираясь на свою большую палку.

Я шел по голому склону горы и к закату зашел очень далеко. Я уже сильно устал, а потому сел среди скал, подложил под спину бурку и прислонился к камню, а ружье поставил между колен. Сидя так, я задремал, но вскоре встрепенулся и, проснувшись, стал оглядываться по сторонам. Глянул на небо, смотрю — в мою сторону летит какое-то чудовище.

— Что такое? — воскликнул я и стал присматриваться.

Вдруг чудовище подлетело, бросилось прямо на меня, схватило вместе с ружьем и буркой и подняло, не дав и пикнуть.

Так вместе со мной чудовище пустилось лететь прямо к сердцу неба. Летит, летит — нигде не останавливается, и, когда мы пронеслись через семь гор, оно опустилось на огромную высокую скалу. На вершине этой скалы было ровное место такой ширины, как двор.

Чудовище бросило меня на землю, а само уселось поодаль на большой камень и, взъерошив перья, уставилось на меня. А я, усталый, панугаиный, лежу тихо. Но вот оглянулся и увидел кости людей, которых чудовище сожрало до меня.

„Ах я, несчастный! И мои кости прибавятся к этим!“ — подумал я, по вскоре оправился от испуга и стал смотреть в сторону чудовища, чтобы выстрелить, когда оно отвернется.

„Если чудовище повернет голову немного в сторону или назад, я убью его! В чем задержка? — думал я. — А если я не убью его, то меня ожидает здесь смерть, чудовище сожрет меня!“

Вот чудовище немного встряхнулось и оглянулось назад. В этот миг я прицелился с руки из своего абхазского ружья прямо ему в грудь и послал пулю, говоря:

— Лети прямо, пуля маленького ружья, которое никогда не солгало!

Пуля полетела туда, куда я ей указал. Смертельная пуля попала в чудовище, и оно вытянулось, а я вздохнул с облегчением.

Потом я встал и пошел, раздумывая, смогу ли уйти отсюда. Но куда мне идти? Я был на вершине скалы, в таком месте, куда человек ни за что не смог бы проникнуть. Я стоял на вершине скалы, кругом — камень и камень, а под скалой, сверкая, текла река — если посмотришь, ослепнешь от блеска. Ни один человек не смог бы спуститься с этой скалы.

Наконец я решил так: „Сниму-ка с убитого чудовища шкуру, надену на себя и полечу вниз!“

Тихонько я подкрался к нему с ружьем в руках, приставил дуло к чудовищу и толкнул его. Я боялся, что оно еще не издохло, приподнимется и сожрет меня, но чудовище уже издохло.

Тогда я быстро выхватил нож, одним ударом распорол чудовище и мигом добрался до середины. Сняв шкуру, я растянул ее на солнце, чтобы она просохла. После этого я надел шкуру на себя, подпрыгнул, но не смог полететь. Тогда я начал в коже чудовища скакать с камня на камень, размахивая вытянутыми руками, и немного наловчился летать. Потом я стал прыгать с высоких выступов и так научился летать.

Прошло пять дней и пять ночей, пока я как следует не научился летать. И вот однажды утром я сказал:

— Будь что будет! — надел шкуру убитого чудовища, стал на вершине скалы, распрямил крылья и бросился вниз.

Душа моя, поднявшись, застряла в горле, но я собрался с духом, стал махать крыльями и полетел, держась на воздухе. Так я летел два дня и две ночи.

Наконец я упал на землю посреди какого-то села. Долго я не мог встать, но все-таки, персведя дух, встал без всяких ушибов. Тогда я снял с себя шкуру и пошел домой. Пришел я домой на другой день утром. А там в это самое время моя семья устроила оплакивание, все оделись в черное и, когда я пришел, даже не узнали меня. Но я вернулся цел и невредим. Моя семья быстро приготовилась к большому пиру. Оповестили всех, кто считал меня умершим. Отовсюду собрались мои родственники и сверстники. Все радовались и удивлялись, слушая о том, что со мной случилось.

А теперь видишь, каков я стал», — закончил старик свой рассказ.

Когда он кончил, поднялся другой старик.

— Да буду я твоей жертвой, — сказал он. — Если ты согласишься мне, я смогу рассказать, что со мной случилось, когда я был в заморской стране.

Все стали слушать, что он скажет. Когда старик увидел, что на него все смотрят, он передохнул и начал рассказ:

«Нас было трое сверстников, и мы очень любили друг друга, надеялись один на другого и поэтому не боялись зла. И вот однажды мы решили отправиться в путешествие по морю, в самую глубь, в самое сердце — куда сможем доплыть. Вскоре как решили, так и сделали: отправились в путешествие. Положили в лодку еды, сели втроем, взяли еще двух человек и поплыли. Плыдем, плывем — очень долго. Так прошел месяц, два, а может быть, и три. Наконец высадились мы на какой-то неизвестной земле. Это было красивое ровное поле. Везде росли камыш высотой с дерево и высокая, по колено, трава. Этот камыш внутри был полый, и там, в середине, было полно меда — мед переливался, как в кубышке. Но дороги нигде и следа не было, куда ни глянешь — стоит, колыхаясь, высокая трава.

Как только мы увидели мед, сейчас же наполнили им всю посуду, какая только была у нас, и сами наелись.

После этого мы опять сложили в лодку все наши вещи, оставили двоих спутников на месте, а сами втроем решили разузнать как следует, что это за страна.

Вот пошли мы втроем куда глаза глядят, пробираясь через

чащу. Мы хотели дойти до большого леса, который выделялся вдали.

Шли, шли и вдруг заметили огромные следы. Пошли по этим следам и добрались до места, где была стоянка, но стада уже не застали. Следы животных вели дальше. Мы пошли по ним и наконец увидели стадо мелкого скота. Животные заметили нас, перепугались и двинулись вперед.

Тогда пастух встал и закричал на свое стадо:

— Хай, хай!

Посмотрели мы на пастуха, а это, оказывается, был адауы. Он заметил нас и загнал в стадо. Куда нам деться от его власти? Если бы мы расхрабрились, адауы сейчас же прикончил бы нас на том же месте, а поэтому мы решили помалкивать.

В полдень адауы стал загонять скот во двор, загнал и нас вместе со стадом. Но, оказывается, это был не двор, а огромная пещера с железными воротами. Пастух пропустил скот и нас вместе с ним внутрь пещеры, зашел сам и запер изнутри железные ворота.

После этого он развел костер, вытащил откуда-то железный вертел и положил в огонь, а сам уселся отдыхать тут же у костра. Пока он отдыхал, вертел раскалился докрасна, так что нельзя было смотреть на него. Тогда великан вытащил его из огня, подошел к одному из моих товарищей, проткнул его раскаленным вертелом и, несмотря на его крики и вопли, бросил в огонь, зажарил и съел.

Мы видели все это, но что мы могли бы сделать?

Вот адауы покончил с едой, снова положил вертел в огонь и, когда он накалился докрасна, вынул его из огня, подошел к другому моему товарищу, проткнул его и, несмотря на крики, силой бросил в костер, изжарил и тоже съел. Когда великан покончил и со вторым товарищем, он снова взял вертел и положил в огонь. Потом адауы перешел на другое место, сел по ту сторону и крепко уснул.

Смотрю я — вертел раскалился докрасна. Я решил про себя: „Что мне остается? Адауы не пощадит и меня. Если останусь, что хорошего я могу увидеть?“

Я подошел к костру, выхватил вертел из огня и что было сил воткнул его в глаз великана. Потом с силой выдернул и воткнул во второй глаз. Так я выколол ему глаза, и он ослеп. Но куда я мог деться! Ворота оставались закрытыми. Правда, я ослепил адауы, но сила у него какая была, такая и осталась: если я попадусь ему, он раздавит меня. Я вскочил и стал бегать среди стада.

Скот испугался, и началось такое светопреставление, какого ни один человек не видел. Я никуда не мог уйти и боялся, что попадусь великану. Тогда я вынул свой нож, убил одну овцу, снял с нее шкуру и влез в эту шкуру.

В это время адауы, проснувшись, стал ощупывать поодиночке всех овец и баранов и по одному выпускать из пещеры. Я смеялся с овцами и подошел к нему. Мне хотелось затеряться в стаде и незаметно уйти, но великан дотронулся до меня. Все-таки он подумал, что я — сороковая овца и выпустил вместе с другими. Как только я спас свою душу, сейчас же сбросил овечью шкуру, что была на мне, и пустился бежать к своим товарищам. Прибежал к ним и рассказал, что случилось с моими сверстниками и как я спас свою душу. Тогда мы быстро спустили лодку на воду, сели в нее и поплыли. Но не успели далеко отплыть, как на берегу показались товарищи того адауы, которому я выжег глаза. Они тоже были великанами. Они не решались войти в воду и стали стрелять в нас, но пули не попадали в цель, и мы спасли свои души.

Вот что случилось со мной во время путешествия по морю. Мои товарищи погибли так, как я вам рассказал, но я остался в живых — счастливая моя судьба!» — закончил свой рассказ тот, с которым случилось столько бед.

Тогда князь спросил:

— Найдется ли еще человек, который что-нибудь расскажет?

Но никто больше ничего не смог рассказать.

После этого князь устроил большой пир. Он оказал почести старикам рассказчикам, наградил их как полагалось и, когда они собрались по домам, дал им провожатых.

Вот что два крестьянина рассказали своему князю, которого в те времена считали равным богу и который любил слушать рассказы.

78. Молодой адауы

Жили семь братьев-адауы. Они нападали на людей и брали их в плен.

Один адауы женился на девушке — пленнице из рода обыкновенных маленьких людей. У нее родился сын. Он вырос и стал таким же великаном, как и все адауы.

Как-то раз сын спросил свою мать:

— Почему ты такая маленькая и почему у тебя нет ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры?

— Эх, нан, я не из рода адауы, я из рода маленьких людей. Адауы взяли меня в плен, а твой отец женился на мне. Есть у меня и мать, и отец, и брат, и сестра, но твой отец, проклятый старик, не позволяет мне видеться с ними,— ответила мать.

— Да что ты? Ну, если он не позволяет тебе видеться с нами — он мне больше не отец, и я ему не сын! Если он не согласится с нами, пусть бог мне его больше не показывает!

Однажды отец-адауы отправился за дровами. Сын пошел за ним. Отец увидел, что сын пришел, ему это понравилось, и он подумал: «Сын пришел, чтобы помочь мне. Теперь-то я отдохну».

Отец спросил сына:

— Зачем ты пришел?

Сын ответил ему так:

— Если ты не согласишься с тем, что я скажу, то или ты меня убьешь, или я тебя убью. А скажу я тебе вот что: ты должен позволить моей матери видеться со своим отцом, своей матерью, братом и сестрой.

Когда сын так сказал, адауы подумал: «Если он будет настаивать, то у нас выйдет ссора и люди станут смеяться над нами. Лучше я покончу с собой!»

Адауы бросился со скалы и разбился.

Тогда сын пришел к матери и сказал:

— Теперь пойдем к твоим родным. Отец не соглашался со мной, я его убил.

— Хайт, что ты наделал! — воскликнула мать. — Ты сделал ужасное дело! Братья твоего отца уничтожат нас! — и принялась ругать сына.

— О, если так, ты, видно, сама не хочешь повидать своих родных. Напрасно я загубил отца! С этого дня я больше здесь не останусь! — сказал сын и пошел из своего села в другое село.

Шел он, шел — навстречу ему мулла.

— Куда идешь? — спросил мулла молодого адауы.

— Ищу работу. Я могу пасти овец и коров, могу делать все что угодно, лишь бы найти мне такого человека, которому нужен работник.

— У меня есть шестьдесят овец,— сказал мулла. — Если ты сможешь их пасти, я найму тебя.

Мулла повел адауы к себе домой и сделал пастухом.

Молодой адауы был быстрый, ловкий парень. Домой вернет-

ся — даром не сидит: то хозяйке поможет, то хозяину или тут, или там что-то сделает — никогда без дела не останется.

Однажды мулла собрал семь-восемь арб — привезти из лесу дров. Молодой адауы попросил, чтобы его тоже взяли туда, куда едут за дровами, но мулла не согласился.

Тогда молодой адауы тайком стащил с арб веревки и ушел в лес. Там он наломал деревьев, связал все веревки в одну, обвязал ею столько деревьев, сколько она могла обхватить, взвалил их на плечи и пошел домой.

По дороге он своей ношей зацепил за крышу какого-то дома и снес ее, потом зацепил за высокий забор и повалил его. Все люди повыскакивали из домов, все смотрели на адауы. Все дивились этому, но поступок молодого адауы не понравился жителям этого села. Они сказали:

— Мулла привел того, кто может нас уничтожить, — и решили погубить адауы.

Вблизи этого села водился слон. С ним никто не мог справиться. Люди подумали, что молодой адауы может погибнуть от этого слона, и сказали ему:

— Иди поймай слона и приведи сюда!

Молодой адауы пошел в то место, где водился слон. Они начали бороться. Боролись с раннего утра до заката солнца. На закате молодой адауы победил слона, взял его за ухо и, ударяя по пасти, привел в село.

Народ еще больше удивился. И тогда люди решили попросить муллу рассчитать молодого адауы и отпустить его.

Муллу вызвал молодого адауы.

— До сих пор ты работал у меня, и за это спасибо, — сказал он. — Теперь я сам справлюсь со своим хозяйством, а тебя считаю, и ты можешь уйти.

Молодой адауы согласился.

При расчете, как следовало, мулла дал ему шестьдесят рублей. Молодой адауы взял деньги и ушел от него.

По дороге адауы увидел: какой-то человек ведет арестанта.

— Зачем ты его ведешь? — спросил адауы.

— Видишь ли, он должен одному человеку шестьдесят рублей, и я веду его к судье.

Тогда молодой адауы спросил:

— А если я тебе дам шестьдесят рублей, ты отпустишь его?

— Если дашь шестьдесят рублей — отпущу! — ответил тот, кто вел арестанта. Адауы дал ему шестьдесят рублей, и тот отпустил арестанта.

Адауы пошел дальше. Шел, шел, наконец увидел другого адауы. На большом пальце его ноги стояла мельница и при ходьбе работала.

Подвиглся этому молодой адауы и сказал:

— Если возможно, разреши мне быть твоим товарищем, пойдем вместе!

Адауы, который шел, неся на большом пальце ноги мельницу, сказал:

— Не только ты, даже тот адауы, который притащил за ухо слона и бил его по пасти, не смог бы идти со мной. А разве ты сможешь?!

— Это я притащил слона за ухо, но я не смог бы сделать то, что делаешь ты! — сказал молодой адауы.

После этих слов молодого адауы другой адауы сказал:

— Если это ты — будем товарищами!

И они пошли вместе. Шли они, шли, смотрят — по дороге идет кто-то и на большом пальце руки вертит огромное корыто. Так он играл с ним.

Увидели это адауы, удивились и сказали:

— Если возможно, возьми нас себе в товарищи!

Когда адауы так сказали, он ответил:

— Не только вы не сможете быть моими товарищами, но даже тот, кто притащил слона за ухо, ударяя его по пасти, или тот, у кого на большом пальце ноги молола мельница. Разве вы сможете угнаться за мной?

Тогда молодой адауы сказал так:

— Это я поймал и привел слона, а мельница молола на большом пальце ноги вот у этого моего товарища, но мы не можем сделать то, что делаешь ты.

— Хорошо, если так, будем товарищами! — сказал встречный, и они пошли вместе.

Так они дошли до какого-то места, остановились там, оставили того, кто вертел огромное корыто на большом пальце руки, готовить пицу, а сами вдвоем пошли на охоту.

Тот, кто остался, до прихода товарищей сварил мясо, приготовил абысту и стал их поджидать.

В это время к нему верхом на петухе подъехал какой-то бородач. Бородач связал ему руки и ноги, поел все, что он приготовил, и уехал.

Пришли товарищи с богатой добычей. Видят — для них не приготовлено никакой пищи, а товарищ лежит связанный.

— Что с тобой случилось? — спросили они товарища.

Он ответил:

— Как только вы ушли, у меня разболелась голова. Я связал себе ноги и руки — думал, что это поможет против головной боли, но ничего не помогло!

Товарищи все-таки догадались, что с ним что-то случилось, и развязали его.

На другой день оставили на месте того, у кого на большом пальце ноги молола мельница, а двое других пошли на охоту.

Тот, кто остался на месте, сварил мясо, приготовил абысту и стал поджидать товарищей. Смотрит — к нему верхом на петухе подъезжает какой-то бородач.

— Накорми меня, я голоден! — попросил бородач.

Адауы дал ему большой кусок мяса.

Бородач съел и опять попросил:

— Дай еще, этого мне не хватило!

Но адауы отказал.

— Это мясо для моих товарищей, — сказал он.

Тогда бородач набросился на адауы, связал ему руки и ноги, а сам съел все мясо, всю абысту и ушел.

Вернулись товарищи.

— Что с тобой? — спросили они адауы.

— Заболел я. И вот связал себе руки и ноги, думал, что поможет, но ничего не помогло! — лежа на земле, отвечал связанный.

Товарищи были не так глупы, чтобы не понять, что с ним что-то случилось. Они развязали связанного товарища, приготовили пищу и поели.

На третий день остался на месте молодой адауы — тот, что поймал слона. Двое других пошли на охоту. Молодой адауы успел ко времени приготовить пищу. Он сидел и ждал, когда вернутся товарищи. Вдруг смотрит — к нему на петухе подъезжает бородач.

— Накорми меня, адауы, — попросил бородач. — Я проголодался!

Адауы дал ему кусок мяса и абысты, но бородач сказал:

— Этого мне не хватает, дай еще!

— Больше не дам! — сказал адауы. — Остальное товарищам!

Бородач хотел было связать молодого адауы, но тот схватил бородача, положил себе под мышку и прижал. Потом он согнул дерево, надломил его, всунул бородача в трещину и отпустил дерево. Оно выпрямилось и зажало бородача.

Когда вернулись товарищи, молодой адауы рассказал им все,

что с ним случилось. Потом он попросил товарищей посмотреть, как: зажал бородача надломленное дерево, но, когда привел туда, ни дерева, ни бородача там не было. Оказывается, бородач не смог выбраться из надломленного дерева. Тогда он выдернул все дерево пеликом и утащил его с собой.

Увидел молодой адауы, что бородач ушел, совестно ему стало.

— Я должен задушить его! — закричал адауы и бросился вслед за ним. Товарищи пошли вместе с молодым адауы.

Шли они по следу от дерева и так пришли к какой-то пропасти. Все сразу догадались, что он в этой пропасти. Они достали кожи зубров, связали их и опустили молодого адауы в пропасть.

Адауы очутился в какой-то долине. Там пасся скот и лежало много красного золота.

Молодой адауы шел по золоту. Смотрит — стоят три девушки.

— Где бородач? — спросил он девушек.

— На что он тебе? Ты уже с ним покончил: бородач лежит в постели и испускает дух. — ответили девушки.

Все-таки адауы заставил девушек рассказать, где лежит бородач, пошел в то место и прикончил бородача. Потом молодой адауы спросил девушек:

— Откуда вы?

— Бородач взял нас в плен, — ответили девушки.

— Если так, идемте, я вас возьму с собой. Нас три человека, и вас трое — мы женимся на вас, — сказал им молодой адауы.

Девушки согласились. Одну из них адауы выбрал себе в жены, а остальных оставил для своих товарищей.

Потом молодой адауы собрал все богатство, что было в долине. Первыми он отправил паверх двух девушек, которых сосватал своим товарищам, потом все богатство, что собрал там, и хотел было поднять наверх свою жену, но она стала отказываться:

— Если они поднимут меня, то могут не поднять тебя, тогда ты навсегда останешься здесь! — говорила она, но адауы не согласился: он решил сначала отправить наверх свою жену.

Тогда она сказала:

— Если ты все-таки останешься здесь, то сюда придут два барана — один черный, другой белый. Если ты поймашь черного барана, то он тебя потащит вниз настолько же, насколько ты сейчас опущен сверху, а если поймашь белого, он поднимет тебя наверх.

Товарищи молодого адауы поступили с ним так, как она сказала: девушку подняли паверх, а его оставили внизу и ушли.

Стоит молодой адауы на одном месте, а к нему подбегают два барана: один черный, другой белый. Молодой адауы стал их ловить, но ему попался черный баран, и, как предсказывала девушка, этот баран потащил его вниз.

Внизу находилось село. Молодой адауы проходил по селу и зашел к одной старухе, что жила там.

— Мать, накорми меня, я голоден! — сказал он старухе.

— Эх, нан, накормила бы я тебя — и мука у меня есть, и мясо, и молоко — все есть, да только вот воды нет! — сказала старуха.

— Что же случилось? Почему нет воды? — спросил адауы.

Старуха ответила:

— В нашем селе есть только один источник. Его охраняет слон. Только раз в неделю, когда жители устраивают моление и приносят ему одну девушку, слон разрешает брать воду.

— Многосемейные люди запасаются водой на целую неделю, а я, одинокая старуха, не могу достать себе столько воды, сколько мне надо, и моя вода уже кончилась. Завтра истечет срок, кончится неделя, жители опять принесут слону девушку, и тогда снова можно будет взять воды.

— Это небольшая беда! — сказал молодой адауы. — Ты мне покажи, когда будут везти девушку. Я хочу посмотреть, что там делается!

На следующее утро молодой адауы увидел, что все жители этого села собрались вместе, положили девушку на арбу и повезли ее к источнику. Девушка горько плакала.

Молодой адауы пошел вместе с народом. Люди оставили плачущую девушку у источника, а сами набрали воды и пошли домой.

Молодой адауы остался с девушкой. Он сказал ей:

— Не бойся меня! Ты мне как сестра. Не плачь! Придет слон — посмотришь, что я с ним сделаю!

Так адауы успокоил девушку.

Вот показался слон. Он шел, чтобы взять девушку. Когда слон подошел, адауы вскочил и начал с ним бороться. Долго они боролись. Наконец слон выбился из сил. Тогда адауы взял его за ухо и, ударяя по пасти, повел в село. Девушка шла рядом с адауы.

Жители села удивились этому.

— Чем мы сможем отплатить тебе? Ты сделал нам столько добра! — говорили они.

— Ничего мне от вас не надо, только отправьте меня туда, откуда я пришел! — ответил адауы.

— Нет, доставить тебя туда, откуда ты пришел, мы не в силах, но, чего бы ты ни пожелал получить от нас, ничего мы для тебя не пожалеем! — сказали жители села.

Но что бы ему ни предлагали, молодой адауы от всего отказывался.

Тогда жители того села сказали ему:

— Доставить тебя туда, откуда ты пришел, может лишь один коршун. Он обитает здесь, неподалеку, па каком-то холме. Если он не поможет в этом деле, то мы сами ничего не сможем для тебя сделать!

— Что я должен сделать, чтобы коршун мне помог? — спросил молодой адауы.

Жители села ответили так:

— Всех птенцов этого коршуна забирает какой-то слон. Если ты справишься с этим слоном, тогда коршун, пожалуй, поможет тебе!

Адауы понравился совет сельчан. Он пошел к тому месту, где обитал коршун. Когда он пришел туда, самого коршуна не было, он отправился на охоту. Там были только его птенцы. Адауы сел и принялся ждать, когда вернется коршун. Но вдруг появился слон. Молодой адауы быстро вскочил. Он стал бороться со слоном, победил его и убил.

Птенцы коршуна очень обрадовались: адауы убил их врага. Они радостно кружились около молодого адауы, раскрывали крылья и обнимали ими адауы.

В это время с добычей для птенцов вернулся коршун. Коршун тоже обрадовался, когда увидел, что молодой адауы убил его врага, и спросил:

— Чем могу услужить тебе за твое добро?

Тогда молодой адауы ответил так:

— Если хочешь оказать мне услугу, доставь меня в то самое место, откуда я спустился сюда,— больше мне ничего не надо!

— Хорошо, я доставлю тебя в то самое место, откуда ты пришел, если только ты сможешь приготовить в дорогу запас пищи и воды для меня! — ответил коршун.

— Сколько же тебе надо пищи и сколько воды? — спросил адауы.

— На дорогу мне хватит восемь буйволов и четыре больших бурдюка воды,— сказал коршун.

— Кто же мне все это даст? — спросил молодой адауы.

— Да ведь ты целый народ спас от бедствия,— ответил кор-

шун. — Разве все эти люди не смогут дать тебе восемь буйволов? Сходи к ним, спроси, как быть.

— Это верно! — сказал молодой адауы, пошел к народу и попросил восемь буйволов.

Народ ответил:

— Мы для тебя не только восемь буйволов — весь свой скот не пожалеем!

Сельчане пригнали восемь буйволов и сняли с них шкуру. Четыре шкуры приготовили для воды, а четыре — для мяса. Налили воды, наложили мяса, молодой адауы взвалил все это на коршуна и сам сел ему на спину.

Перед отлетом коршун сказал:

— При каждом моем крике давай мне кусок мяса и воды.

Адауы так и делал: когда коршун кричал, он давал ему кусок мяса и воды, но неподалеку от того места, куда они летели, мясо кончилось.

Коршун опять закричал. Тогда молодой адауы вырвал из своей руки кусок мяса и дал его коршуну с водой.

И вот коршун долетел и поставил адауы на землю.

Они отдохнули, потом коршун спросил:

— Чье это было мясо — тот последний кусок, что ты мне дал?

Адауы ответил:

— Когда кончилось все мясо, я вырвал кусок из своей руки.

Коршун залечил рану и отправился к себе, адауы же разыскал своих товарищей. С мужчин он снял головы, а их жен сделал рабынями своей жены.

С тех пор молодой адауы зажил, как ему хотелось, а я вернулся обратно к себе.

79. Три брата и князь

Жили три брата. У них не было средств к жизни. Три осла — вот весь скот, все богатство, что имели братья. Их жизнь становилась все хуже и хуже, наконец совсем нечем стало жить. И вот однажды старший брат, Соулаху, взял осла и пошел его продавать. Шел, шел, пришел к какому-то князю. Князь послал своих рабов спросить его, что он хочет, чего ищет.

А Соулаху в ответ:

— Чего я хочу? Хочу продать осла, а на вырученные деньги сам проживу и братьям помогу — вот чего хочу!

Услыхал это князь, позвал к себе Соулаху и говорит:

— Если сможешь сказать три слова о том, чего я не видал, о том, чего я не слышал, получишь золота столько, сколько поднимет твой осел и ты сам, а если не сможешь — я отберу твоего осла!

Соулаху задумался, не зная, что ответить. Думал, думал — ничего такого, о чем просил князь, не придумал.

Когда же князь не услышал ответа на свой вопрос, он отобрал у Соулаху единственного осла, на которого старший брат так надеялся, и прогнал.

Не понравилось среднему брату, Ханану, что у старшего отобрали осла, он взял другого осла из тех, что остались, и ушел. Шел, шел и дошел до того самого князя, который отобрал первого осла.

Князь опять велел спросить, что ищет этот человек.

Ханан ответил:

— Я хочу продать своего осла.

— Если скажешь мне три слова о том, чего я не видал, о том, чего я не слышал, я дам тебе столько золота, сколько поднимет твой осел и ты сам, а если не сможешь — отберу твоего осла.

Ханан стал думать, но, сколько ни думал, ничего не смог придумать, что бы сказать князю. Что он мог поделаться? Оставил своего осла у князя, а сам, сгорбившись, еле-еле сдерживая слезы, опираясь на палку, вышел со двора и ушел.

Соулаху ничего не смог ответить князю и надеялся, что, может быть, Ханан что-нибудь придумает. Старший брат ждал его, но и Ханан вернулся ни с чем. Когда же младший брат, Джир, узнал, что случилось, он пригорюнился, но потом взял единственного осла и ушел. Шел, шел и тоже пришел к тому князю, который ограбил его братьев. Увидел его князь и говорит:

— А-а, ты тоже пришел ко мне! — Князь закрутил вверх свои висячие усы и выпучил большие глаза. — Что ищешь? Чего хочешь? — спросил он.

Джир, ничего не боясь, не стесняясь, ответил, чего он хотел:

— Хочу продать своего осла!

Князь засмеялся:

— Может быть, моих денег не хватит, но я куплю твоего осла, если ты скажешь три слова о том, чего я не видал или о чем я не слышал. Я дам тебе за это столько золота, сколько поднимешь ты и твой осел, да еще в придачу тех двух ослов, которые есть у меня, и нагружу их золотом! Если же не сможешь сказать — не получишь и своего осла!

Как только князь сказал это, Джир сразу догадался, что перед ним тот самый человек, который отобрал ослов у его братьев. И не успел князь закончить свою речь, а Джир ему в ответ:

— Хорошо, князь, послушай, что я скажу! — И он начал свой рассказ:

«Было нас три брата. Мы владели большими стадами коз и овец. Зимой и летом пасли мы свой скот на горах, где у нас были свои стоянки, и наши стада не знали, что такое дом. А сыр и молоко мы посылали домой вот как: с горы, на которой паслось стадо, до нашего дома был проложен деревянный желоб, под желобом стоял большой котел. Мы доили скот, сливали молоко в желоб и бросали туда сычуг. Пока молоко доходило до дому, оно створаживалось, и наша мать садилась возле котла и собирала готовый сыр. Кислое молоко мы тоже так делали.

Но вот как-то раз на овец напал волк, поймал самую большую овцу и понес. Я схватил ружье, выстрелил в волка, смотрю — куда же волк девался? Так и не увидел я волка. Стадо испугалось выстрела и бросилось в стороны. Я собрал напуганное стадо и пошел в свой балаган. А на другой день мне нужно было идти домой. Я пошел. Пришел и сел есть. У матери как раз ничего не было, кроме свежего сыра, который она получила в тот же день. Она принесла корзину для сушки сыра, вынула оттуда сыр и положила передо мной на маленьком столике. Я придвинул столик к себе, взял сыр, и, когда надломил его, оттуда выскочил волк с дойной овцой в зубах и побежал. Это был тот самый волк, в которого я стрелял на горе. Не долго думая, я вынул ружье из чехла и выстрелил с плеча. Разве я промахнулся бы?! Волк упал на спину, и овца свалилась ему на грудь. Вот от этой-то овцы в нашем дворе пасется приклад в сто голов. Как это случилось? А вот как: когда на горе я выстрелил в волка, пуля попала в него, но волк не остановился и продолжал бежать, пока не свалился в желоб, куда мы сливали молоко. Волк не смог оттуда выбраться, молоко залило его и вместе с сычугом потащило вниз, к нам домой. Дома мать не заметила волка и сняла его вместе с сыром», — закончил свой рассказ Джир и спросил:

— Не будет ли это, господин князь, первое из трех слов?

Хорошо, посчитаем это за одно слово! — ответил князь.

«У нас было много ульев, — продолжал Джир. — Никогда не бывало случая, чтобы хоть одна пчела гибла или пропадала. Стояла зима. Как-то раз одна из пчел, которые улетали за взят-

ком, не вернулась. Я подумал: „Что с ней случилось? Почему она не вернулась?“ — оседлал коня и поехал на поиски.

Ехал, ехал целую неделю, наконец вижу: какие-то люди падут на моей пчеле — с одной стороны запрягли пчелу, а с другой — семь пар буйволов. Я выругал этих людей как следует, соскочил с коня, отпряг пчелу и вижу: у нее кожа стерлась. Тогда я взял горсть сырой земли, смазал ею шею, потом сел на лошадь и погнал пчелу домой. Вот от этой самой пчелы у нас сейчас есть сто улыбов».

Вот что рассказал Джир, а потом спрашивает:

— Не будет ли это вторым словом, господин князь?

— Хорошо, пусть будет второе, — ответил князь, но по его лицу сразу можно было заметить, как ему это не понравилось.

«Было у нас много лошадиных табунов, — опять стал рассказывать Джир. — На водопой мы гоняли их к морю, а все остальное время — и летом и зимой — они паслись в горах. Как-то раз пошел я на охоту, а когда вернулся, вижу: нет моих табунов! Оказывается, они пошли к морю на водопой. А я подумал, что они пасутся на обычном месте, и пошел искать на пастбище, но где их найдешь! Тогда я воткнул в землю свой посох, в ручку посоха вонзил шило, взобрался на верхушку шила, посмотрел и вдали у моря увидал свои табуны. Они все сгрудились в одном месте. Я сейчас же пустился в путь и шел, нигде не останавливаясь, целую неделю. Прихожу, смотрю — море покрыто льдом, и поэтому лошади не могут напиться. Я стал бить по льду своим посохом, но никак не мог разбить лед. Чем еще можно было разбить лед? Я снял свою голову и изо всех сил ударил ею по льду. Тут лед толщиной в две-три сажени разбился, и лошади смогли напиться. Потом я поймал одного коня и сел верхом, а остальных собрал и погнал впереди себя. Еду я по дороге, а навстречу мне две девушки. Проходят мимо, одна и говорит:

— Ах, какой хороший парень, только жаль — без головы!

Я решил проверить, на месте ли моя голова, поднял руку, но где же она? Нет моей головы! Я повернул обратно, прискакал к морю, смотрю — мою голову вороны катают по льду. Я быстро нагнулся, поднял голову и поставил опять на место. Затем я вернулся, догнал свои табуны и пригнал их к балагану, в горы», — закончил свой рассказ Джир и спросил:

— Не будет ли это третьим словом, господин князь?

— Да, это и вправду третье слово, ты выиграл, чтоб тебя Афы сжег! — воскликнул князь. — Многих я грабил, над многи-

ми издевался, но ты победил меня! — Сказал так князь и даже почернел весь.

Как и следовало по уговору, князь нагрузил золотом парня, его осла и еще двух ослов. Джир пошел своей дорогой. Но, оказывается, князь знал ослиный язык. Он условился с ослами, что по дороге они заупрямятся, остановятся и не пойдут дальше. Джир не сможет с ними ничего сделать, бросит их и уйдет, а осла вернутся назад к князю.

Джир шел сзади, погоняя ослов. Вот в каком-то месте они остановились на отдых, и, когда, отдохнув, Джир стал поднимать своих ослов, они заупрямялись. Что Джир ни делал, не мог заставить их встать на ноги. Тогда Джир закричал, как будто кого-то зовет, и сказал:

— Положи железную палку в огонь, пусть полежит до будущего года, тогда мы заставим встать моих ослов.

Услышали это осла, испугались и подумали: «Чем сидеть здесь до будущего года, дожидаясь, когда нас поднимут раскаленной железной палкой, лучше пойти с ним». Они встали и пошли впереди Джира.

Пришел Джир домой, а братья еле живы от голода и холода. Увидели они Джира, удивились. Еще больше удивились, когда заметили своих ослов, тех самых, которых отнял князь и которых Джир привел обратно.

А князь после того, что с ним случилось, стал горевать, сошел с ума и вскоре умер.

80. Сказка о князе Нахарбее

В старину жил князь по имени Нахарбей. Он был упрям и никого не слушал. Что бы он ни задумал — плохое или хорошее, — обязательно доводил до конца. Кто бы ему ни давал совет — старший, младший, — Нахарбей никого не слушал. Советовать ему было — все равно, что стрелять в воду.

Все, кто знал князя, говорили о нем:

— В отца вышел! Напрасно мать трудилась над ним!

У этого князя была жена. Своим нравом она походила на мужа: никого, кроме него, не слушала, никого не признавала, никого не жалела.

У них была одна маленькая дочь — больше детей не было. Родители очень любили девочку. Ее нянькам и кормилицам не

было числа. Звали дочь Назия. Уже в детстве было видно, что она станет красавицей.

Иногда, сидя вдвоем, муж или жена брали на руки свою дочь и начинали говорить о том, кто же может быть достойным мужем для их дочери, за кого бы они решились выдать свою дочь, когда она вырастет.

— Будущий муж нашей дочери должен быть князем или княжеским сыном. Он должен быть правителем большой страны и при этом еще богатым и умным человеком! — Так они рассуждали о счастье своей дочери.

Раз в году князь объезжал границы своих владений — а княжество его обнимало немалое пространство. И вот однажды князь Нахарбей задумал объехать свою страну. Он снабдил провожатых конями и седлами, стал во главе их, и все двинулись в путь.

Почти вся свита князя состояла из молочных братьев, которым он больше доверял.

Ехал он так неделю, ехал две недели, проехал несколько сел и ночью случайно остановился у простого крестьянина-бедняка. Хозяин зарезал для гостей теленка от своей единственной коровы, собрал всех своих соседей, чтобы с должным почетом принять гостей. После еды хозяин уложил князя в самом лучшем месте на самой лучшей из всех своих постелей. Все гости не могли поместиться в доме хозяина — некоторые из них легли спать во дворе под деревьями, подостлав свои бурки.

Ночью у жены хозяина родился сын. Узнали об этом гости, что спали во дворе, и подняли стрельбу — они думали, что князю понравится их поступок.

Князь, проснувшись, спросил:

— Что случилось?

Спутники ответили ему, что они стреляют от радости — у жены хозяина родился сын. Но князь не обрадовался — его разбудили, и долго после этого он не мог уснуть, ворочался с боку на бок.

Ночью женщины, которые пришли к роженице, сидели в кухне и от нечего делать шутили. И вот одна из них — та, у которой больше всего чесался язык, — шутя сказала:

— Давайте-ка просватаем нашего новорожденного мальчика за маленькую дочь князя, что гостит у нас, если у него есть такая дочь!

Женщины согласились.

Князь не спал и все слышал. Он очень рассердился, но не

знал, что ему делать, и с нетерпением ждал утра. Как только рассвело, князь криком разбудил товарищей, они оседлали коней. Собравшись в дорогу, князь приказал спутникам отобрать у хозяев новорожденного мальчика. После этого, не простясь с хозяевами, князь выехал со двора. Спутники князя вырвали из рук матери завернутого в пеленку мальчика и ускакали.

Ехали они целый день. Вечером подъехали к большому лесу. Князь свернул с дороги, вошел в лес и, расчищая себе дорогу кинжалом, пробрался в чащу. Здесь он срубил ветку, привязал к ней мальчика и подвесил его на сук, говоря:

— Теперь подрастай и женись на дочери князя!

Сказал это князь и пошел обратно, а его спутники даже не подозревали, почему он так сделал и почему так сказал.

Выйдя из лесу, князь вместе с товарищами поехал дальше по дороге.

Поступок князя всех огорчил, но сказать ему: «Не делай так!» или спросить: «Почему ты это сделал?» — никто не осмелился. А некоторые, чтобы угодить князю, даже хвалили его.

Настала ночь. Они продолжали ехать и ночью, пока не остановились у кого-то на ночлег.

Здесь князь стал рассказывать разные новости и, между прочим, рассказал о том, что его заставило так поступить с ребенком.

Эта неприятная весть очень огорчила одного из спутников князя — молодого Шрына, и он прошептал: «До каких же пор мы будем так бессильны перед вами?!» Но товарищи князя, услышав слова Шрына, сказали ему:

— Не смей это говорить! Если твои слова услышит князь, он нас всех уничтожит!

Ночью князь уснул спокойно, как будто ничего плохого не сделал, и даже во сне ничего не видел. На другой день все поехали дальше.

А ребенок, оставленный в лесу, так кричал и плакал, что звезды с неба падали. Он висел на суку дерева в дремучем лесу и кричал, но поблизости никого не было, кто бы смог помочь ему, — его ожидала верная смерть.

Мать ребенка осталась дома. Она так горько плакала, что ее плач мог бы разжалобить целое войско. Отец же выплакал все слезы и сидел во дворе, скрестив на груди руки. Он все время смотрел на дорогу, по которой увезли его ребенка, как будто ему сказали, что пройдет время и сына вернут обратно.

В эту же ночь один пастух искал в лесу десяток коз — они

отбились от стада. Это был тот самый лес, в котором висел ребенок. И вот около полуночи в самой чаще леса пастух услышал какой-то крик, похожий на плач ребенка. Он с трудом добрался до того места, где висел ребенок, снял его с дерева и, обрадованный находкой, забыв об утерянных козах, поспешил домой. Там он отдал мальчика жене. У них детей не было, они очень обрадовались, выкупали, вытерли ребенка и накормили его молоком. После этого измученный мальчик спокойно уснул. А пастух и его жена всю ночь не могли уснуть.

Шло время, ребенок вырос, возмужал. Его назвали Каршв*.

А во дворце князя Нахарбея что ни день, то праздник. Ели, пили вдоволь. Давно уже он не объезжал, не осматривал своих владений. Но вот однажды князь собрал всех своих надежных людей — среди них был и Шрын — и сказал им:

— Я намерен опять обойти свое княжество. Будьте наготове. Я заранее дам знать о дне нашего отъезда.

И действительно, вскоре после этого он пустился в дорогу.

Князь со своими спутниками проехал за одну ночь длинный путь и остановился ночевать у какого-то крестьянина. Крестьянин принял гостей настолько хорошо, насколько мог. Князь и спутники сразу обратили внимание, что у хозяина есть сын Каршв — быстрый, ловкий парень... Он за все брался и все успевал делать: и воду разносил, и мясо раздавал, и вино подавал.

Каршв был так красив и так прекрасно сложен, что на него приятно было смотреть. К тому же он был очень умен. Стоило ему заговорить, как голодный забывал о голоде, жаждущий — о жажде и все с удовольствием слушали его красивую речь.

Князь позвал к себе хозяина и спросил его:

— Как ты мог такому хорошему парню дать имя Каршв?

Хозяин сперва не хотел говорить, почему он так назвал мальчика, но не сказать князю было нельзя, и хозяин рассказал всю историю этого мальчика: как нашел его в лесу подвешенным к суку дерева за пеленку, как принес домой и воспитал. Еще он рассказал, когда это было и в каком лесу.

— Вот почему я дал ему имя Каршв! — закончил хозяин.

Как только князь Нахарбей услышал эти слова, он сразу же понял, что этот парень — тот самый ребенок, которого он сам когда-то подвесил на суку. Князю стало очень неприятно, но делать было нечего. Ему не хотелось больше ни есть, ни пить. В тот вечер его не радовали ни пир, ни веселье, ни пение, что устроил хозяин. Князь горел как в огне и с трудом дождался утра. На рассвете он разбудил всех своих товарищей и велел

им седлать лошадей. Товарищи быстро приготовились к отъезду. Хозяева стояли тут же около гостей.

А князь по любому поводу стал придирааться к Каршву. Наконец он крикнул своим товарищам, чтобы они схватили парня и связали.

Товарищи князя сейчас же выполнили его приказание: набросились на Каршва, повалили и связали.

— Взвалите его на лошадь и быстро отвезите к княгине! — сказал им князь.

Сейчас же человек семь сильных парней из княжеской свиты взвалили Каршва на лошадь и отправились во дворец князя.

Князь тем временем написал письмо, положил Каршву в ацырка и сказал:

— Это письмо непременно отдайте княгине!

Отец и мать Каршва плакали, убивались, но князь не обращал на них никакого внимания — а ведь они были еле живы!

Со спокойной совестью, как будто он ничего плохого не сделал, князь поехал своей дорогой — объезжать села, в которых еще не побывал.

А парни, что везли Каршва, как-то в полдень после долгой езды остановились на отдых в одном месте, где рос густой плющ. Они сняли Каршва с коня и уложили на плющ.

Среди тех, кто вез Каршва, был и Шрын. Он предложил своим товарищам соснуть, а сам взялся караулить их. Усталые товарищи очень обрадовались этому, легли и сразу уснули. Заснул и Каршв. Тогда Шрын вынул письмо князя из ацырка Каршва, стал вертеть его и так и сяк, но напрасно — он не умел читать.

«Эх, если бы я умел читать, я бы узнал, что здесь написано! — подумал Шрын. — Если здесь написано что-нибудь плохое для Каршва, я бы помог ему бежать и сам бы убежал вместе с ним, но не дал бы этой собаке убить такого хорошего парня!»

Вдруг Шрын увидел, что к ним подъезжает на муле какой-то турок. Турок тоже заметил людей, отдыхающих в тени, слез с мула и подсел к ним. В это время все, кроме Шрына, спали. Шрын разговорился с турком и узнал, что он грамотный. Тогда Шрын быстро достал письмо князя и попросил прочесть. Оказывается, в этой записке было написано: «Княгиня, парня, которого тебе доставят, передай тем придворным, кому ты доверяешь. Пусть они на твоих глазах убьют его, разрежут на куски и сварят, а потом, опять же на твоих глазах, хорошенько заруют в землю, да поглубже, и притопчут ногами».

Шрын поговорил с турком, они спрятали письмо князя и написали другое: «Княгиня, посылаю тебе эту бумагу с молодым человеком и сообщаю, что этот юноша — очень хороший. Как он сложен и какой красавец, ты сама увидишь, кроме того, он ловок и проворен. Развяжи этого юношу и вели выкупать. Потом наряди его в красивую одежду и выдай за него нашу единственную дочь. Лучше и достойнее этого юноши я в своем княжестве не нашел. Устрой большую свадьбу, я же не могу скоро вернуться».

Это письмо положили Каршву в ацырка, и турок поехал своей дорогой.

После этого Шрын разбудил своих товарищей, они отправились дальше, быстро привезли Каршва во дворец князя и передали письмо княгине.

Прочитала письмо княгиня, разгневалась, но делать нечего: если бы она не исполнила воли князя, то ничего, кроме плохого, не могла ожидать — князь мог даже убить ее.

Княгиня плакала, горевала, но разве этим поможешь? Она приказала:

— Развяжите этого парня, выкупайте, нарядите в красивую одежду!

Приказание княгини сейчас же было выполнено, а в следующую ночь сыграли свадьбу. После того как Каршва с княжеской дочерью отвели в амхару, пир продолжался еще целую неделю. Потом народ разошелся по своим домам.

Так Каршв остался во дворце князя. Он удивлялся тому, что стал таким большим человеком, и догадывался, что тут есть какая-то хитрость. Но кто это сделал и зачем, он не мог догадаться. Каршв боялся приезда князя — он не знал, что князь ему скажет и что с ним сделает.

И вот вскоре князь приехал в то село, которое было поблизости от его дворца. Все, кто ни встречал князя, поздравляли его со счастьем дочери.

А князь не знал, в чем дело, да и узнавать не хотел — он боялся услышать какую-нибудь неприятность. Князь думал так: «Наверное, Каршв придумал какую-нибудь хитрость» — и уже заранее решил, как с ним поступить.

Князь был очень сердит на княгиню, а княгиня была сердита на князя.

Когда же Каршв прослышал о приезде князя, он взял свою жену и переселился с ней в большое двухэтажное здание — оно было рядом с княжеским дворцом.

Князь приехал ни жив ни мертв. Разгневавшийся, он соскочил с коня, подозвал княгиню и спросил:

— Что ты с нами сделала, зачем ты нас убила, за кого выдала нашу дочь?!

— Не я, а ты убил нас! — воскликнула княгиня и показала письмо, которое доставили ей вместе с Каршвом.

Прочитал князь письмо и готов был убить себя. Но, опомнившись, вызвал всех, кто вез Каршва, в том числе и Шрына, и спросил:

— Кто вложил Каршву эту бумагу?

Шрын ответил:

— Мы с Каршвом пробыли в пути пятеро суток. Ночами поневоле немного спали, а днем все время ехали, и, кроме той бумаги, которую ты ему положил, никто никакой бумаги ему не давал!

Остальные товарищи подтвердили слова Шрына:

— Должно быть, когда вы останавливались в пути, кто-нибудь увидел бумагу у Каршва в ацyrка, прочел ее, а потом написал, что ему вздумалось.

— Так или иначе, но вы меня осрамили! — грозно воскликнул князь. — А теперь вы должны смыть с меня этот позор. В эту ночь надо убить Каршва!

— Хорошо, уьем, что же нам делать! — сказали Шрын и его товарищи.

— Если вы это сделаете, будет очень хорошо, — сказал князь. — Но только не убивайте его дома, а постарайтесь убить подальше отсюда — он хорошо вооружен, боится, чтобы его не убили, и держит около себя нескольких парней. Смотрите, чтобы между вами не было стычки и не произошло чего-нибудь непредвиденного.

Тогда Шрын заметил:

— Каршв каждое утро на рассвете идет купаться к роднику. Мы подкараулим его у родника и уьем. А ты, если услышишь на рассвете выстрелы, знай, что мы уже наверняка с ним покончили!

— Я буду прислушиваться, — ответил князь, — и как только услышу выстрелы, сам приду к вам, чтобы своими глазами увидеть его смерть.

После этого разговора Шрын и его товарищи ушли со двора князя.

Когда же настала ночь, Шрын тайком пошел к Каршву и предостерег его:

— Завтра не ходи купаться к роднику. Несколько человек устроят там засаду и, как только увидят тебя, сейчас же убьют!

Потом Шрын сел рядом с Каршвом и все ему рассказал: что пастух с женой, которых он считает отцом и матерью, не его родители: пастух нашел его в дремучем лесу подвешенным за пеленку на суку дерева; рассказал, где живут настоящие его родители, назвал их имена и, наконец, поведал, почему он был брошен в лесу и кто его туда отнес.

Напуганный Каршв задрожал от страха. Он хотел было бежать, но Шрын сказал ему:

— Подожди дня два, но будь наготове, вооружись и держи при себе на всякий случай надежных парней.

После этого Шрын пошел к роднику в засаду. Товарищи Шрына уже были там. Всю ночь они просидели в засаде у родника, чтобы убить Каршва, как только он туда придет. Но вот уже ночь подходит к концу, а Каршва все не видать. Вот уже настал рассвет и прошло время купания Каршва, а его все нет. Караульные удивлялись, почему он не приходит купаться, и в то же время боялись, как бы князь не обвинил их в измене и неповиновении.

А князь в эту ночь совсем не спал. Он все время прислушивался, с нетерпением ожидая ружейного выстрела. Видит князь, что настает рассвет, а выстрела все не слышно, и думает: «Или они совсем не подстерегали Каршва, или заметили его, но не стреляли!» Князь вышел из дворца и направился к роднику.

Княгиня просила его не ходить: ведь в темноте ночи князя легко могут принять за Каршва и убить вместо него, но князь пошел.

Князь стал приближаться к роднику. Шрын заметил его и предупредил товарищей, чтобы стреляли все сразу. Когда же князь подошел так близко, что его тень можно было различить в темноте, они выстрелили все вместе. Князь был убит. Люди из засады бросились к телу — они хотели убедиться в смерти Каршва, но тут все увидели, что перед ними лежит мертвый князь Нахарбей.

— Ой, беда! — закричали люди.

Ничего не поделаешь, вместо Каршва убили князя Нахарбея. Тут и княгиня ничего не могла сделать — ведь она предупреждала князя, что с ним может случиться такое несчастье, но князь ее не послушал.

Почему так произошло, никто, кроме Шрына, не знал, да и не мог узнать.

После смерти князя по закону во главе княжества должен был стать его зять, но княгиня этого не хотела. Каршв тоже был неглуп: склонив на свою сторону почетных людей, он приобрел большую силу, выдал княгине ее долю и выселил в какой-то город.

Вскоре после этого Каршв взял с собой много людей и поехал к пастуху, которого считал своим отцом. Там его встретили с радостью, как будто он воскрес из мертвых, и этой радости не было конца.

Потом Каршв взял с собой пастуха и его жену и поехал к своему родному отцу. В числе его спутников был также Шрын.

Когда родителям Каршва сказали, что их сын жив и приехал с ними повидаться, они поразились. Ведь родители думали, что его давно уже нет в живых, они оплакали сына и справили по нем поминки. Родители уже состарились, но, когда они увидели своего сына, их радости не было конца: они устроили такой пир, какой могли.

После пира Каршв взял стариков — отца и мать, пастуха, который спас его, жену пастуха, воспитавшего его, поселил в княжеском поместье, и там они счастливо прожили остаток своей жизни.

Сам же Каршв хорошо управлял своим княжеством, заботился о народе и никогда никого не обижал.

Народ молился, чтобы его власть укреплялась все больше и больше.

81. Спинодрал

Жили три брата. Все трое жили вместе, но очень бедствовали. Как-то раз старший брат собрался и пошел наживать скот. Шел, шел и вот после долгой ходьбы встретил на дороге Спинодрала.

— Где ты был? — спросил Спинодрал. — Куда идешь?

— Иду скот наживать, — ответил старший брат.

А Спинодралу того и надо:

— Пойдем ко мне. У меня есть скот. Если сможешь быть пастухом, мы сговоримся на пять лет вперед, и я тебе заплачу что следует, — предложил Спинодрал.

Старший брат согласился и ответил:

— Если заплатишь что мне следует, — я согласен.

И они сговорились, что старший брат пять лет будет пасти скот у Спинодрала.

Но после того как они сговорились, Спинодрал сказал:

— Мы с тобой договорились на пять лет, но у меня есть одно правило, давай-ка его введем. Вот оно: кто первый обидится, у того со спины кожу сдирать. Если ты первый обидишься, я сдеру с твоей спины столько кожи, сколько надо на подошву для пары чувяков, а потом отпущу, а если я первый обижусь, ты сдерешь с моей спины кожу на подметки.

Не понравилось это старшему брату, но делать было нечего. Старший брат согласился, и они вдвоем пошли домой к Спинодралу. Вечером поужинали и улеглись спать. А на следующий день рано утром Спинодрал подошел к своему пастуху и говорит:

— Вставай, вставай! Ты должен пойти мое поле вспахать.

Пастух вскочил.

— Что с тобой? — говорит он Спинодралу. — Ты ведь нанял меня в пастухи, почему же посылаешь землю пахать? Я этого не хочу! — и пастух хотел было уйти, но Спинодрал сказал ему: «Видишь, ты и обиделся» — повалил пастуха и вырезал с его спины кусок кожи шириной с подошву. Пастух не выдержал и умер.

Вскоре после этого второй брат тоже собрался и пошел наживать скот. Его тоже встретил Спинодрал, и они так же сговорились, что второй брат будет пасти скот Спинодрала пять лет, и ввели то же правило: кто первый обидится, у того другой сдерет со спины кожу шириной с подошву.

Сговорились так и пошли к Спинодралу, а вечером поужинали и легли спать.

На другой день рано утром Спинодрал подошел к своему пастуху и говорит:

— Вставай! Ты должен пойти вспахать мое большое поле.

— Хайт! Да разве я пришел к тебе пахать?! — закричал пастух и хотел было уйти, но Спинодрал сказал: «Ага, этот тоже обиделся!» — свалил пастуха и начал сдирать кожу с его спины. Не успел он снять кожу, как пастух умер.

Младший брат не знал, куда пропали его старшие братья, но вскоре он тоже собрался и пошел наживать скот. По дороге ему встретился Спинодрал.

— Куда идешь? — спросил он младшего брата.

— Иду скот наживать! — ответил младший брат.

— У меня есть скот,— сказал Спинодрал.— Если будешь пасти его пять лет, заплачу тебе сколько следует.

Младший брат согласился, и они тоже ввели правило: кто первый обидится, у того другой сдерет со спины кожу на подошву. Сговорились так и пошли домой к Спинодралу, а там поели и легли спать.

На другое утро Спинодрал подошел к своему пастуху и опять говорит:

— Вставай! Ты должен пойти вспахать мое большое поле.

Пастух встал и спрашивает:

— Где твоё большое поле и чем его пахать?!

— Вон стоят запряженные быки, а па большое поле поведет тебя моя собака Перец,— ответил Спинодрал.— Перец будет идти впереди, а когда подойдет к моему полю, остановится и начнет рыть землю. На том месте ты и начинай пахать.

Так сказал хозяин и отправил младшего брата.

Младший брат взял соху за ручку, поставил впереди Перца и пошел вслед за собакой. Перец шел, шел, вдруг остановился посреди леса и начал рыть землю.

— Хай, чтоб тебя! Чего ты здесь, посреди леса, рыться вздумал?! — закричал пастух, махнул топориком и отрубил собаке хвост. Собака с визгом бросилась домой.

Когда она прибежала, Спинодрал заметил, что у собаки хвост отрублен, и говорит:

— Хай, если это сделал мой пастух — нехорошо! Но все же посмотрим, что он натворит до вечера.— Подумал так Спинодрал и остался дома.

А пастух меж тем расчистил такое место, какое нужно для жертвоприношения, развел костер и пошел в долину, что была за лесом. В той долине пахали люди. Пастух подошел и говорит:

— Там, в лесу, в полдень я буду приносить жертву богу. Когда вы устроите отдых, приходите в лес! И еще: у меня есть жертвенные животные. Я один не в силах их зарезать. Дайте мне двух парней, я скорее справлюсь.

— Хорошо, дад. Как нам не дать своих парней тому, кто приносит богу жертву?! — ответили младшему брату и послали с ним двух парней.

— Спасибо вам, спасибо! — ответил он, взял парней и пошел, а остальным велел обязательно прийти к полудню в лес.

Пастух со своими помощниками пошли к месту жертвоприношения, зарезали быков, содрали с них шкуры, потом достали

где-то котлы, разрезали мясо и положили в котлы. А соху тоже сломали и разожгли ею костер. Пока варилось мясо, приготовили места для сидения, а потом, когда мясо сварилось, расстелили ветки с листьями, вытащили мясо и разложили его на листьях.

Те парни, что помогали младшему брату, сходили домой и принесли муку. Потом в большом котле они сварили абысту:

Вот настал полдень. Собрались все приглашенные.

— Да смилостивится над тобою тот, которому ты молишься! — сказали они и расселись на приготовленные места.

Пастух и его помощники раздали всем еду, а потом сами уселись и поели.

Но вот пастух оглянулся и видит: к нему идет жена Спинодрала. Она шла и на ходу пряла, а на голове несла кубышку с водой.

Пастух вскочил навстречу.

— Зачем ты пришла?! — воскликнул он. — Напрасно беспокоилась, я пить не хочу. Тут я встретил своих сверстников, мы устроили маленькую пирушку и сейчас вдоволь наелись мяса. Пойдем, мы и тебя угостим мясом, — стал упрашивать пастух.

Жена Спинодрала сразу догадалась, что пастух зарезал их быков. Она была ошеломлена и не знала, что сказать.

— Ты, кажется, обиделась? — спросил пастух.

— Нет, что ты, что ты, как можно обижаться, нан, — она повернулась и пошла домой.

Дома жена Спинодрала рассказала мужу о том, что видела. Услыхал это Спинодрал и схватился за голову.

А к вечеру тот, которого послали пахать, радостный вернулся домой. В руках он нес лемех и топор.

— Где же твои быки? — спросил Спинодрал.

Пастух ответил:

— Там я встретил родственников и на радостях устроил им пирушку. Наелись мяса досыта, если б и ты пришел, тоже мяса поел бы!

— Как, ты зарезал быков? — воскликнул Спинодрал.

— Хайт, Спинодрал! А ты обиделся? — спросил тот, которого посылали пахать.

Что Спинодрал мог сказать?

— Нет, нет, что ты! — ответил он. — Что значит «обиделся», как я могу обижаться? Но быков не следовало резать.

На другой день утром, как только рассвело, Спинодрал говорит пастуху:

— Сегодня ты будешь пасти вот этих коз. Ты должен их

так накормить, чтобы вечером, когда пригонишь обратно, козам хотелось смеяться.

— Хорошо! — ответил пастух и в этот день погнал коз на пастбище. Целый день он пас стадо, а под вечер, когда пора было гнать своих коз домой, пастух взял да и надрезал им губы крест-накрест. У коз губы поднялись, зубы оскалились, и такими пастух пригнал их домой.

— Вот каких коз я пригнал, — сказал пастух, подходя к Спинодралу. — Видишь, им хочется смеяться.

Глянул Спинодрал и видит — у коз губы разрезаны и приподняты.

— Хай, что ты наделал?! — рассердился Спинодрал.

— А что, Спинодрал, ты обиделся? — спросил пастух.

— Нет, что ты, я не обиделся! — ответил Спинодрал.

На другой день Спинодрал снова отправил пастуха пасти скот.

— Вот этих овец, — сказал он, — ты так накорми, чтобы вечером, когда пригонишь их обратно, они танцевали.

— Хорошо! — ответил пастух и погнал овец.

Целый день он пас овец, а под вечер, когда пора было гнать их домой, пастух поломал им ноги.

Увидел Спинодрал, что овцы подпрыгивают, и говорит:

— Хай, видно, хорошо наелись, — но подошел поближе, поглядел — и что же? Ноги у овец переломлены!

— Что ты наделал?! — закричал он.

— Что? То, что ты сказал! — ответил пастух. — Ты сказал, чтобы овцы вернулись танцуя, я так и сделал, что ты еще от меня хочешь? А может быть, ты обиделся, Спинодрал? — спросил пастух.

— Нет, нет, что ты! За что мне обижаться, я не обиделся! — ответил Спинодрал.

Что ему было делать?! Схватившись за голову, Спинодрал пошел в дом. Пастух тоже вошел в дом и сел.

В это время ребенок Спинодрала вышел во двор и упал в грязь. Спинодрал рассердился:

— Пойди-ка, — говорит пастуху, — почисть этого ребенка и принеси сюда!

Пастух быстро вышел, вытащил нож, подскочил к ребенку, зарезал его, выпотрошил, промыл, принес и повесил на крючок.

Спинодрал вскочил.

— Хай, что ты наделал! — закричал он. — Кто тебе велел убивать его?

— Ты же сказал мне: «Почисть и принеси». Вот я его зарезал, почистил и принес тебе. Что же ты, Спинодрал, обиделся? — спросил пастух.

— Нет, что ты, я не обиделся! — ответил Спинодрал.

Что ему было делать! Он боялся, чтобы с его спины не содрали кожу.

И вот Спинодрал с женой задумались.

— Что нам делать, как прогнать пастуха? Ведь он и нас может убить! — говорили они, но ничего не могли решить.

Наконец придумали. Перед домом Спинодрала рос бук. Как-нибудь на рассвете на этот бук поднимется старуха, мать Спинодрала, и начнет куковать, как кукушка. Тогда он скажет пастуху: «Наступила весна, срок твой когчился, тебе пора уходить!»

Прошла еще неделя. И вот как-то раз на рассвете старуха вышла из дому, взобралась на большой бук, что рос возле дома Спинодрала, и начала куковать, как кукушка.

Тогда Спинодрал с женой говорят пастуху:

— Вот и весна пришла. Тебе пора уходить!

— Хай, какая сейчас весна? — сказал пастух. — Как эта кукушка смела куковать? Я убью ее! — Пастух взял свое ружье и побежал к большому буку.

— А-ай! Не надо убивать, не убивай ее! — закричали они и погнались за пастухом, но пастух уже выстрелил, и с дерева свалилась мертвая старуха.

— Хай, так это старуха была?! — удивился пастух, став перед убитой.

Спинодрал и его жена ничего не могли сказать — они боялись, что, если что-нибудь скажут, пастух сдерет с них кожу. Ничего не сказали, взяли старуху и пошли домой.

— Что с вами? Почему вы молчите? Рассердились? — спросил пастух.

— Нет, нет, что ты! Как можно сердиться — она была стара и, если бы ты ее не убил, сама бы умерла! — ответили пастуху и успокоили его.

Ночью хозяева уложили пастуха спать, а сами ушли в амбару готовить еду, чтобы наполнить ею сундук. Они решили уйти из дома и пройти столько, сколько сил хватит, чтобы избавиться от пастуха. Но пастух догадался об этом. Он заранее лег в сундук, а сверху прикрылся вещами.

Целую ночь напролет Спинодрал с женой готовили пищу и клали в сундук. Сундук очень быстро наполнился.

— Хай, ты, как видно, сильно напугалась,— сказал Спинодрал жене.— Вон как быстро наполнила сундук!

Они взяли вещи, сундук и пошли по дороге, думая, что пастух спит в доме.

Шли, шли, долго шли, наконец, когда солнце было уже высоко, они подумали: «Пора отдохнуть. Мы устали, он уже все равно нас не догонит!» Подумали так, сели на берегу речки, напилась воды и решили поесть. Открыли сундук, смотрят — а там лежит пастух.

Спинодрал и его жена очень испугались. Но что они могли сделать? А пастух вылез из сундука и уселся рядом.

— Как далеко вы меня занесли! — сказал он посмеиваясь. Потом они уселись все вместе, разрезали пирог с сыром и поели.

Спинодралу с женой делать было печего. Они решили: «Если мы не породнимся с пастухом, он нас уничтожит». Поговорили с пастухом, и все вместе вернулись домой. Там устроили пир в честь пастуха, подарили ему половину своего скота и породнились с ним.

А пастух, радуясь, что отомстил за своих братьев, взял скот и вернулся домой.

И я был на том пиру, напился пьян и пошел домой. И когда возвращался, упал на спуске, что называется Касоу ибгалара, и покатился вниз. По пути я наткнулся на камень и сильно ушибся — до сих пор мои ребра болят.

Пока ситом не наношу из моря морской воды, не сварю в наперстке абысту и не накормлю вас, до тех пор живите на свете!

82. Герой Сажваргяла

Жил когда-то, давным-давно, один князь. У него не было детей, и это его очень огорчало.

Каждый год княгиня рожала ребенка, но его сейчас же похищал волк.

За десять дней до рождения ребенка начинали оберегать жену князя, но все-таки волк похищал новорожденного. И так случилось каждый раз, как бы ни оберегали ребенка.

И вот однажды, когда подходило время княгине родить, князь созвал всех своих подданных, чтобы они оберегали ребенка от волка.

Собрались все, даже тыпка-лла. Князь стал среди народа и сказал:

— Вас так много! Хотел бы я знать, сможете ли вы все вместе одолеть волка! Если не убережете мне ребенка, то все вы не стоите одного волка!

Князь приказал своим поданным посоветоваться, как лучше охранять ребенка. Люди посоветовались и решили выбрать двадцать сильных и крепких парней. В число двадцати попал один глупый рослый парень по имени Сажваргяла.

Сажваргяла, на вид высокий и крепкий, был таким трусом, что боялся даже своей тени.

Народ решил, что каждую ночь будут караулить пять человек. Об этом решении доложили князю.

Князь согласился и выдал всем двадцати парням оружие.

Парни разбились по пять человек и наметили дни, когда кому стеречь. Первые пять человек остались караулить, а остальные разошлись по домам.

Так караулили каждый день и каждую ночь.

Однажды вечером жена князя стала рожать. Собрались все двадцать парней и устроили засаду по всем дорогам, откуда только можно было ожидать волка. Все были настороже.

— Сегодняшняя ночь решит все! — говорили парни. — Если осрамимся, то только теперь. Будем настороже — сегодня волк обязательно придет!

Сажваргяла слушал, что говорили товарищи, и от страха начал трястись, но что ему было делать! Где ему приказали, там он и сидел.

Все мужественно стояли на своих местах, а Сажваргяла от страха влез на дерево.

Княгиня стала рожать. Вдруг под тем деревом, где сидел Сажваргяла, появился волк. Сажваргяла испугался и от страха свалился прямо на волка, вцепился в него и от ужаса поднял крик. На крик сбежались остальные. Они убили волка палками.

— Хайт! Что вы сделали?! Зачем убили волка?! Я хотел его поймать и живым отнести князю! — со злостью сказал Сажваргяла своим товарищам.

Князю доложили о том, что Сажваргяла поймал волка и хотел живым доставить его князю, но парни убили волка.

Когда князь узнал все это, то наградил Сажваргяла селом, жители которого должны были полностью ему подчиняться, поставил Сажваргяла во главе своих судей и одарил его скотом.

Между тем сын князя вырос, возмужал и князь женил его.

Когда же князь посылал людей за невестой, то старшим над ними поставил Сажваргяла: князь считал его самым умным и храбрым человеком. Если у князя было какое-нибудь важное дело, то он никогда не решал его без Сажваргяла, и его решение считалось самым лучшим.

Однажды князь поспорил с соседним князем из-за земли и объявил ему войну. Оба князя собрали своих судей решать, как они будут воевать. Среди судей был, конечно, и Сажваргяла. Он стал думать: «Если война начнется, то князь сделает меня пашой войск и меня убьют». Тогда он выступил и сказал:

— Если мы выставим большое войско и вы тоже выставите такое же войско и начнется война, то погибнет много народу. Не лучше ли будет, если мы выставим самого храброго и сильного человека и вы выберете такого же человека, вооружим их, и пусть сразятся. Тот князь, чей воин победит, и будет считаться победителем!

Судьи согласились и разошлись. Стали выбирать храбрецов.

— Послушайте, что я вам скажу, — сказал князь. — До этого дня я еще не осрамился и не осрамлюсь, пока у меня есть герой Сажваргяла. Лучше Сажваргяла мы не найдем, хоть тысячу лет тут просидим. Выберем Сажваргяла и пошлем — ведь это хорошее дело он сам придумал!

Услышали судьи решение князя и согласились. «Лучше Сажваргяла никого нет!» — говорили они, помня, что Сажваргяла руками поймал живого волка.

Что было делать Сажваргяла? Уже потому, что его считали героем, он не мог отказаться и согласился.

От другого князя тоже выбрали человека и вооружили его.

С обеих сторон стоял народ и смотрел, кто останется победителем.

Когда противник стал приближаться, Сажваргяла закрыл глаза, чтобы не видеть своей смерти, — он был уверен, что его убьют. Увидел противник, что Сажваргяла идет с закрытыми глазами, и тоже закрыл глаза — он думал, что Сажваргяла сделал это с целью.

Так они стали приближаться друг к другу. Сажваргяла открыл глаза, чтобы посмотреть, скоро ли он будет убит, и увидел, что тот тоже идет с закрытыми глазами. Тогда Сажваргяла выхватил шашку и снес ему голову, как будто ее не бывало.

Народ поднял Сажваргяла на руки и с криком: «Ура! Сажваргяла победил!» — понес его к князю.

Князь обрадовался. Он устроил для Сажваргяла пир, а спорную землю с жителями взял себе.

Так Сажваргяла стал героем.

83. Мачеха и падчерица

У одного человека умерла жена, и он остался с дочерью. После смерти жены он привел в дом другую женщину. У этой женщины тоже была дочь.

Мачеха не жалела падчерицу, заставляла ее работать, как работницу. Чаще всего мачеха посылала ее пасти коров.

А кто мог заставить работать родную дочь? Она сидела сложа руки — так ее воспитала мать.

Падчерица была легкая, проворная. Сколько бы дел у нее ни было — все в одну минуту переделает! Мачеха боялась, что она, сделав всю работу, станет отдыхать, и часто, смешав пшено с просом, говорила падчерице:

— Разбери, да побыстрей!

Птицы видели это и помогли девушке — чего ей мучиться?

Падчерица ходила босая — не во что было обуться.

Как-то раз, пригнав коров с пастбища, она пошла по соседям и стала просить:

— Дайте немного сафьяну, а то я босая!

Соседи дали ей сафьяну кто сколько мог. Тогда падчерица, сложив кусочки, сшила из них красивые чупьяки. Но поносить их пришлось только день: падчерица потеряла один чупьяк, когда пасла коров. Она вернулась домой вся в слезах, но кто ее пожалет? А тут работа не ждет — падчерица знала свое дело.

Чупьяк, потерянный падчерицей, нашел царский сын. Поднял, посмотрел — понравился ему красивый чупьяк!

— Я женюсь только на той, которая носила этот чупьяк, кто бы она ни была! — решил царский сын и пошел разыскивать девушку, потерявшую чупьяк.

Так зашел он в тот дом, где жила падчерица. Увидела она свой чупьяк и, конечно, узнала, но только собралась крикнуть: «Это мой чупьяк!» — как мачеха, догадавшись, что царский сын пришел неспроста, ударила падчерицу по губам, не дав и слова сказать, а сама говорит:

— Это, нан, моя дочь сшила. Она потеряла его и долго искала, но не смогла найти.

Тогда царский сын сказал, что дал клятву не жениться ни на ком, кроме той, которой подойдет этот чувяк. Он уговорился с мачехой, просватал ее дочь, и они установили срок свадьбы.

Чувяк принадлежал падчерице, но кто же ей вернет его? Даже тот чувяк, который остался у нее, мачеха отобрала и дала своей дочери!

Вот наступил срок свадьбы. Начали надевать невесте чувяки, но, как ни бились, не могли надеть — малы! Тогда обтесали ей ноги и кос-как обули.

Приехал царский сын. Впереди него ехали дружки, чтобы взять невесту. Невесту вывели, посадили в золотой фаятон.

Царский сын должен был бы жениться на падчерице, но кто же ей даст выйти за него замуж?

Пошла она, села на качели из лозы и, раскачиваясь, стала напевать:

С обтесанной рукой,
С обтесанной ногой
Сидит в золотом фаятоне,
А с целой рукой
И с целой ногой
Сидит на лозе и качается.

Как только царский сын услышал эту песню, он вскочил со своего места, подошел и снял чувяки с ног мачехиной дочки. Смотрит, у невесты ноги окровавлены. Тогда он отказался от нее, а в жены взял падчерицу, которая пасла у мачехи коров. Родную же дочь злой женщины никто не взял. Так она и осталась в девках.

84. Ашхамыдж и Агамыдж

Лаку, лаку шел я — жил очень хороший парень по имени Ашхамыдж. Он женился и начал заниматься хозяйством. Устроил свое хозяйство очень хорошо, но стал подумывать о воровстве.

Тогда Ашхамыдж сказал своей жене, что ему захотелось воровать.

Что жена могла ответить?! Она выслушала мужа и сказала:
Раз тебе это нравится, поступай как хочешь!

Жена приготовила припасы на дорогу, и Ашхамыдж отправился в путь.

Идет он по дороге, а навстречу ему один человек по имени Агамыдж.

— Куда идешь? — спросил Агамыдж.

— Куда иду? Иду воровать! — ответил Ашхамыдж и спросил:

— А ты хорошо воруеть?

— Ничего себе ворую! — ответил Агамыдж.

— Ну, если так, пойдем вместе, я тоже иду воровать, — сказал Ашхамыдж, и они пошли вместе.

Идут и видят: на дереве сидит коршун.

— Если ты незаметно для коршуна вырвешь одно перо из его хвоста, — сказал Ашхамыдж, — ты действительно хороший вор.

— Хорошо! — согласился Агамыдж и полез на дерево. Как только он добрался до половины дерева, Ашхамыдж полез за ним, незаметно снял с Агамыджа штаны, слез и стал внизу.

И когда Агамыдж с пером, выдернутым из хвоста коршуна, слез и сказал: «Вот, принес!» — Ашхамыдж ему ответил:

— Ты незаметно для коршуна выдернул у него перо, но где же твои штаны?

Посмотрел Агамыдж на себя и видит, что он без штанов.

Агамыдж не знал, что ему сказать, но догадался, что это сделал Ашхамыдж.

— Хорошо! — сказали они. — Как воры, мы друг другу подходим, — и пошли вместе.

Они знали, что у одной старухи много денег. У нее была корова. Они решили наняться к старухе в пастухи, чтобы украсть деньги.

Пришли к старухе.

— Мы будем пасти твою корову, — сказали они.

Старуха согласилась.

Они поговорили между собой и решили, что сперва пастухом будет Агамыдж.

На другой день утром, когда развиднелось, Агамыдж поел и пошел пасти корову.

Оказывается, эта корова была такой: выйдя из дому на побережье, она обходила его, потом поднималась на горы, обходила, нигде не останавливаясь, все горы и, только когда начинало смеркаться, быстро возвращалась домой.

Бедный Агамыдж боялся потерять корову, бегал за ней то рысцой, то вприпрыжку целый день и, с тех пор как вышел со двора, даже не присел.

Вечером не отдохнувший целый день, недовольный собой Агамыдж вслед за коровой еле-еле вошел во двор.

Ашхамыдж оставался дома. Утром он закусил и принялся выносить навоз. Таскал целый день и только к вечеру, когда корова вошла во двор, он, весь в поту, кончил выносить навоз и бросил деревянную лопату.

Агамыдж пришел и говорит:

— Хай! Почему я не взял апхярцу и скамью, когда уходил сегодня утром! Я сидел бы, играл на апхярце, а если бы захотел — лег на скамью: корова все время паслась на одном месте, а я все сидел и смотрел на нее, и мне было скучно.

— И я тоже, как вынес утром пол-лопаты навоза, с тех пор сижу без дела. Завтра возьму апхярцу и скамью и пойду с коровой, — сказал Ашхамыдж.

На другой день, когда рассвело, Ашхамыдж поел, взял апхярцу и скамью и пошел за коровой.

Но разве корова останавливалась? Она пошла прямо на побережье, обошла всю эту местность, поднялась в горы, обошла все горы и, когда стало вечереть, отправилась домой.

Бедный Ашхамыдж целый день без отдыха бегал за коровой с апхярцей и скамьей на спине и боялся спустить с нее глаза. Вечером, спотыкаясь, еле двигаясь, он вошел с коровой во двор.

Агамыдж в это время кончил выносить навоз, бросил лопату и сказал:

— Ну, наконец-то!

— Что ты сделал! — закричал Ашхамыдж. — Зачем ты меня погубил! Если ты знал, что корову так трудно пасти, то почему мне не сказал? Тогда я не брал бы апхярцу и скамью. Сегодня я целый день, не отдыхая, рысцой бегал за коровой, еле удерживая на губах душу, и вот пришел только сейчас.

— Да ведь и ты знал, что навозу много, почему же мне ничего не сказал? — в свою очередь сердито спросил Агамыдж.

— Но как бы то ни было, мы одинаково устали. Что будем делать дальше?

Они уже поняли, что больше не смогут пасти корову, и сказали старухе, чтобы она заплатила им, сколько следует за то время, что они пасли ее корову.

Старуха сказала так:

— Вот в этом колодце есть золото. Спуститесь в него и возьмите за свой труд мешок золота.

Теперь кто из них туда полезет — не знают. Друг другу не

доверяют. Каждый боится, что другой обманет: мешок вытащит, а его оставит в колодеце.

— Полезай ты, Агамыдж,— сказал Ашхамыдж.

Но Агамыдж ответил:

— Я в колодец никогда не лазил,— и вытянул ноги, как мертвец*.

Ашхамыдж сидел и думал: «Я полезу, но, если Агамыдж получит полный мешок золота, он, может быть, меня не вытащит. Тогда я сделаю так: насыплю золото в мешок, сам залезу туда, наполню золотом карманы и положу еще за пазуху, а потом заставлю тянуть. Он вытащит меня вместе с золотом. Потом пусть делает что хочет».

Подумал так, сказал: «Полезу!» — и спустился по веревке на дно колодца, где лежало золото. Ашхамыдж сделал все так, как решил, а потом крикнул:

— Ну, теперь тяни!

Агамыдж потянул веревку и с трудом вытащил мешок. Как только вытащил, он крикнул в колодец:

— А ты валяйся там! — взвалил мешок на плечи и отправился.

Шел, шел Агамыдж, прошел немного, положил мешок и отошел в сторону за нуждой.

Пока его не было, Ашхамыдж маленьким ножом, что носил в кармане, распорол мешок, в котором сидел, вылез, взвалил мешок на плечо и отправился восвояси.

Вернулся Агамыдж, а мешка уже нет! (Завтра его найдешь!)

Посмотрел туда, посмотрел сюда, но ничего не увидел. Агамыдж знал, что по этой местности люди ходят не часто. Но что ему оставалось делать? Он отправился в путь и вдруг подумал, что Ашхамыдж его обманул. Он стал подозревать, что Ашхамыдж сам сидел в мешке.

— Определенно он меня обманул! Мой мешок взял Ашхамыдж! Мешок тяжелый, он должен устать. Если я обгоню его, зайду вперед, стану ломать кусты и кричать «Дви аш!»**, как будто еду на арбе, то он подумает, что проезжает какая-то арба, и подойдет, чтобы положить свой мешок.

Сказано — сделано. Агамыдж обогнал Ашхамыджа, стал ходить по лесу, ломать кусты и хворост и кричать: «Дви аш!».

Ашхамыдж подумал, что едет какая-то арба, торопливо пришел на голос, смотрит — а там Агамыдж.

— Хайт! — закричал Агамыдж. — Ты обманул меня! — и схватил Ашхамыджа. Там же они стали делить деньги, но пол-

копейки разделить не смогли. Тогда Ашхамыдж взял ее, велел Агамыджу прийти через неделю: «Тогда тебе отдам!» — и пошел домой.

Пришел Ашхамыдж домой и говорит жене:

— Мы с Агамыджем получили деньги, но полкопейки не смогли разделить. Он не хотел отдать мне, и я тоже не думаю уступить ему. Он должен прийти за ней, но ты скажи так: «У него заболел живот, и он умер» — а сама к тому времени приготовь гроб, положи в него меня и закопай, но не глубоко. Потом сиди дома и оплакивай.

— Хорошо! — сказала она и сделала все так, как сказал Ашхамыдж.

Рано утром в условленный день пришел Агамыдж, чтобы разделить полкопейки.

Услышал он плач и спросил:

— Что случилось?

— Что случилось? Шесть дней тому назад у мужа заболел живот, и он умер. Я одна была дома, из соседей тоже никого не было! — Сказала так жена и показала: «Вот там я его похоронила!»

— Хай! — крикнул Агамыдж. Он очень огорчился, пошел на могилу, оплакал покойника и, не говоря, зачем приходил, отправился домой.

Всю дорогу он думал, не схитрил ли Ашхамыдж и как это узнать. Потом решил: «Если он притворился покойником и живой лежит в земле, то я пойду, стану мычать, как бугай, и рыть землю — может быть, он заговорит».

Сказал так, пошел к могиле, стал мычать, как бугай, и палкой рыть землю.

Испугался Ашхамыдж, что его ударит бугай, и стал кричать:

— Чтоб тебя собаки съели! Если он меня ударит — живот распорет.

Агамыдж услышал голос Ашхамыджа, не выдержал, рассмеялся. Потом разгреб землю, вытащил Ашхамыджа и там же стал требовать свои полкопейки.

— Пойдем! — сказал тогда Ашхамыдж, повел Агамыджа в то место, где было много могил, сел с ним в одну яму и стал спорить. Голоса их разносились далеко.

А неподалеку от того места проходил вооруженный отряд в сорок человек.

Люди слышали, что в могиле кто-то разговаривает, и послали туда одного человека, но, когда он, нагнувшись, заглянул в

могилу, Ашхамыдж вскочил и схватил его шапку. Испугался человек, закричал, вернулся к товарищам и рассказал им:

— Там покойники встали и ругаются. Они у меня шапку схватили!

Когда он так сказал, все испугались и убежали.

Ашхамыдж отдал Агамыджу шапку, которую отнял, и на этом они покончили.

85. Глупость — несчастье

Как-то раз муж и жена сидели дома и скучали.

— Слушай, жена, что нам делать? — спросил муж. — Хоть бы сын у нас был, он бы утешал нас!

— Давай-ка сыграем в молчанку, — сказала жена.

— Хорошо, — сказал муж, и они стали играть в молчанку. Они условились: кто первым заговорит, тот проиграет и должен вечером пригнать телят.

Прошло немного времени. Жена пошла к соседям.

«Если я куда-нибудь пойду, то все равно не смогу говорить. Лучше останусь здесь!» — подумал муж и остался дома.

В это время два всадника въехали во двор, но муж не только не вышел к гостям, а, притаившись, сел.

— Эй, хозяин! — крикнули гости.

Тогда он вышел и молча стал перед ними.

— Добрый день! — сказали гости.

Хозяин молчал.

— Что с тобой? Глухой ты, что ли?

Хозяин продолжал молчать.

Гости заговаривали так и сяк, но он все молчал. Тогда один гость два-три раза ударил хозяина плетью, но тот молчал. Другой гость соскочил с лошади, вынул нож, сбрил ему один ус и отрезал одно ухо, но хозяин не издал ни звука и стоял как чу-чело.

Гости уехали, а хозяин весь в крови вошел в дом и сел.

Настал вечер. Пришла жена, увидела мужа с отрезанным ухом и окровавленным лицом и закричала:

— Чтоб мы с тобой умерли! Что случилось?!

— Охо-хо, охо-хо! Победил тебя! Победил тебя! Теперь иди пригони телят! — крикнул глухой муж.

86. Кому из нас она принадлежит?

Однажды какой-то плотник пустился странствовать. Шел он, шел по дороге, и вот встретился ему портной.

— Куда едешь? — спросил портной.

— Странствую! — ответил плотник.

— Будем товарищами, я тоже странствую! — сказал портной.

— Хорошо! — согласился плотник.

Поговорили они так и пошли вместе. Навстречу им золотых дел мастер.

— Куда идете? — спросил он.

— Куда же нам идти? Странствуем! — ответили плотник и портной.

— Я тоже странник, так будем товарищами! — сказал золотых дел мастер.

— Очень хорошо! — ответили они.

Дальше пошли все вместе.

Шли, шли они, и вот повстречался им мулла.

— Куда идете? — спросил мулла.

— Как видишь, странствуем! — ответили все.

— Я тоже странник, будем товарищами! — сказал мулла, и они пошли все вместе. Шли они так по дороге, разговаривали, пока в пути не застала их ночь.

На ночь они остановились в лесу, в стороне от дороги, и решили по очереди нести караул. Каждый должен был стоять на страже по четыре часа. Бросили жребий, чтобы узнать, кому сторожить первым и кто будет следующий. Караулить первому выпало плотнику, второму — портному, третьему — золотых дел мастеру, а четвертым по жребию должен был сторожить мулла.

Вот стал караулить плотник. Все уснули, и плотник заскучал. Он отошел в сторону, срубил дерево и вырезал из него фигуру девушки. Девушка была как живая. Плотник поставил ее на ноги. За это время истекли его четыре часа, он разбудил портного, а сам улегся спать.

Оглянулся портной по сторонам, смотрит — стоит голая девушка. Портной подумал: «Не обманывают ли меня глаза? Откуда эта девушка явилась в полночь?!» Он обрадовался, быстро встал и подбежал к девушке. Но это была не девушка, а дерево.

— Хай! Прокляни его Аллах! Это сделал плотник,— сказал портной. Ему стало стыдно, он вернулся обратно, сел и задумался: «Плотник сделал эту фигуру. Дай-ка я ее одену!»

Портной сшил красивое женское платье и нарядил девушку. За это время истекли его четыре часа, он толкнул мастера золотых дел, разбудил его, а сам улегся спать.

Мастер золотых дел сел, оглянулся по сторонам. Смотрит — неподалеку от них стоит стройная девушка.

«Не во сне ли я это вижу?» — подумал золотых дел мастер. Не веря своим глазам, он встал, зажег спичку и подошел к девушке. Но, оказывается, это была деревянная девушка.

— Хай, проклятые! Напрасно я обрадовался! — сказал мастер, вернулся обратно, сел на свое место и задумался: «Видно, плотник сделал из дерева эту девушку, а портной одел ее. Теперь я сделаю ей золотые украшения».

Как он сказал, так и сделал: смастерил все золотые украшения, какие обычно носят девушки, начиная с золотого пояса, и надел на деревянную фигуру. Тут истекли и его четыре часа, мастер толкнул муллу, разбудил его, а сам улегся спать.

Мулла спросонья тер глаза, наконец проснулся совсем, оглянулся по сторонам, смотрит — недалеко стоит стройная девушка, вся в золотых украшениях. Мулле показалось, что девушка мамила его рукой, мало того, ему показалось, что она даже подмигнула ему!

— Хайт! — воскликнул мулла. — Черт надо мной шутит, что ли?

Потом он поднял руки к небу и стал совершать намаз:

— О всемогущий Аллах! Если эта девушка — шайтан, сожги ее, но, если она действительно девушка, повели ей, чтобы она стала моей, моим счастьем!

У муллы под изголовьем лежал Коран. Он вытащил его и стал читать. По Корану вышло, что это на самом деле девушка и что Аллах смилостивился и прислал ее для муллы.

Мулла положил Коран, подошел к девушке и обнял ее. Тут он подумал: «Видно, так было суждено, что Аллах прислал мне такую красавицу!» — и хотел было поцеловать девушку в щеку, но вместо щеки губы его коснулись холодного дерева.

— Аллах! Сжался надо мной! Что я вижу?! — закричал мулла. Он зажег спичку, посмотрел и видит: перед ним стоит деревянная разодетая фигура. Мулла подумал: «Наверное, это сделали мои товарищи: плотник вырезал эту девушку из дерева, портной одел ее, золотых дел мастер сделал для нее золотые

вещи, что же я теперь должен сделать?» Думал мулла, думал, и, пока додумался, прошло три часа. Оставался еще один час. За это время мулла решил оживить девушку. Он стал молиться, чтобы Аллах вложил в нее душу. Пока он молился, истекли все четыре часа. Наступил рассвет. Девушка ожила. Она стала чудной красавицей.

В этот миг все, кто спал, проснулись, как будто их кто-то толкнул. Мулле это не понравилось. Он думал, что товарищи еще будут спать, а он возьмет девушку и уйдет. Но теперь уже делать было нечего.

Товарищи собрались в круг и начали спорить, кому из них принадлежит девушка. Плотник сказал:

— Она принадлежит мне! Что общего вы с ней имеете?

— Нет, она принадлежит мне! — сказал портной. — Ты ведь только и сделал, что вырезал из дерева эту фигуру. Ты мог бы ее куда-нибудь забросить. А я сшил девушке платье — я непременно ее возьму.

Тогда золотых дел мастер сказал так:

— Кто сделал фигуру из дерева, мог бы ее выбросить и уйти. Кто сшил платье, мог бы положить его в сумку, перекинуть сумку через плечо и тоже уйти. Я сделал ей золотые вещи — она принадлежит мне!

— Все это глупости! — возразил мулла. — Кто сделал фигуру из дерева, мог бы ее забросить и уйти. Кто сшил платье, мог бы положить его в сумку, перекинуть ее через плечо и уйти. Кто сделал золотые вещи, мог бы положить их в сумку, сумку перекинуть через плечо и тоже уйти. Но я вложил в нее душу, она принадлежит мне, вы не имеете права оспаривать ее у меня! — и мулла, обхватив девушку рукой, стал рядом с ней.

Но товарищи пригрозили ему: «Мы убьем тебя!»

Так и не смогли они мирно кончить спор. Порешили пойти в первое попавшееся по дороге сельское правление, чтобы там разобрали их дело. Все они обещали выполнить решение сельского правления.

Так и сделали: зашли в правление, рассказали о своем споре и пообещали: «Мы согласимся с вашим решением!»

Спор разобрали. Правление нашло, что девушка должна принадлежать мулле. Ему отдали девушку. Мулла взял ее и пошел домой.

87. Враг не убил его

Жил крестьянин. Звали его Хаджбахуа. У этого Хаджбахуа была очень злая жена. Она всегда покрикивала на мужа и ругала его. Поэтому, когда Хаджбахуа приходилось оставаться дома, он оплакивал себя.

У Хаджбахуа были враги. При первой встрече они хотели его убить.

Как-то раз Хаджбахуа собрался и пошел к родственникам своей жены. По дороге он звонко пел, потому что родственники жены были хорошие люди и всегда встречали его с радостью.

А впереди, устроив засаду, Хаджбахуа подстерегал враг. Он хотел убить Хаджбахуа, но, увидя, что тот идет с песней, оставил его и только спросил:

— Куда ты идешь, так звонко распевая?

— К родственникам жены, — ответил Хаджбахуа.

Враг пожалел его и сказал:

— Ну, иди туда, иди!

Хаджбахуа продолжал свой путь, звонко пел песню и только о том и думал, как бы скорее прийти в гости.

Увидя его таким веселым, враг подумал: «Я убью его, когда он будет возвращаться домой» — и снова притаился в засаде.

Этого человека Хаджбахуа когда-то оскорбил, и он давно подстерегал Хаджбахуа.

И вот уже Хаджбахуа с плачем возвращается домой. Он умирал от страха перед своей женой и думал: «Как счастлив тот, кто с радостью идет домой, кто не боится злого языка своей жены!»

Враг сидел в засаде. Когда Хаджбахуа поравнялся с ним, враг закричал:

— Хай! Ты не уйдешь! Ты будешь убит врагом!

— Хай! — отозвался Хаджбахуа. — Если ты враг и устроил мне засаду, если у тебя есть совесть, убей меня, я буду очень рад!

Тогда враг вышел из зарослей, где устроил засаду, и спросил:

— Что с тобой стряслось? Почему ты весь в слезах, почему плачешь?

Вместо ответа Хаджбахуа стал упрашивать, уговаривать врага:

— Убей меня, если имеешь совесть! Дома у меня злая жена не дает жить!

Но враг пораздумал и решил так: «Чем убивать его, пусть лучше он в слезах и страданиях влачит свою жизнь!» И враг, прикрикнув на Хаджбахуа, прогнал его домой.

88. Сказка о том, как разлучилось солнце с месяцем

В одном селе жила хорошая девушка. По красоте и нраву другую такую девушку трудно было найти. А в другом селе, немного подальше, жил юноша. Он был прекрасный джигит, ничего не боялся, никогда не ленился и очень любил странствовать.

И вот этот хороший юноша услышал об этой хорошей девушке. Оказывается, юноша дал клятву, что возьмет себе в жены только ту девушку, которая в один день сможетшить для него всю одежду, начиная с бурки и кончая ноговицами и кожаными носками.

Как только юноша услышал об этой хорошей девушке, он сразу накупил материи для одежды и пошел к ней. Пришел, рассказал о своей клятве и пообещал, что, если она за один день сошьет все это, он женится на ней.

Девушке он тоже понравился, она полюбила его, и ей очень захотелось выйти за него замуж.

— Оставь свою материю, я сошью тебе всю одежду! — сказала девушка.

Они условились, что юноша придет завтра вечером, после захода солнца, и разошлись.

На другой день рано утром девушка принялась за работу. Она скроила всю материю и начала шить. Вечером, на закате солнца, у нее все уже было готово — и чувяки с кожаными носками кончила, только не успела пришить пуговиц к черкеске и архалуку: времени не хватило. Если бы солнце поднялось чуть-чуть, хотя бы на высоту топорича, девушка все бы кончила, но солнце уже заходило. Тогда девушка, видя, что не сможет выполнить свое обещание, спустилась с балкона, взобралась на камень, что лежал перед домом, и стала молить бога:

— О творец наш, создавший меня, прошу тебя, приподними солнце на высоту топорича, чтобы я успела закончить свое шитье!

И желание девушки исполнилось: солнце, которое уже почти

зашло, вдруг поднялось вверх, и девушка смогла окончить в срок свою работу.

Тут пришел юноша.

— Дай мою одежду! — сказал он, и девушка принесла одежду.

Все было хорошо сшито, все пришлось как раз впору, как будто девушка сняла с него мерку.

Как было условлено, юноша просватал девушку, назначил срок свадьбы и ушел.

В назначенный день он послал за невестой дружков — верховых, и они привезли девушку. Жених устроил свадьбу. Три дня и три ночи гости не вставали из-за стола. Но вот кончился пир, и жених, как принято, вошел в амхару. Пришел он вечером в амхару, разделся, но только собрался лечь в постель, как кто-то неизвестный закричал со двора:

— Эй, хозяин! — и назвал жениха по имени.

— Хай! — быстро откликнулся жених.

— Оденься и ступай сюда! — сказали ему.

Хозяин тотчас же оделся, вышел из амхары и куда-то ушел. Молодая ждала, ждала, но в ту ночь он не вернулся. Пришел он только на рассвете, мокрый от росы.

А вечером опять: только молодые собрались лечь спать, как кто-то неизвестный позвал юношу и увел с собой. И опять он вернулся только на рассвете. Молодая снова ничего не сказала.

И на третью ночь опять неизвестный позвал хозяина и увел с собой. И так каждый раз, не пропуская ни одного вечера, вызывал его и уводил с собой.

Надоело все это молодой, она и говорит золовке:

— Каждый вечер твоего брата кто-то вызывает и уводит. Мы вдвоем, как муж и жена, ни одной ночи не провели.

— Если так, — ответила золовка, — не беспокойся. Этой ночью я прослежу за братом и никуда его не пущу!

Вечером золовка пошла в амхару и спряталась, чтобы подкараулить брата. Вот наступило время ложиться спать. Вдруг опять тот же самый голос вызвал хозяина, юноша вышел и пошел не останавливаясь. Сестра бросилась за ним, догнала, поймала и хотела удержать, но что она могла сделать? На глазах у сестры юноша стал превращаться то в змею, то в лягушку. Девушка испугалась и выпустила брата. Он ушел, а сестра вернулась домой и рассказала все, что видела.

— Ну, на следующую ночь я его не пущу! — сказала мать юноши и вечером, притаившись, стала караулить. Наступило

время ложиться спать. Снова кто-то позвал юношу, снова он вышел из дому и пошел. Мать бросилась вдогонку, настигла его и поймала, но и врагу своему я не пожелал бы поймать этого юношу: сначала он превратился в змею и стал кусаться, потом превратился в лягушку, затем — в пламя и стал жечь. Мать долго его не отпускала, но наконец не стерпела, выпустила, и он ушел.

Домой юноша вернулся усталым, изнуренным.

Тогда молодая сказала:

— Вы не смогли его задержать, но этой ночью я поймаю его и не пущу!

На третью ночь, когда муж вышел из дому, молодая пошла следом, поймала его, но он, как и раньше, превратился в змею, в лягушку, потом стал пламенем, и все же молодая не пускала его, пока он не скажет, куда уходит. Юноша молчал.

Но тут появилась какая-то женщина и говорит:

— Я прокляла этого юношу. Каждую ночь он будет уходить от тебя, потому что ты своей молитвой разлучила меня с ним, моим мужем, и мы из-за тебя больше никогда не сойдемся.

Оказывается, эта женщина была солнцем, а этот хороший юноша, который женился на девушке, был месяцем.

До тех пор солнце и месяц жили вместе как муж с женой и никогда не разлучались, но теперь по вине девушки они разошлись и больше не могли сойтись. И так продолжается до сих пор.

И вот, оказывается, из-за этого греха молодая так и не могла остаться с мужем: как только наступал вечер, приходило солнце и уводило его с собой.

89. Абхаз и черт

По дороге встретились абхаз и черт.

Черт. Какие у вас новости?

Абхаз. Вот у нас какая новость: ляжку комара не могут съесть восемь собак!

Черт. Наверное, собаки у вас маленькие.

Абхаз. Какие же маленькие, когда они съедали орлов, что залетали во двор владетеля.

Черт. Орлы, должно быть, были маленькие.

Абхаз. Нет! Когда они садились на крышу княжеского дворца, их крылья касались земли.

Чер т. Дворец, видно, был маленький.

Аб х а з. Разве маленький, когда в каждой из комнат вмещалось восемь верблюдов?!

Чер т. Наверное, верблюды были маленькие.

Аб х а з. Как же маленькие! Они объедали верхушки сосен, что росли во дворе владельца.

Чер т. Значит, сосны были маленькие.

Аб х а з. Как же маленькие! Когда мой брат поднимал голову и смотрел на верхушки сосен, с него падала шапка.

Чер т. Оттого, что твой брат был маленький.

Аб х а з. Как же маленький, когда он из колодца рукой доставал камни!

Чер т. Дно, наверное, было близко.

Аб х а з. Как же дно близко! Если утром бросишь камень, не долетит и до вечера.

Чер т. Видно, день был маленький!

Аб х а з. Как же день маленький! Корова, зачавшая утром, возвращалась к вечеру с бегущим теленком.

Чер т. Хай! Значит, ты победил меня, абхаз?!

90. Ложь

У меня было много табунов лошадей. Они паслись на берегу моря.

Однажды я пошел на берег, чтобы пригнать свои табуны домой. Посмотрел кругом, искал, но лошадей не нашел. Тогда я воткнул в землю посох, стал на него, посмотрел и увидел свои табуны. Я пошел туда, собрал их и погнал домой.

По дороге одна кобылица ожеребилась. Я сел на нее верхом, а жеребеночка положил на шею кобылице, но она не смогла нас поднять. Тогда я сел на жеребеночка, положил на его шею кобылицу и двинулся в путь.

Подъехал я к морю и хотел было напоить свои табуны морской водой, но море было покрыто льдом. Я бросил камень и делал все, чтобы разбить лед, но ничего не смог поделать. Тогда я рассердился и ударился головой об лед — он разбился вдребезги.

Я напоил табуны, сел на жеребенка, взвалил на него кобылицу и поехал.

Еду и вижу: сидит на балконе девушка, играет на ачамгуре и поет:

Как хорош этот путник,
Я бы пошла за него,
Будь он с головой!

Провел я рукой и тут заметил, что у меня нет головы. Повернул обратно, подъехал к морю, смотрю — лежит моя голова. Она примерзла ко льду.

Я стал ее тащить, но не смог оторвать ото льда. Запряг несколько пар буйволов, лошадей, но и они не смогли вытащить мою голову.

Так я стоял, не зная, что делать, пока не увидел двух ос. Они летели над берегом. Я поймал их, надел на них ярмо и заставил тянуть мою голову. Они рванули, лед затрещал, и осы вытащили голову на берег. Я поставил ее на плечи, сел на жеребенка, взвалил на его шею кобылицу и поехал дальше.

По пути я заметил: у куста никогда не росшего ореха сидит никогда не рождавшийся заяц.

У меня было ружье без курка. Не прицеливаясь, я выстрелил, без выстрела убил зайца, поднял его и поехал дальше.

По дороге мне встретился один человек.

— А-а, чтоб твоя мать увидела горе, — сказал он. — Что ты мне подарить, если я расскажу тебе что-то радостное?

— Если расскажешь очень радостное, я подарю тебе зайца.

— Сегодня родился твой отец! — сказал он мне.

Я обрадовался и отдал ему зайца.

Приезжаю домой, смотрю — в люльке лежит мой отец и пщит. От радости я подарил ему ту кобылицу, что привез на жеребенке.

91. Ажгерей-ипа Кучук

Жил крестьянин по имени Ажгерей-ипа Кучук. Он поклялся не бояться ничего живого в мире.

Однажды Шабат Маршан Золотой* в сопровождении ста всадников поехал в страну сванов навестить своих родственников и знакомых. Он ехал к Ахан-ипа, который имел привычку не отпускать своих гостей до тех пор, пока сам этого не захочет.

Прошла неделя, как Шабат и его люди жили у Ахан-ипа. Они стали скучать. Ахан-ипа в душе решил завтра отпустить гостей, но они этого не знали.

И вот в то время как товарищи Золотого Шабата кучками сидели во дворе, туда въехал какой-то всадник. Он приветствовал

гостей, потом направился к хозяину — Ахан-ипа, подошел и что-то ему сказал. После этого всадник повернулся и поехал обратно. Но один из товарищей Золотого Шабата указал на отъезжающего всадника и крикнул ему вслед:

— Какая у него хорошая лошадь, какой хороший пистолет, какое прекрасное седло и богатая сбруя! Если бы мы сейчас ехали, то по дороге отняли у него все это и заставили дрожать перед нами!

Всадник услышал эти слова. Он вернулся и спросил у хозяина, когда тот думает отпустить гостей. Ахан-ипа ответил, что отпустит их завтра утром.

Всадник — это был Кучук — прикинул, до какого места хозяин может проводить гостей, и остановился неподалеку.

На следующий день гости поехали домой. По дороге они весело пели и, сидя на ста лошадях, вели на поводу еще сто лошадей.

Вдруг навстречу им вышел Кучук. Он закричал громким голосом:

— Вот та лошадь, седло и оружие, которые вам так понравились!

Шабат и его товарищи не поняли, что случилось, оробели, столпились. А Кучук взлетел на коня, еще раз крикнул и, как ястреб бросается на перепелку, кинулся на всадников. Он сбросил их с седла, отобрал оружие, привязал его к седлам и угнал всех лошадей.

После того, что случилось, Шабат и его товарищи сочли позором вернуться домой или повернуть к Ахан-ипа и рассказать ему обо всем. Еще большим позором было то, что они не знали имени человека, который с ними так поступил. Все столпились, не зная что делать.

Тогда Шабат сказал:

— Если бы я знал, кто он, я бы успокоился и считал, что с нами ничего не случилось!

Это услышал один из молодых товарищей Шабата. Он предложил:

— Пошли кого-нибудь к нашему хозяину Ахан-ипа. Пусть он придет и скажет: «Золотой Шабат где-то оставил свой кошелек. Шабат боится, что ты станешь беспокоиться, и вот прислал меня к тебе». Хозяева начнут искать, и, когда ничего не найдут, пусть посланный скажет: «Ничего, ничего это не беда! Наверное, кошелек взял тот всадник, который вчера приезжал к тебе. Мы видели, он что-то поднял с земли. Кто был этот всадник?»

Выдумка эта всем поправилась.

— Раз ты придумал, ты и пойдешь! — сказали этому человеку и послали его к Ахан-ипа.

Пришел туда посланный и сказал так, как придумал. Коселька, конечно, не нашли.

— Ничего, ничего, это не беда! — сказал посланный. — Мы вчера заметили, что заезжавший сюда верховой нагнулся и что-то поднял. Может быть, это он и взял!

— Ох, — закричал Ахан-ипа, — это был Ажгерей-ипа Кучук! Не говорите об этом, а то он и вас и меня уничтожит!

Посланец пошел к Шабату и всю дорогу повторял: «Ажгерей-ипа Кучук».

Он боялся забыть это имя.

Наконец пришел туда, где его ожидал Шабат с товарищами, и говорит:

— Это был Ажгерей-ипа Кучук!

— Спасибо, что ты узнал, — сказал Шабат. — Кучук — непобедимый герой, он не только с нами, а и со многими другими так поступал. Я боялся, что это кто-нибудь другой!

Шабату и его товарищам ничего не оставалось делать, как пешком вернуться в Апсны. Пришли они опозоренные, в грязи, а здесь уже все знали о том, что с ними случилось.

С тех пор Золотого Шабата стали звать «Грязь-Шабат».

92. Смелость зависит от случая *

(Б ы л ь)

Жил в Абхазии храбрый, бесстрашный, непобедимый и сильный мужчина по имени Напха-Киагуа. Киагуа был таким героем, что мог один выступить против небольшого села, согнать всех жителей, напугать их до смерти, ограбить и, захватив все имущество, уйти невредимым.

Как-то раз Киагуа возвращался с дальней дороги. Чтобы немного отдохнуть, он слез с коня, привязал его к ветке дуба, прислонил к нему ружье и сел под дубом. Сидел он так, пока не заснул. В это время по дороге ехали трое дворян. Они наткнулись на спящего Киагуа, быстро связали его и погнали перед собой вместе с его конем.

В пути дворяне спросили Напха-Киагуа:

— Не знаешь ли ты того Напха-Киагуа, о храбрости которого так много говорят?

— Да, я его знаю! — отвечал Киагуа.

— Что же ты о нем скажешь? — опять спросили дворянѣ.

— Он смелый человек, но его смелость зависит от случая, — ответил Киагуа.

В дороге путников застала ночь. Трое дворян остановились в каком-то месте, расседлали коней, развели огонь, сели вокруг костра, достали дорожные припасы и поели, но Киагуа не угостили.

После этого дворяне заснули. Тогда Киагуа с трудом развязал руки и ноги и встал.

Дворяне спокойно спали. Киагуа оседлал дворянских коней, к луке каждого седла подвесил оружие, каждому из дворян повесил на руку его плеть, около каждого поставил его оседланную лошадь, затем оседлал своего коня, взял свое оружие, вскочил верхом и крикнул:

— Просыпайтесь! Садитесь на своих коней!

Дворяне вскочили. Крик Киагуа заставил их сесть верхом. Когда же они очутились на конях, Киагуа снова крикнул:

— Возьмите в руки оружие!

Дворяне приготовили оружие.

Тогда Киагуа с громким криком кинулся на дворян, сбросил всех троих с коней, отобрал оружие, связал и погнал перед собой.

Прошел день, настала ночь. Киагуа завел пленников в какой-то дом, накормил их и сам поел. После этого он погнал дворян дальше и, когда приблизился к их дому, сказал:

— Если бы я был похож на вас, то поступил бы с вами иначе, но, так и быть, живите! Возвращайтесь домой! Вы меня связали спящим — знайте же раз и навсегда, что такой поступок — позор для мужчины. Ведь недаром говорится, что спящий похож на мертвого! И знайте, что я и есть Напха-Киагуа, о котором вы спрашивали!

Дворянам стало стыдно, и они все трое с опущенными головами вернулись домой.

93. Пророк Ных

В старину жил один пророк. Звали его Ных*. Жил он не очень бедно, имел сына и дочь.

Но вот однажды бог призвал пророка к себе, и Ных отправился к богу. Приходит, а бог ему и говорит:

— На земле будет потоп. Вся землю покроет вода. Ты должен выстроить корабль и поселить на нем животных, птиц и людей, чтобы сохранить жизнь на земле. Всех зверей ты не сможешь поместить на своем корабле, а потому возьми одного самца да одну самку, скажем жеребца и кобылицу, кота и кошку, быка и корову, и так от всех тварей.

И бог сообщил пророку, когда настанет потоп.

— Хорошо! — ответил Ных и вернулся домой. Там он сел и задумался, что ему делать. Потом пророк пошел искать плотников, чтобы они построили корабль, на котором он спасет людей, животных и птиц, когда настанет всемирный потоп.

Вот пришел пророк Ных к одному плотнику и все ему рассказал:

— Пока всю землю не покрыла вода, построй мне из дерева такой корабль, чтобы он держался на воде как утка.

Плотник подумал, подумал и говорит:

— Сделаю я для тебя такой корабль, но боюсь, мы в цене не сойдемся.

— А что ты с меня возьмешь? — спросил пророк.

— Если отдашь за меня свою дочь, сделаю для тебя корабль, — ответил мастер.

Пророк согласился на это и, ничего больше не сказав, ушел.

Шел, шел и пришел к другому плотнику. Пришел, сговорился с ним и тоже пообещал вместо платы выдать за него свою дочь.

Пошел дальше. Приходит к третьему плотнику и говорит:

— Выстроишь мне корабль — дам все, что ты пожелаешь!

— Выстрою, если отдашь за меня свою дочь, — ответил плотник.

Пророк и на этот раз согласился.

Приходит к четвертому плотнику, сговорился с ним и тоже пообещал ему в жены свою дочь.

Но ведь плотников четверо, а дочь у пророка одна. Если за одного выдаст, другие рассердятся. «Что делать?» — думает пророк. И решил он опять пойти к богу, рассказать, что с ним случилось.

Пришел Ных к богу и говорит ему так:

— С плотниками я сторговался, да боюсь — в цене не сойдемся: каждый из них за то, что сделает корабль, хочет получить в жены мою дочь, но плотников четверо, а дочь у меня одна. Если одному ее отдам, другие обидятся. Вот я и пришел спросить тебя, боже: что мне теперь делать?

Бог ответил:

— Иди, и пусть плотники начинают работу. А когда они кончат строить корабль, найдется, что им дать.

Вернулся пророк от бога и заставил всех четырех плотников взяться за работу. Лес для корабля должен был доставить им он сам. Для этого Ных повидался с одним адауи и говорит ему так:

— Носи мне лес для корабля, а за это дам все, что тебе следует.

— Хорошо, — согласился адауи, — только пока я буду работать, корми меня досыта. Если той еды не хватит мне — я тебя самого съем!

Не понравилось это пророку, он снова пошел к богу и говорит ему:

— Для доставки леса я хотел сговориться с одним адауи, но он мне сказал: «Пока я буду работать, ты должен давать мне есть столько, сколько я захочу. А если вдоволь не накормишь — я и тебя съем!» Что мне с ним делать? Где взять столько пищи, чтобы прокормить адауи? — спросил пророк.

А бог ему отвечает:

— Иди, Ных, и пусть адауи берется за дело. А когда он проголодается, ты станешь кормить его так: посади за стол, дай ему полный горшок фасоли и побольше абысты, но, перед тем как братья за еду, пусть он скажет: «Дай, боже, мне свою милость!» — и тогда он наестся.

— Хорошо! — ответил пророк и вернулся домой.

Как только вернулся, отыскал адауи и заставил взяться за дело.

Адауи выдергивал деревья и приносил из лесу, но вскоре сказал:

— Меня одолел голод, накорми меня!

— Хорошо! — ответил пророк и поставил перед адауи горшок фасоли и абысту. — Прежде чем есть, скажи: «Дай, боже, мне свою милость!» — сказал пророк адауи.

Адауи подумал: «Что мне этот несчастный горшок?! Я его вмюг съем!». Но все же сказал: «Боже, дай мне свою милость!» — и начал есть. Ест, ест, а фасоль в горшке все не кончается, и абыста цела.

Поел немного адауи и говорит:

— Кох, объелся! — и встал из-за стола.

Подшел пророк, смотрит: сколько было фасоли и абысты, столько и осталось.

Адауи же снова отправился в лес, выворачивал деревья, но-

сил их и складывал и столько наносил, сколько надо было, чтобы выстроить корабль. После этого адауы ушел домой.

Рядом с пророком жила соседка. Она единственная из всех не забывала готовить плотникам пищу — кроме этой женщины, о них никто и не вспомнил.

Так шло время. Работа плотников приближалась к концу, и Ных снова пошел к богу:

— Плотники кончают, что я им теперь дам? Одному отдам свою дочь, а трем остальным — кого?

Тогда бог спросил пророка:

— Какие животные есть у тебя?

— У меня есть одна ослица, одна собака и одна кошка — больше ничего у меня нет! — ответил пророк.

— Тогда сделай так, — сказал ему бог. — Загони своих животных в сарай и запри там вместе с дочерью на одну ночь. А на другое утро откроешь дверь и увидишь четырех девушек, так похожих друг на друга, что ты сам не будешь знать, кто из них твоя дочь. Вот и выдай их замуж за плотников.

— Хорошо, прекрасно, сделаю! — ответил пророк и вернулся домой. Дома он загнал ослицу, кошку и собаку в конюшню, позвал туда свою дочь и крепко-накрепко запер дверь.

На другое утро приходит, открывает дверь, смотрит: перед ним четыре девушки, все на одно лицо, так что пророк даже не смог отличить, кто из них его родная дочь.

Прошло немного времени, и плотники кончили свою работу. Тогда пророк Ных каждому в отдельности тайком от других назначил срок, когда он может взять невесту. Каждому он сказал:

— Приходи в такой-то день, получишь мою дочь! — и всем четверым назначил разные сроки.

Вот настал срок первому плотнику приводить жену. Он пошел к Ныху, пророк отдал ему одну девушку, и плотник увел ее.

И так все четыре плотника приходили в назначенное время и вводили невест, не видя друг друга.

Вот стало приближаться время, когда должен был по воле бога наступить потоп. Пророк решил: «Я должен найти свою дочь с мужем!» — и стал их разыскивать, но что теперь делать, как узнать, кто его настоящая дочь?

Вот пророк собрался и пошел к тем плотникам, которым отдал девушек.

Приходит к первому. Увидел зять, что пришел Ных, воскликнул: «Мой тесть пришел!» — и устроил ему пир.

После этого пророк спросил свекра и свекровь:

— Дад, пришлась ли вам по сердцу моя дочь? Хорошо ли работает? Угождает ли вам?

— Да, твоя дочь очень хороша, — ответили ему, — только по ночам, перед тем как лечь спать, все обойдет: и дом и чердак — ничего не оставит, и потом только ляжет.

«Хай, что это случилось с девушкой?» — удивился пророк, но потом догадался и решил: «Да, видно, это моя старая кошка!»

Пророк собрался домой, ему подарили скот, и он ушел.

После этого Ных пошел ко второму плотнику. Увидя его, зять вскричал: «Хай, смотрите, мой тесть идет!» — и устроил пир.

А пророк стал потихоньку выспрашивать у свекра со свекровью:

— Ну как, пришлась ли вам по сердцу невестка?

— Да, она была очень хорошей девушкой, но что с ней сделалось? Иногда скажешь что-нибудь, а она ничегошеньки не поймет! — ответили ему.

— Что с ней такое? — удивился пророк. Но про себя подумал: «Видно, это моя старая ослица!»

После этого пророк пошел к третьему плотнику.

И там зять устроил пир, говоря: «Хай, мой тесть пришел!»

Потом, беседуя со свекром и свекровью, Ных спросил:

— По сердцу ли вам моя дочь? Умеет угождать?

— Хай, все хорошо, только иногда поворчит немного! — ответили пророку.

— Что с ней случилось? — удивился пророк. — Наставляйте ее — она девочка глупая! — а сам подумал: «Наверное, это моя старая собака!»

Наконец, пророк пришел к последнему плотнику. И там встретили его с почетом по-абхазски, устроили ему пир. Опять пророк стал спрашивать свекра со свекровью:

— По сердцу ли вам моя дочь?

— О да, пусть мы умрем вместо нее, разве она сделает что-нибудь, что нам не по нраву? Во всем угождает. Разве есть кто-нибудь лучше нее? — ответили пророку.

— Да, моя дочь — хорошая, пусть я умру вместо нее. Пусть такой и останется, — сказал пророк и подумал: «Видно, это моя настоящая дочь!»

Пророк собрался домой, и ему подарили много скота. Уходя, он назначил день, когда зять с дочерью должны были прийти к

нему, — тот самый день, когда будет потоп. (Пророк хотел спасти их от гибели.)

После этого он вернулся домой и стал отбирать от всех животных и птиц по самцу и самке. Затем он поместил их на корабле, разделил перегородками. Когда все было готово, пришли зять с дочерью. Пророк их тоже поместил на корабль в отдельное место и стал ждать, когда вода поднимется.

И вот в тот самый день, о котором сказал бог, начался потоп: вода поднялась и понесла корабль пророка. А все остальное скрылось под водой.

Но разве могло все время так продолжаться? Мышь, что была на корабле, прогрызла борт, и корабль дал течь. Ных заметил это, но не смог ничего сделать. Тогда змей, который был на корабле, сказал ему:

— Я остановлю воду, если ты мне позволишь есть все, что я захочу!

«Что делать? — думает Ных. — Если скажу „нет“ — корабль наполнится водой и затонет». Поэтому он сказал:

— Хорошо!

Тогда змей подполз, заткнул дыру своим хвостом, свернувшись, лег там и так задержал воду.

Снова корабль плывет и плывет. Смотрит пророк — кругом вода и вода, и больше ничего нет. Только в одном месте над водой возвышается круглая гора. Тогда пророк Ных направил свой корабль к той горе. Плыл, плыл корабль, пока не ударился о ту гору. Корабль остановился, а тем временем вода стала убывать, испаряться и сошла со всей земли, которую затопила. Корабль Ныха остался на суше.

Когда Ных присмотрелся к месту, то узнал его. Оказывается, это была вершина Ерцаху, через которую шла дорога на пастбище Уаршва.

Пророк Ных послал орла, чтобы он разузнал, где земля прочная, а где нетвердая, но орел закричал, улетел и больше не вернулся.

Когда орел не вернулся, пророк Ных проклял его:

— Ежегодно в июле месяце (тогда был июль) чтобы ты не мог пить и бросал пищу!

После этого Ных послал ворона:

— Разузнай, где твердая земля!

Ворон полетел, но как увидел падаль — утонувших людей и животных, так и набросился на них с карканьем и больше не вернулся.

Тогда пророк Ных проклял его:

— Пусть твоей пищей будет только падаль!

Наконец Ных послал голубя. Голубь полетел и стал пробовать землю — где земля мягкая, где твердая. Каждый раз он садился на землю, ноги вязли в грязи, и он с трудом их вытаскивал. И так не раз, не два — несколько раз он делал, пока с его ног не сошла кожа. Нашел голубь твердую землю, прилетел обратно на корабль и говорит Ныху:

— Почти везде земля затвердела, но мне приходилось садиться и в болотистых местах, мои ноги вязли, я с трудом их вытаскивал и, видишь, содрал кожу!

Голубь показал пророку свои окровавленные ноги, пророк залечил их и благословил голубя такими словами:

— Пусть ты будешь прекраснее всех птиц, пусть тебя все будут любить!

Сказал так пророк Ных и отпустил голубя.

А тем временем змей выбрал жука в посредники и послал его к Ныху, сказав:

— Мы уговорились, что пророк позволит мне есть ту пищу, которую я захочу. Скажи ему, что я хочу питаться человеческим мясом!

Все это слышала ласточка.

Вот змей и жук пришли к пророку. Ласточка тоже подсела к ним и стала слушать. Жук сказал:

— Змей заставил меня переговорить с тобой. Змей хочет есть... — Но только жук хотел сказать «человечье мясо», как ласточка клюнула жука в рот и вырвала ему язык. Жук, не окончив слова, зажужжал «ж-ж-ж» — и с тех пор стал так жужжать.

Рассердился змей на ласточку, мотнул своим хвостом, чтоб ударить и убить ее, но попал на середину хвоста ласточки и вырвал перышко, а потом крикнул:

— Сколько б вас ни было, я не дам вам плодиться!

Тут пророк Ных разгневался на змея и говорит ему:

— Кроме лягушки, не есть тебе другого мяса!

Он отпустил змея, а ласточку благословил:

— Пусть тебя все любят и уважают, пусть никто не посмеет мешать тебе выводить и растить своих детей возле жилищ, — и тоже отпустил ее.

После этого Ных вошел туда, где были его зять с дочерью. Вошел и увидел, что они осквернили друг друга. Тогда пророк, оставив свой корабль на вершине Ерпаху возле дороги на паст-

бище Уаршва, опустился с горы вместе с зятем и дочерью и сказал:

— Пусть все, кто поднимется туда, где остались обломки корабля, на вершину Ерцаху, на пастбищную дорогу Уаршва, изменятся: если это старик — пусть помолодеет, если молодой — пусть постареет!

После этого пророк с зятем и дочерью пришел в одну страну, где было много солнца. Пророк оставил их там и сказал:

— Оставайтесь здесь. Живите-поживайте. И пусть люди, рожденные от вас, будут красивы.

Сказал так пророк Ных, повернулся и ушел.

Шел, шел и пришел в один двор. Оказывается, там жила его соседка, которая готовила плотникам пищу, когда они строили корабль.

Ных воскликнул:

— Как ты уцелела?! Разве ты не видела, какой был потоп?

Женщина ответила:

— То-то мои коровы сорок дней подряд возвращались домой с песком на спинах. Так вот что случилось!

— А-а, видно, бог помиловал тебя за то, что ты приносила плотникам пищу! — сказал пророк и пошел к себе домой.

Никто по соседству с ним больше не жил — все погибли, но жена и сын пророка были дома — с ними ничего не случилось.

94. Рамхут

В глубокую старину жили пастухи. У них было много скота. В те времена часто случались набеги. И на этих пастухов почти каждую неделю нападали карачаевцы и угоняли половину их скота.

Среди пастухов был один человек огромного роста — Рамхут. Этот Рамхут спал днем и ночью и, что бы ни случилось, не делал ни шагу. Когда нападал враг, он тоже спал: ему от этого не было ни жарко ни холодно.

Вид Рамхута был страшен.

Однажды на стоянке никого, кроме Рамхута, не было. Он, как всегда, лежал. Вдруг раздался выстрел. Рамхут приподнял голову и видит: мимо стоянки бежит косуля. Тут он не вытерпел — вскочил с места, догнал косулю и поймал. Принес ее на стоянку и опять лег, зажав косулю между ног, — лень было резать. Косуля от страха моргала глазами.

Пришел старшина стоянки, увидел живую косулю и спрашивает:

— Где ты ее нашел?

— Где нашел? Здесь, — ответил Рамхут, — она бегом спускалась с горы. Я увидел, не стерпел, изловчился и поймал.

Старшина стоянки взял косулю, зарезал ее и накормил всех пастухов. Рамхут тоже наелся.

И вот однажды старшина стоянки пошел к князю и говорит ему:

— У нас на пастушеской стоянке живет страшный, огромного роста человек. Что бы ни случилось, он спит и даже головы не приподнимет. А вот недавно он увидел кем-то напуганную косулю, она бежала мимо. Этот человек догнал ее и поймал. Может, он еще на что-нибудь способен! Но кто испытает его, если ты, князь, не сделаешь этого? Я знаю, из него выйдет толк!

Тогда князь ответил:

— Знаешь, что ты должен сделать? Послезавтра у меня будет сход — игры, борьба. Если ты приведешь этого человека на сход, я его испытаю.

— Очень хорошо! — сказал старшина и пошел на свою стоянку.

Пришел туда и начал будить Рамхута (а тому надо было еще три дня спать).

— Идем на сход! У князя сход будет, поглядишь на него, ноги разомнешь, — сказал он Рамхуту.

Но Рамхут отказался, не пожелал идти. Когда же все пристали к нему, Рамхут наконец встал на ноги. Целых два дня Рамхут одевался и еле-еле успел. На второй день его повели туда, где князь устраивал игры. Там было много удивительных борцов. Князь уговорил их, чтобы они напали на Рамхута и как-нибудь рассердили его.

Рамхут стоял в стороне и смотрел на игры. В это время один из борцов подошел к Рамхуту сзади и изо всех сил ударил его по затылку, но Рамхут даже не пошатнулся. Силач ударил его во второй раз, в третий, и только когда ударил в четвертый раз, Рамхут рассердился. Он обернулся назад, схватил борца за одну ногу и бросил в толпу.

Поразились люди, подняли Рамхута и стали качать с криком: «Ура, Рамхут! Ура, Рамхут!»

Тут на Рамхута задор нашел, весь сон слетел. Он крепко стоял на ногах, когда к нему подошел тот борец, которого он швырнул в толпу. Борец посчитал себя опозоренным и вызвал

Рамхута на бой. Стали бороться. Рамхут схватил несчастного борца за руку и так швырнул его, что тот перелетел через толпу и упал.

Люди опять с криком «Ура!» принялись качать Рамхута, и он совсем раззадорился.

Неподалеку от того места, где происходила борьба, люди упряжались в силе — борцы поднимали десятипудовые гири. Рамхут подошел к такой гире, приподнял ее и бросил, как бросают маленький камешек.

Увидели это другие борцы, испугались и отступили подалее.

И вот, когда Рамхут совсем разошелся, князь подозвал его к себе и спрашивает:

— Знаешь ли ты, что такое страх?

— Нет, — отвечает Рамхут. — А что такое страх?

— Если ты не знаешь страха, то не сможешь ли осилить карачаевцев? Они каждый год приезжают из-за перевала и грабят нас.

— Почему не смогу осилить? — ответил Рамхут. — Только дай мне несколько человек в провожатые и пошли туда — увидишь, что я сделаю! Я дорогу плохо знаю, а то не взял бы и спутников.

Сказано — сделано. Рамхут вместе с провожатыми отправился за перевал, разгромил врагов и вернулся назад — это тот самый Рамхут, который никогда ничего не делал!

С тех пор Рамхут часто наезжал к карачаевцам и многих убивал. Карачаевцы ничего не могли с ним поделать, хотя поклялись перед иконой, что убьют Рамхута, как только найдут удобный случай.

Узнал об этом Рамхут и стал еще беспощаднее разорять и грабить карачаевцев.

Как-то раз Рамхут проведал, что в Раче * идет состязание из-за дочери одного богача. Поехал Рамхут туда, где спорили из-за девушки, в одно мгновение похитил ее и привез к себе домой.

— Нет, он нам не даст покоя, надо с ним породниться! — решили карачаевцы и передали Рамхуту, что он, мол, очень хороший человек и они хотят установить с ним родственные связи. На самом же деле они ненавидели Рамхута и поступали так, чтобы избавиться от его нападений.

Когда Рамхуту принесли эту весть, он собрал своих друзей и поехал в Карачай. Там устроили ему пир, дали в подарок много

скота, и кто-то в насмешку вместе с другими дарами положил в его переметную суму старый пистолет.

Товарищи Рамхута заметили это и сказали ему, но Рамхут им ничего не ответил, только, выезжая из ворот, пригрозил хозяевам:

— Сегодня здесь со мной плохо обошлись. Пусть это вам принесет несчастье, и пир, устроенный вами, пусть будет похоронами! Посмотрим, что теперь с вами станет!

Прошло немного времени, Рамхут напал на тех людей, которые положили в его переметную суму старый пистолет, всех убивал и вернулся обратно.

Однажды Рамхут снова собрался в набег. Кто теперь сможет его победить? Это не прежние времена, когда он, усевшись, не мог встать с места, а теперь — не то: ни один человек не мог с ним сравниться!

Но на этот раз карачаевцы узнали, что Рамхут собирается их грабить. Они дали знать всему народу, и, когда Рамхут въехал в ущелье, двести человек окружили его и принялись стрелять.

Три дня и три ночи Рамхут сражался с ними. Он убил уже восемьдесят человек, когда его ранили в локоть. Раненый Рамхут продолжал стрелять и убил сто человек. Но в это время его ранили насмерть, и он умер.

Вот как поступил когда-то неповоротливый сидень Рамхут!

95. Курган

Жил один хороший охотник. Не бывало дня, чтобы он ушел на охоту и вернулся с пустыми руками. У охотника были две собаки да лошадь с седлом.

Однажды он охотился и ранил дикого кабана. Раненый кабан повернулся и убил охотника, его лошадь и двух собак. Охотника зарыли в землю, а сверху насыпали курган.

Как-то раз мимо кургана проходил один человек. Он недавно засватал девушку и теперь шел к своей невесте. Когда он подошел к кургану, оттуда раздался голос:

— Если бы у меня был такой товарищ, как ты, я бы не погиб! — (Это сказала душа умершего охотника.)

Удивился прохожий и стал оглядываться вокруг, но никого не увидел. Отправился дальше по дороге, но не успел далеко отойти, как его догнал какой-то человек. Он сказал:

— Если можно, возьми меня в товарищи!

— Хорошо,— согласился прохожий, и они пошли вместе.

Шли, шли и вот пришли в один дом. Хозяина в это время дома не было. Гости сидели в ахачаше, но хозяйка не имела права туда войти. Ее спросили:

— Где мужчины?

Она ответила:

— Мужчины ушли в то место, где случилось нападение, а я, женщина, не имею права подойти к ахачашу, где вы сидите. Я приготовила бы вам обед, да нет мужчины, который бы принес его вам.

Услышав это, гости встали и пошли туда, где случилось нападение. Разбойники захватили большую добычу и девушку, которая была невестой прохожего.

Прохожий и его товарищ пустились вслед за разбойниками, отняли у них добычу, а самих разбойников поубивали.

Вот какой геройский поступок совершили жених и его спутник.

После этого они отправились в обратный путь. Шли вместе, но, как только поравнялись с курганом, спутник жениха исчез, и жених не мог понять, куда он девался.

Оставшись один, жених со злости взмахнул плетью и ударил по кургану. Но когда он так сделал, курган расступился и жених очутился возле своего товарища, с которым он вместе шел.

— Чтоб твоя мать увидела горе! — воскликнул тогда жених.— Я так был рад тебе, почему же ты от меня ушел? Что я для тебя могу сделать хорошего?

Спутник ответил:

— Если хочешь сделать доброе дело, я тебе скажу, что мне надо.

— Что же? — спросил жених.

— Пойди к семи братьям, возьми их сестру и брось ее в огонь. Когда ты станешь ее сжигать, она будет кричать и мучиться, но ты в это время не должен проронить ни одной слезы. Это самое лучшее, что ты можешь для меня сделать.

— Хорошо,— согласился жених и пошел туда, куда его послали. Пришел, развел большой костер, поймал ту девушку, о которой они говорили, и бросил ее в огонь. Девушка сгорела, но и жених не смог удержаться от слез.

После того как девушка сгорела, он опять пошел к кургану, ударил его плетью, и, как только ударил, курган раскрылся и жених очутился возле своего товарища. Смотрит, а та девушка,

которую он только что сжег, превратилась в жену товарища. Тогда товарищ сказал ему так:

— Ты — настоящий герой, но, если правду сказать, ты, герой, сжигая девушку, сам заплакал. От этих слез, пролитых тобой, у нее получилось бельмо на глазу, — и товарищ указал на бельмо своей жены.

— Ну, теперь иди своей дорогой! — сказал он жениху, поблагодарил его и отпустил домой.

96. Как пастух женился на Химкурасе — дочери князя

Жил один важный князь. У этого князя была дочь, звали ее Химкураса. Князь держал свою дочь взаперти, никуда не выпускал из комнаты.

Когда же дочь выросла, князь решил выдать ее замуж за какого-нибудь князя или дворянина. Князь затруднялся в выборе, поэтому он сделал так: на вершину дерева, что росло посреди его двора, он повесил за нитку колокольчик, собрал всех князей и дворян и сказал:

— Кто прострелит нитку, на которой висит этот колокольчик, за того я выдам свою дочь!

Собралось много народу. Князья и дворяне расположились в княжеском дворе и начали стрелять в нитку. Стреляли трое суток, но ничья пуля не могла попасть, даже близко к нитке не подлетала. Но все-таки князья и дворяне стрелять не переставали, а, напротив, подстрекали друг друга.

Неподалеку от княжеского двора какой-то пастух пас мелкий скот. У этого пастуха был прекрасный сын по имени Гуйлхха.

Гуйлхха слышал с пастбища, как стреляли во дворе князя, и попросил своего отца отпустить его пасти стадо вблизи того места, откуда слышались выстрелы.

Отец разрешил. Гуйлхха погнал стадо. Он подошел к княжескому дому, бросил свое стадо и решил пойти туда, откуда слышались выстрелы, но в это время ему повстречалась девушка, которая работала в княжеском доме.

— Куда идешь? — спросила она Гуйлхха.

Тогда Гуйлхха рассказал ей, что он собрался туда, где можно меткой стрельбой выиграть княжескую дочь, рассказал, что он тоже намерен стрелять в цель.

— Чтоб твоя мать увидела горе! — воскликнула девушка. — Кто же пустит стрелять тебя, пастуха?! Сколько там народу ждет! Да ведь князья и дворяне растопчут тебя лошадиными копытами!

Гуейлхха не обратил внимания на слова девушки, пробрался через толпу и стал в очередь, чтобы выстрелить в мишень.

— Чтоб твоя мать увидела горе! — воскликнули люди, заметив пастуха. — Что ты задумал, пастушонок! Если даже тебе удастся выиграть в стрельбе, думаешь, князь выдаст за тебя, несчастного, свою дочь?! Зачем же ты себя напрасно мучаешь?

— Колотите себя по голове княжеской дочкой! — ответил Гуейлхха. — Она мне совсем не нужна, мне нужна слава! — Сказал так, выстрелил в цель, прострелил нитку и сбил колокольчик.

— О-хо-хо! Сыновья князей и дворян! Оказывается, вы хорошие стрелки! — сказал им Гуейлхха, там же бросил ружье и пошел к своему стаду.

Услышал это князь, огнем загорелся.

— Пропал я совсем! — воскликнул он. — Как берег свою дочь, а она досталась какому-то несчастному пастушонку!

Но делать было нечего, и князь послал за пастухом своих людей. Гуейлхха не пришел. Князь второй раз послал к пастуху людей, чтобы они пригласили его, и тогда пастух пришел. Князь сказал ему:

— Гуейлхха! Сможешь ли ты достать мне молоко косули?

— Смогу! — ответил Гуейлхха.

Он пошел и принес стакан ослиного молока.

— Что за мутное молоко ты мне принес? — спросил князь.

Гуейлхха ответил:

— Это молоко косули. Я пошел на гору, поймал козулю и выдоил. А молоко мутное оттого, что, когда я доил ее, она очень сопротивлялась и говорила: «Меня никто не осмеливался доить, а теперь я должна стать кормилицей. Кто же мой воспитанник?!» Говоря так, козуля сопротивлялась и страшно мучилась, поэтому молоко такое мутное.

Глупый князь поверил этому, согласился с Гуейлхха и приказал своим слугам спрятать «молоко косули».

Вскоре князь снова позвал Гуейлхха и спросил:

— Есть ли в мире что-нибудь, чего бы ты побоялся? Сможешь ли ты пробраться через толпу караульщиков в двадцать человек?

— Нет ничего в мире, чего бы я побоялся! — ответил Гу-

ейлхха. — Я не боюсь ни людей, ни смерти — боюсь только злого языка.

— Если так, тогда иди по такой-то дороге и кружным путем возвращайся сюда! — сказал князь. (На эту дорогу он заранее послал двадцать вооруженных людей, чтобы они подкараулили Гуйлхха.)

— Хорошо, пойду! Только мне нужно двадцать шнуров, сплетенных из шелка, длиною в локоть, — ответил Гуйлхха.

Князь дал ему двадцать шнуров, Гуйлхха пошел, связал всех караульных и пригнал их к князю.

Князь очень обрадовался, что Гуйлхха оказался таким героем — ведь он даже не был вооружен, и приказал своим управляющим, чтобы они одели Гуйлхха в хорошую одежду и отвели в комнату княжны.

— Нет, я не возьму в жены твою дочь, я не достоин быть ее мужем! Ведь я пастух, и ты презираешь меня! — стал отказываться Гуйлхха, но, видя, что князь настаивает на своем, он женился на его дочери.

Князь устроил свадьбу, собрал народ, показал своего зятя, рассказал о его геройстве и спросил:

— Как вы находите, достоин он быть моим зятем?

Народ на это ответил:

— Конечно, этот несчастный пастух Гуйлхха не достоин быть твоим зятем! Твоим зятем должен быть или князь, или дворянин!

После такого ответа князь созвал десять юношей из дворян и князей и приказал им бороться с Гуйлхха. Тот всех победил. Труп одного из боровшихся остался во дворе князя, а кости остальных девяти человек где-то по кустам собрали их родственники.

Только после этого князь и дворяне убедились, что Гуйлхха достоин быть княжеским зятем, и он действительно сделался зятем князя.

97. Сказка о трех братьях и агулшапе

Жили три брата. У них была единственная сестра. Держали ее в запертой комнате, подальше от чужих глаз.

Каждый день братья ходили на охоту и возвращались увешанные дичью. Сестру они кормили только костным мозгом.

Однажды братья пошли на охоту, а мать понесла дочери мозг. Но не успела она открыть дверь комнаты, где была заперта дочь, как туда ворвался агулшап и унес с собой сестру трех братьев.

Мать плакала, рыдала, но делать нечего — она была бессильна! Так она просидела, печально склонив голову, пока не вернулись братья.

Тогда мать созвала своих сыновей и сказала им:

— Нан, сыновья мои! У вас много храбрости и силы, вы уверены, что вас никто не одолеет, но чего с человеком не бывает? Скажем, у нас случилось несчастье, что бы вы сделали?

Старший брат встал и ответил:

— Если захочешь — все сделаю! Даже иголку могу найти, где бы она ни лежала, если только касается земли: пусть на дне морском или в крепости, если эта крепость стоит на земле. Пусть она зажата в руке, заперта в крепости или в сундуке — я найду, непременно разыщу и незаметно унесу. Если я захочу, то могу тайком вынуть плод из утробы коровы и унести его!

Тогда встал средний брат и сказал:

— Если захочешь, я выстрелом могу убить все, что есть над землей, пусть около неба или на самом далеком небе, и сбросить на землю.

Наконец встал младший брат.

— Я одно в силах сделать, — сказал он, — то, что будет падать с неба, легкое ли оно или тяжелое, я обязательно поймаю и удержу.

— Если так, — сказала мать своим сыновьям, — я расскажу вам о несчастье, которое нас постигло. Сегодня я несла дочери мозг, и, как только открыла дверь, ворвался агулшап, схватил вашу сестру и скрылся.

Тогда три брата воскликнули:

— Не вернуться нам сюда живыми без сестры! — и отправились в путь.

Старший брат сразу же узнал, где находилась их сестра.

Она была далеко-далеко, на поляне, посреди большого леса, а возле нее, свернувшись, лежал агулшап.

Братья тайком взяли сестру. Но разве от агулшапа можно было уйти? Он заметил, полетел за ними, быстро догнал, отнял сестру, умчался как пуля в небо и сразу очутился около солнца.

Тогда средний брат выстрелил, убил агулшапа, и сестра стала падать вниз. Младший сейчас же подбежал, подхватил се-

стру, удержал и поставил на землю. Обрадованные, братья вместе с сестрой отправились в свой дом.

Тем временем мать сшила бешмет и повесила на балконе, чтобы наградить того из сыновей, кто отличился особой храбростью, спасая сестру от агулшапа.

Братья пришли домой и узнали о бешмете.

Старший сказал:

— Бешмет возьму я. Если бы не я, никто из вас не смог бы найти сестру, а если бы даже и нашли, то не смогли бы отнять у агулшапа. На земле вы с ним ничего не смогли бы поделывать, и сестра пропала бы для нас.

Средний брат сказал:

— Правда, на земле я ничего не могу поделывать с агулшапом, но, когда он поднял нашу сестру в небеса, вы не смогли ее отнять и она бы для нас пропала, если бы я не убил агулшапа. Бешмет принадлежит мне!

Но младший возразил:

— Нет! Бешмет следует отдать мне! Когда наша сестра падала с неба, я удержал ее. Без меня она разбилась бы вдребезги.

Выслушала мать своих сыновей и сказала:

— Правда, если бы не старший, не нашли бы мою дочь, а если бы и нашли, не отняли бы у агулшапа. Но когда агулшап поднял мою дочь в небо, она бы пропала, не будь среднего, потому что остальные были бессильны. А когда она падала с неба, имей моя дочь хоть сто жизней, она разбилась бы вдребезги, но ее спас младший.

Так мать и не смогла решить, кому из сыновей следует отдать бешмет, и стояла, в раздумье глядя на них.

В конце концов она созвала мудрых советчиков, усадила их и сказала:

— Решите, кто из моих сыновей заслужил бешмет, тому и отдайте!

Судьи сидят, решают, до сих пор ничего не решили.

Слушатель! Как видишь, это трудное дело, и поэтому рассказчик просит тебя: присоедини свой ум к уму судей, ускори дело, помоги узнать, кому из братьев следует присудить бешмет, кто из них вправе его получить.

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВОДИМЫХ СЛОВ

- Абаакуа** — ругательство («Ах вы гнилые!»). Но это же слово употребляется и при обращении, когда просят оказать какую-либо помощь.
- Абраа** — крестьянская семья, которая воспитала княжеского сына, и все родственники этой семьи. Употребляется это слово и в другом смысле: родители девушки после ее выхода замуж являются для нее уже «абраа».
- Абыста** — крутая каша из кукурузной муки (мамалыга), национальное блюдо.
- Авымаа** — абхазский многострунный инструмент типа арфы.
- Агулшап** — сказочный дракон, пожирающий людей.
- Адауы** — сказочное существо, великан-людоед.
- Ажвейпшаа** — божество, покровитель охоты.
- Айладж** — свежий сыр, сваренный вместе с абыстой.
- Айшва** — низкий абхазский обеденный стол.
- Акалам** — бамбуковое приспособление к детской люльке, предназначенное для отвода мочи.
- Акуацв** — древняя абхазская круглая хижина с конусообразной крышей, сплетенная из хвороста.
- Акуртлаг** — сказочное существо, подобие русского Кощея.
- Амхара** — маленькая конусообразная круглая постройка, предназначенная специально для новобрачных. Без крайней нужды старшие в это помещение вообще не заходили.
- Апхярца** — абхазский двухструнный инструмент (скрипка).
- Апхныг** — небольшой продолговатый камень, при помощи которого можно толочь что-либо на специальном плоском камне.
- Араш** — легендарный конь.
- Архалук** — национальная мужская одежда кавказских горцев, род кафтана.
- Афы** — бог молнии.
- Ахачаш** — помещение для гостей.
- Ахтырпар** и **ахтырхса** — юноши и девушки из лучших крестьянских семей, живущие в княжеском доме и составляющие свиту князя и княгини.
- Ацинаха** — женщина в княжеском доме, на обязанности которой лежит хранение продуктов и раздача пищи за столом.
- Ацырка** — маленький карман под газырями черкески.
- Ачамгур** — четырехструнный абхазский музыкальный инструмент.
- Дад** — ласковое обращение, буквально «отец».
- Лаку, лаку** — обычная присказка (от «алаку» — сказка).
- Нан** — букв. «мать», ласковое обращение женщины к кому-нибудь.
- Пацха** — плетеный четырехугольный дом, крытый камышом или папоротником.
- Сан** — букв. «моя мать», ласковое обращение (к матери).
- Тоха** — дапка.
- Тыпха-лпа** — сын служанки от неизвестного отца, по старым понятиям последний человек.
- Толумбаш** — распорядитель за столом.
- Хайт (хай)** — восклицание, призыв.

ПРИМЕЧАНИЯ

- стр. 15* К у а м а ч а м а — звукоподражание чавканью.
- стр. 20* Абхазы клялись именем того, кого очень уважали и любили.
- стр. 74* Т. е. готовы были поделиться последним куском.
- стр. 94* Буквальное выражение. Ср. русское: «На сердце птицы цели».
- стр. 111* В абхазии существует обычай класть на постель одежду умершего и так оплакивать его смерть.
Абхазы верили, что если несколько раз обойти вокруг человека или покрутить рукой над его головой, то все его грехи и несчастья можно взять на себя.
- стр. 117* См. прим. к стр. 111.
- стр. 123* По кавказскому обычаю любой человек, коснувшись груди женщины, как бы становился ее молочным сыном. В доме этой женщины приемный сын чувствовал себя в безопасности.
- стр. 128* В Абхазии, как и на всем Кавказе, был распространен обычай кровной мести.
- стр. 133* Имя одного из абхазских князей Маршанов.
- стр. 144* См. прим. к стр. 111..
- стр. 152* См. прим. к стр. 123.
- стр. 180* Местность в Грузии.
- стр. 193* См. прим. к стр. 123.
- стр. 204* Восклидание. Соответствует русскому «Эх!».
- стр. 209* Деревянный крюк употреблялся вместо сохи.
- стр. 211* «Абхазское слово», т. е. ласковое слово.
- стр. 235* К у д а п ш - п х а — букв. «дочь рыжей фасоли» (абх. *ку-дапи* — рыжая фасоль).
- стр. 240* Пеплом посыпали голову в знак траура.
- стр. 245* По древнему кавказскому обычаю кровник, отомстивший врагу, пьет его кровь.
- стр. 263* К а б а — мусульманское святилище в Мекке.
Х а д ж и — человек, совершивший паломничество в Мекку.
- стр. 277* О д и ш и — город в Западной Грузии.
- стр. 285* В старых абхазских домах нет потолка.
- стр. 299* К р о в н и к и — т. е. люди, которые должны отомстить убийце за кровь их родича.
- стр. 303* С а м ы р т а л — букв. «справедливость».
- стр. 321* Х у а т а А ш у б а — абхазские имя и фамилия.
- стр. 368* К а р ш в — «выброшенный», «брошенный».
- стр. 386* Непереводимое выражение. Приблизительно означает «категорически отказался», «отказался наотрез».
- стр. 397* Таким восклиданием абхазские аробчики погоняют буйволов.
Ш а б а т Маршан Золотой — один из абхазских князей.
- стр. 400* П р о р о к Н ы х — библ. Ной.
- стр. 409* Р а ч а — один из районов Грузии.

ИСТОЧНИКИ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Абх. 1935 — Абхазские сказки, сост. А. Хашба, В. Кукба, Сухум, 1935.
Абх. 1936 — Абхазские сказки, сост. А. Хашба, В. Кукба, Сухум, 1936 (на абх. яз.).
Абх. 1939 — Абхазские народные сказки. Перевод с абхазского и обработка Н. Сапежко, Сухуми, 1939.
Абх. 1940 — Абхазские сказки, т. I. Сост. К. С. Шакрыл, Х. С. Бгажба, Сухуми, 1940 (на абх. яз.).
Абх. 1968 — Абхазские сказки, т. II. Сост. К. С. Шакрыл, Сухуми, 1968 (на абх. яз.).
РФАИЯЛИ — Рукописный фонд Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Груз. ССР.
- № 1. Зап. в 1911 г. в сел. Киндг Очамчирского р-на Д. Гулиа.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 460.
№ 2. Зап. в 1935 г. В. Чкадуа.
Опубл.: Абх. 1939, стр. 3.
№ 3. Зап. в 1911 г. в сел. Киндг Очамчирского р-на С. Чанба со слов В. Чкадуа.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 276.
№ 4. Зап. в 1935 г. в сел. Дурипш Гудаутского р-на В. Тарба со слов И. Хишба.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 448; Абх. 1935, стр. 204; Абх. 1936, стр. 135.
№ 5. Зап. в сел. Киндг Очамчирского р-на Лакутава со слов Н. Бигвава.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 456.
№ 6. Зап. в 1916 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на Д. Кобахия.
Опубл.: Абх. 1935, стр. 111; Абх. 1936, стр. 74.
№ 7. Зап. в 1934 г. на горе Чамхашха (Гудаутский р-н) С. Чанба.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 468.
№ 8. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 82.
№ 9. Зап. в 1938 г. Д. Эшба со слов Т. Машания. РФАИЯЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 95, стр. 393.
№ 10. Зап. Дусей Эшба со слов Тамары Маршания, когда и где — неизвестно.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 100.
№ 11. Зап. в 1935 г. С. Чанба со слов А. Гуарамия.
Опубл.: Абх. 1939, стр. 58.

- № 12. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Абх. 1939, стр. 55.
- № 13. Зап. в 1935 г. в сел. Квитаул Очамчирского р-на В. Тарба со слов Ш. Цулая.
Опубл.: Абх. 1939, стр. 15.
- № 14. Зап. в 1931 г. в сел. Джгерда Очамчирского р-на Я. Аршба.
Опубл.: Абх. 1939, стр. 52.
- № 15. Зап. в 1937 г. в сел. Паквеш Очамчирского р-на.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 224.
- № 16. Где, когда, кем и с чьих слов записано — неизвестно. РФАИЯЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 95, стр. 64.
- № 17. Зап. в 1934 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на П. Шакрыл со слов И. Шакрыл.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 123.
- № 18. Зап. в 1936 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на Д. Криа со слов А. Лакоба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 127.
- № 19. Зап. в 1938 г. В. Чкадуа.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 142.
- № 20. Зап. в 1935 г. в сел. Квитаул Очамчирского р-на со слов М. Папаскир.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 149.
- № 21. Зап. в 1935 г. в сел. Киндг Очамчирского р-на В. Чкадуа со слов С. Чкадуа.
Опубл.: Абх. 1935, стр. 136; Абх. 1936, стр. 91.
- № 22. Зап. в 1936 г. в сел. Атара Очамчирского р-на Г. Маршания со слов Ч. Кнут.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 328.
- № 23. Зап. в 1937 г. в сел. Джгерда Очамчирского р-на А. Чкадуа со слов А. Бгажба. РФАИЯЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 95, стр. 149.
- № 24. Зап. в 1935 г. в сел. Киндг Очамчирского р-на В. Чкадуа со слов С. Чкадуа.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 282.
- № 25. Зап. в 1935 г. в сел. Квитаул Очамчирского р-на И. Папаскир со слов Б. Папаскир.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 255.
- № 26. Зап. в 1934 г. в сел. Джгерда Очамчирского р-на Я. Аршба со слов М. Габелия.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 232.
- № 27. Зап. в 1925 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на П. Шакрыл со слов И. Шакрыл.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 207.
- № 28. Зап. в 1936 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на Д. Криа со слов Д. Криа.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 134.
- № 29. Зап. в 1934 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на П. Шакрыл со слов И. Шакрыл.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 103; Абх. 1935, стр. 69; Абх. 1936, стр. 69.
- № 30. Зап. в 1933 г. в сел. Мерхеул Сухумского р-на В. Кукба со слов Д. Дгебия.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 107; Абх. 1935, стр. 1; Абх. 1936, стр. 1.

- № 31. Зап. в 1937 г. в сел. Псху Сухумского р-на К. Шакрыл со слов М. Куадзба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 29.
- № 32. Зап. в 1938 г. в сел. Атары Очамчирского р-на Д. Адлейба со слов Д. Адлейба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 236.
- № 33. Зап. в 1934 г. в сел. Паквеш Очамчирского р-на Ш. Аджанджал со слов Х. Архамия-ипа.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 186; Абх. 1935, стр. 136; Абх. 1936, стр. 91.
- № 34. Зап. в 1924 г. в сел. Тамыш Очамчирского р-на Д. Гулиа со слов С. Бадия.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 216.
- № 35. Зап. в 1934 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на Я. Пачалиа со слов А. Пачалиа.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 155.
- № 36. Зап. в 1909 г. в сел. Адзюбжа Очамчирского р-на Д. Гулиа.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 440; Абх. 1935, стр. 210; Абх. 1936, стр. 139.
- № 37. Зап. в 1933 г. в сел. Багбаран Сухумского р-на Д. Гулиа со слов Х. Дгебия.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 232; Абх. 1935, стр. 106, Абх. 1936, стр. 106.
- № 38. Зап. в 1936 г. в сел. Джгерда Очамчирского р-на Д. Ашуба со слов М. Габелия.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 110.
- № 39. Зап. в 1934 г. в сел. Паквеш Очамчирского р-на Д. Гулиа со слов С. Бадия.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 177; Абх. 1935, стр. 114; Абх. 1936, стр. 76.
- № 40. Зап. в 1932 г. в сел. Киндг Очамчирского р-на В. Чкадуа со слов С. Чкадуа.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 299.
- № 41. Зап. в 1916 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на Е. Лакоба.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 391.
- № 42. Зап. в 1936 г. в сел. Квитаул Очамчирского р-на В. Чкадуа со слов М. Чкадуа. РФАИЯЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 95, стр. 89.
- № 43. Зап. в 1937 г. в сел. Псху Сухумского р-на К. Шакрыл со слов А. Авидзба.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 201.
- № 44. Зап. в 1934 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на К. Шакрыл со слов З. Шакрыл-Маан.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 193; Абх. 1935, стр. 125; Абх. 1936, стр. 83.
- № 45. Зап. в 1936 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на Д. Крия со слов Д. Крия.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 304.
- № 46. Зап. в 1937 г. в сел. Псху Сухумского р-на К. Шакрыл со слов Д. Хватиш.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 72.
- № 47. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 397.
- № 48. Зап. в 1935 г. в сел. Атара Очамчирского р-на С. Амчба со слов Д. Адлейба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 268.

- № 49. Зап. в 1934 г. в сел. Гуп Очамчирского р-на Ш. Джанджал со слов М. Шанаа.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 36.
- № 50. Зап. в 1937 г. в сел. Джгерда Очамчирского р-на Ш. Базба со слов Л. Гамсония.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 246.
- № 51. Зап. в 1935 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на В. Тарба со слов В. Сакания.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 253.
- № 52. Зап. в 1936 г. в сел. Хоп Гудаутского р-на В. Чкадуа со слов Ш. Барганджия.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 330.
- № 53. Зап. в 1935 г. в сел. Маркула Очамчирского р-на А. Амкуаб со слов Бачуа Кукбаа.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 323.
- № 54. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 185.
- № 55. Зап. в 1935 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на В. Тарба со слов К. Камлия.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 188.
- № 56. Зап. в 1937 г. в сел. Дурипш Гудаутского р-на А. Гунба со слов Г. Гунба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 190.
- № 57. Зап. в 1935 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на К. Шакрыл со слов С. Куарчия. РФАИЯЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 95, стр. 390.
- № 58. Зап. в 1935 г. в г. Сухуме С. Амчба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 197.
- № 59. Зап. в 1935 г. в сел. Джгерда Очамчирского р-на В. Тарба со слов Ш. Дбара.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 201.
- № 60. Зап. в 1936 г. в сел. Джгерда Очамчирского р-на Я. Амчба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 12.
- № 61. Зап. в 1935 г. в сел. Атара Очамчирского р-на В. Тарба со слов Я. Бигвава. РФАИЯЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 95, стр. 9.
- № 62. Зап. в 1935 г. в сел. Атара Очамчирского р-на со слов Д. Адлейба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 263.
- № 63. Зап. в 1936 г. в сел. Члоу Очамчирского р-на К. Ахуба со слов М. Цвиджба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 230.
- № 64. Зап. в 1934 г. в г. Сухуме Д. Гулия.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 429; Абх. 1936, стр. 95; Абх. 1935, стр. 142.
- № 65. Зап. в 1924 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на П. Шакрыл со слов И. Шакрыл.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 193; Абх. 1935, стр. 80; Абх. 1936, стр. 54.
- № 66. Зап. в 1914 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на П. Шакрыл со слов М. Шакрыл.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 389; Абх. 1936, стр. 50; Абх. 1935, стр. 75.
- № 67. Зап. в 1928 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на П. Шакрыл со слов М. Шакрыл.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 373; Абх. 1935, стр. 88; Абх. 1936, стр. 88.

- № 68. Зап. в 1936 г. в сел. Моква Очамчирского р-на В. Маан со слов Н. Бигвава.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 369; Абх. 1935, стр. 79; Абх. 1936, стр. 52; Абх. 1939, стр. 46.
- № 69. Зап. в 1935 г. в сел. Арасадзых Очамчирского р-на С. Чанба со слов Б. Ломия. РФАИЯЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 95, стр. 185.
- № 70. Зап. в 1916 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на С. Симония.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 345; Абх. 1935, стр. 59; Абх. 1936, стр. 40.
- № 71. Зап. С. Амчба.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 320.
- № 72. Зап. в 1937 г. в сел. Псху Сухумского р-на К. Шакрыл со слов М. Куедза.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 166.
- № 73. Зап. в 1936 г. в сел. Джгерда Очамчирского р-на Д. Ашуба со слов М. Габелия.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 143.
- № 74. Зап. в 1939 г. в сел. Тамыш Очамчирского р-на П. Ануа со слов М. Ануа.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 242.
- № 75. Зап. в 1936 г. в сел. Джгерда В. Чкадуа со слов У. Чкадуа.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 244.
- № 76. Зап. в 1936 г. в сел. Джгерда Очамчирского р-на С. Амчба со слов К. Каджая.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 258.
- № 77. Зап. в 1932 г. Я. Амчба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 268.
- № 78. Личный архив П. С. Шакрыла.
- № 79. Зап. в 1934 г. в сел. Джирхва Гудаутского р-на З. Таркил со слов Х. Агрба. РФАИЯЛИ, ф. 2, оп. 2, д. 88, стр. 25.
- № 80. Зап. в 1901 г. в сел. Адзюбжа Очамчирского р-на Д. Гулия.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 377.
- № 81. Зап. в 1936 г. в сел. Атара Очамчирского р-на Д. Адлейба со слов М. Джанджала.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 215.
- № 82. Зап. в 1934 г. в сел. Аацы Гудаутского р-на Е. Пачулия со слов А. Пачулия.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 424; Абх. 1935, стр. 183; Абх. 1936, стр. 121; Абх. 1939, стр. 28.
- № 83. Зап. В. Чкадуа. РФАИЯЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 95, стр. 21.
- № 84. Зап. в 1932 г. в сел. Калдахвара В. Кукба.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 435; Абх. 1935, стр. 66; Абх. 1936, стр. 44.
- № 85. Зап. в 1928 г. в сел. Лыхны Гудаутского р-на В. Кукба со слов А. Крия.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 400; Абх. 1935, стр. 77; Абх. 1936, стр. 51.
- № 86. Зап. в 1937 г. в сел. Псху Сухумского р-на К. Шакрыл со слов К. Яхя. РФАИЯЛИ, ф. 2, оп. 56, д. 1, стр. 1.
- № 87. Зап. в 1936 г. в сел. Джгерда Очамчирского р-на С. Амчба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 193.
- № 88. Зап. в 1934 г. А. Хашба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 279.

- № 89. Зап. в 1934 г. в сел. Дурипш Гудаутского р-на В. Тарба со слов Я. Хишба.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 446.
- № 90. Зап. в 1934 г. в сел. Мокв Очамчирского р-на В. Маан со слов Н. Бигвава.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 451; Абх. 1935, стр. 123; Абх. 1936, стр. 82.
- № 91. Зап. в 1934 г. в сел. Ткварчели Очамчирского р-на В. Маан со слов А. Аршба.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 59; Абх. 1935, стр. 63; Абх. 1936, стр. 42; Абх. 1939, стр. 20.
- № 92. Зап. в 1934 г. в сел. Ткварчели Очамчирского р-на В. Маан со слов А. Аршба.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 62; Абх. 1935, стр. 61; Абх. 1936, стр. 41; Абх. 1939, стр. 23.
- № 93. Зап. в 1936 г. в сел. Джгерда Очамчирского р-на Я. Аршба со слов К. Абухба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 32.
- № 94. Зап. в 1937 г. в сел. Маркула Очамчирского р-на А. Амкваб со слов К. Делба.
Опубл.: Абх. 1968, стр. 301.
- № 95. Зап. в 1937 г. в сел. Псху Сухумского р-на К. Шакрыл со слов А. Килба.
Опубл. Абх. 1968, стр. 181.
- № 96. Зап. С. Амчба.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 272.
- № 97. Зап. в 1891 г. в сел. Адзюбжа Очамчирского р-на Д. Гулиа.
Опубл.: Абх. 1940, стр. 309; Абх. 1935, стр. 72; Абх. 1936, стр. 48.

Н. П. АНДРЕЕВ И СКАЗКИ АБХАЗИИ

Публикуемые в настоящей книге переводы 97 сказочных текстов заимствованы из сборника, подготовленного для печати в Сухуми еще в 1939 г. известным фольклористом Н. П. Андреевым (1891—1941). Общие соображения Н. П. Андреева о состоянии и задачах сказковедения того времени, а также специальные наблюдения над текстами сборника были изложены в кратком предисловии и более обширном введении, оставшимся в рукописи.

0. 1. В настоящем сборнике эти весьма интересные статьи Н. П. Андреева не публикуются в связи со значительным увеличением за последнее тридцатилетие информации о повествовательном репертуаре народов Кавказа.

0. 2. Н. П. Андреев, бывший учеником выдающегося рассказоведа В. Н. Андерсона (1885—1968), стал первым научным комментатором советских сказочных сборников. Ценное начинание Андреева оборвалось с его безвременной кончиной в блокаду Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

После длительного перерыва начинанию Н. П. Андреева была дана вторая жизнь в серии «Сказки и мифы народов Востока», публикуемой Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука», путем составления типологического анализа сюжетов к сказочным сборникам.

К сборнику абхазских сказок Н. П. Андреев, насколько известно, не смог или не успел составить указателя сюжетов. Поэтому указатель составлен заново по методике, разработанной В. Н. Андерсоном и Н. П. Андреевым.

1. Н. П. Андреев внес громадный вклад в советское сказковедение. Прежде всего он решительно опроверг вульгаризаторские утверждения, бытовавшие в 30-е годы, будто советскому человеку, строителю нового общества, не представляет интереса знакомство с «преданьями старины глубокой». Н. П. Андреев отмечал живое, реалистическое начало, лежащее в основе сказочной фантастики, усматривая эстетическую ценность сказки, как и всякого произведения словесности, в ее отношении к действительности.

1. 1. В настоящее время исследователи рассматривают так называемые топоры как устоявшиеся традиционные словесные штампы, а вовсе не как подлинное описание пейзажа или непосредственное выражение чувств. Неправомерно расценивать пользу или вред сказок, отвлекаясь

от этой специфики сказочных топосов. Это учитывал Н. П. Андреев, формулируя свои высказывания о сущности сказки.

2. Нельзя, на наш взгляд, сводить эстетическое значение сказки, как и другого произведения словесности, к ее неповторимости, национальной уникальности.

Никак не следует недооценивать эстетического значения повторяемости и стереотипов, международных «клише», которыми так изобилует фольклор, памятью, что подобная недооценка часто исходит из поисков в сказке некоей гипертрофированной «национальной самобытности», оказывающейся на деле лишь порождением концепций «национальной исключительности».

Что же касается выявления подлинного национального своеобразия, в частности в фольклоре, то научный подход требует изучения национальных черт его как исторически конкретной формы выражения общечеловеческих, интернациональных закономерностей, что и делает столь необходимым сравнительно-исторический анализ «штампов», «сюжетов».

2.1. Определенные общности и расхождения международных сказочных текстов с записями сказок, произведенными как у абхазов, так и у соседних народов, важны именно потому, что открывают исследователям картину географии и истории мирового культурного процесса, путей контактов между народами.

2.2. Н. П. Андреев различал разные уровни сходства, а стало быть, и оригинальности. В силу этого он допускал разные причины сходства для разных уровней содержания, таких, как мотивы, эпизоды и сюжеты, а также для некоторых стиливых особенностей, например начала (зачина), окончания (концовки) повествования.

Этот строго дифференцированный подход к проблеме сходства сказок у разных народов был воспринят Н. П. Андреевым от В. Н. Андерсона и развит в свете концепции «исторической поэтики» А. Н. Веселовского. Некоторый отход от географо-исторической школы намечился у Н. П. Андреева при социологической и психологической интерпретации известного своеобразия абхазских сказок.

2.3. Н. П. Андреев отметил отличие абхазских вариантов от известных ему сюжетов в русских сказках. Как следует из предлагаемого нами анализа, эти отличия сводятся к региональному своеобразию репертуаров, объясняются конкретно-историческими причинами, но отнюдь не этническим, мнимым «национальным духом».

2.3.1. Состав более старого слоя абхазского сказочного репертуара обнаруживает общность с повествовательным репертуаром Западной Грузии и балкаро-карачаевского региона. Эту общность У. Мазинг считает возможным возвести к XI—XII вв. и связать с историей расселения кыпчаков — печенегов в этом регионе.

Более поздний слой имеет выраженное сходство с кабардино-адыгейским репертуаром, например, в таких чертах, как смещение пропорции микромотивов, внешний облик персонажей, культ мелких князей и т. п. Этот процесс уже около 1860 г. привел к разложению многообразия сказочных сюжетов, так как все персонажи (и даже антагонисты) стали однообразны. Длительные культурные сношения абхазов с черкесами и кабардинцами не внесли заметных изменений в состояние сказочного репертуара, сложившегося здесь к началу XX в. и дошедшего до наших дней.

Проблематична общность сказочного репертуара абхазов с осетинами и кабардинцами.

В условиях географически и исторически складывающегося и меняющегося многоязычия населения Кавказа связи повествовательного репертуара, языковой характер перехода (и, конечно, перевода) сюжетов вызывают большой научный интерес, поскольку именно в сказочном репертуаре отражена высокая степень культурной общности народов Кавказа.

3. Критерием ценности произведения словесности, бытующего преимущественно устно, некоторыми исследователями признается его популярность, широта распространения. Как показатель фольклорности популярность при отборе материалов для обнародования в репрезентативном сборнике практически, бесспорно, верна. Однако теоретически популярность, будучи в конечном счете количественным признаком, никак не может быть однозначно определена как эстетический критерий качества, если не следовать консервативно-романтической по своей сути концепции «народного духа» как высшего универсального внеисторического и надклассового критерия, *arbiter elegantiarum* искусства.

3. 1. Н. П. Андреев уделил несколько строк простому перечислению народов, знакомых с сюжетом сказки № 71, известной под названием «Сказка о царе Салтане» (АаАн 707). Этим ученый вовсе не демонстрировал свою эрудицию, а хотел, во-первых, показать целесообразность международных указателей сюжетов и, во-вторых, доказать эстетическую ценность столь популярного сюжета.

3. 1. 1. Если в первом у нас согласны теперь все сказковеды (и мы сочли уместным значительно удлинить документацию популярности сюжета), то со вторым выводом они могут и не согласиться: ведь эстетическая ценность не может быть измерена числом потребителей.

3. 1. 2. Объективное, научно-эстетическое осмысление фольклора — дело столь сложное, что можно усомниться, сохранится ли такая проблема до тех пор, когда будут выработаны объективные методы оценки, чему сильно препятствует приверженность эстетов «романтической школы» к социально недифференцированному «народному вкусу».

3. 2. Как бы там ни было, но определение хотя бы степени оригинальности и популярности фольклорных текстов до их выпуска в свет предполагает проведение сравнительного анализа многочисленных пересказов ряда произведений словесности. И этот труд имеет неоспоримое филологическое и познавательное значение, совершенно независимо от целей эстетической оценки. Результаты кропотливых разысканий, изложенные в виде типологического анализа, позволят установить место каждого абхазского текста в мировом, и в особенности в кавказском, повествовательном репертуаре.

4. Н. П. Андреев искал путей к социологическому осмыслению сказок. Казалось, что социальная идеология лежит на поверхности содержания — в классовой или сословной принадлежности персонажей и их перипетиях по ходу сюжета, «конфликтах». Углубленные исследования показывают, что социальные атрибуты действующих лиц сами по себе имеют ограниченное значение в идейном содержании произведений словесности, и особенно применительно к оценке их пересказов.

4. 1. В целом в сказках наблюдается идеализация местных князей, их набеги на соседей не воспринимаются как реальный конфликт. При всей социальной схематичности действующих персонажей их судьба изображена обычно как индивидуальная, но отнюдь не выражает особенностей социальной группы, как это представлялось вульгарным социологам.

4. 2. Нет ясной корреляции между социальным обликом персонажей и идейным содержанием и тем более воздействием произведения на слушателя и читателя.

5. Велик соблазн истолковать содержание сказок психологически, и в частности интерпретировать своеобразие отдельных текстов как выражение психических особенностей целого народа, т. е. социально-психологически.

В настоящем сборнике нетипические элементы встречаются довольно редко: они обнаружены в текстах № 3, 4, 15, 18, 23, 25, 36, 46, 50, 73 и 79. Природа этих нетипизуемых элементов содержания, видимо, неоднородна. Между тем именно эти нетипические, плохо укладываемые в русло сюжета черты содержания должны якобы отражать типические свойства психического уклада целого народа!

5. 1. Такой подход предполагает, во-первых, прямую зависимость содержания произведения (даже текста пересказа) от психики (его творца или даже пересказчика), а именно от психики и характера народа, на языке которого запись сделана, и, во-вторых, наличие у каждого языкового сообщества мнимой неповторимой общности оригинального характера, психического уклада, стремящегося найти свое выражение в любой детали культуры.

5. 1. 1. Эти предпосылки, также восходящие к консервативно-романтической концепции о творце любого искусства как об «оригинальном гении» и отчасти — к идеалистическому представлению об исконности этнических или национальных образований, каждое из которых надделено творцом оригинальным характером, — никогда не были научно доказаны.

5. 1. 2. Тем не менее психологическое, даже психиатрическое (во фрейдистском духе) истолкование сказок имеет почти вековую летопись, богатую догадками и заблуждениями.

5. 2. Предположение, что специфика национального характера скрывается в текстах, в действительности в своей основе лишенных национальной специфики, не может быть исходным пунктом анализа.

Местное своеобразие кроется не в самом сюжете, а в степени его распространения в репертуаре, в соответствии с его географией, и потому не может вызывать сомнений мысль о том, что сказочный материал наименее пригоден для характерологических, этнопсихологических целей.

5. 2. 1. Как легко впасть в заблуждение при психологическом толковании фольклорного текста, видно из следующего примера.

Н. П. Андрееву казалось возможным на основе (весьма сомнительных) текстов № 48 и 62, сличенных с западноевропейскими вариантами, написать: «Абхазский народ придает уму большее значение, чем судьбе». Такой вывод был бы методически спорен, даже если бы нам теперь не было известно, что в этом отношении абхазские варианты мало отличаются от многочисленных других восточных пересказов старинной притчи, не говоря уже о том, что в оценке ума и судьбы рассказы в Абхазии противоречивы, как пословицы и поговорки, бытующие у каждого народа.

6. Более прав был Н. П. Андреев, отметив романтический характер абхазского сказочного репертуара, представленного в этом сборнике, считая это общекавказской чертой. Однако и это объясняется скорее литературно-исторически, нежели социально-психологически. Это связано в значительной степени с текстуральной историей, а именно с глубочайшим состоянием ближайших источников, и (в меньшей мере) со вкусами абхазских собирателей и переводчиков. Отсутствие ранней

письменности на абхазском языке, с одной стороны, и книжный характер изустно бытующей словесности у абхазов — с другой, указывают на генетические связи абхазского сказочного репертуара в целом.

7. Н. П. Андреев, в молодости участник марксистского кружка, считал собрание и изучение народного творчества делом народным и революционным, достойным поощрения в советскую эпоху. Пренебрежительное отношение к фольклору, даже нарушение некоторых документационных правил представлялось Н. П. Андрееву не просто вредным, а даже преднамеренно антинародным актом.

То, что национальный подъем во многих странах действительно находил себе выражение в повышенном интересе к фольклору, неоднократно отмечалось историками культуры. Критики фольклора соответственно не раз подвергались критике за «барское», пренебрежительное отношение к народному творчеству. Но нельзя не отметить и другое. Культивирование фольклора, его идеализация наблюдаются и в обстановке, довольно далекой от революционности. Если обращение к фольклору в определенных исторических условиях, например в Абхазии XIX в., может расцениваться как проявление революционного, точнее, демократического настроя, то это никак не может означать, что фольклоризм всегда и повсеместно служит лишь прогрессу. Анализ данного общественного явления, как и других социальных феноменов, требует диалектического подхода.

Став делом социалистического культурного строительства, как к этому стремились фольклористы после революции, издание сказок тем самым оказалось объектом и орудием классовой борьбы, в том числе и в руках антиреволюционных элементов. Естественно настороженное отношение фольклористов к содержанию публикуемых сборников и, в частности, к подлинности текстов.

7.1. Для Н. П. Андреева, высоко оценивающего дух народного творчества, критерий научности публикации сказок совпадает с требованием подлинности текста. Н. П. Андреев считал всякую фальсификацию и ее источник — национализм — вредными для науки, и в этом мы не можем не согласиться с ним.

7.2. Для подлинного демократизма Н. П. Андреева показательно то, что он отдавал предпочтение «случайным» текстам, записанным от разнообразных рассказчиков, а не записям со слов единичных мастеров-сказочников, как это делали многие его современники и сотрудники.

Это примечательное расхождение бросает яркий свет на роль рассказчика в понимании ведущих советских фольклористов. Оппоненты Н. П. Андреева предпочитали иметь дело с «экспертами», с просвещенными «представителями» народа, полагая, что их устами глаголет народ. Между тем Н. П. Андреев стремился услышать многоликий народ в его многогласии. Он, видимо, отдавал кому бы то ни было в праве единолично «вещать» от имени народа и довольно скептически относился к культуре сказителя, к ценности единичной, пусть и высокохудожественной записи с его слов. Это отношение Н. П. Андреева, вероятно, и определило состав предлагаемой книги.

7.3. Н. П. Андреев стремился включить в сборник записи, сделанные по возможности от большего числа рассказчиков, что в принципе повышает репрезентативность коллекции. Однако он не был уверен в том, что каждый из подготовленных к изданию текстов, доступных ему лишь в русских переводах, отвечает тем высоким требованиям подлинности, которые он предъявлял.

Сомнения Н. П. Андреева подтвердились. Наш анализ вскрыл произвольный характер ряда элементов во многих текстах. С точки зрения таких ученых-фольклористов, как Н. П. Андреев, «искаженные» тексты вообще не заслуживают публикации вследствие их недостаточной подлинности. Но это подкупающее суждение уязвимо.

8. История сохранности и изменений произведений словесности бы- вает во все века и на всем пути их миграции весьма своеобразной и весьма важной для филологов. Однако особенно поучительной эта история становится на конечном этапе устного бытования, т. е. когда произведение включается в книгу для чтения. Именно этот процесс, как и последующая книжная история фольклорного сборника, может быть исследован не только в текстологическом, но и в социально-психологи- ческом отношении.

Внимания ученых заслуживает не только рассказчик, со слов которого сделана запись произведения (автором которого он заведомо не является), но и сам фольклорист, оставивший ее для потомства. Литературоведам уже давно пора обратить внимание не только на отдельных создателей сборников фольклора (в оригинале и тем более в переводах), но и на весь этот жанр и на его читателей как на сложное явление советской и мировой культуры.

8.1. Если искажения в устной передаче остаются и теперь пред- метом внимания фольклориста, то изменения текста, появляю- щиеся в процессе перевода и публикации, должны стать и уже стано- вятся объектом исследования литературоведов, историков культуры.

Предлагаемый сборник в целом, анализ составляющих его текстов, в особенности № 8, 11, 13, 14, 19, 25, 27, 29, 32, 36, 38, 40—45, 48, 60, 62, 63, 65, 68, 73, 79—84, 91 и 96 вследствие их произвольных отклонений от нор- мальных версий, могут служить превосходным материалом для подоб- ных исследований.

9. Сборник абхазских сказок, предлагаемый русскому читателю, ты- сячекратно превышающему по численности слушателей или возможных читателей оригинала, представляет собою важный документ не только абхазской словесности, но и русской, советской литературы.

Н. П. Андреев тридцать лет тому назад считал, что этот сборник «позволяет нам заглянуть в древнейшие эпохи человеческой истории». Теперь же можно добавить, что книга позволяет заглянуть и в не менее интересную область — абхазское рассказоведение первой трети XX в.

Исидор Левин

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Круглые скобки, в которых заключен номер по каталогу, обозначают, что определенный повествовательный тип отражен в публикуемом рассказе лишь частично.

Слово «сравни» (ср.) предшествует номеру в случае, если соответствие выражено недостаточно четко.

Знак плюс (+) между формулами показывает контаминацию разных типов в одном рассказе.

Знак равенства (=) между формулами обозначает равнозначность определения по разным каталогам.

Нулем (0) помечены редкие эпизоды, не зарегистрированные в известных нам каталогах или не имеющие, по нашим сведениям, ясных параллелей генетического свойства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АаАн — Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929.
- Абх 1935 — Абхазские сказки, сост. А. Хашба и В. Кукба, Сухум, 1935.
- Абх 1939 — Абхазские народные сказки. Перевод с абхазского и обработка Н. Сапежко, Сухуми, 1939.
- Абх 1959 — Абхазские сказки. Составил, обработал и перевел с абхазского Х. С. Бгажба, М., 1959.
- Абх Н — Приключения нарта Сакрыквы и его девяноста девяти братьев. Абхазский народный эпос, М., 1962.
- Авар 1972 — Аварские народные сказки. Составитель и автор примеч. Д. М. Атаев. Автор предисловия и типологического анализа сюжетов Исидор Левин, М., 1972.
- Агул — Р. Шаумян, Грамматический очерк Агульского языка, М.—Л., 1941.
- Азерб — Азербайджанские сказки. Составитель А. Ахундов, Баку, 1955.
- Каб Н — Нарты. Кабардинский эпос, М., 1957.
- Курд — Курдские народные сказки, М., 1970.

- Левин, Турецкие — Типологический анализ сюжетов Исидора Левина в сб. «Турецкие народные сказки», М., 1967 (стр. 454—477).
- Медноволосая — Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки. Перевод, составление и примечания М. Ватагина, М., 1964.
- Микава — Сказки и легенды гор. Собрал и обработал Н. Микава, М., 1957.
- Миллер ДС — В. Ф. Миллер, Дигорские сказания, М., 1902 («Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом восточных языков»).
- Миллер ОС — В. Ф. Миллер, Осетинские сказки, М., 1885 («Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском Этнографическом музее», I).
- Миллер ОЭ — В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, — «Ученые записки Имп. Московского университета. Отд. ист.-филологический», вып. I (М., 1881), II (М., 1882), VIII (М., 1887).
- Миллер Тат — В. Ф. Миллер, Материалы для изучения еврейско-татского языка, СПб., 1892.
- Ос 1959 — Осетинские народные сказки. Составители С. Бритаев и Г. Калоев, М., 1959.
- Ос 1960 — Осетинские народные сказки. Составитель А. Х. Бязыров, Сталинир, 1960.
- Ос 1973 — Осетинские народные сказки. Запись текстов, перевод, предисловие и примечания Г. А. Дзагурова. Автор типологического анализа сюжетов Исидор Левин при участии Уку Мазинга, М., 1973.
- Ос Н Либединский — Сказания о нартских богатырях. Осетинский эпос. Перевод и лигатурная обработка Ю. Либединского, М., 1960.
- Ос Н Ю — Нарты. Эпос осетинского народа, М., 1957 (Литературные памятники).
- Орбели — Иосиф Орбели, Басни средневековой Армении, М.—Л., 1956.
- Радлов — Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым, т. I—X, СПб., 1866—1904.
- СМ — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. 1—44, Тифлис, 1881—1915 [учтены тома — I, VI, VII, X, XII, XIII, XIV, XVI—XXI, XXIII, XXVII, XXXIV, XXXVIII—XL].
- СНД — Сказки народов Дагестана. Составитель Х. Халилов, М., 1965.
- СНСК — Сказки народов Северного Кавказа, Ростов, 1959.
- СС — Сборник сведений о кавказских горцах, т. I—X, Тифлис, 1868—1881 [учтены тома II—V, VII, IX, X].
- Сулхан Саба — Сулхан-Сабано Орбелиани, Мудрость вымысла. Перевод с грузинского Е. Гогоберидзе, Тбилиси, 1959.
- Хаханов — А. С. Хаханов, Очерки по истории грузинской словесности I—IV, М., 1895—1906.
- Чеч — Чечено-ингушский фольклор, М., 1940.
- Чеч ЧР — Чудесные родники. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1963.
- ЯСКид — Языки Северного Кавказа и Дагестана. Сборник лингвистических исследований, т. 2, М.—Л., 1949.
- АаTh — The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC № 3). Translated and Enlarged by S. Thompson, Helsinki, 1961 (= FFC 184).
- АС — Адыгейские сказки, перевод с адыгейского Т. Керашева, лит. обработка П. Максимова, Майкоп, 1957.

- АФ — Армянский фольклор. Составитель Г. О. Карапетян, М., 1967.
- Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. Подготовка текста и примечания В. Я. Проппа, М., 1957 [нумерация по изд. 1936 г.].
- ГНН — Грузинские народные новеллы. Составление, предисловие и примечания А. Глonti, Тбилиси, 1970.
- Долидзе — Грузинские народные сказки (Сто сказок). Сборник составлен и переведен Н. К. Долидзе, Тбилиси, 1956.
- Долидзе ВС — Волшебные сказки. Сборник составила и перевела с грузинского Н. Долидзе, Тбилиси, 1960.
- «Живая Старина» — журнал, выходил в Петербурге с 1891 г.
- «Збірник» — «Етнографічний Збірник, видає Наукове товариство імєни Шевченка», Львов, 1895.
- Каб. Лопатинский I — Кабардинские предания — СМ XII (1891), 11—145.
- Каб. Лопатинский II — Кабардинские тексты — СМ XII (1891), 1—81.
- Ar — Yacoub Artin Pacha. Contes populaires inédits de la vallée du Nil, Paris, 1895.
- At — L. Frobenius, Atlantis, Volksmärchen und Volksdichtungen Afrikas, Jena, 1921 сл.
- Ба — R. Basset, Mille et un contes, récits et légendes arabes, vol. 1—3, Paris, 1924—1926.
- Basile — G. Basile, Il Pentamerone, Napoli, 1634—1636 [ср. ВР 4, 184 сл.].
- Be — G. Bergsträsser, Neuaramäische Märchen und andere Texte aus Ma'lula, Leipzig, 1915.
- Benzel — U. Benzel, Kaukasische Märchen, aufgezeichnet bei dem ossetischen Hirten Mussar Omar, Regensburg, 1963 [ср. рец. К. Ранке — «Fabula», 7, 236].
- BP — J. Bolte, G. Polivka, Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, Bd 1—5, Leipzig, 1913—1931.
- Chauvin — V. Chauvin, Bibliographie des ouvrages arabes I—XII, Liège, 1892—1922.
- Ск — A. Caferoğlu, Kuzey-doğu illerimiz ağizlarından toplamalar, İstanbul, 1946.
- Ср — A. Christensen, Märchen aus Iran, Jena, 1939 (MdW).
- Ср — C. M. Crews, Recherches sur le judéo-espagnol dans les pays balkaniques, Paris, 1935.
- Da — R. M. Dawkins, Modern Greek in Asia Minor, Cambridge, 1916.
- Df — R. M. Dawkins, Modern Greek Folktales, Oxford, 1953.
- Di — A. Dimia, Rumänische Märchen, Leipzig, 1944.
- Dirr — A. Dirr, Kaukasische Märchen. Ausgewählt und übersetzt von A. Dirr, Jena, 1922 (= MdW).
- Do — R. M. Dawkins, Forty-five Stories from the Dodekanese, Cambridge, 1950.
- Dr — см. Dirr.
- EbBo — Typen türkischer Volksmärchen von W. Eberhard und P. N. Boratav, Wiesbaden, 1953.
- «Fabula» — «Fabula Zeitschrift für Erzählforschung», hrsg. von K. Ranke, Berlin, 1957 сл.
- FFC — «FF Communications Edited for the Folklore Fellows», 1910 сл. [серия].
- Gq — F. Giese, Materialien zur Kenntnis des anatolischen Türkisch, T. I,

- Erzählungen und Lieder aus dem Vilajet Qonjah, Halle Saale, 1907.
- Ha — J. G. von Hahn, Griechische und albanesische Märchen, Bd 1—2, München — Berlin, 1918.
- IFA — Israel Folktales Archives at the Haifa Municipality Ethnological Museum [cp. D. Noy — «Fabula» 4 (1961), стр. 99—110; D. Noy — «Journal of American Folklore», vol. 75 (1962), стр. 23—28; H. Jason — «Fabula», 7 (1965), стр. 115—224].
- Ja — G. Jacob, Vorträge türkischer Meddâhs, Berlin, 1904.
- Jü — B. Jülg, Die Märchen des Siddhi-kür, Leipzig, 1866.
- Kh — I. Khatchatrianz, Armenian Folk Tales. Transl. N. W. Orloff, Philadelphia, 1946.
- Ki — Tarih-i Kirk Vezir, Istanbul, 1303.
- Kp — I. Kunos, Mundarten der Osmanen, SPb., 1899 (= W. Radloff, Proben der Volksliteratur türkischen Stämme, Bd VIII).
- Kr — P. Kretschmer, Neugriechische Märchen, Jena, 1917.
- Kt — I. Kunos, Türkische Volksmärchen aus Stambul, Leiden, 1905.
- La — M. Lambertz, Die geflügelte Schwester und die Dunklen der Erde, albanesische Volksmärchen, Eisenach, 1952.
- Lb — E. Laoust, Contes berbères du Maroc, I—II, Paris, 1949.
- Le — A. Leskien, Balkanmärchen aus Albanien, Bulgarien, Serbien und Kroatien, Jena, 1925 (= MdW).
- Lh — G. L. Leszczyński, Hikayat, 1918.
- Li — E. Littmann, Die Erzählungen aus den tausendundein Nächten, Bd I—VI, Leipzig, 1924.
- Liungman — W. Liungman, Die schwedischen Volksmärchen, Berlin, 1961.
- Lm — E. Littmann, Arabische Märchen, Leipzig.
- Ma — A. Mazon, Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale, Paris, 1923.
- MdW — «Märchen der Weltliteratur» [серия].
- Me — B. Meissner, Neuarabische Geschichten aus dem Iraq, Leipzig, 1903.
- Medne — A. Medne, Latviešu dzīvnieku pasakas, Rīgā, 1940.
- Mp — H. Massé, Contes en persan populaire — «Journal Asiatique», 1925, стр. 71 сл.
- Munkácsi — B. Munkácsi, Blüten der ossetischen Volksdichtung, — «Keleti Szemle», Bd 20, 1927, стр. 1—88; Bd 21, 1928, стр. 1—158.
- Na — Es war einmal, neugriechische Volksmärchen. Deutsch von I. Nauemann-Mavrogordato, Istanbul, 1942.
- Oe — J. Oestrup, Contes de Damas, Leiden, 1897.
- Pa — A. G. Paspatis, Etudes sur les tchinghianés ou bohémiens de L'Empire Ottoman, Constantinople, 1870.
- Pröhle B — Balkarische Studien von W. Pröhle — «Keleti Szemle», XV, 1914—1915, стр. 165—276; XVI, 1915—1916, стр. 104—243.
- Pröhle K — Karatschajische Studien von W. Pröhle — «Keleti Szemle», X, 1909, стр. 83—150; 215—304.
- Röhrich — Erzählungen des späten Mittelalters... herausgegeben von L. Röhrich, Bd I, II, Bern — München, 1962, 1967.
- Sc — H. Schmid und P. Kahle, Volkserzählungen aus Palästina, I—II, Göttingen, 1918, 1930.
- Schiefner Aw — A. Schiefner, Awarische Texte, SPb., 1873.

- Schiefner Os — A. Schiefner, Ossetische Sagen und Märchen, SPb., 1867.
- Schwarzbaum, Studies — H. Schwarzbaum, Studies in Jewish and World Folklore, Berlin, 1968.
- Si — M. b. 'Ali az-Zahiri as-Samarqandī, Sindbād-nāme. Ed. Ahmed Ates, Istanbul, 1948.
- Straparola — G. F. Straparola, Le piacevoli notti, ed. G. Rua, t. I—II, Bologna, 1899—1908 (ср. BP 4, 178 сл.).
- Su — Subhī, Efsanehā I—II, Tahrān, 1324—1325.
- ThMot — S. Thompson, Motif-Index of Folk-Literature, I—VI, Copenhagen — Bloomington 1955—1958.
- Tietze — A. Tietze, Rez. EbVo — «Oriens» 7 (1954), стр. 141 сл.
- Tu — Tuti-Nameh, das Papageienbuch. Nach der türkischen Fassung übersetzt von Georg Rosen. Leipzig (Insel).
- Uğ — S. Uğur, İçel folkloru, Ankara, 1947.
- We — A. Wesselski, Der Hodscha Nasreddin, I—II, Weimar, 1914.
- Ye — Yedi ālimler hikāyesi, 1289.
- ZDMG — «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft», Leipzig, 1847 сл.

№ 1. Тип: (AaTh 126) + (AaTh 1154—I).
 Источник: И. Гулия — СМ XL (1909), 3, 34—38 = Dirr № 42 (167—169); Абх 1959, 114—116 (окончание отличается!)

Варианты: для начала — Чеч ЧР 235—237; для продолжения — Шанаев СС III, 2 (1870), 4—5; в целом — Ос 1960, № 46 (362—365).

№ 2. Тип: (AaTh 2027); ср. (AaTh 404*).

Источник: Абх 1939, 3—5 = Абх 1959, 101—102.

№ 3. Тип: (AaTh 545); 0 + AaTh 545 B — IIIc + IIId + IIa + 00 = (EbVo 34 + EbVo 36 — IVf).

Варианты: Schiefner № VI (53—59); СС II, 5 (1869) 45—48; = Dirr № 12; Ос 1959, 95—98; Ав № 88; Ос 1973, № 24; СНД № 25 лаж; Долидзе ВС № 15; СМ XIX, 2 (1894), 71—73 имерет; СМ XIV, 2 (1892), 157—167 кюрин.

Для мотива 0 — *лиса заботится о мальчике-сироте, потому что его мать давала лисе кур* — EbVo 34 — III, 1 (gk).

Для мотива 00 — *лиса мстит неблагодарному человеку* — EbVo 34 — III, 7 (св) также Ос 1959, 95—98; отношение к лисе улучшается по тексту Долидзе ВС № 15.

В целом для EbVo 34: Tietze; Gq 17—21; Da 454—456; Ha II 340—342; Lb № 123; Ra IV 358; Da 572; Le № 37.

Древнейшее литературное свидетельство знаменитого сюжета («Кот в сапогах») в Европе известно в обработках Страпаролы (Италия, 1550 г.) и Базиле (Италия, 1632 г.). Публикуемый текст своим заключительным мотивом, где животное прикидывается мертвым, чтобы проверить благодарность человека, примыкает к версии Базиле. Многочисленные ближневосточные варианты подтверждают исконность мотива в сюжете. Абхазский вариант восходит к ближневосточной версии, устанавливаемой по турецким и кавказским записям.

№ 4. Тип: AaTh 1962 A(c) + 0.

Источник: Абх Н 148—150.

Варианты: карач. — Pröhle K № 5 (281—284); кабарда — Каб.

Лопатинский I, 93—96; Каб Н 450—452; СС V, 2 (1871); Долидзе № 96 (409—410); Чеч ЧР 25—26 (1871 г.); ос — Шанаев СС III, 2 (1870), 14—15; Кайтмазов СМ VII, 2 (1873): 33—34; Ос 1959, 417—419 (и в рамочном рассказе, стр. 179—180); Ос 1973, № 75; абазинский — ЯСКиД 2 (1949), 65; адыгейский — АС 271.

Кавказские варианты представляются более исконными, чем рассказы, засвидетельствованные в Индии и Китае по Eberhard FFC 120 № 29; FFC 128, № 129 (стр. 219—221). Публикуемый текст проще и логичнее остальных (чеченских, кабардинских и абхазских). Мотив — *сестра вынимает огромную соринку из глаза* — встречается в этом сюжете лишь здесь и в варианте Ос 1959, 180 — это специальная связь абхазской и осетинской традиции.

Эпизод 0 с арбами соли соответствует типу AaTh 650 В (ср. здесь № 61) и в особенности Каб. Лопатинский I, 93—96, как продолжение сюжета AaTh 1962 Ас.

№ 5. Тип: (AaTh 2030).

Источник: Абх 1935, 120—122.

Варианты: Schiefner Os 197—200; Ос 1959, 34—36; Ос 1973, № 11, 14; карач.—Pröhle К № 1 (271—273); Долидзе № 99 (416—419).

Именно блоха и вошь в этом типе встречаются в тексте Шифнера и Ос 1959 в отличие от нормальной версии сюжета, известного во всем мире.

№ 6. Тип: AaTh 6 + AaTh 223—I—III + AaTh 154—IV.

Источник: Абх 1939, 58—61 = Абх 1959, 106—108; Микава 90—93.

Варианты: Долидзе № 92 (399—401); Чеч 163—164; адыгейский — АС 297—299; Авар 1972, № 26; Ос 1959, 13—14; Ос 1973, № 2, 9; AaTh 6 в другой контаминации встречается на Кавказе в записях: СНД № 7 лак., где предшествует AaTh 56А + 61; отдельно — Ос — Шанаев СС III, 2 (1870), 3—4; литературное свидетельство: Орбели, № 86.

№ 7. Тип: AaAn 981—I, в Индии под ThMot Т 252. 2. 2. 1.

Источник: Абх 1935, 101—102 = Абх 1959, 27—28.

Варианты: армянский — СМ XXVIII, 2 = Dirr № 70 (258); айсорский — СМ XVIII, 3 (1894), 68—71; балкарский — СМ XXIII, 3 (1897), 27—28; еврейский из Марокко — IFA 1071.

Современная устная традиция сюжета, встречающаяся sporadически даже в России (Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Вятской губернии, Пг., 1915, 46), опирается, вероятно, на литературный источник. Айсорский вариант в контаминации с AaTh 888 А—II и AaTh 1510 почти полностью совпадает с текстом, записанным в Тунисе: Н. Stummе, Tunisische Märchen und Gedichte, II, Leipzig, 1893. № 5 (78—93), и соответствует ранней казахской записи Потанина — см. «Живая Старина» XXV (1916), 178—179.

Идентично окончание рассказа по записям абхазской, айсорской и армянской: птицы кормят свою спасительницу.

Мотив — *дворец из костей птиц* — упомянут в Абх Н 207.

№ 8. Тип: AaTh 554—Ib—IIg = AaTh 329—I—IIb—IIIa.

Источник: Абх Н 169—178.

Варианты: аварские — Schiefner Aw № VII (59—67) = СС II, 5 (1869), 48—52; Авар 1972, № 97; кабардинский — Каб. Лопатин-

ский I, 117—122; Долидзе № 53; Digg № 1 (1—5); кумыкский — Чеч. ЧР 1963, 336—339; осетинские — Ос 1959, 173—177 = Ос 1973, № 77 и Ос 1959, 261—274 (начало).

Своеобразием кавказских вариантов можно считать ситуацию спасения рыбы по типу AaTh 506, а также допустимость мотива спасения детей орла по типу AaTh 301. Источник во власти дракона из типа AaTh 300 встречается в настоящем сюжете только в данном контексте.

Характерной чертой осетинских вариантов Ос 1959, 173—177 и др., а также Долидзе № 53 и данного текста является то, что поведение девушки не осуждается, тогда как в тексте Абх Н 169—178 мы читаем, что «жениться на такой — позор». По этой детали, а также по попытке Абх Н обосновать подобное, едва ли народное мнение можно заметить, какого рода обработке подвергались абхазские публикации, и догадаться, чьи взгляды отражают эти отклонения от нормальной версии.

№ 9. Тип: (EbVo 240) = (AaTh 403) + (AaTh 412 + AaTh 533 + AaTh 546—1); ВР 2, 278ff (ослепление).

Варианты: Долидзе № 46; армянский — СМ XIX, 2 (1894), 159—167; азерб — 230—240; Курд № 54 (192—197); Медноволосая 239—245; отдельные мотивы сюжета AaTh 533: СНД № 46 лак; арм — СМ VII, 2 (1889), 187—196.

По стилю и сюжету публикуемый рассказ примыкает к лубочным изданиям западноевропейской версии легенды о Берге: A. Me m e r g, Die altfranzösische Bertasage und das Volksmärchen, 1935. В тексте наблюдаются бытовые модернизации вроде парохода, автомобилей и т. п. Широко известный эпизод после ослепления невесты и некоторые другие мотивы не являются местной особенностью (ср. Долидзе № 46); особенно близки турецкие записи EbVo 240—III, 9 (a, e, m, n, q, r, v, x, aa, ac). Для восточной традиции — EbVo 240: Do № 37; Ha № 28; Le № 55; Su I, 4—16.

№ 10. Тип: AaTh 550—Ia—II—IIIa (IV).

Своеобразием публикуемого пересказа всемирно известного сюжета является идиллическое изображение образа жизни князей.

№ 11. Тип: AaAn * 222 B.

Варианты и исследование: I. Levin, Etana — «Fabula» 8 (1966), 1—63; И. Левин, Русская сказка и немецкая басня, — «Ученые записки Лен. Гос. Пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 210 (1959), 111—136. Автором этих работ подготовлена всемирная история сюжета на основе всех доступных (около трехсот) изустных вариантов (среди них и абхазских) этого повествовательного типа, одного из древнейших, засвидетельствованных уже в аккадской литературе произведений словесности.

Публикуемый вновь текст (см. Абх 1939, 62—64) фрагментарен и плохо передает сюжет. Текст, изданный в Абх 1959, 81—83, отличается от публикуемого здесь, хотя, очевидно, восходит именно к нему, а не к самостоятельной записи.

№ 12. Тип: AaTh 20A + AaTh 21 + Medne 56 * C (= AaAn 56 * C).

Источник: Абх 1939 (на русском языке!) = Абх 1959, 93—94.

По тексту Абх 1959, 93—94 погибает дрозд! Из-за отсутствия оригинала на абхазском языке можно предположить, что публикуемый здесь текст является простым пересказом русского варианта (Афанасьев № 30).

- № 13. Тип: (AaTh 130 B) + AaTh 210.
По тексту Абх 1959, 97—100, животные возвращаются домой. По публикуемому здесь рассказу, а также по тексту Абх 1939, 15 белгцы остаются жить в захваченном доме адауы. Сомнительность текста исключает возможность серьезного анализа.
- № 14. Тип: (AaTh 30); ср. AaAn 20 A.
Произвольные отклонения в изложении всемирно известного сюжета, видимо, под влиянием текста Афанасьев № 30.
Ср. текст Абх 1959, 95—96.
- № 15. Тип: 0 + AaTh 550 A (= AaTh 750 D): EbVo 110; AaAn * 796—I.
Варианты: осетинские — СС VII 2, 1873 22—31; Миллер ОЭ I, 3 № 16 (156—158); СМ XXVII, 3 (1900), 51—58 = Ос 1960, № 37; Ос 1959, 241—244; сванский — СМ X, 2 (1890), 177—187; имеретинский — СМ XIII, 2 (1892), 24—27. Отчасти ГНН 41—44; армянский — M a c l e r, Contes et légendes de l'Arménie, Paris, 1911, 71—75; Единственный источник в EbVo 110 происходит, очевидно, с Кавказа, далее: Tietze — Da 522—526; Df № 70; Le № 21. Schwarzbaum, Studies, 83; J a s o n, Types of Jewish-Oriental Oral Tales,— «Fabula», 7 (1965), sub 750 D — есть варианты еврейско-персидского происхождения. Сюжет засвидетельствован и в Средней Азии: М. Ш е в е р д и н, Узбекские народные сказки, т. 2, Ташкент, 1961, 425, № 150. Своеобразие публикуемого текста — его начало, в остальном сюжет весьма упрощен. Для 0: ср. ThMot C614. 1; D133; D566; Q551, 3. 2.
- № 16. Тип: (AaTh 406) + AaTh 516 B + 302—II—III; ср. (AaTh 303—I, Va) + AaTh 313 IIIc.
Ср. следующий текст № 17.
Варианты: для AaTh 516 B зарегистрировано на Кавказе 25 вариантов. Для начала типа AaTh 406 ср. армянский — СМ VII, 2 (1889), 79—83, балкарский — СМ XXIII, а (1897), № 4 (21—27). Подобно публикуемому тексту исчезает «волшебная сила» в записях Ос 1959, 164—172; Долидзе ВС № 1, № 12. Ср. также турецкие варианты под EbVo 215—III, 3 (с, d, r, s, f). Публикуемый вариант характерен княжеско-семейным колоритом и «технологизацией» чудес (ср. «самолет-ракета»).
- № 17. Тип: (AaTh 303—III + AaTh 406) + AaTh 516 B(I)—II—III сb; ср. EbVo 215—III, 3 (acdefbghivr) + EbVo 215—III, 4 (с, d, f).
Своеобразный мотив в сюжете — *рога оленя в качестве моста*; ср. адыгейский вариант АС 177—187, где мостом служит свинья, и грузинский пересказ — лестница (Долидзе ВС № 1, 12). Рассказ распространен на Кавказе и в Северной Африке, где он обычно завершается типом AaTh 465.
- № 18. Тип: 0 + AaTh 300—IIa(b)—IIIb—IVbe.
Всемирно известный сюжет AaTh 300 встречается обычно на Кавказе как эпизод в рассказе типа AaTh 301 (ср. здесь № 78) или же в другой контаминации (ср. здесь № 8 с типом AaTh 554 и № 29 с типом AaTh 303). Местная специфика обнаруживается именно в сочетании.
Повествовательный тип AaTh 300 давно привлекает внимание исследователей. Анализу подверглись около тысячи вариантов и древнейших литературных свидетельств сюжета. Победа над

драконом-змием — это самая «сказочная» победа героя, в изобразительном искусстве этот поединок показан, а в литературе рассказан уже во втором тысячелетии до нашей эры в Месопотамии. О поединках с трехглавым драконом повествуется в ираноязычной Авесте. На персидской почве победа героя над аждахой уже связана с освобождением женщины (например, по «Шах-наме» Фирдоуси). Генетическая связь с предшествующими индийскими свидетельствами сюжета и последующими рассказами о поединке героя с многоглавым змием, обычно в иранском мире, на Кавказе и на Балканском полуострове именуемым «аждахой», не вызывает сомнений. В середине первого века до нашей эры из восточных (финикийских или же иранских) источников сюжет был многократно воспринят в античной Греции, получив развитие в мифологии и литературе. Предположение о переходе сюжета с Запада на Восток и гипотеза независимого многократного возникновения хотя бы эпизода поединка героя с многоголовым чудовищем-драконом опровергаются источниками и их географией и хронологией. Изучение «образа» змия вне конкретного сюжета, к тому же на ограниченном национальном материале оказывается тщетным (см. новейшую работу в этом направлении со значительной библиографией: U. Dukova, *Das Bild des Drachen im bulgarischen Märchen*, — «Fabula» 11 (1970), 209—252. Широкое распространение эпизод змеборства получил в Восточной и Западной Европе в связи с легендой о св. Георгии, прочно сложившейся не позже IV в. н. э. в Византии (Ljungman, 38—43; K. Rankе, *Die zwei Brüder*, Helsinki, 1934 (= FFC 114).

Своеобразие публикуемого текста — его вводная часть, где отражаются средне- и западноевропейские представления о ведьмах, их полетах и т. п. Это введение соответствует типу AaTh 315A, служащему нередко началом к сюжету AaTh 300. Частичную монографию готовил В. Я. Пропп, см. Levin — «Linguistica Biblica» 1973, № 23/24, стр. 63—68.

№ 19. Тип: (AaTh 531—IIb + 513 A + 516—III).

Текст Абх 1959, 218—224 существенно отличается от публикуемого здесь в ряде деталей: нет завистливого брата, соответственно отсутствует и эпизод проклятия, хотя оба текста, вероятно, восходят к одной записи. Требования братьев соответствуют не нормальной версии сюжета, а, пожалуй, типам AaTh 315, 531, 590, 707.

Ближайшая кавказская параллель эпизода с оленем: Ос Н Либединский 81—84; Олень, у которого «волос звенел колокольчиком и щетина бубенчиком», а также поющая-пляшущая шуба — Ос 1959, 59—63; 193—204; Ос Н Либединский 175—179; Ос 1973 № 56; балкарские варианты см.: Pröhle В № 9 (213—235); СМ XXIII, 3 (1897), № 1 (3—13). Гибель брата соответствует типам AaTh 465, 516, 550—IV, 590, 315, где, однако, козни не удаются злоумышленникам. Изложение оригинально.

№ 20. Тип: новый, отсутствует в каталогах, присваивается AaTh 467 В.

Этот незарегистрированный сюжет, вероятно, распространен в Турции и Иране, а также на Кавказе.

Варианты: для начала — мингрельский — СМ X, 3 (1890),

16—22; грузинский — СМ XVIII, 3 (1894), 402—407 (весь рассказ!); для всего сюжета (при различиях в начале) — Долидзе 104—118 № 18; Ос 1959, 39—47; Азерб 188—204; СМ XIX, 2 (1894), 242—261 (ашугского происхождения!); СНД № 43 лак; адыгейский СМ XXVII, 4 (1900), 35—60 (в другой композиции).

Изложение сюжета не свободно от противоречий.

№ 21. Тип: АаTh 653 А.

Варианты: Каб. Лопатинский I, 89—92; Чеч 153—154; ингуш.— «Сборник материалов по этнографии» III (1888), 153—154; груз.— Долидзе 220—224, № 40; СМ XIX, 2 (1894), 119—123; Ос 1960, № 14.

К. А. Четкарёв, Марийские народные сказки, Йошкар-Ола, 1956, 65—69, № 6; М. Левченко, Казкі та оповидання з Поділя, Київ, 1928, 428, № 526; R. Tauscher, Volksmärchen aus dem Jeyporeland, Berlin, 1959, № 24, 43; X. Ярмухаметов, Татарские народные сказки, Казань, 1957, стр. 37; D. No y, Jefet Schwili erzählt, Berlin, 1963, № 29; Tietze; Si № 30; Kt 45; Df № 48; Ha № 47; Le № 66; Чеч 153. Библиографию см. Левин, Турецкие, № 62.

Публикуемый текст отражает восточную версию сюжета, засвидетельствованную многочисленными вариантами из Малой Азии, на Балканском полуострове, в отличие от русских вариантов, примыкающих к другой версии, где братья обладают не всцами, а качествами. Обе версии (современная, восточная, видимо, младшая) восходят к древнеиндийскому источнику, закрепленному в литературе (индийской, персидской и арабской, а в дальнейшем и в итальянской). Публикуемый текст отличается тем, что здесь с самого начала невеста просватана за трех братьев — это отклонение от нормальной версии нарушает несколько логику повествования, в остальном сохранность хороша.

№ 22. Тип: АаTh 883 А + (АаTh 709—IIa—III, IV, V) = (ЕbВо 137) + ЕbВо 245.

Варианты: Долидзе (316—321) № 64; ГНН 185—194; Ос 1960 № 19; армянский — СМ VII, 2 (1889), 155—164; Курд № 32 (77—79); Азерб 178—187; Левин, Турецкие, № 42, 45 (указания на исследование и варианты); A. Wallensköld, Le conte de la femme chaste convoitée par son beau-frère, Helsingfors, 1907.

Публикуемый текст представляет собой сентиментальное изложение широко известного на Востоке и на Западе сюжета, несомненно воспринятое рассказчиком из лубочного источника. Это весьма характерно для современного для современного повествовательного репертуара. В эпизоде с адауы рассказ принимает «сказочный оборот», что выпадает из стиля повествования. По некоторым признакам («монах», «христианский дух») можно было бы отнести все изложение сюжета к западноевропейской версии, а именно к трогательной легенде о св. Кресценции. Однако более глубокий анализ содержания указывает на вторичность христианской оболочки и на зависимость рассказа от восточной, даже мусульманской версии, которая засвидетельствована в персидской книге «Тутти-наме» Нахшаби (XIV в. н. э.). Можно предположить, что независимо от католической традиции сюжет на Кавказе был изложен вновь, а именно в каком-то лубочном издании, в хри-

стианском колорите, предположительно армянином. Следует отметить, что в публикуемом тексте наблюдаются выраженные восточные черты; в многочисленных турецких вариантах сюжет развивается в мусульманской среде (вместо монаха — муэzzин, ритуальное омовение в бане и т. п.).

Приключения невинно оклеветанной девицы многократно подвергались литературной обработке в течение XIII—XVI вв. Сюжет был воспринят испанской светской литературой в XVIII в. В пору сентиментализма сюжет — как легенда о св. Генове — пользовался большой популярностью. Именно этот стиль широко вошел в фольклорный репертуар, в особенности Кавказа. Несомненно, что это течение определило национальную специфику словесности, художественное мышление собирателей, издателей, и в силу этого рассказчиков и носителей фольклора. Благодаря этому читатель получает наглядное представление о характере народности и многосложности формы и содержания того, что именуется фольклором, в частности «народной сказкой». См. S. Stefanović, Die Crescentia-Florence Sage, 1911. Абх 1935, 168—172 излагает сюжет AaTh 883A как эпизод перипетий абхазцев во время перехода на современную родину, в Абхазию.

- № 23. Тип: 0 + AaTh 1889G + (AaTh 449—I+IV) + AaTh 612—IIa. Варианты: ближайший — осетинский Миллер ОЭ I, № 11 (52—59); Ос Н (Ю) 101—119; Ос Н Либединский 56—63; для мотива оживления см. Ос 1959, 154—158; Миллер ДС № 7 (111—117); Ос Н (Ю) 118; Ос Н Либединский 131—133; оживление листком: Миллер ОЭ—I—II; Каб. Лопатинский 1, 143. В публикуемом тексте не указано, чем производится оживление. Для эпизода «царская собака» см. монографию: В. Андерсон, Роман Агулея и народная сказка, I, Казань, 1914. Эпизод AaTh 1889G, описанный как приключение барона Мюнхаузена, редок в повествовательном репертуаре Кавказа. Ср. здесь № 46.

- № 24. Тип: AaTh 552 A—I(a)c—IIa + (AaTh 537—IV).

Контаминация этих типов не традиционна, но изложена складно. Сюжет AaTh 552 на Кавказе бытует. Эпизод со шкатулочкой, в которой заключен город, — AaTh 537 — выделен на основе разысканий Левина из типа AaTh 313 B; в другом контексте этот мотив встречается и на Кавказе. Особенность публикуемого текста: город возвращается в шкатулку после истребления части населения, т. е. не магическим путем.

Мотив — *обуздание коня, ударяющегося о небо, запад, восток и т. д.*, — встречается реже в грузинском репертуаре: Долидзе № 30; СМ XVIII, 3 (1894), 389.

- № 25. Тип: 0 + AaTh 530—II + AaTh 314—Vd—VI(c)d.

Произвольная композиция широко известных повествовательных типов AaTh 530 (коня!), AaTh 675 (дурак!) и AaTh 327 (лес). Поэтому стремящееся к оригинальности изложение изобилует сторонними мотивами, плохо увязанными с логикой повествования. Публикуемый текст содержит много лубочных, сентиментальных оборотов и стилистических приемов, свойственных кавказскому репертуару.

Ср. здесь № 42, 127.

- № 26. Тип: AaTh 516—Ib + (AaTh 300A) + AaTh 516(IIId)IVa(IIIa)Vc.

За вычетом мотива спотыкания коня из AaTh 300A публикуемый текст для Кавказа на редкость полно излагает всемирно известный сюжет AaTh 516 о верном друге, который в Индии и Западной Европе вошел в литературу в конце I тысячелетия н. э. Книжная история романа тесно переплетена с устной традицией сюжета.

Специальную литературу см.: W. Bauerfeld, *Die Sage von Amis und Amiles, ein Beitrag zur mittelalterlichen Freundschaftsage*, Diss. Halle, 1941; Liungman, 363.

Напряженный сюжет рано подвергся драматизации у Гоцци: (Gozzi, *Il sorco*, 1772; Baudissin, *Italienisches Theater*, 1877, 1). Он был обработан знаменитым сказочником Г.-Х. Андерсеном. Это в свою очередь способствовало его популярности и дальнейшим драматизациям.

Устная традиция сюжета предшествовала, сопутствовала и следовала — все в зависимости от места, времени и социальной среды — его литературной традиции. Наблюдения Юнгмана позволяют считать родиной сюжета Малую Азию византийского периода. Мнение Крона вслед за Бенфеем (FFC 96: K. Krohn, *Übersicht über einige Resultate der Märchenforschung*, Helsinki, 1931, 82) об индийском происхождении рассказа не подтвердилось. Вывод же Рёша (E. Rösch, *Der getreue Johannes*, Helsinki, 1928 (= FFC 77), 197), что родина сюжета находится на территории Венгрии, в настоящее время благодаря многочисленным новым записям, в частности с Кавказа, может быть уточнен, что приведет к более южной локализации.

Для определения отношения публикуемого текста к установленным региональным версиям, а заодно и его специфики среди других кавказских записей существенны по крайней мере два момента: герой видит невесту во сне (а не влюбляется по портрету!), а его спутник узнает об опасностях, грозящих герою, из беседы ангелов (а не птиц, языком которых он владеет!); кроме того, окаменелый верный друг пробуждается жертвой (вываренной, не ее кровью!) сына героя (а не каким-то иным способом!). По этим узловым мотивам можно установить специальные генетические связи данного текста с другими вариантами, т. е. выделить группы, версии и, учитывая их ареал и хронологию, на основе деталей, а не теорий выдвинуть гипотезу об истории этого произведения словесности. В этой связи данный текст представляет большую ценность.

Герой этого рассказа влюбляется во сне по: Chauvin 5, 132; EbBo 214, f = Asral, Suat Salih, *Öz Türk Massallari*, Mersin, 1935, 27—29; опасности пророчат ангелы: SM XIX, 2, 56, № 7. Окаменелого оживляют внутренности ребенка по эфиопскому тексту (Reinisch, *Bilin-Sprach* 1, 104, № 19), где вся ситуация спасения довольно близка к абхазскому тексту; так же — татарский вариант — Радлов 2, 176—224. Именно этот мотив (оживление окаменелого принесением в жертву сына, в частности кровью этой жертвы) не является исконным в индийских ранних источниках. Вера в целебную силу крови ребенка, широко распространенная в Евразии, на что указывал Р. Кёлер (R. Köhler, *Aufsätze über Märchen und Volkslieder*, Weimar, 1894, 24—35), не имеет пря-

мого отношения к сюжету, в котором выражена мысль о жертве-возмездии ради друга. Здесь вероятнее воздействие на сюжет со стороны библейских преданий об Аврааме и его готовности пожертвовать сыном Исааком, широко известных по всему ареалу нашего сюжета (кроме Индии!).

Варианты: Абх Н 94—99; СНД № 60 (кум. 178—180); АаTh 516—III—V как продолжение — чеч СС IV, 2 (1870), 15—20; мингрельский — СМ X, 2 (1890), 279—291; Долидзе (198—207) № 35; Долидзе ВС 271—283 № 40; Мир Ислама I, 322; Ос 1960, 162—181, № 13; Ос 1973 № 45; Азерб 207—216. Tietze: Kt 256; Pa 604—616; Df № 37; La 24—29; Lm 159—182; Ye 137—139; Schwarzbaum, Studies, 120, 464; Азербайджанские тюркские сказки, М., 1935, № 10, 15.

№ 27. Тип: АаTh 465А + АаTh 552А.

Источник: Абх 1935, 154—159 (вместо царя — князь); см. здесь № 33.

Тип АаTh 552А введен в рассказ произвольно, потому необходимо. АаTh 465А засвидетельствован на Кавказе, по крайней мере 13 записями, в разных вариантах. Обычно соперником выступает здесь отец героя. Приведенные в публикуемом тексте задачи: «принести что-то с того света» (АаTh 465С), а также «чего никто в мире еще не видел» (АаTh 465А; ThMot N1382), как правило, не совмещаются в одном изложении сюжета. Соперник остается жив только по данному тексту и по Долидзе (250—252) № 47, где (N1382) находится в аду; СНД № 37; предметы мотива D831 в публикуемом тексте очень странны: топор, коробочка-пушка; нехарактерны для сюжета имена собственные (кстати, русского происхождения): Алыкса, Мишка, а также «солдатские» детали.

№ 28. Тип: АаTh 560—Ib + АаTh 537—IV+V + АаTh 313—Ib—IIbc—IIIb; ср. здесь № 24 и комментарий к мотиву — *шкатулочка с гордом внутри* — здесь 38.

Начало публикуемого текста необычно: змея обещает спасителю исполнить его желания (АаTh 560). Нетипичен способ заплодения чертом брата, а также отказ от преследования молодых смирившимся отцом.

Вопрос об исконности связи типа АаTh 313 (магическое бегство) с выделенным из него сюжетом АаTh 537 решается в специальном разыскании Левина отрицательно, хотя древность контаминации вне сомнений.

Традиционные в публикуемом тексте магические превращения беглецов по сюжету АаTh 313, всемирно известному и одному из древнейших (по мнению Фон Сидова, эпизод магического бегства возник не позже середины III тысячелетия до н. э., что едва ли обоснованно!).

Специальные связи абхазского пересказа с другими вариантами могут быть прослежены по мотивам магического превращения во время бегства на основе специального исследования сюжета: А. А г н е, Die magische Flucht, Helsinki, 1930 (= FFC 92). Превращение в попа и церковь (здесь — покойницу) широко распространено в вариантах из Восточной Европы. Покойник в этой связи специально упоминается в тексте русского варианта (Зеленин, — «Зап. Имп. Георг. Общества по отд. этнографии», XLII,

№ 118). Таким образом публикуемый текст примыкает к восточно-европейской (русской) версии. Превращение в лавку и приказчика соответствует, очевидно, мотиву превращения в корчму и корчмаря, бытующему у венгров, финнов, но также во Франции. В публикуемом тексте здесь часто прославляется сначала войском; этим абхазский вариант обнаруживает общность с рядом русских пересказов, отличающихся от всех прочих записей. Вместе с тем публикуемый текст отличается от многочисленных кавказских свидетельств сюжета.

Возможно, читатели, а среди них и фольклористы, будут склонны узреть местную специфику в мотиве укрощения коня, одной из трудных задач черта, тем более что и в других публикуемых текстах здесь часто прославляется опытность джигита, конь. Следует предупредить подобные выводы указанием на наличие этого же мотива в других вариантах — шотландских, венгерском, пермяцком, удмуртском, многих датских и немецких, шведских, итальянских и многих русских (белорусских и украинских), чувашском, татарском и — по крайней мере по коллекции Аарне — в одном лишь кавказском (СМ XVI, I 295)! То, что мотив укрощения коня не появился в контексте случайно или независимо, например, как отражение трудовой деятельности коневодов или наездников, видно из взаимосвязи этой детали с другими элементами этого сюжета, имеющего одно определенное место и время возникновения. Хотя Абхазия расположена ближе к родине этого рассказа, тем не менее публикуемый текст (и другие варианты) свидетельствует о позднем заимствовании этого сюжета населением Кавказа, причем не из юго-восточных (греко-тюркских) источников, а от носителей этой традиции, обитавших севернее, по всей вероятности, от русских.

Варианты: айсорский — СМ XVIII, 3 (1894), 87—91 как продолжение (заимствованного из русского источника) АaTh 222В первая задача не выполняется; отец прекращает преследование; имеретинский — СМ XIX, 2 (1894), 8—19; Долидзе 166—172, № 31; Микава 20—28 (неаутентичная композиция по Долидзе № 31); Ос 1959, 88—94.

Исследование: И. Леви и Этана. Шумеро-аккадское предание, Л., 1967 (там же библиография).

№ 29. Ср. следующий текст № 30; Абх 1959, 184—188.

Тип: АaTh 567 А—II(c) (= АaTh 567—Iab) + АaTh 300—Ig + АaTh 303—IIa + IIId + IVa + АaTh 300—IIab—Viced + АaTh 303—Va. Текст Абх 1959, 184—188 сильно обработан: АaTh 567 отсутствует, юноши являются сыновьями охотника. Вместо перкви по публикуемому тексту в Абх 1959 мы находим «башню». В данном тексте старуха каменеет, по публикации Абх 1959 она убегает.

Варианты: ближайший, содержащий контаминацию АaTh 303 + 300 это Ос 1959, 99—106. Для типа АaTh 303: Абх Н 155—159; Ос 1959, 282—291; Ос 1973, № 45, 46, 60, 61. В сочетании с АaTh 314: Груз СМ XVII, 3 (1894), 383—387; Ос 1960, 45—68, № 4₂; Авар 1972, № 91. Отклонения публикаций, очевидно обработанных редакторами, от текста первичной записи, как и отклонения вариантов от нормальной версии имеют культурно-историческое значение.

№ 30. Ср. предыдущий текст № 29.
Тип: AaTh 303—Icsg—IIa + IIIId—IVab + (AaTh 465—II):
EbVo 220.

Произвольная контаминация двух сюжетов, поэтому эпизод сватовства за сестру великанов повторяется, что отнюдь не является здесь стилистической особенностью. Ср. Абх 1959, 73—78 и Абх Н 79—88. В обоих текстах описывается поединок с братьями красавицы. В обоих вариантах герой усыновлен великаном, у которого братья погибли при сватовстве. Публикуемый здесь текст фрагментарен.

Мотив — *на отрубленную шею — золу, чтобы голова не отрастала* — см. здесь № 8; Долидзе № 30 (165). Для окончания ср. AaTh 465—II: задача — привести ребенка, знающего все языки, и т. д. (ср. ОС 1973, № 54, 113). Своеобразие текста — бытовая точность: 24 минуты, 64 года и т. п. Необычен и талисман арара. Мотив меча характерен для Турции.

№ 31. Тип: AaTh 785 + AaTh 763.
Варианты: Df № 38; Lb № 115; Schwarzbaum, Studies 90.

Поразительное по композиции и сохранности изложение двух редких повествовательных типов!

Варианты: для литературной истории AaTh 763: N. M. Penzger, *The Ocean of Story*, London, 1924ff., VII, xxi—xxii; Chauvin VIII, 100, № 73; W. Eberhard, *Typen chinesischer Volksmärchen*, Helsinki, 1937 (= FFC 120) [Märchentyp M 148]; Schwarzbaum, *Studies*, 82, 95, 457, 766, 7—8, 139, 391, 442; Grünbaum, *Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde*, 1893, 279.

Сюжет записан на всех континентах. Публикуемый текст очень точно передает (мусульманский) апокриф о Христе (Наби Иса), а не о Моисее (Наби Муса, как здесь назван герой) (E. Kuhn, *Barlaam und Joasaph*, 1893, 82). Именно в этом источнике (в отличие от современной нормальной версии, где речь идет о съедении мяса, обычно печени) повествуется о трех хлебах, а также об оживлении козленка. Под названием «Наби Иса» рассказ (заимствованный, очевидно, из арабского источника) записан и на Яве: Bezemer, *Volksdichtung*, 1904, 21. О персидских свидетельствах: ZDMG 14, 280; Pizzi, *Storia della poesia persiana*, 1894, 2, 376. Публикуемый здесь, вероятно уникальный на Кавказе, вариант через мусульманский источник восходит к еврейской притче не позднее начала нашей эры.

№ 32. Тип: AaTh 938; EbVo 136.

Несуразности публикуемого текста (жену увели «какие-то молодые люди», но потом она оказывается у торговца в том же городе, что и ее муж, и многое другое) определяются не только индивидуальностью рассказчика, от которого известна еще одна плохая запись, но и тем обстоятельством, что турецкий, мусульманский источник переиначен на христианский лад. В тексте Абх 1959, 213 возникают и другие морализации, а по тексту армянского происхождения SM VII, 2 (1889), 213—219 получается, что увезенная жена, оказавшись во власти похитителя, остается не тронутой, ибо, как выясняется, она была «двоюродная сестра» насильника. Переосмыслению подвергся вариант еврейско-татского происхождения SM XVIII, 3 (1894), 166—167, где жена

вообще не играет роли (рассказ вертится вокруг денежных дел). По нормальной версии, широко известной по турецким и другим свидетельствам, повесть кончается казнью похитителя, а не морализацией, как в тексте Абх 1959, 217.

О литературной истории см. Schwarzbaum, Studies, 14, 443.

№ 33. Тип: AaTh 402 A (ThMot D1314. 1. 3) + AaTh 465—II(a)b—(III).

От нормальной версии публикуемый текст отличается тем, что братья получают невест, стреляя по деревьям, а помощь в исполнении задачи (построить мост над морем) оказывает теща, превратившая свою дочь на 13 дней в лягушку. Относительно редкое сочетание известных повествовательных типов.

Варианты: армянский СМ XIX, 2 (1894), 155—159; грузинские — Долидзе 232—236, № 43 и Долидзе ВС № 36 (251—256); аварский СНД № 37; ср. Абх 1959, 208—212.

№ 34. Источники: Абх 1935, 150—153; Абх 1959, 197—199.

Тип: AaTh 507 C—Iab II + (AaTh 507 A—III): EbVo 62.

Варианты: мингрельский СМ X, 2 (1890), 324—326 (помощник рыба!); Авар 1972, № 84, айсорский — СМ XX, 2 (1894), 48—60; Ос 1973 № 26, 59, 81; Ditt 88—92, № 17.

Публикуемый текст отражает турецкую версию сюжета, где благодарный помощник — рыба (принимающая вид человека), хотя в абхазском варианте встречается более исконная черта: благодарный мертвец. Этот всемирно известный сюжет исследован: S. Liljeblad, Die Tobiasgeschichte und andere Märchen mit toten Helfern, Lund, 1927. Основная идея рассказа характерна для еврейской этики: почтение к покойникам, участие в ритуале погребения, за которое не от кого ждать вознаграждения.

По мнению комментатора Абх 1935, 219, рассказ «проповедует необходимость своевременной уплаты долга». Насколько трудно из рассказа, не зная ни места, ни времени его возникновения, делать идеологические выводы, видно из турецких вариантов, где мусульманин платит долги покойника, по гробу которого бьет «неверующий». Нормы морали не носят здесь ни национального, ни классового характера.

См. N. M. Penzer, Poison-Damsels and other essays in Folklore and Anthropology. London, 1952 (содержит анализ дополнительных материалов по этому сюжету).

№ 35. Тип: (EbVo 134; EbVo 180. V; EbVo—IV, 219) = AaTh 681; «Sehabeddin»; ThMot F377.

Варианты: Долидзе № 48 (253—255); айсорский Socin (159—166) 219—223 и СМ XVIII, 3 (1894), 65; курдский № 43 (103—106); R. Köhler, Kl. Schriften II, 210 ff. Tietze — «Oriens» I, 266; A. Wesselski, Märchen des Mittelalters, Berlin, 1925, стр. 255, № 65; A. Веселовский ed. Paradiso degli Alberti Bologna 1867, I, 2, 263; H. Hoffmann, Märchen aus Tibet, Düsseldorf (MdW), 1965, № 23, 35; P. Ernst, Tausend und ein Tag, I, Leipzig, 1962, 685—703; S. Jahn, Arabische Volksmärchen, Berlin, 1970, № 24.

Рассказы об относительности времени давно бытуют в репертуаре народов Дальнего и Ближнего Востока, преимущественно среди буддистов. Известны два вида сюжетов: (1) где пережитые события изображены как реальные и (2) где эти переживания

иллюзорны, как результат внушения, трюков дервишей. Публикуемый текст принадлежит к первому, «реалистическому» виду, являющемуся, вероятно, более поздним развитием темы. Легенда о человеке, спавшем так долго, что мир вокруг него успел измениться, представляется побочным видом.

№ 36. Тип: 0 + AaTh 1060 + (AaTh 1064) + придерживаться неба + + сгон дичи + AaTh 1640—IIIb + (AaTh 1049 + 1053 A) + AaTh 1088 + AaTh 1116 + AaTh 1115 + полет от вздоха великана + + (AaTh 1149).

Источники: Абх 1935, 210—216; Абх 1959, 179—183 (добавления неизвестного происхождения!).

Варианты — абхазские Абх 1935, 90—92 (без эпизодов 0), AaTh 1640—IIIb, (AaTh 1049, 1053 A), (AaTh 1116, 1115) полет от вздоха; Абх 1939, 35—41 (без эпизодов 0), далее полное соответствие публикуемому тексту.

Для мотива 0 — *трусливого мужа жена сопровождает на двор* — аварский Schiefner Aw XI (88—94) = CC2 (1896), 71—75; балкарский (СМ XXIII, 3 (1897), № 3 (13—18)). Заимствование этого мотива из аварского — вероятно.

Для целого прочие кавказские варианты — Долидзе № 67; ГНН 51—53; СС 2 (1869), 5, 71—75; СМ XXII, 2, 4 № 2; чеч — СНСК 236—240 = Dirr № 21; черкесский СМXXI, 2, 181 № 3; армянский F. Macler, Contes arménien, Paris, 1905, стр. 120, № 16; персидский — Malcolm, Sketchen of Persia, 1828, 2, 58.

Древнейшее литературное свидетельство рассказа о приключениях мнимого героя содержится в китайском переводе индийской «Трипитаки» (2, 205, № 301 по изданию Шаванна), датированном серединой I тысячелетия н. э.

Пародия героических приключений беспомощного (подчас и глупо-лукавого) труса, составляющая основную тему, пронизывающую все эпизоды этого сюжета, очень рано заняла прочное место в мировом повествовательном репертуаре, опередив у многих народов серьезные рассказы о героях. Очевидно, перед нами два разных жанра словесности, идейно противоположных. Поэтому трудно сказать, какой из них отвечает чаяниям и ожиданиям их носителей и наблюдается ли развитие народного мышления и вкуса применительно к сюжетам словесности. Поскольку многие эпические, героические сказания несомненно сложились позже пародий героизма как в документально-хронологическом, так и в «стадиальном» плане, постольку становятся гипотезами как теория эволюции фольклора, в особенности развития жанров, так и тезис К. Ранке, согласно которому подобные пародии являются Schwundstufe сюжета, предвестником его изжития из репертуара.

Ввиду большой пестроты наизанных в сюжете AaTh 1640 («Храбрый портняжка») приключений J. Polivka («Národnopisný Sborník českoslovanský, 10; «Märchenwissenschaftliche Studien, 1904, 3), выделив довольно устойчивые версии, допустил возможность полигенезиса, т. е. многократного и независимого возникновения сюжета, а именно: в Германии в конце средневековья, в России — как пародия героических былин (!), на Кавказе и в Индии, причем в некоторых (отсутствующих в публикуемом тексте) мотивах генетическая связь кавказской, европейской и

азнатской версий ученым не отрицалась. В свете этой теории кавказские варианты заслуживают самого пристального внимания, как, впрочем, и следующие аргументы.

Прежде всего Россия как место возникновения сюжета, хотя бы в порядке полигенеза, исключается. Русские варианты восходят к средневропейским (по крайней мере одно приключение проникло даже в текст былины: Илья Муромец, эпизод с березой см. «Известия ОЯЛ АН», II, 2, 246; ВР I, 159). Кстати, Юнгман считает эту деталь типической именно для персидской, полагая правильным отнести ее к индийской версии. Независимой русской версии Юнгман не видит. Придавая большое значение именно персидским вариантам, Юнгман увязывает кавказские варианты с индийскими, локализуя родину сюжета в Малой Азии и тем самым отвергая гипотезу Поливки о многократном возникновении рассказа.

Публикуемый абхазский текст, между прочим, хорошо увязан с западноевропейской средневековой и литературной традицией в эпизоде ловли кабана. Описание соответствует популярной басенной ловле носорога: Grässe, Beiträge zur Literatur des Mittelalters, 1850, 68; ВР I, 164. Несмотря на разнобразие связи кавказских вариантов как между собой, так и с восточными и западноевропейскими кавказское происхождение сюжета представляется вероятным!

№ 37. Тип: АаTh 514.

Варианты: Хаханов I, 95; Долидзе 253—255 № 48; Абх Н 100—105 (изложение в виде нартского эпоса); Абх 1959, 174—178 (в произвольной обработке).

№ 38. Тип: АаTh 313 С (АаTh 314—Ie + АаTh 313—Ib—IIbc—III(c) bcb (IV) (Ve)) + АаTh 408—IV+VII + (АаTh 313—VI).

Источники: Абх 1959, 163—173 (в произвольной обработке!); Микава 20—28 (опирается, вероятно, на подлинную запись, хотя бы частично), в этом тексте отсутствует эпизод типа АаTh 408—IV+VII, который обычно не встречается в составе типа АаTh 313С.

Варианты: для АаTh 313 С, относительно редкого на Кавказе типа, — Долидзе ВС № 21; Долидзе 269—272 № 52; СНД № 41 (аварский); для весьма редкого сюжета («Любовь к трем апельсинам») см. библиографию: Левин, Турецкие, 462, № 18. Этот же эпизод IV—VII из сюжета АаTh 408 встречается в другой контаминации: СНД № 46 (лакский — 106—119) и СНД № 71 (лезгинский 218—222), см. там же комментарий.

№ 39. Тип: АаTh 325 = EbVo 169.

Источники: Абх 1935, 114—119 почти полностью тождествен с Абх 1959, 158—162 (в которых встречается превращение: игла — нить).

Варианты — кавказские: мингрельские СМ X, 2 (1890), 319—324; также СМ XVIII, 2 (1894), 23—26; Долидзе 141—144 № 25 = Долидзе ВС № 32 (228—231) = Dirr 13—17, № 4; Ос 1959, 219—222; аварский Schiefner Aw 47, № 5; армянский — «Zs. f. Volkskunde», 20, 74 «Das Pferd des Kaimakam». прочие (сверх каталогов) Tietze: Ki 229—232; Kt 277ff.: Da 364—368; Df № 24; At III № 29; Lb № 103; Mp № 28; Cp № 11; Su II 121—134; Чеч 145—149;

ЯСКиД 122f.; Jü 51f.; Радлов IV 157—162; Schwarzbaum, *Studies*, 5—6, 90, 442.

Стабильная последовательность мотивов этого всемирно известного сюжета исключает полностью возможность его многократного возникновения и иной общности многочисленных вариантов, кроме генетической. Этот рассказ послужил индологу Т. Бенфею моделью доказательства перехода сюжетов, путем заимствования, из Индии через Монголию в Европу, преимущественно литературным путем (Th. Benfey, *Pantschanta*, 1859). Его ученик E. Cosquin («*Revue des traditions populaires*», XXVII, 1912), рассмотрев основательнее выявленные позже варианты, установил, что европейские варианты, будучи схожи с индийскими, отличаются в показательных деталях от версии, распространенной среди монголов. Таким образом миграция сюжета с Запада на Восток, т. е. в Индию, стала вероятной. Ввиду того что сюжет, широко распространенный по «1001 ночи», должен был находиться в составе персидского источника арабской книги («Хесар афсан»), засвидетельствованного Масуди не позже IX в. н. э., индийское (а по мнению Юнгмана, ирано-индийское) происхождение может считаться доказуемым.

На самом деле история сюжета старше. Основной ход рассказа засвидетельствован у Овидия в его знаменитых «Метаморфозах» (VIII, 871), т. е. в Италии до нашей эры, что хотя и ближе к месту возникновения, но все еще довольно далеко от времени зарождения рассказа. Дело в том, что весьма выразительный эпизод поединка с превращениями (ученика и учителя) некоторыми учеными связывается с древнеегипетским рассказом о превращении Бата, одного из братьев-богов, который вроде библейского Иосифа был оклеветан хозяйкой дома («*Altägyptische Märchen*», ed. E. Brunner-Traut, Düsseldorf, 1963 (= MdW), № 5). Если это наблюдение верно, тогда исследуемому сюжету не менее 4000 лет! Еврейская традиция сюжета по агаде позволяет локализовать родину сюжета в Северной Африке, в Египте, хотя еврейские предания, в которых содержатся почти все элементы публикуемого здесь рассказа, датируются периодом после персидского завоевания Месопотамии и Палестины. Во всяком случае, та редакция сюжета, к которой восходят все версии известных ныне вариантов, сложилась на Ближнем Востоке до нашей эры.

Своеобразие публикуемого текста: превращение в яблоко и нож. Весьма архаичны превращения: зерно — курица, затем продажа «лошади» и «буйвола». Локальная версия определяется превращением: игла — нить и прыжком иглы в огонь.

№ 40. Тип: AaTh 563.

Источник: Абх 1959, 146—150 (произвольная обработка!); ср. здесь № 45. Сюжет редок на Кавказе: ближайшие ранние варианты — Сулхан Саба № 100; Долидзе № 26; кабардинский — СМ XXVII, 4 (1900), 8—13; адыгейский АС 265—268.

Своеобразие публикуемого текста — получивший дары не знает сначала об их свойствах. Бездонное ведро — очевидно, недоразумение: в восточной традиции встречаются неисчерпаемые сосуды, которые только в переносном смысле не имеют дна, т. е. всегда полны.

№ 41. Тип: AaTh 518; (AaTh 926 D).

Источники: Абх 1935, 93 = Абх 1959, 151—152.— Микава 102—103 восходит к Абх 1935, 93 — как обычно, «цари» подчас замещаются абхазскими издателями словом «князь». Как эпизод введен в текст Абх Н 265—266.

№ 42. Тип: (AaTh 530—Ibcd + II bef + III abc) + AaTh 314—Vd +, + VI(c) dc.

Источники: Абх 1959, 136—145 (значительно обработано!);

Публикуемый текст содержит много произвольных разъяснений, отвечающих запросам фольклористов. Отсюда возникли в тексте противоречия, которые еще более усугубились в тексте Абх 1959. Появились длинные диалоги героя с конями и с царем, «свержение» царя, который в нормальной версии и обычных пересказах сам уступает царство зятю и т. п.

AaTh. 530 встречается на Кавказе как эпизод в сюжете AaTh 550 или AaTh 552 А. Как самостоятельный рассказ AaTh 530 — в редком армянском варианте: Digt № 30; AaTh 314 отмечен на Кавказе 15 раз.

№ 43. Тип: (AaTh 449) = (EbVo 204, 213 — IV, ср. 277).

Варианты: Абх 1935, 13—15 может считаться вариантом, тогда как Абх 1959, 202—204 зависит от публикуемого здесь или от текста Абх 1935. Число эпизодов в трех текстах не одинаково. Ближайшие кавказские — Миллер ОЭ № 2 (117—121); Ос 1959, 234—240; чеч — СС IV, 2 (1870), 21—26; кабардинский — СМ XXXIV, 4 (1904), 1—6; адыгейский — АС 188—193.

Знаменитый рассказ о «царской собаке» (AaAn * 449—А) бытует на Кавказе в разных версиях. Начало публикуемого текста — убитый (или изжаренный!) заяц указывает на еще большее чудо — встречается и как эпизод в сюжете AaTh 1137; см., например, Каб. Лопатинский I, 80—86 и Ос 1959, 275—281. В турецком репертуаре этот рассказ также имеет стабильное название как история Синан-Паши, тогда как в книге «1001 ночи» подтип сюжета (AaAn * 449 В) связан с именем Сиди Нуман; оба названия созвучны с «Хасаном» (Chauvin VI, 198, № 371).

Преобразование героя именно в собаку, а затем — женщин в ослиц (кобылиц), в чем кроется генетическая, специальная связь данного текста с восточной версией, см.: ВР 3, 8 (сербско-хорватские варианты); Миллер ОЭ I, 57—59.

Исследование: В. Андерсон, Роман Апулея и народная сказка, Казань, 1914, 376—487, 612—633.

№ 44. Тип: AaTh 898—II+IIIa+IV+V + ср. AaTh 425ff.

Источник: Абх 1959, 31—35 сильно обработан и оснащен в духе времени и книги пословицами и поговорками; по неизвестным соображениям сокращен мотив «золотой колесницы на цепи». Двусмысленные эротические намеки («золотой гвоздь» и т. д.) отсутствуют во всех публикациях (и в данном тексте).

Варианты — весьма редкие на Кавказе: Имеретинский СМ XIX, 2 (1894), 19—23; Долидзе № 8 (59—60) = Долидзе ВС № 13 (101—103). Другие: F. Karlinger, *Inselmärchen des Mittelmeeres*, Düsseldorf, 1960 (= MdW), 184, № 43; P. J. Miliopoulos, *Mazedonische Märchen*, Hamburg, 1951, 101; M. Pietrogrande, *Le fiabe popolari di magia nel Veneto*, 1955, 261.

Публикуемый текст находится под сильным влиянием сказки

об «Амуре и Психее» (AaTh 425 и родственные типы).
№ 45. Тип: AaTh 425—Id (ThMot S222) + AaTh 563.

Источник: см. здесь № 40; Абх 1959, 153—156 сильно обработан, вместо «сторожа теплых вод» там «хозяин».

Сочетание типов AaTh 425 и AaTh 563 встречается крайне редко. На Кавказе — СНД № 68 (лакский, 208—211), см. там библиографические указания; СМ XXVII, 4, 12 (конь + коза + дубинка). Своеобразие текста в комбинации гусь — аршин — цепь, которые присваивает себе сторож.

Древнейшее литературное свидетельство сюжета AaTh 563 — китайский перевод индийской книги «Трипитака» (середина I тысячелетия н. э.). Некоторые мотивы, например — *столик накройся* — упомянуты в античной комедии Крата Афинского (460 г. до н. э.).

Liungman (167—171) на основе расширенного материала уточняет вывод Аарне 1909 г. о европейском происхождении сюжета и, отчасти примыкая к мнению Поливки, видит родину сюжета в юго-восточной части Средиземноморья, а не в Индии, как предполагалось Бенфеем. В настоящее время сюжет широко бытует на всех континентах, отчасти под влиянием детских книжек. Тем не менее наблюдаются устойчивые версии, генетическую преемственность которых можно проследить, а главное — объяснить: например, замену осла, испражняющегося золотом, конем или птицей (в нашем тексте — гусь) или столика — скатертью-самобранкой и т. п. Едва ли подобное сходство может считаться не генетическим, а «стадиально-типологическим».

Публикуемый текст примыкает не к восточным вариантам, а, наоборот, к северным (гусь, аршин), хотя во вступлении содержит восточный эпизод (продажа дочери «Хозяину леса») — ср. ЕбВо 104—III, 1—3 текст М. Эпизод с дровосеком вообще характерен для турецкого репертуара и служит вступлением ко многим сказкам.

№ 46. Тип: 0 + (AaTh 300 A) + (301—IVa) + (AaTh 650 B) + (AaTh 1889 G) + AaTh 1137 + (AaTh 560—I).

Источник: ср. здесь № 23 (приключения в рыбе!).

Публикуемый текст — складно изложенный конгломерат широко известных эпизодов из разных типов. Степень устойчивости композиции неясна. Ближайший вариант: адыгейский АС 84—93. Более отдаленные — Миллер Тат № 7 (26—28) и Ос № 134.

Исследование AaTh 1137: L. Röhrich, Erzählungen des späten Mittelalters, II (München, 1967), 213ff, 447—460.

№ 47. Тип: (AaTh 1450) + AaTh 1384 + AaTh 1210 + AaTh 1294 A*.

Источник: Абх 1935, 94—96.

Варианты: Абх 1935, 179—182 (начало иное, в конце + AaTh 1351); Абх 1939, 88—91 (так же как Абх 1935, 179); Абх 1959, 307; далее ср.: балкарский Pröhle B 203—205, № 7 (+ AaTh 1294 A*); имеретинский СМ XIX, 2 (1894), 30—35; Ос 1960, 279—282, Ос 1973 № 92; Чеч ЧР 1963, 217—218; адыгейский АС 255—257.

№ 48. Тип: вводится новый подтип (AaTh 945 A), по которому ум важнее счастья.

Источник: ср. здесь № 62 — этот текст записан со слов того же человека, что и публикуемый, но, видимо, в разное время.

Отличия существенные! Третий текст, опять-таки с отклонениями, см. Абх 1959, 225.

Варианты (отличающиеся между собой, в особенности в окончаниях) — Чеч 161—162; Ос 1959, 337—340; Курд 126—129, № 46; СНД № 82 (тагский, 257—259), см. там же стр. 313, комментарий.

Широко известная версия этого сюжета повествует о том, что счастье важнее ума. Этот рассказ связан и с эпизодом о том, как царевна заговорила при виде жениха. Это сохранилось в публикуемом тексте лишь рудиментарно; вне нормальной версии эта деталь, как и ее дубликация — односложное «Ых» у героя, заставившее заговорить упорно молчавшую царевну, были бы непонятны.

№ 49. Тип: АаTh 910.

На Кавказе Мазингом зарегистрированы 12 вариантов сюжета. Общее для них — первый совет. Третий совет имеет только отдаленные параллели среди около ста зарегистрированных советов этого сюжета ThMot J21ff.

Публикуемый текст имеет много общих мотивов с турецкими вариантами (оплата батрака деньгами или советами; эпизод с лягушкой, хотя и не в связи с первым советом!): EbVo 308—III, 1k (1, v).

Варианты: (для АаTh 910 В) — Хаханов I, 266—268; Долидзе 71—76 № 11 и 311—315 № 63; ГНН 210—221; Tietze — Da 292—296; Df № 75a; Do № 19; Ma № 36; La 175—180; Ar 131—136; Чеч 150—152; Lb № 66.

Публикуемый текст отличается многословием, хотя и восходит к хорошему источнику, примыкая к ближневосточной версии сюжета, еврейского или, вероятнее, индийского происхождения. Следы его имеются уже в греческой античной литературе.

№ 50. Тип. АаTh 1653 В + (АаTh 592—Ic¹: ThMot D1415. 2. 5) + АаTh 1000 + АаTh 1551 (ThMot K451. 2) + (АаTh 1542 V: ThMot K 1321. 1+0) + (АаTh 725: ThMot H1152. 1+00).

Нетипическая комбинация широко известных эпизодов. Своеобразие текста — эпизоды: 0 — паршивец, переодетый невестой, толкает жениха, генеральского сына в колодец; 00 — по расположению рук определяется сословие спящих.

Сюжет АаTh 1000 распространен на Кавказе, тогда как тип АаTh 1653 редок (5 вариантов).

Варианты для мотивов: ThMot H1152. 1 — *изготовить жаркое из мяса, но чтоб животное осталось жить*, — Абх № 80; Ос 1959, 348—358; айсорский СМ XVIII, в (1894) 102—104; мотив — *воскурение мешка ладана сразу* — СМ X, 2 (1890), 177—187 (в составе типа АаTh 550 А). В публикуемом тексте высмеивается мусульманство, — вероятно, вариант восходит к христианскому (грузинскому) источнику.

№ 51. Тип: (АаTh 951 В).

Редкий вариант в необычном сочетании с АаTh 921—А. Русские варианты см. АаАн 951 В. На Кавказе представляется заимствованием из русского источника (пасха, казаки, царь и т. п.).

№ 52. Тип: (АаTh 1920 Н); (АаTh 1889 С) + (АаTh 1960 D) = EbVo 358.

Варианты (кавказские, с эпизодом записки в конце): До-

лидзе № 75 и № 82; ГНН 96—97, 98—100, 122—123; Чеч 143—144; Да 534; Df № 68.

Публикуемый текст содержит все мотивы турецкой версии, в которой, однако, вместо Корана фигурирует свинья, из зада которой выпадает записка с приговором, кому отдать чурек.

№ 53. Тип: EbBo 30 = AaTh 2022 B.

Сюжет весьма популярен в Средней Азии, в особенности в Таджикистане. Публикуемый текст плохо передает нормальную версию, привнесены некоторые нетипические звенья. Своеобразна завязка — покушение на царя. Этот вариант расширяет сведения об ареале этого типа.

№ 54. Тип: AaTh 1698 A = EbBo 320.

Варианты: Ос — Миллер ДС № 6 (109—110) = Ос 1960 378—379. № 59; Ос 1973 № 93; Ja 67—76; Kp № 17; Sc № 95; Lb № 35.

Хотя недоразумения с глухими происходят, вероятно, ежедневно и во всех странах мира, так что ничто не мешает сюжету зарождаться многократно, тем не менее в репертуаре фольклора наблюдается тенденция рассказывать именно об определенных персонажах и об их определенных приключениях. Детали свидетельствуют о поразительной генетической связи вариантов, образующих совершенно определенные версии, обладающие географической и хронологической преемственностью. В отличие от фольклористов носители фольклора своей привязанностью к традиции поддерживают моногенетические сюжеты, одним из которых является публикуемый здесь. Исследование Аарне не исключает ближневосточного происхождения этого не слишком популярного анекдота — A. A a r n e, Schwänke über schwerhörige Menschen, Helsinki, 1914 (= FFC 20).

№ 55. Тип: AaTh 1600 = (EbBo 323, 5+6); ThMot K661.

Варианты: Kp 279—282; Da 326—328; 330—332; Kp 19; Ba I № 63; We № 347, 383, 412—415; At I № 37; Munkacsi 2, 58—63.

Публикуемый текст существенно уточняет ареал этого сюжета.

№ 56. Тип: AaTh 1534 = AaAn 1660.

Варианты: СНД № 81; Азерб 328—331; Ос 1973 № 94 (с отклонениями); Анализ см. Левин СНД 312—313.

Исследование: Z. S o f e r, Das Urteil des Schemjaka, Diss., Göttingen, 1965.

№ 57. Тип: AaTh 1381 A = EbBo 372; Chauvin VIII, 69.

Варианты: армянский АФ 198—199; Курд № 8 (28—29); Tietze — Ug 19, № 12, 28f, № 56; Ck 242—246; Li III 520ff.

Публикуемый текст полностью соответствует восточной версии, засвидетельствованной в арабской литературе средневековья. При всем реализме ситуации современной модернизацией представляется лишь бюрократическая волокита с «правлением».

№ 58. Тип: AaTh 1525 H₂.

Подтип H₃ иногда встречается вместе с публикуемым здесь сюжетом:

Курд СМ XX, 2 (1894), 3—9 = Dirr № 76 (266—268); Каб. Лопатинский I, 130—136.

Варианты: мингрельский СМ XVIII, 2 (1894), 27—30; Миллер

ДС № 8 (118—119) — без окончания; более отдаленный аварский — Авар 1972, № 46; Ос 1973 № 96.

В этой версии сюжет встречается очень редко, да и то в Европе. Публикуемый текст представляет большой научный интерес.

№ 59. Тип: ThMot K305. 1 + AaTh 950—lcd—IIaba—IIIa + AaTh 1525—A IV.

Древнеегипетский рассказ о ловких ворах, обокравших сокровищницу Рампсинита, бьющийся по крайней мере 2000 лет в устном репертуаре народов Евразии, изложен здесь весьма сбивчиво, очевидно, по причине плохого знания сюжета (в особенности эпизода увода царя «на тот свет», тип AaTh 1525 A—IV). Этот эпизод встречается на Кавказе и как самостоятельный рассказ: СНД № 77 (даргинский 240—242). Контаминация этих двух типов характерна для турецкого репертуара EbBo 342, откуда исходит и публикуемый вариант. Тип AaTh 950 как самостоятельный рассказ (без контаминации!) встречается у осетин: Ос 1959, 373—379 и Ос 1973 № 98. Ср. здесь № 84.

Анализ сюжета см. Левин, Турецкие, № 77.

№ 60. Тип: ср. (AaTh 1689 A) + (AaTh 1360 B).

Источники: Первичная запись легла в основу Абх 1939, 42—45. Текст Абх 1959, 291—293 содержит отклонения неизвестного происхождения. Все эти тексты сведены к тому, что хитрый гость своим поведением добивается подарка и вместе с тем улучшает обычаи. Это восходит к плохо усвоенному типу AaTh 1689 A. В публикуемом тексте этот сюжет сохранился рудиментарно: крестьянин получает коня за петуха, а все остальные, привезшие князю больше дани, не получают от него никаких подарков. Повествовательный тип AaTh 1360 B изложен здесь полнее, отличаясь от нормальной версии главным образом тем, что здесь речь идет об обряде жертвоприношения (наперекор обычаю кормить всех!), тогда как обычно рассказывается об угощениях, припрятанных хозяйкой от глаз мужа для любовника. Вместо фривольностей, как нередко в этом сборнике, текст заостряется социально, по всей вероятности, под влиянием фольклористики.

№ 61. Тип: AaTh 650 B + (AaTh 1137).

Исконный ареал сюжета AaTh 650 B — это Кавказ, к которому примкнула юго-восточная часть Прибалтики (эсты, финны). В других регионах культуры, например в тюркском или китайском, этот, казалось бы, несложный сюжет, очевидно, не возникал и не был даже воспринят. Спорадически встречаются русские варианты, в особенности в эпической поэзии, в былинах о великанах-силачах; эстонское происхождение этих русских вариантов вероятно. Единичная запись сюжета в Джайпуре (Индия), кстати, в ряде деталей весьма близкая к публикуемому здесь тексту, видимо, заимствование позднего времени: см. R. Tauscher, *Volksmärchen aus dem Jeyporeland*. Berlin, 1959, 140—142, № 73.

Варианты (кавказские): Сулхан Саба 186—188, № 105; мингрельский СМ X, 2 (1890), 326—331 = СМ X, 3 (1890), 32—35; карач. Pröhle K № 6; Хаханов I, 108, ср. I, 272 сл.; Долидзе 409 № 96; Долидзе ВС № 50 (325—351 элементы сюжета спутаны); Чеч 271—273.

Этот сюжет в виде нартского сказания встречается еще в текстах: Абх 1959, 59—60 = Абх Н 201—206, ср. Микава 51—54; Абх Н 194—197 (без окончания!) и у осетин — Ос Н Либединский 78—81. В подобного рода эпическое сказание рассказ превращен и в произведении эстонского классика Крейцвальда «Калевипоэг». Разыскание сюжета по всем доступным тогда вариантам см.: A. Anni, F. R. Kreutzwaldi «Kalevipoeg» I, Tartu, 1934; II, Tartu, 1936, стр. 221—227.

№ 62. Тип: AaTh 945 A (введен нами в каталог — ум важнее).
Источник: см. здесь текст № 48 и к нему комментарий.

Сомнительно, восходит ли к публикуемому тексту Абх 1959, 225—228, хотя основная часть тождественна, но начало и окончание отличаются.

Данный текст существенно отличается от № 48, хотя оба текста, по данным составителя, записаны от одного лица, но разными собирателями, с промежутком времени в один год! Кто, когда и почему внес явные изменения в текст изложения хорошо известного сюжета, не ясно. В целом отличный пример для серьезного разговора о текстологии фольклора и принципах отбора материалов для публикаций.

№ 63. Тип: AaTh 1536 B.

В исконной, нормальной версии сюжета, зафиксированной в литературе XIII в. во Франции и с XV в. — в Италии, повествуется о многократном убийстве трупа блудливого монаха, умерщвленного ревнивым мужем изменницы. Этот повествовательный тип известен и восточной литературе. Это обстоятельство позволило историкам литературы считать родиной рассказа индо-иранский Восток. Между тем ревизия накопившихся литературных памятников с учетом многочисленных изустных вариантов, записанных во всем мире, склоняет нас к мнению тех ученых, которые видели родину сюжета на раннесредневековом Западе. Имеющееся специальное исследование (W. Suchier, *Der Schwank von der viermal getöteten Leiche in der Literatur des Abend- und Morgenlandes*, Halle/S., 1922), необходимое для решения вопроса о месте и времени зарождения сюжета, о путях его перехода от народа к народу и его трансформациях, не отвечает ныне ни возможностям, ни требованиям рассказоведения.

Включенные в настоящий сборник тексты, записанные со слов одного рассказчика, не отличаются логичностью и традиционностью. Рассказчику, вероятно, была известна нормальная версия сюжета, как она рассказывается в соседней Грузии (ГНН 173—174, ср. Долидзе 356—358, № 76). Некоторые детали (убийцей становится разорившийся богач из стяжательских побуждений, а не из ревности; после исчезновения двух попов все остальные в панике) должны расцениваться как субъективные. Творчество рассказчика проявилось в удалении самого комического острия: мнимое, многократное убийство одного трупа. В публикуемом тексте сначала два трупа, только убийством «третьего» попа рассказчик возвращается в лоно нормальной версии.

Варианты: Ye 102—109; Oe № 11; Lm 373—378; G. Dumézil, *Contes Lazes*, Paris, 1937, 107—111.

№ 64. Тип: AaTh 1654 = EbVo 353.

Варианты: Дюлидзе № 73 (347—349); ГНН 98—100 (другое начало); имеретинский СМ XIX, 2 (1894), 75—77; грузинский СМ XVIII, 3 (1894), 408—409; Миллер Тат № 5 (29—30); Авар 1972 № 29; ср. здесь № 84. Tietze — На № 44; Di № 28; Lm 365—372; Me № 19; Sc № 28; Be № 8; We № 429; (Lb № 116).

Публикуемый текст содержит в своей хорошо изложенной восточной версии относительно редкий (даже в Турции!) эпизод «пробы меча» на мнимом покойнике, встречающийся также в вариантах турецком и йеменско-еврейском: Halk Bilgisi Haberleri (Istanbul, 1930 sqv), 6, 157—158; D. No y, Jefet Schwili erzählt, Berlin, 1963, № 138. Монография сюжета готовится.

№ 65. Тип: AaTh 1415.

Этот всемирно известный анекдот о невыгодном обмене, получивший новую популярность благодаря обработке датским сказочником Г.-Х. Андерсеном («Что отец делает, всегда правильно!»), изложен здесь не без абхазской специфики: вместо купца — затейщика спора в нормальной версии в публикуемом тексте — щедрый князь (даже два князя) и довольно странный заголовок. Варианты ближайшей местности — ГНН 41—44; Курд № 5 — рассказывают о купце, а по ГНН 261—262 — торговец-шапочник.

Комментатор Абх 1935, 219 считает, что рассказ «подчеркивает щедрость князей и защищает незыблемость натурального хозяйства». В свете этого анализа Микава 81—83 убрал из текста эпизод спора.

№ 66. Тип: (AaTh 655 A).

Публикуемый текст, по крайней мере в переводе, плохо излагает сюжет. Совершенно не указаны признаки, согласно которым умные братья разгадывают, кто украл корову и что лежит в тарелке (апельсин!). Последний мотив указывает на тюркский источник данного варианта (ср. EbVo 348—III, 4ji).

Ср. вариант — Хаханов I, 110—112; Азерб 280—288; G. Jungbauer, Märchen aus Turkestan und Tibet. Jena, 1923, 19—25, № 1; ср. Каб. Лопатинский I, 97—100; Курд СМ XX, 2 (1894), 14—15 — для мотива отгадки ассоциациями и созвучиями.

Сюжет индо-иранского происхождения, раннего средневековья.

№ 67. Тип: (AaTh 875).

Источники: здесь № 68, 74.

Варианты: Микава 93—95; Чеч 133—137; Авар 1972 № 39; айсорский СМ XVIII, з (1894), 101—104.

№ 68. Тип: AaTh 875—Ib + AaTh 875 B (ThMot H1022. 1; H1021. 6. 1) + AaTh 875—III. IV.

Источники: хотя текст Абх 1935, 79—80 идентичен с Абх 1939, 46—47 и тождествен публикуемому здесь, тем не менее в первых публикациях отсутствует окончание типа AaTh 875—III. IV, видимому из каких-то принципиальных соображений абхазских фольклористов. Тексты Абх 1935, 88—89 и Микава 96—98 отличаются от публикуемого здесь по части задач типа AaTh 875 B, однако содержат эпизод AaTh 875—III. IV. Таким образом возникли, вероятно, из ольной первичной записи волею издателей четыре разных текста со следующей типологией: Абх 1959, 287—289 следует за Абх 1935, 79—80 (где отсутствует эпизод с буйволом) = AaTh 875—Ib с продолжением типа AaTh 875—III. IV

(= Абх 1935, 89!). Абх 1935, 88—89 содержит АаTh 875 В (перезагать горло камню = Микава 96—98) с продолжением типа АаTh 875. III. IV.

Варианты для эпизодов:

АаTh 875—Ib: (в составе длинного рассказа) — Чеч 155—157; Авар 1972, № 45; а в другой контаминации — Сулхан Саба № 43 (125); Долидзе № 6 (49).

АаTh 875—III: (в длинном рассказе) — Чеч 155—157; армянский СМ XIII, 2 (1892), 81—82; а самостоятельно Ос 1960 № 63.

АаTh 875—III. IV (в длинном рассказе) — СНД № 75 (лакский 236—239); ГНН 229—233; а самостоятельно ГНН 303—304.

АаTh 875—IV (самостоятельно) — абазинский ЯСКид II (1949), 76—79 (отличающиеся, «эпические» окончания), Ос Н Либединский 39—40; Каб Н 424—426.

Осмеивание (тип АаTh 875—III): горит лед — гасить ватой (здесь № 68); горит река — гасить листьями — Микава; Абх 1935, 88—89; Абх 1959, 287—289; аналогично СНД № 75; ГНН 303.

Специальные исследования сюжета: Jan de Vries, *Die Märchen von klugen Rätsellösern*, Helsinki, 1928 (= FFC 73); A. Wesselski, *Der Knabenkönig und das kluge Mädchen*, Prag 1929; Liungman, 228ff.

Состояние доступных абхазских текстов не позволяет определить место публикуемого варианта в мировой, весьма древней традиции сюжета.

№ 69. Тип: (АаTh 936 *) + АаTh 400—Ief (IIIh)V(b)c.

Изложение свидетельствует о знакомстве с рассказом о Хасане из Басры из «1001 ночи» (ed. Littmann V, 329); ср. СНД № 63 и Курд № 59. Сюжет АаTh 400 неожиданно редко встречается на Кавказе. Запрет оскорблять волшебницу-жену играет существенную роль в нартических сказаниях: Миллер ОЭ I, № 1 (14—15) и № 12 (148). Публикуемый текст является своеобразной композицией известных в фольклоре, но, видимо, плохо усвоенных рассказчиком элементов.

№ 70. Тип: ср. (АаTh 921 В), АаАн *894.

Публикуемый текст плохо излагает широко известный на Востоке сюжет об «экспериментальной проверке» истинности изречения царя Соломона (Екклезиаст 7, 28): «Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел». Своеобразие абхазского варианта (в отличие от еврейской нормальной версии) в том, что эксперименту подвергается не избранная чета, известная своей любовью и преданностью, а «весь народ» (что полностью переосмысляет рассказ, лишая его исконного смысла), а также в том, что подобная, недобрая «решительность» женщины восхваляется как добродетель.

Ср. СМ XXI, 2, 12 № 3, 40, 31; Ос 1960 № 28.

№ 71. Тип: АаTh 707.

Варианты: аварский Schiefner Aw XII (94—99) = СС II, 5 (1896), 39—45; мингрельский СМ X, 3 (1890), 24—32; Чеч 117—127; Курд № 50; дальнейший библиографический список см. Левин, Турецкие, 466—467, № 43. I. M. Oranskiy, *A Folk-Tale in the Indo-Aryan Parya Dialect*, — «East and West», vol. 20, № 1—2 (1970), стр. 169ff.

Насыщенный бытовыми деталями текст плохо излагает известный сюжет, обработанный А. С. Пушкиным в его знаменитой «Сказке о царе Салтане». Состояние текста и, несмотря на разного рода усилия советских фольклористов, отсутствие монографии сюжета не позволяют делать серьезных выводов об его источнике, отношении к нормальной или локальной версии, как, впрочем, и к пересказам произведения А. С. Пушкина.

- № 72. Тип: 0 + AaTh 327—I(e)Ilg + (AaTh 328—IIId) + EbVo 352 + + EbVo 352, 4 (274—V) + AaTh 1530 (EbVo 352,5) + EbVo 352, 7, 8 + AaTh 328—IIaIIab.

Для кавказского репертуара характерна контаминация AaTh 327 и 328. Ближайший вариант Долидзе № 14.

Своеобразием несколько необычно изложенного текста можно считать вступление (0): бедняк пристает к князю с просьбой дать ему заветный нож. Нетипичность эпизода очевидна.

- № 73. Тип: 0 + AaTh 590—II abc(d) (III) + (AaTh 516 B—II b—IIIc) + + (AaTh 590—IVa).

Вариант: ближайший — мингрельский CM XVIII, 3 (1894), 16—20 (здесь звери также предлагают вместо себя другого; героя «варят»).

Публикуемый текст сильно отличается от остальных пяти известных на Кавказе вариантов. Здесь мать героя (человек) прячет адау (в нормальной версии всегда наоборот! Человека прячет мать адау). Здесь героя спасает его сестра (а не невеста, как это обычно в данном сюжете). И в остальном рассказ изложен своеобразно.

- № 74. Тип: AaTh 875 D—II b(e)c, g.

Источники: см. здесь № 67, 68 и комментарии к ним!

Из публикуемого текста вытекает, что дурак является отцом умной девушки или ее близким родственником, что рассказчик, однако, опустил. Вариант содержит и другие отклонения от нормальной версии, которая хорошо сохранилась в основных эпизодах (зерно, покойник, гора). Сюжет AaTh 875D встречается на Кавказе часто, в различных сочетаниях.

Варианты: AaTh 875 De (ThMot H586. 4); Долидзе № 66; адг. AC 123—126; ThMot H586. 5 — *полная смерть?* — ГНН 106—108, адг. AC 123—126. AaTh 875 Dc — *поднять в гору* — Ос 1959, 386—388.

- № 75. Тип: AaTh 911 * + (AaTh 893); EbVo 308—V.

Публикуемый текст является лучшим изложением сюжета во всем кавказском и ближневосточном репертуаре.

Варианты (ближайшие, кавказские) мингрельский CM XVIII, 2 (1894), 38—40; Ос 1973 № 51; ГНН 244—246; Lb № 66. — P. N. Bogata v, Türkische Volksmärchen, Berlin, 1968, 9—14, № 1.

Для литературной истории сюжета на Западе см. комментарии к *Stara gola. Le piacevoli notti I, 1 = BP 4, 180.* — Специально по мотивам: ThMot J21. 22 — *не раскрывай секрета жене*; ThMot J21. 27 — *не надейся на приемыша*; ThMot J21. 52. 2. (1)? сюда отнести: *не занимай у недавно разбогатевшего*; для AaTh 893: Schwarzbaum, Studies 104.

Важным обстоятельством для определения происхождения варианта, а также для реконструкции архетипа этого знаменитого

сюжета является сочетание AaTh 911 * с не совсем ясным в другом контексте типом AaTh 893 (мнимое убийство, чтобы проверить друзей).

№ 76. Тип: (AaTh 516 B—II) + [(AaTh 300 + AaTh 314—VI b (ThMot H56)].

Новеллистическая конфабуляция, вероятно, лубочного происхождения, в конспективном переводе. Наличие определенной традиции подтверждается весьма ранними публикациями из разных мест: СНД № 38 (лакский вариант, записанный еще в 1862 г.; Каб. Лопатинский I, 51—70 = Digg № 26 (117—130) — запись до 1889 г. Таким образом, публикуемый здесь третий вариант этого произведения должен был или мог дойти до его рассказчика из устных источников в 1936 г. Данный текст отличается от предыдущих, опираясь, однако, на устную традицию. Это во всяком случае не пересказ истории похищения Елены и Троянской войны в кавказской версии, как полагал В. Ф. Миллер по поводу Каб. Лопатинский I, 70—77. Вступление необычное для типа AaTh 516 B, где соблазненная женщина не желает вернуться обратно, — ср. балкарский СМ XXIII, 3 (1897) № 3 (21—27). Окончание типа AaTh 1640, где жена отправляется вместо мужа на помощь братьям, встречается также в кабардинском варианте СМ XXI, 2 (1896), 190—196; ср. СНД № 35 (второй эпизод). Некоторые бытовые детали, имя собственное Ахмат и бытование сюжета в Северной Африке указывают на наличие лубочного издания. Естественное в изложении абхаза объяснение причин неверности жены длительным отсутствием мужа представляется в свете текста Digg № 26 рационализацией психологического свойства. В черкесском варианте и в комментариях Дирра указывается на обычай, согласно которому молодой муж редко встречается с женой в первый год после женитьбы, во всяком случае до рождения первенца (Digg, стр. 118, прим. 1); ср. Z. Rudy — Zs. für Volkskunde, 67 (1971) I, 62—83.

№ 77. Тип: (AaTh 936 *) + (AaTh 1135) + AaTh 1137; EbVo 146.

Варианты: первый рассказ как выдумка Абх 1959, 131—135; оба рассказа вместе — Миллер ОЭ I, 3 № 13 (150—152); карач. Pröhle K № 4 (278—281); Digg № 65 + 66.

Рассказ об ослепленном Полифеме (тур. Teregöz) в публикуемом тексте примыкает к версии «1001 ночи» (ed. Littmann 4, 132—137; 5, 302—304), а не к версии, известной по кавказскому «Сказанию о деде Коркуте» (XIV в.). См. W. Ruben, Die 25 Erzählungen des Dämons, Helsinki, 1944 (= FFC 133). Здесь имеются многочисленные указания на варианты, дополнительно к монографии O. N a s k m a n (Die Polyphemsage in der Volksüberlieferung, Helsingfors, 1904); см. Röhrich, 13ff; 447—460. Обзор этих и других материалов, в особенности русских исследований этого сюжета, а также общие соображения историко-литературного характера в этой связи дал В. М. Жирмунский в издании «Книги моего деда Коркута», М.—Л., 1962, 214 сл.

Публикуемый текст мотивом, где герой облачается в шкуру убитой овцы и таким образом спасается от ослепленного великана, примыкает к восточной версии сюжета, отличаясь этим от античной Гомеровской версии. И в остальном весь рассказ (обе его

части) чрезвычайно близок к восточной версии, зафиксированной в литературе.

№ 78. Тип: (AaTh 650 A) + (AaTh 301) + (AaTh 506—Ia) + (AaTh 300).

Источники: здесь № 46; ср. Абх Н 160—168.

Довольно складное изложение эпизодов и мотивов, нанизанных на сюжете AaTh 301, который У. Мазингом зарегистрирован на Кавказе в 15 вариантах. Эпизоды сюжета AaTh 301—II—VI чаще встречаются как продолжение AaTh 550—IV. Принятое в каталоге подразделение AaTh 301 A, B не оправдывается кавказскими вариантами. Мотив *черный и белый баран* (EbVo 72, 7—8) и мотив *убийство дракона* (EbVo 72, 10—11) встречаются обычно в этом контексте, не являясь, как предполагал Н. П. Андреев, местным своеобразием. Зато необычны в этом сюжете спутники героя и изображение их силы. Эти мотивы относятся, пожалуй, к типам AaTh 513 или 516. Слон в публикуемом тексте заменяет чудовище-дракона нормальной версии. Здесь он появился под влиянием литературы (хотя элемент индийского типа AaTh 513 также вошел в композицию публикуемого текста неизвестного происхождения).

№ 79. Тип: (AaTh 1920 H) + AaTh 1892 * + (AaTh 1886) + EbVo 363—IIIa + (AaTh 852—IIc) + 0.

Источники: ср. здесь № 52, 90. Видимо, из принципиальных, просветительских соображений популярные небылицы представлены в Абх 1959, 132 как «народные загадки»; имя младшего брата там все же Джир, как в публикуемом тексте, небылицы же отличаются.

Варианты: тип AaTh 1892 * — эпизод с волком в сыре — введен в каталог на основании сербско-хорватского материала, возможно, кавказского происхождения — ср. Ос 1960 (294—297) № 31 и Дolidзе 212 № 37.

Тип AaTh 1886 — эпизод с черепом, также хорошо известен на Балканах (Bospanske narodne pripovjedke, Sissek, 1870, 1, 39, № 10), и на Украине (ср. «Етнографіч. Збірник», 4, 159 № 38 и 30, 307 № 162). Этот мотив встречается также в гагаузском варианте — Радлов 10, 202 № 135 и в татарском — СМ XXXII, 2, 9 № 3. Кавказское происхождение эпизода вполне возможно.

Тип EbVo 363—IIIa — небылица с пчелой засиделась на уже в средневековой латинской литературе IX в., встречается опять-таки на Балканах (Вук Караджич (1897), 169 № 45), но, видимо, весьма редко в Турции. В несколько ином осмыслении ср. здесь № 52; Абх 1939, 86—88 и Абх 1959, 131—135 (на шее пчелы дерево, на нем поле и т. д.); Ос 1960 294—297 № 31; Дolidзе 212—213 № 37, 354—355, № 75; ГНН 96—97; 98—100, 122—123. Третья небылица отсутствует в тексте Абх 1959, 131—135 (вероятно, произвольно). Этот эпизод изложен лучше здесь, № 90. Эпизод с упрямством ослов вошел, как и многое другое, в Каб Н 432.

Небылицы — излюбленный вид фольклора трудового народа многих стран, особенно восточных. Хотя по ходу сюжета напрашивается максимальная оригинальность, да и рассказчик как будто бы ничем не ограничен в своей фантазии, тем не менее

сюжеты здесь весьма традиционны и при всей популярности ничего не теряют от бесконечных повторений. Варианты одного эпизода, как это видно из анализа географии и хронологии, всегда находятся в генетической связи, т. е. были кем-то, где-то и когда-то однократно сочинены.

№ 80. Тип: AaTh 930 I—IVa.

Источники: В тексте Абх 1959, 245—250 имена персонажей другие; ср. также Долидзе № 38 («Еловик»). Пастух ищет одну козу, здесь — десяток, в дальнейшем он именуется уже крестьянином. Там записку читает «какой-то незнакомец» — здесь «какой-то турок» и, наконец, очень красивый, но нелепый в контексте мотив: *ветка сама нагибается к козе, которой не суждено умереть*. Эти сравнения проливают свет на текстологическое качество публикаций.

Варианты: (татарский СМ XIII, 2, 297—301); удинский — «Revue des trad. populaires», 19, 255; осетинский СМ II, 2, 6; иретиноский СМ XIX, 2 65 № 8; мингрельский СМ XXIV, 2, 18 № 6; армянский СМ XXIV, 2, 104 № 5 и СМ XIV, 2, 178; абхазский — «Globus», 1894, 65, 45а. Дальнейшие варианты в исследованиях: М. Драгоманов, Розвидки про українську народню словесність и письменство, 3, 193—294; Н. Сумцов — «Этн. обозрение», 1894, XX, 9—29; XXI, 176; И. Ю. Крачковский, Арабская версия легенды о Талассионе, — «Записки имп. Русского Геогр. общества по этнографии», XXXIV (1909), 1—12; А. Аarne, Der reiche Mann und sein Schwiegersohn, Hamina, 1916 (= FFC 23); Liungman, 107—112; J. Schick, Das Glückskind mit dem Todesbrief (Corpus Homileticum), Berlin, 1912.

Своеобразие абхазских вариантов и публикуемого текста заключается в том, что судьбу определяют женщины-посиделки случайным словом.

В литературе и устной словесности этот рассказ (о Марке богатом) нередко соотнесен с историческими лицами, что привлекло к нему внимание многих исследователей. На Ближнем Востоке сюжет связан с именем персидского царя Кира (что, возможно, еще звучит и в абхазском имени Каршв). Как и в Библии (имя Моисей), герои, спасенные найденныши, продолжают носить имя, толкуемое как указание на их происхождение (извлеченный из воды, найденныш и т. п.). Этот знаменитый повествовательный тип, как видно из его ареала, а также из хронологии свидетельств, возник в Малой Азии или в Месопотамии. Некоторые ученые видят в античном мифе о Беллерфоне — весьма плохо засвидетельствованном — следы этого сюжета, полагая, что он воспринят греками от хеттов. Таким образом сюжет должен был бытовать уже до 700 г. до н. э. Необходимо иметь также в виду, что гораздо лучше выраженные элементы сюжета содержатся в Библии (по эпизоду с письмом Урии назван и сюжет) и в довольно ранней сврейской традиции. Имеются несколько более поздние коптско-эфиопские рукописи, содержащие версию сюжета о Талассионе (очевидно, от греч. *талатта* — «найденный на море») и Маркиане богатом (отсюда русское название сказки о Марке богатом). Хотя выявленные рукописи, как полагает, например, Юнгман, и восходят к греко-византийскому источнику, это не зна-

чит, что античные источники не восприняли ранее этот рассказ из Двуречья. В пользу такого вывода имеется ряд существенных аргументов. Более поздняя история распространения сюжета, в частности литературная, достаточно ясна. Место версии публикуемого текста определяется тем, что ребенка не бросают в воду, а оставляют подвешенным на дереве в лесу, а также отсутствием посылки героя за ответами на странные вопросы.

- № 81. Тип: AaTh 1000 (AaAn 1920 * D) + (LaTh 1003) + (AaTh 1007) + AaTh 1012 + AaTh 1029 + AaTh 1132; EbVo 357.

Источники: Абх 1959, 254—258 отличается объемом эпизодов. В частности, отличается эпизод типа AaTh 1029: «кукушка» в публикуемом тексте падает мертвой, но по тексту Абх 1959 она, зацепившись за ветку, остается жить; но зато хозяйня постигает кара в окончании типа AaTh 1132: в Абх 1959 из кожи его спины режут ремни, тогда как в публикуемом рассказе батрак, породившись, получает половину состояния (как в EbVo 357—III, 6 (gj)).

Варианты: тип AaTh 1000 в разных контаминациях зарегистрирован У. Мазингом на Кавказе в 13 вариантах. Странная попытка превратить этот рассказ в нартское сказание: Каб Н 429—434, где повестушка вроде Ос 1959, 54—58 кем-то исполнена разными эпизодами и завершается, как текст № 36 здесь.

С окончанием типа AaTh 1132: ГНН 125; Ос 1959, 357—358; СНД № 79 (лакский 247—251).

Публикуемый текст примыкает к версии EbVo 357: Tietze — Ск 34—37; Да 370; Да 574—578; Kh 57—62; Df № 69; Ма № 25; Ое № 1; Jz 79—83.

На основе ныне имеющихся данных Кавказ занимает в Европе южную окраину ареала этих собирательных повествовательных типов. Эти сюжеты чрезвычайно популярны в Средней и Северо-Восточной Европе, в частности в Прибалтике, между тем злой проказник (кёсе, куса) в народных зрелищах (вероятно, этих сюжетов) играл видную роль в Средней Азии раннего средневековья.

- № 82. Тип: (EbVo 365) = (AaTh 1640—III + V).
Источники: Абх 1935, 183—186; Абх 1939, 28—31 (сокращенно!); см. также Абх 1959, 273—275 (окончание). Тексты весьма близки, однако по Абх 1935 спорная земля достается Сажваргяле, а по тексту Абх 1939 и публикуемому здесь — ее получает князь.
Варианты: Долидзе № 79 (364—368); Le № 47; At III № 25; Lb № 82; Cp № 8.

- № 83. Тип: AaTh 510—Ia(III) (IVa) + V.
Источники: ср. Абх 1939, 76—78. Текст Абх 1959, 282—284 сильно стилизован и изменен: убран эпизод калечения ног; птицы отделяют пшено от проса как благодарность за кормление и т. п.
Публикуемый текст свидетельствует о плохом состоянии традиций сюжета. Она, видимо, восходит к поздним, книжным источникам.

Варианты: осетинские Dirg № 29 (141—142); Ос 1973 № 38, 63, 64; лакский СНД № 46; адыгейский АС № 227—237; армянский АФ 146—151.

- № 84. Тип: AaTh 1525 Н₁ (ThMot K305. 1) + AaTh 1525 N—II. IV + AaTh 1654.

Источники: ср. здесь № 64 и 59; восходит ли текст Абх 1959,

298 к первичной записи публикуемого рассказа, не вполне ясно. Эпизод AaTh 1654 сильно отличается от изложения в Абх 1935, 66—71 № 105 в тексте Абх 1959. Причины отклонений текстов, ссылающихся на одни и те же первичные записи, а также происхождение этих различий неясны, но заслуживают внимания текстологов.

Вариант типа AaTh 1525 N, введенного в международный каталог исключительно на основе индийских материалов, встречается все же и на Кавказе — Долидзе № 71 (342—344); окончание типа AaTh 1654, однако без AaTh 1525 N₁.

№ 85. Тип: AaTh 1351.

Источники: ср. здесь № 47; Абх 1959, 313—314; как самостоятельный рассказ также Микава 79—80; общность окончания — Абх 1935, 179—182 и Абх 1939, 88—91 (см. здесь № 47).

Вариант: армянский СМ XXXIV, 3 (1904), 113.

Изложенный здесь как самостоятельный рассказ «кто заговорит первый» засвидетельствован в древнеиндийской (и соответственно китайской) литературе уже в конце V в. н. э. С тех пор эта повестушка занимает прочное место в устном и письменном репертуаре народов Евразии (новейшая русская литературная обработка в стихах у С. Я. Маршака). Одна из древнейших на европейской почве у итальянца Базиле, затем у Страпаролы в первой новелле Восьмой ночи. На Ближнем Востоке сюжет приурочен Ходже Насреддину (We № 237). Обычно речь идет о споре ленивых людей, т. е. в рамках более широкой темы. В настоящее время в устном репертуаре рассказ обособился.

Публикуемый текст мотивом *телята* восходит к турецкой нормальной версии. Абхазским своеобразием можно считать только мотив *увечье, нанесенное упрямому хозяину*. Обычно ленивый упрямец позволяет ворам себя ограбить; здесь также пересмыслено название «Глупость — несчастье», тогда как исконно «Лень — несчастье».

№ 86. Тип: EbVo 290 = AaTh 945—IIb.

Варианты: Dirr, (152f.) № 31; Kt 45; Da 464—466; Tietze — Df № 48; Na 28; Ba II № 65; At III № 100; Lb № 65; Dr 94; 152; Lh 11—15; Tu 109—119.

Для Кавказа У. Мазингом зарегистрированы 12 вариантов, однако они не изложены как самостоятельные рассказы, что и в Турции встречается редко.

Публикуемый текст восходит к турецкой нормальной версии, где вместо трех лиц (плотника, портного и духовного лица) могут встречаться и четыре (+ золотых дел мастер).

На Ближнем Востоке сюжет обособился и рассказывается как веселый анекдот или как «сказка», между тем исконно это притча для пояснения высоких теософских истин. В этом понимании сюжет бытовал у исмаилитов Средней Азии, преимущественно в рукописях мистиков. (Эти сведения любезно сообщил автору А. Е. Бертельс.)

№ 87. Тип: ср. (AaTh 1164 B).

Своеобразная вариация на мотив ThMot T251. 1. 2; ThMot 251. 11.

№ 88. Тип: (AaTh 425 + AaTh 432 *) = EbVo 93, 4—9; EbVo 106, 9—13.

Варианты: Долидзе № 41 (223—228); Долидзе ВС № 10 (86—90); имеретинский Digr № 7 (27—35); армянские — «Сборник материалов по этнографии», I, М., 1885, 171—172; СМ XIII, 2 (1892), 93—99.

Публикуемый текст излагает романтически и псевдомифологически как этиологическое предание о разлуке солнца с месяцем известный сюжет об Амуре и Психее, сочетая преимущественно греческие мотивы (ср. по исследованию G. A. Me g a s, Das Märchen von Amor und Psyche in der griechischen Volksüberlieferung, Athen, 1971: * 5a; V—6bb). Солнце и луна упоминаются в этом контексте, но в несколько иной, впрочем весьма близкой, функции. Задача «в короткий срок выполнить сложную работу» — характерна для многих версий сюжета. Мотив одежды в этой связи (стирать, гладить, но, реже, шить!) также встречается во вступительной части I, 4, 5. Состояние текста не позволяет проводить анализ отношений к версии и возможных источников этого рассказа.

Ср. Абх 1959, 36—38.

№ 89. Тип: ср. (AaTh 1960); ВР 2, 515.

Источники: ср. Абх 1935, 16—17 и Абх 1959, 347—348.

Варианты: на Кавказе эта повестушка в разных версиях встречается как продолжение рассказа типа AaTh 812—III d. Пс; осетинские — СМ VII, 2 (1869), № 7 (113—116); Ос 1959, 380—382; Ос 1960, № 39 (342—345); Ос 1973 № 75.

Как самостоятельный рассказ: грузинский СМ X, 3 (1890), 75—77, а также в Эстонии.

Ближайшее литературное свидетельство — в талмуде Баба батра 8 = Helvicus, Jüdische Historien, 1617 1, 27 № 3 (одно животное пожирается другим, еще более огромным).

№ 90. Тип: AaTh 852—IIc (ThMot X1726. 2 + X1858); (EbVo 363—V).

Источники: см. здесь № 79 и комментарий; Микава 104—105 (без эпизода с зайцем); с дополнительными элементами ср. Абх 1939, 83—85 = Абх 1959, 341—342. Мотив *отец в люльке* и другие небывлицы в первом лице известны как присказки, вступления-прологи к сказкам на Востоке (тур. *текерлеме*, тадж. *герма*).

№ 91. Поскольку составитель предлагает этот рассказ как местное героическое предание, особое значение для текстолога приобретают топонимы, а также их вариативность. Сюжет этот или текст публиковался многократно, при этом появлялись отличия в топониме. В публикуемом тексте всадники отправляются в «страну сванов». По Абх 1935: «Северный Кавказ»; по Абх 1939: Карачай; по тексту Абх 1959, 270—272: Кабарда.

Возникает вопрос, куда же отправились всадники, согласно первичной записи? Кем и чего ради первичный топоним был изменен?

№ 92. Источник: Абх 1959, 264—265.

Типическим является здесь норма рыцарского поведения: неприлично нападать на безоружного и спящего.

№ 93. Тип: (AaTh 825); ThMot A1010; A1021; A2145. 2; A1021. 2; A2234. 1. 1; A1022.

Варианты эпизодов: ослицу, собаку, кошку превращают в де-вушек, чтобы выдать их за дочерей — EbVo 176—III, 1(d); собака

и кошка — ср. Курд 105—107, № 43; собака и ослица — ГНН 238—239 (в связи с АаTh 660) — весьма редкий эпизод!

Зять Ноя в ковчеге + вылет орла, ворона и голубя — Абх Н 281—282, 284!

В целом на Кавказе: А. С. Хаханов, — «Чтения в имп. Обществе Ист. и Древностей», 172—173 (1895), 168; курдский М. Драгоманов, «Сборник за народ. умотворения», X (1894), 62; армянские — Я. Исавердянец (Апокрифы Ветхого Завета, Венеция, 1907, 43).

Публикуемый текст весьма полно передает нормальную версию (все три раздела) сюжета, согласно исследованию F. L. Utley, *The Devil in the Ark* (АаTh 825), — «Internationaler Kongreß der Volkserzählforscher in Kiel und Kopenhagen», Berlin (Suppl. «Fabula», 1961), стр. 447 ff.

Предание о всемирном потопе дошло до нас еще в аккадской клинописи (спасшийся Ут напиштим). Библия (Бытие 6—8) повествует о Ное. Это воспринято и в Коране (XI, 25—48; XXIII, 23—30). Этот сюжет был довольно рано развит и в устной, позже письменной апокрифической традиции евреев, соответственно и других народов Ближнего Востока, Малой Азии, откуда эти предания перешли к славянским народам и в Прибалтику.

Место и роль Кавказа в географии и истории сюжета вследствие весьма ограниченного материала еще не выяснены. В предварительный анализ, составленный на основе почти 300 вариантов, преимущественно средневропейских, американским фольклористом Атли, придется внести коррективы.

Отношение абхазского текста к современной нормальной версии (генетическая связь здесь очевидна!) определяется перечисленными выше мотивами, в частности эпизодом затычки дырки в корабле, прогрызенной мышью, хвостом змеи (Utley 10), эпизодом жука (Utley II b).

Именно в свете синопсиса эпизодов становятся понятны некоторые глухие мотивы абхазского текста (напр., гора, где старые молодеют, непонятная история с «соседкой», уцелевшей от потопа, и намек об «осквернении» дочери Ныха). Рассказчик, видимо, плохо знал сюжет, если он мог завершить его тем, что Ных пошел «к себе домой» и что, хотя все погибли под водой, «жена и сын пророка были дома — с ними ничего не случилось». Это никак не увязывается ни с логикой рассказа, ни с традицией, но в этом кроется индивидуальность текста.

Специальные исследования: А. Веселовский — «Этнографическое обозрение» II (М., 1890), 32—48; Катанов, рец. на Андерсона — «Ученые Записки имп. Казанского университета», 75, кн. 12 (Казань, 1908); W. Anderson, *Nordasiatische Flutsagen*, Dorpat, 1923 (= Acta B—IV); А. Т. Ганалаянц, *Армянские предания* (автореф.), Ереван, 1970, 60.

№ 94. Тип: ср. (АаTh 650 А + АаTh 326).

Элементы традиционного сюжета изложены в виде местного предания с претензиями на достоверность.

Редкий случай в сборнике: набеги совершают именно караеавцы.

№ 95. Тип: (АаTh 505); ср. (АаTh 470—I).

Кавказская сокращенная версия знаменитого сюжета.

Варианты (более подробные): балкарский СМ XXIII, 3 (1897) № 1 (3—13); чеченский СМ XXIX, 4 — Dirr № 22 (106—109); U. Benzell, *Kaukasische Märchen*, Regensburg, 1963, 82ff, № 16; ср. Ос 1973, № 59, 121 и комментарий = АаTh 470—I.

Исследование: L. Röhrich, *Erzählungen des späten Mittelalters*, II (München, 1967), 156ff; 438—446.

№ 96. Тип: (АаTh 530—II) + (АаTh 314—VI).

Источники и варианты: ср. здесь № 25 и 42.

Публикуемый текст представляет собой своеобразное, «антиска- зочное» упрощение известного сюжета, которое довольно ярко выражает народное отношение к дворянству.

№ 97. Тип: АаTh 653 (II), III b (!).

Варианты: абхазский СМ XIV, 2 (1892), 1—8; Долидзе № 40; К. Мачавариани = СНСК 37? балкарский Pröhle B, № 6 (193—203); адыгейский — Каб. Лопатинский I, 112—115; татарский Dirr № 27 (131—136).

Мотив — *змея вокруг девушки* — ThMot B11. 2. 8. 1 встречается в Каб. Лопатинский I, 114, но отсутствует в хорошо изложенном балкарском варианте.

Публикуемый текст, вероятно, восходит к кабардино-адыгей- скому источнику.

Своеобразие текста — его любопытное окончание.

СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

АаАп 20 А: 14.—56* С: 12.—222 *В: 11.—*796—1: 15.—*894: 70.—981—1: 7.—1660: 56.—1920 *D: 81.—АаTh 6: 6.—20 А: 12.—21: 12.—(30): 14.—(126): 1.—(130 В): 13.—154—IV: 6.—210: 13.—223—I—III: 6.—(300): 18, 29, 76, 78.—(300 А): 26, 46.—(301): 46, 78.—(302—II—III): 16.—(303): 16, 17, 29, 30.—(313): 16, 28, 38.—313 С: 38.—(314): 25, 38, 42, 76, 96.—325: 39.—(326): 94.—(327): 72.—(328): 72.—(329): 8.—(400): 69.—402 А: 33.—(403): 9.—(404 *) :—2.—(406): 16, 17.—(408): 38.—(412): 9.—(425): 44, 45, 88.—(432 *) : 88.—(449): 23, 43.—(465): 30, 33.—465 А: 27.—467 В !!: 20.—(505): 95.—(506): 78.—507 А): 34.—(507 С): 34.—(510): 83.—513 А: 19.—514: 37.—(516): 19, 26.—(516 В): 16, 17, 73, 76.—518: 41.—(530): 25, 42, 96.—(531): 19.—533: 9.—(537): 24, 28.—(545): 3.—(545 В): 3.—(546): 9.—550: 10.—550 А: 15.—(552 А): 24, 27.—(554): 8.—(560): 28, 46.—563: 40, 45.—(567): 29.—(567 А): 29.—(590): 73.—(592): 50.—(612): 23.—(650 А): 78, 94.—(650 В): 46, 61.—(653): 97.—653 А: 21.—(655 А): 66.—681: 35.—707: 71.—(709): 22.—(725): 50.—(750 D): 15.—763: 31.—785: 31.—825: 93.—(852): 79, 90.—(875): 67, 68.—875 В: 68.—(875 D): 74.—883 А: 22.—(893): 75.—(898): 44.—910: 49.—9 II *: 75.—(921 В): 70.—(926 D): 41.—(930): 80.—(936 *) : 69, 77.—938: 32.—(945): 86.—945 А: 48, 62.—(950): 59.—(951 В): 51.—1000: 50, 81.—(1003): 81.—(1007): 81.—1012: 81.—1029: 81.—(1049): 36.—(1053 А): 36.—1060: 36.—(1064): 36.—1088: 36.—1115: 36.—1116: 36.—1132: 81.—(1135): 77.—1137: 46, 61, 77.—(1149): 36.—(1154): 1.—(1164 В): 87.—1210: 47.—1294 А *: 47.—1351: 85.—(1360 В): 60.—1381 А: 57.—1384: 47.—1415: 65.—(1450): 47.—(1525 А): 59.—1525 H₁:

84.—1525 H₂: 58.—(1525 N): 84.—1530: 72.—1534: 56.—1536 B: 63.—(1542): 50.—1551: 50.—1600: 55.—(1640): 36, 82.—1653 B: 50.—1654: 64, 84.—(1689 A): 60.—1698 A: 54.—(1886): 79.—(1889 C): 52.—1889 G: 23, 46.—1892 *: 79.—(1920 H): 52, 79.—(1960): 89.—(1960 D): 52.—1962 A: 4.—2022 B: 53.—(2027): 2.—(2030): 5.—

BP 2 278 ff.: 9.—2, 515: 89.—

EbBo 30: 53.—34: 3.—(36—IVf): 3.—62: 34.—93, 4—9: 88.—106, 9—13: 88.—110: 15.—134: 35.—136: 32.—137: 22.—146: 77.—169: 39.—180: 35.—204: 43.—213—IV: 43.—215—III: 17.—219—IV: 35.—220: 30.—240: 9.—245: 22.—274—V; 72.—277: 43.—290: 86.—308—V: 75.—320: 54.—(323): 55.—352: 72.—353: 64.—357: 81.—358: 52.—363—IIIa: 79.—(363—V): 90.—(365): 82.—372: 57.—

Medne 56* C: 12.—

ThMot A1010: 93.—A1021: 93.—A1021.2: 93.—A1022: 93.—A2145.2: 93.—A2234.1.1: 93.—D1314.1.3: 33.—D 1415.2.5: 50.—F377: 35.—H56: 76.—H1021.6.1: 68.—H1022.1: 68.—H1152.1: 50.—K305.1: 59, 89.—K451.2: 50.—K661: 55.—K1321.1: 50.—S222: 45.—T252.2.2.1: 7.—X1726.2: 90.—X1858: 90.—

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
1. Козленок, ягненок и теленок	13
2. Куамачама	15
3. Химкураса и лиса	16
4. Длинный бык	20
5. Блоха и вошь	22
6. Лисица	25
7. Ажвейпшаа и сова	27
8. Рыбка	28
9. Голубь	31
10. Птичка и яблоня	42
11. Пеструшка и мышь	53
12. Лиса и дрозд	55
13. Петух, свинья, коза и осел	56
14. Свинья	59
15. Три брата	60
16. Сказка о трех сыновьях князя	65
17. Салусан, Псыдз-Салусан, Кулук-Салусан и Кайта- мур	73
18. Мужество Камсы	76
19. Джаным, Джаткяр и их сестра Куара	79
20. Золотой кубок	87
21. Невеста трех братьев	93
22. Подлость монаха	97
23. Три героя	106
24. Кякуа-Залашв	112
25. Три волоса	120
26. Храбрость Смуглого Хаджаджа	132
27. Сказка об Алыкса — слуге князя	139
28. Сыновья вдовы	143
29. Как Мазлоу и Жакур стали сыновьями Каурбея	148
30. Пыча и Куча	153
31. Пророк Муса	161
32. Сказка о человеке, чья молодость была плохой, а старость — хорошей	163

33. Как три брата женились	169
34. Сказка о купеческом сыне	174
35. Кузнец Согум — красивая девушка	176
36. Сказка о Тачкуме	179
37. Царь и его везир	184
38. Санга Сааджа и Сафа Сааджа	189
39. Хайт	204
40. Старик и птичка	208
41. Два брата	212
42. Хянчукт, сын Лагу	213
43. Хасан	229
44. Кудашп-пха	233
45. Старик и старуха	239
46. Шасоу Ааста и князь Навей	243
47. Глупость и ум	250
48. Спор судьбы с умом	252
49. Сказка о крестьянине Мате	254
50. Как паршивый сделался царем	262
51. Царь	268
52. Мельник Къяса	272
53. Бабанья и Бабасыкя	274
54. Трое глухих	276
55. Сборщик податей и глупец	277
56. Глупому сопутствуют несчастья	279
57. «Избави нас, боже, от черта-мужчины!»	282
58. Как познакомились Софыдж и Батыршах	284
59. Абхазский и турецкий воры	288
60. Поступок крестьянина	292
61. Крестьянин и князь	295
62. Как Ум и Судьба поспорили	299
63. Самыртал	303
64. Злостный неплательщик и назойливый займодавец	304
65. Хороший товарищ лучше любого богатства	308
66. Три брата	311
67. Князь и дочь бедняка	312
68. Судья	314
69. Пастух	316
70. Женская решительность	321
71. Как украли детей Багдажва	322
72. Самкяныкя	326
73. Чиз-Икуатла — сын старика	333
74. Как умный человек женил своего сына	342
75. Завещание отца Багуазы	343
76. Как похитили жену Кул Ахмата	345
77. Как князь выпрашивал рассказы	349
78. Молодой адауы	353
79. Три брата и князь	361
80. Сказка о князе Нахарбее	365
81. Спинодрал	373
82. Герой Сажваряла	379
83. Мачеха и падчерица	382
84. Ашхамыдж и Агамыдж	383

85. Глупость — несчастье	388
86. Кому из нас она принадлежит?	389
87. Враг не убил его	392
88. Сказка о том, как разлучилось солнце с месяцем	393
89. Абхаз и черт	395
90. Ложь	396
91. Ажгерей-ипа Кучук	397
92. Смелость зависит от случая (Быль)	399
93. Пророк Ных	400
94. Рамхут	407
95. Курган	410
96. Как пастух женился на Химкурасе — дочери князя	412
97. Сказка о трех братьях и агулшапе	414
Словарь непереводимых слов	417
Примечания	418
Источники	419
Н. П. Андреев и сказки Абхазии	425
Типологический анализ сюжетов	431

АБХАЗСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

*Утверждено к печати
Редакцией серии
«Сказки и мифы народов Востока»*

Редактор И. Л. Е л е в и ч
Младший редактор И. И. И с а е в а
Художник Л. С. Э р м а н
Художественный редактор
И. Р. Б е с к и н

Технический редактор
Л. Ш. Б е р е с л а в с к а я
Корректоры

А. И. К и с е л е в а и Л. М. К о л ь ц и н а

Сдано в набор 19/III 1974 г. Подписано
к печати 19/XII 1974 г. Формат 60×84^{1/16}.
Бум. № 1. Печ. л. 29,5. Усл. п. л. 27,44.
Уч.-изд. л. 28,77. Тираж 90 000 экз.
Изд. № 1526. Зак. № 3375. Цена 1 р. 94 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16

10.94x.